

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция
Институт Наследия им. Д.С. Лихачева

ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПРИРОДНОГО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Москва – 2009

ББК У04
УДК 338:91

**Сборник издан при поддержке
РФФИ — грант 09-06-06077**

**Утвержден к печати
Ученым Советом Института географии РАН
10 декабря 2009 г.**

В сборник вошли материалы XXVI ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества, проведенной в г. Вологда, в июне 2009 г. Сборник посвящен гуманитарному ресурсу, как одному из важнейших ресурсов, влияющему на социально-экономическое развитие регионов. Эти ресурсы, часто уникальные по своей историко-культурной или природной значимости, имеют большое значение в национальной и региональной самоиндефикации населения, в формировании исторической памяти разных поколений людей.

Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М.: Эслан, 2009 г. — 512 стр.

Редакторы: *д.г.н. С.С. Артоболевский,
д.г.н. Ю.А. Веденин
к.г.н. Л.М. Синцеров*

Москва, Эслан, 2009 г. 512 стр. включая карты и рисунки

Редактор-составитель и подготовка оригинал-макета:
Корнилова Т.А., Палилов Д.Е.

Рецензенты: *доктор географических наук Приваловская Г.А.
доктор географических наук Горкин А.П.*

© Институт географии РАН и авторы статей, 2009
ISBN 978-5-94101-225-X

Предисловие

В июне 2009 года в городе Вологда прошла очередная XXVI сессия Международной академии регионального развития и сотрудничества. В этот раз она проходила при совместной организации Института географии РАН и Института Наследия имени Д.С. Лихачева на базе государственного педагогического университета г. Вологда. Тема конференции «Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия)»

В настоящее время во многих странах мира наследие рассматривается как один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое развитие регионов. Это чаще всего связано с развитием туризма и сопутствующих ему видов хозяйственной и социокультурной деятельности. С другой стороны, нередко возникают проблемы, когда наследие выступает как некий барьер, не позволяющий проводить радикальные экономические, социальные и природообразовательные инновации, поскольку они могут нанести непоправимый вред историко-культурному и природному потенциалу региона. Такого рода проблемы возникали в связи с созданием Катунской ГЭС на Алтае, проведением скоростной трассы «Москва — Санкт-Петербург», строительством нового здания Газпрома в Санкт-Петербурге и т.д.

Позитивная социально-экономическая роль культурного и природного наследия наиболее заметно проявляется в сельских местностях и малых городах. Для актуализации наследия как социально-экономического ресурса необходимо формирование соответствующей инфраструктуры. Особую роль в этом процессе играет система специализированных учреждений, обеспечивающих комплексную охрану и многофункциональное использование наследия в туристских, научно-образовательных, просветительских целях. В условиях России такими учреждениями являются музеи-заповедники и национальные парки. На примере музеев-заповедников А.С. Пушкина «Михайловское», Л.Н. Толстого «Ясная поляна», И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», Кириллово-Белозерского музея, Кенозерского национального парка и других подобных учреждений можно показать их исключительную роль в формировании туристского продукта, организации специализированной туристской инфраструктуры (гостиниц, ресторанов, магазинов, сувенирных мастерских и т.д.), торговых предприя-

тий. Именно они, как правило, определяют бюджет города или района, занятость местного населения и т.д.

В настоящее время снят мораторий на приватизацию объектов наследия. Появляются собственники памятников архитектуры во многих регионах и городах страны. Однако реальный спрос на памятники есть только в столичных и крупнейших городах, в пригородах этих городов, а также в малых городах — центрах туризма. Большинство же объектов наследия, в том числе уникальных усадеб, расположенных в русской провинции, не являются привлекательными для бизнеса и туризма.

Для реального вовлечения объектов культурного и природного наследия необходимо решить ряд чрезвычайно сложных задач. Решение первой задачи связано с поиском реального механизма охраны наследия. В настоящее время мы несём колоссальные потери, поскольку фактически каждый день мы теряем несколько ценных в историко-культурном отношении зданий, памятников археологии, уникальных исторических ландшафтов. Потери идут с одной стороны от невовлечённости наследия в активную социально-экономическую и социокультурную жизнь региона, а с другой, от пренебрежения к чрезмерным спросом на историческую недвижимость и на земли историко-культурного или природоохранного назначения. Последнее ведёт к деградации или полному уничтожению наследия. Решение второй задачи связано с актуализацией наследия как туристского ресурса, с развитием транспорта, сети гостиниц, ресторанов, предприятий сувенирной промышленности и т.д. Решение третьей задачи предполагает превращение сферы сохранения и использования наследия в отрасль специализации региона. Для этого необходимо формирование институтов, ориентированных на использование наследия в туристских, просветительских, образовательных и научных целях, создание комплексной инфраструктуры. Всё это должно обеспечить эффективное региональное развитие.

Широко известен ответ Сталина на вопрос «кто важнее — рабочий или крестьянин?» — «оба». Эти слова надолго определили тематику многих гуманитарных наук, в т.ч. социально-экономической (общественной географии) в СССР. Лидировали специалисты в области географии промышленности / промышленных районов, географии сельского хозяйства / аграрных районов. Изучалось и размещение населения, чаще всего именуемое рабочей силой. Переход к постиндустриальному обществу, хотя и задержавшийся в СССР (РФ), привел к диверсификации тематики общественной географии за счет так называемой «непроизводственной сферы».

Постепенно географические исследования распространились и на сферу культуры. Возникли такие понятия, как культурное и природное наследие, также ставшее объектом интересов географов. В значительной мере, интерес этот, имел экономические корни. Практически, во всех субъектах РФ были планы по превращению их региона в туристическую Мекку на базе культурного наследия.

Нынешняя сессия МАРС поставила своей задачей прояснить потенциал указанного наследия для развития региона. Выбор региона, конечно, не случаен. Вологодская область, безусловно, находится в лидерах по богатству культурного наследия. В то же время, роль туризма и рекреации в Области невелика. Говоря, более экономинизированным языком — ресурсы есть, но они используются недостаточно эффективно.

И в целом, потенциал культурного (и природного) наследия используется не систематически, концентрируясь на 5-6-ти известных объектах (Соловецкий, Валаамский монастыри, Кижы, Кириллов-Ферапонтово...). А на самом деле этих ресурсов на порядки больше. Само население русского Севера — это своего рода природный ресурс. К нему применимы слова Б.Л. Пастернака «В них не было следов холопства, последствий голода и войн...».

Проблеме наследия и его роли в региональном и местном развитии была посвящена половина докладов сессии. Следуя многолетней традиции, организаторы сессии дали высказаться всем приехавшим и пожелавшим высказаться. Это позволило разнообразить программу и более полно представить себе географию кризиса в стране.

Представленный сборник, как надеются его создатели, найдет своего читателя: хотя бы в силу разнообразия сюжетов.

С.С. Артоболевский

Глава 1. ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Веденин Ю.А.

Пути развития особо охраняемых историко-культурных территорий

Формирование института особо охраняемых территорий, цель которого сохранение и эффективное использование ценных в историко-культурном и природном отношении ландшафтов, зависит от целого ряда факторов. Некоторые из этих факторов имеют явно выраженную национальную и региональную специфику; другие отражают более общие закономерности и могут рассматриваться как фундаментальные свойства ландшафта. Анализ и учёт этих факторов является необходимым условием эффективного управления культурными ландшафтами — объектами наследия.

Несколько слов об **основных дефинициях**, определяющих предмет нашего обсуждения.

Культурный ландшафт рассматривается нами как сложный территориальный комплекс, являющийся структурным элементом культурного пространства. Его формирование — это результат взаимодействия человека и природы (*Convention...*, 1972). В качестве компонентов культурного ландшафта выступают: естественная и преобразованная человеком природа, материальные и нематериальные творения человеческой деятельности, в том числе и разнообразные технологии — социальные, хозяйственные и культурные, а также образы ландшафта и его отдельных фрагментов, сформировавшиеся в научной, художественной, религиозной и обыденной среде.

Культурный ландшафт может быть признан объектом наследия, если он обладает существенной историко-культурной, научной и художественной ценностью. **Культурный ландшафт — объект наследия** определяется как созданная и сохранённая нашими предшественниками система материальных и нематериальных ценностей, универсальная значимость которых не только признана современным

обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизни будущих поколений (*Культурный ландшафт как объект наследия*, 2004).

Процесс формирования культурного ландшафта — объекта наследия имеет различную продолжительность — от длительного цикла освоения и обустройства местности определёнными этносами или группами этносов, конфессиональными и этноконфессиональными группами (в конечном счёте определяющего своеобразие ландшафта, а впоследствии и осознание его ценности как объекта наследия) до относительно быстрого (в масштабе исторического времени) включения ландшафта, уже как объекта наследия, в мировое или национальное культурное пространство, что может быть обусловлено, прежде всего, связями этого ландшафта с жизнью и творчеством отдельных выдающихся личностей или с исторически значимыми событиями.

Предлагается различать три направления развития культурного ландшафта.

Первое направление характеризуется поступательным ходом развития ландшафта в соответствии с инновационными процессами, характерными для той или иной цивилизации. Такой ход развития присущ большинству урбанизированных культурных ландшафтов Европы и Северной Америки. Эти ландшафты постоянно преобразуются и поэтому редко рассматриваются в качестве объектов наследия. Впрочем, это не исключает того, что на их территории сохраняются отдельные памятники истории и ансамбли, которые позволяют не только понять, но и показать ход исторических процессов; в дальнейшем это может стать основанием для отнесения таких ландшафтов к наследию.

Второе направление — это стагнация культурного ландшафта, когда его ценность как объекта наследия либо не получает необходимого признания и ландшафт остаётся неизвестным обществу, либо не сопровождается конкретными действиями по его охране, поддержанию и исторической рекультивации. В результате возникает реальная угроза его деградации и «умирания».

Третье направление связано с интенсивным использованием культурного ландшафта как социально-экономического или социокультурного ресурса. Это предполагает освоение и развитие историко-культурного и природного ландшафта в целях туризма, паломничества, науки, просвещения и образования.

Процесс развития культурного ландшафта как объекта наследия носит стадийный характер. Следует заметить, что боль-

шинство культурных ландшафтов не проходит полный цикл развития, так как для перехода от одной стадии к другой необходимы определённые предпосылки. Имеются в виду уровень социально-экономического и социокультурного развития страны, общества, географическое положение каждого конкретного ландшафта, прежде всего по отношению к крупным городам или районам с высокой степенью урбанизации, тип ландшафта, который может быть городским, сельским или природным.

Первая стадия может быть определена как этап формирования культурного ландшафта. При этом имеется в виду не только материально-физическое освоение местности или формирование антропогенного ландшафта. Это может быть художественная или духовная деятельность, не отражающаяся на внешнем облике ландшафта; более того, естественный, казалось бы, не затронутый человеком ландшафт может сохранить свой первозданный облик. **Вторая стадия** связана с осознанием историко-культурной ценности ландшафта и с отнесением его к категории культурного наследия; имеется в виду как формальное, так и неформальное признание этого статуса. **Третья стадия** характеризуется заметным ростом публичной привлекательности культурного ландшафта, превращением его в объект туризма или паломничества, включением его в туристско-экскурсионные просветительские и образовательные программы, создание на его базе научного полигона. **Четвёртая стадия** — это переход к эффективной системе управления, ориентирующейся на достижение разумного баланса между сохранением ландшафта как объекта наследия и его использованием.

Каждая из стадий характеризуется определённым **уровнем выраженности**, который определяется с помощью некоторого набора показателей.

Очевидно, что **первая стадия** может быть описана через систему показателей, отражающих уровень и характер взаимодействия ландшафта с человеком. В качестве примера можно назвать: степень «преобразованности» ландшафта, его урбанизированности и сохранности материальных носителей исторической памяти, наличие информации о происходивших на территории ландшафта событиях, местных традициях.

Уровень выраженности **второй стадии** развития определяется на основе оценки масштаба его общественного признания как объекта наследия. При этом учитывается: число научных монографий и статей, включение ландшафта в государственный список (реестр) объектов наследия, охраняемых государством, частота упоминаний объ-

екта в краеведческой и культурологической литературе и т.д. Наибольшую степень признания является включение объекта в Список всемирного наследия или его описание в получивших мировое признание научных монографиях. Уровень выраженности второй стадии развития оценивается также через численность известных научной общественности памятников, расположенных на территории ландшафта и объёмы финансирования, выделяемого для их изучения и реставрации.

Уровень выраженности **третьей стадии** зависит от степени привлекательности ландшафта или входящих в него элементов и определяется через популярность ландшафта как объекта туризма или паломничества, а также как полигона, на котором реализуются научные, образовательные и просветительские программы. Эта характеристика может быть измерена: через частоту упоминаний ландшафта в путеводителях, тиражи презентационных изданий, в том числе и видовых альбомов, многообразие видеоматериалов и телевизионных программ, рассказывающих о туристском, просветительском, образовательном и научном потенциале ландшафта и т.д. Отдельной строкой может быть отражена развитость инфраструктуры.

Четвёртая стадия оценивается через количественные и качественные характеристики эффективности системы управления культурными ландшафтами, в том числе её возможности регулировать взаимодействия между охраной и использованием ландшафта как объекта наследия, создавать комфортные условия жизни для местного и приезжего населения в традиционной историко-культурной и природной среде. При определении выраженности четвёртой стадии необходимо учитывать наличие законодательных и нормативных актов, регулирующих процессы функционирования, сохранения и развития ландшафта как объекта наследия, а также существование специализированных органов управления, обеспечивающих их точное выполнение.

Процесс перехода от одной стадии к другой весьма разнообразен. В ряде случаев стадии могут частично или полностью перекрывать друг друга во времени; в иных случаях, переход от одной стадии к другой может занимать значительное время. Так, например, стадии формирования культурного ландшафта и осознания его как объекта наследия чаще всего не совпадают во времени; временной разрыв между этими стадиями может продолжаться в течение целых исторических эпох, занимающих сотни, а то и тысячи лет. При этом, формирование культурного ландшафта на **первой стадии** его развития может включать не только созидательные процессы, связанные

с конструктивной деятельностью человека, но и длительные этапы забвения и даже деградации. Это особенно хорошо заметно на примере археологических и реликтовых крестьянских ландшафтов. Археологические ландшафты предстают перед людьми после, казалось бы, их полного исчезновения с лица Земли, поскольку покрывающий их слой почвы, магмы, песка, осадочных пород долго и тщательно скрывал их от взоров людей. В отличие от археологических ландшафтов, реликтовые крестьянские ландшафты всегда были доступны людям, но они долгое время воспринимались как самые обычные и весьма распространённые местности. Поэтому их деградация чаще всего не рассматривалась обществом как утрата чего-то ценного и значительного. И только тогда, когда общество осознало, что мир, страна или народ может потерять существенную для них ценность — материальную или нематериальную, важное свидетельство своей истории, такого рода ландшафты стали восприниматься как объекты наследия. Так, например, интерес общества к русской усадьбе как историко-культурной ценности возник только в начале XX в., когда начался процесс её деградации, превращение её в дачные посёлки и промышленные комплексы. К сожалению, часто осознание этой утраты наступает слишком поздно, и тогда наследие остаётся жить в памяти народа только как некое виртуальное явление, как своеобразная Атлантида.

С другой стороны нередко возникает иная ситуация: художник, жизнью своей или творчеством связанный с тем или иным ландшафтом, довольно быстро получает общенациональное или мировое признание. В качестве примера можно привести Льва Толстого или Шолохова. В этом случае временной интервал между первой и второй стадией развития ландшафта может быть весьма незначительным.

Характерным признаком перехода ко **второй стадии** является формирование информационного слоя ландшафта; в него входят самые разнообразные знания и мифы о данной местности, о расположенных на его территории памятниках, о живших там народах и отдельных людях, их культуре и искусстве, среде обитания (*Веденин, 2003*). Эти сведения могут быть взяты из фольклора и народной мифологии, из научных исследований и искусства, из средств массовой информации и официальных документов.

Одновременно с осознанием ценности культурного ландшафта как объекта наследия усиливается внимание государства и общества к охране и реставрации расположенных на его территории памятников истории и культуры. Заметно увеличивается объём работ по реставрации памятников, по воссозданию утраченных объектов насле-

дия. Поскольку в роли объекта наследия выступает ландшафт, то это предполагает необходимость разработки комплексной территориальной программы по сохранению и использованию объектов культурного и природного наследия; в основе этой программы лежит переход от консервации и реставрации отдельных памятников к исторической рекультивации самого культурного ландшафта.

Однако отнюдь не все ландшафты, ценность которых, казалось бы, осознана обществом, становятся объектом конструктивного внимания со стороны государства и бизнеса. Некоторые из них продолжают находиться в забвении, и в них происходят процессы деградации. Более того, возникает реальная угроза их полного исчезновения. Таким образом, они могут повторить судьбу многих других культурных ландшафтов, потерянных уже очень давно, когда общество ещё не осознало их ценность как объектов наследия.

Главная особенность **третьей стадии** заключается в осознании туристской, просветительской, познавательной, научной и сакральной ценности ландшафта. Особое внимание придаётся формированию туристской инфраструктуры, превращению культурного ландшафта и расположенных на его территории памятников в привлекательный туристский объект.

Вместе с тем повышенная привлекательность ландшафта ведёт к усилению спроса на недвижимость, на земельные и природные ресурсы и, соответственно, к их удорожанию. Большие инвестиции вкладываются в новое строительство как личных особняков, так и многочисленных гостиниц, ресторанов, спортивных и развлекательных учреждений. При этом строительство ведётся не только на свободных от исторической застройки территориях, но и на территории памятников и в их зонах охраны. Всё это приводит к разрушению историко-архитектурной и природной среды, к девальвации ландшафта как подлинного объекта историко-культурного наследия (*Культурное наследие России и туризм, 2005*).

Возможно, однако, предупредить негативный ход развития и как можно быстрее перейти к **четвёртой стадии**. Для этого необходимо построить эффективную систему управления, которая бы обеспечивала существование необходимого баланса между сохранностью ландшафта как объекта наследия и его эффективным использованием. Важным шагом в этом направлении было бы объявление данного ландшафта музеем-заповедником или национальным парком, принятие необходимых регламентов, которые бы позволили ограничить застройку территории или ведение хозяйственной деятельности, противоречащей требованиям охраны ландшафта. Следует заметить,

что нередко переход к четвёртой стадии происходит минуя третью стадию. Уже на уровне осознания историко-культурной или природной ценности ландшафта формируется эффективная система управления, создаётся управленческая структура, вводятся определённые регламенты. Это наиболее часто встречается при охране природных или культурно-природных ландшафтов, когда организуются природные заповедники или национальные парки.

Полный цикл развития культурного ландшафта как объекта наследия может быть показан на примере Озёрного края в Англии (Cooper G.C., 2007).

История формирования этого ландшафта насчитывает многие столетия. Сочетание удивительных по своей красоте природных пейзажей, выразительного рельефа, множества озёр, лесов и горных лугов издавна привлекало к себе людей. Поэтому естественно, что здесь сформировалась довольно густая сеть расселения. Жители расположенных в этом районе небольших городков и деревушек занимались овцеводством, разнообразными промыслами, торговлей (**первая стадия**). Однако известность Озёрному краю принесло творчество замечательных английских поэтов второй половины XVIII — начала XIX в., связавших с ним свою судьбу, У. Вордсворта, С.Т. Колриджа и Р. Саути. Их поэзия, посвящённая Озёрному краю, впервые выделила эти места как уникальные в природном и историко-культурном отношении ландшафты (**вторая стадия**). Сам факт того, что эти известные поэты связали свою судьбу с Озёрным краем, сделал эти места значимыми для многих просвещённых людей Англии. Это же в конечном счёте предопределило туристскую привлекательность этих мест (**третья стадия**). Среди представителей высшего английского общества стало модным совершать путешествие в Озёрный край. Во второй половине XIX в. многие богатые люди стали покупать здесь земельные участки и строить на них виллы и коттеджи. Число новых строений быстро возрастало. Возникла реальная угроза потери этого уникального культурного ландшафта. Спасение пришло неожиданно. В начале XX в., Беатрикс Поттер, известная английская писательница, осознававшая ценность этого ландшафта и имевшая средства, начала скупать участки земли, старые фермы и постепенно стала одним из крупнейших землевладельцев в Озёрном крае. Одновременно, начал свою активную деятельность и Национальный Траст, который уже в 1902 г. приобрёл здесь землю. В дальнейшем Беатрикс Поттер завещала все свои земли Национальному Трасту. Благодаря их деятельности удалось предотвратить опасность застройки открытых пространств и обеспечить надёжную охрану

ландшафта. В 1952 г. на этих территориях был организован Национальный парк «Лейк-дистрикт» (**четвёртая стадия**). Совместными усилиями Национального Траста, национального парка, других организаций, заинтересованных в сохранении этого уникального уголка Англии, удалось принять необходимые для этого законодательные и нормативные акты, сформировать туристскую инфраструктуру, отрегулировать туристские потоки, а также создать комфортные условия жизни для местного населения.

Управление процессами развития культурного ландшафта как объекта наследия. Необходимо иметь в виду, что большинство культурных ландшафтов не относится к объектам наследия. В процессе своего развития они постоянно меняются и впитывают в себя все инновации, характерные для той или иной цивилизации. Их формирование связано с научными и техническими достижениями, с изменениями в социальной и культурной жизни людей, с постоянно меняющимися потребностями местного населения и возможностями их удовлетворения, со стремлением людей жить в комфортных условиях. И, напротив, превращение культурного ландшафта в объект наследия обычно обусловлено теми или иными отклонениями от поступательного хода развития ландшафта. Это может быть связано с природными катастрофами (как, например, в случае с Помпеями), с удалённостью и труднодоступностью некоторых поселений и прилегающих к ним территорий, когда люди не могут в полной мере воспользоваться благами цивилизации (это характерно для многих мест Русского Севера и Сибири), а иногда и со стремлением людей сохранить традиционные виды деятельности и ценности, воспрепятствовать внедрению инноваций. Последнее положение может быть проиллюстрировано на примере территорий, заселённых старообрядцами, другими небольшими этноконфессиональными группами, стремящимися сократить до минимума свои связи с современными цивилизационными процессами.

Целенаправленное управление культурным ландшафтом как объектом наследия должно начинаться уже со **второй стадии** развития, т.е. на стадии осознания его историко-культурной или природной ценности. Выделение специальных грантов на исследование историко-культурной ценности культурных ландшафтов, издание по этой теме специальных статей и монографий, разработка паспортов, включение их в национальный реестр объектов культурного наследия и другие действия, направленные на изучение и охрану ландшафта как аутентичного и целостного объекта — всё это является частью системы управления. Важным этапом на пути познания ландшафта ста-

новится изучение устойчивости входящих в него компонентов и элементов, разработка мониторинга и исследование механизма действия разнообразных факторов, воздействующих на состояние ландшафта и определяющих его ценность как объекта наследия.

Управление ландшафтом на **третьей стадии** развития ландшафта имеет особое значение и во многом определяет его дальнейшее существование как объекта наследия. Очевидно, что как сами ландшафты, так и их отдельные элементы различаются по своей выразительности, внешнему облику, и поэтому совершенно естественно, что публика проявляет к ним разный интерес. Например, многие археологические ландшафты мало привлекательны для большинства туристов и в то же время представляют особый интерес для научного сообщества. Ландшафты исторических городов с расположенными на их территории ансамблями и памятниками, видовыми точками, откуда раскрываются выразительные городские пейзажи, в отличие от археологических ландшафтов, весьма привлекательны в туристском отношении. Конечно, популярность ландшафта среди широкой публики во многом зависит и от целенаправленной политики государства, общества, от известности людей, связанных с этим ландшафтом, и, конечно, от писателей и художников, отразивших его в своих книгах и живописных полотнах. Как известно, многие города или сельские поселения стали известными широкой публике благодаря творчеству замечательных художников (например, Плётс И. Левитана) или великих писателей (Мценск И. Тургенева и Н. Лескова). Не менее важную роль в создании «имиджа» ландшафта играют журналисты, представители средств массовых коммуникаций.

Публичная привлекательность несёт в себе как позитивные, так и негативные аспекты. Поэтому роль управления на **четвёртой стадии** развития — это сведение к минимуму действия отрицательных и повышение значимости позитивных факторов. К отрицательным факторам следует отнести: чрезмерное развитие туризма, когда туристские потоки превышают реальную ёмкость ландшафта, некачественную реставрацию, когда вместо реставрации происходит реконструкция и модернизация архитектурных памятников, стремление пользователей памятников привести их как можно быстрее в наиболее привлекательный с точки зрения массового туризма вид, причём весьма часто при отсутствии необходимых для этого натуральных и архивных исследований¹. Среди положительных — повышенное внима-

¹ Это, кстати, справедливо и для других сфер деятельности, в частности, для религиозных организаций, что особенно заметно проявляется при восстановлении культовых памятников — церквей, монастырей, мечетей и т.д.

ние общества к состоянию ландшафта и расположенных на его территории памятниках истории и культуры, выделение необходимых для научной реставрации финансов, разработка документации, которая смогла бы обеспечить эффективную охрану ландшафта как объекта наследия.

В случае ослабления управления усиливается роль негативных факторов, связанных с чрезмерным развитием туризма, других видов деятельности, отрицательно влияющих на выраженность таких фундаментальных свойств ландшафта как аутентичность и целостность (*Operational Guidelines...* 1999). Это можно увидеть на самых разнообразных территориях, в том числе и таких, где, казалось бы, всё предусмотрено для гармонизации отношений между охраной и использованием наследия. Примером может служить территория Соловецкого архипелага — место расположения музея-заповедника и монастыря. Здесь мы сталкиваемся с двумя возможными сценариями развития. Первый сценарий связан с развитием разнообразных форм культурно-познавательного и других видов туризма, что предполагает формирование специализированной инфраструктуры, строительство новых гостиниц и ресторанов, обеспечение транспортных услуг, формирование разнообразных приютов и гостевых домов на удалённых от центра территориях. Большие массы туристов, приезжающие на Соловки, нужно будет чем-нибудь занять. Поэтому понятно, почему руководство музея ставит вопрос об организации на островах самых разнообразных форм досуга, в том числе фестивалей и концертов современной музыки, аттракционов. С другой стороны и сам монастырь может начать развитие своей инфраструктуры, которая также будет противоречить задаче сохранения культурного ландшафта как объекта наследия. Ведь основная цель деятельности монастыря — это не сохранение наследия, а активное использование расположенных здесь сооружений для реализации весьма разнообразных функций, связанных не только с духовной жизнью, но и с множеством видов хозяйственной деятельности, необходимых для удовлетворения потребностей монахов, послушников, трутников, паломников, а также т.н. религиозных туристов. При этом важно учитывать, что потоки паломников и религиозных туристов могут достичь значительных размеров. А это также потребует расширения сети гостиниц и пунктов питания, строительства новых культовых зданий, благоустройства территории и т.д. Таким образом, результаты деятельности и светских организаций, занимающихся туризмом, и монастыря могут быть вполне сопоставимы по своему негативному воздействию на состояние наследия.

Одним из наиболее характерных признаков, свидетельствующих о реализации негативного сценария развития — это активное освоение территории культурного ландшафта для нового строительства. Желание разнообразных фирм, предприятий и отдельных граждан построиться в привлекательном и престижном месте, каковым в настоящее время являются многие историко-культурные территории, объясняется в настоящее время тем, что это выгодное вложение денег и заметное повышение своего статуса. Об этом свидетельствуют те тенденции, которые мы можем сегодня наблюдать в Подмоскovie, под Санкт-Петербургом, в Суздале и других городах Золотого кольца и т.д.

Основная задача, которая должна быть поставлена перед управлением культурным ландшафтом как объектом наследия при переходе на четвёртую стадию — это формирование реального механизма, который определил бы позитивный ход развития ландшафта.

При выборе системы управления культурными ландшафтами — объектами наследия необходимо учитывать её многообразие и многоаспектность. Существуют два крайних подхода к управлению культурными ландшафтами — объектами наследия. Определим их как командно-административный и рыночный подходы при выборе формы управления. При командно-административной форме предполагается, что имеется один центр и все входящие в эту систему подразделения точно выполняют заданные команды. Для Советского Союза эта форма управления долгое время была единственной. В настоящее время этот подход применяется при управлении государственными природными заповедниками. В мировой практике примером подобного рода может служить федеральная сеть американских национальных парков или государственных природных резерватов Европы. При этой форме управления нередко игнорируются интересы местного населения и, прежде всего, ограничивается его участие в природопользовании и хозяйственной деятельности, входящее в противоречие с требованиями охраны наследия. Могут быть введены запреты на некоторые виды деятельности местного населения, связанные с новым строительством, реконструкцией уже существующих жилищ, благоустройством территории исторического поселения. История нашей страны свидетельствует и о более крайних мерах. Так, например, при организации природных заповедников в Советском Союзе нередко ставился вопрос о выселении местного населения с занимаемых ими территорий.

Мировой опыт функционирования и развития ценных в историко-культурном отношении культурных ландшафтов свидетельствует о том, что для них наиболее всего приемлемо самоуправление в сочетании с рыночными отношениями, поскольку эта форма позволяет не только привлечь к управлению ландшафтом местное население, но и делает его основным субъектом управления. В России эта форма управления оказалась фактически невостребованной. Отдельные попытки сформировать органы реального самоуправления на охраняемых территориях не получили реальной поддержки со стороны общества и государства (*Шульгин П.М., Миллер Г.В., 1988*). Традиционное для России управление на уровне низшей территориально-административной единицы — волости, фактически прекратило своё существование уже в первые годы советской власти. Только недавно в сельских поселениях Архангельской области, других регионах России начала формироваться система сельских ТОСов (территориальных органов самоуправления). Среди них есть и исторические поселения, например, село Кимжа Мезеньского района. В этом селе ТОС участвует в развитии туризма, решает актуальные социальные вопросы, привлекает внимание муниципальных властей к состоянию жилого фонда, работает вместе с областными и федеральными органами охраны памятников над реставрацией церкви, организует музей села.

Следует, однако, заметить, что передача полной власти органам самоуправления и переход на рыночные отношения при отстранении от управления наследием специализированных в этой сфере деятельности ведомств, может привести к отрицательным результатам и войти в противоречие с охраной наследия. Очень часто местные администрации решают свои социально-экономические задачи не просто за счёт памятников истории и культуры, а приносят их в жертву ради решения своих сиюминутных задач. При этом корректируются ранее разработанные зоны охраны, что связано, прежде всего, с расширением зоны регулируемой застройки и сокращением территории памятника и охранной зоны; меняются градостроительные регламенты, которые становятся менее жёсткими и, в частности, разрешают проведение новой застройки и т.д. Таким примером может служить ситуация, которая сложилась вокруг подмосковных Архангельского, Поречья, Дунино, Валуево и ряда других усадеб. Земля в границах территории памятников, другие ценные в природном и историко-культурном отношении земли стали в настоящее время очень выгодным товаром. Большое значение при этом имеет их известность и популярность, а также то, что территории памятников или зоны охраны долгое время оставались вне поля активного нового строительства.

Очевидно, что наиболее совершенная система управления культурными ландшафтами должна быть построена на сочетании множества разных уровней и форм управления. Особенно актуально решение проблемы взаимодействия органов охраны наследием с местными органами самоуправления и местным сообществом; это должно стимулировать участие общественности и бизнеса в управлении наследием и историко-культурным наследием и, вместе с тем, позволяет сохранить ответственность государства за судьбу наследия. В этом отношении чрезвычайно интересен опыт Англии. Конечно, следует иметь в виду то, что этот опыт хотя и полезен, но в тоже время чрезвычайно труден для адаптации в российскую практику. Это связано с различиями в истории развития обеих стран. Англия уже очень давно развивается в условиях демократии. Необходимость включать в процесс управления все слои общества, принимать решение после долгой дискуссии и публичного обсуждения является для Англии традиционным условием для любой из сфер деятельности, так или иначе связанных с охраной наследия. Следует особо остановиться на деятельности Национального Треста, деятельность которого направлена на вовлечение частных инвестиций в охрану и использование наследия. В России процесс управления наследием в значительной степени был и остаётся в руках государства. Фактически всё недвижимое наследие (в том числе земля, водные объекты, леса, другие территориальные ресурсы) находится в государственной или муниципальной собственности. Участие общества в основном ограничивается общественным контролем за состоянием объектов наследия. В настоящее время начинается процесс приватизации памятников и земли. Отсутствие необходимой законодательной базы, культуры владения и использования объектов наследия, традиций и свободного капитала у частного бизнеса, умения обращения с памятниками и наличие множества людей, стремящихся сделать бизнес на памятниках, отрицательно сказывается на состоянии культурного ландшафта и расположенных на его территории памятников истории и культуры. И, тем не менее, очевидно, что другого пути нет. В ближайшее время большая часть земель историко-культурного назначения, памятников должны будут перейти в собственность отдельных граждан или стать корпоративной собственностью. Таким образом, роль управления на этом переходном периоде должна быть определяющей. Особое значение имеет создание адекватной законодательной и нормативной базы. Основным инструментом, при помощи которого будет осуществляться долгосрочное и среднесрочное планирование развития культурного ландшафта, в условиях России являются

территориальные комплексные программы сохранения, использования и развития историко-культурных территорий, генеральных планов и других проектных и программных документов, направленных на регулирование процессов, затрагивающих судьбы наследия и проживающих на этих территориях людей. Для реализации всех этих документов должны быть созданы специализированные дирекции или межведомственные советы, на основании консенсуса принимающие решения, которые затем становятся законом для всех юридических и физических лиц, обитающих на данной территории или участвующих в сохранении и использовании культурного ландшафта как объекта наследия.

Литература

1. *Веденин Ю.А.* Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия. Известия АН. Серия географическая, 2003, № 3, с. 7–1.
2. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М., Штеле О.Е.* Культурное наследие России и туризм. — М.: Институт наследия, 2006. — 172 с.
3. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
4. *Шульгин П.М., Миллер Г.В.* «Историческая волость?». ЭКО, № 3, 1988, с. 114–118.
5. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. UNESCO, 1972
6. *Cooper G.C.* Beatrix Potter's Lake District. Penguin Group, 2007.
7. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention / UNESCO / WHC-99/2. 1999 (February). 38 p.

Родман Б.Б.

Местные особенности как ресурс развития регионов и стран

1. Развитие — усиление разнообразия. Таково одно из ярких определений понятия «развитие», взятое мною на вооружение в те далёкие годы, когда я посещал библиотеку географического факультета МГУ и читал журнал «Вопросы философии». Если это «на самом деле» так, то разнообразие выступает как некоторый *самоусиливающийся* феномен: чем больше его накопилось, тем сильнее оно будет накапливаться в дальнейшем. Этим обеспечивается ускоренный ход гипотетически предполагаемой единой эволюции природы и порождённого ею человеческого общества, переход этой эволюции в новые фазы, движимые своими, всё более мощными «локомотивами».

По всей вероятности, разнообразие культурного наследия имеет для сохранения и дальнейшего развития человеческого общества такое же значение, как *биоразнообразие* — для сохранения и развития биосферы. Во всяком случае, поскольку понятие биоразнообразия уже хорошо разработано биоэкологами, нам в сфере культурологии можно отталкиваться от него как от исходной посылки и не ломиться в открытую дверь, доказывая, что разнообразие «всего сущего» это «высшее благо» для цивилизации.

В пространственном аспекте усиление разнообразия есть не что иное как накопление *местных особенностей* — таких свойств и черт, которые присутствуют или доминируют только в данном, конкретном географическом ареале. Разнообразии обширной территории и местные особенности её частей — это не абсолютные, а *относительные* ресурсы, познаваемые и оцениваемые в сравнении с другими ареалами. Богатство регионов и стран выражается не столько *наличием* у них тех или иных благ, сколько различиями от места к месту ([5], с. 139). Различиями порождаются всякого рода *обмен* и *разделение функций* (в частности, географическое разделение труда), от разности потенциалов возникает ток (потoki вещества, энергии, информации, в том числе и миграции живых существ).

2. Отношение к местным особенностям в современном глобализирующемся обществе далеко не однозначно — они сплошь и рядом рассматриваются как досадные пережитки и препятствия «дальнейшему развитию». Разнообразие мира и местным особенностям его частей противостоят *унификация* и *стандартизация*, без ко-

торых невозможен прогресс техники и обслуживаемого ею человеческого быта. На этом основании многие считают глобализацию верным и неизбежным путём искоренения всяких местных особенностей. Но так как в информации об исчезающем прошлом содержится, как и в мутирующих генах, потенциал для возникновения новшеств, то следует парадоксальный вывод. **Научные направления и дисциплины, общественные течения и движения, считающиеся консервативными и даже реакционными по своей сути, т.е. критикующие и пытающиеся тормозить так называемый всеобщий прогресс, на самом деле сохраняют «генофонд» для дальнейшего ускоренного развития.** Это предположение всецело относится и к нашему делу охраны культурного и природного наследия.

Подобно тому, как отдельному человеку трудно понять себя без сравнения с другими людьми, отдельному региону, а точнее, его жителям, бывает нелегко уяснить, в чём состоят местные особенности и как можно ими пользоваться. Необходима помощь извне — от учёных и от приезжих из других регионов.

В процессе постижения местных особенностей обитателями и руководителями региона можно назвать следующие этапы: 1) *осознание* того, что местные особенности существуют и почему-либо важны для развития данной территории; 2) *узнавание* и *понимание*, какие черты окружающего мира являются местными особенностями и какому именно ареалу они принадлежат (или пункту, если ареал мал и точно не ограничен); 3) *оценка* местных особенностей: а) *позитивная* — тех, которые признаны полезными; б) *негативная* — тех, которые нежелательны и подлежат искоренению, которых надо стыдиться; в) *негативно-позитивная*, если выявленные недостатки можно превратить в достоинства.

Последний подпункт (3-в) особенно интересен (ради него, собственно говоря, и стоило разворачивать нашу нехитрую классификацию). Так, малолюдность, бездорожье и социально-экономический упадок некоторых мест — лишние поводы для устройства там природных парков и заповедников [5, 6]. Недостаток полезных ископаемых и энергетических ресурсов у какой-либо страны может способствовать её интенсивному экономическому развитию.

3. Персонализация территорий позволяет сравнивать их специализацию с *профессиональной ориентацией*. Антропоморфное представление о странах (государствах) и, в меньшей степени, о регионах, уподобление их личностям широко распространено. Считается, что у этих политико-административных и географических единиц существуют свои интересы, как и у отдельных людей. Правда, на по-

верку оказывается, что это интересы лишь части так называемой элиты или даже одного правителя, но пропаганда приучила думать, что стремления «народа» более или менее совпадают со стараниями тех, кто взялся выступать от его имени. И мы воспользуемся вышеозначенной банальной метафорой.

Природное и культурное наследие той или иной территории — это её *социальный капитал*, аналогичный социальному капиталу отдельной личности (образованию, трудовым навыкам, престижу, личным связям и т.п.). Здравый смысл требует, чтобы человек или регион реализовал себя наилучшим образом, т.е. использовал прежде всего свои уникальные особенности, а не делал только то, что делают (и порою с неменьшим успехом) другие субъекты. Но здравому смыслу нередко противоречит реально существующая рыночная экономика, особенно та её сомнительная версия, которая наблюдается у нас в России.

Согласно подхваченному и пропагандируемому мною важному принципу, который я назвал «*приоритетом уникальности* А.Н. Ракитникова» [3], в рационально устроенном мире **каждый регион должен специализироваться в первую очередь на том, что можно делать только в данном месте**. Это, между прочим, позволило бы ему долгое время пребывать вне конкуренции и в перспективе приобрести новую конкурентоспособность [1]. Но мир не устроен так рационально, в нём царствует абсурд, которому противостоят наука и здравый смысл.

4. Виды развития (по отношению к местным особенностям). В нашей стране широко распространено и постоянно используется в речах и программах вульгарное, примитивное понимание развития — как простой рост, увеличение, продолжение, накопление того, что уже имеется (на бюрократическом жаргоне — «дальнейшее развитие»). Но к такому процессу применять термин «развитие» вряд ли стоит. «Настоящее» развитие есть нечто более сложное, предполагающее качественные и структурные сдвиги.

Применительно к нашей теме можно выделить следующие виды развития: 1) *передовое* (авангардное), когда в одной лидирующей стране или регионе постоянно (или «как правило») возникает нечто совершенно новое; 2) *догоняющее* (арьергардное), когда другие страны и регионы, пытаясь догнать лидеров, получают те же блага, но гораздо позже; 3) *автономное*, когда изменения не подражательны (не имеют внешнего ориентира, маяка, образца), а вытекают из собственного локального природного и культурного наследия (см. также: [7]).

Названные виды развития являются конечно же сугубо теоретическими, различия между ними весьма относительны и в реальной жизни нередко стираются. Процесс догоняния (или догонки) оказывается большей частью мнимым: арьергард не догоняет авангард, а проходит тот же путь позднее, нередко попадая на те же дорожные ухабы; если он и догоняет, то не столько самого «лидера», сколько его «вчерашний день», повторяя и его ошибки. «Автономное развитие» не значит независимое и изолированное, а только предполагает некоторую достаточно высокую степень самостоятельности.

При передовом развитии возникают яркие местные особенности, которые вскоре перестают быть таковыми, так как распространяются на другие страны и регионы, становятся глобальными. При догоняющем развитии «развивающиеся» (т.е. отсталые) страны и регионы в значительной мере отказываются от своих локальных особенностей в пользу глобальных достижений. **Догоняющим развитием стимулируется уничтожение местных особенностей**. Сохранению местных особенностей способствует автономное развитие, или, что почти то же самое, местные особенности помогают автономному развитию.

5. Местные особенности и туризм. Важнейшей сферой использования местных особенностей являются *путешествия* — прежде всего познавательные, но также и спортивные. Такие главные функции туризма, как познание, оздоровление, общение, коллекционирование достижений, самоутверждение, — взаимосвязаны и стимулируют друг друга. Но туризму мешает унификация и стандартизация объектов туристской деятельности. Если везде всё станет одинаковым, то путешествовать будет незачем [4]. Этого, к сожалению, не понимают многие организаторы туризма. Поскольку туризм — не только феномен культуры, но и отрасль экономики, то потребляемые туристами местные особенности являются ресурсами экономического развития. Их легко утратить, а восстановить трудно. У нас в России стремление благоустроить город и поднять его на более высокий, «европейский» уровень приводит, как правило, к уничтожению местных особенностей. Так, в Вологде уничтожили самое специфическое, что имелось в городской застройке, — деревянные бревенчатые двухэтажные дома с угловыми лоджиями и нависающими крышами.

Некоторая стандартизация полезна не объектам туризма, а его вспомогательным средствам. Наибольшая унификация дорожного и гостиничного быта необходима при многократных деловых поездках в одни и те же места, наименьшая должна быть при развлекательном и познавательном туризме. Экзотическое и стандартное, глобальное и локальное могут быть пространственно и функционально

разделены — так, чтобы вовсе не пересекаться. Например, в экзотической монгольской юрте у кровати справа часть стены оказывается занавеской, за которой отывается дверь в евротуалет, расположенный в пристроенном бетонном блоке. По мере активизации туризма многие путешественники вырастают в традиционные местные культуры и в большей степени уподобляются аборигенам в сфере их повседневного быта, приучаются обходиться без европейских «удобств», недостаток которых воспринимается как часть модного ныне «экстрима».

6. Географическая специфика и экзотика. Эти два явления объединяются в понятие «местные особенности». Во всяком регионе интересна прежде всего *географическая специфика*, т.е. черты, отличающие его от всех остальных районов мира. Отдельного же путешественника привлекает *экзотика* — несходство посещаемого района с местом постоянного проживания туриста.

В восприятии приезжим местных особенностей, так же, как в искусстве и художественной литературе, сочетаются, взаимно усиливая своё влияние, *уникальное* и *типичное*. С одной стороны, надо показать туристу самые редкие, неповторимые творения природы и культуры; с другой стороны, нужно по немногим образцам познакомить его с обширными территориями так, чтобы он составил правдивое представление о стране или регионе.

Для сохранения уникальных и типичных ландшафтов и недвижимых сооружений создаются природные, архитектурные, историко-культурные заповедники, для движимых неодушевлённых предметов — музеи, для живых существ, оторванных от своей естественной среды, — ботанические сады, зоопарки, океанарии. Интерес к уникальному обычно проявляется раньше, чем к типичному. Мне кажется, что понимание типичного требует более высокого интеллекта. От удивления частным человек приходит к познанию общего, от развлечения — к изучению. Музеи, заповедники и зверинцы издавна возникали как хранилища редкостей; лишь впоследствии в них экспонировались типичные предметы, набор которых отражал стремление организаторов выставки к полноте и репрезентативности ([5], с. 140–141, рис. 17). Туризм — важнейшее средство образования, не менее значимое, чем стационарное и камеральное обучение в школе, аудитории, лаборатории.

7. Разнообразие естественное и искусственное. Потребитель туристских услуг, как и покупатель товаров, ценит подлинное, естественное, натуральное. Привлекательные местные особенности бывают **более или менее естественными** и **искусственными**. Наиболее естественны те вещи и явления, которые возникли до того, как по-

явились мысли и соблазны использовать их для развлечения приезжих; наиболее искусственные созданы случайно и заново, не имеют корней в местном природном и культурном наследии.

Связь между естественными и искусственными местными особенностями бывает *позитивной* и *негативной*, а также нулевой, нейтральной, проблематичной, сомнительной. При позитивной связи естественное и искусственное помогают, усиливают, обогащают друг друга; при негативной зависимости некоторые ценные, но скромные естественные особенности могут быть затемнены и подавлены искусственными достопримечательностями. Умеренной естественностью и искусственностью обладают вещи, специально сделанные для максимального выявления, сохранения, воссоздания подлинного наследия.

Примером позитивной роли искусственного развлекательного новшества может служить Музей мыши в городе (временно бывшем в СССР посёлком) Мышкине, позволивший привлечь к этому поселению большое внимание туристов и поднять многие культурные пласты — от картинной галереи до избы, бывшей вокзалом узкоколейки графов Шереметевых. Напротив, несколько сомнительным кажется поселение Деда Мороза в Великом Устюге. «Да неужели наш славный город отныне будет знаменит только этим?» Неуклюжим внедрением произвольного новшества можно даже обидеть и унижить местных жителей. Вместе с тем, искусственные достопримечательности сплошь и рядом неплохо вырастают в ландшафт и становятся естественными. Однако не все, не всегда и не окончательно.

Символом Парижа стала Эйфелева башня, в своё время вызвавшая протест у интеллектуальной и художественной элиты. Всё человечество к ней быстро привыкло. Она ценна и как памятник смелому, беспрецедентному шагу в области строительной техники. Но вот небоскрёб Монпарнас таким шагом не был, как и квартал Дефанс он был в большей степени подражанием. Есть сведения, что парижане готовы расстаться и с этим небоскрёбом, и с центром Помпиду. В старый Париж названные постройки так и не вписались.

8. Экстериоризация традиционных культур. Самые экзотические местные особенности сформировались в результате значительной изоляции стран, регионов, общин и даже былой ксенофобии их жителей и правителей. Многие своеобразные черты были как бы интимными принадлежностями народов, этносов, каст и отнюдь не предназначались для развлечения иноверцев и иноземцев. Теперь в большинстве стран всё обстоит наоборот — диковинные местные обычаи выставляются на показ приезжим и приносят большой доход. Это касается народных, в том числе семейных, обычаев и праздников,

но более всего — религиозных обрядов, как у локальных религий, так и у мировых. Правда, пережитки конфессиональной изоляции кое-где сохраняются; например, индуисты не пускают посторонних в свои святилища, но и того, что турист видит около храмов, для упоения экзотикой вполне достаточно.

Глобализация способствует сохранению оригинального культурного наследия там, где общество принимает некоторые её правила игры и развивает индустрию туризма, считаясь с мировыми стандартами. Экзотика может приносить стране немалый доход. То, что недавно было сокровенным, эзотерическим, выставляется напоказ и продаётся. Внутри действующих храмов и на улицах среди участников религиозных и светских праздников зачастую бывает больше иностранных туристов, чем местных жителей. Потребление религиозных объектов туристами, даже не принадлежащими к данной конфессии и формально не являющимися паломниками, способствует сохранению религии, точнее говоря — её внешних, зрелищных, а стало быть, и коммерческих функций; светский туризм сближается и даже сливается с паломничеством. Конфессиональные рамки размываются, та или иная религия теряет свою этнорегиональную специфику, интернационализируется, становится в большей степени достоянием мировой культуры. При этом все прежние уровни вовлечённости в религиозную жизнь и разные степени духовности сохраняются. Профанация, опошление, девальвация ценностей в данном случае не неизбежны, если действовать с умом и тактом.

Охране природного и культурного наследия помогает *сакральное* отношение к элементам ландшафта, присущее *экофильным* религиям и квазирелигиозным учениям (буддизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм, традиционные этнические культы), если связанные с ними традиции в той или иной местности не прерывались надолго. В таком случае легче объяснить населению задачи выделения особо охраняемых природных и культурных территорий — главных хранилищ для местных особенностей. По-видимому, искусственное восстановление традиций будет успешным и выглядящим естественно в тех случаях, когда оно искренне поддерживается более или менее самоорганизованными местными жителями, а не навязывается только сверху (государством и его чиновниками). (К выводам, изложенным в настоящем разделе, я пришёл после путешествий по Таиланду и Непалу.)

9. Районирование культурного ландшафта (КЛ) — лучший способ обнаружения, фиксации, ранжирования, оценки местных особенностей; оно позволяет отнести к разным территориям различные пожелания, рекомендации, программы развития. В нашей стране, где

региональное самосознание граждан построено исключительно по официальному и универсальному административно-территориальному делению, неплохо было бы выделить *культурно-ландшафтные провинции*, различающиеся типами расселения (соответствующими особенностям природного ландшафта), остатками традиционной архитектуры жилищ, следами диалектов в языке и разных языков в топонимии, хотя бы наподобие тех трёх провинций, которые выявлены в окрестностях Москвы ([5], с. 228–230).

Формальным образцом таксономии для районирования КЛ может служить районирование и картографирование природного ландшафта в классических школах ландшафтоведения Н.А. Солнцева, А.Г. Исаченко, Н.А. Гвоздецкого, но КЛ — понятие куда более расплывчатое и туманное. Оно лежит не столько в материальной (вещественной) сфере, сколько в духовном, ментальном пространстве *географических образов* [2]. Соответствующее районирование может и должно быть на порядок более *субъективным*, чем естественно-научное — не только *лично-субъективным* (своё у каждого автора), но и *регионально-субъективным* (различным в разных регионах, отражающим местные точки зрения и специфическое положение регионов в пространстве страны). Так, районирование всей России может быть не только московским, но и петербургским, вологодским и т.д.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001.
2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб., 2003.
3. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). — М., 1970.
4. Родоман Б.Б. Захотят ли наши правнуки путешествовать по Земле // Земля и люди. Географический календарь. 1970. — М., 1969, с. 73–75.
5. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск, 2002.
6. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в постиндустриальном мире // Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. — М., 2007, с. 36–43.
7. Трейвиш А.И. География и развитие // География мирового развития. Вып. 1: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. — М., 2009, с. 8–43.

Стрелецкий В.Н.

Культурно-географические факторы регионализации российского пространства

Задача статьи — анализ ключевых культурно-географических факторов регионализации российского пространства. В качестве конкретных объектов исследования последовательно рассматриваются этнические (а также тесно связанные с ними лингвистические) факторы регионализации, конфессиональные факторы, а также феномен местного самосознания (территориальной идентичности) как один из важнейших факторов регионализации в современной России. Дается краткий обзор сложившихся в пределах Российской Федерации конфигураций этнических, лингвистических, религиозных и регионально-культурных различий. При этом, с одной стороны, в статье исследуются унаследованные пространственные структуры, а с другой стороны, особое внимание уделяется сдвигам и тенденциям, отмечавшимся в этно- и геокультурном пространстве России в конце XX — начале XXI в.

Конфигурация этнических различий. По этническому составу населения Россия, как известно, — одна из самых гетерогенных стран мира. Согласно данным переписи населения 2002 г., в России проживают представители около 160 различных этнических общностей. Одних только народов с населением свыше 100 тыс. чел. в современной РФ насчитывается примерно четыре десятка.

Вместе с тем, полиэтнизм в России сочетается с очень высоким удельным весом крупнейшего по численности этноса. Правда, «русская доминанта» в этнокультурном пространстве России за вторую половину XX в. стала несколько менее выраженной. Доля русских в общей численности населения Российской Федерации, по данным переписей населения, сократилась с 83% в 1959 г. до 81,5% в 1989 г. и 79,8% в 2002 г. (табл. 1). В совокупности носители восточнославянской идентичности — русские (и этнокультурно наиболее близкие им российские украинцы и белорусы) составляют около 82,5% жителей страны.

Для России характерна, в целом, относительная стабильность этнической структуры населения, о чем, в частности, свидетельствует сравнение данных переписей населения 1989 г. и 2002 г. Сдвиги в этническом составе населения за межпереписной период имели место,

Таблица 1

Динамика этнического состава населения Российской Федерации (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг., Всероссийской переписи населения 2002 г.)

Этносы	1959 г.		1989 г.		2002 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Русские	97864	83,3	119866	81,5	115868	79,8
Татары	4074	3,5	5522	3,8	5558	3,8
Украинцы	3359	2,9	4363	3,0	2943	2,0
Башкиры	954	0,8	1345	0,9	1674	1,2
Чуваши	1436	1,2	1774	1,2	1637	1,1
Чеченцы	261	0,2	899	0,6	1361	0,9
Армяне	256	0,2	532	0,4	1130	0,8
Мордва	1211	1,0	1073	0,7	979	0,7
Белорусы	844	0,7	1206	0,8	815	0,6
Аварцы	250	0,2	544	0,4	757	0,5
Казахи	382	0,3	636	0,4	655	0,5
Удмурты	616	0,5	715	0,5	637	0,4
Азербайджанцы	71	0,1	336	0,2	621	0,4
Марийцы	498	0,4	644	0,4	605	0,4
Немцы	820	0,7	842	0,6	597	0,4
Кабардинцы	201	0,2	386	0,3	520	0,4
Осетины	248	0,2	402	0,3	516	0,4
Даргинцы	153	0,1	353	0,2	510	0,4
Буряты	252	0,2	417	0,3	445	0,3
Якуты	233	0,2	380	0,3	444	0,3
Кумыки	133	0,1	277	0,2	423	0,3
Лезгины	114	0,1	257	0,2	412	0,3
Ингуши	56	0,05	215	0,2	412	0,3
Коми	283	0,2	336	0,2	293	0,2
Тувинцы	100	0,1	206	0,1	280	0,2
Евреи	839	0,7	537	0,4	230	0,2
Итого население России	117534	100,00	147021,9	100,00	145164	100,0

Источники: [4; 5; 6]

но не радикальные. Так, к 2002 г. на 4-е место среди российских этносов вышли башкиры (в 1989 г. они занимали 5-е место). Численность и удельные веса чеченцев, армян, азербайджанцев резко выросли, немцев, евреев — резко сократились. Совершенно не подтверждается данными официальной статистики раздуваемый во многих СМИ миф о массовой китайской экспансии в Россию (в частности, в ее Ти-

хоокеанский регион), хотя численность китайской диаспоры в стране действительно быстро растет. Если в начале 1990-х гг. китайцев в РФ насчитывалось, по оценкам, около 5,2 тыс. чел. [12, с. 193], то по официальным данным Всероссийской переписи населения 2002 г. — уже 35 тыс. чел. Не вызывает сомнений, что последняя цифра — явно заниженная (многие выходцы из Китая не учтены в официальных данных), но все же речь не идет ни о миллионах, ни даже о сотнях тысяч проживающих в стране китайцев.

В постсоветской России многие субэтнические группы населения стали позиционировать себя в качестве отдельных этносов. Так, по переписи населения 2002 г. в России насчитывается около 140 тыс. казаков, 7 тыс. поморов; значительная часть мордвы себя именует исключительно как мордва-эрзя либо как мордва-мокша. Аналогична ситуация с горными и луговыми марийцами. Все это свидетельствует о существенных (хотя и не о кардинальных) этноструктурных сдвигах в культурном пространстве страны.

Характерная геокультурная особенность России — выдающаяся пространственная роль русского этнического мегаядра: оно превосходит иноэтнические территории России и по площади, и по демографическому потенциалу. Но жесткой грани между мегаядром и последними в настоящее время уже нет — их разделяют не столько четкие этнокультурные барьеры, сколько переходные, контактные зоны. Из сохранившихся яркую этническую специфику регионов, отчетливо выделяющихся на фоне русского мегаядра, в России имеется три особо крупных — *Северный (Горный) Кавказ, Южносибирский тюрко-монгольский пояс и Урало-Поволжская мультикультурная область*.

Контур **русского этнического мегаядра** не в полной мере соответствуют административным рубежам территориального массива «русских» областей и краев РФ, хотя большей частью территории национальных республик в составе России в это мегаядро действительно не входят. Вместе с тем, сам политико-административный статус субъектов Российской Федерации не может служить универсальным критерием отнесения (или неотнесения) того или иного региона к мегаядру. Более «надежный» критерий принадлежности отдельных регионов к геокультурному мегаядру страны — удельный вес русского населения в общей численности их населения.

Анализ статистических данных показывает, что хорошим индикатором в данном случае может быть показатель доли русских около 80%, что примерно и соответствует среднему показателю по всей стране. В подавляющем большинстве областей и краев он значитель-

но выше, причем в 29 регионах страны он «зашкаливает» за 90%. В Центре Европейской России (и в Черноземном Центре, и в Нечерноземье) последнее отмечается повсеместно, за исключением традиционно более полиэтнической и мультикультурной Москвы. Население российской столицы всегда было многонациональным, она традиционно была открыто разным этнокультурным влияниям. Вполне закономерно, что это находит свое отражение и в пониженной, по сравнению с соседними областями, доле русского населения (84,8%, 2002 г.). Аналогичная ситуация отмечается и на Северо-западе Европейской России, где в Новгородской и Псковской областях доля русского населения приближается к 95%, в Ленинградской области превышает 90%, в то время как в Санкт-Петербурге данный показатель близок московскому (84,7%, 2002 г.).

По мере же удаления от исторического ядра Европейской России удельный вес русского населения в областях и краях в целом несколько снижается (республики и АО — особый случай, о них речь пойдет ниже). В «эксклавной» Калининградской области доля русских — «всего» 82%, в «периферийной» Мурманской — 85%. На Северном Кавказе нет ни одного субъекта федерации, где бы этот показатель превышал 90%, на Урале имеется только один — Курганская область (91,5%, 2002). Однако в Сибири и на Дальнем Востоке таких регионов уже достаточно много: в Алтайском крае, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Амурской областях отмечается резкое (свыше 90%) преобладание русского населения; в большинстве же областей и краев Азиатской России этот показатель колеблется в интервале 80–90%, во многих случаях приближаясь к 9/10. Эти статистические данные, характеризующие этническую структуру населения, красноречиво свидетельствуют, что полоса, которую условно можно назвать этническим мегаядром страны, охватывает огромную часть Европейской и Азиатской России, простирается воистину от Балтики до Тихого океана.

В целом обращает внимание, что в пределах страны всего лишь в нескольких субъектах федерации с областным статусом удельный вес русского населения ниже среднего показателя по России. Так, в приграничных с Казахстаном Оренбургской и Астраханской областях доля русских в общей численности населения составляет соответственно 73,9% и 69,7%, причем в последней она за период 1989–2002 гг. сократилась более чем на два процентных пункта. Оба региона выполняют в культурно-географическом отношении важные функции контактных (в частности, этноконтактных) зон — не только на «периферии» этнического мегаядра страны, но и на стыке россий-

ского и казахстанского культурных пространств. Особенно высок в двух этих областях удельный вес казахского и татарского населения; в некоторых сельских районах компактного расселения казахи либо татары численно даже преобладают.

Ниже среднероссийского показателя доля русского населения и в общем числе жителей по Тюменской области в целом (71,6%, 2002 г.). Но это данные именно по всему региону, одному из немногих оставшихся к настоящему времени «матрешечных» субъектов Российской Федерации (включая в свой состав автономные округа, сохраняющие также статус субъектов федерации). Удельный же вес русского населения в Тюменской области за вычетом Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО составлял в 2002 г. 82,4%, что заметно выше среднероссийского показателя.

С другой стороны, показатель доли русских в общей численности населения не достигает среднероссийского уровня ни в одной из национальных республик в составе России, кроме Хакасии, где отмечается лишь незначительное его превышение (80,3% против 79,8% в целом по стране, 2002 г.). Значительно ниже средней по стране доля русских и в этнической структуре населения всех автономных округов — как из числа сохранивших в 2000-е гг. свой статус субъектов Российской Федерации, так и из числа его утративших и вошедших в «укрупненные» края на правах различных муниципальных образований. Единственный из регионов России, имеющих национально-государственный статус, в котором доля русского населения значительно превышает средний уровень по стране (и при этом быстро увеличивается), — это Еврейская АО (83,2% в 1989 г., 89,9% в 2002 г.). Не вызывает сомнений, что в культурно-географическом отношении данный регион относится к этническому мегаядру России.

Одна из наиболее характерных тенденций этнокультурных сдвигов в пространстве Российской Федерации, отчетливо проявившихся в конце XX — начале XXI в. — **процесс так называемой «коренизации» этнической структуры населения ее национально-территориальных образований** (ср. данные табл. 2 и 3). Особенно отчетливо данный процесс выражен на Северном Кавказе. С 1989 г. по 2002 г. доля русских в Карачаево-Черкесии упала с 42% до 33%, в Калмыкии — с 38% до 33%, в Кабардино-Балкарии — с 32% до 25%, в Северной Осетии — с 30% до 23%; в Дагестане удельный вес русского населения к началу XXI в. упал до 4,5%, в Чечне — до 3,5% (при этом значительную часть русских здесь составляют военнослужащие, т.е. население не постоянное, а подлежащее перманентной ротации), в Ингушетии — до 1,2% (абсолютный минимум среди субъектов РФ).

В большинстве республик региона русские являются вторым по численности этносом (только в Адыгее они первые), в Ингушетии — третьим (после ингушей и чеченцев). В Дагестане же они по численности уступали в 2002 г. сразу пяти коренным народам — аварцам, даргинцам, кумыкам, лезгинам и лакцам, но к настоящему русских в этой республике осталось, судя по косвенным данным и учитывая имеющиеся тенденции, меньше уже, чем табасаранов и азербайджанцев. Главные факторы этноструктурных сдвигов на Кавказе — во-первых, большие различия между «титульными» этносами и славянским (русским, украинским и др.) населением в демографической динамике и, во-вторых, устойчивое отрицательное сальдо миграций русскоязычного населения. На сдвигах в этническом расселении сказались также последствия этнополитических и этно-территориальных конфликтов на Кавказе, сравнительно высокий уровень социальной напряженности в регионе, последствия военных действий в Чечне в середине 1990-х гг. и на рубеже 1990-х — 2000-х гг.

В тюркских республиках Урало-Поволжья русские значительно уступают по численности татарам в Татарстане (39,5% населения республики против 52,9%, 2002 г.) и чувашам в Чувашии (соответственно 26,5% против 67,7%). В Башкортостане русские остаются самой многочисленной этнической общиной, но их удельный вес в общей численности населения республики (36,3%) существенно ниже совокупной доли двух ее крупнейших тюркских народов — башкир (29,8%) и татар (24,1%). По данным всех Всесоюзных переписей населения (с 1926 г. по 1989 г.) башкиры — «титульный» народ Башкирской республики — уступали в ее пределах по численности не только русским, но и татарам. С распадом СССР ситуация принципиально изменилась; башкиры к началу XXI в. вышли на второе место в своей республике, а численность татарского населения Башкирии резко сократилась как в относительном, так и в абсолютном выражении.

В Азиатской России «коренизация» этнического состава населения затронула несколько национальных республик. Так, в Якутии почти до самого конца XX в. коренной этнос уступал по численности населения русским, еще в 1989 г. составлявшим здесь абсолютное большинство. Однако массовый отток русского населения из Саха-Якутии в 1990-е и в начале 2000-х гг.¹ привел к тому, что этнические пропорции в республике к началу XXI в. резко изменились; якуты стали теперь в ней крупнейшей этнической группой. В наибольшей же степени социокультурная дистанцированность от мегаядра России

¹ С 1989 г. по 2002 г. абсолютная численность русских в Якутии сократилась на 110 тыс. чел.

Таблица 2

**Численность и удельные веса
«титულных» этносов и русских
в АССР и автономных областях РСФСР
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)**

Республики	Все население, тыс. чел.	«Титулные» этносы, тыс. чел.	«Титулные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Карелия	790,2	78,9	10,0	581,6	73,6
Коми	1250,8	291,5	23,3	721,8	57,7
Адыгея	432,0	95,4	22,1	293,6	68,0
Карачаево-Черкесия	415,0	169,7*	40,9	175,9	42,4
Кабардино-Балкария	753,5	434,3**	57,6	240,7	32,0
Северная Осетия	632,4	334,9	52,9	189,2	29,9
Чечено-Ингушетия	1270,4	898,3***	70,7	293,8	23,1
Дагестан	1802,2	1444,8****	80,2	165,9	9,2
Калмыкия	322,6	146,3	45,4	121,5	37,7
Татарстан	3641,7	1765,4	48,5	1575,4	43,3
Мордовия	963,5	313,4	32,5	586,1	60,8
Чувашия	1338,0	906,9	67,8	357,1	26,7
Марийская АССР	749,3	324,3	43,3	356,0	47,5
Удмуртия	1605,7	496,5	30,9	945,2	58,9
Башкирия	3943,1	863,8	21,9	1548,3	39,3
Горно-Алтайская АО	190,8	59,1	31,0	115,2	60,4
Хакасия	566,9	62,9	11,1	450,4	79,5
Тува	308,6	198,4	64,3	98,8	32,0
Бурятия	1038,3	249,5	24,0	726,2	69,9
Якутия	1094,1	365,2	33,4	550,3	50,3
Еврейская АО	214,1	8,9	4,2	178,1	83,2

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** чеченцы и ингуши

**** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: [5]

Таблица 3

**Численность и удельные веса
«титулных» этносов и русских
в республиках Российской Федерации и Еврейской АО
(по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.)**

Республики	Все население, тыс. чел.	«Титулные» этносы, тыс. чел.	«Титулные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Карелия	711,2	65,6	9,2	548,9	77,2
Коми	1018,7	256,5	25,2	607,0	59,6
Адыгея	447,1	108,1	24,2	288,3	64,5
Карачаево-Черкесия	439,5	218,7*	48,8	147,9	33,7
Кабардино-Балкария	901,5	603,7**	67,0	226,6	25,1
Северная Осетия – Алания	710,3	445,3	62,7	164,7	23,2
Ингушетия	467,3	361,1	77,3	5,6	1,2
Чечня	1103,7	1031,6	93,5	40,6	3,7
Дагестан	2576,5	2230,3***	86,6	120,9	4,7
Калмыкия	292,4	155,9	53,3	98,1	33,6
Татарстан	3779,3	2000,1	52,9	1492,6	39,5
Мордовия	888,8	283,9	31,9	540,7	60,8
Чувашия	1313,8	889,3	67,7	348,5	26,5
Марий-Эл	728,0	312,2	42,9	345,5	47,5
Удмуртия	1570,3	460,6	29,3	944,1	60,1
Башкирия	4104,3	1221,3	29,7	1490,7	36,3
Алтай	202,9	62,2	30,6	116,5	57,4
Хакасия	546,1	65,4	12,0	438,4	80,3
Тува (Тыва)	305,5	235,3	77,0	61,4	20,1
Бурятия	981,2	272,9	27,8	665,5	67,8
Саха (Якутия)	949,3	432,3	45,5	390,7	41,1
Еврейская АО	190,9	2,3	1,2	171,7	89,9

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: [6]

присуща Туве, отличающейся одновременно высокими показателями территориальной концентрации в ее пределах «титульного» этноса (в республике проживает 97% тувинцев России) и его доминированием в составе населения республики. При этом, если в 1989 г. тувинцы составляли около 2/3 населения Тувы, то к 2002 г. их доля превысила уже 3/4.

Совершенно иная этнокультурная ситуация отмечается в угро-финских республиках России. В них численно преобладает русское население, причем в Республике Коми, Карелии, Мордовии и Удмуртии русские составляют абсолютное большинство; удельный вес русского населения в угро-финских регионах в конце XIX — начале XX в. не только не снизился, но даже несколько вырос. Такой характер этноструктурных сдвигов отражает в первую очередь то обстоятельство, что среди финноязычных народов России демографическая ситуация в настоящее время еще менее благоприятна, чем среди этнических русских.

Другой важной тенденцией изменений в этническом расселении в конце XX — начале XXI в. стал **рост концентрации большинства крупнейших по численности населения нерусских народов в пределах «своих» национально-территориальных образований** (табл. 4). Происходит своего рода стягивание «титульных» народов национальных республик Российской Федерации к их этническим территориям, они все более локализируются в пределах этих республик, характер расселения крупнейших этносов страны становится все менее дисперсным.

Необходимо подчеркнуть, что данная тенденция (как *однозначно направленный* и четко обозначившийся тренд) проявилась именно с распадом СССР, в конце XX — начале XXI в. В советскую эпоху, в т.ч. и в период после Великой отечественной войны, сдвиги в расселении «титульных» этносов носили менее однозначный, а во многих случаях прямо противоположный характер. В период между Всесоюзными переписями населения 1959 г. и 1989 г. значительно снизился удельный вес нескольких автономных республик и автономных областей в общероссийском расселении их «титульных» народов. Так, доля Башкирии как главного региона расселения башкир снизилась с 1959 г. по 1989 г. с 77,4% до 64,2%, доля Удмуртии для удмуртов — с 77,3% до 65,3%, доля Марийской АССР для марийцев — с 56,0% до 50,3%, доля Хакасской АО для хакасов — с 87,5% до 79,7% [4; 5]. Менее значительно, но тоже сокращалась в тот период доля «своих» национальных регионов для многих других «титульных» народов, в т.ч. для татар и мордвы, расселение которых в России и так имеет наиболее дисперсный (среди всех титульных этносов) характер.

Перелом тенденции произошел в конце XX в. и связано это, несомненно, в том числе и с распадом СССР, национально-государственным строительством в бывших российских автономиях, выстраиванием новой схемы федеративных отношений в России, повышением социальной значимости этнической самоидентификации для очень многих представителей «титульных» народов национальных республик в РФ. В период между переписями 1989 г. и 2002 г. рост концентрации «титульных» этносов национальных республик России в пределах территорий этих республик стал повсеместным явлением. Судя по данным табл. 4, казалось бы, можно сделать вывод, что единственное исключение из этой закономерности — некоторое усиление в 1990–2000-е гг. дисперсности расселения чеченцев. Но и это не соответствует действительности: в таблице 4 данные за 1989 г. приведены по Чечено-Ингушетии, а за 2002 г. — уже отдельно по Чечне, численность чеченского населения Ингушетии в последнем случае не учтена. Совокупная же доля Чечни и Ингушетии в расселении российских чеченцев в 1989–2002 гг. не только не снизилась, но даже несколько выросла (с 81,8% до 82,9% соответственно). И это несмотря на то, Чеченская республика пережила на рубеже XX и XXI в. две тяжелые войны, последствиями которых были не только большие людские потери, но и массовый выезд, потоки беженцев из республики, в том числе и лиц чеченской национальности.

Особо следует сказать **о малочисленных народностях Российской Севера, Сибири и Дальнего Востока**. Социально-экономическое развитие этносов Севера Евразии длительное время протекало сравнительно автономно. Ситуация кардинально изменилась с вхождением территорий их расселения в состав царской России, власти которой проводили в этих районах последовательно колониальную политику. Традиционные хозяйственно-культурные типы коренных народов Севера и Сибири оказалось невозможным безболезненно «вписать» в систему товарно-денежных отношений в Российской империи, а затем и в централизованную советскую экономику. В первые годы советской власти был взят курс на кооперирование хозяйства автохтонных народов, но уже с начала 1930-х гг. стала проводиться политика «сплошной» коллективизации. Жестокий удар по традиционному образу жизни аборигенов нанес их принудительный перевод на оседлость. Уничтожение родовых кочевий, упадок оленеводства, морской охоты и пушного промысла, рыболовства разрушили и экономический базис, и естественную среду обитания малочисленных этносов. С начала же 1990-х гг. радикальные экономические реформы в стране только усугубили тяжелое положение корен-

Концентрация «титульных» народов национальных республик России в пределах «своих» национально-государственных образований (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.)

Титульные этносы национальных республик России	Численность в «своих» единицах АТД, 1989, тыс. чел.	Численность в РСФСР, 1989, тыс. чел.	Концентрация в пределах «своих» единиц АТД, 1989, %	Численность в «своих» единицах АТД, 2002, тыс. чел.	Численность в РФ, 2002, тыс. чел.	Концентрация в пределах «своих» единиц АТД, 2002, %
Карелы	79	125	63,2	66	93	70,4
Коми	292	336	86,9	256	293	87,4
Адыгейцы	95	123	77,2	108	129	83,8
Карачаевцы	129	150	86,0	169	192	88,0
Черкесы	40	51	78,8	50	61	82,0
Кабардинцы	363	386	94,0	499	520	96,0
Балкарцы	71	78	91,0	105	108	96,9
Осетины	335	402	83,3	445	515	86,5
Ингуши	164*	215	76,2	361**	413	87,4
Чеченцы	735*	899	81,8	1032***	1360	75,8

Калмыки	146	166	88,0	156	174	89,6
Татары	1765	5522	32,0	2000	5555	36,0
Мордва	313	1073	29,2	284	843	33,7
Чуваши	907	1774	51,1	889	1637	54,3
Марийцы	324	644	50,3	312	604	51,7
Удмурты	497	715	65,3	461	637	72,3
Башкиры	864	1345	64,2	1221	1673	73,0
Алтайцы	59	69	85,5	62	67	92,6
Хакасы	63	79	79,7	65	77	85,4
Тувинцы	198	206	96,1	236	243	96,7
Буряты	250****	417	60,0	273*****	445	61,3
Якуты	365	380	96,1	432	443	97,4

* в Чечено-Ингушской АССР

** в Республике Ингушетия

*** в Чеченской Республике

**** в Бурятской АССР

***** в Республике Бурятия; с учетом же Агинского Бурятского и Усть-Ордынского Бурятского АО показатель концентрации бурятского населения в пределах «своих» национально-государственных образований составил в 2002 г. 83,5%

Источники: [5; 6]

ных малочисленных народов, оказавшихся в условиях рыночной экономики наименее защищенными. Некоторые из коренных северных народностей в буквальном смысле слова находятся на грани вымирания, численность их населения к началу XXI в. катастрофически сократилась.

Разброс мнений по вопросу, какой в нашей стране должна быть политика государства по отношению к малочисленным этносам, исключительно велик. Идеологическими полюсами здесь выступают модели «патернализма» (государственного патронажа) и «либерализма» (полного невмешательства центральной власти в жизнь туземных обществ, отказа от государственной поддержки малочисленных народов, непризнания за ними особого статуса, упования на равенство возможностей для всех социальных и этнических групп). Обе точки зрения совпадают в том, что традиционное общество оленеводов и охотников рассматривается как, безусловно, отсталое. В противовес им «традиционалисты» ищут «особый» путь в культурной эволюции коренных народов Севера, настаивают на неприемлемости для них выработанных европейской цивилизацией моделей социально-экономической модернизации и социокультурной трансформации.

Конфигурация лингвистических различий имеет в целом схожие черты с конфигурацией этнического пространства страны. Отмечается повсеместное доминирование русского языка в пределах чрезвычайно мозаичного и гетерогенного лингвистического пространства. Русским языком владеет более 98% населения страны; у подавляющего большинства населяющих ее народов эта доля превышает 95–96%. Эти цифры объективно отражают колоссальную интегративную роль русского языка в геокультурном пространстве страны.

Менее интегрированы в него, судя по данному показателю, некоторые группы этносов. Во-первых, это отдельные малочисленные народы Сибири и Севера России, например, юкагиры (лишь около половины от общей численности которых владеет русским языком), теленгиты (русским языком владеет примерно 2/3) и ряд других. Следует, однако, иметь в виду, что у большинства малочисленных народов Севера и Сибири это показатель значительно выше, а во многих случаях даже приближается к 100%. При этом зачастую оборотной стороной знания русского языка представителями малочисленных этносов Сибири и Севера России является фактически забвение или плохое знание родных языков.

Во-вторых, к менее интегрированным группам населения, как свидетельствуют переписные данные, относятся проживающие в РФ выходцы из некоторых азиатских стран (не входящих в СНГ); так,

среди китайцев доля владеющих русским языком 65%, среди вьетнамцев 67%.

В-третьих, к этой же категории относятся некоторые, небольшие по численности этносы Кавказа. В их числе гинухцы (один из цезских народов; удельный вес владеющих русским языком 40%), андийцы (77%), каратины (83%) и др.

На общероссийском фоне не очень высокий показатель владения русским языком (значительно ниже среднего) наблюдается и у более крупных по численности народов Восточного Кавказа. У даргинцев, аварцев, лезгин, чеченцев, ингушей он колеблется в интервале 80–90%; чуть выше он у лакцев, кумыков.

Обычно выделяют до 150 языков народов Российской Федерации, из них к числу литературных относится около 80. Более 1/3 распространенных в стране языков — это языки народов, живущих большей частью за пределами России. Примерно 95% населения страны считает родным язык своей национальности. Смена родного языка каким-либо другим (в первую очередь русским) быстрее протекает: во-первых, в городах; во-вторых, среди представителей этнических групп, живущих за пределами «своих» национально-территориальных образований, «в окружении» других народов; в-третьих, у малочисленных этносов. Более стойко сохраняют родные языки те группы народов, что живут преимущественно в своих национальных республиках. Свои языки являются родными для 98–99% карачаевцев, кабардинцев, ингушей, чеченцев, тувинцев. Понижен данный показатель у некоторых «титulyных» народов национальных республик, не составляющих в них большинства населения (среди удмуртов, коми и мордвы он достигает 70%, у башкир около 60%, среди карел менее 50%).

Конфигурация религиозных различий. Возрождение религиозной жизни в постсоветской России, рост конфессионального самосознания разных групп населения чрезвычайно актуализировали вопрос о конфессиональных факторах регионализации страны. Не случайно с начала 1990-х гг. появилось немало публикаций отечественных авторов по географии основных российских конфессий, локальным этноконфессиональным группам, а также комплексных исследований на уровне отдельных регионов и даже работ по микрогеографии религий в городах. Появились в 1990-е гг. и первые работы, в которых исследовались важнейшие черты и структурные звенья конфессионального пространства современной России в целом [7; 16; 19 и др.]. В данной статье кратко рассматриваются конфигурации религиозных различий в стране по состоянию на начало XXI в.

В отличие от двух выше рассмотренных конфигураций, при анализе конфигурации конфессионального пространства страны нет возможности опираться на официальные статистические данные, приходится использовать косвенные индикаторы и результаты разного рода научных реконструкций. Верующих в традиционном понимании, т.е. посещающих религиозную службу хотя бы один раз в месяц, в России насчитывается, по разным оценкам, от 6–8% до 16–18% от общей численности населения. Значительно выше удельный вес т.н. «пассивных» верующих, не соблюдающих регулярно религиозных обрядов, но отождествляющих себя, так или иначе, с традиционными для соответствующих этносов и этнических групп конфессиями. По данным разных социологических опросов конца 1990-х гг. и 2000-х гг., лиц, абсолютно нерелигиозных (включая убежденных атеистов и индифферентных к религии) насчитывается в Российской Федерации не более 11–15% от общего числа постоянных жителей страны; этот показатель в настоящее время медленно снижается (на рубеже 1980–1990-х гг. произошло его резкое, скачкообразное падение).

Православие принято считать важнейшей информационной и ценностной доминантой российской цивилизации. Среди конфессий страны православие действительно преобладающая, но оно существует и развивается в условиях, во-первых, чрезвычайно мозаичного конфессионального ландшафта, и, во-вторых, достаточно широко укоренившегося секулярного сознания значительной части населения. По данным Service Orthodoxe de Presse (Франция), в России проживает около 65 млн. православных, или примерно 45% населения страны. Согласно другим оценкам, эта цифра завышена либо, наоборот, несколько занижена.

Русская Православная Церковь (РПЦ) — крупнейшая из Православных Церквей мира, а Россия — крупнейшая страна Земного шара по абсолютной численности православного населения (при всех различиях в количественной оценке данного показателя). При этом, однако, характерно, что Российская Федерация одновременно занимает последнее место по доле православных в общей численности населения среди стран т.н. Православного мира, т.е. стран, в которых православие является доминирующей конфессией. К их числу относятся все восточнославянские, многие балканские и нижнедунайские страны, а также Грузия и Республика Кипр. Такая амбивалентность очень точно отражает российскую конфессиональную ситуацию — явное доминирование одной религии в условиях поликонфессионального общества.

До 95% всех православных России составляют представители трех восточнославянских народов — русские, украинцы и белорусы, христианизация предков которых началась еще на рубеже I и II тысячелетий н.э. По оценкам, от 2% до 3% православного населения страны приходится на угро-финские народы уральской (по мнению ряда этнологов, урало-юкагирской) языковой семьи. Они христианизированы были значительно позже: среди карел и коми-зырян православие стало распространяться с XIII–XIV вв., у коми-пермяков — с XV в., а «пик» христианизации уральских и волжских финнов (удмуртов, марийцев, мордвы), а также обских угров (хантов и манси) пришелся уже на XVIII–XIX вв. Эти народы долго сохраняли и родоплеменные, дохристианские верования. В 1990–2000-е гг. у финно-угорских народов России (особенно у марийцев и удмуртов) отмечается возрождение не только православия, но и традиционных языческих культов. Православия придерживается основная часть осетин, проживающие в России грузины, некоторые группы абхазов (среди которых распространено также мусульманство). Из тюркских народов в Европейской части страны православие исповедуют чуваша, а в Азиатской России — большей частью якуты, алтайцы, шорцы, частично хакасы. В процессе русской колонизации православие приняли также самодийские народы (включая крупнейший из них — ненцев) и проживающие во многих районах Сибири, Дальнего Востока и Севера страны малочисленные этнодисперсные группы разного происхождения.

Несмотря на резкое «сужение» сферы религиозной жизни в советскую эпоху, в самой географии православия в России в XX в. не произошло кардинальных сдвигов, хотя некоторые изменения все же были весьма значительными. Большое влияние на менявшуюся пространственную конфигурацию этой конфессии оказали процессы урбанизации и, вообще, сдвиги в расселении, как городском, так и сельском, достаточно подробно и глубоко освещавшиеся в отечественной географической литературе [2; 14; 15 и др.]. Россия в XX в. стала преимущественно урбанизированной страной, и это неизбежно отражение в территориальной структуре приходов РПЦ, в которой существенно выросла «городская» составляющая. Произошли изменения и в макротерриториальных пропорциях (соотношении между разными регионами страны по распространению действующих православных общин.). По расчетам С.Г. Сафронова, в Европейской России к концу XX в. существенно выросла доля Северного Кавказа и Урала как по количеству функционирующих православных приходов, так и по числу потенциальных приверженцев РПЦ, оцениваем...

тому с учетом имевших место сдвигов в этническом составе населения [16, с. 75; 2, с. 454–457].

Вторая по масштабам своего распространения российская конфессия — **ислам**. Демографическая ситуация в стране — очень важный фактор существенных сдвигов в российском конфессиональном пространстве в конце XIX — начале XX вв. Согласно некоторым оценкам, численность мусульман в РФ уже к концу XX в. превысила 15 (возможно, даже 20) млн. чел. Соотношение между православными и мусульманами неуклонно меняется не в пользу первых [10].

Почти 3/4 от общего числа российских мусульман приходится на тюркские народы, основные ареалы расселения которых расположены в Урало-Поволжье и на Кавказе, а также — за пределами России — в странах Центральной Азии (группы проживающих в РФ казахов, узбеков, киргизов, туркмен, уйгуров, каракалпаков). Чуть менее 1/4 мусульман России составляют представители северокавказской языковой семьи (адыгских, вайнахских и дагестанских этносов). Кроме них ислама придерживаются проживающие в России таджики, некоторые группы осетин (большей частью дигорцы и осетины Ирафского района), выходцы из ряда стран т.н. «дальнего зарубежья» (главным образом азиатских и африканских).

Два главных мусульманских региона России — Поволжско-Уральский и Северо-Кавказский. В Урало-Поволжье ислам утвердился еще в X в. (с исламизацией волжско-камских булгар), в XIV в., при хане Узбеке, стал государственной религией Золотой Орды, а к настоящему времени сохранился как традиционное вероисповедание татар и башкир. Татары — крупнейший по численности народ России из числа этносов мусульманского культурного круга. Татарская мусульманская община — самая крупная в Республике Татарстан и вторая в Республике Башкортостан. Мусульманские традиции хорошо сохранялись, особенно на бытовом уровне [1; 11], на протяжении всей советской эпохи, в том числе и в татарской диаспоре (2/3 российских татар проживают за пределами Татарстана), особенно в ареалах компактного расселения.

Северокавказский мусульманский пояс как целостный конфессиональный регион оформился позднее, хотя на Восточном Кавказе (особенно в Дагестане) ислам стал укореняться еще с VII–VIII вв., после арабского завоевания. Тем не менее, вплоть до XIV–XV вв. позиции ислама в регионе были менее прочными даже в сравнении с христианством, широко распространенном в местных горских обществах наряду с традиционными верованиями. Однако к XVII–XVIII вв., еще до начала широкомасштабной экспансии Российской империи в ре-

гион, ислам приняло большинство северокавказских народов, за исключением основной части осетин.

Геополитические и геокультурные аспекты интеграции мусульманских регионов в российское пространство — серьезная проблема, требующая обстоятельного научного анализа, выходящего за рамки данного доклада. В Татарстане и Башкирии, в силу их географического положения, отсутствия прямой территориальной связи с тюркским и мусульманским зарубежьем, невысокой концентрации титульных этносов в своих республиках, большой «включенности» татар и башкир в общественную жизнь России, резкое усиление культурного изоляционизма и политического сепаратизма маловероятно. Более «проблемным» в этом отношении для России регионом является мусульманский горский Северный Кавказ.

Главные регионы российского **буддизма** — Калмыкия (единственный в Европе компактный ареал буддистской культуры), а в азиатской части страны — Тува и Бурятия. В конфессиональном отношении бурятский ареал более гетерогенен, чем тувинский. Западные буряты уже давно являются оседлыми животноводами и земледельцами, значительная часть которых исповедует православие, в то время как восточные (забайкальские) буряты — в недалеком прошлом кочевые скотоводы, придерживающиеся ламаизма. В общественной жизни Бурятии сейчас противостоят две тенденции. Одна связана с сохранением сложившейся культурно-политической и экономической ориентации на Россию, другая — с постепенной переориентацией республики на Монголию. В целом же, Тува и Бурятия занимают специфическое, промежуточное положение на прямом стыке Евразийско-Российского и Буддистско-Ламаистского миров.

Православие, ислам и буддизм, как правило, рассматривают в качестве т.н. традиционных религий народов России, поскольку их придерживается большинство верующих среди именно тех этносов, основные ареалы расселения которых расположены в пределах российского пространства. Другие распространенные в стране конфессии характерны преимущественно для этносов и этнических групп, формирование которых происходило в основном вне России и расселенных большей частью за ее пределами. Наконец, конфессиональную мозаику России дополняют вероисповедания, не имеющие традиционных, этнически детерминированных районов своего распространения.

Католицизм представлен в России преимущественно общинами этнических поляков, литовцев и немцев. Католиками себя считает до 1/3 российских немцев, проживающих в основном на юге Сибири,

в Поволжье, на Северном Кавказе, в Калининградской области. Бывшая Восточная Пруссия, вошедшая в состав СССР в 1945 г., стала в постсоветский период одним из регионов-лидеров по числу католических приходов. Современная география польских католических общин России формировалась в результате миграций на протяжении нескольких веков. Приток в Сибирь пленных поляков, участвовавших в русской колонизации Якутии, Приамурья, ряда других районов, начался еще в XVII в. после «Смутного времени» и изгнания польско-литовских войск из Московской Руси. Поток переселенцев в Азиатскую Россию из Польши (в т.ч. ссыльных) резко усилился после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. и польских восстаний 1794, 1830–1831 и 1863–1864 гг. Польские католические общины представлены в основном в Алтайском крае, Омской, Томской, Иркутской областях, а также в городах Европейской России. Крупнейшие центры российского католицизма — Москва и Санкт-Петербург, где состав католических общин имеет полиэтничный характер.

Протестантизм представлен в России многими своими направлениями, из которых по числу приверженцев выделяются лютеранство и баптизм. Лютеранство исповедуют в РФ большинство верующих немцев, а также финнов, эстонцев, латышей. Таким образом, данная конфессия имеет четкую «этническую привязку», чем и обусловлено ее географическое распространение в пределах России. Ареалы повышенной концентрации лютеранских общин охватывают, в первую очередь, районы компактного расселения российских немцев; в Западной Сибири это главным образом Омская, Новосибирская и Кемеровская области, Алтайский край, а также юг Тюменской области. Этот ареал фактически смыкается с аналогичным ареалом расселения немцев за пределами РФ (в Северном Казахстане). Лютеранский ареал на стыке Среднего и Нижнего Поволжья (в современных Саратовской и Волгоградской областях) сформировался в традиционных районах проживания немцев, начавших переселяться сюда еще с XVIII в. Он фактически исчез после упразднений автономной Республики Немцев Поволжья в 1941 г.; лютеранские общины стали здесь возрождаться фактически лишь на рубеже 1980–1990-х гг. Меннонитство — одно из старейших протестантских течений, укоренившихся в России еще в XVIII в. [3], — также может быть отнесено к числу конфессий, тесно связанных с этническим составом населения.

Состав баптистских общин — полиэтничный; их повышенная концентрация отмечается в крупных городах страны. Следует отметить укрепление в 1990–2000-е гг. позиций и многих других протес-

тантских деноминаций, прежде всего в Сибири и в больших городах Европейской России.

Монофизитство — одно из течений восточного христианства — представлено в России Армяно-Григорианской Апостольской Церковью. Число армяно-григориан России в конце XX — начале XXI в. сильно выросло, что связано со скачкообразным ростом в этот период численности этнических армян (табл. 1), обусловленным как сравнительно высокой рождаемостью, так и, главным образом, большим притоком мигрантов из-за рубежа (из Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, а также из Грузии). Численность армяно-григориан в РФ уступает общей численности армянского населения страны; в середине 1990-х гг. она оценивалась примерно в 450 тыс. чел. [13, с. 683]; в настоящее время разные оценки достигают 500–600 тыс. чел. Крупнейшие общины армяно-григориан имеются на юге России — в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

Иудаизм в России исповедуют почти исключительно верующие евреи. В Российской империи, как известно, еврейское население проживало в основном к западу от т.н. черты оседлости; ее контур фактически определял восточную границу распространения иудаизма. В советский период, особенно в середине XX в., в географии российского иудаизма произошли радикальные сдвиги. Секуляризация массового сознания, вкупе с насаждавшимися в советский период атеистическими мировоззренческими установками, периодические «волны» гонений на религию, нанесли серьезный урон иудаизму, как и всем традиционным российским конфессиям. Но на фоне последних именно для иудаистских общин особо тяжелым испытанием стала Вторая мировая война. В западных районах РСФСР буквально исчезли локальные очаги компактного еврейского расселения, сложившиеся еще в имперский период в пределах черты оседлости и просуществовавшие до начала Великой Отечественной войны. В их числе — ареалы на юго-западе Брянской области, на северо-западе Смоленской области (район Велижа) и на юге Псковской области (вдоль границы с Белоруссией по линии Усвяты — Невель — Себеж)². Евреи в РСФСР стали преимущественно городским этносом. Москва и Санкт-Петербург остаются крупнейшими очагами концентрации иудаистских общин в РФ. Помимо них важными центрами являются

² Данные территории в прошлом располагались к западу от черты оседлости. При этом приграничные районы современных Псковской и Смоленской областей входили в состав Витебской губернии, отличавшейся в Российской империи особенно высокой концентрацией еврейского населения.

другие большие города, среди которых выделяются Екатеринбург, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Новосибирск и Ростов-на-Дону.

В целом, конфессиональное пространство России характеризуется *высокой степенью устойчивости*. 1990–2000-е гг. характеризовались *возрождением традиционных для России конфессий* и большим ростом числа их приверженцев (как «активных», так и «пассивных» верующих), но ареалы распространения ведущих религий (прежде всего, православия, ислама и буддизма) изменились очень незначительно.

Конфигурация культурных различий: местное самосознание и региональная идентичность. В какой мере регионализм присущ российской культуре в целом и русской культуре в частности? В известном смысле здесь мы имеем дело с амбивалентностью того же порядка, что мы анализировали в случае выше рассмотренных конфигураций. С одной стороны, региональное самосознание разных групп русских имеет очень давние корни в Европейском ядре страны, оно *исторически укоренено* в нем. Еще в XIX в. выдающийся историк Н.И. Костомаров писал в своих многочисленных трудах о глубоком своеобразии «исторических» русских земель, формировавшемся фактически с эпохи феодальной территориально-политической раздробленности. Схожей точки зрения придерживались и многие другие ученые, в т.ч. А.П. Щапов, П.Н. Милюков, М.К. Любавский; близка она была и русским антропогеографам конца XIX — начала XX в., П.П. и В.П. Семеновым-Тянь-Шанским. В соответствии с этой позицией, культурные районы в историческом ядре России — большей частью «наследники» древнерусских земель. Соответственно, культурный регионализм в России, по крайней мере, в ее европейской части — феномен давний, со сложившимся и укорененным региональным самосознанием.

С другой стороны, часто справедливо отмечается, что в сравнении со многими другими странами и народами мира, для России и русских характерна определенная ослабленность региональной идентичности по сравнению с идентичностью общенациональной (русской) и этнической (русской). В этой связи представляется симптоматичным и неслучайным появление концепции *аспатиальности русской культуры*, обосновываемой, в частности, в работах Л.В. Смирнягина [17; 18 и др.]. Аспатиальность русской культуры (по Л.В. Смирнягину) — это специфически пониженная ее реакция на фактор географического пространства, на три его главные ипостаси — расстояние, границу и место. Одно из следствий этого феномена — относительно слабая выраженность межрегиональных культурных различий в макроареале расселения крупнейшего этноса — русских.

турных различий в макроареале расселения крупнейшего этноса — русских.

У концепции аспатиальности есть свои *pro* и *contra*. С одной стороны, в пользу данной концепции можно привести весомые аргументы. Во-первых, в пространстве такой гигантской цивилизационной ойкумены «горизонтальные» культурно-географические различия (межрегиональные различия), действительно, могли бы быть значительнее и ярче. Так, во многих западноевропейских странах с территорией намного меньше российской (Германия, Италия и др.) различия между культурными районами выражены, тем не менее, существенно более отчетливо.

Во-вторых, для российского пространства очень характерны глубочайшие социокультурные различия по «вертикали»: город — село, крупный город — малый город и т.п. Формировавшиеся на протяжении столетий, эти различия резко усилились в XX в. Сверхцентрализация, характеризовавшая практически все стороны жизни российского общества на протяжении советской эпохи, стала дополнительным мощнейшим фактором поляризации этнокультурного мегаядра России, резко усилила контрасты внутри него, причем именно контрасты, выражающие иерархическую, вертикальную (а не плоскостную, горизонтальную) неоднородность геокультурного пространства.

В-третьих, сторонники концепции аспатиальности справедливо обращают внимание на «гипертрофированную» роль административно-территориального деления в жизни российского общества. Сетка административно-территориального деления, зачастую расчленяя естественно сложившиеся культурно-исторические регионы страны, сильно влияет на региональное развитие. Данный процесс имеет разные проявления — от социальных и экологических до экономических и политических.

Но с другой стороны, во многих отношениях концепция аспатиальности весьма уязвима для критики.

Во-первых, не очень удачен сам термин; культура, самоорганизуясь в пространстве, в принципе не может быть «аспатиальной». Во-вторых, этой гипотезе противоречит исторический опыт развития регионализма в Европейской России (см. на сей счет классические труды Н.И. Костомарова, М.К. Любавского; из работ современных авторов — М.П. Крылова [8; 9]). В-третьих, представляется спорным тезис об аспатиальности как некоей «врожденной», фенотипической черте русской культуры. Скорее это результат значительного разрушения (деформации) традиционной русской сельской культуры, произошедшего в специфических условиях индустриальной модернизации со-

ветского типа. В-четвертых, постсоветский период (1990–2000-е гг.) характеризуется очень большими изменениями конфигурации региональных культурных различий в стране. Социологами фиксируется подлинный ренессанс регионального самосознания в разных частях России; характерно, что местная пресса все более фокусирует свое внимание на региональных проблемах, освещает события с локальной точки зрения. Возрождаются «горизонтальные связи», цементирующие территориальные общности людей и региональное самосознание.

Таким образом, характерной тенденцией 1990-х — 2000-х гг. стали возрождение местного (регионального) самосознания и известное нарастание культурно-географических различий в этнокультурном мегаидре страны, подвергшихся заметному нивелированию в советский период. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в двух макрорегионах — на Юге России и в Сибири.

* * *

В целом, пространство России в культурно-географическом измерении характеризуется *высокой степенью устойчивости*. Исторический каркас этнического расселения, так же как и сложившиеся конфигурации лингвистических, конфессиональных, регионально-культурных различий отличают инерционность, доминирование унаследованных пространственных структур.

Тем не менее, недооценивать значимость имевших место за два последних десятилетия изменений в геокультурном пространстве страны все же не следует. Прежде всего, очевидна демографическая подоплека происходящих сдвигов. Глубокие различия в характере воспроизводства населения (а соответственно и в демографической динамике) между разными этническими и конфессиональными общностями, представленными в пределах страны, становятся все более важным фактором ее постепенной этнокультурной трансформации. Представляется, что эти различия носят фундаментальный характер, имеют социокультурную и цивилизационную первооснову.

Другая группа факторов, влияющих на трансформацию геокультурного пространства страны, связана с процессами модернизации общества как такового. Рост социальной мобильности населения неизбежно находит отражение в характере его пространственной самоорганизации; в частности, размываются этнокультурные барьеры, закономерно формируются зоны культурной диффузии и этноконтактные ареалы, очаги гетерогенизации этнической и конфессиональной структуры общества.

Ренессанс регионализма в этнокультурном мегаидре страны — процесс также закономерный. Данная тенденция, отчетливо проявившаяся в конце XX — начале XXI в., убедительно опровергает расхожее мнение о российском социуме как утратившем развитую традиционную культуру и маргинализованном. В этой связи выдвигание на первый план в отечественной культурной географии проблематики региональной идентичности представляется не только симптоматичным, но и чрезвычайно перспективным в научном отношении.

Литература

1. География и культура этнографических групп татар в СССР / Ред. *И.И. Крупник*. М.: Геогр. об-во СССР, 1983.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти В.П. Семенова-Тян-Шанского / Ред. *Т.Г. Нефедова, П.М. Полян, А.И. Трейвиш*. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
3. *Ипатов А.Н.* Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М.: Мысль, 1978. 168 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Национальный состав населения СССР. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. 747 с.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. 2076 с.
7. *Криндач А.Д.* Конфессиональное пространство современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996. № 4. С. 78–87.
8. *Крылов М.П.* Современная региональная идентичность в Европейской России: Север — Юг // Изв. РАН. Сер. геогр. 2005. № 5. С. 51–60.
9. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М.: ИГРАН, 2007. 54 с.
10. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
11. Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР: география расселения и культурные традиции / Ред. *И.И. Крупник*. М.: Геогр. об-во СССР, 1985. 131 с.
12. Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. *В.А. Тишков*. М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994. 480 с.

13. Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1998. 928 с.
14. Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
15. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. 816 с.
16. Сафронов С.Г. Структура и особенности современного религиозного ландшафта России // Проблемы расселения. История и современность. М.: Ваш Выбор — ЦИРЗ, 1997. С. 71–75.
17. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 108–115.
18. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
19. Krindach A. Geography of religions in Russia. Decatur, 1996. 72 p.

Замятин¹ Д.Н.

Локальные мифы: модерн и географическое воображение

Локальные мифы в эпоху модерна. Вместо введения

Эпоха модерна — время радикального слома, решающих трансформаций представлений о земном пространстве. Не вдаваясь в подробную характеристику самого модерна², следует, в первую очередь, отметить, что беспрецедентные для любых человеческих историй географические открытия XV–XX вв. стали не просто уничтожением, «закрытием» практически всех *terra incognita*, но и предпосылкой для мультиплицированного развития ранее не возможных или же

¹ Замятин Дмитрий Николаевич — заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, доктор культурологии.

² См.: Козловски П. Миф о Модерне. М.: Республика, 2002; Хабермас Ю. Философский дискурс о Модерне. М.: Весь мир, 2003.

слабо представимых образов пространства³. Эта уникальная когнитивная ситуация с феноменологической точки зрения являлась, а до некоторой степени является и до сих пор, «источником» и в то же время условием порождения всё новых и новых способов представления, репрезентаций земного пространства, которые сами по себе также становятся всё более и более пространственными, образно-географическими⁴.

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй⁵, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего — будущее начинает как бы закрепляться, «фиксироваться» соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшего

³ Шмит К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraem*. СПб.: Владимир Даль, 2008; Слотердайк П. Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. С. 806–1114.

⁴ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

⁵ См., например: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998; Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; Он же. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987; Он же. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996; Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976; Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 100–106; Неклюдов С. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–39; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Торшилов Д.О. Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999; Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000; Абашев В.В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6(46). С. 275–288; также: Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

гося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований⁶. Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться не возможными ранее темпами — не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах⁷, а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, «фиксируемого» не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные, или метагеографические⁸. Этот переход растягивается, по-видимому, на весь приблизительно выделяемый период модерна, однако только

⁶ *McLean S.* Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61–73; *Crouch D.* Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61–73; *Замятин Д.* Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. 23.07.2008.

⁷ См., например: *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; *Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М.: АСТ, 2002.

⁸ *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. Ср.: *Manguel A., Guadalupi G.* The Dictionary of Imaginary Places. The newly updated and expanded classic. L.: Bloomsbury, 1999.

в XIX в., по мере быстрого расширения колониальных европейских империй, начинается и географическая экспансия подобных локально-мифологических трансформаций, ведущая к появлению очень интересных гибридных, «креолизированных» ментальных образований. Другими словами, начинает работать принципиально иное, чем до сих пор, географическое воображение, основанное, с одной стороны, на включении, переработке, усвоении, преобразовании туземных, аборигенных мифов в рамках картины мира условного европейского сознания⁹, а, с другой стороны, ориентированное на производство, сотворение, очевидно, новых локальных мифов, призванных как-то объяснить, рассказать, описать известный культурный и цивилизационный шок европейского колонизатора, культуртрегера, исследователя, художника, писателя перед совершенно иными когнитивными и онтологическими установками наблюдаемых и разрушаемых ими автохтонных сообществ¹⁰.

Цивилизации Модерна и локальные мифологии.

Проблема цивилизационной аутентичности

Ранний и развитой модерн, несомненно, способствовал формированию и оформлению (в рамках «высокой культуры») локальных мифов — сначала чаще всего в романтических обработках народного фольклора (это характерно для европейского модерна уже в конце XVIII — начале XIX в.)¹¹, однако в эпоху позднего модерна функцио-

⁹ Косвенными признаками такой социокультурной ситуации можно считать увлечение ряда значительных европейских художников искусством Востока, Африки, Дальнего Востока (Китай, Японии), островов Тихого океана), начиная примерно с середины XIX в. Характерные примеры: стиль «шинуазри» во французском искусстве; творчество Поля Гогена. См. также: *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

¹⁰ Классический пример — творчество английского писателя Джозефа Конрада (особенно — повесть «Сердце тьмы» и роман «Лорд Джим»). Параллельная «жесткая» сциентистская версия подобного мифотворчества на границе эпохи Модерна и Постмодерна принадлежит Э. Саиду, чьи работы стали концептуальным основанием для развития целой школы постколониалистских исследований; см.: *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. Более приемлемая, «мягкая» сциентистская версия для разработки соответствующих локально-мифологических концепций создана Б. Андерсоном, см.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹¹ См.: Романтизм. Вечное странствие. М.: Наука, 2005; *Байбурин А.К.* Некоторые аспекты мифологии острова и «Остров Борнгольм» Н. Карамзина // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты нарвов Европейского Севера / Отв. ред. *Н.М. Теребинхин.* Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 38–46.

нальная роль географических/локальных мифов изменяется: они призваны теперь не только способствовать развитию национального воображения и национальной идентичности, но и как бы поддерживать весь комплекс цивилизационных «установок» и практик, воспроизводимых всеми возможными для индустриальной эпохи средствами¹². Нетрудно показать, что, как и географические образы, локальные мифы в период цивилизационных напряжений и «надломов» становятся амбивалентными, неоднозначными, как бы чересчур содержательно мощными и в то же время не совсем понятными — указывая в ментальном плане на определенные цивилизационные «прорехи» и «лакуны». Было бы, тем не менее, слишком просто сводить функциональную роль локальных мифов к некоей цивилизационной «лакумусовой бумажке», частному цивилизационному индикатору. На наш взгляд, любая достаточно хорошо репрезентирующая себя цивилизация — по крайней мере, в рамках модерна и постмодерна — мыслит себя, в известной степени, самодовлеющим мифом, чье реальное («физико-географическое») пространство трансформируется в сложный образно-географический комплекс, иррадирующий, излучающий вовне, в свою очередь, пучок локальных мифов, становящихся транслокальными, или панлокальными¹³. Это не значит, конечно, что при целенаправленном или интуитивном, неосознанном культивировании локальных мифов не используются общеизвестные еще в эпоху древних цивилизаций мифологические сюжеты-архетипы (мифы о спасении, мифы основания, мифы о вечном возвращении и т.д.)¹⁴. Содержательная суть геомифологических процессов позднего модерна, а затем, в некоторой степени, и постмодерна, заключается во «встав-

¹² См., например, о роли локального политического мифа луга Рютли в становлении национального самосознания швейцарцев: *Петров И.* Очерки истории Швейцарии. Б.м., 2006. С. 458–478; 659–670. Ср.: *Murray J.A.* Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination. Northland Publishing, 2001; *Bell D.S.A.* Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63–81.

¹³ См., например: Миф Европы в литературе Польши и России. М.: Индрик, 2004; также: блестящий и одновременно довольно «жесткий» в когнитивном отношении анализ цивилизационного мифа российских пространств: *Надточий Э.* Развивая Тамерлана // *Отечественные записки*. 2002. № 6. С. 147–176 (ранняя версия этого же мифа: *Надточий Э.* Метафизика «чмока» // *Параллели (Россия — Восток — Запад)*. Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М.: Философ. об-во СССР; Институт философии РАН, 1991. С. 93–102).

¹⁴ *Желева-Мартинс Виана Д.* Топогенезис города: семантика мифа о происхождении // *Семиотика пространства: Сб. науч. Тр. Межд. Асс. Семиотики пространства / Под. ред. А.А. Барабанова.* Екатеринбург: Архитектон, 1999. С. 443–467.

лении», размещении в некие, уже как бы заранее данные цивилизационные контексты определенных локальных мифов, играющих затем ключевые роли как признаки и неотъемлемые атрибуты цивилизации-как-уникальности в историческом времени и географическом пространстве. Иначе говоря, цивилизации-образы модерна и постмодерна немислимы без локально-мифологического компонента, обеспечивающего в феноменологическом и нарративном аспектах воспроизводство и постоянное расширение ментальных ареалов цивилизационной аутентичности.

Когнитивная модель пространственных представлений в локально-мифологическом контексте

С тем, чтобы более подробно и глубоко разобраться с содержательными изменениями, привносимыми эпохой модерна во взаимодействие локальных мифов и географического воображения, попытаемся выяснить и описать в первом приближении базовые когнитивные контексты¹⁵, в которых происходит «сцепка», взаимопроникновение изучаемых концептов. Естественно, что данная исследовательская попытка может быть позиционирована, как вполне постмодернистская, находящаяся как бы вне конституируемого объекта изучения. В то же время — что отвечает условиям постмодернистского анализа и критики — я полагаю, что в рамках настоящего текста может быть — сознательно или бессознательно — создан или разработан своего рода локальный миф о локальных мифах.

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (вниз — бессознательное, вверх — сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы

¹⁵ О когнитивно-географических контекстах см.: *Замятина Н.Ю.* Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2002. № 5. С. 32–37; *Она же.* Когнитивно-географический контекст как модель соотношений географических образов (на примере анализа текстов официальных сайтов субъектов РФ) // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах.* Вып. 3. М.: Институт наследия, 2006. С. 45–63.

утопающая в бессознательном — это географические образы; на ней, немного выше, располагается «локально-мифологическая» страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания — страта региональной идентичности; наконец, на самом верху, «колпачок» этого треугольника образов пространства — культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей¹⁶. Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что, с одной стороны, всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении причём процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определённых географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов — если пытаться интерпретировать описанную выше схему — состоит в том, как из условного образно-географического «месива», не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические «цепочки» в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную исто-

¹⁶ Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995; *Русская провинция: миф-текст-реальность* / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М., СПб.: изд-во «Лань», 2000; *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // *Провинция как реальность и объект осмысления*. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101–110; *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003; *Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты* / Отв. ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004 и др.

рию, чьё содержание может быть мифологичным¹⁷. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение — всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом¹⁸.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в её рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих региональных идентичностей¹⁹. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более «репрезентативных» образов пространства, должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в «неожиданных» — исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов — образно-логических и часто весьма упрощённых трактовках этих

¹⁷ См. также: *Замятин Д.Н.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // *Гуманитарная география*. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323.

¹⁸ См. блестящий современный пример развития бажовской уральской мифологии на основе хтонических горных образов: *Никулина М.* Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

¹⁹ *Daniels S.* Place and Geographical Imagination // *Geography*. 1992. No. 4 (337). P. 310–322; *Studying Cultural Landscapes* / Ed. by I. Robertson and P. Richards. N.Y.: Oxford University Press, 2003; *Центр и региональные идентичности в России* / Под ред. В. Гельмана и Т. Хепфа. СПб.: М.: Изд-во Европейского университета, Летний сад, 2003; *Груздов Е.В., Свешников А.В.* Словарь мифологии Омска // *Пятые Омские искусствоведческие чтения «Современное искусство Сибири как со-бытие»*. Материалы республиканской научной конференции. Омск: Изд. Дом «Наука», 2005. С. 109–144; *Вахрушев В.С.* О концепте «Балашовская мифология» // *Жанры в мифологии, фольклоре и литературе*. Весы. Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. № 31. Балашов, 2006. С. 59–74; *Музейная Долина* (рук. проекта И. Сорочкин). [Б.м., б.г.] (проект по сакральной топографии и географии Саратова осуществлен при помощи Благотворительного фонда Потанина); *Саратовское озеро: сакральная география*. Мифопоэтический атлас. [Саратов], 2007; *Богомяков В.Г.* Региональная идентичность «земли тюменской». Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2007; *Рахматуллин Р.* Москва — Рим. Новый счёт семихолмия // *НГ Ex Libris*. 10 октября 2002. С. 4–5; *Он же.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ, Олимп, 2008 и др.

историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, региональные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе и т.д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам, а, с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов²⁰, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть — оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности — практически исчезнуть.

Онтологические основания генезиса и развития локальных мифов

Как может быть структурирован локальный миф, как он может быть определён собственно местом, которым он локализуется, ограничивается и даже «рассказывается»? Иначе говоря, как происходит локализация мифа, рождающегося в то же время из «духа места»? Здесь мы должны попытаться проследить некоторые онтологические основания генезиса и развития локальных мифов.

Нет сомнения, что первичные архаичные локальные мифы творились посредством практически тотальной сакрализации окружающего пространства и, соответственно, репрезентирующих его сакральных мест, что многократно описано исследователями первобыт-

²⁰ См., например: *Елистратов В.С.* Евразийский Рим или Апология московского мещанства // Он же. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640–702; *Конькова О.И.* Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Отв. ред. *Н.М. Терехихин*. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53–68; *Дранникова Н.В.* Мифология Кенозерья // Там же. С. 109–115.

ных, древних и средневековых мифологий²¹. Функционирование и нарративная поддержка однажды созданных локальных мифов осуществлялись благодаря строго регламентированным местным сакральным ритуалам и обрядам; профанные мифы практически отсутствовали или же не имели общественно значимых репрезентаций. Достаточно сложные и неоднозначные локально-мифологические конструкции и конфигурации относятся уже к периоду модерна, когда жизнь многочисленных локальных и региональных сообществ стала определяться не только сакральными, но и профанными локальными мифами, создаваемыми как на основе фольклора, так и на базе быстро развивавшихся светских литератур и искусств. Вместе с тем было бы чересчур прямолинейно целиком отделять профанные локальные мифы от сакральных, поскольку один и тот же сюжет — зачастую фольклорный или чисто религиозный — мог служить как тем, так и другим. Суть происходивших принципиальных трансформаций заключалась, с одной стороны, в изменениях соотношений различных способов репрезентаций архетипических локальных мифов (уменьшение роли сакральных ритуалов и обрядов, повышение роли светских институций — изданий художественных произведений и фольклорных записей; органов местного и регионального управления, явно или косвенно поддерживающих те или иные вполне профанные или даже «языческие» с точки зрения служителей церкви мифы); с другой стороны, привычные материальные способы репрезентации сакрального мифа — например, установка скульптуры почитаемого местного святого, строительство храма или же памятного монумента в честь произошедшего в данном месте чуда — могли с не меньшим успехом использоваться для фиксации и закрепления профанного мифа (например, установка памятника фольклорному герою или же героям литературного произведения, описывающего конкретное место, наконец, создание местного музея, посвященного этим героям и событиям, наименование улицы и т.п.)²². Другое дело, что профанные локальные мифы, так или иначе, со временем не могут избежать частичных, фрагментарных, а иногда и очень значительных сакральных репрезентаций и интер-

²¹ *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Он же.* Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987; *Он же.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996; *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976 и др.

²² См., например: *Равинский Д.К.* Городская мифология // Современный городской фольклор. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 409–420; *Лурье В.Ф.* Памятник в городе: Ритуально-мифологический контекст // Там же. С. 420–430.

претаций, связанных, например, с ролью какой-либо выдающейся личности в развитии определённого региона или места.

Однако главная онтологическая проблема локальных мифологий эпохи модерна заключается даже не в этом, а в том, что возникает очень неоднородное, сильно стратифицированное, «рельефное» пространство сосуществующих сакральных и профанных локальных мифов, почти не «стыкующихся» друг с другом с точки зрения традиционных телеологических установок и дискурсов. Здесь важно отметить, что речь идёт не просто о вполне понятных содержательных и сюжетных противоречиях между различными сакральными и профанными мифами, но об онтологических расхождениях и «разбеганиях» практически любых более или менее похожих по сюжету и содержанию локальных мифов — будь они сакральные или профанные²³. Знаменитый леви-строссовский «бриколаж» становится почти непригодным при попытках интерпретации многих современных архетипических локальных мифов в силу их сверх— или гиперлокализации — определённое место благодаря сильнейшей мифологической «возгонке» становится как бы единственным, олицетворяющим всё пространство в его тотальной неразрывности, континуальности и целостности — несмотря на иногда совершенно очевидную простоту, исходную географическую распространённость и банальность исходного архетипического мифологического нарратива²⁴. Локальные мифологии модерна образуют бесчисленное множество разбегающихся пространств-галактик расширяющегося и в то же время тем самым упорядочивающегося географического воображения; локально-мифологические пространства не создают единого метапространства, однако способствуют развитию всё новых и новых семантик возможных миров, в свою очередь продуцирующих последовательности мультипликативных образно-географических дискурсов (например, современный жанр фэнтези, киберпространства и различные виртуальные пространства, моделируемые кино, видео, Интернетом и т.д.).

Место как мифологическое событие

Как действует локальный миф? Нас здесь интересует не собственно социологические или культурологические основания подобного действия, и не какие-либо конкретные социальные, политические, культурные, экономические последствия локально-мифологических

²³ Ср.: Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; Он же. Империя знаков. М.: Практикс, 2004.

²⁴ Ср.: Кэмпбелл Дж. Указ. соч.

построений на жизнь региональных сообществ. Проще говоря, мы хотим исследовать место, взятое в его онтологическом срезе, как определённое мифологическое событие²⁵.

Понятно, что практически всякий локальный миф в разворачивании своего сюжета опирается на конкретные топонимы и географические реалии, могущие в то же время быть вполне «туманными» и «мало реальными»²⁶. Тем не менее, такая топонимическая установка в мифологическом действии и действовании является очень важной, поскольку именно она, в конце концов, обеспечивает нахождение некоего вполне реального места, территории, «ответственной» за поддержание данного мифа²⁷. Но что происходит дальше? Пытаясь обойти чисто социологические объяснения, попро-

²⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 101–113; Он же. Искусство и пространство // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312–316; Башляр Г. Поэтика пространства // Он же. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 5–213; Нанси Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 91–102; Он же. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999; Подорога В.А. Erectio. Гео-логия языка и философствование Хайдеггера // Там же. С. 101–121; Он же. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. М.: «Ad Marginem», 1995; см. также: Толоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995; Он же. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 12–107.

²⁶ Ср.: Bishop P. Residence on Earth: anima mundi and a sense of geographical 'belonging' // Ecumene. A journal of environment, culture, meaning. 1994. Vol. 1. # 1. P. 51–65.

²⁷ Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. М.: Изд-во «Индрик», 1999; Она же. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. С. 599–615; Она же. Семиотические путешествия. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001; Русская провинция: миф-текст-реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М., СПб.: изд-во «Лань», 2000; Петровский М. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Изд. 2-е, расшир. и доп. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008; Подюков И.А. Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 460–477; Клубков П.А., Лурье В.Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора // Там же. С. 450–460; Дубровина С.Ю. Микротопонимика Тамбова // Там же. С. 477–487 и др. Крайне важен в данном контексте опыт таких русских писателей, как Александр Чаянов и Михаил Булгаков (Булгаков многим в образном локально-мифологическом отношении обязан именно Чаянову, который, пожалуй, первым сумел в своих московских повестях художественно выразить «дух места» с помощью стилизованных «под XVIII век» страшных историй).

буем проследить условный онтологический «механизм» глубинной локализации мифа.

Территории, места не существуют без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона²⁸. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть *со-бытие* места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Локальный миф, с нашей точки зрения, представляет собой «откровение» места или территории; он есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время (или в той же самой вечности) он позволяет утверждаться «своему» месту как Центру мира²⁹. Такое локально-мифологическое «центрирование» мест происходит постоянно, порождая при этом совершенно различные социокультурные, политические, экономические последствия и проекции, включая, несомненно, и хорошо известные историкам, филологам и географам «сниженные» краеведческие версии подобных «центрированных»³⁰. Но, так или иначе, локальный миф означает своего рода двойное онтологическое послание, предполагающее «разрыв» казавшегося до того однородным, бесконечно протяженным

²⁸ Ср.: *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; *Он же.* Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; *Рахматуллин Р.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ, Олимп, 2008 и др.

²⁹ Об архаических и ранне-модерных основаниях сакрально-географического центрирования мира, сопровождаемого соответствующими локальными мифами, см.: *Генон Р.* Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003. С. 32–39, 135–145; *Он же.* Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

³⁰ См. также многочисленные паранаучные исследования, тексты и книги, посвященные сакральным местам, уфологии и современным мифам различных регионов России; в качестве примера: *Павлович И., Ратник О.* Миражи над Жигулями (Современные мифы Поволжья: загадки, поиски, гипотезы). Самара: Изд-во «НТЦ», 2002; *Гаврилов Л.Г., Чернобров В.А., Климов В.А.* Подмосковье: Феномены, аномалии, чудеса. Путеводитель. М.: Майор, 2008; в более широком контексте: *Чернобров В.А.* Энциклопедия загадочных мест мира. М.: Вече, 2005.

и однообразным пространства, чьи «складки» или «края» погибают одновременно и вовнутрь, и вовне — место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая «возвышенность», как непреходящая внутренняя «достопримечательность», определяющая ядерные экзистенциальные смыслы; и место «отпечатывает» или «запечатывает» себя в мире, осознающем свою собственную онтологическую неполноту, пространственную фрагментарность в акте и актом подобного ментального «запечатывания». Нетрудно понять также, что этот мир, отмечаемый непрерывными и параллельными «отпечатками» бесчисленных мест, становится в своём непреходящем и постоянно отодвигаемом результате центром самого себя, центром любого транслокального сообщества, усваивающего и присваивающего очередной, может быть, поначалу чуждый локальный миф³¹. Итак, посредством онтологизации локальных мифов практически любое место или регион становятся источниками телеологической, по сути, образно-географической «иррадиации»; такая «иррадиация» ведёт к транслокализации, пространственному «рассеиванию» самих локальных мифов, способствующих ускоренной динамике и непредвиденным трансформациям географических образов региона³².

³¹ Ср.: *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геонимики // *Общественные науки и современность.* 2008. № 2. С. 129–143.

³² Весьма характерно и очень интересно в данной связи современное развитие локальных мифологий на Урале, прежде всего в художественной литературе и эссеистике (здесь в начале XXI века были наиболее известны произведения Алексея Иванова и Ольги Славниковой); см. также: *Литовская М.А.* Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // *Михаил Осоргин: Художник и журналист.* Пермь: Мобиле, 2006. С. 188–197; *Абашев В.В.* «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геополитика как основа геополитики // Там же. С. 197–208; *Куличкина Г.В.* Пермь как миф и факт: по страницам мемуарной прозы М. Осоргина // Там же. С. 113–125; *Литовская М.А.* Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова — Алексей Иванов // *Литература Урала: история и современность.* Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2006. С. 66–76; *Подлесных А.С.* Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь — княгиня гор» // Там же. С. 76–81; *Соболева Е.Г.* Формирование мифа «Екатеринбург — третья столица» в текстах СМИ // Там же. С. 95–103; *Николаева Н.Г.* «Земля Обетованная» — мифопоэтический образ Оренбургской губернии в «семейной хронике» С.Т. Аксакова // Там же. С. 236–244; *Митрофанова Л.М.* Башкирский образ мира в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // *Литература Урала: история и современность.* Вып. 3. Т. 2. Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2007. С. 217–227; *Абашев В.В.* Урал в романе «Доктор Живаго», или Где находится Юртин? // Там же. С. 242–250 и др.

Локальный миф, представленный как онтологическое «открытие места», становится тем самым ахроничным и гетеротопичным³³. В когнитивно-историческом плане подобный миф может фактически бесконечно распространяться как «вглубь» исторического времени, так и за его пределы, что означает не только всемерное проникновение в условное историческое будущее территории, но и выход в широкое метагеографическое пространство, онтология которого предполагает и полагает «перетекание», замещение, преобразование одного места другим как необходимое условие метагеографической экспансии. Иными словами, локальный миф становится средством представить всякое место как Другое; в то же время (если можно говорить о времени локального мифа) любой локальный миф не может существовать, развиваться, функционировать без альтернативных для этого конкретного места, других локальных мифов, «обрамляющих» территорию как поле противоречивых, расходящихся и несовпадающих — содержательно и хронологически — нарративов.

Архетипические структуры и сюжеты локальных мифов

Как бы то ни было, локальные мифологии практически всегда сохраняют свой «логос»; они подчиняются определённым нарративным правилам и ходам, обладают архетипическими сюжетами и структурами³⁴. Подобные «правила игры» всегда имеют довольно ограниченное когнитивное значение; тем не менее, они помогают понять специфику первоначального разворачивания и «построения» метагеографического пространства, насыщенного локальными мифами

³³ О гетеротопиях см.: Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 191–205; Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). С. 48–63; Вахштайн В.С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2; Замятин Д.Н. Гетеротопия. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5. М.: Институт наследия (в печати).

³⁴ Ср.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000; Он же. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984; Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; характерно также, что вполне локальный миф о русских пространствах оказалось возможным представить как архетипический нарратив, составленный из фрагментов различных текстов: Пространства России: Хрестоматия по географии России. Образ страны / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: МИРОС, 1994.

и во многом «обязанного» именно им³⁵. Модерн в большой степени «смешал карты», перемешал многочисленные фрагменты сакральных и профанных локальных мифов, однако почти всегда можно всё-таки реконструировать, воссоздать из этих мифологических обломков первозданные, вполне архетипические нарративы — естественно, чаще всего сакральные по своему происхождению.

Нетрудно понять, что в различного рода попытках классифицирования и типологизации сюжетов и структур локальных мифов пространственные основания и признаки могут быть одними из наиболее естественных и органичных. Это было отмечено уже первыми серьезными исследователями домодерных мифологий: само строение сакрального пространства по вертикали и горизонтали как бы диктует первичное деление локальных мифов на «вертикальные» и «горизонтальные»³⁶. Ясно, что «горизонтальные» локальные мифы тяготели и тяготеют до сих пор, как правило, к жанру экстенсивных социальных утопий³⁷, тогда как «вертикальные» локальные мифы обращены, скорее, к доминирующему религиозному и парарелигиозному сознанию, интенсифицирующему и воображающему внутреннее, «огороженные», скрытые, интровертные пространства таинственного, страшно-го и сокровенного³⁸.

³⁵ Ср.: Григорьева Е. Пространство и время Петербурга с точки зрения микромифологии // Sign System Studies (Труды по знаковым системам). Vol. 26. Tartu: Tartu University Press, 1998. P. 151–185.

³⁶ Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. С. 34–43.

³⁷ Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. М.: Наследие, 1999; Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 276–371; Криничная Н.А. Легенды о невидимом граде Китеже: контакты между мирами // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 87–100. Пример современной версии, характерной для эпохи большевистской модернизации России — развитие и попытка реализации мифов города-сада (начата еще в дореволюционной России) и социалистического города (соцгорода), в известной мере переплетавшихся друг с другом; см.: например: Сибирский сад — территория мечты. Сборник материалов регионального научно-художественного проекта Омск — Новокузнецк. 2002 год. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2004; Меерович М., Хмельницкий Д. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). С. 92–124; Меерович М. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Там же. 2007. № 1 (35). С. 117–165.

³⁸ Элиаде М. Указ. соч. С. 145–172; ср.: Пелехацкая Н. Горит и показывает Москва (интервью с С. Неклюдовым, посвященное современному московскому фольклору и современным московским мифам) // Известия. 2.07.2004. № 117 (26674). С. 11.

В свою очередь, это простейшее сакральное-пространственное деление локальных мифов может налагаться на вполне архетипическую классификацию локальных мифов с точки зрения их сакральной сюжетности. Здесь, не «изобретая велосипедов», можно по аналогии с более широкими мифологическими концепциями, выделить локальные мифы об основании (места, поселения, города)³⁹, о собственно сакральных местах (либо местах чудес и чудодейственных событий, либо местах страшных, демонических, заколдованных), наконец, эсхатологические локальные мифы (мифы о страшном или чудесном конце человека, племени, сообщества, города — о вознесении, спасении или успокоении)⁴⁰. В любом случае, сакральная сюжетика локальных мифов немислима и до сих пор вне вполне архаичных представлений и мифов о циклическом создании (сотворении) и разрушении мира⁴¹ — эти процессы могут идти практически параллельно, позволяя, таким образом, выводить локальные мифы в пространства ахронического и всевозможных гетеротопий (одно и то же место может быть сакральным и профанным в разное время, быть источником совершенно различных и не соприкасающихся структурно и сюжетно локальных мифов).

³⁹ См., например: *Желева-Мартинс Виана Д.* Топогенезис города: семантика мифа о происхождении // Семиотика пространства: Сб. науч. Тр. Межд. Асс. Семиотики пространства / Под. ред. А.А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999. С. 443–467; *Nastopka K.* Two approaches to the myth of city foundation: Syntagmatic and paradigmatic // Sign System Studies (Труды по знаковым системам). Vol. 30.2. Tartu: Tartu University Press, 2002. P. 503–512.

⁴⁰ См. в качестве примера: *Толычова Т.* Предания о Демидовых и демидовских заводах // Русский архив. 1878. Кн. 2; *Гуськов С.А.* К вопросу о систематизации легенд, былин и преданий на территории Елецкого края // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы краеведческой конференции. Вып. 2. Елец, 1994. С. 85–97; *Слукин В.* Загадки Невьянской башни // Отечество. Краеведческий альманах 2. М.: Профиздат, 1991. С. 180–194; Московские легенды, записанные Евгением Барановым / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Боковой. М.: Литература и политика, 1993; Черная книга. Московская легенда. СПб.: Библиополис, 2006; Орлиное гнездо (исторические очерки Л.П. Чекиной). Касимов, 1990; *Грачева И.* Касимов-город: были и предания. Рязань, 2004 и др. В этом же контексте возможен и анализ собственно петербургской мифологии, собранной и систематизированной Н. Синдаловским: *Синдаловский Н.А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб.: Норинт, 1997; *Он же.* Мифология Петербурга. Очерки. СПб.: Норинт, 2000; см. также: *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 76–92.

⁴¹ *Элиаде М.* Указ. соч. С. 65 и сл.

Понятно, что Модерн, фрагментируя и перемешивая типологически различные локальные мифы, создает очень интересные «гибридные» локальные мифы, имеющие в своей основе сакральные сюжеты и облеченные в профанные оболочки и «упаковки». Так, миф гения места, оформившийся как вполне профанный и культурно влиятельный в течение XIX–XX вв.⁴², был изначально, как известно, сакральным и не имеющим, как правило, прямого отношения к каким-либо реальным людям — творческим личностям⁴³. Другой характерный пример — миф русской усадьбы, в котором собственно профанное место начинает «обрастать» и даже «оборудоваться» различного рода парасакральными архетипическими нарративами (мотивы заброшенного, страшного, заколдованного места, мифы о спасении, о подземных кладях и т.д.), становясь в итоге пространством спасительного пассаизма⁴⁴. Интенсивное развитие разных подземных коммуникаций и сооружений, включая метрополитен, в эпоху индустриализации привело к появлению новых локальных мифов о хтонических ужасах и страхах — опять-таки уже в профан-

⁴² *Вернон Ли.* Италия: Genius loci. М.: Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых, 1914; *Муратов П.П.* Образы Италии. Т. I. М.: Галарт, 1993; *Он же.* Образы Италии. Т. II–III. М.: Галарт, 1994; *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринт. М.: Книга, 1991; *Левинтов А.Е.* «Гений места» как градо- и регионообразующий фактор (неоклассический очерк) // Полюса и центры роста в региональном развитии. Сб. статей / Под ред. Ю.Г. Лилеца. М.: ИГ РАН, 1998. С. 185–190; *Вайль П.* Гений места. М.: Независимая газета, 1999; *Tuan Yi-Fu.* Topophilia (a study of environmental perception, attitudes, and values). Minneapolis, 1976; *Norberg-Schulz C.* Genius loci. New York: Rizzoli, 1980 и др.

⁴³ *Штаерман Е.М.* Гений // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 272; *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения). М.: Юридическая литература, 1989. С. 139–140; *Торшилов Д.О.* Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999; *Шайд Дж.* Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006; также: *Замятин Д.* Гений места. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 271–273.

⁴⁴ *Щукин В.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997; *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2003. Сам образ пассаизма по отношению к русскому усадебному мифу оказался одним из наиболее ярко выраженных в художественном отношении в произведениях Ивана Бунина, а в сфере искусствоведения и эссеистики — в текстах Н.Н. Врангеля и А.Н. Греча (см.: *Врангель Н.Н.* Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Летний сад, 1999; *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 32. М., 1994. С. 5–191).

ных упаковках⁴⁵; параллельное развитие высотного строительства, появление небоскрёбов, различных высотных зданий оживило интерес опять-таки к традиционным «вертикальным» локальным мифам, модернизируемым и приспособляемым к современным реалиям (включая жанр фэнтези в литературе и кино)⁴⁶; закат индустриализации, приведший к развитию типичных ландшафтов заброшенных промышленных зданий и сооружений, возродил мифопоэтику руин в довольно специфическом «угрюмом» варианте, процветавшую и культивировавшуюся до того, начиная с XVIII в., на фоне сельского садово-паркового ландшафта⁴⁷. В то же время, если говорить уже и о Постмодерне, то эпоха мультикультурализма и New Age оказыва-

⁴⁵ Костина О.В. Московское метро (30–50-е годы) // Искусство Востока. Миф. Восток. XX век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 25–51; развитие идеи тоталитарного дискурса в отношении московского метро: Рыклин М.К. Пространства ликования. М.: Логос, 2002. С. 82–96. Весьма характерен также бытующий миф об омском метро, которое планировалось построить еще с советских времен, однако оно до сих пор не построено; существует, тем не менее, подробная схема омского метро (построен, как ни странно, метромост через Иртыш при отсутствии готовых подземных коммуникаций); миф об омском метро хорошо увязан с мифом о небоскребах, практически отсутствовавших в конце XX — начале XXI века в Омске, и со столичным соперничеством с Новосибирском (Новосибирск выиграл этот спор в советское время и получил метро); см. также: Груздов Е.В., Свешников А.В. Словарь мифологии Омска // Пятые Омские искусствоведческие чтения «Современное искусство Сибири как со-бытие». Материалы республиканской научной конференции. Омск: Изд. Дом «Наука», 2005. С. 123–124. Великолепный мифологический образ московского метро середины 1990-х годов в художественном тексте: Давыдов Д. Схема линий московского метрополитена // Новая юность. 1997. № 3 (24). С. 45–71.

⁴⁶ Шукуров Ш.М. Идея небоскрёба // Искусство Востока. Миф. Восток. XX век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 243–261; Подорога В.А. Гибель Twin Peaks // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 238–253 (в этой связи весьма примечательна полемика, развернувшаяся в американской географической литературе еще в 1960-х гг. вокруг небоскреба как символа Америки: Gottmann J. Why the Skyscraper? // Geographical Review. 1966. 56. No. 2. P. 190–212; также: Zelinsky W. The Cultural Geography of the United States. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N. J., 1973. P. 60). См. также: Пелехацкая Н. Горит и показывает Москва (интервью с С. Неклюдовым, посвященное современному московскому фольклору и современным московским мифам) // Известия. 2.07.2004. № 117 (26674). С. 11; Тайные тропы Царицына. Прогулки с краеведом Можаяевым // Большой город. 21.05.2004.

⁴⁷ Зиммель Г. Руина // Он же. Избр. соч. Т. 2. М.: Юристъ, 1996. С. 227–234; Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грант, 2000. С. 80–82; Шарль-Луи Клериссо, архитектор Екатерины Великой. Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 1997; Соколов Б.М. Язык садовых руин // Arbor mundi / Мировое древо. 2000. № 7. С. 73–106; Юнгер Ф.Г. Итальянский, французский и английский парки // Он же. Запад и Восток: эссе. СПб.: Наука, 2004.

ется очень толерантной и даже благоприятствующей, способствующей рождению локальных мифов, основанных на вполне архаичных культовых практиках (почитание конкретных природных ландшафтов, сакральных рощ, вершин гор, горных перевалов, святых источников и т.д.)⁴⁸; эти локальные мифы встраиваются в очень контрастные им по содержанию повседневные ментальные практики и структуры — и этот образный «разнобой» становится органичным и даже иногда нормативным⁴⁹.

Если задаться целью выделить наиболее важные для эпохи Модерна типологические локальные мифы, то к ним можно, с нашей точки зрения, отнести мифы об основании (селения, города) и сопутствующие им мифы о Центре мира (как инвариант — столичный миф)⁵⁰; мифы о связи с божественным, ориентированные на традиционные культовые и сакральные места; мифы о страшных, ужасных, заколдованных местах, имеющие четко выраженную сакральную вертикаль (включая традиционные мифы о кладах), как инвариант можно рассматривать миф руин и ландшафта руин; мифы об эсхатологическом конце и успокоении (сюда также можно отнести и мифы о чудесном спасении); наконец, мифы о затерянном мире, собирающиеся в той или иной степени мотивы всех предыдущих типологических мифов. Нетрудно заметить, что эпоха Модерна не внесла практически ничего нового в типологии локальных мифов, коренящиеся почти целиком в ментальных структурах традиционных домодерных культур и цивили-

С. 262–338; Панофский Э. Идеологические источники радиатора «роллс-ройса» // Певзнер Н. Указ. соч. С. 263–272; Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991. Ср.: Зельдмайр Х. Утрата середины. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2008. Мифопоэтика индустриальных руин хорошо показана, например, в фильме Андрея Тарковского «Сталкер».

⁴⁸ Подобное было характерно, например, для социокультурной жизни многих территорий Российской Федерации в конце XX — начале XXI века — чаще всего национальных республик и округов (Удмуртии, Чувашии, Марий Эл, Республики Коми, Бурятии и т.д.); ср., например: Башаров И.П. Представления о духах-хозяевах местности у русского промыслового населения Восточного Прибайкалья // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Вып. 2. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 4–15.

⁴⁹ См., например, великолепное издание, каталог выставки: Сибирский миф: голоса территорий. Образы и символы архаических культур в современном творчестве. Омск: НП Творческая студия «Экипаж», 2005; в «сниженной» версии: Гетманский К. Борьба за святость. Буддисты и шаманы не поделили гору Хайыракан // Известия. 9.08.2004. № 142 (26459). С. 8 (речь идет о территории Тувы).

⁵⁰ Хороший пример: Абашев В.В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 275–288.

лизаций. Однако здесь обязательно нужно указать, что, во-первых, именно Модерн придал исключительно серьезное культурное и общественное значение локальным мифам, придав им, по сути, онтологический характер; во-вторых, в эпоху Модерна принципиально изменились сами когнитивно-географические и образно-географические контексты развития и функционирования локальных мифов — как уже отмечалось мной выше, существенно иным стало географическое воображение, благодаря чему локальные мифы стали восприниматься, воображаться, конструироваться и деконструироваться в рамках вполне целенаправленных актов сознания, вычленяемых из «потока времени» и стремящихся к оконтуриванию, фиксации оригинальных метагеографических пространств (это, в частности, ведет и к возможности специфического конструирования и модифицирования локальных мифов в прикладных областях человеческой деятельности — например, в маркетинге территорий и мест, социокультурном проектировании, образно-географическом проектировании, стратегическом планировании и брендинге территорий, региональном политологическом анализе и т.д.)⁵¹.

Локальные мифы и динамика российской цивилизации

Российская цивилизация стала культивировать локальные мифы и включать их в состав «высокой культуры» сравнительно поздно по сравнению с европейской — их настоящее, а не эпизодическое проникновение в «толщу» семантически значимых цивилизационных репрезентаций относится уже к концу XIX — началу XX в. (наиболее известный пример — миф о граде Китеже, весьма популярный среди знестных представителей русской культуры Серебряного века, совершавших паломничества к соответствующему сакральному месту⁵²).

⁵¹ *Малякин И.* Российская региональная мифология // Pro et Contra. Т. 5. 2000. № 1; *Митин И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3 (26). С. 140–162; *Замятин Д. Н.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323; *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 227–250.

⁵² *Левандовский А. А.* «Мистерия» на Светлояр-озере в восприятии интеллигенции // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухова, А. Ословат, М. фон Хаген. М.: ОГИ, 1997. С. 202–213; *Криничная Н. А.* Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004.

Эпоха сентиментализма в русской культуре и литературе, усиленная в образно-географическом отношении наличием культурно-ландшафтного каркаса в виде помещичьих и дворянских усадеб и ярко выраженная путевыми записками конца XVIII — первой трети XIX в., создала первоначальный образный фундамент для возможного развития локальных мифов и соответствующих им культурных регионализмов⁵³. Классическая русская литература как бы сразу перепрыгнула локальные мифологии и возможности плодотворного творческого развития регионализма, попав в геократическую «ловушку» возникшего по историческим меркам очень быстро, «внезапно», петербургского мифа. Хотя и Пушкин в «Капитанской дочке», и Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» фактически были близки к созданию географических образов, наиболее благоприятных и в то же время чрезвычайно важных для понимания генезиса локальных мифологий в русской культуре, однако сам образно-географический фон этих произведений явно тяготел, как ни странно, к Веку Просвещения, в рамках которого и локальным мифологиям, и культурным регионализмам еще не могло быть места, онтологической возможности помыслить, вообразить их еще не существовало⁵⁴.

Утверждение русской столицы в Петербурге было, в известной степени единственно возможным цивилизационным «ва-банком», разом обеспечившим не только разворот к материальной стороне

⁵³ *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. М.: Академический проект, 2004; *Замятин Д. Н.* Русская усадьба: ландшафт и образ // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). С. 70–92.

⁵⁴ Характерно также, что, несмотря на серьезное присутствие знаково-символического «кавказского комплекса» в русской культуре — по крайней мере, уже с 1820-х гг. — полноценный и автономный кавказский миф в ее рамках так и не сформировался, оставшись на эмбриональном уровне экзотического «восточного» географического образа с постоянно воспроизводимыми романтическими культурными ассоциациями «кавказского пленника» (свидетельство непреходящего культурно-политического фронта, не способствующего, как правило, созданию самостоятельных автохтонных образов и мифов; сами образы и мифы фронта репрезентируются в высокой и массовой культуре чаще всего *postfactum* — уже после того, как бывшая фронтальная территория становится пространством оседлого и устойчивого мироустройства и мировоззрения). Ср.: *Яценко С. А.* Кавказ для России, Россия для Кавказа: Образы и реальность // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое; отв. ред. *И. Г. Яковенко*; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 662–683. Другое дело — успешные культурные контакты и взаимодействия с небольшими цивилизационными лимитами Закавказья — такими, как Армения и Грузия; см. например: *Никольская Т.* «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000.

европейской цивилизации, не только возможность приобщиться к высотам европейской культуры, но и создавшим принципиально новую образно-географическую ситуацию, позволившую разрабатывать образ России как европейской страны, а вместе с тем и значительной части ее территории (с чем, кстати, была связана и интересная история о передвижении официальной восточной границы Европы к Уралу⁵⁵). На исходе долгого для России цивилизационного Века Просвещения, окончившегося, видимо, уже в 1815 г., стало ясно, что цивилизационное видение/географическое воображение России из Петербурга обречено достигать максимум Урала, далее оно начинает «прокручиваться», повторяя одни и те же «европейские мелодии», мало объясняющие смысл зауральских пространств как истинно российских географических образов. В духе альтернативной/контрфактической истории можно было бы представить, что случилось бы с цивилизационной динамикой России, если бы русская столица была бы, например, перенесена в 1815 г. или чуть позже вновь в Москву или, в крайнем случае, в Нижний Новгород (как предполагал П.И. Пестель в «Русской правде»⁵⁶). Российская империя могла стать из петербургской, например, московской или нижегородской без всякого, по-видимому, ущерба для своего символически-имперского блеска, однако московская империя обрела бы, скорее всего, иное образно-географическое видение, другие геократические «механизмы»⁵⁷, позволяющие, возможно, вновь и по-новому увидеть зауральские пространства (как это, например, удавалось, с совершенно ничтожными военными и экономическими ресурсами

⁵⁵ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 277–311.

⁵⁶ *Пестель П.И.* Русская Правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 8. М., 1958. С. 113–168. Ср.: *Цымбурский В.Л.* Александр Солженицын и русская контрреформация // *Он же.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 477–478.

⁵⁷ *Геократия* — новый термин и понятие, который я пытаюсь ввести для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации. Впервые этот неологизм предложен мной в совместной статье с Н.Ю. Замятиной, см.: *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5. С. 98–110. В нашем понимании, геократия — это сформировавшиеся в течение длительного исторического времени способы и дискурсы осмысления, символизации и воображения конкретного географического пространства, ставшего имманентным для аутентичных репрезентаций и интерпретаций определенной цивилизации.

Московскому царству во второй половине XVI — первой половине XVII в., даже в эпоху Смуты начала XVII столетия⁵⁸). Петербургская империя была чисто европейским политическим телом, чья геократическая мощь была «продуктом» Века Просвещения — ее хватало в образно-символическом и проективном смысле только до Урала — если говорить о географическом воображении как имманентном для любой жизнеспособной цивилизации.

Как определенную геократическую реакцию на сложившуюся к началу XIX в. цивилизационную образно-географическую ситуацию можно рассматривать формирование и мощное развитие петербургского мифа, оказавшего серьезное влияние на становление всей русской культуры XIX — начала XX в.⁵⁹. Имперско-европейская геометрия и симметрия петербургской планировки и архитектуры, неприспособленность «маленького человека» к открытым, нечеловечески огромным и насквозь продуваемым промозглым петербургским пространствам, бесчеловечная чиновничья фальшь и суэта северной столицы стали фирменными чертами этого мифа, соединившего природу и культуру в образе, максимально отталкивающим и в то же время поистине величественным, подтверждавшем, хотя и весьма амбивалентно, значимость европейской модернизации для российской цивилизации. Корнем, первоосновой такого геократического мифа было онтологическое противоречие между властным характером, властной природой европейского образно-географического «мессиджа», обеспечиваемого, казалось бы, символизацией Петербурга как столицы Российской империи, и фактическим бессилием реальной знаково-символической системы, прилагаемой и используемой по отношению к имперским пространст-

⁵⁸ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. Вст. статья А.Я. Дегтярева, Ю.Ф. Иванова, Д.В. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996; *Вернадский Г.В.* Московское царство. Часть 1. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997; *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005.

⁵⁹ *Русские столицы. Москва и Петербург.* Хрестоматия по географии России / Авт.-сост. А.Н. Замятин, Д.Н. Замятин; общ. ред. Д.Н. Замятин; предисл. Г.М. Лапло. М.: МИРОС, 1993; Москва — Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2000; *Спивак Д.Л.* Северная столица: Метафизика Петербурга. СПб.: Тема, 1998. Характерно, что полноценный с точки зрения модерна московский миф (вне аллюзий Третьего Рима) начал формироваться гораздо позже петербургского, примерно с начала XX века (не сформировавшись окончательно и до сих пор, что, видимо, связано уже с распадом концептуальных основ самого модерна). Тем не менее, трудно переоценить значимость вполне традиционалистского образа Москвы в его противопоставлении «европейско-имперскому» образу Петербурга.

вам в целом; Петербург к началу XX в. был поистине столицей имперской по своему размаху и пространственному распространению образно-географической анархии — как бы ни парадоксально это звучало.

Безусловно, политические, культурные и интеллектуальные элиты Российской империи еще во второй половине XVIII в. задумывались о некоей дополнительной геомифологической «подпорке» государства-цивилизации, в качестве которой достаточно долго рассматривался крымско-греческо-византийский комплекс мифов. Завоевание Крымского ханства дало реальные шансы для политико-идеологического развития и обоснования «греческого проекта» Екатерины Великой, наглядное осуществление которого позволило бы России попасть в «цивилизационное сердце» Европы не только в геополитическом, но и в геократическом смысле⁶⁰. Фактически, однако, образы Крыма как античной окраины, периферии, провинции великого античного мира и родины русского православия в итоге, к началу XIX в., остались-таки, в условиях неосуществленного «греческого проекта», периферией и политико-идеологической риторикой Российской империи, развивавшейся теперь в контексте более современных и прагматичных политико-географических образов России как мощной в военном отношении европейской державы — без претензий на европейское античное наследие.

Так или иначе, сформированное нагнетание модерна в России второй половины XIX — начала XX в., обусловленное во многом геополитическими и геоэкономическими обстоятельствами этой эпохи, помогло — с некоторым запозданием по фазе — становлению культурных регионализмов и локальных мифов российской цивилизации. Многочисленные первоначальные собрания и обработки регионального русского фольклора (за ними и параллельно им последовали собрания украинского, белорусского фольклоров, затем настал черед и других народов Российской империи), появление и быстрое развитие русской этнографии, следовавшей во многом западным, вполне позитивистским, образцам; сменяющие друг друга экспедиции Русского географического общества на окраины Российской империи с целью запечатлеть обычаи, уклад, традиции и нравы дотоле практи-

⁶⁰ Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М.: Ин-т российской истории РАН, 2000; Кириченко Е.И. «Греческий проект» Екатерины II в пространстве Российской империи. Потемкин и Новороссия // XVIII век: ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 244–260; Зорин А. Указ. соч.; Проскурина В. Мифы империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

чески не известных с культурной и научной точки зрения этносов⁶¹, буквальное «открытие» русской иконописи — все это следовало «рука об руку» с муками поиска национальной русской/православной идентичности, осложненными тяжелым и весьма обветшавшим «имперским декором»⁶². С некоторым временным лагом по отношению к указанным событиям появляются писатели-регионалисты — сначала в типичной народнической среде с уклоном исключительно в темы пореформенной русской деревни; однако к началу XX в. появляются уже такие яркие писатели, как А.И. Эртель — классический «черноземный» творец, или же Д.Н. Мамин-Сибиряк, поистине впервые явивший и предъ-явивший высокой русской культуре образ Урала⁶³. Такие известные «столпы» русской культуры эпохи модерна, как И.А. Бунин и А.М. Горький, начинали свое творческую траекторию,

⁶¹ См.: Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–155; Он же. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии... С. 155–199; Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «мултанское дело» 1892–1896 // Там же. С. 228–273; Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Там же. С. 360–391; Сухих О. Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). С. 5–30 и др.

⁶² Капеллер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии... С. 395–436; Пеннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Там же. С. 436–472; Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обычородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Там же. С. 199–228; Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Там же. С. 502–535; Вискс Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // Там же. С. 589–610 и др. Обзорные и концептуальные статьи, рассматривающие современные проблемы формирования российской идентичности см.: Pro et Contra. Май — июнь 2007. № 3 (37).

⁶³ Кондаков Б.В. Русская литература 1880-х гг. и художественный мир Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. Гуманитарные науки. Вып. 5. С. 9–24; Корнев И.Н. Географический образ Урала в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка // География. Приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 6, 7, 9; Горизонтов Л.Е. Русский человек у порубежья Европы и Азии. По страницам уральской энциклопедии Д.Н. Мамина-Сибиряка // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию А.В. Ремнева / Под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 97–119.

свой «взлет» тоже как писатели-регионалисты, а В. Короленко сумел-таки стать по-настоящему большим писателем, никогда «не теряя» под собой региональной «почвы». Столыпинские реформы создали дополнительный импульс для формирования и развития культурных регионализмов, и многие русские писатели поначалу активно откликнулись «поворотом на Восток», в сторону Сибири (предыдущий мощный импульс был обусловлен проектированием, строительством и началом работы Транссибирской железнодорожной магистрали, но еще до начала ее строительства свой «жертвенный» рывок на восток совершил А.П. Чехов, оформив его заметками о Сибири и «Острове Сахалином»).

Советская эпоха заметно сменила культурно-идеологические акценты, принципиально выравнивая любые региональные социокультурные различия с помощью целенаправленной культурной политики явного централистского толка — «Москва и все остальное»⁶⁴. Тем не менее, 1920–1930-е гг. оказались, по цивилизационной инерции, накопленной еще с конца XIX в., весьма «урожайными», хотя бы и *post-factum*, для становления локальных мифологий в России. Трудом П. Бажова на Урале⁶⁵, С. Писахова⁶⁶, а затем Б. Шергина на Русском Севере⁶⁷, оформляются, наконец, достаточно четкие в образном отношении локальные мифы Урала и Русского Севера — несмотря на то, что творцы этих мифов опирались, во многом в целях собственной личной безопасности, на критичные установки и парамарксистские догмы по отношению к досоветскому прошлому своих регионов⁶⁸.

⁶⁴ Классический пример — роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» (1948), в котором дискурс максимальной централизации советского пространства показан предельно четко. Ср. также: *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Замятин Д.Н.* Географические образы в комедии Андрея Платонова «Ноев ковчег» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5, юбилейный. М.: ИМЛИ, 2003. С. 162–170.

⁶⁵ См.: *Литовская М.А.* Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь: Мобиле, 2006. С. 188–197; *Бажовская энциклопедия* / Ред.-сост. *В.В. Блажес, М.А. Литовская*. Екатеринбург: Сократ; Изд-во Уральского ун-та, 2007.

⁶⁶ *Пономарева И.Б.* Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск: [б.и.], 2005.

⁶⁷ *Шульман Ю.* Борис Шергин, запечатленная душа народной культуры Русского Севера. М.: Фонд Бориса Шергина, 2003.

⁶⁸ *Капкан М.В.* Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Гуманитарные науки. Вып. 12. Культурология. С. 36–45; *Пономарёва И.* Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск: [б.и.], 2005.

Важно, что эти локальные мифы выходят на общенациональный уровень, фиксируются официальной культурой как допустимые в идеологическом плане, оказываются все-таки возможными полускрытые или прикрываемые политической идеологией геомифологические дискурсы.

Быстрый распад модерна, начавшийся активно на Западе уже в 1910–1920-х гг., не обошел стороной и Россию, где он был отмечен поистине великой традицией русского авангарда, окончательно сломленного советской действительностью только примерно к середине 1930-х гг. Это означало, что в рамках комплексной советской модернизации неизбежный, по сути, и для российской цивилизации, распад модерна как бы откладывался, все время переносился в будущее, а классические формы модерна постоянно «подмораживались», подновлялись, прикрывая собой дискурсивное разложение самих образов модерна. Социалистический реализм был такой дискурсивной формой «подмораживания», подавлявшей в том числе и возможности развития полноценных локальных мифов и культурных регионализмов⁶⁹. Успевшие сложиться в своих первоначальных ментальных конфигурациях в начале советской эпохи (политика подъема национальностей окраин 1920-х гг. способствовала этому) локальные мифы как бы зависли в безвоздушном пространстве зрелого советского дискурса, отменяющего былые поиски национальной идентичности эпохи классического и позднего модерна в его региональных выражениях и смыслах.

Советская модернизация: «вечная мерзлота» локальных мифов

Внешняя очевидная жесткость и жестокость социополитических процессов советской модернизации 1920–1950-х гг. не смогла все же полностью подавить, вернее, онтологически деформировать возможности появления и выхода на поверхность массовых культурных репрезентаций локальных мифов российской цивилизации. Часть их была связана еще с дореволюционными попытками сознательного «интеллигентского» поиска и конструирования локальных мифов деятелями русского Серебряного Века — как в случае «града Китежа» и Крыма-Киммерии, чей образ и его культ формировались, прежде

⁶⁹ *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

всего, усилиями художника К. Богаевского и поэта М. Волошина⁷⁰. В качестве некоего наследования данной традиции можно рассматривать и творчество Бориса Пастернака, в котором можно вполне четко увидеть становление уральского мифа русской культуры («уральские» стихи, роман «Доктор Живаго»)⁷¹ и, с гораздо меньшей четкостью — поволжского мифа — причем сразу на уровне «высокой культуры», параллельно с более сниженными, фольклорного образца, произведениями П. Бажова⁷². Весьма характерно, что в своем поэтическом отрывке «Урал», написанном позднее, чем бажовские и пастернаковские произведения, Н. Заболоцкий сумел представить некий условный образно-географический синтез уральского мифа, опирающегося на местную «горную» космогонию и одновременно на конструктивизм советского стиля, связанный, опять-таки, с природными ресурсами и природно-зональными образами Уральской горной сис-

⁷⁰ См. также: *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003; *Он же.* Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М. Русский импульс, 2007. Я не рассматриваю здесь подробно современные версии, конца XX — начала XXI века, крымского мифа, развивавшиеся, например, в творчестве поэтической группы «Полуостров» (особенно поэзия А. Полякова) и в деятельности поэта, эссеиста и культуртрегера Игоря Сида (Боспорские форумы 1993–1995 гг., московский литературный салон «Крымский геопозетический клуб» конца 1990-х — начала 2000-х гг., попытка возрождения волошинского мифа Крыма в постмодернистском ракурсе); см.: *Reflect... К... Multicultural multilingual magazine.* # 25 (32). Chicago, 2007). Важно также отметить интенсивные усилия русскоязычных культурных элит современного Крыма по возрождению образа Крыма конца XIX — начала XX в. в рамках Российской империи (издания поэтических антологий, сборников воспоминаний, легенд и мифов), актуализированные во многом современной государственной принадлежностью крымской территории Украине. Это не мешает, однако, параллельному возрождению и культивированию образа Крыма в рамках крымско-татарских представлений о судьбе полуострова.

⁷¹ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; *Он же.* «Люверс родилась и выросла в Перми...» (место и текст в повести Бориса Пастернака) // *Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты* / Отв. ред. *Л.О. Зайонц*; Сост. *В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 561–593.

⁷² См. также: *Фрейдин Ю.Л.* Пространство Урала у О. Мандельштама. Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. ред. *Л.О. Зайонц*; Сост. *В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 593–605; *Одесский М.П.* Волга — колдовская река: От «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Там же. С. 605–625; *Милюкова Е.В.* «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодельной поэзии южного Урала // Там же. С. 625–645.

темы⁷³. Однако более удивительным культурным феноменом советской эпохи можно считать постепенное, подспудное, латентное наращивание образно-географических возможностей сибирско-дальневосточного мифа на основе лагерно-гулаговских текстов (фольклора, воспоминаний, художественных произведений), начавших «всплывать» в толще цивилизационных репрезентаций с конца 1950-х гг. (здесь мы абстрагируемся от того, что значительная часть этих текстов относится в содержательно-фактическом отношении к Русскому Северу, Уралу и Казахстану, поскольку именно для Сибири и Дальнего Востока гулаговские тексты сыграли, возможно, решающую роль «спускового крючка» для включения «стартового механизма» формирования соответствующего мифа — в отличие, по-видимому, от других «лагерных» регионов)⁷⁴.

Безграничные жестокость и ужас гулаговских лагерей вели к формированию специфического и яркого локального фольклора, в котором побег, затерянное место стали выдающимися ментальными топосами почти любой человеческой судьбы за Уралом. Это была, практически, монотонная прото-мифология страшного и примитивного безграничья — пространства, беспорядочно и с постоянным ускорением разбегающегося, растекающегося — пространства центробежного уже чисто онтологически. Таковы, по большому счету, и художественные произведения В. Шаламова, и мемуары гулаговцев — там, где можно обнаружить хоть какие-нибудь географические образы. Попытки увидеть, *про-видеть* подобное сибирское пространство мы можем наблюдать уже в ряде стихотворений О. Мандельштама

⁷³ В рамках постсоветской социокультурной ситуации важное значение имел цикл романов Сергея Алексеева, прежде всего, «Сокровища Валькирии» (см.: *Алексеев С.* Сокровища Валькирии. М.: ОЛМА-Пресс; СПб.: Нева, 1997); в 2000-х гг. мифологическую «эстафету» приняли писатели Алексей Иванов (романы «Сердце Пармы» и «Золото бунта») и Ольга Славникова (прежде всего, роман «2017»). См. также: *Литовская М.А.* Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова — Алексей Иванов // *Литература Урала: история и современность.* Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2006. С. 66–76; *Подлесных А.С.* Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь — княгиня гор» // Там же. С. 76–81; *Соболева Е.Г.* Формирование мифа «Екатеринбург — третья столица» в текстах СМИ // Там же. С. 95–103; *Абашев В.В.* «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопозетика как основа геополитики // *Михаил Осоргин: Художник и журналист.* Пермь: Мобиле, 2006. С. 197–208; *Новопашин С.А.* Священное пространство Урала. В поисках иных смыслов. Екатеринбург: Баско, 2005; *Он же.* Уральский миф. Создание мифологем как фактор успешного брэндинга. Екатеринбург: Раритет, 2007.

⁷⁴ См. также: *Поэзия узников ГУЛАГа.* М.: Материк, 2005.

1920-х гг., в которых век-зверь, век-волкодав оборачивается «жаркой шубой сибирских степей» — «расштанное», развинченное время оборачивается архаично-родным, но также смертельно опасным пространством неведомого Зауралья (стоит ли говорить, что поэт предсказал свою судьбу и образно-географически). Начиная с 1960-х гг. эта неофициальная сибирская прото-мифология начала интенсивно накрываться «плащом» официальной советской пропаганды, связанной с ускоренным освоением нефтяных месторождений Западной Сибири, лесных, гидроэнергетических и минеральных ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, однако, так и не создавшей прочной и автономной геопозитики освоения Зауралья⁷⁵. В качестве небольшого исключения можно указать лишь на специфическую и почти не выходящую на поверхность массовой советской культуры зауральскую субкультуру геологов, антропологов, этнографов и археологов, хранивших и модернизовавших фольклор парасоветского и а-советского интеллигентского андеграунда, в том числе в виде многочисленных бардовских песен — например, А. Гордонниченко и В. Туриянского (в советской литературе 1970-х гг. достойным, хотя и фактически единственным, выражением этого регионально-ментального пласта стало творчество писателя О. Куваева, прежде всего, его роман «Территория» (1975), написанный на материалах полевых экспедиций на Чукотке)⁷⁶.

⁷⁵ Ср.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

⁷⁶ Замятин Д.Н. Русская усадьба: ландшафт и образ // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). С. 86–89. Ситуация начала XXI века представляется гораздо более динамичной и интересной; см., например: Груздов Е., Свешников А. Словарь мифологии Омска (I) // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 250–267. См. также: Тюла В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35; Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Международная научная конференция 24–26 сентября 2004 г. Иркутск: Научная библиотека ИГУ, 2004; Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. // <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>. Симптоматично, что тематика всевозможных региональных текстов, «отпочковавшаяся» от известного «петербургского текста русской литературы» В.Н. Топорова, начала сильно расширяться и углубляться в конце XX века, на руинах советского пространства (ранее всего, естественно, «московский текст» — еще в позднесоветскую эпоху, чуть позднее — «пермский», «уральский», «крымский», «балашовский», «сибирский» и т.д.). С геократической точки зрения можно сказать, что с помощью понятия регионального текста происходит первоначальное ментальное «застолбление» и «межевание» перспективных локальных мифов и географических образов, «подмороженных» советской эпохой.

Между тем, советская эпоха, подобно эпохе поиска русской национальной идентичности примерно веком раньше, прямо способствовала накоплению потенциальных образно-географических ресурсов для построения возможных локальных мифов Зауралья. Масштабные этнографические экспедиции советского времени, направленные на записи мифов и сказок бесписьменных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также на дальнейшие научные интерпретации этого наследия; попытки создания письменности и литературы для отдельных народов Северной Евразии породили к концу XX в. мощный ментальный пласт российской цивилизации, потенциально продвигающий ее к осознанию себя как северо-евразийской — то есть могущей впитать в себя и трансформировать мифы и образы северных и зауральских народов, попавших в сферу ее пространственной экспансии⁷⁷. Другое дело, что фольклор и мифологии коренных народов Севера в советское время почти не проникали на уровень «высокой культуры», оставаясь в рамках традиционно узких научных дискурсов европейского цивилизационного образца (творчество отдельных писателей коренных народов Севера — таких, например, как чукотский писатель Юрий Рытхэу или чукотская поэтесса Антонина Кымытваль — оставалось, по всей видимости, в культурном контексте слегка модернизированного советскими идеологическими установками все того же колониалистского/культуртрегерского дискурса⁷⁸).

Такое когнитивное состояние культуры представляется нам все же достаточно временным и преходящим, поскольку интенсивные социокультурные процессы глобализации способствуют развитию постмодернистских ситуаций смешения всех и всяческих текстов, созданию почти тотальной, континуальной интертекстуальности и формированию бесчисленных — даже не локальных, но уже глобальных — историй. Если же возвращаться к проблематике «петербургского текста», то, скорее всего, она представляет собой вторичную геократическую «реакцию», основанную на известных версиях классического петербургского мифа, однако в значительной степени «вырожденную», идеологически суженную, в силу очевидных обстоятельств советского времени, но также — что важнее (ибо рефлексии на тему петербургского текста продолжают и в начале XXI века) — в силу невозможности устойчивого «расширенного» идеологического воспроизводства самого этого мифа, остающегося — так или иначе — ментальным «памятником» раннего российского модерна и, в то же время, свидетельством геократического кризиса российской цивилизации XIX — начала XX в.

⁷⁷ Публикации в рамках известной научной серии «Сказки и мифы народов Востока».

⁷⁸ Ср.: Малори Ж.-Н. Алея китов. М.: Изд-во NOTA BENE, 2007.

Трансформации образов пространства и места в локальных мифах

Что же происходит с пространством и местом в локальных мифах; каковы условные законы действия и функционирования географического воображения; в конце концов: как преобразуется конкретное пространство и место (будь оно даже изначально только придумано, сфантазировано) посредством и с помощью локальных мифологий? Вопрос этот не так прост, если учитывать, что и сами онтологические представления пространства, пространственных образов претерпели в первой трети XX в. решающие трансформации — прежде всего благодаря мощному интеллектуальному и творческому взрыву в искусстве, литературе, театре, кино, фотографии, гуманитарных и естественных науках. Следует, однако, принять во внимание, что, по-видимому, и само быстрое развитие локальных мифологий в течение, по крайней мере, всего XX в., есть несомненный содержательный признак этой пространственно-онтологической трансформации, которую я называю *геоспациализмом*⁷⁹.

В самом первом приближении можно говорить о следующих ментальных процессах в связи с «поведением» пространства в локальных мифах: это 1) разворачивание и сворачивание исходного представляемого и/или описываемого пространства; 2) фрагментация исходного пространства и выделение наиболее важных его фрагментов для развития мифологического нарратива; 3) метафоризация пространства и места, мифологическое мышление через и посредством места; 4) экзистенциализация места с помощью экзистенциальных, аффектированных географических образов, призванных не только поддерживать, но и углублять разрабатываемый (иногда неосознанно, бессознательно) миф места; 5) интровертирование места, его «закрытие» посредством мощных эмоциональных/чувственных «натисков» — место как бы исчезает, съедается определёнными чувствами, которые в ментальном плане замещают конкретные топографические метки и признаки.

Попробуем дать краткие характеристики выделенным процессам, не забывая, что они могут перетекать друг в друга, сопутствовать друг другу — тем более, если речь идёт о великих или выдающихся произведениях, текстах литературы и искусства.

По всей видимости, разворачивание и/или сворачивание пространства есть принципиальная черта архаических мифологических

⁷⁹ *Замятин Д.Н.* Образный империализм // Политические исследования. 2008. № 5. С. 45–55.

нарративов, унаследованная эпохой Модерна. Тем не менее, в локально-мифологических нарративах эпохи Модерна эта черта играет существенно иную роль, а именно: в отличие от архаических и домодерных мифологий, пространство, разворачивающееся и сворачивающееся как скатерть, служит не поддержанию традиционной сакральной сюжетики космогонического плана, связанного с деятельностью божества или культурного героя-демиурга, а, скорее, поддержанию и развитию вполне профанной сюжетики социокультурного и социопсихологического планов, ориентированных на «выход» места из своих границ с целью своей собственной «репрезентации» — соответственно, действующие лица таких локальных мифов могут быть, чаще всего, трикстерами, неудачниками, людьми, подверженными периодической фрустрации. Наиболее яркие примеры подобных ментальных процессов — ранние произведения Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий»)⁸⁰, роман современного украинского писателя Юрия Андруховича «Московиада»⁸¹.

Фрагментация пространства, его «обрывочность», сосуществование почти рядом в действительности весьма отдалённых друг от друга мест, становление и наращивание «выпуклых», «купольных» фрагментов пространства с помощью соответствующих локально-мифологических нарративов — примета, на самом деле, урбанистического, городского пространства и, естественно, городского мифа Модерна⁸², который с начала XX в. развивается в тесной содержательной связке с мифом техники и машины. Миф машины, воспевающий в том числе скорость, быстроту и свободу передвижения, и миф города (прежде всего большого города, *метрополиса*), развивающий мотивы спонтанной, ускоряющейся, часто хаотичной коммуникации и одновременно, в парадоксальной плоскости, мотивы человеческого «одиночества, потерянности в толпе», способствуют разрыву единого в пространственном отношении мифологического нарратива; теперь

⁸⁰ *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Он же.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293; *Софронова Л.А.* Природное пространство в мифопоэтических измерениях: повесть Гоголя «Вий» // *Ландшафты культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида.* М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 255–272.

⁸¹ *Замятин Д.Н.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах.* Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 293–295; *Дайс Е.* Украинский Орфей в московском аду, или Путь поэта // *Там же.* С. 113–169.

⁸² Ср.: *Пелипенко А.А.* Городской миф о городе (в эволюции художественного сознания и городского бытия) // *Город и искусство: субъекты социокультурного диалога.* М.: Наука, 1996. С. 39–48.

это автономные, прямо не связанные географические образы, чье функционирование поддерживается «ниточкой» доминирующего локального мифа или мифов, также не связанных тесно друг с другом⁸³. Подобная тема, несомненно — одна из главных для западной и русской культуры первой трети XX в.⁸⁴.

Метафоризация пространства и места, мифологическое мышление через и посредством места оказывается актуальным в ситуации неожиданного возвращения к порождению космогоний, но, как это ни странно, именно на местном, топографическом, локальном уровне. Фрагментация пространства в локальных мифах оказывается в какой-то момент опасной для нормального, обычного действия профанной сюжетики, тогда как архаичная сакральная сюжета уже не работает. Такие процессы с образно-географической точки зрения опять-таки связаны с пространством большого города, где любой переулок, любая улица или площадь могут быть или стать топографической основой для местной космогонии смешанного профанно-сакрального характера. В конце концов, верхней планкой для этого локального мифотворчества становится понимание самого пространства как метафоры (или, в более узком варианте, города или культурного ландшафта как метафоры)⁸⁵. Понятно, что метафоризация пространства, с одной стороны, сильно затрудняет традиционные процессы зарабатывания, на-

⁸³ Ср.: *Hudson R., Pocock D.* Images of the urban environment. New York: Columbia University Press, 1978; *Felloneau M.-L.* Love and loathing of the city: Urbanophilia and urbanophobia, topological identity and perceived incivilities // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. Vol. 24. P. 43–52.

⁸⁴ Наиболее характерные примеры в литературе: роман Дж. Джойса «Улисс», роман Андрея Белого «Петербург», немного позднее — роман Андрея Платонова «Чевенгур» (см. более подробно о романе Платонова в данном контексте: *Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // *Вопросы философии*. 1999. № 10. С. 82–90). Художественный авангард 1910–1920-х гг. (кубизм, футуризм, супрематизм) также во многом вдохновлялись образами и мифами больших урбанистических пространств, зачастую сильно фрагментированных, «расколотых», «перемешанных»; см., например: Футуризм — радикальная революция. Россия — Италия. К 100-летию художественного движения. М.: Красная площадь, 2008. Как художественный синтез достижений авангарда в этом направлении можно рассматривать творчество Павла Филонова. В кино: классические работы Франца Ланга «Метрополис» (1927) и Вальтера Рутtmана «Берлин. Симфония большого города» (1927). С этим связана также мощная теория монтажа в кино, принадлежащая С.М. Эйзенштейну; см.: *Эйзенштейн С.М.* Монтаж. Тт. 1–2. М.: Эйзенштейн-Центр, Музей кино, 2000; *Он же.* Метод. Тт. 1–2. М.: Эйзенштейн-Центр, Музей кино, 2002.

⁸⁵ Характерный пример из художественной литературы — роман Хулио Кортасара «Игра в классики».

ращивания региональных идентичностей с помощью конструирования локальных мифов; с другой стороны, как раз эта же локально-мифологическая метафоризация пространства на основе вполне конкретной топографии и топонимики может быть ментальным и онтологическим фундаментом своего рода транс- или панрегиональных идентичностей, творящих, по сути, новый мировой культурный ландшафт (приблизительный аналог — понятие мирового города)⁸⁶.

Экзистенциализация места с помощью экстатических, аффектированных географических образов представляет собой попытку создания локальных мифов как бы вне самого места, несмотря на соответствующий топографический и ландшафтный антураж. Как ни странно, именно такой, зачастую интуитивный, подход порождает довольно устойчивые и влиятельные мифы места. Существенно заметить, что в данном случае место, локус, оказывается пространством «мировых страстей», масштабных трагедий или драм, могущих быть незаметными в сутолоке повседневного бытия. Сам локально-мифологический нарратив возникает здесь посредством «сцепления» аффектированных эмоций, чувств, переживаний, описаний с могущими быть вполне прозаическими топографическими приметам и обстоятельствами⁸⁷. Возможно, процессы локально-мифологической экзис-

⁸⁶ В таком контексте можно рассматривать, например, содержание ряда романов Генри Миллера, относящихся к его «парижскому» периоду. Ср. также: *Злыднева Н.В.* Балканская Атлантида. Ландшафтные метафоры в романе Д. Угрешич «Форсирование романа-реки» // *Ландшафты культуры. Славянский мир* / Отв. ред. *И.И. Свирида*. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 321–332.

⁸⁷ Наиболее яркие примеры — роман Франца Кафки «Замок», поэтическое творчество Бориса Пастернака (в частности, знаменитое стихотворение «Марбург», поэтическая книга «Сестра моя жизнь», роман «Доктор Живаго») и Марины Цветаевой, особенно пражского периода («Поэма Горы» и «Поэма Конца»). Характерен отклик Бориса Пастернака на «Поэму Конца» (Письмо Пастернака Цветаевой 25 марта 1926 г.: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымно-туманной ночной Праги, с мостом то вдаль, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвергнувшемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, Микеланджеловской раскидистости и Толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца. Попала ко мне случайно, ремингтонированная, без знаков препинанья. Но о чем речь, разве еще стол описывать, на котором лежала?» // *Марина Цветаева, Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов*. М.: Вагриус, 2004. С. 148. См. также: *Марбург Бориса Пастернака* / Сост. и вступ. статья *Е.Л. Кудрявцевой*. М.: Русский путь, 2001; *Замятин Д.* Внутренняя география пространства. Геономика любви в поэтической книге Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь» // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 5. М.: Институт наследия, 2008. (в печати).

тенциализации места являются противоположными по своему смыслу и содержанию процессам метафоризации пространства и места — рассматриваемые вместе, эти процессы могут быть представлены как когнитивное «коромысло» и в то же время как образно-географические «весы», позволяющие судить о сбалансированности или несбалансированности, разбалансировке локально-мифологических систем, в том числе локально-мифологических систем определенных территорий.

Интровертирование места, его «закрытие» посредством мощных эмоциональных/чувственных «натисков» представляет собой целенаправленную нарративную стратегию вытеснения мифологического героя из места, с места, в котором он считается или мог бы считаться укоренённым. По сути дела, это, наверное, единственный локально-мифологический процесс эпохи Модерна, практически ничем не обязанный мифологическим мотивам и темам традиционных культур и цивилизаций. Тем не менее, данный процесс в известной степени похож на некоторые наиболее архаичные мифы — прежде всего, значительной сакрализацией самой сюжетики (даже при отсутствии каких-либо религиозных атрибутов), а также проблематикой судьбы, взятой в ее античной трактовке (наиболее ярко — архетипический миф об Эдипе)⁸⁸. Интровертирование места как основа локального мифа может интерпретироваться опять-таки в связи с экзистенциализацией места; в зависимости от контекста интровертирование может следовать за экзистенциализацией места, или же, наоборот, экзистенциализацию можно представить как крайнюю точку интровертирования места. В любом случае, оба этих ментальных процесса являются психофизиологическим выражением адаптационных и/или дисадаптационных трансформаций отдельных сообществ или личностей в пределах их автохтонных географических воображений.

⁸⁸ В литературе европейского Модерна это, опять-таки, во многом творчество Франца Кафки; в японской литературе XX века — рассказы Кадзиро Мотодзиро (1901–1932), своего рода «японского Кафки», при всей натянутости подобных сравнений (см.: *Мотодзиро К.* Лимон. СПб.: Гиперион, 2004); в современной европейской литературе — произведения Михаэля Хандке (особенно роман «Медленное возвращение домой»).

Диагностическая модель локальных мифов: описание и структурная характеристика

В рамках Модерна локальные мифы, как уже отмечалось нами ранее, становятся операциональным ментальным образованием, достаточно последовательно выражаемым какими-либо прагматическими, прикладными актами сознания. Понимание этого обстоятельства позволяет говорить о возможности моделирования локальных мифов в связи с определёнными, вполне конкретными конструкциями географического воображения. Такая возможность может быть использована в весьма неоднозначных социокультурных ситуациях, когда место, местность, город, территория в принципе располагают некоторым множеством неупорядоченных, вероятно, слабо оформленных географических образов, часто сопутствующим депрессивным или полудепрессивным социопсихологическим состояниям локальных сообществ.

По-видимому, следует говорить, прежде всего, о диагностической модели локальных мифов, ориентированной на идентификацию и предварительную оценку роли локальных мифологий в контексте солидарности и сплоченности региональных сообществ / локальных социумов, или же, наоборот, в контексте их раскола и раздробления, социокультурной атомизации⁸⁹. Вместе с тем, подобная модель может заключать в себе и значительный потенциал социокультурного и образно-географического проектирования, в котором разработка и оформление перспективных локальных мифов относится к одной из наиболее важных составляющих. Ниже я попытаюсь в самом общем виде представить приблизительную диагностическую социокультурную модель локальных мифов; последовательность описания ее отдельных элементов и блоков не всегда может совпадать с последовательностью конкретных операций по построению такой модели.

Первый блок модели — мифологические ресурсы территории / территориального сообщества. Сюда можно отнести мифы, связанные с биографиями и деятельностью известных личностей, родившихся и/или живших на этой территории; отдельно можно выделить мифологические персонажи. Другой элемент данного блока — мифы о значительных (исторических) событиях, происходивших здесь. Как правило, любое место, территория стремится быть закономерной и достойной частью так называемой Большой Истории (страны, цивилизационного региона, мира). Естественно, что поиск мифологических ресурсов территории должен во многом опираться на анализ ме-

⁸⁹ Ср.: Территориальные интересы. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1999.

стного фольклора (были, легенды, сказания, песни, сказки и т.д.), чьи записи, как правило, относятся уже к эпохе зрелого Модерна. Следует также учесть потенциал современного мифотворчества, развивающегося достаточно быстро и обладающего технически продвинутыми средствами и каналами коммуникации (Интернет, аудио, видеоканалы), а, кроме того, репрезентируемого сравнительно новыми жанрами массовой культуры (видеоролики в Интернете, фэнтези, кибер-роман, кино, комиксы, трэш, рок-музыка, попса, блоги и т.п.).

Второй блок модели включает описание структур, собранных и предварительно упорядоченных по происхождению, темам, сюжетам и степени распространенности локальных мифов. Здесь необходимо оценить степень сюжетно-тематической повторяемости отдельных мифов, наличие возможных мифологических бриколажей (по Леви-Стросу); содержательные связи локальных мифов между собой. Наконец, сюда же относится выявление архетипических, наиболее важных, репрезентативных для территории мифологических тем и сюжетов, иначе — устойчивых локально-мифологических мотивов и нарративов.

Следующий, третий блок диагностической модели предназначен для идентификации сакрального и/или профанного характера обнаруженных и структурированных локальных мифов. Чаще всего, поздний Модерн и Постмодерн имеют дело со смешанными, эклектичными сакрально-профанными мифами. Тем не менее, вполне очевидно, что можно отдельно выделить и описать фрагменты сохранившихся традиционных сакральных мифов, связанных с традиционными религиями и культами, распространенными в регионе. Кроме того, стоит отметить сакральные мифы, подвергшиеся серьезной профанизации, «обмирщению», и наоборот, профанные мифы, не избежавшие идеологической сакрализации (например, миф о каком-либо местном революционном вожде или герое, партизанском вожде, лидере «вандейского» типа). В целом стоит еще раз подчеркнуть, что процессы десакрализации традиционных локальных мифов в рамках Модерна, по всей видимости, необратимы, однако быстрая профанизация ведущих, доминирующих локальных мифов сопровождается параллельными процессами новой, современной и постмодерной сакрализации, уже не связанной прямо, или прямолинейно, с традиционными религиями.

Рассмотрение, описание и исследование соотношения определенных локальных мифов с конкретными местами, локусами, их топографической «привязки» является содержанием четвертого блока модели. В рамках этого блока можно начинать работу с предваритель-

ной классификации попавших в поле исследования локальных мифов, включающей мифы, обладающие подробной и довольно точной топографической привязкой; мифы, привязанные довольно условно или относительно к тому или иному месту (вариативная, или расплывчатая привязка); и мифы, чья неопределенная или почти не определенная локализация в пределах изучаемой территории может рассматриваться или как своего рода «ментальная метка» (данная территория как бы притягивает миф, сложившийся изначально, по-видимому, на другой территории, но тяготеющий к сходным социокультурным условиям своего общественного воспроизводства), или как результат более общих, более масштабных процессов развития архетипического мифа, «дрейфующего» в территориальных контекстах более высокого уровня (миф как бы больше территории, его «прютившей» — по-другому, системный эффект широкого территориального охвата архетипического мифа)⁹⁰. Последний случай, безусловно, связан, с одной стороны, с известным размахом географического воображения, поддерживающего подобные локальные мифы, а, с другой стороны, с механизмами разработанного ментального дистанцирования по отношению к конкретным социокультурным и природным параметрам развития региональных сообществ.

Представленные выше блоки диагностической модели локальных мифов можно интерпретировать как единый метаблок модели, «ответственный» за образно-географический контекст развития и функционирования локальных мифов определенной территории. Если вернуться к описанной в начале моего текста «пирамиде» пространственных представлений, то можно отметить, что в рамках первого метаблока модели исследуется, по сути, в первом приближении географическое воображение территории как базис, фундамент соответствующих локальных мифов, структурирующих, в свою очередь слабо расчлененное в ментальном плане, недифференцированное в нарративном отношении образно-географическое поле изучаемого региона⁹¹. Далее я перейду ко второму метаблоку модели, в котором конкретизируется и оценивается значимость выявленных локальных мифов в становлении региональных идентичностей.

⁹⁰ Таковы, скажем, характерные и для раннего Модерна мифы о культурных героях, кочующие по многим территориям; для России, например, мифы о Ермаке для территории Урала и Западной Сибири, мифы о Петре Первом, распространенные на большей части Европейской России. (см., в частности: *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. С. 179–223).

⁹¹ См., например, в данном контексте: *Замятина Н.Ю., Замятин Д.Н.* Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 62–87.

Второй метаблок модели включает в себя следующие блоки: 1) оценка степени развития локальных мифов, 2) оценка разработанности и влиятельности тех или иных локальных мифов в социокультурных сегментах регионального сообщества, ответственных за функционирование основных каналов региональной коммуникации; 3) оценка характера преобладающей аксиологической (ценностной) нагрузки локальных мифов в местном социуме. Как уже можно понять из этого предварительного перечисления, данный метаблок имеет оценочный характер, в отличие от первого, ориентированного главным образом на идентификацию, выявление и первичное описание заслуживающих внимания локальных мифов.

Блок оценки степени развития локальных мифов (в региональном общественном сознании) может основываться на социологических исследованиях (опросы, в том числе отобранных экспертов, изучение общественного мнения, глубинные интервью, применение методов качественной социологии), а также на контент-анализе местных СМИ и ключевых текстов, доминирующих в региональном общественном сознании⁹². Здесь, очевидно, можно выделить и обосновать, по итогам подобных исследований, три обобщенных оценки: а) высокая степень развития локальных мифов, локальные мифы во многом определяют менталитет и деятельность местного социума; б) средняя степень развития, локальные мифы влияют на некоторые аспекты формирования менталитета и деятельности местного социума; в) низкая степень развития, локальные мифы почти не влияют или слабо влияют на менталитет и деятельность местного социума. Ясно, что эти градации могут быть дифференцированы и более глубоко и подробно, в зависимости от необходимости проведения более детального изучения.

Блок оценки разработанности и влиятельности тех или иных локальных мифов в социокультурных сегментах регионального сообщества, ответственных за функционирование основных каналов региональной коммуникации, также может опираться на социологические опросы и экспертные мнения, обработанные в рамках соответствующих социологических процедур. В данном случае можно приблизительно отождествить понятие социокультурного сегмента и локальной культуры / субкультуры. Как наиболее важные в локально-мифологическом срезе можно рассматривать политическую культуру, массовую культуру территории, культуру элит (политической, управлен-

⁹² См., например: *Карбаинов Н.* «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии. 2004. № 2 (25). С. 170–184.

ческой, экономической, культурной, интеллектуальной)⁹³. Следует, конечно, учесть, что в персональном, институциональном и идеологическом аспектах отдельные элиты могут частично пересекаться и переплетаться. В этом же блоке необходимо оценить разработанность и влиятельность локальных мифов в местных СМИ (преимущественно, методами контент-анализа)⁹⁴.

Оценка характера преобладающей аксиологической (ценностной) нагрузки локальных мифов в местном социуме может быть разработана с различной степенью подробности. В самом общем приближении может быть выделена преимущественно а) положительная, позитивная нагрузка, б) нейтральная, уравновешенная, сбалансированная нагрузка (есть и «добрые», и «злые» локальные мифы, как бы отражающие в содержательном плане друг друга); в) преимущественно отрицательная, негативная нагрузка, связанная с формированием депрессивных и полудепрессивных региональных идентичностей; г) смешанная/противоречивая, «турбулентная» нагрузка («положительные» и «отрицательные» мифы слабо или почти не связаны друг с другом, само содержание этих мифов неустойчиво, изменчиво), характерная, видимо, для местных социумов в переходные политические и социально-экономические эпохи⁹⁵. Здесь, помимо собственно социологических методов, важен феноменологический анализ

⁹³ См., например: *Пеутов Е.В.* Политические мифы Белгородчины // <http://socio.navtika.narod.ru/Staty/diegesis/belmif.htm> (дата посещения — 2.10.2008).

⁹⁴ См., например: *Соболева Е.Г.* Указ. соч.

⁹⁵ Подобные локально-мифологические системы начинают возникать на заре эпохи Просвещения и в начале эпохи классического позитивизма и ранней индустриализации, когда пасторальный мир сельских идиллий уже начинает разрушаться, хотя главные его основы еще не поколеблены; в то же время начинают рождаться локальные мифы урбанистических и параурбанистических пространств, во многом интровертивных и насыщенных мифопоэтикой и мистикой «страшных мест». К такой традиции можно отнести ранний классический европейский роман, развивавшийся на «образных руинах» романа готического и романтической традиции и достигший своей зрелости к началу XX века. Характерный пример — творчество Густава Майринка по отношению к пражскому мифу (для русской литературной традиции интересен параллельный пример формирования московской локально-мифологической системы, когда примерно с начала 1920-х гг. возникает некоторое неустойчивое, турбулентное состояние, в ауре которого естественным образом появляются произведения Чаянова и Булгакова, начинаются публикации записей народных мифологических историй о тех или иных местах столицы, зачистую весьма страшных (см.: *Московские легенды*, записанные Евгением Барановым / Сост., вступ. ст. и примеч. *В. Боковой*. М.: Литература и политика, 1993; *Черная книга. Московская легенда*. СПб.: Библиополис, 2006.

отдельных ключевых локальных мифов с точки зрения становления конкретных региональных идентичностей⁹⁶. Необходимо также учитывать внешний фон, когнитивно-географический контекст, несомненно, влияющий как на содержание, так и на аксиологическую нагрузку локальных мифов.

В третьем метаблоке диагностической модели локальных мифов описывается взаимодействие локальных мифов с соответствующими культурными ландшафтами; иначе говоря, прослеживается степень локально-мифологической визуализации, вербализации, «текстуализации» изучаемой территории⁹⁷. Данный метаблок пока не расчленяется мной на отдельные блоки. Основное внимание уделяется характеру и степени культурно-ландшафтной репрезентации локальных мифов⁹⁸. К наиболее существенным репрезентациям такого рода относятся памятные знаки и монументы, территориальные коммеморации (празднества)⁹⁹, включая и вполне уже традиционные праздники «Дня города» и «Дня района»; региональные культурные тексты, бытующие на традиционных и нетрадиционных носителях, включая собственно визуальные и письменные тексты (фото, кино, видео, живопись и графика, видео-арт, Интернет, граффити, художественные произведения, современный фольклор, народная топонимика, региональный сленг¹⁰⁰); специфические субкультурные тексты в форме коммерческих торговых марок, слоганов и брендов (возможны и некоммерческие, в том числе политические, социальные и культурные варианты), проявляющиеся в соответствующей рекламе и демонстрируемые

⁹⁶ См., например, интересный анализ тобольского городского мифа, принадлежащий С.В. Рассказову: Локальные и региональные идентичности: пример Юго-Западной Сибири // <http://wasunchik.livejournal.com/50223.html> (дата посещения — 2.10.2008); также: Кузнецов В.В. Тверской княжеский ономастикон и тверской миф // Провинция как реальность и объект осмысления // Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 184–193.

⁹⁷ См. хороший пример: Митин И.И. Мифогеография Европейского Севера: семиотико-мифологическая модель культурного ландшафта // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России / Отв. ред. Н.М. Теребин. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2006. С. 46–53.

⁹⁸ Ср.: Schama S. Landscape and Memory. New York: Vintage Books, 1996.

⁹⁹ См.: Дахин А. Место памяти. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 320–322; Он же. Город как место памятования // Там же. С. 164–180; Он же. Городская коммеморация. Материалы к словарю гуманитарной географии // Там же. С. 278–280.

¹⁰⁰ См., например: Никитина Т., Рогалева Е. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М.: ЭЛПИС, 2006.

на определённых материальных и нематериальных продуктах. Подобные культурно-ландшафтные репрезентации требуют внимательного семантического и герменевтического анализа, поскольку, с одной стороны, они могут быть вполне очевидными (популярный в регионе «народный» миф)¹⁰¹, а, с другой стороны, довольно латентными, скрытыми — в силу тех или иных политических и культурных обстоятельств. Серьезную помощь в исследовании таких репрезентаций может оказать изучение различных вернакулярных (обыденных) районов территории / города и соответствующих ментальных карт¹⁰², в принципах формирования которых могут проявляться устойчивые локальные мифы¹⁰³.

Четвертый метаблок модели является, по сути, итоговым, синтетическим: здесь дается обобщающий феноменологический диагноз обнаруженных и исследованных локальных мифов определённой территории и в то же время в его рамках оцениваются перспективы формирования и/или конструирования новых локальных мифов. Соответственно, этот блок распадается на два блока — блок обобщающего диагноза и блок прогноза.

В блоке обобщающего феноменологического диагноза делается попытка оценить значимость рассмотренных локальных мифов в жизни регионального сообщества и в формировании фундаментальных пространственных представлений территории и о территории. Вне всякого сомнения, этот диагноз может быть дан только

¹⁰¹ Такова, например, довольно обширная неязыческая локальная мифология, сложившаяся вокруг знаменитого Стоунхеджа в Англии, см.: Studing Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson and P. Richards. New York: Oxford University Press, 2003. P. 156–159.

¹⁰² Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982; Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990; Eden C. Cognitive mapping // Eur. J. of Operational Res. 1988. Vol. 36. # 1. P. 1–13; Kitchin R.M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behaviour interaction // Progress in Human Geography. 1996. 20, 1. P. 56–84. См. также интересный образный проект, представленный в июне 2005 г. на выставке «Мифы города О.» в омской галерее «Лошадь Пржевальского» и обыгрывавший сходство очертаний границ Омской области с фигурой медведя: Баранов С.М. Проект «Медвежий угол» // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. Вып. 3. Омск: Издательский Дом «Наука», 2005. С. 99–102.

¹⁰³ См. блестящее локально-мифологическое исследование современных культурных ландшафтов города Касимова (Рязанская область), в котором использован также новый тип карты — образно-средовая карта (промежуточный тип карты между ментальной и образно-географической картами): Митин И. Воображая город: ускользающий Касимов // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 5–27.

с учетом более общих когнитивно-географических контекстов (соседние территории, типологически сходные территории в стране и за рубежом, соотношенность с базовыми национальными мифами и образами). Вместе с тем, главное внимание должно быть уделено собственно локально-мифологической специфике территории — т.е. того ментального слоя, который во многом «отвечает» за существование и развитие территории в действительности (другими словами, если такой локально-мифологической специфики или уникальности не обнаружено, то само автономное существование территории, по крайней мере, в ментальном, но также и в институциональном плане, проблематично).

Блок локально-мифологического прогноза не должен претендовать на жесткое определение перспектив конструирования новых локальных мифов территории. Его задача несколько «скромнее»: оценить на базе проведенного анализа перспективность уже существующих и функционирующих мифов, исходя из перспектив развития самой территории в целом и ее сообщества. В то же время могут быть даны и некоторые рекомендации к созданию или первичной разработке новых локальных мифов — либо уже «вписывающихся» в существующее локально-мифологическое поле, либо несколько меняющую общую картину в силу необходимости выведения регионального сообщества и его идентичностей из состояний депрессии, застоя или распада. Понятно, что в действительности, несмотря на практические попытки сознательной разработки новых локальных мифов, будут происходить довольно слабо поначалу прогнозируемые ментальные процессы, однако их «обозримость», видимость и анализируемость будет довольно высокой — в такой ситуации, по всей видимости, уже можно прогнозировать как бы спонтанное, «снизу», появление и развитие действительно новых по содержанию локальных мифов (локально-мифологическое конструирование «сверху» может играть роль первоначального ментального толчка, усилия, сдвига довольно инертной ментальной «толщи», далее возможен и эффект локально-мифологического «снежного кома»).

Локальность и миф: онтологические основания локально-мифологического моделирования

Всякая феноменологическая модель (таковой является и представленная мной выше диагностическая модель локальных мифов) нуждается в онтологическом обосновании¹⁰⁴. Эффективное функционирование феноменологической модели связано с представлением о том, что наличное бытие, как бы отвечающее за понятия действительности и/или реальности, не описывается какими бы то ни было образами или архетипами, с помощью которых могли бы действовать те или иные индивиды или какое-либо сообщество в целом¹⁰⁵. Однако можно говорить об онтологиях существования, онтологиях экзистенций отдельных действительностей, реальностей, миров и, следовательно, пытаться «размножить» какие-либо упорядоченные модельные представления, «опрокидывать» их в параллельные миры. Именно так в рамках массовой культуры второй половины XX — начала XXI в. развиваются, например, научная фантастика, а чуть позднее и жанр фэнтези.

Географическое воображение эпохи Модерна фактически «расправилось» с одномерными пространственными представлениями, как бы оукленными в пределах определённой культуры или цивилизации. Вместе с тем многочисленные ментальные образования и ментальные фантомы Модерна и Постмодерна «упакованы» в специфические западные оболочки — евроатлантическое или евроамериканское цивилизационное сообщество контролирует главные феноменологические процессы, диктуя смежным цивилизационным сообществам метацивилизационные правила создания и функционирования подобных ментальных оболочек. Тем не менее, сами онтологии все новых и новых, но все же типовых ментальных конструктов остаются своего рода местом экзистенциальной свободы и оригинальных экзистенциальных стратегий.

В чем состоит экзистенциальная свобода локальных мифологий? Всякий миф по своему происхождению локален, однако всеобщность архетипических мифов основана, в том числе, на феноменологическом преодолении их локальности как таковой. Эпоха Модерна и Постмодерна позволила как бы перевернуть само понимание ло-

¹⁰⁴ Ср.: Горюнков С.В. О соотношении мифологии и онтологии // Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 88–101.

¹⁰⁵ Ср.: Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. 2002. № 2. С. 6–22.

кальности мифа: любая локальность, любой локально-ментальный конструкт может рассматриваться как миф, если в нем территория, регион, место мыслится/воображается как нарративная протяженность и напряженность самого пространства — пространства, самого себя «рассказывающего». Локальный миф есть онтологическое «предчувствие» места в его проективном будущем, *пред-стоящем*, размещаемом и представляемом последовательностью конкретных географических образов прошлого и настоящего, *об-стоящих* пространственность как возможность любой онтологии.

Калуцков В.Н.

О гуманитарных ресурсах регионального развития в связи с гуманизацией географии

Культурный поворот, гуманитарный дискурс еще несколько лет назад характерные только для западной географии быстро становятся отличительной чертой современной российской географии [21]. Об этом, в частности, свидетельствует и тематика проведенной по инициативе Института географии и Института наследия 6–9 июня 2009 г. в Вологде конференции «Гуманитарные ресурсы регионального развития». Однако если задаться вопросами: «Работают ли большинство экономико- и физико-географов с гуманитарными ресурсами?», «Позволяет ли существующие подходы и методы «увидеть» и задействовать этим ресурсы?», — ответ на них будет отрицательным. Тем самым, ситуация с гуманитарными ресурсами выводит к другой проблеме — проблеме *гуманизации самой отечественной географии*.

Гуманизация географии представляет собой не только в определенной степени модное течение. Она предполагает смену научных парадигм, существенное изменение теоретических посылок и методологии самого географического исследования. При обсуждении проблем гуманизации географии важно различать механизмы, направления и формы этого постепенно становящегося все более мощным движением.

Механизмы, направления и формы гуманизации географии

Механизмы гуманизации географии. Выделяются понятийно-терминологические, методологические и институциональные механизмы гуманизации.

- 1) Расширение круга базовых географических понятий. Одна из проблем современной гуманитарной географии — неоправданно широкое использование понятия территории. В частности, существует определение культурной географии как интерпретации территории [17]. Однако и физическая и экономическая география — это тоже интерпретации территории. Нужно хорошо понимать, что территория — принципиально негуманитарное (биологическое, управленческое, политическое) понятие [11]. Среди других базовых географических понятий, к которым относятся пространство, регион (район), ландшафт, место, территория обладает наименьшими культурными смыслами [18].
- 2) «Окультуривание» основных географических понятий (пространство, район, место, ландшафт). Такое «окультуривание» должно происходить в терминологическом (культурное пространство, культурный ландшафт и т.п.) и в содержательном плане.
- 3) Задействование обеспечивающих понятий, в которых «просматривается» культурное измерение (город, страна, край, местность, урочище). Многие традиционные в географии объекты изучения обладают значительным историко-культурным и образно-символическим потенциалом. Пример такой работы показал еще сто лет назад историк и графовед Н.П. Анциферов, который ввел термин *городское урочище* [1].
- 4) Освоение и применение в географии методов гуманитарных наук. Для освоения и применения в культурно-географических исследованиях методов социологии, психологии, культурологи, искусствоведения, этнографии, фольклористики, лингвистики, топонимики, музыковедения и других гуманитарных наук желательное участие специалистов.
- 5) Разработка новых комплексных гуманитарно-географических методов. К примеру, нами были разработан метод ландшафтно-топонимического картографирования, метод пространственной локализации социокультурной информации и другие [9].
- 6) Создание новых (пограничных) научных направлений и дисциплин. К таким дисциплинам относятся возникшие в последние годы культурное (этнокультурное) ландшафтоведение, мифогеография, когнитивная география и т.д. [7, 9].

Направления гуманизации географии.

- 1) Выявление региональных (местных) культурных кодов, артикуляция, топонимизация мест, ландшафтов, регионов. Направление нацелено на выявление уникальности исследуемого объекта в визуальном, природном, историческом, архитектурном, социальном, ономастическом и других аспектах.
- 2) Одухотворение, сакрализация, фольклоризация мест, ландшафтов, регионов. Данное направление сосредоточено на духовной стороне исследуемого объекта.
- 3) Субъективизация объектов культурно-географических исследований, исследование внутренних культурных ландшафтов и региональных (местных) идентичностей. С этой целью в развитие объектно-компонентной модели культурного ландшафта была разработана субъектно-объектная модель (рис. 1). Основным субъектом культурного ландшафта и его пространственной организации выступает *человеческое сообщество* (на локальном уровне — *местное сообщество*). Такой подход позволяет выявлять и работать с *внутренним культурным ландшафтом* [8, 9].
- 4) Культурно-географическое районирование страны и регионов. Известна только одна работа по культурно-географическому (культурно-ландшафтному) районированию страны [2]. Между тем значимость подобных работ трудно переоценить: именно

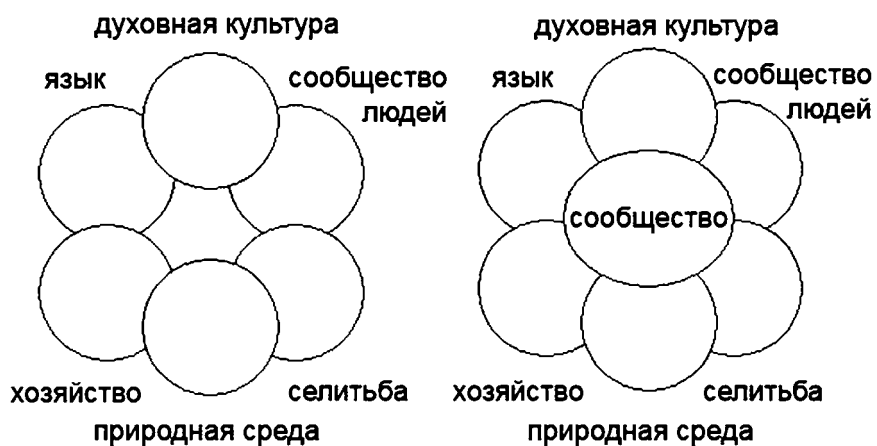

Рис. 1. Объектная и субъектно-объектная модели культурного ландшафта

- культурно-географическое районирование должно стать основой региональных вузовских и школьных учебников по географии.
- 5) Культурно-географическое (культурно-ландшафтное) номинирование регионов, ландшафтов и мест. Наряду с культурно-ландшафтным районированием регионов и ландшафтов актуально в соответствии с культурной традицией номинирование исследуемых объектов. Физико- и экономико-географы обычно используют для названия своих объектов формальные ориентационные признаки. К примеру, топоним *Русский Север* как наиболее адекватный в культурно-ландшафтных работах в физико-географических исследованиях обычно заменяется на название *Север ЕТР* или *Северо-Запад России*.
  - 6) Разработка социо(этно)культурных стратегий репрезентации и интерпретации и создание на их основе описаний и презентаций районов, мест, ландшафтов. Одним из наиболее ярких примеров культурно-ландшафтного описания крупных регионов России, выполненного на основе интерпретации наследия, является работа Ю.А. Веденина [3].

Практические формы гуманизации географии.

- 1) Разработка междисциплинарных (гуманитарно-географических) исследовательских проектов. Характерными примерами таких проектов являются издания трудов междисциплинарного семинара «Культурный ландшафт», в которых наряду с географами, принимают участие философы, этнографы, фольклористы, представители других специальностей [6, 12, 13]. Близкий по проблематике семинар, инициированный В.В. Анненковым, некоторое время работал в ИГ РАН. В таких проектах географы многое могут предложить: системное видение ситуации, комплексность, пространственный подход, картографический метод, знание природных процессов и т.д.
- 2) Разработка междисциплинарных (гуманитарно-географических) образовательных и просветительских проектов. К таким проектам относятся образовательные программы, учебные пособия и учебники гуманитарно-географической направленности, популярная литература и т.д. Примером такого проекта может служить Молодежная школа по культурному ландшафту, состоявшаяся в феврале 2009 г. на Географическом факультете МГУ.
- 3) Содействие возрождению краеведения (градоведения). Возможно, это возрождение будет проходить на новых мировоззренческих основаниях. Важно понимать, что краеведение — это

общественная база не только культурной географии, но и всей гуманитарно ориентированной географии. Символично, что одна из последних книг русских антропогеографов, адресованных краеведам и изданных перед «закрытием» антропогеографии («закрытии», которое произошло одновременно с ликвидацией общественного краеведения), была написана выдающимся русским антропогеографом В.П. Семеновым-Тянь-Шанским и называлась «Что должен знать краевед о географии человека» [19].

«Окультуривание» ландшафта как пример гуманизации одного из важнейших географических понятий

Процесс «окультуривания» ландшафта как основного объекта ландшафтных исследований можно рассматривать как один из аспектов процесса гуманизации географии [7, 9].

На первом этапе содержание процесса «окультуривания» заключалось в восстановлении тематики, в конструировании культурного ландшафта как объекта, различающегося от других объектов ландшафтных исследований. Этот процесс в русской географии актуализировался с конца 1980-х гг.

Под культурным ландшафтом понимается природно-культурный территориальный комплекс, освоенный человеческим сообществом.

На втором — современном — этапе «окультуривания» культурный ландшафт рассматривается нами как тотальный ландшафтный объект, как основной объект ландшафтных исследований. Это означает, что такие значимые для ландшафтоведения объекты как природный ландшафт, антропогенный ландшафт и даже техногенный ландшафт могут рассматриваться как частный случай культурного ландшафта.

Возможность тотального подхода к ландшафту (культурному ландшафту) заложена еще в разработках антропогеографов (рис. 2).

Природный ландшафт как культурный. Следует подчеркнуть, что, к примеру, в американской географии концепт природного ландшафта как объекта географического исследования вообще не рассматривался как значимый по причине того, что природные ландшафты «исчезли» с появлением исторического человека [23]. В русской географии идея «природного» ландшафта как культурного разрабатывалась Е.Ю. Колбовским [10].

Действительно, любой даже самый удаленный, самый ненарушенный «природный» ландшафт хранит в себе *память освоения*, память места. Циклические волны освоения «захлестывали», казалось бы,

самые глухие уголки Земли в тропических и арктических пустынях, экваториальных и таежных лесах.

В этой связи уместно привести типологию культурных ландшафтов В.П. Семенова-Тянь-Шанского с позиции цикличности их освоения: «... 1) Пейзаж первобытный, дикий, девственный... 2) Пейзаж полудикий... 3) Пейзаж культурный, в котором человек использовал и переместил по своей воле в полной мере с большим техническим совершенством все элементы минеральные, растительные и животные, истребив часть первобытных из них дотла и заполнив всю территорию совершенными произведениями своего труда над Землей. 4) Пейзаж дичающий... 5) Пейзаж одичавший...» [20: 50].

Тем самым *любой «природный» ландшафт можно рассматривать как культурный, находящийся в процессе натурализации («одичания», по В.П. Семенову-Тянь-Шанскому). Память освоения в «природных» ландшафтах проявляется иногда в элементах специфической про-*

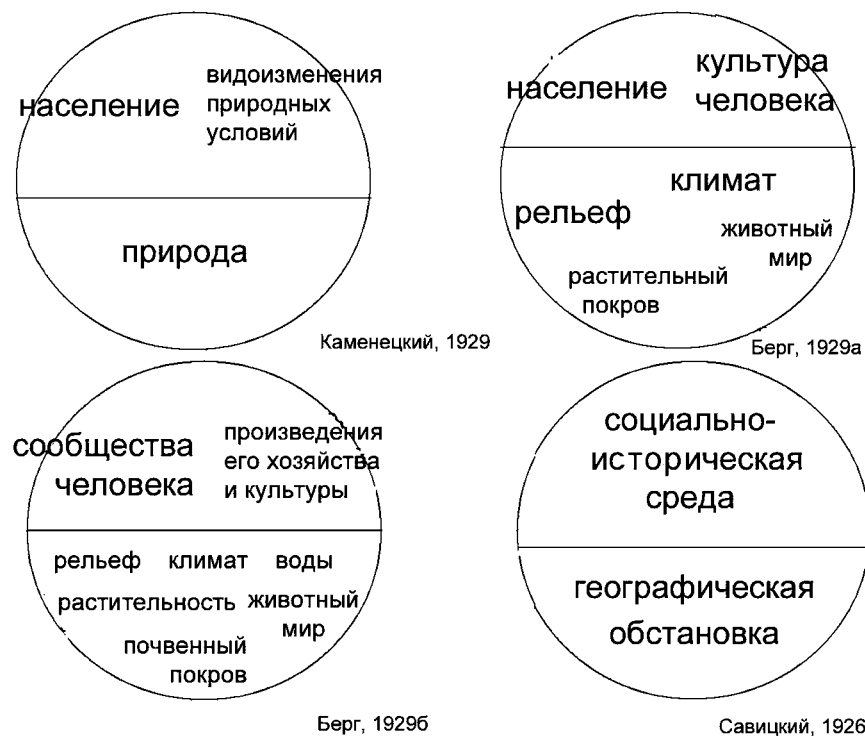

Рис. 2. Антропогеографические модели ландшафта

странственной организации (например, в террасировании склонов), сохранившихся памятниках истории и археологии, в топонимии и топонимических преданиях, устной истории мест и т.д.

При формировании представления о «природном» ландшафте значительную роль играет этнический взгляд на ландшафт: то, что одни этносы считают диким, природным, другие воспринимают как одухотворенное и глубоко освоенное [7].

В современных условиях все чаще специалисты по природным ландшафтам работают в заповедниках и национальных парках, т.е. на территориях, внутри которых сознательно лимитируется хозяйственная деятельность. Тем самым «природность» исследуемых «природных» ландшафтов поддерживается искусственно. Таким образом, *любой «природный» ландшафт является «скрыто культурным».*

Антропогенный ландшафт как культурный (на примере агроландшафта). Концепт антропогенного ландшафта, инициированный Ф.Н. Мильковым, можно считать первым важным шагом в «окультуривании» понятия ландшафта [16]. В модели агроландшафта, разработанной учеником Ф.Н. Милькова М.И. Лопаревым, выделяются природные и антропогенные компоненты [15]. В состав антропогенных компонентов ландшафта входят поля, лесополосы, почвозащитные инженерные сооружения и т.д. Однако в представленной модели агроландшафта нет крестьянина, сельского сообщества с его деревней, храмом, кладбищем и многими другими элементами традиционной культуры.

Современные географы осознают неполноту антропогенного ландшафта: «...понятие «культурный ландшафт» предпочтительнее термина «антропогенный ландшафт», имеющего широкое хождение в географии, главным образом благодаря работам Ф.Н. Милькова. Кроме того, второй термин неудачен с этимологических позиций («ландшафт, сделанный человеком»)» [5]. Предложение Г.А. Исаченко о замене термина «антропогенный ландшафт» на «ландшафт культурный» также можно рассматривать как проявление процесса «окультуривания» ландшафта. Однако, на наш взгляд, проблема лежит не в области семантики, а гораздо глубже — в разном понимании и, соответственно, в разных стратегиях «окультуривания» ландшафта.

Используя объектную модель культурного ландшафта, можно характеризовать *антропогенный ландшафт как неполный культурный ландшафт*, в котором не учитываются языковой, человеческий и духовно-культурный компоненты (рис. 1).

Техногенный ландшафт как культурный. Казалось бы, техногенные ландшафты (карьер, отвалы, промышленные площадки и т.п.)

далеки от того, что мы понимаем под культурным ландшафтом. Но это только на первый взгляд. Во-первых, подход к таким объектам с позиции культурного наследия (индустриальное культурное наследие) позволяет по-другому взглянуть на привычно «неэкологичное» и «некультурное». Во-вторых, быстро развиваются новые исследовательские направления, такие, как промышленная археология, индустриальное ландшафтоведение и другие. В рамках данных подходов техногенные ландшафты — это тоже *ландшафты памяти*. По мнению Ю.Г. Тютюнника количество информации в техногенном ландшафте прирастает исторически и «... ландшафт акультурный со временем превращается в ландшафт культурный» [23]. Этот процесс происходит и в наши дни, причем довольно быстро: промышленные предприятия, построенные всего два-три десятилетия назад, выступают маркерами советского слоя современного российского культурного ландшафта.

Современные *техногенные ландшафты можно рассматривать как потенциально культурные. Они и сейчас отражают определенный мировоззренческий подход и определенную культуру природопользования.*

Выводы

1. «Культурный поворот», гуманизацию географии следует обсуждать в практической плоскости — практические формы, механизмы, реальные направления работы. Нужно выстраивать более гармоничную систему базовых понятий в культурной географии и культурном ландшафтоведении, включающую не только понятие территории, но и пространство, регион (район), ландшафт, место.
2. Процесс «окультуривания» ландшафта как одного из основных объектов географических исследований нужно рассматривать в аспекте гуманизации географии. На первом этапе содержание процесса «окультуривания» заключалось в восстановлении тематики, в конструировании культурного ландшафта как объекта, отличного от других объектов ландшафтных исследований. На втором — современном — этапе «окультуривания» культурный ландшафт рассматривается нами как тотальный ландшафтный объект, основной объект ландшафтных исследований. Это означает, что такие значимые для ландшафтоведения объекты как природный ландшафт, антропогенный ландшафт и даже техногенный ландшафт могут и должны рассматриваться как частный случай культурного ландшафта.

3. В этой связи любой «природный» ландшафт является скрыто культурным, антропогенный ландшафт можно характеризовать как неполный культурный ландшафт, в котором не учитываются языковой, человеческий и духовно-культурный компоненты, а современные техногенные ландшафты можно рассматривать как потенциально культурные.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб: Лениздат, 1991.
2. *Веденин Ю.А.* Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 а. С. 335–337.
3. *Веденин Ю.А.* Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 б. С. 338–382.
4. Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. *Д.Н. Замятин*. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2006.
5. *Исаченко Г.А.* Культурный ландшафт и процессы запустения // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 93–106.
6. *Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье (семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов). М.: Изд-во ФБМК, 1998.
7. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
8. *Калуцков В.Н.* Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 116–132.
9. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
10. *Колбовский Е.Ю.* Ландшафтоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: ИЦ «Академия», 2006.
11. *Костинский Г.Д.* Идея пространственности в географии // Известия АН СССР. Сер. географ. 1992. № 6. С. 31–40.
12. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования (семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов). Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

13. Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования (Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт») / Отв. ред. *В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
14. *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
15. *Лопырев М.И.* Основы агроландшафтоведения: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995.
16. *Мильков Ф.Н.* Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973.
17. *Новиков А.В.* Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. М.: МГУ, ИЛА РАН. 1993. С. 84–93.
18. *Рагулина М.В.* Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004.
19. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Что должен знать каждый краевед о географии человека. Л.: Брокгауз и Ефрон, 1927.
20. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
21. *Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. географ. 2008. № 5. С. 21–33.
22. *Тютюнник Ю.Г.* Объекты индустриальной культуры и ландшафт. Киев: ИПК университета «Украина», 2007.
23. *Harthshorne R.* The nature of geographie. A critical survey of current thought in the light of the past. Pensilvania: Association of American Geographers, 1939.

Левинтов А.Е.

Память как основание регионального сознания

*Мы докажем себе и миру,
что можно жить без развития*
Миссия города Кармел,
Калифорния

В нашем бурно меняющемся и быстро развивающемся мире должно быть дано право на отказ от изменений и развития, хотя бы малым местам и городам, которые вызывают у нас умиление и восторг именно тем, что не развиваются и не изменяются в своей красоте.

Этим малым крупицам посвящена данная работа.

Парадокс «персонажи-декорации»

Мы оказались в парадоксальной и уникальной ситуации: мы — первое поколение людей, которым реально понадобилась память.

До сих пор люди на протяжении своей жизни ощущали себя в неизменной или непринципиально меняющейся социальной, культурной, ландшафтной, информационной, лингвистической, технической и мировоззренческой среде. Если изменения и происходили, то только в одной из этих сред: остальное оставалось неизменным: и пусть разрушен Храм и распят носитель нового учения: мир остался неподвижен и вечен, как бессмертные оливы.

На памяти нашего поколения массовое мировоззрение поменялось сначала на атеистическое, а затем — вновь на религиозное, примат государственных интересов — на примат прав человека, мы родились в городах и деревнях, которые уже давно не существуют и исчезли на наших глазах, мы жили, покупая иглы для примусов в керосиновых лавках, мы стояли в очередях за колбасой, жильем и телефоном, мы помним, как громили абстракционистов и формалистов, мы собирали грибы там, где теперь покупаем их маринованными. Мы сами даже биологически поменялись.

Удивительным образом мы сталкиваемся с людьми других формаций, взглядов, культуры, с теми, с кем мы прожили эту жизнь практически одновременно и бок о бок.

Жизнь все более становится похожей на театр: все те же персонажи действуют в быстро меняющихся декорациях, которые эти персонажи не всегда узнают и все менее понимают. Персонажи, по сути сохраняя только свои имена, повторяют нашептываемые им во все уши СМИ-суфлерами тексты, чаще всего нелепые и несуразные.

Возможно, так теперь будет всегда, до конца дней, но наша генерация — первая, а потому не имеющая исторического опыта проживания в меняющемся мире.

Некогда сотворенный мир вдруг оказался творимым — и мы его со-творцы, мир меняется нами, и мы изменяемся вместе с ним.

Структуры сознания, сознание и совесть, память и понимание

Из всех интеллектуальных способностей сознание первично. Собственно, оно свойственно всему живому, а потому примитивно, примитивней, например, понимания и мышления, этих интеллекхий, присущих только человеку.

В. Лефевр редуцирует в своих теоретических построениях структуру сознания до совести [3]. В русском языке синонимия сознания (*со-знания*) и совести (*со-вести*) не так фонетически заметна, как в английском языке (соответственно *consciousness* и *conscience*), но она достаточно очевидна: «знание» и «весть» с префиксом «со» означают совместное владение и использование некоей осмысленной и достаточно упорядоченной информации.

Признавая этическую функцию сознания (прежде всего, различение Добра и зла), следует также выделить особый конструктив сознания, а именно память. Память обладает кумулятивным свойством и, главное, может быть отчуждена и перенесена на другие, не ментальные носители, которые мы называем памятниками, памятные места и которые напоминают нам о смыслах, заключенных в них. Память есть культура (материальная и духовная), смыслы которой сохраняются в сознании.

Память обладает одним удивительным свойством: вспоминаемое, прежде, чем всплыть в памяти, непременно должно утонуть, исчезнуть, оказаться заслоненным — мы не можем помнить непрерывно. И нам нужны маркеры, метки, «спасатели» утонувшего. Этими спасателями и напоминателями являются некоторые внешние поводы, чаще всего, памятники и памятные места.

Вещный мир вещает нам и напоминает о сути (истинности) бытия, если мы понимаем эти вести. Понимание, следовательно, та интеллектуальная способность, которая связывает нас с нашей же куль-

турой. Следуя теории «герменевтического круга» Ф. Шлейермахера [5], мы понимаем в меру освоения нами культуры, мы культурны в меру своего понимания.

Можно утверждать: границы региона — границы понимания нами вестей культурных, ландшафтных и культурно-ландшафтных памятников территории.

Для любого оккупанта памятники захваченных им территорий немые: азербайджанцы интенсивно разбивают каменные хачкары — им чужда и невнятна духовная культура армян. Мы также помним совсем недавние времена, когда в нашей стране сначала уничтожались культовые сооружения и памятники царской эпохи, а потом культовые сооружения и памятники советской эпохи.

И, чтобы задать ретроспективу, напомним, что один из египетских фараонов, будучи гексосом, чужаком, приказал перебить в Луксоре имена всех предыдущих фараонов и заменить своим именем, чтобы доказать свое прямое и непосредственное происхождение от бога солнца Ра.

Для американцев до недавнего времени Америка и памятники индейской культуры были немые. Лишь в самое последнее время началось восстановление погребенных под мусором цивилизации смыслов и памятников индейцев — весьма фрагментарно и поверхностно. Земля, недра и небеса Америки до сих пор трясают нас, азиатов и европейцев своей немотной пустотой. Образно говоря, «Забриски поинт» мы знаем только по фильму Антониони и вовсе не понимаем культурного и сакрального значения этого природного памятника индейцев пустыни Мохаве.

Границы региона, говоря иначе, задаются гением и совестью места [1].

Проектирование как работа с будущим

Проектирование может быть представлено дважды: онтологически и в логике некоторой последовательности операций/технологии.

Онтологически проектирование представляет собой три вмещающих себя обвода: в центре находится проектирующая деятельность, в среднем обводе — деятельность по реализации проекта (например, строительство), во внешнем обводе — проектируемая деятельность, оестествляемая, а потому достаточно независимая в своем дальнейшем существовании и распространении от проектной и реализационной деятельности.

Эта искусственная конструкция прямо противоположна жизнедеятельностным. Так, например, матрешки-родословия амазонок

вмещают порождаемое в порождающее несколькими генерациями — и это представляется вполне естественным.

Логически, операционально время в проектировании и во всех других искусственно-технических работах с будущим (планирование, программирование, прогнозирование и т.п.) движется в направлении, противоположном его естественному течению.

В жизни мы движемся к прошлому, следуя за своими родителями и предками, учителями и образцами, которые выступают для нас светочами на нашем пути. Мы уходим в прошлое, а за нами — наше будущее, наши дети, внуки, ученики, все те, для кого мы — светочи и образцы (нам самим даваемый нами свет не очень нужен). Мы плохо знаем свое будущее, которое видим мельком, оглядкой, а потому и плохо понимаем его.

В проектировании выделяется совершенное и несовершенное прошлое, несовершенное настоящее (в котором, собственно и осуществляется проектирование), совершенное и несовершенное будущее.

Проектирование начинается с идеирования, формирования некоторых онтологических представлений, имеющих статус совершенных и новых (если мы имеем дело с креативным проектированием), но, к несчастью, погруженных в несовершенное настоящее.

Далее следует анализ прошлого, его исследования и изыскания в нем для выделения в несовершенном прошлом совершенных форм, которые и вступают в сравнение с онтологией проектируемого и которые одновременно являются источником норм.

На основании анализа ситуации и исследований прошлого формируются цели и средства проекта (нормы, прототипы, проблемы или задачи, функции и т.п.), в совершенное будущее забрасываются проектные разработки, которые, по мере их реализации и существования оестествляются, становятся все более несовершенными, что толкает нас на новое проектирование.

В этой логике проектирования и строится дальнейшее изложение материала.

Память и региональное проектирование. Перфекциональная функция памяти

В настоящее время общество, по крайней мере, его интеллигентная, думающая часть, приходит к пониманию, что управление и проектирование как одна из основных функций управления имеют весьма ограниченную сферу применения: неуправляемы и непроекти-

руемы города, регионы и страны, жизнь и судьба, культура и духовная сфера, человек и общество (но можно управлять и проектировать социальные организованности, особенно социально-экономические: производственные, потребительские и т.п.). Из зоны управления и проектирования выпадают огромные, а, главное, наиболее существенные стороны и сферы человеческого существования.

Мы стоим на пороге новых отношений к этим сущностям и к новым типам работы с будущим, которым еще нет названий, но которые просматриваются в чертах и особенностях форсайтов и дорожных карт. Наше интеллектуальное воздействие на самих себя и на наш мир приобретает более тотальный характер, чем управление и проектирование. Образно говоря, мы все более вписываемся в мир, строящийся по сильному антропному принципу: Вселенная устроена так и таким образом, что человек присутствует в ней с необходимостью. И это всё — при полном понимании и осознании нашего дерзкого невежества по поводу мироустройства вообще.

Так называемые региональные проекты касаются, следовательно, лишь очень немногих сторон региональной жизни.

Память при региональном проектировании играет роль не только «тормозов» и табу, запрещений.

Память удивительным образом перемалывает из «навоза истории» перфектные формы, которые и закладываются в онтологические основания проектов, должны закладываться.

Кроме того, в ходе предпроектных исследований изысканий вскрываются погребенные и нереализованные проекты — не для реанимации, а для того, чтобы понять, почему они не были реализованы или оказались погребенными: память помогает выявить не только некоторые нормы, но и уже совершенные ошибки — чтобы не совершать их вновь.

Память в функции нормирования

Одним из оснований проектирования являются нормы. Априорно принятые нормы, как правило, эфемерны и жизненно нестойки. Апостериорно принимаемые нормы, нормы, вытекающие из рефлексии исторического опыта, обеспечивают, как минимум, воспроизводственную устойчивость.

Разумеется, креативное проектирование, проектирование по прожекту или воображению, поневоле сопряжено с нарушением тех или иных норм и правил — но, чтобы нарушать нормы, их необходимо знать, невежественное преступление норм — преступление.

И здесь необходимо сказать несколько слов о понятии нормы.

Норма — это отчаянная попытка перфектизации прошлого в неизменном имперфекте настоящего во имя прекрасного будущего. Прошлое, как и будущее, имеет совершенный и несовершенный вид, в отличие от настоящего, только несовершенного.

В ретроспективной рефлексии, рефлексии прошлого мы производим особую идеализацию — нормирование.

Согласно Ж. Кангильому, латинское слово *norma* этимологически представляет собой перпендикуляр, «кратчайшую» точку зрения относительно объекта. Нормально то, что мы видим прямо перед собой, а не периферическим зрением. Поиск этой нормали, «нормального зрения» порождает эффект обратной перспективы, используемый, в частности, в иконографии. Икона, следовательно, — самое «нормальное» видение мира, точнее, его духовных сущностей, а не ситуативных явленностей. Условно, но все-таки достаточно достоверно можно считать нормирование «иконизацией» сути вещей и мира.

Нормирование как «прямосмотрение» близко по смыслу к эпохе Э. Гуссерля, фундаментальному понятию метафизики и феноменологии.

Фиксируя нормы, мы намечаем таким образом не траекторию проектируемого объекта, а тот путь, который должен быть пройден им, действуй он правильно, по норме.

И этот непройденный, но отмеченный путь, унесенный в будущее, является траекторией нормативного проектирования, не очень творческого, но зато канонического, безошибочного, свободного от ошибок, по крайней мере, их повторения. Нормы поступают в арсенал средств работы с будущим или пребывают неопределенно долгое время втуне и погребенном состоянии. Они, продукты культуры, в известной степени нетленны и могут быть востребованы в любое время.

Привычная у нас практика заказывания разного рода «дизайнерам» и «имиджмейкерам» фирменного стиля и фирменной культуры так же нелепа, как средневековая покупка индulgенций и мест на кладбище рядом со святым: деньги, конечно, тратятся, но совершенно напрасно.

Память как тормоз преобразований и изменений

Что-то отдергивает нашу руку от уничтожения прошлого, даже если оно было ужасно и трагично. Это безотчетно, как и совесть. И только в беспамятстве, как в безумии, мы способны крушить и уничтожать свое собственное прошлое.

Я хожу по родному своему Измайлову (никогда не ощущал себя полноценным москвичом, но совершенно точно и определено — измайловский) и с огромным трудом нахожу крупницы и осколки совсем недалекого — чуть более полувека — прошлого. Уверен, что в Париже, Лондоне, Брюсселе, Венеции, Праге такими крупинками и осколками, осторожно и бережно вписанными в сложившиеся старинные ансамбли, являются поновления. А тут: вон детские ясли, куда еще до войны отводили мою старшую сестру — окна двухэтажного дома заколочены; вон — Балканы, казармы для ветеранов Балканских войн, работавших на Измайловской мануфактуре, которая еще существует — как здание, теперь хулиганские коммуналки превращены в офисы; вот — четырехэтажный дом для дипломатов с «Гастрономом» на первом этаже — теперь ни «Гастронома», ни дипломатов.

Это — явленные дребезги.

Гораздо важнее невидимые:

- стоит огромный, этажей в сорок и брошенный неизвестно на какой срок недострой — на этом месте стояла моя школа, первая полная школа в Измайлове, начинавшая как мужская, я вижу ее во всех деталях сквозь напряженный железобетон и монолитные конструкции...
- на месте Измайловского рынка забор и только начатая, но уже брошенная стройка; в моем детстве здесь была тюрьма для пленных немцев, застроивших своими «дворцами» пол-Измайлова, напротив рынка было трамвайное кольцо и пожарная часть, поэтому это была не 3-я Парковая, а Пожарный проезд...
- а на углу 3-й Парковой и Первомайской, там, где теперь «Сантехника», стояла огромная одноэтажная пивная: от рыбной чешуи и папиросных окурков на полу был слой по детскую щиколотку; здесь собирались калеки войны, безногие и безрукие — они страшно матерились и постоянно дралась — в 50-м году их всех собрали и вывезли на вымирание в спецлагеря...

Пока я жив, я все это помню, пока я все это помню, я жив.

И я лезу в глубины времени, вплоть до XIII века, чтобы затормозить уничтожение существовавшего мира.

Сохранять надо не только и не столько застройку и планировку: Париж впечатан в код любого культурного человека на Земле, как Иерусалим и Храм впечатаны в духовно-генетический код любого, включая агностиков и атеистов. Сохранять надо память, прежде всего, память совести.

Вот цитата из работы Б.Б. Родомана [4, стр. 87]: «Появилась «теория», что география и экология — это науки-тормоза, призванные

сдерживать индустриальную экспансию. Без тормозов ведь далеко не уедешь, не правда ли? Однако и в этой роли географические науки не используются. Теперь экономикогеограф Ю.Г. Липец говорит: «Польза от географии в том, что она меньше других наук навредила».

Подобно истории, география имеет консервирующее влияние на новации и развитие — и лучше, если она будет это делать сознательно, а не по своей беспомощности.

Формы памяти

Память сохраняется в самых разнообразных формах, как ментальных, так и вполне материализованных. Сюда можно причислить поэзию, музыку, мифы, легенды, картины, путеводители и путевые дневники и очерки, руины, научные исследования, нереализованные проекты и другие памятники и места как тексты.

Примером таких текстов могут служить, например, знаменитый путеводитель по Крыму, написанный одесситом Москвичом и ежегодно переиздававшийся как до революции, так и после нее — на протяжении почти тридцати лет! Подобным выдающимся памятником-текстом является дореволюционный путеводитель по Поволжью.

Собачья площадка, уничтоженная беспощадной рукой главного архитектора Москвы, недоброй памяти Посохина, и погребенная под Новым Арбатом, жива в стихах и песнях, делах людей великих и мало-заметных: многое из этого собрано в единый текст, скромный памятник этому удивительному уголку города [2],

Памятником может стать даже старая булыжная мостовая по набережной реки Полисти: ее отстояли от асфальтирования патриоты города Старая Руса — по ней любил гулять Ф.М. Достоевский.

В горах Сьерра-Невады в Калифорнии бережно сохраняются города-призраки Золотой лихорадки (самый известный — Бади; один из этих городков, Кампос де Анхелес, до сих пор проводит мировые чемпионаты по прыжкам лягушек в длину, в память о рассказе Марка Твена, в центре, «даунтауне» городка сохранился публичный дом размером ровно в одну, довольно узенькую койку — ничто не может так комплексно описать ситуацию Золотой лихорадки и одновременно прагматичность американцев, как это утлое ложе секс-бизнеса) и Серебряной лихорадки (Калико на Пятнадцатой дороге, соединяющей два кратера зла — Лос Анжелес и Лас Вегас)

Руины Шлиссельбургской крепости — безусловно исторический памятник прошлого царской России, памятник Второй мировой войны: ведь это мы вынудили немцев превратить крепость в руины, установив в ней артиллерийские орудия, обстреливавшие немецкие пози-

ции в городе Шлиссельбурге. И все новейшие попытки реконструкции и восстановления этих руин также кощунственны, как и советские артиллерийские орудия в крепостном храме.

Трусливое уничтожение руин — антиисторическая, антикультурная, антирегиональная деятельность. В детстве я помню груды белого камня, оставшегося от храма Иосафа-Царевича Индийского (Будды) на Измайловском острове. Эти скромные останки были подло уничтожены, и теперь я, показывая Остров друзьям и гостям, назло тем, кто уничтожил последние камни, встаю на место, где был этот храм и подробно рассказываю о нем — пусть он живет хотя бы в моих словах и памяти услышавших о нем.

Иллюстрацией многообразия форм памяти может служить Армения, для которой символами непреходящей памяти являются зримый, но не достигаемый Арарат и копье, которым римский воин ускорила конец земного пути Спасителя.

Израиль и, в более общем виде, Святая Земля — огромный, безусловно, самый большой в мире памятник. И надо низко поклониться израильским историкам и археологам, что они бережно удерживают нашу память к Храму и Масаде, Кумранским пещерам на берегу Мертвого моря и Поклонной горе в Капернауме на берегу Генисаретского озера. Поклониться первохристианам и царице Елене, византийцам и крестоносцам, католикам, православным, протестантам, иудеям и мусульманам, удерживающим Святую Землю от разрушений и посягательств на нее варваров и времени.

Два типа освоения (*development* и *mastering*)

Развитие — лишь частный случай более общего процесса изменений, а именно — освоения, волны которого время от времени накатываются на наши берега.

Тезис «мир меняется нами, и мы изменяемся вместе с ним» означает, что развитие — двуонтологический процесс. С одной стороны, это преобразование окружающего нас мира (захваченное нашими преобразовательными усилиями пространство, собственно, и есть регион). Мы преобразуем свой мир до неузнаваемости: Монтерей на старинных испанских гравюрах в сегодняшнем городе неузнаваем даже рельефно. А кто из ингерманландцев конца XVII в. узнает родные болота в нынешнем Санкт-Петербурге? Мы меняем онтологию мира — и это онтологическое преобразование будем называть освоение как *development*.

Но с другой стороны «мир меняется нами, и мы изменяемся вместе с ним», — и это значит, что любое освоение несет в себе не толь-

ко цель, но и миссию освоения как *mastering*, как освоение нами новых средств, как придание новой логики нашему же существованию. В ходе освоения не только были освоены новые природные ресурсы, но и сформировалось новое, сибирское мироощущение, появились сибиряки как особая ментальность.

И именно *mastering* взыскует к памяти: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь» (Второзаконие, 8.2)

Литература

1. Левинтов А. Гений места, совесть места, проклятые места. УМК «Регионалистика и урбанистика», М., АНХ, 2007.
2. Левинтов А. Собачья площадка. www.redshift.com/~alevintov, сентябрь 2003.
3. Лефевр В. Алгебра совести. М., Когито-центр, 2003, 426 с.
4. Родоман Б. География. Районирование. Картоиды. Смоленск, Ойкумена, 2007, 368 с.
5. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб, Европейский дом, 2004.

Крылов М.П.

Историческая память как фактор взаимодействия региональной и этнической идентичности: случай России и Украины (методологические замечания и некоторые результаты полевых исследований)¹

В проблеме коллизий взаимоотношений России и Украины, в том числе их приграничных взаимодействий, очень важными представляются предпосылки, связанные с долговременной динамикой и её интерпретацией, знанием тех исторически изменчивых *реалий «нетождественности»* России и Украины (а также русских и украинцев), которые в конечном счёте сыграли роль в их современной политической судьбе как особых независимых государств. Эти реалии должны интерпретироваться прежде всего с точки зрения культурной, этнической и цивилизованной *близости — дистанцированности* русских и украинцев, России и Украины, а также с точки зрения *степени подобия их исторического пути и генезиса*. Необходимо знание *меры нетождественности* России и Украины, русских и украинцев.

Во всём этом принципиальную роль играет необходимость учёта *геопространственной неоднородности* России и Украины. Различные геопространственные *барьеры и переходные зоны* между Россией и Украиной не обязательно строго соответствуют современной политической границе России и Украины. Однако они оказываются так или иначе ориентированными на современную политическую границу. Они связаны с *исторической памятью о генезисе этой границы*, который обусловлен *множественностью* этнокультурных, административных, политических и иных *границ* на юго-западе России за весь исторический период её существования. Существует целая сеть таких границ, имеющих в настоящее время неодинаковое культурное и политическое значение. Вопрос об этнокультурном и историческом характере барьеров и переходных зон (который рассматривается А.А. Гриценко — см., в частности, его статью в настоящем сборнике,

а также: *Гриценко, 2009*), должен обсуждаться параллельно с вопросом о статусе различий между Россией (русскими) и Украиной (украинцами). Эти барьеры и переходные зоны представляют собой очень важную в национально-государственном строительстве и удобную для научного эксперимента «площадку» в поиске адекватных форм русско- и российско-украинского взаимодействия и этнокультурного синтеза в целом. Автором изучается территория Слободской Украины в пределах России (полевые исследования — июль 2008).

Слободская Украина существовала как особое образование в составе России, заселявшееся — после создания Белгородской засечной черты — одновременно выходцами из России и Украины, однако имевшее на своей или на смежных территориях старожильческое русское население. Слободская Украина имела казачье самоуправление, но у неё не было гетмана. Украинцы имели льготы по сравнению с русскими. Интересно соперничество украинского («черкасского») Острогжска и чисто русского Коротояка. Украинская часть Слободской Украины была провозглашена частью Украины после III Универсала Центральной Рады (13 ноября 1917 г.) и Брестского мира (первоначально территория независимой Украины состояла из пяти губерний — Киевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской). Одновременно частью государства Украина были провозглашены части Воронежской и Курской губерний в пределах Слободской Украины.

Обособленность украинцев Слободской Украины в сельской местности Чернозёмного Центра сохранялась, по крайней мере, вплоть до коллективизации (характерно несовпадение мнений Д.И. Багалея и В.П. Семёнова-Тян-Шанского об отсутствии или же наличии ассимиляционных процессов на этой территории). Однако в начале XX в. украинское население Слободской Украины по крайней мере в пределах Воронежской и Курской губерний уже находилось *в начале* активного *перехода* из состояния родственного (южным) великоруссам этноса в состояние отдельного субэтнуса. Подтверждение этого: 1) роль населения в организации «отпора германским и украинским оккупантам» на юге Воронежской губернии, населённой украинцами, в 1918 г.; 2) безуспешные попытки «украинизации» совпарата на той же территории в 1928–1930 гг.; 3) отношение гитлеровских оккупантов к украинскому населению Воронежской губернии как к русским, а не как к украинцам. В настоящее время, как мы считаем, *украинцев Слободской Украины, правильнее считать отдельным субэтносом (велико)русского (но не украинского!) этноса*, что не исключает трактовку украинцев Слободской Украины (в настоящее время —

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00298.

на территории государства Украина, в прошлом — на территории Российской империи) как субэтноса украинского этноса.

Топоним «Слободская Украина» может быть истолкован по-разному, в смысле принадлежности к России («окраина») или к Украине («Слобожанщина»), однако сейчас он легче воспринимается как часть Украины, хотя исторически эта территория сформировалась именно как окраина России (наряду с Польской Украиной, Рязанской Украиной и др.). Несмотря на интерес к российским областям Слободской Украины, сама Слободская Украина игнорируется при конструировании украинской идентичности и фактически рассматривается как объект экспансии культурного кода центральной и западной Украины. Например, в книге, посвящённой выдающимся деятелям Украины и украинцам (*Мельничук, 2005*), нет не только одесситов, но и уроженцев Слободской Украины — Крамского, М.М. Ковалевского, И.Е. Репина и др. В этой книге, разумеется, не упомянут М.А. Булгаков, хотя есть статьи о К. Малевиче и С.И. Параджанове (режиссёре фильма «Тени забытых предков»).

Сейчас украинская этничность на этой территории ослаблена. Однако сохранился Острогожский Майдан — её локальный центр, с монументом (1997 г.) на месте встречи Мазепы и Петра I. Формальная «национальная принадлежность» (по материалам переписей населения) парадоксально изменчива во времени и в пространстве. Центры постоянно присутствующей в Воронежской области украинской этничности постоянно менялись и не совпадали с дореволюционными. Говор городского населения — чисто русский, без выраженных диалектных особенностей произношения (Острогожск, Богучар, Кантемировка), в сельской местности и локально в Острогожске встречается довольно чистый украинский говор. Региональная идентичность и особенно её маркеры менее развиты, чем в соседних областях Украины и России. Контраст с Украиной, по-видимому, связан с отсутствием факта этнонациональной мобилизации, который в данном случае благотворно влияет на сохранение историко-культурного наследия и региональной идентичности.

Существует неопределённость в ряде теоретических вопросов, не позволяющая дать однозначную трактовку русско-украинскому взаимодействию.

Как известно, в отечественной этнологии идейно доминирует «конструктивистская» («постмодернистская») концепция этнических культур, в которой этнические характеристики рассматриваются как интеллектуальные организующие конструкции (В.А. Тишков, В.А. Шнирельман). Однако в общественном сознании в целом пока домини-

рует традиционный эволюционистский («устаревший») подход к изучению человечества как состоящего из реально существующих этнокультурных общностей (народов-этносов). В рамках этого подхода были разработаны теории этноса и этногенеза (Ю.В. Бромлей, С.А. Арутюнов, В.П. Алексеев, Ю.И. Семёнов, Ю.В. Кнорозов, Л.Н. Гумилёв (см.: *Народы...*, 1998, с. 5–6), которые часто вызывают скепсис у представителей «конструктивизма». Согласно В.А. Тишкову, вместо концепции «этноса» предпочтительнее другие концепции — этничности и этнической идентичности, восходящие к определению этнической группы, по М. Веберу: «под понятием «народ» в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и исторической памяти, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» (*Народы...*, 1998, с. 6).

Следует заметить, что в *практическом* отношении представленная методологическая ситуация сопряжена с многими неудобствами и не уменьшает, а, напротив, увеличивает неопределённость. Примеры: 1) уязвимой оказывается субъективность в понимании этнической общностью «своей» территории (допустим, русские считают «своими» Крым и Одессу, украинцы — Воронеж и Краснодар, грузины — Сочи и Сухуми), что, в совокупности соответствует позиции самого В.А. Тишкова (2009) по поводу «иррациональности» понятия «*этническая территория*» — «*конструктивистское*» отношение к территории, с которой ассоциируют себя члены этнической общности, очень мало отличается по своему внешнему географическому выражению от отношения к этнической территории с позиций «объективно» существующего этноса, 2) при картографировании и географическом описании этнических ареалов нужна какая-то общая, внешняя к самоидентификации людей, концепция идентификации пространственно-территориального проявления этносов (ср. с противопоставлением понятий «этнический» и «этнографический», по Ю.В. Бромлею). 3) Не обсуждается роль «родного языка» как фактора этнической принадлежности или самоидентификации. 4) Акцент лишь на самоидентификацию приводит к совершенно ошибочной абсолютизации результатов переписей населения (якобы люди сами, по своей воле, по убеждениям меняли свою идентичность, становясь то русскими, то украинцами). Вызывает сомнение позиция о том, что «в большинстве случаев данные сопоставимы, т.к. во всех переписях населения (в СССР — М.К.) определение этнической принадлежности опрашиваемых основывалось на их самосознании и осуществлялось обычно

прямой постановкой вопроса о национальности...» (*Народы...*, 1994, с. 28).

Конструктивистские теории культуры связаны с *релятивистским*, при этом подозрительным, *отношением к «исторической памяти»* и региональной идентичности; последняя рассматривается (*Шнирельман*, 2008, с. 67) как «дополняющая националистическую палитру новыми красками». Одна из таких «красок» — «идея самобытности исторического культурного очага, которая воплощается в попытках наделить свои регионы особым местом в истории России» (с. 73). Но разве Слободская Украина объективно не является примером такого региона? Или её основные звенья? Конструктивисты же мыслят в совсем иной плоскости: «видимо, памятуя о сконструированном Сталиным «курско-орловским диалекте», курские интеллектуалы представляют свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса...» (*там же*). Историко-культурное наследие часто рассматривается как содержащее конфликтный потенциал (подобно тому, как исследования генетиков якобы могут вызывать расистские тенденции).

Однако в действительности историческая память стоит выше частных этнических, национальных и иных различий и является объективным феноменом, а не результатом «раскрутки», «одноразового использования». Пример — роман О. Гончара «Собор» (публ. 1968; рус. пер. 1988), подвергавшийся «организованному шельмованию» в советское время и входящий в число идейных основ «украинского возрождения». В зоне российско-украинского порубежья сосредоточено значительное количество объектов, которые могут восприниматься «неоднозначно»: это множество мемориалов Мазепы и с украинской, и с российской стороны, и уничтоженный петровскими войсками Батурин... При этом акцент на региональную идентичность при «выносе за скобки» идентичности этнической — наиболее простой путь естественной и бесконфликтной консолидации. Образы и ландшафты, «подпитываемые» региональной идентичностью, не разъединяют, а объединяют людей, представляя в совсем ином свете то, что в другом контексте могло бы иметь деструктивный смысл. Согласно исследованиям А.А. Гриценко, развитая региональная идентичность способствует уточнению этнокультурных границ, в то время, как сохраняющиеся ареалы прежней этничности (русской, украинской или белорусской) в условиях их мозаичности усиливают региональную идентичность.

Реальные процессы в обществе имеют разную направленность, поэтому оказывать однозначную поддержку интеграционным или дезинтеграционным процессам лишь по формальным критериям было

бы, очевидно, неверно. В этом смысле представляется излишне формальной, «чёрно-белой» аргументация диссидентской книги И. Дзюбы (1965), популярной в своё время среди украинской интеллигенции. И. Дзюба в основном повторял аргументы марксизма по национальному вопросу, относящиеся к революционно-романтическому национализму XIX в. С позиций И. Дзюбы культурно обусловленное превращение украинцев в русских следует оценивать негативно, в том числе для исторически населённых украинцами частей России.

При проведении глубинных интервью в п. Кантемировка (ранее — территория Богучарской сотни Острогожского полка Слободской Украины) нами была зафиксирована позиция: **«Я хохол, но русская в душе»**. Представляется, что такая позиция не укладывается в распространённые сейчас схемы, в частности, в схему деэтнизации в рамках развития нации, подавляющей этнические анклав и субэтнические различия, или же в схему *ассимиляции* этносов, нетождественных этносу, составляющего «основу» нации. Согласно этим схемам, индивид, принадлежащий к «большой нации» (русской — русской) и «деэтнизированный» в ходе ассимиляции, в частности, потерявший украинскую этничность, но сохранивший память о ней и определённые «остатки» этой этничности, должен идентифицировать себя: **«Я русский (русская), но в душе — хохол»**. В то же время зафиксированная нами в п. Кантемировка позиция указывает, как мы полагаем, на **субэтническое понимание «украинства» в рамках самоидентификации как русского** — и с точки зрения этноса, и с точки зрения нации. В этом смысле в настоящее время процесс ассимиляции украинцев в российской части Слободской Украины уже никак не фиксируется (во всяком случае, в городах) — он происходил несколько десятилетий тому назад.

В то же время в целом вопрос о разграничении украинской и русской нации, русского и украинского этносов остаётся не до конца определённым, в особенности ввиду отсутствия чёткой интерпретации *роли фактора языка* (после отказа от сталинской трактовки нации).

В.Н. Ковалёв (2008, с. 252–253) пишет: «В конце тридцатых годов... украинизация территорий, оказавшихся после Брестского мира и последующего «национального строительства» в составе УССР, представлялась вполне завершённой. <...> И если русские в глубине РСФСР могли воспринимать это безболезненно, то для миллионов русских на территории УССР и прилегающих к ней областей, независимо от их малорусской или великорусской принадлежности (было бы интересно «вычислить» границы этой территории России, восприимчивой к Украине — М.К.), перечисленные обстоятельства

обернулись серьёзным кризисом национальной идентичности. Особенно остро этот кризис должен был ощущаться представителями образованных слоёв. <...> Русскому интеллигенту из Киева или Харькова было невозможно свыкнуться с тем, что он, будучи малороссом, якобы не является русским, но исключительно украинцем — причём не в старом, так сказать, «племенном», а в новом, «национальном» смысле... корректное описание этнических и национальных отношений восточного славянства сделалось невозможным». Однако за годы Великой Отечественной войны фактически произошла стихийная *деукраинизация* «снизу» (там же, с. 272), воспринятая позже как *русификация*.

В настоящее время, по ряду оценок, две трети населения Украины — «это не россияне и не украинцы, это «местные»... Потенциально они могут стать и россиянами, и украинцами, ...а могут сотворить ... какую-то свою, донбасскую, херсонскую или криворожскую, нацию (мнение М. Рябчука; цит. по: *Малыгин*, 2005, с. 26). М.П. Драгоманов в 1878 г. видел суть украинской проблемы в том, что «вместо единого украинского народа в России перед миром предстали три его части: Малороссия, Слободская Украина и Новороссия» (*Малыгин*, 2005, с. 68).

Обратим внимание на ряд взаимообусловленных вопросов теории этнических культур (этносов), которые «остаются в тени» в дискуссиях этнологов, однако представляются необходимыми с общенаучных позиций. Эти вопросы связаны с *разнотипностью, разнокачественностью и нерядоположенностью различных этносов и этнических культур* и могут быть поняты лишь в рамках системного функционирования этносов и культур как определённого этапа их эволюции. Без обсуждения этих вопросов не может быть определён *сравнительный статус различий* между русскими и украинцами, русским и украинским этносами.

Первый теоретический вопрос: это разделение этносов (и наций) по признаку: «имперские» — «националистические». К «имперским» относят австрийцев, в отличие от «националистических» немцев Германии; к ним также могут быть отнесены русские, англичане, в отличие от ирландцев и шотландцев. «Имперские» народы вырабатывают на основе своего и мирового опыта определённые, чаще универсальные, атрибуты культуры, которые усваивают сами и передают тяготеющим к ним как к неким ядрам другим, исторически связанным с ними народам («реципиентам»), у которых эти атрибуты культуры сочетаются с их традиционной этничностью (усвоение этих универсальных черт культуры в общем виде не является ассимиляцией, хотя может быть сопряжено с нею). Сам же ядерный народ-«донор» характеризуется

частичным замещением своей этничности выработанными им самим универсальными атрибутами культуры. В целом для «имперских» народов характерны отношения дополнительности с другими народами, для «националистических» народов — отношения альтернативности.

С этой точки зрения идеология славянофилов может быть истолкована как реакция на подавление «своей» русской этничности, а также на наступление «чужих» черт в создаваемых универсальных атрибутах культуры. Здесь можно сослаться на политику Николая I, приводившую тогдашнюю дворянскую элиту «к общему знаменателю» (русские, или Россия, как союз великороссов, немцев, армян, поляков и т.д., — по свидетельству маркиза А. де Кюстина) и ограничивавшую деятельность славянофилов. Одновременно на международном уровне Николай I препятствовал геноциду ряда славянских народов, в частности, словаков, что однако, не вызывало понимания у европейских держав (см.: *Сендеров*, 2008, с. 138–139). Хорошо известно, но теоретически пока мало осмыслено соотношение «русского» и «советского».

В данном контексте украинцы, в отличие от русских, могут считаться не «имперской», а «националистической» нацией и этносом (здесь не играет роли, является ли украинский этнос культурным «реципиентом» русского «донора») — если следовать известной традиции «украинофильства» и соответствующей этой традиции модели конструирования украинской нации. Заметим, что речь идёт о модели «украинства», а не о конкретных индивидах, имеющих украинское происхождение. В частности, Н.В. Гоголь с точки зрения модели «украинства» украинцем не является, т.к. он стал русским писателем.

Второй теоретический вопрос — это использование таксономических категорий для сравнительной характеристики этносов (этнических культур). Присвоение определённого таксономического ранга отдельным этносам в данном случае не должно подразумевать случай включения одной этнической общности в другую как часть в целое. Таксономический ранг не связан с численностью представителей этноса или размером «этнической территории» (баски и ирландцы предположительно должны получить такой же ранг, как и русские, русины и украинцы Галиции — ранг, близкий русским.).

Третий теоретический вопрос — это возможность существования отношения части и целого для отдельных самостоятельных этносов. С этих позиций украинцы (или часть украинцев, — например, украинцы Слободской Украины, украинцы Левобережной Украины, все украинцы, кроме украинцев Галиции) *возможно, могли бы* считаться частью, «разновидностью» русских.

Все три указанных вопроса проявляются в *неполной рядоположенности русского и украинского языков, неодинаковой роли этих языков для русского и для украинского этноса*. Заметим, что вопрос о языке остаётся пока не очень ясным в теории этносов.

Русский язык имеет богатую художественную и научную литературу, одновременно используется в быту, в деловой сфере, в науке и в искусстве и создан искусственно (адаптация взятого за основу церковнославянского языка посредством народных северорусских говоров), что усиливает его универсальность. Украинский язык имеет не очень мощную, но достаточно давнюю литературную традицию (со времени публикации в С.-Петербурге в 1798 г. «Энеиды» И.П. Котляревского, что вполне сопоставимо продолжительностью традиций литературного русского языка, восходящего к В.А. Жуковскому и А.С. Пушкину), основан на обобщении народных говоров и не имеет, в отличие от русского языка, адекватного и однозначного использования в быту (некоторые авторы считают, что различные диалекты украинского языка на самом деле являются отдельными, самостоятельными языками). В настоящее время среди населения Украины 70% свободно говорит, пишет и читает на русском языке и ещё 13% свободно говорит и читает на русском языке, но пишет с ошибками, — итого 83% (Тишков, 2008, с. 418–419).

В 1912 г. П.Е. Казанский писал (2004, с. 335–336), что «даже те писатели, которые считаются украинскими, как Максимович, Костомаров, Кулиш, Потебня, Котляревский, Мордовцев, Драгоманов, писали на общем литературном языке, когда им приходилось выступать в высших родах литературной деятельности. Многим ли также известно, что сам Шевченко написал несколько повестей и поэм на общерусском литературном языке и, что особенно интересно, вёл на нём свой дневник, а значит, и думал на нём. Украинские писатели (Котляревский, Гулак-Артемовский, Квитка-Основьяненко, Шевченко, Вовчек) не задавались целью создать особый, отдельный от ломоносовского, пушкинского и гоголевского книжный язык».

Для сравнения: «В отличие... от таких языков, как чешский, словацкий, или украинский, <...> польский язык обладал богатой литературой и использовался в обиходе всеми социальными группами во всех областях искусства, науки и экономики» (Дэвис, 2004).

Проблема сравнительного этногенеза русских (великорусов) и украинцев. Одна из слабых сторон конструктивизма в этнологии — отрицание проблемы этногенеза; этнология дистанцируется от истории и политизируется, историческая память трактуется как «миф». Если отбросить заведомо спорные и экзотические точки зрения (проис-

хождение украинцев, но не русских, от скифов и сарматов; тождественность украинцев и древних новгородцев, по Н.И. Костомарову; происхождение русских только от финских племён, а не от славян — см.: Соколов, 2009, с. 176), то различия в происхождении русских и украинцев в трактовке большинства авторов сводятся к противопоставлению Московского и Литовско-Русского государства (для последнего был характерен исторически очень редкий феномен симбиоза этнических культур — см.: Липатов, 2003). Однако украинские политики пытаются вести начало украинского народа от Древнерусского государства («Киевской Руси»). Так, на находящихся в настоящее время в обращении банкнотах украинских гривен на двух номиналах из девяти использованы изображения киевских князей — Владимира Великого (1 гривна) и Ярослава Мудрого (2 гривны). Анна Ярославна, королева Франции, считается первым, по времени, представителем Украины в мире (см.: Мельничук, 2005, с. 241–242). *С формальной точки зрения монополия Украины на «древнерусское наследие» должна быть отвергнута уже самим фактом правления в Московском государстве династии Рюриковичей, а также превращением города Владимира в духовную и светскую столицу домонгольской Руси вместо Киева*.

Украинский этногенез, согласно «России...» (том VII, с. 72–81) *связывается с процессами интеграции Польши и Литовско-Русского государства, а затем дезинтеграции Польши, началом великорусско-украинского сближения и, в особенности, с образованием казачества*, — то есть как с разделяющими русских и украинцев процессами, так и с приближающими их друг к другу, а также с аналогичными или даже едиными процессами освоения и заселения одних и тех же (или соседних) территорий. Колонизация Малороссии (Левобережной Украины) началась с начала XVI в. при заселении пограничных со степью территорий Киевской и Полтавской губерний, опустевших ещё во время татарского нашествия, малорусами из Холмской Руси и Волыни (с. 73). «Переселенцы вербовались из разных слоёв населения. <...> Особые исключительные условия жизни в соседстве с тревожной и в то же время богатой степью перерабатывали все эти выселившиеся недовольные элементы в тип поселенцев-воинов, известных под названием украинских казаков...» (с. 73). При этом «... организованный московским правительством колонизация... оттеснила казачью вольницу как в бассейн Дона, так и в бассейн Днепра на нижнее течение этих рек» («Россия...», том II, с. 133). На территории большей части Слободской Украины «малорусская вольная казачья колонизация из Польши слилась с великорусской вольной казачьей колонизацией из Московии» («Россия...», том VII, с. 76; также с. 99).

Судя по ряду современных великорусских говоров (жителей запада Орловской и Курской губерний), часть великороссов является потомками древних северян, язык которых был близок к языку Киевской Руси домонгольской эпохи (Соболевский, 2004, с. 304–305). Возможно, здесь сказалась «консервация» этой территории в условиях её вхождения в Литовско-Русское государство и сохранения самостоятельного Брянского княжества. Я.Ф. Ставровский писал, что «... в Черниговской губернии малорусы встретили остатки... потомков северян. Вследствие этого население Черниговской губернии... представляло как бы переходную ступень от великороссов к малороссам» («Россия...», том VII, с. 99). Д.И. Багалея (1892, с. 1) считал Северскую землю историческим ядром Левобережной Украины (как сохранившуюся от монгольского нашествия). Отсюда следует *неправомерность резкого противопоставления украинцев и великороссов в смысле отношения к «литовскому наследству»* (в связи с этим см. интересные наблюдения в статье А.А. Гриценко, который обследовал эту территорию в 2008–2009 гг. и зафиксировал мозаичность украинско-русского этнокультурного градиента).

Таким образом, очевидна значительная генетическая близость русских (великороссов) и украинцев порубежной зоны России и Украины, исключая жёсткие однозначные противопоставления, однако предполагающая их своеобразие. Территории этногенеза русских и украинцев на Слободской Украине, а также Гетманщине и на непосредственно прилегающих территориях России и Украины в основном совпадают. Заселение Левобережной и Слободской Украины, а также Чернозёмного Центра происходило практически одновременно и в сходных формах, при этом почти повсеместно высока была роль казачества, особенно на Левобережной и Слободской Украине. Современная этничность на этой территории может быть сведена к формуле: (этно)культурный идентификационный выбор × фактор исторической памяти × сохраняющаяся «фольклорная» традиция.

В свете сказанного вызывает большое сомнение понятие «украинская этническая территория» (например, *Кульчицкий и др.*, 2008, с. 210), в том числе потому, что её значительная часть может считаться также и русской «этнической территорией». Соответственно, ошибочно мнение о том, что русские на Украине «оказались за пределами своей исторической родины» (*Городяненко*, 2009, с. 89); это — часть их исторической родины. В данном случае правильным оказывается конструктивистское отношение к понятию «этническая территория» (*Тишков*, 2009, с. 7–8).

Возникшая недавно постсоветская традиция обсуждения русско-украинского взаимодействия происходит в рамках эклектического сочетания весьма различных методологий, теорий и идеологий. При этом конструктивистски понимаемой «нации», понимаемой в соответствие с определённой системой «национальных мифов», приписываются свойства «этноса». В трактовке же «этноса» преобладают черты примордиализма и жёсткого следования известной схеме о территории и языке как об атрибутах нации — современной «государствоформирующей» стадии народности. Нации-этносу приписываются некие «нормативные» черты традиционной культуры. Онтологизируется не только этнос, но и нация. «Национальные мифы» трактуются не только как средство консолидации, мобилизации, воспитания и пропаганды, а также как реальные научно обоснованные индикаторы. Всё это напоминает подход к «национальному вопросу» К. Каутского, И.В. Сталина и В.И. Ленина. В таком интеллектуальном контексте вступление в дискуссии даже по частным моментам, будучи оправданным с познавательной точки зрения, вряд ли сможет дать положительный результат в плане поиска компромисса. Необходимо уточнить методологию или хотя бы выработать правила «интеллектуальной игры».

Одновременно можно констатировать, что существует значительный элемент неопределённости, связанный с трактовкой современных этнокультурных процессов в Слободской Украине. Это связано со своеобразным переплетением субъективного и объективного в этнокультурных процессах: объективностью этнического происхождения, субъективностью современного идентификационного выбора, объективностью как народных традиций, так и «большой культуры», активно влияющих на самоидентификацию. Кроме того, необходимо учитывать нерядоположенность и таксономическую неравнозначность большинства понятий из аппарата этнологов (в сравнении с аппаратом биологов и географов). Реальная самоидентификация очень часто не укладывается в простую шкалу однозначных противопоставлений, особенно в переходных, порубежных, этноконтактных зонах. Опросы, на которые ссылаются политологи и этносоциологи, предполагают очень жёсткую схему диалога и не учитывают специфику человеческого мировосприятия. В связи с этим не всегда возможно адекватно оценить процессы ассимиляции, дээтнизации и сохранения скрытой этничности. Необходимы полевые исследования.

По мнению акад. РАН В.А. Тишкова (2008, с. 422), «в соответствие с международными стандартами целесообразно поддержать требования восточных районов Украины о придании русскому языку статуса второго государственного... (противном случае — М.К.) Россия

должна поддерживать... федерализацию ряда постсоветских государств... (Украина, Казахстан, Эстония)...».

Выводы

1. В пределах порубежных российско-украинских территорий не фиксируется цивилизационный разлом, с которым нередко связывается соседство России и Украины. Его отсутствию соответствует ограниченность или ошибочность теорий (в этнографии), резко противопоставляющих русских и украинцев. Определённый культурно-цивилизационный рубеж между Россией и Восточной Европой в пределах Украины проходит западнее, приблизительно совпадая с границей Российской империи и Австро-Венгрии. Однако таксономический статус этого рубежа пока не очевиден.
2. Российско-украинское порубежье характеризуется своеобразной пространственной морфологией, связанной с культурно-историческими факторами. При этом оно сохраняет вплоть до настоящего времени культурную и этнокультурную однотипность, хотя эта однотипность «просматривается» по-разному в условиях каждого из соседних государств.
3. Современные этнокультурные процессы на территории российской части Слободской Украины демонстрируют сглаживание этнокультурных различий при сохранении некоторых тонких ментально-поведенческих стереотипов.

Литература

1. *Багалея Д.И.* Магдебургское право в Левобережной Малороссии // Журнал Министерства народного просвещения, 1892, март, СПб., с. 1–55.
2. *Городяненко В.Г.* Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования, 2009, № 1, с. 89–95.
3. *Гриценко А.А.* Региональная идентичность в зоне российско-украинско-белорусского приграничья // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов, Оренбург, 1–5 июля 2009 г., Оренбург, Издательский центр ОГАУ, 2009, с. 468–469.
4. *Дзюба Иван.* Интернационализм или русификация. Вступительное слово (пер. с укр.), 1965.
http://antology.igrunov.ru/autors/dzuba/intern_chi_rusific.html
5. *Дэвис Н.* Золотые звенья. Польша — Европа / Пер. *Е. Табаковской.* Изабелин — Варшава: Rosikon Press, 2004, Ч. 1, Польша, С. 114.

6. *Казанский П.Е.* Русский язык в Австро-Венгрии // «Украинская» болезнь русской нации, М., Имперская традиция, 2004, с. 310–363.
7. *Ковалёв В.Н.* «Огненное лицо» Украины и «запах русской земли». Общерусские и украинские акценты в советской пропаганде периода отечественной войны // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. Сборник статей, М., Институт славяноведения РАН, 2008, с. 252–278.
8. *Кульчицкий С.В., Мицик Ю.А., Власов В.С.* Історія України. Довідник для абітурієнтів та школярів, Київ, Літера ЛТД, 2008, 526 с.
9. *Липатов А.В.* Великое княжество Литовское: исторический феномен симбиоза этнических культур // Вопросы философии, 2003, № 11.
10. *Мельничук Г.* 1000 незабутніх імен України, Київ, «Школа», 2005, 284 с.
11. Народы и религии мира. Энциклопедия. / Главный редактор *В.А. Тишков*, М., Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1998, 928 с.
12. Народы России. Энциклопедия. / Главный редактор *В.А. Тишков*, М., Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1994, 479 с.
13. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. / Под редакцией *В.П. Семёнова* и общим руководством *П.П. Семёнова* и акад. *В.И. Ламанского*, СПб., Издание А.Ф. Девриена, том II «Среднерусская чернозёмная область», 1902; том VII «Малороссия», 1903.
14. *Сендеров В.А.* Русская империя против русского национализма // Вопросы философии, 2008, № 9, с. 135–140.
15. *Соколов Л.* Осторожно: «украинство», М., Изд-во «ФондИВ», 2009, 350 с.
16. *Тишков В.А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник РАН, 2008, № 5, с. 415–422.
17. *Тишков В.А.* Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов, Оренбург, 1–5 июля 2009 г., Оренбург, Издательский Центр ОГАУ, 2009, с. 5–11.
18. *Шнирельман В.А.* Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Вестник Института Кеннана в России, вып. 13, 2008, с. 64–78

Горкина Т.И.

Промышленные объекты как часть культурного ландшафта¹

В ходе освоения территории, осуществляемого в разные времена, образуется, как правило, культурный ландшафт. Производственная деятельность человека привела к образованию антропогенных видов ландшафта, более однообразных по сравнению с природными. Среди них можно выделить следующие преобладающие типы: 1) городской; 2) сельскохозяйственный; 3) ландшафты горнодобывающей промышленности, характеризующиеся изменением вертикальной планировки местности и созданием карьеров, отвалов, терриконов и т.п.; 4) ландшафты, сформированные в ходе нефте- и газодобычи, имеющие изменения в составе почв и грунтовых вод, а также искажающие пути миграции сухопутных животных из-за трасс трубопроводов. Составной частью таких ландшафтов стали промышленные объекты различного назначения.

С появлением машинного производства начала развиваться как направление промышленная архитектура. До этого производство имело кустарный характер и размещалось в постройках, приспособленных для определенных производств, а не построенных специально. Первоначально для машинного производства использовалась в основном энергия воды. Поэтому предприятия строились вблизи рек, имеющих преимущественно каскадный характер. Примером этого могут служить предприятия обрабатывающей промышленности США. Текстильное производство на юге страны размещалось вдоль линии водопадов в предгорьях Аппалачей, в Новой Англии на берегах порожистых реках строились бумажные и лесоперерабатывающие фабрики. С появлением паровых машин произошел отрыв промышленных предприятий от источников водной энергии, их размещение стало более свободным, учитывающим большое количество факторов и условий определенного производства. Города стали сосредоточением промышленных предприятий.

С развитием промышленности увеличивалось влияние и давление на природные ландшафты. В результате техногенеза происходят изменения биосферы, вызванные совокупностью механических, геохимических и геофизических процессов. Устойчивость природных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект N 07 — 06 — 00398).

комплексов во многом зависит от горных пород, образующих литогенную основу ландшафтов, и климатических особенностей местности.

Интенсивность изменений природных ландшафтов зависит от размещения предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности, объемов транспортных, энергетических и сырьевых потоков, а также от уровня урбанизации данного региона. Наибольший вред природе наносится в ходе деятельности горнодобывающей промышленности, в результате которой происходят необратимые изменения естественных ландшафтов — значительные накопления отходов, нарушение гидрологического режима подземных вод, подтопление, провалы поверхности и т.п. Степень разрушения естественных ландшафтов и превращение их в деградированный ландшафт зависит от масштабов разработок, экологической емкости и чувствительности данной территории, условий саморегуляции и т.п. В ходе эксплуатации месторождения происходит создание новых ландшафтов, важной частью которых становятся поселения, образующиеся рядом с добывающими предприятиями. Основным проектным решением становится связка «шахта/рудник — населенный пункт». В этом случае, как правило, создаются изолированные системы коммуникаций. Производственные здания преимущественно представлены блочным строительством, отличающимся большим однообразием. Зачастую это связано с ограниченным сроком эксплуатации месторождений, после чего поселение прекращает свое существование и превращается в город-призрак. Это особенно характерно для горнодобывающей промышленности Северной Америки.

Более интересны объекты промышленной архитектуры, созданные в городах. Строительство сооружений промышленного назначения во многом определяет облик городов и их окрестностей. Историк архитектуры Е.Б. Морозова дает такое определение термина «промышленная архитектура»: «...это не только здания и сооружения. Сюда входят отдельные предприятия, их группы, промышленные узлы, районы, зоны, т.е. территории, занятые производственными объектами. В промышленную архитектуру входят и некоторые ландшафтные объекты, например, санитарно-защитные зоны предприятий, отвалы добывающих производств, рекультивируемые территории» [2].

Во все периоды развития промышленной архитектуры господствующее направление в архитектуре переносилось и на производственные объекты. Начиная с XVIII в. по мере совершенствования строительных технологий малоэтажные промышленные постройки, доля которых достигала 70–80%, стали вытесняться многоэтажными зданиями, имеющими аскетичный фасад. Фабрика Т. Ломба (Англия,

Дерби), построенная в 1718–1720 гг., была первой из многоуровневых сооружений с применением новых материалов — сварного железа, железобетона и т.п. Многоэтажные промышленные здания этого периода были не столько функциональны, сколько престижны. Они стали символами процветания в такой быстро развивающейся промышленной стране, как США, хотя очень часто использовались крайне нерационально. Так, на заводе в г. Цинцинати, шт. Огайо, литейный цех располагался на верхнем этаже. На заводе в Уилмингтоне, шт. Делавэр, цех по сборке тяжелых локомотивов также располагался на последнем этаже. Это направление преобладало до начала XX в. В первой трети XX в. в равной мере строились как одноэтажные, так и многоэтажные промышленные объекты, имеющие, как правило, индивидуальный стиль.

Большое значение промышленной архитектуре стали предавать с конца XIX в. В это время появилась новая архитектурная стилистика, более рациональная по сравнению с предыдущим периодом. Новая тенденция получила название Интернационального стиля, который поэтизировал и романтизировал промышленность. Выпускались открытки с изображением промышленных объектов — маяков, мостов, заводов и т.п. В этом стиле работали как европейские, так и американские архитекторы. Особенно этот стиль получил развитие в Германии. В 1906 г. архитектор П. Беренс построил для компании AEG здание фабрики по производству турбин, которое признано шедевром этого архитектурного стиля. Здание стало своеобразным выражением союза человека и машины, олицетворением промышленности как одной из составляющих современной жизни. Этот проект называли «кафедральным собором труда» [6]. Во Франции в этом стиле активно работал Т. Гарнье (проект промышленного города), в Польше архитектор Х. Пельцит создал водонапорную башню в Познани, названную «короной города». В России можно отметить проекты Я. Чернихова, которые выглядят новаторски до сих пор. В 1930-е гг. он создал множество футуристических, но в основном не реализованных проектов (т.к. называемая «бумажная архитектура»). Из осуществленных наиболее известна водонапорная башня канатного цеха завода «Красный гвоздильщик», построенная в 1930–31 гг. в Ленинграде.

В США развитие промышленной архитектуры шло несколько иным путем. Если в Европе большое значение придавалось художественному воплощению, то в США в основе проектировании лежала эффективность и рациональность массового производства. При таком подходе главной целью проекта становилось достижение таких построений, которые давали бы возможность снизить максимально сто-

имость продукции. Примером американского подхода может служить проект, выполненный архитекторами А. Каном и Г. Фордом для фирмы Крайслер. В этом проекте на одной производственной площадке были сконцентрированы различные смежные предприятия для сборки грузовиков.

Опыт США был востребован в СССР в период индустриализации. А. Кан в 1930 г. был приглашен в СССР для консультаций по поводу строительства новых заводов. Он принимал участие в создании многих проектов, в том числе Сталинградского тракторного завода.

Промышленная архитектура оказала большое влияние и на архитектуру США в целом. Корбюзье писал, что американские инженеры своей расчетливостью сокрушили представление европейцев об архитектуре [цит. по 3]. Если в Европе архитектура в целом, в т.ч. и промышленная, опиралась на исторически сложившиеся культурные традиции и представления, то в США преобладал рациональный жанр с элементами исторических стилей, заимствованных у европейцев. Рост промышленного производства способствовал распространению американского стиля по миру. В СССР в этот период преобладающим направлением стал конструктивизм. В этом стиле строились как промышленные, так и гражданские объекты.

В размещении промышленных объектов также происходили существенные сдвиги. Если в XIX в. промышленные предприятия строились в центральных частях городов, то с самого начала XX в. из-за дефицита свободных площадей в центральных районах промышленные предприятия стали перемещаться на периферию городской территории. Основные принципы зональности городской застройки были сформулированы на международном конгрессе архитекторов в 1933 г. В решениях конгресса отмечалось, что промышленные объекты должны быть вынесены на окраины или даже за пределы города. Однако этому мешала старая тенденция, согласно которой промышленные объекты были символами прогресса и престижа.

Очень ярко это проявилось в СССР во время индустриализации — времени «торжества труда». В этот период промышленные предприятия в центре городов были положительным явлением, новым и прогрессивным. Особенно это было характерным для новых городов — Кузнецка, Комсомольска-на-Амуре и др. Города делились на промышленные зоны в центральных районах и жилые кварталы на окраинах. Таким образом, промышленные объекты становились доминантами городской среды. При строительстве новых предприятий использовались разные архитектурные стили — от конструктивиз-

ма до неоклассики. Такое пафосное отношение к промышленным объектам было характерным только для СССР, т.к. при этом происходило формирование культурной среды для рабочих, имеющих в основном низкий образовательный уровень.

Такая компоновка противоречила градостроительным принципам второй половины XIX в., когда для промышленной застройки было типичным сочетание производственных помещений с жилыми городками для рабочих (Путиловский завод и завод Нобеля в Санкт-Петербурге, Трехгорная мануфактура в Москве и т.п.).

В ходе экономического развития сложилось новое направление в промышленной архитектуре, на которое оказало большое влияние индустриальное строительство в СССР, когда были усовершенствованы основные строительные технологии и получили реальное воплощение новые формы организации градостроительных объектов производственного назначения — промышленные узлы и районы, промышленно-селитебные районы и комплексы. В этом новом направлении нашли свои места как европейская конструктивная промышленная архитектура, так и технологическая американская система, что привело к совмещению обеих систем в одно целое.

К середине XX в. промышленные объекты, построенные во все времена, стали частью сформировавшегося облика городов. Рассмотрим это на примере Санкт-Петербурга. Общая площадь всех производственных и складских строений составляет порядка 18 млн. м², из которых 13 млн. — производственные объекты. В городе насчитывается около 700 крупных и средних производств и более 12 тыс. — мелких. Около 11% всей городской территории приходится на долю промышленных объектов, большая часть которых расположена в центральной части. Заводы центра города созданы в самых различных стилях — от «кирпичного» (газгольдеры завода «Общества столичного освещения» архитектора Р.Б. Бернгардта, построенного в 1858–1860 гг., и др.) до конструктивизма (корпуса хлебозаводов на Барочной и Новороссийской улицах архитектора Г.П. Марсакова и др.) [5].

В настоящее время около 40% промышленных помещений не используются для промышленного производства, а сдаются в аренду фирмам различного профиля, но не производственного. В то же время растет спрос на производственные помещения для современного производства. Поэтому крупные инвесторы строят новые цеха и заводы для таких производств, а в старых цехах размещаются средние и малые предприятия, не имеющие средств для нового капитального строительства.

В городе осуществляется программа по выводу из центра заводов и фабрик, но за 30 лет ее реализации было выведено не более трети промышленных объектов. Исторический центр занимает 5,8 га, из которых 2,4 га заняты промышленными и нежилыми объектами. Если вывести только заводы, то можно будет построить в центре приблизительно 3 млн. м² жилья. Основные территории, пригодные для реперофиллирования, находятся на Арсенальной и Синопской набережных, Обводном канале, Петровском острове и в Московском районе. В центре города могут размещаться как предприятия, тесно связанные с городской инфраструктурой (электростанции, станции по переработке мусора, по очистке воды и т.п.), так и современные предприятия с экологическими производствами. Эта задача трудно разрешима по двум причинам. Во-первых, многие промышленные объекты объявлены историческими памятниками, внешний вид которых нельзя изменять. Во-вторых, — отсутствие свободных площадок [4].

Такой тип застройки городского центра характерен для многих мировых городов, которые в прошлом были крупными промышленными центрами, а сейчас в пределах не только центра, но и всей городской территории запрещено строительство промышленных объектов. Например, в Париже на месте цементного завода на берегу Сены теперь размещается завод по очистке воды. Для вывода заводов за пределы города широко используются безвозмездные ссуды и займы, имеются льготы при покупке участков в пригородной зоне и т.п.

Очень удачно в исторической части Санкт-Петербурга были реперофиллированы следующие объекты. Корпуса бывшей прядильной фабрики «Октябрьская» стали торгово-деловым центром «Сампсониевский», бизнес-центр «Нобель» размещается в одном из корпусов завода «Русский дизель» и т.п. В Санкт-Петербурге и в прошлом происходило такое реперофиллирование. Так, Адмиралтейство находилось на территории бывшей верфи.

Конец XX в. стал сложным периодом в развитии промышленной архитектуры. С одной стороны, экономические кризисы, закономерное отмирание ряда отраслей промышленности, экологические и социальные проблемы городов, вызванные в т.ч. и наличием на их территории промышленных объектов, а также быстрые темпы НТП — все это негативно отразилось на развитии промышленной архитектуры. С другой стороны, промышленные объекты, построенные ранее, требуют к себе внимания. Поэтому в современном мире возрастает значение промышленной архитектуры, которая

должна адаптировать постройки прошлого к сегодняшней реальности и придать им новые функции. Эта задача успешно решается во многих странах.

Архитектурно-строительные принципы, разработанные до 1990-х гг., стали основой для реконструкции промышленных зданий, сооружений и комплексов. В бывших производственных помещениях ныне располагаются картинные и художественные галереи, клубы, мастерские дизайнеров и др. Так, в Лондоне в бывших ТЭС и перчаточной фабрике находятся художественные галереи. В центре Вены в середине 1990-х гг. были превращены в офисы и квартиры четыре хранилища для газа, представляющие из себя кирпичные цилиндры, полые внутри.

Создание жилых помещений в бывших производственных зданиях впервые было осуществлено в США в конце 1920-х гг. в Нью-Йорке. Это были просторные квартиры, практически не имеющие деления на отдельные сегменты. Такие квартиры получили название «лофт» (от английского *loft* — чердак, галерея, голубятня). В 1970–1980-е гг. в жилье стали превращать не только производственные здания, но и социальные объекты, в т.ч. больницы и тюрьмы, построенные в XVIII–XIX вв. Оружейная фабрика в Хартфорде, шт. Коннектикут, была переделана в жилой дом, где арендная плата за квартиру составляет от 920 до 3300 долл./месяц. Стоимость квартир в бывшей психиатрической больнице в Треверс-Сити, шт. Мичиган, в 2006 г. достигала 500 тыс. долл. В Европе это направление стало развиваться в 1960-е гг. В России только предполагается проводить такую реконструкцию. Уже имеются планы по превращению бывших производственных помещений в квартиры, офисы и т.п.

Поскольку все промышленные объекты стали частью сформировавшегося облика городов, то перед промышленной архитектурой стоят сейчас две задачи. Во-первых, сохранить промышленные здания и сооружения как памятники эпохи. Во-вторых, произвести социально-экономические и технические преобразования или с сохранением преемственности, или путем перепрофилирования. При решении второй задачи должны сохраняться фасады и доминантные элементы (дымовые трубы, водонапорные башни и т.п.). Примером может служить проект завода по производству декоративных деталей в центре г. Невьянск на Урале, где применен синтез современного и исторического стилей. В представленном проекте четко прослеживаются готические традиции, т.к. Невьянская наклонная башня, являющаяся доминантой центра города, выполнена в стиле барокко, который не характерен для промышленной архитектуры Урала. В этом со-

стоит ее уникальность. Поэтому постройка нового здания в стиле хай-тек рядом с башней позволит органично вписать его в ансамбль исторического центра Невьянска.

В мировой практике стало общепризнанным, что реконструировать старые здания выгоднее, чем сносить и строить их на новом месте. К старым постройкам уже подведены необходимые коммуникации, зачастую сами строения качественнее современных, т.к. благодаря своей основательности (толстые стены, которые лучше держат тепло, позволяя экономить энергию) они более универсальны и могут менять свое назначение. Это не относится к России, где до сих пор нет технологий для подобной реконструкции, поэтому в условиях нашей страны легче снести и построить что-то новое.

Однако, как правило, бывшие промышленные территории требуют очень значительную реабилитацию как зданий, так и прилегающего участка, которая обходится очень дорого, а иногда ее просто невозможно произвести из-за очень высокой степени загрязненности. Загрязнение почвы и грунтовых вод достигает горизонтов в 2–3 м от поверхности. Вывозить необходимо не только грунт, но и старые стены промышленных зданий, т.к. они также заражены вредными отходами, особенно на бывших аккумуляторных, металлургических и т.п. заводах. Все это значительно удорожает реконструкцию и, следовательно, труднее найти инвестора.

Тем не менее, в Москве и ряде других городов уже осуществлены и/или готовы к реализации многие проекты. В Москве на территории бывшей шоколадной фабрики «Красный Октябрь» осуществляется проект «Золотой остров». В проекте участвуют, помимо российских, такие известные во всем мире архитекторы, как Норман Фостер и Жан-Мишель Вильмотт. Проект достаточно ликвиден, т.к. обладает такими преимуществами, как удачное местонахождение в престижном районе исторического центра, ранее здесь размещалось относительно чистое пищевое производство, а существующие 6- и 7-этажные корпуса легко трансформируются в жилую площадь. Здесь в помещении бывшего гаража уже создано выставочное пространство «Артстрелка», где проходят вернисажи. Также должен появиться элитный жилой квартал, в т.ч. и с лофт-квартирами, торговыми центрами и офисами.

В Москве промзоны занимают треть территории города. Нерентабельные промышленные предприятия уже закрылись, их здания сдаются под офисы. Такой тип реконструкции проходит хаотично, без общей цели. Поэтому в Москве существует программа перепрофилирования промзон. В первую очередь реконструкция должна коснуться

Павелецкой промзоны, расположенной в историческом центре, и территории завода ЗИЛ, которая находится в живописной излучине Москвы-реки и идеально подходит для создания здесь зеленой зоны. На каждой из этих площадок может быть построено более миллиона квадратных метров жилья и офисных площадей. В Москве можно отметить также ряд уже завершенных проектов переоборудования производственных объектов. Одним из лучших считается т.н. «Завод» — Государственный центр современного искусства в районе Пресни. В цехах «Красной Розы» и «Московского шелка» в Хамовниках разместились офисы, магазины и т.п. На бывшем заводе «Арма» в районе Курского вокзала работает модный ночной клуб «Газгольдер».

Основные тенденции градостроительной политики московского правительства следующие: 1) ограничение строительства новых офисных зданий в центре; 2) прекращение точечной застройки в существующих жилых кварталах; 3) выделение площадок под строительство в прилегающих в четвертому строящемуся транспортному кольцу районах, а также на Звенингородском проспекте и вблизи аэропортов; 4) активное освоение Подмосковья не только вблизи МКАД, но и в городах-спутниках — Одинцове, Красногорске, Подольске и др.; 5) реорганизация и застройка производственных территорий, в т.ч. завода «Московский подшипник», бумажной фабрики «Восход» и др. Параллельно с наземным строительством предполагается широкое освоение подземного пространства, где к 2010 г. возможен ввод порядка 2 млн. м² площадей различного назначения.

Аналогичные проекты осуществляются и в других городах России. В Петербурге, помимо уже рассмотренных выше трансформаций, был перепрофилирован Петровский арсенал, превращенный в торгово-коммерческий и жилой комплекс. Для устройства жилья были использованы не только цеха, но и водонапорная башня, на каждом этаже которой разместилось по одной квартире. В Нижнем Новгороде бывшие помещения НИИ и административно-хозяйственные здания приспособляются под офис-центры для местных компаний. Совершенно новый для России проект создан для Сестрорецкого инструментального завода, являющегося градообразующим предприятием. Завод расположен в самом центре Сестрорецка. Он был приобретен англо-американскими инвесторами. Здесь, наряду с сохранением архитектурного облика цехов и трансформации их в жилье и т.п., создается совершенно новый центр, где возводимые здания будут иметь стиль старых построек.

Все чаще во многих странах мира исторически сложившиеся промышленные комплексы преобразуются в музейные парки с индустриальным ландшафтом, где сохраняются памятники архитектуры

и проводится экологическая реабилитация местности. В России примером такого парка может служить Нижнетагильский металлургический завод, который работал с начала XVIII до конца XX в. Этот музей получил название «Демидов-Парк». Он стал уникальным памятником эволюции металлургии на протяжении веков. Здесь представлены все этапы развития этого завода. Сначала это была металлургическая мануфактура с использованием энергии воды. Поэтому производственные площади располагались вдоль р. Тагил. Использование тепловой энергии и новых технологий способствовали созданию новой компоновки территории, на которой были сооружены современные цеха, электростанция и т.п.

Современная промышленная архитектура стремится к достижению пространственного единства производственной и ландшафтной территории и увязке их с городским зонированием на основе экономии земельных участков. В настоящее время в России наметился рост промышленного строительства. Были утверждены программы развития машиностроения, особенно авто- и авиастроения. Основой промышленной политики становится создание кластеров для выводимых из городской черты промышленных предприятий. Опыт размещения промышленности в крупных мегалополисах (Нью-Йорк, Париж, Лондон, Токио) показал, что там созданы агломерации, в которых присутствуют лишь несколько отраслей промышленности — точное машиностроение, тонкая химия, легкая, пищевая и т.п. отрасли, необходимые для крупных городов.

В настоящее время развитие промышленной архитектуры идет по следующим направлениям. Во-первых, реконструкция предприятий на основе совершенствования архитектурно-строительных и инженерно-технических решений. В этом случае особую актуальность приобретает проблема по сохранению сложившейся застройки исторических городов с наличием в них производственных объектов — памятников архитектуры. Во-вторых, создание инновационных центров (технопарки, технополисы и пр.). В-третьих, проектирование предприятий малой и средней мощности для таких отраслей как металлообработка, легкая и пищевая промышленность, автосервисы, переработка сельскохозяйственной продукции и т.п. В-четвертых, формирование объектов перерабатывающей промышленности для добывающих отраслей с использованием ресурсосберегающих и безотходных технологий.

В связи с необходимостью освоения малозаселенных мест с экстремальными климатическими условиями в перспективе в сферу

внимания промышленной архитектуры могут попасть проекты по транспортировке на большие расстояния готовых промышленных объектов — нефтяных платформ, модульных электростанций и т.п. Такой опыт уже имеется у японских архитекторов, которые по заказу Бразилии построили на плавучей платформе завод, который был отбуксирован к бразильскому побережью, поставлен на грунт и органично вписан в окружающий ландшафт.

Таким образом, целью промышленной архитектуры стали проектирование и реконструкция промышленных территорий и сооружений, создание новых типов промышленных предприятий, адаптация старых зданий к новым технологическим процессам, рекультивация нарушенных ландшафтов, а также комплексное освоение подземного пространства. При проектировании новых промышленных кластеров, зон и т.п. исходной и решающей становится связка «природа — город», взаимодействие которых проявляется в эстетическом образе культурного ландшафта. Унификация, свойственная второй половине XX в., значительно упростила и обеднила городскую среду. В многоэтажных зданиях, входящих в состав промышленных комплексов, находились, как правило, НИИ. Такие здания были доминантами, приносили разнообразие в окружающие их производственные одноуровневые строения. В разных странах доля многоэтажных промышленных зданий постепенно сокращалась и в настоящее время составляет не более 25–30%.

Начало XXI в. ознаменовалось сменой приоритетов в промышленной политике. На смену предприятиям-гигантам пришли предприятия малой и средней мощности. Такие предприятия легче вписываются в окружающую среду, их легче перепрофилировать, т.к. они изначально строятся не под определенный производственный процесс, а учитывают возможные в будущем различные изменения. В этом случае, вероятно, вырастет роль многофункциональных разноуровневых зданий, применимых для самых различных функций. При строительстве таких зданий возможно использование элементов как промышленной, так и гражданской архитектуры

По мнению Ю. Курбатова архитекторы, в отличие от географов, рассматривают ландшафт не как сложный природный комплекс, а как эстетическую систему с пространственной структурой, рельефом и т.п., в которой необходимо установить связи между ландшафтом и промышленными объектами [1]. На территориях, занятых промышленными объектами, формируются полноценные промышленные ландшафты, характеризующиеся следующими чертами: 1) концентрация промышленных предприятий на больших территориях и фор-

мирование здесь промузлов, промкомплексов и т.п.; 2) промышленные объекты должны быть многофункциональными, пригодными для самых различных отраслей промышленности и должны легко трансформироваться в случае необходимости технического переоснащения и реконструкции предприятий; 3) инженерные сети, сооружения и применяемые специфические виды транспорта должны строиться под жестким экологическим контролем.

Индустриализация способствовала кризису в промышленной архитектуре, но он же дал импульс к созданию инновационных проектов, где стали востребованы такие понятия как архитектурная бионика, средовый подход, экологическое мышление и т.п. При формировании промышленной застройки все шире стали использоваться различные средства архитектурной выразительности, что позволяет надеяться на адекватность промышленных объектов как сложившемуся культурному ландшафту, так и формирующимся промышленным ландшафтам.

Литература

1. Курбатов Ю. Природный ландшафт и архитектурная форма // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2005 — № 4 (41).
2. Морозова Е.Б. Архитектура промышленных объектов: прошлое, настоящее, будущее. — Минск: УП «Технопринт», 2003 — 316 с.
3. Морозова Е.Б. Три века промышленной архитектуры // Современные исследования — Минск: 2002.
4. Обзор рынка производственной недвижимости Санкт-Петербурга в 2004 г. (по материалам петербургской печати) — СПб.: 2005.
5. Штиглиц М.С. Промышленная архитектура Санкт-Петербурга в сфере «индустриальной археологии». — СПб.: 2003 — 380 с.
6. Jefferies M. Politics and culture in Wilhelmine Germany: the case of industrial architecture. — Wash.: 1995 — 318 p.

Денисенко Е.А.

Значение городов-метрополисов как центров социально-культурного развития: анализ на примере мирового кинематографа

Традиционно крупные города формировались как очаги социально-культурной активности, центры сосредоточения наиболее динамичных форм социального поведения и его носителей — мобильных, подвижных, творчески мыслящих, с широким мировоззрением. Как следствие — на протяжении длительного времени городские, а особенно метрополитанские территориальные сообщества самовоспроизводятся как системы с высокой общей эффективностью функционирования, выступая при этом как центры духовно-культурного развития.

Как представляется, широкий социально-культурный контекст развития городов формируют две составляющие. С одной стороны, это созданные формы социально-культурного и духовного развития, конкретные объекты, их представляющие, а с другой — собственно индивиды, которые составляют социальную среду с ее особенными всеобщими свойствами. И хотя обе названные составляющие выступают равноценными и принципиально важными в формировании и последующем развитии потенциала городов, все же особенная роль принадлежит социуму как активной и творческой подсистеме. Именно от ее общего потенциала в определенный период времени зависит место города в макрорегиональной и мировой системе координат. Ведь отдельные представители социума как производная общего потенциала территориальной системы выступают носителями традиций в развитии тех или иных культурных явлений. А значит, могут определить для этих явлений новые контексты, актуализировать и развить имеющиеся знания, подходы, их виденье.

В то же время, получить представление об особенностях социально-культурного развития городских территориальных систем можно опираясь на конкретные формы проявления этого развития. Оценивая их, мы получаем возможность приблизиться к пониманию социально-культурного процесса в определенной сфере вообще, принимая во внимание территориальные аспекты его проявления, а также оценить место отдельных территориальных систем. К тому же, это

формирует опосредованное представление об отдельных свойствах, формах организации культурных явлений в каждом отдельно взятом социуме, их эффективности и коммерческой успешности.

Естественно, что среда каждого города характеризуется особым набором ценностей, ориентиров и, главное, — жизненных установок. Они укореняются путем различных механизмов разновальной социализации, где особая роль принадлежит ценностно-средовому аспекту. И его тяжело переоценить, ведь социально-культурная среда разных городов отличается по насыщенности, динамичности, разнообразию и множеству других свойств, формирующих совокупность ее специфических состояний в разные временные срезы и в разных нишах.

Таким образом, формируются определенные закономерности развития общественно-территориальных систем, которые начинают проявляться как устойчивые, укореняются в восприятии и сознании людей. А соответственно, развитие и формирование этих состояний системы и отдельных ее компонентов можно рассматривать как единый процесс духовно-культурного развития. Он, в свою очередь, выступает фундаментальной основой, неким субстратом для становления совокупности других процессов — социальных, экономических, организационных, политических и прочих. Ведь среда оказывает непосредственное влияние на систему духовных ориентиров человека, его глубинное эмоциональное состояние, внутренний мир, самоидентификацию, жизненные установки на достижение совокупности целей, а также определяет мировоззренческие константы. Это все вместе находит непосредственное выражение в деятельности человека.

Среди определяющих и системоформирующих характеристик социально-культурного развития метрополисов следует назвать, прежде всего, динамичность и диверсифицированность, которые комплексно показывают уровень активности территориального сообщества и насыщенность ею в разных сферах.

Уровень динамичности среды (как проявление социального поведения отдельных индивидов) оказывает активное влияние и на экономические процессы, при этом сам пребывая под их влиянием, особенно в условиях постиндустриального общества с его новыми формами занятости и требованиями к рабочей силе.

Именно динамичность метрополитанской среды, под которой мы понимаем готовность к изменениям (и социальным, и экономическим, и организационно-технологическим), как на уровне отдельных индивидов, так и социума в целом, определяет ориентацию послед-

него на новые формы организации, постоянный творческий поиск, направленность социально-экономических процессов.

Важной составляющей в процессе развития метрополитанной среды является такое ее свойство, как социально-культурная диверсифицированность, имеющая значительный комплементарный и стимулирующий эффекты. Она способствует обогащению социально-культурной атмосферы за счет насыщенности разнообразными формами духовно-культурного развития, формирования дополнительных эффектов от их взаимодействия. Это находит отображение в нестандартных подходах к организации тех или иных процессов, поиске способов их оптимизации, высокой социальной активности.

Одним из культурных явлений, концентрировано выражающих особенности социально-культурного развития отдельных территориальных сообществ, является кинематограф. Будучи привязанным к относительно небольшому количеству городов, он, в сущности, выступает интерпретивным индикативным признаком развития процессов метрополитанизации. Ведь кинематограф характеризуется совокупностью свойств и признаков, позволяющих ему чрезвычайно глубоко проникать в социально-экономическую среду городов, выявлять устойчивое влияние на социально-культурную подсистему.

Так, имея высокую вовлеченность в социально-культурный процесс, кинопродукция выступает своего рода срезом, который отображает все особенности общественного развития на данном этапе. Это находит отображение в тематике, общем эмоционально-психологическом фоне картин, основных проблемах и способах их решения, типичных характерах и моделях поведения, уровне технологий. Целесообразно обратить внимание на важную идеологически-воспитательную роль кино. Ведь кинопродукция (особенно качественная) является популярным и достаточно простым способом проникновения в подсознание человека, что позволяет влиять на его ценностные и мировоззренческие ориентиры, а соответственно, формирует способы поведения в повседневной жизни, определяет процесс выбора и принятия решений. А потому центры кинопроизводства могут рассматриваться как значимые очаги социально-культурного влияния макрорегионального и мирового уровня.

Рассмотрение кинематографа как социально-культурного явления на территориальном уровне достаточно удобно с методической точки зрения, ввиду того, что позволяет, по крайней мере, частично раскрыть преемственность в существовании кинематографической школы. А это тесно связано с формированием общего социально-культурного фона метрополитанной среды. Как уже подчеркивалось

выше, традиции в развитии и осмыслении определенных культурных явлений в тех или иных центрах могут выступать важным фактором дальнейшего развития.

Отметим, что наблюдается выраженное тяготение таких форм территориальной локализации кинематографа как киностудии к наиболее мощным метрополитанным очагам, что особенно интересно для нас, учитывая тот факт, что отдельные киностудии появились и функционируют в этих центрах еще с начала XX в. Таким образом, именно с ними и соответствующими городами и было связано развитие кинематографа как культурного явления, вида искусства и производственного процесса. К наиболее давним и значимым в этом отношении принадлежат (из функционирующих в настоящее время): Gaumont Film Company (1895 г.), Pathe Freres (1896 г.) — Париж; Babelsberg Studios (1911 г.) — Берлин; Nordisk Film (1906 г.) — Копенгаген; Paramount Studios (1912 г.), Universal Studios (1912 г.), Warner Bros. (1918 г.) — Лос-Анджелес; Twickenham Film Studios (1913 г.) — Лондон; Киностудия им. М. Горького (1915 г.), «Мосфильм» (1920 г.) — Москва, «Ленфильм» (1918 г.) — Санкт-Петербург; Barrandow Studios (1921 г.) — Прага; Svensk Filmindustri (1919 г.) — Стокгольм; Киностудия им. О. Довженко (1928 г.) — Киев; Toho (1932 г.) — Токио.

Все названные города являются центрами производства кинопродукции и сегодня, то есть данная функция оказалась устойчивой во времени и сейчас в значительной мере связана с ними, правда, интенсивность и масштабы деятельности разных городов в этой сфере на современном этапе являются очень разными. Отдельные из них — Копенгаген, Стокгольм — функционируют как региональные центры, впрочем, регулярно выпускающие фильмы: как правило, это несколько проектов в год со сравнительно невысокими сборами — до 4–6 млн. долл. Другие центры прошли свою сложную историю становления в новых условиях — Москва, Санкт-Петербург. Отметим также, что отдельные центры, где, собственно, зарождалось кинопроизводство как таковое, сегодня не играют заметной роли в его развитии. Это касается Филадельфии, где в начале XX в. существовала Lubin Studios (1902 г.) (по результатам 2008 г. снят один фильм, хоть и со значительным коммерческим успехом), а также Чикаго — Selig Polyscope Company (1896 г.) (по итогам 2008 г. ни один фильм не попал в 582 участвовавших в исследовании наиболее успешных на мировом уровне).

Кинопроизводство, несмотря на тяготение к крупным городам и значительным культурно-историческим центрам, является пластичным и гибким к условиям среды, а соответственно, появляются новые

центры его локализации. Они предлагают традиционным центрам, а подчас и противопоставляют, новые технологии и финансовые ресурсы, открывают новые культурно-исторические контексты. Среди сравнительно новых влиятельных центров в области кинематографа можно назвать Сан-Франциско, а также азиатские метрополисы — Сянган, Сеул, Стамбул, Сингапур.

По результатам деятельности отрасли в 2008 г. отметим, что для кинопроизводства характерна очень высокая степень концентрации, прежде всего, за счет гиперконцентрации в Лос-Анджелесе, с которым, по нашим оценкам, связана половина всей кинопродукции мира. Это сказывается и на развитии территориально-компонентной структуры ближайшей зоны притяжения Лос-Анджелеса: вокруг него сфор-

Таблица 1

Ведущие центры кинопроизводства в мире, 2008 г.*

Место	Город	Кассовые сборы, млн. дол.	Доля в кассовых сборах наиболее успешных фильмов	Количество фильмов
1	Лос-Анджелес	13 212	52,6%	149
2	Сан-Франциско	2 615	10,4%	5
3	Лондон	2 015	8,0%	29
4	Нью-Йорк	1 838	7,3%	21
5	Париж	1 109	4,4%	58
6	Токио	1 034	4,1%	58
7	Сеул	386	1,5%	33
8	Мумбай	376	1,5%	37
9	Рим	283	1,1%	27
10	Ванкувер	243	1,0%	2
11	Пекин	204	0,8%	6
12	Мюнхен	184	0,7%	12
13	Москва	167	0,7%	15
14	Сянган	164	0,7%	14
15	Филадельфия	163	0,6%	1
16	Берлин	117	0,5%	4
17	Стамбул	116	0,5%	11
18	Барселона	97	0,4%	2
19	Мадрид	75	0,3%	6
20	Брюссель	65	0,3%	5

* Оценивались 582 наиболее коммерчески успешных фильма в мире, кассовые сборы которых по итогам 2008 г. превысили 2,7 млн. долл.

мировалась целая совокупность небольших центров, на которые распространяется эта функция — Калвер-сити, Универсал-сити, Санта-Моника, Бербанк и другие.

В целом Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Лондон, Нью-Йорк, Париж и Токио вместе концентрируют 86,8% всех кассовых сборов, по итогам 2008 г. (таблица 1). Наличие всех глобальных городов мирового хозяйства среди основных центров кинопроизводства очередной раз подчеркивает значимость кинематографа как явления, его роль в общественном развитии, а также значение как индикативного показателя развития процессов метрополизации.

Макар С.В.

Лесной потенциал как объект природного и культурного наследия России и ее регионов

Лес — национальное достояние, основа эколого-экономической безопасности страны. Но каждое поколение людей по существу является лишь временным пользователем лесных ресурсов и обязано передать их следующему поколению как природно-культурное и историческое наследие, не лишая возможности пользования им своих потомков. Современный этап развития мирового лесного хозяйства можно охарактеризовать как переход к устойчивому управлению лесами. Использование российских лесных богатств затрагивает целый ряд аспектов рассмотрения, привлекает к себе внимание всего российского общества. Главный вопрос, актуальность которого неизменно высока, это эффективность использования как общенационального лесного потенциала, так и потенциала регионов России. Но эффективность может иметь разную сущность, учитывая значительную дифференциацию лесорастительных и ландшафтно-экологических условий, а также социально-экономические особенности регионов.

В этой статье автор касается некоторых гуманитарных аспектов, связанных с использованием национального лесного потенциала и направлениями его развития: понятия о лесе, сложившемся исторически, и его трансформации в современном российской обществе, во-вторых, вопроса оценки лесных ресурсов и о понимании истинной ценности леса, в-третьих, тенденции в развитии лесного потенциала.

В первую очередь следует обратиться к **пониманию леса в обществе** и понятию леса в науке. Как явление природы, как комплексный ресурс, как часть окружающей среды лес первоначально не требовал специального определения и выступал объективным условием существования, удовлетворяя потребности человека. Согласно словаря В.И. Даля [4], лес на корню — пространство, покрытое растущими и рослыми деревьями. Но есть лес в срубе — деревья, срубленные и очищенные от сучьев и вершины (от кома), а также бревна. Есть в России красный лес — из хвойных деревьев, есть и черный лес — из лиственных деревьев. Лес может быть строевым — обычно это хвойные деревья от 6 до 12 вершков в отрубе. Лес может быть дровяным, т.е. мелким и негодным для строительства, и поделочным, т.е. столярным, идущим на столярные работы (дуб, ильм, ясень, липа и берёза). Лес может быть издельным, т.е. идущим на промысловые изделия (осина на ложки и чашки, вяз на полозья и ободья, ветла на дуги и пр.). Лес назывался высокоствольным, если деревья вырастали из семян, а если лес вырастал из пнёвых и корневых побегов, его называли низкоствольным. Мачтовым назвали самый крупный сосновый лес, стволы деревьев которого шли на изготовление корабельных мачт парусного флота. Исходное понятие леса быстро приобрело толкования, связанные с куплей-продажей. Как в отношении растущего леса при его продаже на корне, так и в отношении срубленного леса и процессов его рубки, транспортировки и переработки, стали употреблять для краткости одно и то же слово — лес [10, с. 132].

Следуя мысли Н.Н. Колосовского — «во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия» [5, с. 15], — выделим научный подход к лесу. Первые **научные определения леса** в России связываются с необходимостью ведения лесного хозяйства. По мнению классика русского лесоводства М.М. Орлова, именно «мысль о том, что лесов может не хватить на удовлетворение потребностей человека и что вследствие этого обращение с лесами должно подчиняться некоторому расчету, полагает начало лесному хозяйству» [8, с. 3]. М.М. Орлов предложил следующее определение леса: «...лесом должно называться пространство, занятое растущими в сообществе древесными растениями; это *пространство*, или лесная площадь, является, таким образом, покрытой лесными растениями, причем степень этого покрытия может быть весьма различна...». И далее: «...лесом называют даже площади, совершенно лишённые какой-либо древесной растительности, если только эти площади только что потеря-

ли свой древесный покров вследствие рубки или ...пожара, ветровала, но сохраняют свою лесную почву, обеспечивающую лесовозобновление» [8, с. 1–2]. Другой выдающийся русский ученый-лесовод Г.Ф. Морозов одним из первых в мире отметил, что лес, будучи природным географическим явлением, представляет единое целое в динамике взаимодействия лесной растительности и среды её обитания, взаимно изменяющих друг друга с течением времени [7].

Развитием учения о лесе, принадлежащее Г.Ф. Морозову, стало представление о лесном биогеоценозе или лесной экосистеме В.Н. Сукачева [9]. Эти знания являются основой экосистемного управления лесом и в хозяйственной практике, выстроенной на идее пользования лесом, пока не востребованы. Но необходимо подчеркнуть, что русские ученые первыми отметили главное глобальное свойство леса: он является основным планетарным аккумулятором живого вещества в биосфере.

В современных энциклопедических изданиях лес определён, во-первых, как природный комплекс древесных, кустарниковых, травянистых и других растений, а также животных и микроорганизмов, биологически взаимосвязанных в своем развитии, влияющих друг на друга и на внешнюю среду — почвы, поверхностные воды и прилегающий слой атмосферы. Во-вторых, отмечается, что лес является основным типом растительного покрова Земли, в котором представлены практически все существующие жизненные формы растений. Господствующая роль в лесу принадлежит деревьям одного или нескольких видов с сомкнутыми кронами, второстепенная — кустарникам, травам, мхам, лишайникам [2, с. 638]. Таким образом, лес представляет собой природную систему, состоящую из взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов. Данная система характеризуется динамическим равновесием, устойчивостью, авторегуляцией, высокой способностью к восстановлению и обновлению, особым балансом энергии и веществ, динамичностью процессов с тенденциями к их стабильности, географической обусловленностью [11, с. 264]. Под лесным пологом из крон деревьев формируется собственная природная среда, в первую очередь особенный микроклимат. Доказано, что лес оказывает большое влияние на почвообразование, климат, глобальные циклы воды и углерода, является генератором формирования первичной биологической продукции.

Переходя к пониманию леса в современной хозяйственной практике, следует отметить, что понятие леса является базовым, основным для лесного законодательства России. В Лесном кодексе Российской Федерации (2006) предлагаемое понятие не противоречит

давнему научному и правовому представлению о лесе как о единстве земли, лесной растительности, животного мира и иных компонентов окружающей природной среды, имеющих важное экологическое, социальное и экономическое значение (ст. 5). Понимание леса как природного объекта подчеркивает его неразрывную не только биологическую, но и правовую связь с земельным участком [6, с. 23–24]. Понимание леса в единстве с землей сложилось постепенно [1, с. 155]. До XVII в. (при Алексее Михайловиче) лес рассматривался прежде всего как способ бортничества, охоты, ограждения от набегов врагов. В XVIII в. (при Петре I и Екатерине II) лесу придавалось значение материала для строительства российского флота. В XIX и XX вв. лес приобретает экономическое значение, становится средством извлечения прибыли (в 1913 г. лесная отрасль давала 2% государственного бюджета), в связи с чем были учреждены государственные органы управления лесом.

Однако, сохранение и развитие лесного хозяйства России как одной из традиционных экономических, исторических и культурных основ российской государственности требует заинтересованного участия общественности в судьбе ее лесных богатств. Формы участия общественности включают:

- разработку проектов лесных законодательных и иных нормативных актов;
- обсуждение вопросов региональной лесной политики;
- рассмотрение программ деятельности;
- принятие решений в области использования, охраны и воспроизводства лесных ресурсов.

Вовлечение общественности в период построения рыночной экономики является необходимой составной частью планирования и выработки решений на основе совместного обсуждения по существенным вопросам. Главной целью при совместной выработке решения в отношении лесопользования является определение согласованного мнения между общественностью и государственными органами.

В начале XXI в. следует констатировать ослабление экологических приоритетов в общественном мнении. Причиной тому — не только факторы социального кризиса, но и особенности общественного сознания, связанные, во-первых, с доминированием потребительских стереотипов и, во-вторых, с безразличием и даже отторжением природоохранной темы. Особенно редко в нашу массовую культуру проникают лесоохранные идеи. Один из путей преодоления безразличия в экологизации для России — использование нацио-

нальных (местных) идей и символов. Например, священные рощи — как древние природные храмы для молений, исцеления, места захоронения святых и шаманов и прибежище изгнанников. У многих народов Евразии были такие священные рощи, где люди общались с богами. Множество таких мест сохранилось и действует по сей день от Кавказа до Верхней Волги, и от Эстонии до Монголии. Местное население ходило и ходит в них молиться, справлять праздники, лечиться, хоронить умерших, спасаться от невзгод. Эти языческие традиции стали элементом почти всех современных религий. Так, слово «заповедник» изначально применялось к священному лесу, защищенному православной церковью. Священные рощи можно рассматривать как важный элемент духовного родства между человеком и местом, где он родился и (или) живет.

В России очень специфично влияние правовой сферы на общественное сознание. Развитие лесного законодательства свидетельствует о большом общественном значении лесов, в том числе их средообразующей и социальной роли. Законы действуют на общественное мнение, как и общественное мнение действует на законы. Но следует подчеркнуть, что законы не действуют или действуют слабо, если не подкреплены обычаем. В то же время для нашей страны очень характерно влияние на общественное сознание авторитетных высказываний, звучащих от лица популярных политических лидеров в форме доктрин, связанных с идеями священности земли, ее сакральном духе, эстетической и этической значимости для человека. Эти идеи существенно могут повлиять на экологизацию общественного мнения в России.

Современное общество стремится регулировать законом непосредственно и напрямую основные правила поведения на землях лесного фонда физических и юридических лиц, связанных с использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов. Но следует подчеркнуть, что право — это не только то, что написано, утверждено и объявлено уполномоченными органами власти, но и также то, что находится в сознании и представлениях людей, граждан, которые являются правоприменителями. Обеспечение реализации положений закона в правовом государстве должно поддерживаться нормами морали. В частности, субъекты (лица), принимающие решения, должны оценивать не только свои (частные) интересы и соответствующие им результаты, но автоматически соотносить их с общественными (социальными) интересами. Это необходимое условие не только существования правового государства, но и условие создания экономики культуры потребления благ.

Эффективность пользования лесом тесно связана с вопросом оценки лесного потенциала. Понятие «оценка» имеет определенный философский смысл, исходящий из философской категории «ценность». Ценность не должна отождествляться с самим объектом, она отражает его свойства, значение объекта, обусловленной человеческой потребностью и характерными свойствами самого объекта. Таким образом, в оценке диалектически взаимодействуют две стороны — объективная и субъективная, именно они влияют на величину и характер ценности. Поскольку субъективный фактор ценности, в конечном счете, определяется потребностями человека, ценность может быть различной — материальной, социально-политической, эстетической, экологической и др. Научное обоснование оценки направлено на ее объективизацию — сведение к минимуму произвольных моментов на основе раскрытия свойств объекта и его взаимоотношений с окружающей средой, расширение информационной базы.

Совершенствование оценки лесов проявляется в развитии их классификации. В соответствии с Лесным кодексом 2006 г. (ст. 10) введена новая классификация лесов — леса теперь подразделяются на защитные, эксплуатационные и резервные. Основное целевое назначение защитных лесов состоит в выполнении различных экологических функций — средообразующих, водоохраных, полезащитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и т.п. Дополнительные ограничения по лесопользованию в защитных лесах преследуют цель — сохранить природные объекты, которые взаимосвязаны с лесами: земли, водные источники, объекты животного и растительного мира и ландшафты в целом. Выделение категорий защитных лесов обусловлено необходимостью более жесткой регламентации проведения рубок в этих лесах, так как именно заготовка древесины может существенно повлиять на всю лесную экосистему и связанные с ней другие природные объекты [6, с. 324]. Однако сложившийся порядок лесопользования ориентирует оценку в целом только на один древесный ресурс, что наносит значительный ущерб как для использования так и для воспроизводства недревесных ресурсов и услуг леса. Устойчивое лесопользование выдвигает потребность знать истинную ценность леса. Это необходимо в том числе для того, чтобы определить круг экономически эффективных мероприятий лесного хозяйства, которое требует в основном долговременных инвестиций, приносящих доход часто через сотню лет [12, с. 15,]. В этой связи следует сказать, что именно для леса как природного объекта применима экономическая оценка, основанная на концепции общей экономической ценности. Концепция общей экономической ценности отражает об-

щую социально-экономическую ценность (стоимость) ресурсного источника, которая может быть представлена суммой следующих четырех показателей: стоимость использования (прямого и косвенного), стоимость неиспользования, возможная стоимость, стоимость существования [3, с. 61–65].

Развитие лесного потенциала как объекта природного и культурного наследия непосредственно связано с концепцией модельных лесов. Модельные леса — это долгосрочные проекты, направленные на решение региональных проблем лесопользования и лесопользования на основе общепризнанных международных и российских принципов устойчивого управления лесами, базирующиеся на партнерстве и взаимодействии заинтересованных участников. В географическом отношении модельный лес должен охватывать территорию, на которой представлены все виды лесопользования и лесные ценности — это ландшафт, включающий лесной фонд, земли сельскохозяйственного назначения, особо охраняемые природные территории, водные объекты и населенные пункты.

Основным целевым назначением модельных лесов и сети модельных лесов является организация и осуществление на определенной территории устойчивого управления лесами и их эффективного использования на основе партнерства, сотрудничества и взаимного учета интересов населения, организаций, предприятий, представленных на данной территории, обеспечивающих ее устойчивое развитие с использованием прогрессивных методов ведения лесного хозяйства, осуществления лесопользования, а также организации сотрудничества и обмена опытом на местном, региональном, национальном и глобальном уровнях.

Результаты деятельности первого модельного леса — Гассинского (Хабаровский край) выразились в следующем: составлен региональный план устойчивого развития (получивший развитие в региональном лесном плане в соответствии с Лесным кодексом, 2006), создан национальный парк, разработаны карты мест обитания редких и исчезающих растений и животных, возникли новые партнерские связи между заинтересованными сторонами. Всего в России организовано пять модельных лесов — Гассинский (Хабаровский край), «Прилузье» (Республика Коми), Ковдозерский (Мурманская область), Псковский (Псковская обл.) и «Кологривы» (Костромская область). Созданные модельные леса России расположены в лесных ландшафтах с различными природными и социально-экономическими условиями и являются результатом международных проектов. Движущие силы, или первопричины, создания модельных лесов различны, что

повлияло на приоритетность задач устойчивого лесопользования, решаемых в модельных лесах. Так, экологические приоритеты стали основными при создании модельного леса «Прилузье», экономические — при формировании Псковского модельного леса, экономические и социальные приоритеты — при создании Ковдозерского модельного леса. Хотя первопричины создания модельных лесов различны, в своей деятельности они стараются реализовать программы, направленные на достижение баланса основных составляющих устойчивого лесопользования (экологической, экономической, социально-культурной), а также на развитие образования и улучшение системы лесопользования. Как очевидно, в процессе развития модельных лесов происходит определенное смещение приоритетов деятельности от преимущественно экологических (модельный лес «Прилузье») или экономических (Псковский модельный лес) до образовательной деятельности и распространения накопленного опыта [14].

Создание модельных лесов целесообразно в различных ситуациях. Во-первых, особое внимание при выборе места для модельных лесов уделяется территориям преимущественно природоохранного (природозащитного) назначения, к которым относятся в основном районы, расположенные на границах лесной зоны. Во-вторых, в районах проживания коренных малочисленных народов модельные леса являются наиболее эффективным механизмом решения проблемы поддержания благоприятной окружающей среды с учетом обеспечения их потребностей в традиционном лесопользовании и др. На территории Российской Федерации выделяется значительное количество таких регионов, особенно на севере европейской части, в Сибири и на Дальнем Востоке (в Республике Карелия, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Корякском автономном округе). В-третьих, при наличии острых региональных, локальных проблем природопользования. На территории с антропогенно нарушенной экологией в условиях модельного леса при поддержке государства согласованными усилиями всех партнеров можно добиться принятия компромиссных решений и значительно сгладить экологические проблемы, снять или предупредить социальную напряженность. В то же время названные предпочтения создания модельных лесов не лишают возможности их организации на любой территории, где все заинтересованные стороны готовы объединиться на партнерской основе для решения местных проблем различного эффективного использования лесов, достижения целей устойчивого управления лесами.

Сеть модельных лесов России создается для обеспечения развития на территории **всей страны** эффективных форм организации

управления лесами с активным участием местного населения, предприятий, органов власти, осуществляющих свою деятельность на каждой конкретной территории (на местном уровне), заинтересованных в ее социально-экономическом развитии при сохранении, поддержании, восстановлении благоприятных экологических условий.

Одним из главных условий реализации концепции устойчивого лесопользования и лесопользования является партнерство между бизнесом, общественным и гражданским секторами. Партнерство приводит: к внедрению интегрированных подходов в решении вопросов лесопользования; к разработке новых механизмов обмена знаниями и опытом; к расширению ресурсной базы (технической, финансовой и т. п.) для достижения общей цели; к пониманию ценностей и качеств каждого сектора, что необходимо для интеграции и устойчивости общества [13]. Деятельность модельных лесов должна быть ориентирована на практическое решение задач устойчивого развития с учетом ландшафтно-экологической и социально-экономической специфики региона.

Переход к устойчивому лесопользованию и управлению лесами возможен только вместе с трансформацией общественного сознания, в котором лес является неотъемлемой частью природно-культурного наследия и основой жизнедеятельности будущих поколений. Это необходимое условие для реализации долгосрочной стратегии, долгосрочного плана действий в целях рационального использования национального природного потенциала.

Литература

1. *Боголюбов С.А., Кичигин Н.В.* Законодательное регулирование деятельности федеральных органов исполнительной власти по обеспечению экологической безопасности. — М.: Норма, 2007. — 368 с.
2. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1456 с.
3. *Глушкова В.Г., Макара С.В.* Экономика природопользования: учеб. пособие / В.Г. Глушкова, С.В. Макара. — М.: Гардарики, 2007. — 448 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.–Москва, 1911–1912, т. 1–4.
5. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 136 с.

6. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов, М.И. Васильева, Ю.Г. Жариков [и др.]. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — 400 с.
7. Морозов Г.Ф. Учение о лесе // М.—Л., Гослесбумиздат, 1949, Изд. 7-е.
8. Орлов М.М. Лесоустройство. Том 1. Элементы лесного хозяйства // Ленинград, издание журнала «Лесное хозяйство, Лесопромышленность и топливо», 1927, 428 с.
9. Основы лесной биоценологии. / Под ред. В.Н. Сукачева и В. Дылиса // М., 1964.
10. Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования — к управлению. — М.: ИД «Юриспруденция», 2004. 552 с.
11. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. — М.: Мысль, 1990. 637 с.
12. Семевский Ф.Н. Цена леса: Научное издание. — Екатеринбург. 52 с.
13. Tennyson R., Wilde L. 2000. The guiding hand: brokering partnerships for sustainable development. The United Nations Staff College and the Prince of Wales Business Leaders Forum.
14. Элбакидзе М., Ангельстам П. Модельные леса Северо-Запада Российской Федерации: взгляд со стороны. // Устойчивое лесопользование, №1 (17), 2008, с. 39–47.

Подгрушный Г.П.

Индустриальное наследие Украины: особенности формирования и проблемы сохранения

Авторитет и престиж любого государства в значительной степени определяется ее культурным и природным наследием. В условиях становления постиндустриального общества наследие становится базовым гуманистическим атрибутом отдельных стран и регионов, обуславливающим рост к ним общественного интереса. Это в свою очередь обеспечивает превращение культурного и природного наследия в важнейший ресурс регионального развития. Таким образом, использование наследия в туристических и познавательных целях превращается сегодня в высокодоходный вид экономической деятельности.

В системе объектов культурного наследия индустриальное наследие занимает особое место. Проблема его сохранения была поднята всего несколько десятилетий назад. В процессе стремительного перехода западных стран к постиндустриальному обществу невостребованным осталось огромное количество объектов производства и инфраструктуры индустриальной эпохи. Многие из них представляют собой уникальные инженерные сооружения, которые по праву могут считаться техническими и технологическими памятниками.

В зависимости от функций, реализуемых в производственном процессе объекты индустриального наследия подразделяются на несколько типов.

- 1) Энергетические объекты (тепло- и гидроэлектростанции, линии электропередач и т.п.). Особый интерес сегодня в силу объективных причин представляют ГЭС, построенные в конце XIX — первой половине XX в. на малых реках.
- 2) Производственные объекты (шахты, карьеры, заводы, фабрики, отдельные технологические линии, оборудование и т.п.). В первую очередь заповеданию и охране подлежат объекты, созданные в период прохождения 1–3 циклов Кондратьева и представляющие производства первых технологических укладов. Прежде всего, это касается старых текстильных фабрик, металлургических заводов, литейных предприятий, судостроительных заводов, выработанных шахт, рудников и т.п.

- 3) Объекты складского хозяйства (склады, хранилища, погреба и т.п.). Масштабность и уникальность большинства этих сооружений во многом определена необходимостью хранения огромного количества сырья, полуфабрикатов, готовой продукции.
- 4) Объекты транспортной инфраструктуры (железнодорожные вокзалы, портовые комплексы, ангары для транспортных средств, отдельные железнодорожные ветки и др.).
- 5) Объекты социальной инфраструктуры (жилые здания для инженерно-технического персонала и рабочих, клубы, больницы, школы, училища и др.).

Кроме растущего общественного интереса индустриальное наследие обладает огромной исторической и научной ценностью, материальной уникальностью. В.В. Запарий отмечал, что «...материальное наследие индустриального периода ценится, прежде всего, как доказательство экстраординарности этого периода в человеческой истории. Изучение и восстановление индустриального наследия помогает понять индустриализацию — один из наиболее значительных периодов в истории каждой достаточно развитой в настоящее время страны» [1, с. 213].

Период индустриализации Украины — это сложная, многогранная, порой отмеченная трагическими событиями эпоха, имеющая более чем двухсотлетнюю историю.

Начало индустриализации страны в значительной мере определялось милитарными факторами. Это соответствующим образом отразилось на территориальной организации промышленности, ее специализации, а отсюда и на особенностях индустриального наследия. Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась расширением военного присутствия Российской империи в Причерноморье и Центральной Европе. Это требовало максимального приближения баз обеспечения к театрам военных действий. Наиболее подходящим для этого оказался Донецкий край, где к тому времени уже были разведаны залежи каменного угля, который в Западной Европе начал широко использоваться в черной металлургии и на флоте, активно оснащаемом паровыми двигателями.

Таким образом, начало первой промышленной революции (революция угля и пара) и первого цикла Кондратьева (ЦК) в экономически развитых государствах и на территории Украины произошло почти синхронно. Прохождение первого ЦК в Западной Европе охватывает период 1770–1830 гг. Начало разработок каменного угля и строительство первого литейного завода по производству пушек на территории Донбасса датируется 1795 г. В соответствии с императорским

указом недалеко от так называемой Лисьей Балки была заложена первая в Донбассе угольная копальня, вокруг которой выросло поселение, позже получившее название Лисичанск.

Основными потребителями добываемого угля были Черноморский флот и казенный пушечно-литейный завод, построенный на реке Лугань, где со временем возник город Луганск. В середине XIX в. это предприятие было перепрофилировано на производство патронов. За свою более чем двухсотлетнюю историю ЗАО «Луганский литейно-механический завод» сохранил свою основную производственную специализацию. Сегодня ряд старых производственных корпусов и строений предприятия могут быть отнесены к памятникам индустриального наследия.

Дальнейшее развитие промышленности Донецкого региона связано с интенсивным освоением залежей каменного угля. К середине XIX в. в регионе было открыто свыше 300 месторождений угля. Вследствие их разработки создавались многочисленные шахты, строились металлургические заводы. Вместе с рабочими поселками и слободами они формировали типичные локалитеты ресурсодобывающего и индустриального типов. Их разрастание и слияние привело к возникновению и развитию многих городов региона. В частности, это Донецк (Юзовка), Горловка, Макеевка, Стаханов (Кадиевка), Алчевск и многие другие. Иными словами, формирование селитебной сети региона определялось, главным образом, индустриальным фактором.

Такие особенности генезиса этой сети обусловили не только «привязку» поселений к залежам каменного угля, но и наложили отпечаток на внутреннюю планировочную структуру этих городов, особенно их архитектурного облика. Они, как правило, не имеют четко сформированного единого центра и представляют собой своеобразный конгломерат нескольких слившихся поселений, образовавшихся вокруг производственных объектов. Поселения такого типа В.Л. Глазачев определил как «разбухшие заводские слободы» [2]. Сформированная таким образом структура этих городов в силу целого ряда факторов в течении многих десятилетий оставалась фактически «законсервированной». Таким образом, целые кварталы во многих старопромышленных городах Донецкого региона сегодня могут претендовать на статус объектов индустриального наследия. Значительный интерес сегодня представляют выработанные и законсервированные шахты, как объекты экстремального туризма.

Мощным фактором активизации индустриализации на территории Украины послужили реформы 1861 г. Еще большие масштабы приобрело промышленное освоение угля и каменной соли на Донбас-

се, железной руды в Криворожье, марганца в Никополе. Активно формируется новая отрасль экономики — свеклосахарное производство. Строят в строй десятки сахарных заводов. Начинает развиваться химическая промышленность (производство удобрений, взрывчатых веществ, красителей и т.п.), машиностроение. Это, прежде всего, предприятия по изготовлению инвентаря для сельского хозяйства, оборудования для пищевой промышленности. Первым среди этих предприятий был Смелянский машиностроительный завод (г. Смела, Черкасская обл.), специализирующийся на производстве оборудования для сахарных заводов. На территории этого предприятия до сих пор сохранились старые производственные корпуса, имеющие историческую ценность и представляющие собой памятники индустриального наследия.

В настоящее время, в условиях глобализированной экономики многие сахарные заводы Украины оказались неконкурентоспособными. В стране отмечается их массовое закрытие. Учитывая более чем сто пятидесятилетнюю историю многих из этих предприятий, их историческое значение, важность сохранения техники и технологий свеклосахарного производства, целесообразным было бы создание на их базе ряда заводов-музеев.

Экономический прогресс в целом и, прежде всего промышленное развитие страны в тот период имели достаточно органичный и стабильный характер. Именно тогда и происходила индустриализация Украины в классическом понимании этого термина, то есть происходило создание крупного машинного производства во всех отраслях экономики.

Наряду с объективными факторами, способствующими индустриализации страны (природные богатства, удобное размещение территории, обеспеченность рабочей силой, наличие рынков сбыта продукции и пр.), нельзя обойти вниманием и чисто субъективные факторы. Прежде всего, нужно отдать должное промышленникам, предпринимателям и меценатам Федору, Платону и Василию Семеренкам, Николаю Терещенко, Ивану Харитоненко, Александру Полю, Алексею Алчевскому и многим другим, чей труд обеспечил становление в стране индустриального общества. Значительную роль в индустриализации страны сыграли также и такие выдающиеся организаторы индустриального производства как Джон Хьюз, Алексей Бобринский, Лазарь Бродский и другие.

В начале XX в. в Украине уже насчитывалось свыше 5,5 тыс. промышленных предприятий, где работало 207 тыс. рабочих. На фоне высоких темпов роста и сосредоточения производства (добыча 65%

угля и производство 51% стали в Российской империи), именно в этот период начинается деформация, как отраслевой, так и территориальной структуры промышленности Украины. Основные промышленные предприятия размещались неравномерно по территории страны. Они преимущественно концентрировались в пределах двух промышленных районов — Донбасса и Приднепровья (Днепропетровск (Екатеринослав), Запорожье (Александровск) и др.), а также в нескольких крупных центрах — Харькове, Киеве, Одессе, Николаеве. В небольших городах размещались преимущественно предприятия по переработке местного сельскохозяйственного и строительного сырья, древесины и т.п.

Этот период в истории страны характеризовался активным строительством путей сообщения, прежде всего железных дорог и сопутствующей инфраструктуры — мостов, станций, депо, вокзалов. Многие из них сохранились до сегодняшнего дня и продолжают использоваться. Некоторые железнодорожные вокзалы не только представляют собой яркие образцы индустриального наследия, но и являются архитектурными памятниками. Это, например железнодорожные вокзалы в Львове, Черновцах, Казатине, Жмеринке и многих других городах.

Следующий этап развития промышленности Украины характеризуется сложными, неоднозначными процессами, обусловленными становлением централизованной, плановой экономики. Планы развития промышленности СССР в годы первых пятилеток (как собственно и всей его истории) исходили из необходимости наращивания военной мощи страны и предусматривали неоправданно высокие темпы роста тяжелой индустрии. Период модернизации экономики 1930-х гг. в Украине ознаменовался строительством большого количества новых предприятий, расширением мощностей на уже существующих. Все эти преобразования в промышленности базировались на внедрении технологических инноваций второй промышленной революции (революции нефти и электричества), третьего ЦК, прохождение которых началось в тот период в Советском Союзе. С позиции индустриального наследия особый интерес представляют объекты электроэнергетики, созданные в тот период. Прежде всего — это ДнепрогЭС, целый ряд сохранившихся тепловых электростанций.

В 1940 г. производство промышленной продукции Украины превысило уровень 1913 г. в 7,3 раза. Концентрация финансовых и материальных ресурсов, необходимая для столь стремительного роста промышленного производства и его модернизации, обеспечивалась посредством жестокой эксплуатации продуктивных сил аграрного сектора страны.

Определенное развитие в этот период получила и промышленность западноукраинских земель, которые пребывали в составе Австро-Венгерской империи, а позже Польши, Венгрии, Румынии, Чехословакии. Основными отраслями специализации здесь были добыча и переработка нефти (Борислав, Бытков, Долина и др.). В начале XX в. здесь ежегодно добывалось около 2 млн. тонн нефти, что составляло около 5% ее мировой добычи. Значительных масштабов достигли также добыча и переработка калийных солей (Калуш, Стебник), серы (Роздол), каменной соли (Солотвино). Многие из этих промыслов уже исчерпались и закрыты. После соответствующей подготовки они вполне успешно могут быть использованы в познавательных и туристических целях. Солотвинский солерудник в настоящее время помимо прямого назначения используется в лечебных и рекреационных целях.

Таким образом, достаточно длительный период индустриального развития Украины предопределил наличие в большинстве ее регионов значительного количества объектов индустриального наследия. В их числе имеются уникальные памятники, которые, по мнению специалистов, могут быть внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. На этот статус при соответствующей экспертизе могли бы претендовать завод «Арсенал» (г. Киев), первый в мире цельносварный мост (мост им. Е.О. Патона, г. Киев), винные погреба Массандры и Нового Света (АР Крым), искусственная соляная пещера (г. Соледар, Донецкая обл.) и некоторые другие [3, с. 28].

В последние годы в Украине отмечается рост общественного интереса к индустриальному наследию страны. Обусловлено это не только актуализацией данной проблематики в мире, но и масштабными трансформационными процессами, происходящими в промышленном производстве Украины. Прежде всего, это связано с изменениями в отраслевой структуре промышленности, ее модернизацией, применением современных технологий и внедрением новых форм организации производства. Вследствие этого многие промышленные производства постепенно теряют свою экономическую значимость и выбывают из хозяйственного оборота. Все большую значимость приобретает проблема определения нового функционального назначения этих объектов, их реперофилитрование. Это в свою очередь актуализирует вопросы сохранения индустриального наследия страны.

Проблема охраны и использования памятников индустриальной эпохи в Украине сравнительно нова и недостаточно изучена. В настоящее время работают несколько групп специалистов, изучающих эти вопросы. За период 2005–2008 гг. проведено три Международных научных конференции «Индустриальное наследие в культуре и ландшафте».

Основной проблемой на сегодняшний день является отсутствие единого национального реестра памятников индустриального наследия страны. Эти объекты далеко не в полной мере, а лишь фрагментарно представлены в двух государственных реестрах культурного наследия — Реестре памятников истории, монументального искусства и археологии национального значения и Государственном реестре памятников архитектуры и градостроительства национального значения. Памятники, которые можно квалифицировать как объекты индустриального наследия, включены преимущественно во второй из вышеназванных реестров. Среди более 3,5 тысяч объектов, внесенных в него, к индустриальному наследию условно можно отнести лишь около 70 памятников. Это преимущественно объекты транспортной инфраструктуры — мосты, почтовые станции, железнодорожные вокзалы, а также склады, зернохранилища, винные погреба, акведуки, водяные мельницы и т.п. В реестре имеется несколько производственных объектов — суконная фабрика (г. Днепропетровск), пивоварный завод (г. Ивано-Франковск), солеварня (г. Долина), электростанция (г. Немиров). Столь малое количество индустриальных памятников, попавших в эти реестры, объясняется критериями, принятыми в них для отбора — архитектурная ценность объекта, его связь со значимыми историческими событиями. В случае с индустриальным наследием на первый план выходит репрезентативность и степень сохранности объекта как материального свидетельства индустриальной эпохи.

Решение проблемы сохранения индустриального наследия страны предусматривает реализацию комплекса задач. Важнейшими из них являются комплексная инвентаризация объектов индустриального наследия, их категорирование и создание государственного кадастра с последующим применением различных режимов заповедания. Предшествовать этому должно формирование нормативно-правовой базы, обеспечивающей решение поставленных задач.

Литература

1. *Запарий В.В.* Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/zaparij.pdf>
2. *Глазичев В.Л.* Выслободжение городов // Российская провинция. — 1993. — №1. — С. 28–34.
3. *Бейдик О.О., Новикова В.І.* Індустріальна спадщина: світовий та національний вимір // Індустріальна спадщина в культурі і ландшафті: Матеріали ІІІ Міжнародної наукової конференції. — Ч. 1. — С. 24–28.

Глава 2. ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Золотова О.А.

Природное и культурное наследие в образовательном пространстве Вологодской области

Региональное образовательное пространство представляет собой множество образовательных систем, каждой из которых отводится определенное место, обусловленное не только содержанием учебного предмета или формой организации деятельности, но и специфическими особенностями региона. Главными системами, составляющими образовательное пространство в его региональном поле, являются общеобразовательные школы, внешкольные детские учреждения и учреждения системы профессионального образования (в том числе вузы).

Региональный компонент образования в системе среднего образования в Вологодской области составляют учебные предметы география, экономика, экология, история, литература Вологодской области, а так же разнообразная внеклассная исследовательская работа школьников (ввиду разнообразия последней остановимся только на областных формах работы). Несмотря на то, что региональный компонент учебных предметов представлен многопредметной моделью, можно с уверенностью утверждать, что образовательное пространство Вологодской области обладает единством, которое обусловлено единообразием природы, населения и хозяйства региона. География региона, в силу комплексности предмета, представляет особую по важности систему, способствующую «сращиванию» всей серии предметов и формированию обобщенных представлений о своей области.

Необходимость последовательного формирования регионально ориентированных знаний на всех ступенях школьного и вузовско-

го образования, а также подготовки и переподготовки учителей требует единых подходов в выстраивании логики предметов регионального цикла, что в целом способствует формированию единого образовательного пространства. Лишь такое пространство позволяет максимально использовать возможности регионального компонента образования для решения образовательных, воспитательных и развивающих задач обучения в самых разных условиях: основной, средней (в т.ч. профильной) и высшей школы, внеклассной или внешкольной работы, применения различных образовательных технологий и т.п.

Природное и культурное наследие Вологодской области играет огромную роль в формировании образовательного пространства области. Наследие, которое можно определить как «единство в многообразии», во многом определяет специфику Вологодской области в природном, культурном и хозяйственном отношении, которая и является предметом изучения всех предметов регионального цикла (как на уровне среднего, так и на уровне высшего образования). Объекты наследия нередко выступают и как объекты исследования во внеклассной и внешкольной работе школьников, и как объекты исследования при выполнении выпускных квалификационных работ в вузе (например, на естественно-географическом факультете Вологодского государственного педагогического института).

Наиболее полно на настоящий момент представлено поле образовательного пространства, отражающее уровень среднего образования (как на школьном, так и на внешкольном уровне). На этом уровне легче проследить основные направления взаимопроникновения наследия и образования.

*Природное и культурное наследие составляет **основу содержания предметов регионального цикла*** (см. таблицы 1 и 2, графа 2).

Как видно из представленной таблицы (таблица 1), в содержании практически всех региональных учебных предметов (за исключением экономики) представлены элементы наследия. Все виды природного наследия представлены в содержании курса «Экология Вологодской области», все виды и природного и культурного наследия представлены в содержании курса «География Вологодской области» (таблица 2, графа 2).

Переход на профильную школу открывает дополнительные возможности включения наследия в образовательное пространство. Практически в рамки любого профиля логично включаются элективные курсы, в основе которых лежит изучение элементов наследия.

Таблица 1

**Представленность элементов наследия
в содержании предметов регионального цикла Вологодской области**

Характер наследия	Представленность элементов наследия в содержании предметов				
	Литература	Экономика	История	Экология	География
памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки			X		X
ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки			X		X
достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии			X		X
природные памятники, состоящие из физических и биологических образований или групп таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки				X	X
геологические и географические образования и точно ограниченные зоны, представляющие ареал подверженных угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или консервации				X	X
природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, консервации или природной красоты				X	X
			X		

Примерами могут служить такие курсы как «Моя Красная книга», «Историко-архитектурная среда городов Вологодской области», «Народно-художественные промыслы», «Народный фольклор», «Традиции северного деревянного зодчества» и другие.

Элементы наследия могут выступать в качестве средства формирования знаний. Проследить включение элементов наследия в содержание и методику обучения можно на примере «Географии Вологодской области» (таблица 2).

Элементы наследия составляют основу образа территории. Формирование эмпирических знаний, в частности, представлений и знаний номенклатуры в региональном курсе, во многом опирается на наследие. Например, формирование представлений о средней и южной тайге, широколиственных лесах опирается на сведения о лесных ландшафтных заказниках и их фотографии. Только в них при нынешних масштабах лесозаготовок и трехсотлетней истории лесопользования сохранились типичные ареалы этих зон. Образ рельефа поверхности области, связанного с четвертичными оледенениями, формируется через наиболее яркие объекты природного наследия — «горы» Национального парка «Русский Север», знаменитые валуны и озовые гряды. Наследие создает «визитные карточки» городов их «узнаваемый образ», своеобразный бренд. Например, церкви в стиле тотемского барокко в Тотье (фото 1), крепостной вал и ров в Белозерске (фото 2), историческая застройка набережной в Великом Устюге (фото 3), Ансамбль Архиерейского подворья в Вологде (фото 4). Такое привлечение наследия привычнее в туристских целях, но и в образовательных имеет очень важное значение.

При правильном формировании знаний внешний облик объекта соединяется с пространственным представлением о нем и окружающих его объектах. Так формируется целостная картина территории своей области. Знания номенклатуры составляют

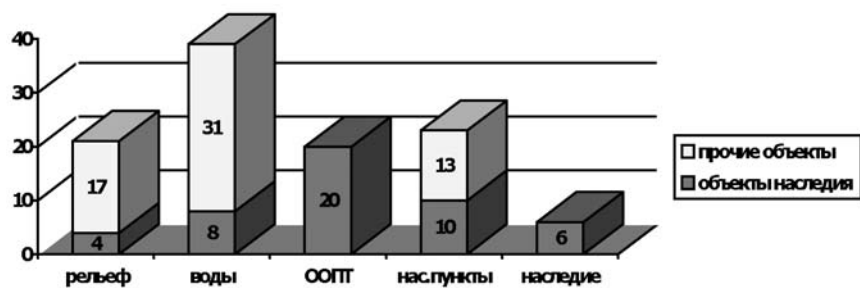

Фото 1. Выходоерусалимская церковь в Тотье

Фото 2. Крепостной вал и ров в Белозерске

пространственный аспект образа. Не случайно среди обязательных для запоминания объектов значительное место занимают объекты наследия (рисунок 1).

Рисунок 1. Количество объектов наследия в списках объектов, обязательных для запоминания в курсе «География Вологодской области» (ед.)

Фото 3. Историческая застройка набережной реки Сухоны в Великом Устюге

Фото 4. Вид на соборы «Вологодского кремля» из Заречья

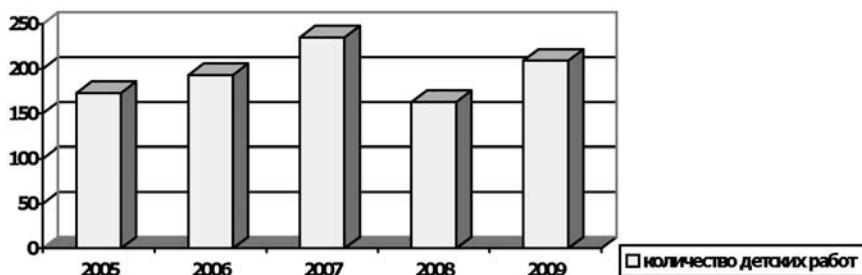
Таблица 2

Примеры элементов наследия в содержании и методике обучения курсу «География Вологодской области»

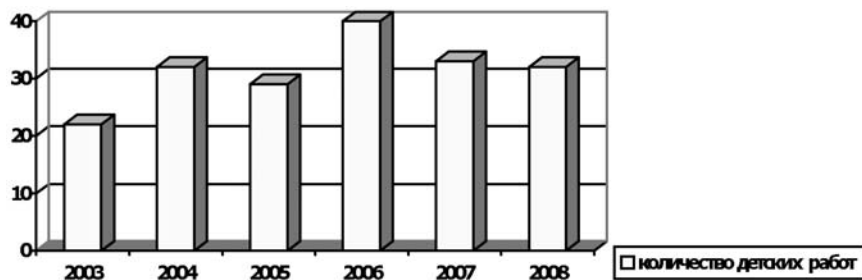
Тема	Непосредственное изучение объектов наследия	Применение объектов наследия для изучения других особенностей
Введение	—	Формирование портрета области через демонстрацию наиболее примечательных объектов и знакомство со знаменитыми земляками
Основные геологические структуры и закономерности размещения полезных ископаемых	Геологические памятники природы (Андома-гора, Опоки, валун «Дось» и др.)	Изучение строения территории на основе геологических обнажений (в т.ч. памятников природы): отложения девона — Андома-гора, отложения перми — Опоки, отложения триаса — Контакт, деятельность четвертичных оледенений — «горы» и валуны
Рельеф и его хозяйственная оценка	Геологические памятники природы (Ципина гора, Маура, Исакова гора и др.) Ландшафтные заказники (Стрельна)	Изучение ледниковых форм рельефа: морены напора — «горы» национального парка, дюны и зандры — Ванская Лука, озы — Оларевская гряда и др.
Климат и климатические ресурсы	—	—
Внутренние воды и водные ресурсы	Гидрологические памятники (Лухтозерский, Шимозерский и др.) Мариинский и Северо-Двинский водные пути	Изучение карстовых озер — Лухтозерский, Шимозерский, Дружинские ямы Изучение подземных вод — Шелохачские сернистые источники и «святые» родники

Почвы и почвенные ресурсы	—	—
Растительный и животный мир. Биологические ресурсы	Ботанические памятники (Северные орхидеи, Вязы и др.) Зоологические заказники Дарвинский заповедник Ландшафтные заказники	Широколиственные леса — Вязы, Темный мыс, Ванская Лука Тайга — Лиственничный бор, Орловская роща, Судский бор Охраняемые территории своего района
Природные комплексы и природопользование Вологодской области	—	—
Население и трудовые ресурсы	Элементы традиционной народной культуры Знаменитые земляки	Музеи, памятники, мемориальные места, произведения живописи и т.п.
Промышленность	—	—
Агропромышленный комплекс	—	—
Инфраструктура	Мариинский и Северо-Двинский водные пути Объекты культуры в составе социальной инфраструктуры	—
Экономические связи Вологодской области	—	Элементы наследия как основа туристской деятельности (в том числе международный туризм)
Города и населенные пункты Вологодской области	Исторические города: Вологда, Тотьма, Великий Устюг и др. Памятники культуры и архитектуры в городах: Ансамбль Архирейского подворья, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Спасо-Суморин, Троице-Гледенский и Ферапонтов монастыри	Использование элементов наследия для создания образов исторических городов: церкви в стиле тотемского барокко в Тотьме, крепостной вал и ров в Белозерске, историческая застройка набережной в Великом Устюге и т.п.

Элементы наследия являются важной составляющей **в организации внеклассной и внешкольной исследовательской деятельности школьников**. Количество выполняемых школьниками Вологодской области работ, связанных с изучением наследия, ежегодно растет. Общее их количество можно оценить опосредованно через результаты областных мероприятий, проводимых ежегодно Областным центром детско-юношеского туризма и экскурсий (рисунки 2 и 3).

Рисунок 2. Количество детских исследовательских работ, представленных на областную олимпиаду «Мир через культуру»

Рисунок 3. Количество детских исследовательских работ, представленных на областной туристско-экспедиционный конкурс «Наше наследие»

При этом нужно иметь в виду, что далеко не все работы, выполняемые в школах, проходят все уровни конкурсов и выходят на областную. И если доля работ, посвященных наследию, на олимпиаде «Мир через культуру» составляет около 30% (по некоторым секциям — бо-

лее половины), то экспедиционно-туристский конкурс «Наше наследие» не только целиком посвящен изучению наследия, но и предполагает это изучение непосредственно в полевых условиях, что дает его участникам возможность «увидеть все своими глазами и потрогать все своими руками».

Исследовательская деятельность такого плана имеет и чисто практическое значение. Благодаря исследованиям школьников появляются новые объекты охраны природы (например, заказник «Ёюгский бор» в Бабушкинском районе — уникальная популяция башмачка настоящего (фото 5)), пополняются списки растений, внесенных в Красную книгу и определяются новые районы их произрастания.

Фото 5. Башмачок настоящий (Венерин башмачок)

Деятельность, ориентированная на сохранение наследия, пока не так широко развита, как исследовательская, но и эта сторона включения наследия в образовательное пространство в Вологодской области имеет место и ежегодно расширяется. Летние лагеря школьников, а также их рабочие летние бригады все чаще принимают участие в восстановлении и озеленении усадебных комплексов (например «Усадьба Гальских»), храмов («Спас-Каменный»), мемориальных комплексов разного уровня.

В целом включение наследия в образовательный процесс имеет огромное **образовательно-воспитательное значение**:

- воздействие на эмоциональную сферу (восхищение удивление и т.д.);
- формирование активной жизненной позиции;
- развитие коллективизма, навыков социального поведения, повышение самооценки;
- развитие интереса к предмету и исследовательской деятельности;
- формирование и установление межпредметных связей;

- формирование навыков самообразования;
- активизация учебной деятельности;
- профориентация;
- пополнение школьного кабинета и музея.

Таким образом, образовательное пространство не только опирается на наследие в своем формировании и существовании, но и способствует его изучению и сохранению. И чем шире включено наследие в образовательный процесс, тем больше шансов на его сохранение в будущем.

Бондаренко Д. А.

Формирование образа территории с опорой на элементы природного и культурного наследия (на примере изучения «Географии Вологодской области»)

Очевидно, что первичное ознакомление с любой территорией, а также дальнейшее детальное ее изучение невозможно без формирования четкого образа изучаемой территории. Формирование этого образа — одна из главных задач современного географического образования. Именно географическая наука, находящаяся на стыке целого ряда научных дисциплин, как нельзя лучше помогает в решении этой непростой задачи.

Создаваемый учителем образ определяет дальнейшее отношение учеников к изучаемому материалу. Это особенно важно при изучении своей Родины. Любой человек должен иметь четкое, правильное представление о той территории, где он проживает, работает, учится. Без этого невозможен истинный патриотизм — любовь и бережное отношение к своему Отечеству. Целостный географический образ любой территории включает в себя целый ряд как типичных, так и уникальных объектов, процессов и явлений, свойственных изучаемой территории и характеризующих отличительные особенности природы, населения и хозяйства.

Обращение к объектам природного и культурного наследия своего края позволяют учителю придать образу изучаемой территории

черты уникальности, выделить ее из числа прочих, заинтересовать и привлечь внимание учащихся к изучаемому материалу. С методической точки зрения важно и то, что образ объекта должен включать в себя и внешний вид и пространственную привязку, поэтому без наглядных и картографических средств обучения здесь не обойтись.

В последние годы во всем мире наблюдаются тенденции переосмотра отношения к природному и культурному наследию. Из некогда преимущественно декоративного элемента жизни общества наследие все более зримо трансформируется в базовую ценность современной цивилизации. Специалисты различных отраслей знания все чаще признают, что именно наследию принадлежит решающая роль в обеспечении устойчивого развития, не имеющего аналогов концепта выживания человечества.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы подходим к осознанию необходимости формирования у учащихся соответствующего отношения к природному и культурному наследию, как России, так и своего региона.

В региональном курсе «География Вологодской области» это частично достигается за счет материалов учебника (текстовых и графических) для дополнительного и углубленного изучения, материалов Атласа Вологодской области, а также ряда других учебных изданий. К сожалению, в настоящий момент остаются незатронутыми региональным курсом интерактивные средства обучения, хотя именно они способствуют более активному вовлечению учащихся в самостоятельное, осознанное изучение материала, что повышает эффективность его усвоения. Впрочем, это не должно являться непреодолимым препятствием ни для учителей, ни для учащихся, освоивших простейшие навыки работы с традиционными приложениями Microsoft Office. Многие учителя уже используют при проведении уроков специально подготовленные презентации, но они, как правило, состоят из простой последовательности слайдов и носят лишь иллюстративный характер. Данные презентации, без сомнения, украшают урок, делают его более зрелищным и запоминающимся, но не способствуют активному вовлечению учащихся в самостоятельное изучение материала.

Для решения этой задачи в курсе «География Вологодской области» разработана простая база данных, включающую в себя характеристику уникальных объектов природного и культурного наследия области. Разработка осуществлена при помощи средств Microsoft Excel, которые позволяют посредством гиперссылок связать между собой графические, текстовые объекты, статистические

материалы, а также Интернет-страницы с картографическим материалом, фотографиями, видеороликами и описаниями уникальных объектов. Будучи дополняемой, подобная база дает возможность ученику почувствовать себя не только простым пользователем, но и исследователем, позволяет погрузиться в изучаемый материал, как на этапе предварительного отбора справочной информации, так и при дальнейшем ее структурировании и тестирования базы. Полученный интерактивный продукт способствует активизации учебной деятельности и развитию навыков самообразования, так как подразумевает самостоятельную работу учащихся с интерактивными картами, справочной базой, возможность ее дальнейшего дополнения, размещения части материала в сети Интернет (например, на ресурсах Google Планета Земля или Карты Google), что делает их доступными и для широкого пользователя.

Таким образом, можно говорить об огромном значении объектов природного и культурного наследия в решении проблемы активного, самостоятельного формирования у учащихся образов своего края, решения проблемы патриотического воспитания и популяризации полученных знаний, как среди учащихся своего учебного заведения, так и среди широкого круга пользователей Интернет.

Титова О.В.

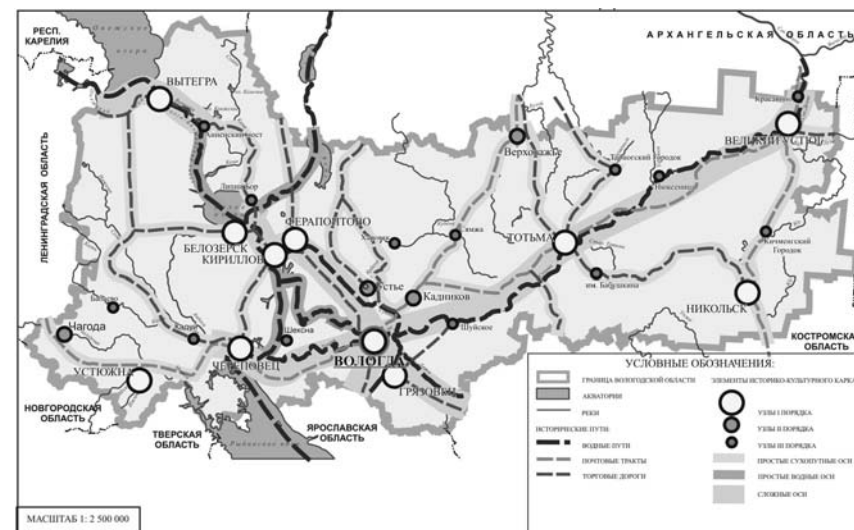
Особенности историко-культурного каркаса Вытегорского района Вологодской области

В настоящее время наблюдается активное включение объектов природного и историко-культурного наследия в социально-экономическую среду, и, как следствие, обострение экологических, управленческих, научных, туристских и других проблем в сфере их охраны и рационального использования. Выявлению и эффективному решению таких проблем способствует разработка и анализ историко-культурного каркаса территории.

Под *историко-культурным каркасом* понимается сложная система объектов историко-культурного наследия, неразрывно связанная с окружающей их природной средой. Он является основой, своеоб-

разным «скелетом» территории, к которому крепятся различные элементы историко-культурного наследия и их комплексы.

В схеме историко-культурного каркаса Вологодской области можно выделить три составные части (рис. 1):

Рис. 1.

1. Оси каркаса — линейные формы, представленные различными видами исторических путей и их сочетанием. На территории Вологодской области выделены 2 типа осей:

1. *Простые оси* — представлены водными путями, торговыми дорогами и почтовыми трактами.
2. *Сложные оси* — представляют собой комплекс исторических путей, тесно взаимосвязанных между собой. На пересечении именно этих структур расположены самые крупные узлы каркаса.

2. Узлы — зоны взаимного пересечения, наложения, сближения линейных форм. Представляют собой зоны особого функционального насыщения, высокой концентрации объектов и явлений, обладающие высокой информативностью. Как правило, это территории и объекты культурного наследия, наделенные статусом охраны, закрепленным в законодательно-нормативных документах.

В схеме как *узлы I порядка* обозначены исторические города и поселения, имеющие *федеральный* статус охраны, поскольку именно они концентрируют большую часть объектов историко-культурного наследия. К ним относятся: города Вологда, Кириллов, Великий Устюг, Белозерск, Вытегра, Грязовец, Никольск, Тотьма, Устюжна, Череповец, поселение Ферапонтово.

К *узлам II порядка* отнесены исторические города и поселения, имеющие *региональный* статус охраны: п. Устье, г. Кадников, с. Верховажье, комплекс деревень с памятниками археологии в Чагодощенском районе.

Кроме того, выделены *узлы III порядка*, к которым отнесены населенные пункты, не имеющие официального статуса охраны как исторические города и поселения, но являющиеся опорными точками, расположенными на пересечении простых локальных осей каркаса.

К узлам историко-культурного каркаса также отнесены крупнейшие монастырские комплексы (Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский, Спасо-Прилуцкий); Вологодский, Великоустюгский и Кирилло-Белозерский музеи-заповедники, причем, только последний обладает официальным статусом как «особо ценный объект культурного наследия народов Российской Федерации» [1]. Все эти объекты территориально совпадают с историческими городами и поселениями.

В узлах I и II порядка сосредоточена большая часть объектов историко-культурного наследия, имеющих официальный охраняемый статус.

3. Средообразующие компоненты обеспечивают устойчивое функционирование узлов каркаса и поддерживают сохранение традиционной русской культуры на территории области. Они представлены *центрами и зонами* концентрации объектов историко-культурного наследия, которые имеют официальный статус охраны как учреждения культуры или не имеют официального охранного статуса. Территориально не всегда совпадают с историческими городами поселениями, могут находиться в удалении от главных исторических путей, однако, активно функционируют и способствуют развитию традиционной народной культуры. К ним относятся дома народного творчества, дома ремесел, центры традиционной народной культуры, государственные и общественные музеи, центры исторических промыслов, предприятия, развивающие традиционные промыслы, памятники истории и культуры, выявленные в процессе подготовки Свода памятников истории и культуры Вологодской области, древнейшие деревни (т.е. основанные в XII–XVII вв.) со всем комплексом объектов гражданской и культовой архитектуры, сакральные объекты (святилища, священ-

ные рощи, деревья, камни, родники), памятники археологии, которые не вошли в официальный Список памятников истории и культуры.

Все эти структурные компоненты историко-культурного каркаса можно рассматривать на различных территориальных уровнях. При этом можно наблюдать соподчинение компонентов каркаса на различных уровнях. Например, в историко-культурный каркас Вологодской области хорошо встраивается каркас Вытегорского административного района.

Вытегорский район расположен на северо-западе Вологодской области и граничит с Архангельской, Ленинградской областями и республикой Карелия. К нему относится юго-восточная часть второго по величине озера Европы — Онежского.

Природные особенности района — дремучие леса и непроходимые болота, удаленность от основных исторических центров — повлияли на характер освоения и заселения вытегорских земель, что нашло отражение в пространственных и временных характеристиках историко-культурного каркаса.

Самые древние элементы историко-культурного каркаса Вытегорского района представлены археологическими памятниками мезолита, которые свидетельствуют о появлении здесь в VII–VIII тысячелетиях до н.э. первых поселенцев. Наличие постоянных жителей на данной территории в I тысячелетии до н.э. подтверждают многочисленные памятники археологии эпохи неолита. Причем, зачастую наблюдается территориальное совпадение культурных слоев различных времен, что свидетельствует об использовании населением одних и тех же мест в различные эпохи [2].

Более поздние по времени элементы историко-культурного каркаса представлены сетью населенных пунктов, которые свидетельствуют об освоении данной территории новгородскими словенцами. С X в. по берегам крупных рек, впадающих в Онежское озеро, таких как Андома, Вытегра, Мегра, Ошта, начинает формироваться устойчивая сеть поселений, представленная погостами — группами деревень и отдельными деревнями. До сих пор в названии некоторых населенных пунктов на территории района сохранилось понятие «погост»: Саминский Погост, Андомский Погост, Тудозерский Погост и другие. Эти населенные пункты в современном историко-культурном каркасе района выполняют функцию локальных узлов, в которых сосредоточены историко-культурные объекты различных времен и статуса охраны. А деревни, основанные в XII–XVII вв. (древнейшие деревни), выполняют функцию средообразующих компонентов каркаса.

С развитием сети населенных пунктов возникла необходимость сообщения между ними как по водным, так и сухопутным дорогам. Главной транспортной артерией на территории района являлся древний Волжско-Невский водный путь, который шел с Волги по притоку ее Шексне через Белое озеро на реку Ковжу и далее через волок на реку Вытегру, по которой суда следовали в Онежское озеро, а отсюда в Свирь, Ладожское озеро и на Неву. В начале XIX в. по этой трассе была проложена Мариинская водная система (сейчас Волго-Балтийский водный путь).

Кроме того, появлялись торговые дороги и почтовые тракты, как районного, так и регионального значения, которые являлись связующим звеном между населенными пунктами. В настоящее время наблюдается пространственное наложение современных трасс автодорог с путями старинных почтовых трактов и торговых дорог.

Таким образом, можно говорить о формировании на территории Вытегорского района Вологодской области устойчивого историко-культурного каркаса, представленного разновременными структурами (рис. 2):

Оси каркаса. Сложная ось регионального значения включает участок Волжско-Невского пути и участок Белозерской торговой дороги; простые оси локального значения представлены почтовыми трактами и участками крупнейших рек, по которым происходило освоение и заселение края. Это реки Андома, Самина, Ошта, Мегра, Водлица, Кема и другие.

На территории Вытегорского района выделен один узел регионального значения I порядка — г. Вытегра, в котором сосредоточено подавляющее большинство охраняемых памятников истории и культуры — 21 из 26 [3]. А также выделены локальные узлы историко-культурного каркаса: с. Оштинский Погост, д. Мегорский Погост, д. Тудозерский Погост, с. Андомский Погост, д. Саминский Погост, д. Анхимово, с. Девятины, с. Верхний Рубеж и другие, которые расположены на пересечении локальных исторических путей и содержат как охраняемые, так и не охраняемые объекты историко-культурного наследия.

Средообразующие компоненты представлены следующими наименованиями:

- Памятники, истории и архитектуры, не обладающие официальным статусом охраны, выявленные в процессе подготовки свода памятников истории и культуры Вологодской области. К ним относятся 5 памятников истории искусства и 67 памятников архитектуры и градостроительства [3].

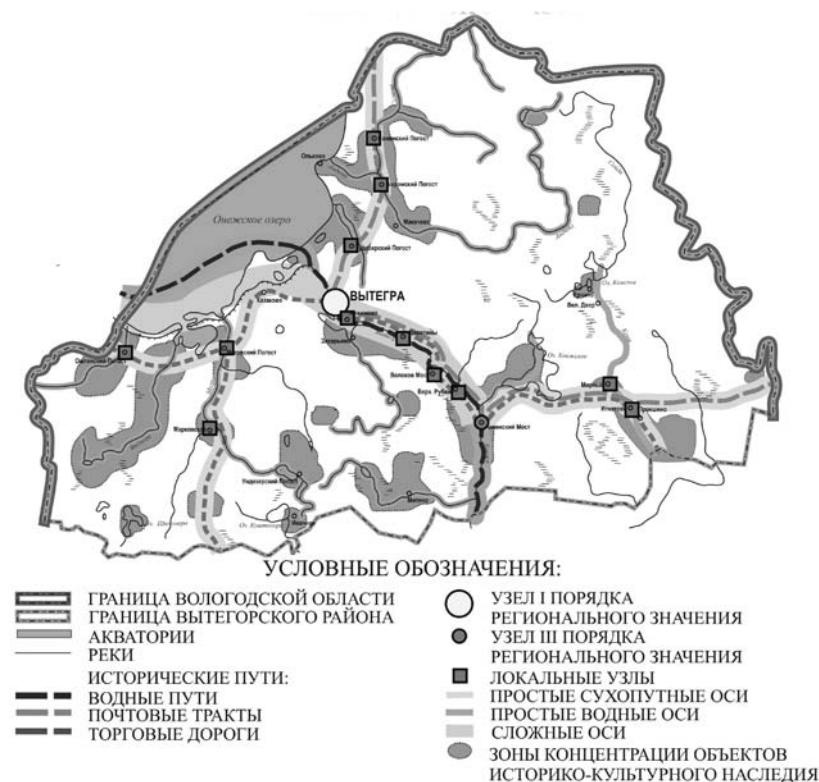

Рис. 2

- Древнейшие деревни. В современной сети Вытегорского района насчитывается 92 деревни, основанные в XV–XVI вв. [4].
- Сакральные объекты. Представлены священным Пятницким бором (ландшафтный памятник природы), камнем-следовиком в г. Вытегре и четырьмя святыми источниками: в д. Мегра, д. Новинки, д. Мостовая и с. Девятины [5].
- Государственные музеи. В г. Вытегре расположено два муниципальных музея: Вытегорский краеведческий музей и Музей подводной лодки [6].
- Памятники археологии. В настоящее время на территории Вытегорского района учтено 135 памятников археологии и отдельных находок, которые не обладают официальным охраняемым статусом [7].

Нельзя не отметить, что формирование историко-культурного каркаса зависит от природных условий и особенностей конкретной территории, поэтому происходит наложение его элементов на природную основу. Например, можно наблюдать пространственное наложение историко-культурного каркаса Вытегорского района на экологический каркас данной местности.

Наблюдается полное наложение осей историко-культурного каркаса на оси экологического, которые представлены долинами крупных рек и водоохранными зонами, а также лесозащитными полосами вдоль дорог. Причем сохраняется ранг данных осей. Однако не все оси экологического каркаса являются осями историко-культурного каркаса. Например, не все реки Вытегорского района имеют значение как основные пути, по которым происходило заселение края.

Наложение узлов каркасов имеет более сложный рисунок. В роли узлов в экологическом каркасе, как правило, выступают особо охраняемые природные территории, которые концентрируют уникальные или типичные природные объекты. На территории Вытегорского района полного совпадения узлов каркасов не наблюдается, хотя вдоль крупных рек происходит их сближение, как, например, вдоль Волго-Балтийского водного пути. На периферии района к узлам экологического каркаса тяготеют памятники археологии и древнейшие деревни, которые являются средообразующими компонентами историко-культурного каркаса.

Таким образом, можно говорить о формировании природно-культурного каркаса территории, в котором тесно взаимосвязаны природная и культурная составляющие. Выявление и изучение его структур позволяет определить специфику управления и разработать меры комплексной охраны и использования объектов историко-культурного и природного наследия.

Литература

1. Отчет о научно-исследовательской работе по теме Комплексная региональная программа сохранения и использования историко-культурного наследия Кирилловского района Вологодской области.: Москва, 2004 / фонды Департамента культуры Правительства Вологодской области.
2. *Иванищев А.М.* Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 1997, С. 15, 18.

3. Список вновь выявленных памятников истории и культуры / фонды Государственной дирекции по использованию и реставрации памятников истории и культуры Департамента культуры Правительства Вологодской области.
4. Список древнейших деревень Вологодской области / фонды Лаборатории геоэкологии Вологодского государственного педагогического университета.
5. *Никитинский И.Ф.* Список выявленных сакральных объектов Вологодской области / фонды Лаборатории геоэкологии Вологодского государственного педагогического университета.
6. Сведения о сети муниципальных учреждений культуры районов Вологодской области / фонды Лаборатории геоэкологии Вологодского государственного педагогического университета
7. Список памятников археологии, выявленных на территории Вологодской области / фонды Лаборатории геоэкологии Вологодского государственного педагогического университета.

Калихман Т.П., Калихман А.Д.

Предпосылки создания объекта всемирного природно-культурного наследия «Саянский перекресток»

Введение

Рассматриваемая территория находится в наиболее возвышенной части Восточного Саяна и разделена административными границами в российской части Нижнеудинского района Иркутской области, Окинского района Республики Бурятия, Тоджинского района Республики Тыва, а в монгольской части Хубсугульского аймака. Доминирующими хребтами здесь являются Удинский, Окинский и Большой Саян, входящие в систему Восточного Саяна. Этно-природная трансграничная территория «Саянский перекресток» выделяется в связи с необходимостью сохранения уникальных природных условий и малочисленных народов «восточно-саянской этнической группы» — тофов, тоджинцев, сойотов и духа, обладающих особой историей, сходными родовой структурой, языками и культурой, а также самым южным, крайне обособленным горным отгонным оленеводством.

История края

Об изначальной этнической принадлежности народа, жившего в далекие времена на территории Восточного Саяна, можно судить по сохранившейся топонимике. Вероятнее всего, это были племена самодийского происхождения (финно-угро-самодийская ветвь уральской семьи), причем в каменном веке это была самая восточная точка расселения самодийцев (*Вайнштейн*, 1970), язык которых родственен современным ненцам, энцам, нганасанам и селькупам. Некоторые культурные особенности этноса, населяющего этот регион, показывают их родство с автохтонными прототунгусскими проявлениями, особенно это выражается в типе жилых построек и захоронений (*Рычков*, 1974).

В эпоху бронзы в Восточный Саян пришла новая волна самодийских народов (конец I тысячелетия до н.э. — начало I тысячелетия н.э.), предположительно, из юго-западной и центральной Тувы и из Минусинской котловины, вероятно, под давлением вытеснявших их хуннов (*Косарев*, 1991). Кроме того, некоторые топонимы Восточного Саяна (например, реки Азас, Казас) указывают на присутствие здесь в этот период кетоязычных групп (*Алексеев*, 1980). Таким образом, к началу н.э. население региона было смешанным с доминированием самодийского населения, с присутствием кетоязычных групп и коренного древнетунгусского населения. Новообразованный этнос, занимавший территорию от истоков Енисея до Тункинской долины, мог, по мнению некоторых исследователей, дать начало освоению всей северо-таежной зоны Сибири, став центром одомашнивания дикого северного оленя (*Васильев*, 1979). Хотя есть и обратные предположения, что на развитие оленеводства в Восточном Саяне повлияло территориально близкое расположение тунгусов (эвенков) Приангарья и Прибайкалья — также оленеводческого народа (*Историко-культурный*, 2001).

Наибольшее влияние на язык и культуру рассматриваемой этнической группы оказал наступивший после эпохи кочевых империй хунну период тюркских каганатов, длившийся более семи веков: I тюркский каганат (552–604 гг.), II тюркский каганат (682–744 гг.), Уйгурский каганат (744–840 гг.) и Кыргызский каганат (VIII–XIII вв.), разоренный монголами в 1293 г.

Возможно, окончательное формирование единой этнической группы Восточного Саяна, дошедшей до наших дней, а также формирование хозяйства на основе охоты и оленеводства относится к VI–VIII вв. н.э., когда горнотаежные племена были обнаружены воинами второго тюркского каганата. Вероятно, именно они и дали название местным жителям по их самоназванию — «дубо» (или «туба»), известное по ки-

тайским летописям «Тан-шу» (*Бичурин*, 1950). Это историческое название созвучно современным самоназваниям этнических групп, живущих здесь — «тофа», «тоджа» («тодью»), «духа». Исключение составляет название четвертой части «восточносаянцев» — «сойоты» (иначе — *сойоны*, *кайсоты*), т.е. «люди, населяющие Саяны» (*Рассадин*, *Цыренова*, 1996). Так называли уже в XVII в. всех жителей Саян русские.

По большей части тюркизация жителей Восточного Саяна происходила во время разрушения каганатов, при перемещении поверженных на восток от реки Иртыш. Тем не менее, влияние тюркских каганатов на культуру и язык автохтонного этноса Восточных Саян огромно. В этот период к названию племен Восточного Саяна «дубо» добавился вариант «туматы». Появившееся здесь в период VI–XII вв. тюркское культурное пространство выдержало впоследствии натиск монгольского нашествия и в различных вариантах дошло до наших дней.

В монгольскую эпоху, делящуюся на два периода — древнемонгольский (XI–XII вв.) и Монгольской империи (с 1206 г. до третьей четверти XIV в.), завоевание Восточных Саян шло с большим трудом, и воздействие на культуру местных жителей было минимальным в связи с приверженностью монголов к степным ландшафтам, а также с тем, что племена дубо, находясь в пределах империи Ляо, оставались в ее приграничной зоне. В «Тан-шу» покорение «лесных народов» («хойин ирген») показано как непродолжительное событие (1206–1207 гг.), которое было относительно легким (*Бичурин*, 1950). Но в персидском «Сборнике летописей» (1310–1311) Рашид-ад-дина присоединение Саян представлено более затяжным: в 1218 г. вместо грандиозного похода в западные пределы империи Чингисхану пришлось послать войска на подавление восстания туматов. Видимо, с этого времени таежные народы окончательно вошли в состав империи. Тем не менее, туматы несколько раз поднимали восстания против империи, которые жестоко подавлялись (*Кызласов*, 1969; *Историко-культурный*, 2001).

В целом, следует отметить, что высокогорный и труднодоступный регион Восточного Саяна всегда служил хорошим укрытием для беженцев, а основные передвижения кочевых народов огибали высокогорную часть Восточного Саяна по центральной и западной Туве, южнее Хубсугула, по Тункинской долине и вдоль Ангары.

Таким образом, большое сходство в материальной и духовной культуре с сопредельными этносами (тюрками Южной Сибири, самодоязычным населением Северной Сибири), вероятно, говорит о достаточной гибкости в культурной преемственности. Тем не менее, монгольское влияние оказало к этому времени не столь значительное воздействие на племена туматов (дубо) из-за различий в необходи-

мом для жизни ландшафте: горно-таежном для тюркоязычных охотников-оленоводов Восточного Саяна и степного для чингисидов-скотоводов Великой Степи.

В XVII в. наступает кардинальный перелом, связанный с появлением новых доминирующих этносов — русских и китайцев-маньчжуров, определивших дальнейший путь развития Сибири и Центральной Азии. Восточные Саяны оказались *территориально разделены* на три сферы влияния — русских (земли тофов/карагасов и сойотов), алтын-ханов (земли тоджинцев) и халхов (земли духа), находясь как раз на стыке контролируемых ими территорий. Таким образом, единый некогда народ, говоривший на одном языке, оказался под протекторатом разных стран. Так образовался «Саянский перекресток» — территория четырех народностей, разделенных административными границами. Тем не менее, благодаря труднодоступности территории и фактическому отсутствию границ, между всеми частями народа Восточных Саян в тот период еще поддерживалась постоянная связь (Мельникова, 1994).

Принципиальными моментами в разделении народа Восточного Саяна стали Нерчинский (1696 г.) и Буринский (1727 г.) договоры, определившие границу между Россией и китайско-маньчжурской империей Цин, в результате которых тувинская (тоджинская) и хубсугульская (духа) части рассматриваемого региона отошли Китаю, а северосаянская (тофаларская) и окинская (сойотская) — России. В частности, с 1658 г. до середины XVIII в. Тоджа (Урянхайский край) платила дань России (ясак платился пушниной), а в период 1727–1912 гг. принадлежала Китаю (Обручев, 1965). После 1727 г. на границе появились казачьи пограничные казармы, осуществлявшие контроль за кочевым населением и существовавшие около сотни лет. Контроль за кочевыми перемещениями возложили на бурятские инородческие управы, в частности в Карагасии (земли тофов) такая управа была расположена в пос. Солонцы (Чудинов, 1931), и именно так появились первые бурятские семьи в Оке (Историко-культурный, 2001).

Исследователями и путешественниками эта территория рассматривалась как четыре отдельные части со своими особыми народностями. Например, Егор Пестерев, проводивший в 1772–1781 гг. ежегодные обследования приграничных районов России от верховьев Оки до Западного Саяна, писал о «таежных жителях» — карагасах (тофах), как о «племени, родственном тувинцам, что кочуют они от Ии до Уды и от последней до Большого Кана... и имеют издревле домовых оленей». Союотов Е. Пестерев называл «тувинцами тоджинского рода» (Обручев, 1965), что подчеркивало общность народа, проживавшего по разные стороны Окинского хребта.

В XIX в. культурная ассимиляция «восточносаянцев» усилилась. Появились первые упоминания об утрате родного языка, например, считалось, что союоты к концу XIX в. полностью утратили свой язык, хотя исследования В.И. Рассадина подтвердили обратное (Рассадина, Цыренова, 1996).

В 1912 г. Тува (и Монголия) вышла из-под власти Китая, в 1921 г. стала самостоятельной народной республикой. В 1926–1927 гг. между Монголией и Тувой была формально установлена граница.

В дореволюционный период тофов грабили скупщики пушнины — «карагасники» (Петри, 1928), в советский период уклад жизни тофов и сойотов был существенно изменен в период «коллективизации», причем многие жители этих районов спасались от репрессий в тоджинской и монгольской частях Восточных Саян. Часть национальных лидеров («кулаков»), а также шаманы были расстреляны. Тувинская народная республика присоединилась к Советскому Союзу 11 октября 1944 г. сначала в качестве автономной области, а в 1961 г. — была преобразована в автономную республику. Здесь в годы переписи населения (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) тоджинцев (как и сойотов в Бурятии) не выделяли как отдельный народ. Многие из старшего поколения нынешних духа в 1947 г. бежали из Тувы на монгольскую территорию от советской власти и от провозглашенной ею «коллективизации». Еще в 1931 г. духа (или цаатаны) вошли в состав сомонов Улан-Уул и Рэнчинлхумбэ Хубсугульского аймака Монголии, однако до 1956 г. духа не имели монгольского гражданства и предпринимались попытки вытеснить их из страны.

Нигде в рассматриваемом регионе оленеводство не считалось основной отраслью ввиду ее «неприбыльности», а «восточносаянцев» насильно принуждали к иным видам скотоводства (КРС, лошади, овцы, сарлыки, хайныки), в Тофаларии и в Оке — к земледелию и оседлой жизни. Поселки для оседлой жизни появились в Тофаларии — Верх. Гутара, Нерха и Алыгджер, в Окинском районе (аймаке) — Сорок, Орлик, в Тоджинском районе (кужууне) — Тоора-Хем, Сыстыг-Хем, Ий, Адыр-Кежиг, Чазылар, в северо-западной части Хубсугульского аймака — Цагаан-Нуур.

Территория «Саянского перекрестка» воспринимается как четыре отдельные части, поскольку разделена труднопроходимыми хребтами — Окинским, Удинским и Большим Саяном. Въезд на территорию возможен с четырех сторон: к тофам — из долины реки Ангара по ее притоку — реке Уда; к союотам — из Тункинской долины по реке Ока (Аха); к тоджинцам — из долины Енисея по его притоку Бий-Хем

(Бол. Енисей) и по реке Казыр; к духа — из Дархадской котловины по правым притокам реки Шишхид-Гол — Чингисийн-Голу и Белину.

Начавшееся в 1990-е гг. в России национально-культурное возрождение малочисленных народов затронуло и народы «Саянского перекрестка». К числу коренных малочисленных народов Севера «тувинцы-тоджинцы» были отнесены Постановлением Правительства РСФСР № 132-Р от 12.12.1991 г., а 24.03.2000 г. Правительство России Постановлением № 255 включило сойотов Бурятии, тофаларов Иркутской области и тувинцев-тоджинцев Республики Тыва в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Иванов и др., 2008). Цаатаны (духа) в Монголии также получили статус малочисленной народности (Монгуш, 2008). Территории проживания народностей «Саянского перекрестка» представлены на рисунке 1.

Природные особенности

Геологические и геоморфологические. В Алтае-Саянском регионе с геологической точки зрения наиболее древним образованием является Восточный Саян, который поднимался из океана отдельным платформенным блоком еще 500 млн. лет назад, затем в течение последующих 100 млн. лет выделилась платформа, охватывающая район современного Ка-Хемского плоскогорья. Рассматриваемая территория испытывает поднятие со времени миоцена до наших дней, одновременно происходит опускание Тоджинской котловины. Наличие платообразных нагорий с древними формами рельефа на высоте 1500–2000 м в виде всхолмленной поверхности с отдельными гольцами и выходами коренных пород (верховья рек Азас, Баш-Хем, Соруг, Бий-Хем, Тисса, Сенца, Диби, Белин, Чингисийн-Гол, Уда и Ия) представляют собой характерную особенность «Саянского перекрестка».

Контуры рельефа центральной части Восточного Саяна обусловлены новейшими тектоническими движениями земной коры, сопровождавшимися извержениями вулканов в четвертичный (менее 1 млн. лет назад) период и даже в современную эпоху, не ранее 6000 лет до н.э. (т.н. «юный вулканизм»). Большинство вулканов было разрушено длительными процессами эрозии и древних горных оледенений. Современные формы рельефа приобрел в период последнего позднеплейстоценового оледенения (около 18 тыс. лет назад), названного «Азасским», которое было огромным по мощности и площади (30 тыс. км²) и охватывало восточную часть Тоджинской котловины и прилегающие с севера, востока и юга хребты (Гросвальд, 1965).

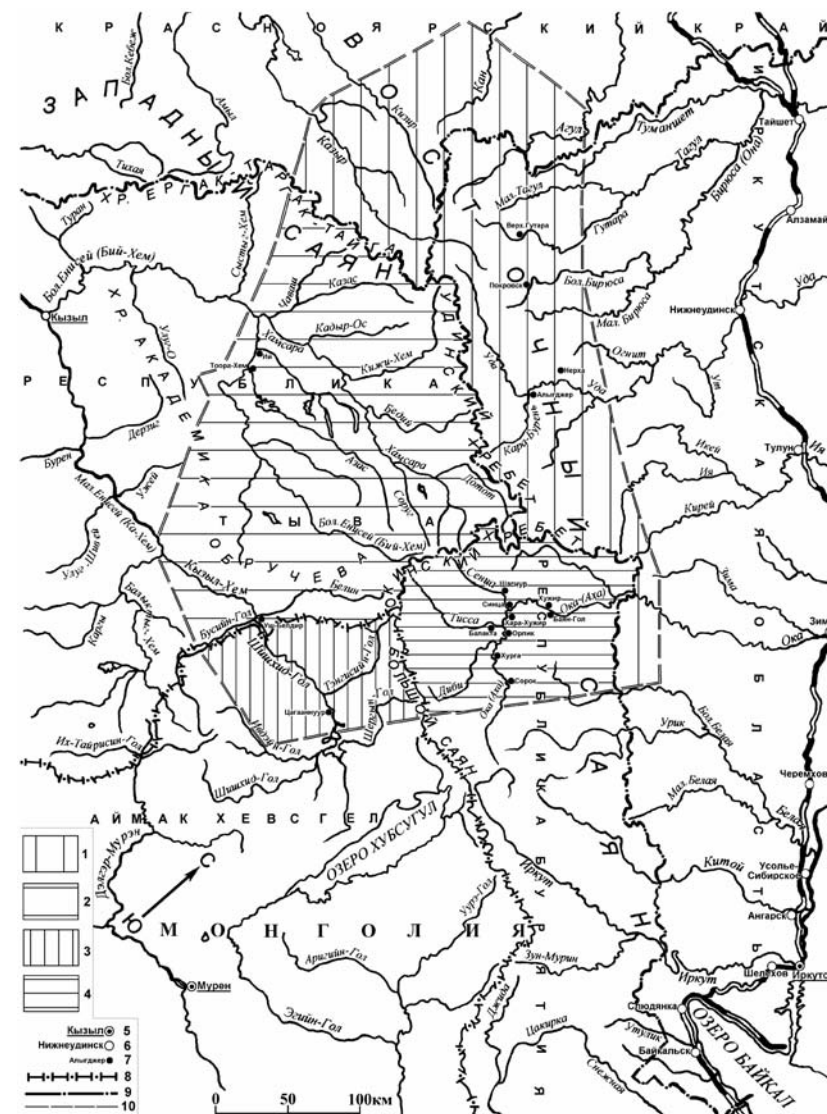

Рис. 1. Народности «Саянского перекрестка»

Территории проживания народностей: 1 — тофы, 2 — тоджинцы, 3 — духа, 4 — сойоты; Населенные пункты: 5 — столицы субъектов РФ и аймаков Монголии, 6 — города, 7 — населенные пункты в границах «Саянского перекрестка»; Границы: 8 — государственная, 9 — субъектов РФ, 10 — территории «Саянского перекрестка».

Сохранившимися свидетельствами излияния базальтов глубинных разломов в эпоху голоцена являются молодые шлаковые конусы потухших вулканов Перетолчина и Кропоткина в местности названной «Долиной Вулканов» (долина реки Хи-Гол — приток реки Жомболок), а также значительные по площади лавовые поля, расположенные восточнее этих вулканов в долине реки Жомболок. Подобные конусы стратовулканов наблюдаются на склонах некоторых щитовых вулканов, например на гряде щитовых вулканов, которые внешне похожи на столовые останцы, Соруг-Чушку-Узу. На плато Сай-Тайга расположена система северо-восточно ориентированных рядов, на которых насчитывается 11 щитовых вулканов, самые крупные из которых Шивит и Дерби-Тайга, 4 конических стратовулкана и 4 мелких шлаковых конуса, из которых три осложняют поверхность щитовых вулканов. В «Долине вулканов» находится 3 вулкана голоценового периода — Перетолчина, Кропоткина и Старый (или Двойной) с куполовидными поднятиями лавового поля.

Обширное плоскогорье междуречья Бий-Хема и Хамсары — плато Сай-Тайга — образовано деятельностью центральных вулканов щитового типа, а базальтовые покровы междуречья являются лавовыми шлейфами этих вулканов, которые, «слившись между собой, покрыли значительную площадь, радиус которой, возможно, был близок к 200 км» (Гросвальд, 1965, с. 113). Нижняя толща вулканогенного комплекса северо-восточной Тывы, а также верхняя толща базальтов Окинского плато, плоских междуречий верховьев рек Ия и Уда и плато к северо-востоку от Дархадской депрессии первоначально образовывали единый покров, впоследствии разделенный вспучиванием соответственно Окинского, Удинского и Большого Саянского хребтов. Причем только вблизи центров извержения этот слой обогащен аглютинатами и пирокластами, на периферии — является чисто лавовым, и верхняя толща того же комплекса представлена более локально и в периферических частях этого района не представлена.

Таким образом, наряду с древними плато существуют молодые островершинные горы Большого Саяна, Окинского и Удинского хребтов, где на наивысших точках и в летнее время можно наблюдать ледники и фирновый снег.

Характерной особенностью рассматриваемой территории является большое число местностей, приуроченных к геологическим разломам, с холодными и термальными, радоновыми, углекислыми, сернистыми и другими источниками: Хойто-гол, Шутхулайский Аршан, Тиссинский Аршан, Халун-Ухан (Ока) и др. Наиболее уникальными и почитаемыми являются Чойганские (Тоджа), известные сочетанием

разных по составу источников на ограниченном участке, вокруг которых расположено поле солевых туфов большой толщины, отлагавшихся в течение долгого времени. Несмотря на относительную труднодоступность, Чойган, расположенный в центре «Саянского перекрестка», известен среди всех живущих вокруг народов — тувинцев, бурят и монголов (называющих его Жойган), а также туристов.

Биотическое и ландшафтное разнообразие. Рассматриваемая единая горная область обладает типичными для Алтае-Саянского биогеографического региона высокогорной и горно-таежной растительностью. На высокогорных платообразных нагорьях и в понижениях фрагментарно выражен степной пояс, в некоторых долинах рек и котловинах озер наблюдаются лугово-травяные сообщества. Следует отметить, что биотическое разнообразие Алтае-Саянского региона признано одним из максимальных в России наряду с Кавказским, Дальневосточным (Камчатка и Приморье) и Байкальским регионами, так как в них широко представлены редкие и эндемичные виды (Гунин и др., 1998).

Относительно небольшая территория «Саянского перекрестка» имеет чрезвычайно высокое разнообразие природных условий. Это стык Сибири и Центральной Азии, поэтому здесь сочетаются элементы этих двух природных районов, налагаясь и переплетаясь благодаря горному рельефу. Восточный Саян включает все высотные пояса, собственные региону, от высокогорных тундр (особенно интересные лишайниково-кашкарковые и филлодециевые тундры) и верховых болот до горных (морены и плато) и низинных вариантов степных и луговых сообществ, причем наиболее примечательны высокогорные криофитные степи. Большую часть рассматриваемой территории занимает горная тайга с доминированием лиственницы, наиболее приспособленной к резко континентальному климату. Ниже 1300 м над уровнем моря светлохвойная моховая с рододендром золотистым тайга сменяется темнохвойной — кедровой (сосна сибирская) зеленомошно-бадановой с большим разнообразием папоротников (20 видов). В подлеске обычны душекия, рябина, жимолость, шиповник, спирея, можжевельник, а также черника, брусника, осока Ильина. Из иных голосеменных обычна сосна обыкновенная по террасам рек, а в более влажных местах присутствует пихта и ель. В целом растительность представляет собой смешение типичных элементов тайги с участками тундровых, лесостепных и степных растительных сообществ.

В связи с этим и животный мир здесь богаче и разнообразнее, чем в монотонных лесных массивах лиственничников и темнохвой-

ной тайги Сибири. Лиственница как лесобразующая порода слабо воздействует на развитие подчиненных ярусов, что приводит к доминированию, например, среди птиц типично лесостепных представителей — лесного и (или) пятнистого конька, овсянки белошапочной и даже дубровника (Прихубсугулье), сорокопуга-жулана (*Равкин, 1973*). Здесь же на безлесных участках селятся рогатый жаворонок и журавль-красавка, из млекопитающих — сибирский тушканчик и даурская пищуха, светлый хорь и манул (*Литвинов, 1985*). В лиственничниках, особенно травяных среди мелких млекопитающих усиливается присутствие зеленоядных форм, прежде всего полевок — экономки монгольской и даже узкочерепной. Не только лесостепным, но и таежным территориям свойственна высокая численность марала и косули.

Таким образом, территория «Саянского перекрестка» представляет собой сложный узел, в котором сплетены нити, связывающие фауны Монголии, Алтая и Забайкалья. В частности здесь проходит южная граница распространения следующих видов: сибирского кролика и дикого северного оленя, и северная граница ареала хангайских и центрально-монгольских видов, например, монгольской полевки, красной волка, адониса монгольского. Здесь обитает обыкновенный глухарь с восточной границей распространения в западном Прихубсугулье, но есть и каменный глухарь (*Гунин и др., 1998*).

По результатам исследований, проведенных сотрудниками заповедника «Азас» (*Молокова, Карташов, 1999*), в этом регионе насчитывается около 70 видов мхов, лишайников более 120 видов. Из 909 видов высших сосудистых (относятся к 353 родам и 92 семействам) насчитывается 36 видов споровых, 8 — голосеменных, 865 — цветковых. Ядро флоры составляют бореальные виды, и их основная часть имеет широкий ареал. 35 видов являются эндемиками Алтае-Саянской флористической провинции, из которых большинство альпийские. Некоторые из них относятся к редким: аконит Паско, водосбор Бородина, горькуша байкальская; иные эндемичные виды обильны: каллиантемум Саянский, остролодочник алтайский, и, напротив, низкорослая березка круглолистная образует сплошные ерниковые заросли, в высокогорье широко распространен рододендрон Адамса (местное название «Саган дали»).

Фауна млекопитающих включает 48 видов: (8 насекомоядных, 1 рукокрылых, 2 зайцеобразных, 17 грызунов, 13 хищных, 7 парнокопытных), рыб — 15 видов, земноводных 2, пресмыкающихся — 4. Отмечено 254 вида птиц (18 отрядов), из них 198 — гнездящиеся, 13 — залетные, 24 вида встречаются на пролете.

Обитающие в Восточном Саяне редкие виды млекопитающих — снежный барс (ирбис), горный баран (аргали), черношапочный сурок — входят в перечень Красной книги России и МСОП. Редким видом является сибирский горный козел. Из птиц, включенных в Красную книгу РФ, можно назвать черного аиста, журавля-красавку, лебедя-кликуну и горного гуся, улара, из хищных — черного грифа, кречета, филина, большого подорлика, орла-карлика, скопу, беркута, орлана-белохвоста, балобана, сапсана, могильника.

Особо уникальна тоджинская (называемая также «тувинская» или «азасская») популяция речного бобра (местное название «кундус» или «сары-кундус»), который у коренного населения считался священным животным, и охота на него была строжайше запрещена, что способствовало выживанию вида. Данная коренная или аборигенная колония (*Лавров, 1960*) является единственным случаем в Центральной Сибири и вторым — после Булган-Гольской (Монголия) во Внутренней Азии (*Гунин и др., 1998*). Сейчас тоджинский бобр внесен в Красную книгу России в статусе I категории — малочисленного подвида с ограниченным районом обитания, находящегося под угрозой исчезновения.

Этнокультурная общность территории

Наиболее показательными для этнокультурной общности территории являются язык и родовая структура народностей «Саянского перекрестка».

По общепринятой в отечественной тюркологии классификации тюркских языков, предложенной Н.А. Баскаковым (*Баскаков, 1969*), языки рассматриваемых в статье этнических групп входят в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков, иначе называемой «саянской подгруппой сибирских тюркских языков».

Подтверждением родственности языков служат, например, сообщения М.А. Кастрена посетившего сойотов Тунки в XIX в., о том, что они говорили «... на том же тюркском наречии, каким говорят карагасы (тофалары)» (*Дугаров, 1983*). Г.Д. Санжеев, исследовавший в конце 20-х гг. XX в. дархатов и население Дархадского края, говорил об активном использовании сойотами своего тюркского языка еще в XVIII в. со ссылкой на свидетельство немецкого географа А.Ф. Бюшинга в 1787 г. о том, что язык у тункинских сойотов тот же, что и у карагасов Нижнеудинского уезда (*Санжеев, 1930*). Профессор Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри, проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, писал об их чрезвычайно близком урянхайско-сойотскому языку, который еще помнят старики

(Петри, 1927). Как утверждает монгольский этнограф Бадамхатан, посвятивший изучению культуры народности духа многие годы, они считают себя урянхайскими уйгурами, а свой язык — уйгурским (тюркским), близком к тоджинскому.

Во многих работах подтверждается близость родовой структуры названных четырех народностей (Петри, 1927; Санжеев, 1930; Обручев, 1965; Мельникова, 1994; Plumley, 2003; Donahoe, 2006; Монгуш, 2008). Во всех частях «Саянского перекрестка» есть представители родов: Чогду (Чогдо, Чогдинцы, Чооду, Ак Чооду, Хара-Чогду, Кара-Чооду, Тодут), Хааш (Хаасуты, Хасут, Сара-Хааш), Чеептей, Кол, Соян и других.

Принципиальным отличием «восточносаянцев» от соседних народностей является то, что помимо свойственных всем этносам Алтае-Саянского региона видов традиционного природопользования — охоты, собирательства и рыболовства, традиционный уклад жителей высокогорной части Восточного Саяна включает особый вид скотоводства — высокогорное кочевое оленеводство. Интересно, что ближайшие места использования северного оленя в хозяйстве наблюдаются в Эвенкийском хошуне Автономного района Внутренняя Монголия КНР на территории Манчжурии (север Китая), а также у эвенков и якутов (северная Сибирь, Россия), живущих существенно севернее рассматриваемой территории. Таким образом, отгонное оленеводство «восточно-саянской этнической группы» является самым южным, крайне обособленным и уникальным.

Именно в этом районе наблюдается сходство в строительстве особого типа традиционных жилищ — конической формы чумов («урц») диаметром 3–4 м, выполненных из 15–18 жердей (тонких стволов) длиной около 3 м; зимой более широких, покрытых — изюбриными, лосиными или оленьими шкурами (у бедных и у духа часто листовничным корьем), а летом — с меньшим диаметром, покрытых берестой. Этот тип жилища сходен с чумами, например, эвенков и нганасанов и принципиально отличается от бурятских и монгольских войлочных юрт (которые они называют «гер») и от русских изб.

Культура захоронений представлена двумя типами — срубы и колодцы. Первый — приподнятый над землей прямоугольный сруб в 2–3 венца на возвышениях из пней или специально сделанных деревянных подставок различных модификаций, т.н. «воздушное захоронение» (Мельникова, 1994) или «погребальный лабаз» (Чудинов, 1931). Второй — захоронение в земле в колоде, выдолбленной из цельного ствола дерева (как правило, так хоронили детей и шаманов, считая дерево объектом, связывающим людей с верхним миром) или в укрепленном в земле колодце. Как кочевым народностям «Саян-

ского перекрестка», им свойственно хоронить умерших там же, где их застала смерть, и в вещах, в которых он был. Кроме того, убивается и захоранивается рядом (иногда сжигается) его олень, в захоронение складывается необходимая для «дальнейшего путешествия» утварь.

На всей территории Восточного Саяна коренное население исповедует шаманизм, в большей степени сохранившийся у тоджинцев. Тофы были крещены, а окинцы и духа — приняли ламаизм, хотя элементы тотемно-шаманистских верований у всех по-прежнему очень сильны. По данным Б.Э. Петри божественный пантеон был трехчастным и выглядел следующим образом. Два божества Бурхан (или Кудай) и Эрлик-хан занимали главенствующее место, являясь соответственно владыками верхнего и нижнего миров. На ступень ниже стояли хозяин гор (Даг-Ези) и хозяин воды (Сунн-Ези), которым в свою очередь подчинялись хозяева отдельных распадок, хребтов, перевалов, останцов, рек, ручьев, источников, озер (Петри, 1928), особое поклонение выражалось огню — духу нижнего мира. Моление каждому божеству сопровождалось жертвоприношением, причем во время обращения к духам обязательно привязывались к веткам деревьев или кустов ленточки-джалама. Следует отметить, что ламаизм — специфическая ветвь буддизма, в которой учитываются традиции шаманизма, в том числе в виде многочисленного пантеона бурханов и привязывания ленточек-джалама.

В наименьшей степени подверглась ассимиляции иными этносами народность «духа». Широко сохранился типичный для «восточно-саянской этнической группы» тип жилища, язык практически не претерпел изменений (хотя молодежь всё реже говорит на нём), относительно широко представлено оленеводство. В большей степени ассимилировались народности в российской части: тувинцы ассимилировали тоджинцев, буряты — сойотов, русские — тофов. Тем не менее, исследования показывают, что, несмотря на малочисленность народностей Восточного Саяна, возрождение культуры и языка при существенной государственной поддержке возможно.

Каждая часть «Саянского перекрестка» в своем административном регионе является наименее заселенной и труднодоступной, например, в Тоджинском районе Тывы площадью 40 тыс. км² проживает менее 7 тыс. человек, в Окинском районе Республики Бурятия площадью 26 тыс. км² проживает менее 4,7 тыс. человек. Как указывалось выше, здесь хорошо сохранены природные комплексы, что является необходимым условием для организации как особо охраняемых территорий (ООПТ), так и территорий традиционного природопользования для малочисленных народов (ТТПП).

Трансграничная охраняемая территория «Саянский перекресток»

На рассматриваемой территории действуют и планируются несколько ООПТ различных категорий и статуса, предусмотренных Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях» (1995).

Действующие ООПТ

Заповедник «Азас». На месте заповедника, ныне действующего в центральной части Тоджинской котловины и включающего бассейн реки Азас и левобережье реки Соруг, в целях сохранения уникальной популяции тоджинских бобров в 1962 г. был организован местный видовой заказник на площади 7,2 тыс. га. Позже в 1976 г., несмотря на предложения организовать заповедник, он был реорганизован в государственный комплексный республиканский заказник площадью 180 тыс. га. Заповедник «Азас» начал функционировать в январе 1985 г. на территории площадью 337,29 тыс. га (Молокова, Карташов, 1999). В 1989 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров Тувинской АССР территория заповедника была сокращена — изъяты 49,5 тыс. га совхоза «Тоора-Хем» с компенсацией 12,6 тыс. га в гольцовой зоне, а также исключен участок у западной границы заповедника. Таким образом, площадь заповедника стала 300,39 тыс. га (Васильченко, 1990; Кол, Молокова, 1997).

В связи с труднодоступностью на территории заповедника не наблюдается массового браконьерства, и в целом состояние природных комплексов ООПТ можно оценить как нетронутое.

Заказник федерального значения «Тофаларский» является частью бывшего заповедника «Саянский», создававшегося дважды: в 1915 г. с ликвидацией в 1918 г. (Штильмарк, 1974), а также в 1939 г. и упразднен в 1951 г. в период массовой ликвидации и сокращения площадей всех заповедников СССР (Вайнер, 1991). Тофаларский заказник был создан распоряжением Совмина № 1682-р от 12.08.1971. Земли заказника, как и у подавляющего большинства заказников РФ, не выведены из хозяйственного использования и, как правило, являются землями лесного фонда, что приводит к межведомственным противоречиям.

Территория заказника — в основном типичная горная тайга с основными лесообразующими породами — лиственницей и кедром. Альпийские ландшафты и горные тундры занимают треть его площади. Основная задача ООПТ — сохранение природных комплексов в районе озер Агул (11,3 км²) и Медвежье (7 км²). Интересно, что во-

круг этих озер и в долинах рек отсутствует прибрежная водная растительность. Здесь существует небольшая популяция лесного северного оленя (саянская раса). Встречают снежный барс и красный волк.

С иркутской стороны нет наземных транспортных дорог к заказнику и, благодаря его труднодоступности, нарушения заказного режима случаются крайне редко, но существенное число нарушений наблюдается со стороны Красноярского края, в том числе охота с вертолетов.

Заказник регионального значения «Тайбинский» по природным условиям практически совпадает с Тофаларским заказником. Заказник создан для поддержания экологических условий и поддержания численности охотничьих животных: марал, медведь, кабарга, кабан, выдра, норка, соболь. На территории заказника сохраняются следующие редкие и исчезающие виды птиц и зверей: черный аист, скопа, снежный барс, красный волк, лесной северный олень. Таким образом, оптимальным для сохранения биотического и ландшафтного разнообразия этого участка было бы восстановить Саянский заповедник, трансграничный с Красноярским краем.

Заказник «Уш-Белдирский» располагается в Каа-Хемском кожууне, практически на границе с Монголией. Заказник относится к группе зоологических, и здесь также сохраняются охотничьи виды животных. Следует отметить, что на территории заказника расположен Уш-Белдирский источник, поэтому заказник используется и в рекреационных целях. В связи с этим статус заказника был изменен на «природный парк» площадью 372,9 тыс. га, но в 2004 г. был опять ликвидирован (BridgTV, 2004) в связи с принятием Федерального закона № 122-ФЗ от 22.08.2004 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»». По этому закону региональные природные парки переводились в ведение федеральных структур, и субъект РФ больше не имел права создавать ООПТ такого статуса. В том же году Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Рос-

сийской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований» (№ 172-ФЗ от 21.12.2004) отменил это положение, но природный парк «Уш-Белдирский» теперь придется воссоздавать.

Планируемые ООПТ

С точки зрения истории заповедного дела «Саянский перекресток» крайне интересен. Именно здесь в 1915 г. был организован первый государственный заповедник «Саянский», на год раньше Баргузинского заповедника, день организации которого теперь считается днем рождения всей заповедной системы России. Заповедник «Саянский» можно назвать дважды «репрессированным», т.к. он действовал в течение двух временных отрезков в 1915–1918 (закрыт в период Гражданской войны) и в 1939–1951 (в момент ликвидации многих заповедников Советского Союза). Воссоздание заповедника стало бы данью его истории, а также «памятником» истории природоохранной деятельности и уникальным людям, многие из которых были репрессированы.

Планируемый заповедник «Саянский» предполагает включение в свои границы заказника «Тофаларский» с некоторым расширением границ (Лямкин, Калихман и др., 2006) и заказника «Тайбинский» (Калихман, Соколов, 2005). Функцию буфера (или охранной зоны) для будущего заповедника будут выполнять планируемые природные парки «Тофаларский» и «Канское Белогорье», а также планируемый заказник «Агульский», в котором также предполагается частичное рекреационное использование как и в природных парках.

Рядом с заповедником «Азас» с той же целью планируются три ООПТ — национальный парк «Тоджу» и природные парки «Чойганский» в Тоджинском районе Тывы (Система, 2001) и «Горная Ока» в Окинском районе Бурятии.

В районе средней части Удинского хребта планируется региональный заказник «Удинский» (Нижнеудинский район Иркутской области), причем с севера к нему будет прилегать территория традиционного природопользования (ТТПП) «Тофаларская» (Нижнеудинский район Иркутской области), а с юга ТТПП «Тоджинская» (Тоджинский район Тывы).

Таким образом, действующие и планируемые ООПТ, а также планируемые ТТПП складываются в трансграничную охраняемую территорию «Саянский перекресток» (рис. 2), нумерация ООПТ соответствует таблице.

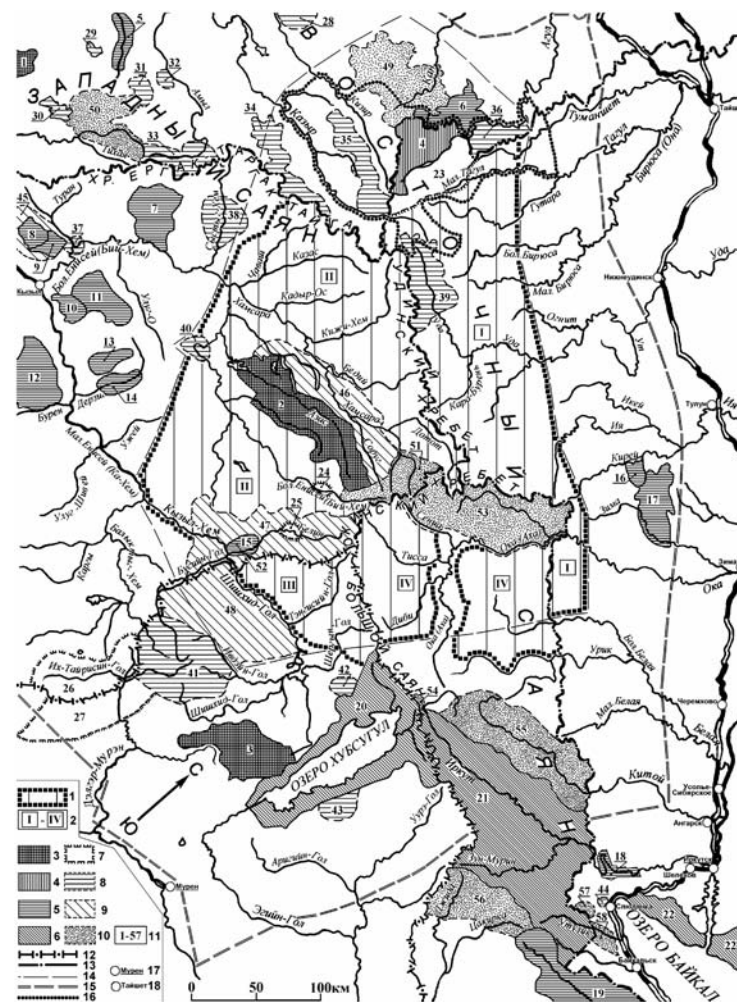

Рис. 2. Охраняемые природные территории «Саянского перекрестка»

1 — планируемые территории традиционного природопользования малочисленных народов Восточного Саяна, 2 — нумерация ТТП, I — ТТП «Тофа», II — ТТП «Тоджу», III — ТТП «Духа», IV — Сойотская ТТП. Действующие ООПТ: 3 — заповедники, 4 — заказник федерального значения, 5 — заказники регионального значения, 6 — национальные парки. Планируемые ООПТ: 7 — заповедники, 8 — заказники регионального значения, 9 — национальные парки, 10 — природные парки, 11 — нумерация ООПТ. Границы: 12 — государственная, 13 — субъектов РФ, 14 — «Саянско-го перекрестка», 15 — Алтае-Саянского экорегиона в системе «Global-200», 16 — бывшего заповедника «Саянский». Населенные пункты: 17 — центры субъектов РФ и аймаков Монголии, 18 — города.

Перечень ООПТ «Саянского перекрестка» и близлежащих территорий

№ п/п	Название	Местоположение	Год организации	Площадь, га	Особенности
Заповедники					
1	Саяно-Шушенский	Красноярский край	1976	390400	биосферный (1988)
2	Азас	Республика Тыва	1985	300398	
3	Хорьдол Сарьдаг	Хубсугульский аймак	1997	188634	
Заказники					
4	Топаларский	Иркутская область	1971	132700	федерального значения
5	Кебежский	Красноярский край	1951	21300	
6	Тайбинский	Красноярский край	1987	61400	
7	Хутинский	Республика Тыва	1972	107000	
8	Ээрбекский	Республика Тыва	1985	28800	
9	Тайга	Республика Тыва	1978	21000	
10	Ондумский	Республика Тыва	1985	47000	
11	Тапсинский	Республика Тыва	1961	109000	
12	Балгазынский	Республика Тыва	1958	150000	
13	Шанский	Республика Тыва	1972	30000	
14	Дерзигский	Республика Тыва	1974	25000	
15	Уш-Белдирский	Республика Тыва	1975	15000	
16	Кирейский	Иркутская область	1986	36000	бессрочный
17	Зулумайский	Иркутская область	1963	15000	бессрочный
18	Иркутный	Иркутская область	1967	30000	бессрочный
19	Снежинский	Иркутская область	1976	230000	бессрочный
Национальные парки					
20	Хевстел	Хубсугульский аймак	1995	838070	
21	Тункинский	Республика Бурятия	1991	1183700	
22	Прибайкальский	Иркутская область	1986	418000	

Планируемые ООПТ			Обоснование (ссылки)		
Заповедники					
23	Саянский	Иркутская область	Лямкин, Калихман и др., 2006		
24	Баш-Хем	Республика Тыва	Система особо охраняемых, 2001		
25	Белин	Республика Тыва	Система особо охраняемых, 2001		
26	Их-Тайрисин	Республика Тыва	Савенкова, 2002		
27	Делгер-Мурен	Хубсугульский аймак	Савенкова, 2002		
Заказники					
28	Малошиндинский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
29	Тохтай	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
30	Араданский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
31	Кедранский остров	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
32	Тюхтетско-Шадатский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
33	Верхний Амыл	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
34	Тазарамский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
35	Крыжинский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
36	Агульский	Красноярский край	Калихман, Соколов, 2005		
37	Усть-Уюкский	Республика Тыва	Система особо охраняемых, 2001		
38	Айнинский	Республика Тыва	Система особо охраняемых, 2001		
39	Удинский	Иркутская область	Лямкин, Калихман и др., 2006		
40	Моньский	Республика Тыва	Система особо охраняемых, 2001		
41	Улан Тайга	Хубсугульский аймак	Система особо охраняемых, 2001		
42	Шаргын адаг-яр Хярууни-белчир	Хубсугульский аймак	Система особо охраняемых, 2001		
43	Халхан Булнайн	Хубсугульский аймак	Система особо охраняемых, 2001		
44	Таловские озера	Иркутская область	Лямкин, Калихман и др., 2006		

Национальные парки		
45	Ээрбековский	Республика Тыва Система особо охраняемых, 2001
46	Тоджу	Республика Тыва Система особо охраняемых, 2001
47	Верхний Каа-Хем	Республика Тыва Система особо охраняемых, 2001
48	Шишид-Гол	Хубсугульский аймак Система особо охраняемых, 2001
Природные парки		
49	Канское Белогорье	Калихман, Соколов, 2005
50	Ергаки	Калихман, Соколов, 2005
51	Чойган	Система особо охраняемых, 2001
52	Ушбелдирский	Особо охраняемые, 2004
53	Горная Ока	Шарастеланов, Иметхенов, 2007; Калихман, 2007
54	Мунку-Сардык	Калихман, 2007
55	Китойские Голыцы	Калихман, 2007
56	Джиддинский	Калихман, 2007
57	Пик Черского	Савенкова, 2002
58	Утулик-Бабха	Калихман и др., 2003
Планируемые ТТПП		Обоснование (ссылки)
I	Тофа	Лямкин, Калихман и др., 2006; Иванов и др., 2008
II	Тоджу	Иванов и др., 2008
III	Духа	Иванов и др., 2008
IV	Сойотская	Иванов и др., 2008

Примечание: курсивом отмечены ООПТ и ТТПП в границах Саянского перекрестка

Заключение

Единство природных и культурных особенностей рассматриваемой трансграничной (Россия/Монголия) части Восточного Саяна, а также необходимость их сохранения приводят к идее организации охраняемой территории международного статуса. В обсуждаемом случае в наибольшей степени подходит охраняемая территория международного значения, относящаяся к категории «объект всемирного природно-культурного наследия» (ОВПKN) с названием «Саянский перекресток».

Для создания нового ОВПKN «Саянский перекресток» пригодна наиболее высокая и труднодоступная часть Восточного Саяна — территория, где в относительно нетронутом виде сохранились природные комплексы, осуществляется традиционное природопользование, размещается локальное место проживания малочисленных народностей: духа (цаатаны) в Монголии, и в России — тоджинцы в Тыве, тофы в Иркутской области, сойоты в Бурятии, которые по своей сути являются единым народом.

Предполагаемый ОВПKN «Саянский перекресток» соответствует всем четырем критериям природного и двум (третий и пятый) из шести — культурного наследия. К критериями для номинации объектов природного наследия относятся: «i» — особенные палеонтологические, геологические и геоморфологические ценности; «ii» — ландшафтное и биотическое разнообразие; «iii» — природная живописность; «iv» — наличие редких и исчезающих видов растений, занесенных в Международную Красную книгу.

Таким образом, в соответствии с определением природного наследия «Саянский перекресток» представляет «выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и точно ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или консервации; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, консервации или природной красоты».

Критерии для номинации объектов культурного наследия: «i» — творение творческого гения человека; «ii» — пример чередования общечеловеческих ценностей в пределах определенного периода времени или определенного культурного района мира на развитие архитектуры и технологии, градостроительства или планирования ландшафтов; «iii» — исключительное свидетельство культурной традиции

или цивилизации, существующей или исчезнувшей; «iv» — наглядный пример типа строения, иллюстрирующего важный этап (этапы) развития человеческой истории; «v» — наглядный пример традиционного человеческого поселения или землепользования, характерного для культуры (культур), в особенности, если они разрушаются под воздействием необратимых перемен; «vi» — связь с событиями или жизненными традициями, идеями или взглядами, произведениями литературы и искусства, представляющими выдающееся мировое достояние.

Рассматриваемый регион в соответствии с определением культурного наследия является «выдающейся универсальной ценностью с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии».

Немаловажным аспектом является наличие в пределах предполагаемого ОВПКН «Саянский перекресток» так называемых «ядер» заповедания — ООПТ со строгим режимом сохранения природных комплексов — заповедников и заказников. Кроме того, планируемые парки — ООПТ с менее строгим природоохранным режимом — будут охватывать наиболее посещаемые туристами места, точки концентрации археологически и исторически значимых артефактов, центры сохранения этнической самобытности малочисленных народов этого региона. Земли, важные для поддержания традиционного уклада жизни этносов, населяющих Тофаларию, горную Оку, Тоджинскую и Дархадскую котловины, должны получить статус «территорий традиционного природопользования» и стать буферными для названных выше природоохранных участков. Таким образом, ОВПКН «Саянский перекресток» будет иметь дифференцированный охранный режим, что позволит не только сохранить наиболее значимые участки природной и культурной среды, но и позволит экономически развиваться этим отдаленным территориям. Центрами управления и развития ОВПКН должны стать поселки Тоора-Хем, Сороки, Алыгджер, Цаганнур.

Рассматриваемая территория соответствует требованиям ЮНЕСКО к объектам всемирного культурного наследия и представляет выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии и антропологии. Труднодоступность и обособленность региона позволила сохранить черты дачингисхановских времен этой самодийско-кетской тюркоязычной «восточно-саянской этнической группы». Кроме того, благодаря высокому биоразнообразию, большому числу редких видов, живописности ландшафтов и интересной геологической и геоморфологической истории «Саянский перекресток» отвечает всем условиям для причисления его к перечню объектов всемирного природного наследия.

Литература

1. *Алексеев Е.А.* Кетская проблема // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 118–140.
2. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. — 370 с.
3. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М., Л.: Академия наук СССР, 1950. — Т. 1. — 586 с.
4. *Вайнер (Уинер) Дуглас.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. — М.: Прогресс, 1991. — 400 с. Пер. с англ.
5. *Вайнштейн С.И.* Социальная организация Саянских оленеводов-охотников (тофалары) // Общественный строй у народов Северной Сибири. — М.: Наука, 1970. — С. 300–312.
6. *Васильев В.И.* Проблемы формирования северо-самодийских народностей. — М., 1979. — 244 с.
7. *Васильченко А.А.* Заповедник «Азас» в опасности // Охота и охотничье хозяйство. — № 3, 1990. — с. 14–15.
8. *Гросвальд М.Г.* Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья (оледенение, вулканизм, неотектоника). — М.: Наука, 1965. — 166 с.
9. *Гунин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н.* Охрана экосистем Внутренней Азии. — М.: Наука, 1998. — 219 с.
10. *Дугаров Б.С.* О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ, 1983. — С. 90–101.
11. Историко-культурный атлас Бурятии / Ред. *Н.Л. Жуковской.* — М.: Изд-во «Дизайн, информация, картография», 2001. — 606 с.
12. *Калихман Т.П., Соколов В.А.* Организация и развитие системы особо охраняемых природных территорий Иркутской области и Красноярского края // Лесная таксация и лесоустройство, 2005. — № 2 (35). — С. 106–111.
13. *Кол В.А., Молокова Н.И.* Проблемы организации ООПТ в Тоджинском районе Республики Тыва. // Неправительственные природоохранные организации. — Абакан, 1997. — С. 53–54.
14. *Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. — М.: Наука, 1991. — 301 с.
15. *Кызласов Л.Р.* История Тувы. — М., 1969 — 211 с.
16. *Лавров Л.С.* Состояние аборигенной колонии бобров в верховьях Енисея и задачи их охраны. // Растительный покров и естествен-

- ные кормовые угодья Тувинской АССР. — Новосибирск: Наука, 1960. — С. 35–39.
17. *Литвинов Н.И.* Степные элементы в териофауне Прихубсугулья // Природные условия и ресурсы некоторых районов МНР. — Иркутск, 1985. — С. 118–120.
18. *Лямкин В.Ф., Калихман Т.П., Соколова Л.П., Богданов В.Н.* Схема развития системы особо охраняемых природных территорий Иркутской области. Научный отчет для предоставления Администрации Иркутской области. — Иркутск: Институт географии СО РАН, 2006. — 63 с.
19. *Мельникова Л.В.* Тофы: историко-этнографический очерк. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 304 с.
20. *Молокова Н.И., Карташов Н.Д.* Заповедник «Азас» // Заповедники Сибири. Т. 1. — М.: Логата, 1999. — С. 128–146.
21. *Монгуш М.В.* Тувинцы Монголии и Китая. Глава 6. / Тувинцы // Тюркские народы Восточной Сибири. — М.: Наука, 2008. — С. 205–261.
22. *Обручев С.В.* В сердце Азии. — М.: Мысль, 1965. — 128 с.
23. *Петри Б.Э.* Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). — Иркутск, 1927. — 22 с.
24. *Петри Б.Э.* Промыслы карагас. — Иркутск, 1928. — 54 с.
25. *Равкин Ю.С.* Птицы Север-Восточного Алтая. — Новосибирск: Наука, 1973. — 374 с.
26. *Рассадин В.И., Цыренова Д.Б.* Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. — Улан-Удэ, 1996. — С. 56–60.
27. *Рычков Ю.Г.* Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленоводов Сибири (эвенки Средней Сибири) // Вопросы антропологии, 1974. — Вып. 47. — С. 3–26.
28. *Санжеев Г.Д.* Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. — Л., 1930.
29. Система особо охраняемых природных территорий Алтае-Саянского экорегиона. / Ред. *А.Н. Куприянов* — Кемерово: Азия, 2001. — 176 с.
30. *Штильмарк Ф.Р.* Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1974. — Т. LXXIX. — Вып. 2. — С. 142–151.
31. *Чудинов Б.* Путешествие по Карагасии. — М.: Молодая гвардия, 1931. — С. 184.

32. *Donahoe B.A.* Who Owns the Taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia // *Sibirica*, spring 2006. — vol. 5. — № 1. — p. 87–116 (Berghahn Journals).
33. *Plumley D.* White Banner of Hope: Collaboration needed to promote peace, sustainability and cultural survival // *Cultural Survival Quarterly* (Cambridge, MA), 2003. — Vol. 27. — Issue 1. — P. 59–61.

Ростом Г.Р.

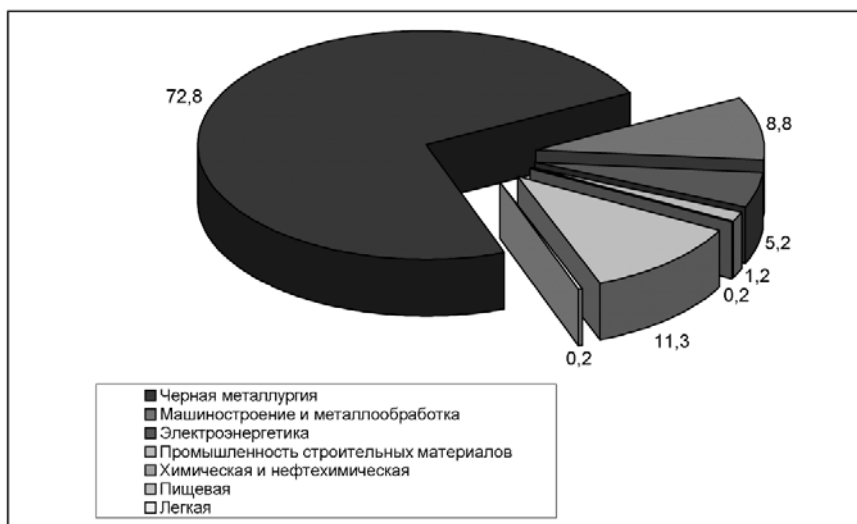
Липецкий регионализм и его социокультурная основа

Постановка вопроса

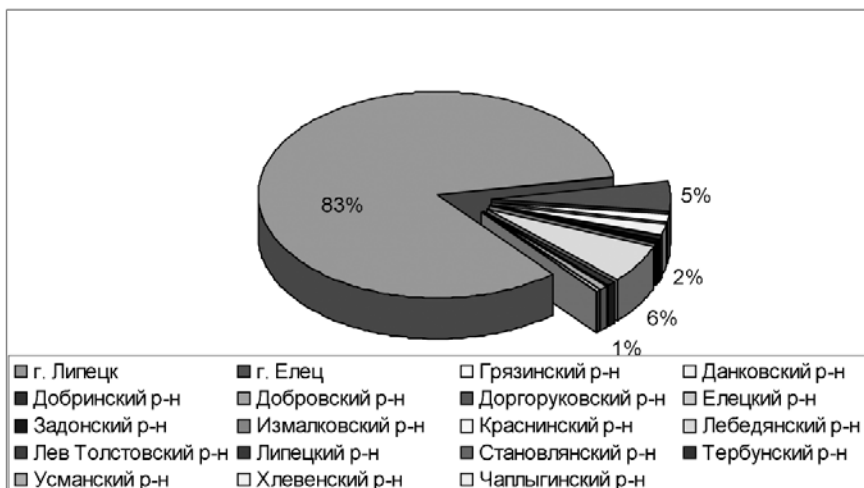
В региональном развитии важным является достижение оптимальной отраслевой и территориальной структуры хозяйства. Сложившиеся к данному моменту отраслевые и территориальные структуры возникли в результате действия социально-экономических условий и факторов, существовавших в прошлом. В сегодняшних новых условиях перехода России к рынку, становления постиндустриальной структуры экономики многие такие структуры оказываются неустойчивыми. Из-за этого нарушается сбалансированное развитие многих территориальных систем.

В хозяйстве Липецкой области к настоящему времени сложились явные отраслевые и территориальные диспропорции. В структуре валового регионального продукта преобладает продукция черной металлургии (рис. 1) [1]. Такая отраслевая структура на сегодняшний день считается устаревшей, не соответствующей структуре постиндустриальной экономики. При этом доля черной металлургии слишком гипертрофирована, что очень нестабильно в переходной период.

В территориальном плане львиная доля продукции производится в городе Липецке (рис. 2) [4]. Если наложить распределение выпускаемой продукции на географию населения, то получится, что на одного жителя города Липецка приходится в 10 раз больше произведенной продукции, чем на одного жителя области. Такая территориальная диспропорция ведет к различиям в уровне жизни населения. В этой связи возникла насущная необходимость диверсифицировать не только отраслевую структуру, но и сбалансировать территориальные диспропорции для оптимизации регионального развития области.

Рис. 1. Отраслевая структура промышленного производства в Липецкой области

Рис. 2. Территориальная структура промышленного производства в Липецкой области

С другой стороны, каждое региональное сообщество отличается своей идентичностью, которая во многом зависит от истории формирования территории и населения, политической культуры населения, особенностей организации управления территорией. Очень часто такие этно- и социокультурные особенности территории не позволяют получить ожидаемых результатов от экономических преобразований, несмотря на наличие благоприятных предпосылок для успешного претворения их в жизнь. Поэтому важным является комплексный анализ всех без исключения факторов регионального развития, включая социокультурные особенности населения.

Региональные изменения

Для быстрого достижения оптимального результата в Липецкой области было решено создать особые территориальные структуры — особые экономические зоны (ОЭЗ). Первые результаты развития в Липецкой области подобных структур позволяют определить их положительные и отрицательные стороны, которые можно применить в других регионах Европейской России.

Как известно, особые экономические зоны (ОЭЗ) представляют собой обособленные ячейки пространства, где устанавливается особый режим управления, наиболее благоприятный для ведения экономической деятельности. В нашем случае это выражается в том, что все риски по созданию и функционированию таких образований в области взяли на себя государство и областная администрация. Установлена система льгот и финансовой поддержки предприятий-участников [5]. В конечном итоге подобные структуры должны:

- диверсифицировать отраслевую структуру региона;
- создать дополнительные рабочие места на местных уровнях;
- наполнить местный рынок необходимыми потребительскими товарами, улучшить социально-экономические условия на территории;
- играть самостоятельную роль в экономике страны и выходить на международный рынок, способствуя более широкому включению региона и страны в целом в международное географическое разделение труда;
- максимально использовать местные условия, развить хозяйство территории;
- снизить трансакционные издержки, объединив усилия для создания общих непроизводственных служб: складов, бухгалтерии и т.п.;

- значительно снизить издержки производства и повысить качество продукции благодаря возможности узкой специализации и значительным налоговым и таможенным льготам;
- максимально привлечь иностранный капитал, передовую технику и технологию.

На сегодняшний день создана одна промышленная зона федерального уровня (Липецк), пять зон регионального уровня (Чаплыгинская и Тербуны промышленно-производственного типа, Елец и Задонщина — туристского типа, Астапово — агропромышленного типа) (рис. 3). Создаются еще 2 промышленные зоны регионального уровня — Данков и Доброе в одноименных районах [6].

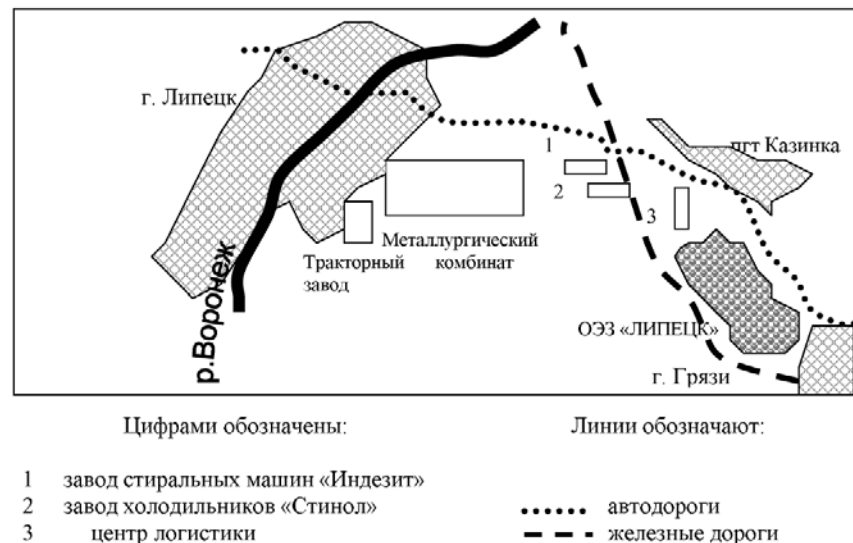
Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Липецк» находится в 15 км к юго-востоку от города Липецка,

Рис. 3. Расположение особых экономических зон Липецкой области

в Грязинском районе (рис. 4). Главная специализация предполагаемых здесь предприятий — производство бытовой техники и другой высокотехнологичной продукции машиностроения. Для привлечения инвестиций на прилегающей к ОЭЗ территории существуют благоприятные инфраструктурные предпосылки для развития — газопроводы, автодороги, железнодорожная магистраль, линии электропередач. Инвестиционный климат Липецкой области считается одним из наиболее благоприятных в Центральном Федеральном Округе.

Еще в 1993 г. на базе использования продукции Новолипецкого металлургического комбината было осуществлено привлечение иностранных корпораций к созданию здесь завода по производству холодильников (совместно с итальянской компанией «Мерлони» завод холодильников «СТИНОЛ»). Сейчас этот завод дает 60% общего объема производства холодильников в России [6]. Фактически это первое в современной России импортозамещающее производство, которое в то же время позволило Липецкой области преодолеть проблему сырьевой моноспециализации. Успешное осуществление данного проекта позволило развить производство бытовой техники с привлечением иностранных корпоративных инвестиций и построить в 2004 г.

Цифрами обозначены: 1 завод стиральных машин «Индезит» 2 завод холодильников «СТИНОЛ» 3 центр логистики
 Линии обозначают: ..... автодороги - - - железные дороги

Рис. 4. Территориальная организация пространства особой экономической зоны «Липецк»

совместно с итальянской компанией «Мерлони» завод стиральных машин «Индезит». Два этих производства создали контуры кластерной зоны по производству «белой» техники. Для складирования и дистрибуции бытовой техники в 2005 г. введен в строй центр логистики. Дальнейшее развитие данной территории в направлении создания высокотехнологичных производств планируется осуществлять в рамках развития ОЭЗ «Липецк» (начиная с 2005 г.) [1, 5].

Успешно развиваются региональные ОЭЗ промышленно-производственного и агропромышленного типа. В районе села Тербуны — одного из райцентров области, на огромной площадке создается особая промышленно-производственная зона областного уровня. Началось было положено строительством колбасного, кондитерского и спиртового завода, а также солодовни «Очаково». После этого было начато почти одновременное строительство кирпичного завода, завода по производству металлоконструкций и сэндвич-панелей, сахарного завода. В стадии проектной разработки находится строительство завода по производству антибиотиков. Другая ОЭЗ — агропромышленного типа — находится в Лев Толстовском районе. Здесь создается сеть крупнейших свинопанелей на 40–60 тыс. голов, комплекс КРС на 1200 голов. Все они будут работать по новым интенсивным зарубежным технологиям. В Чаплыгинском районе, в рамках развития ОЭЗ «Чаплыгинская», начато строительство завода по производству чугунной запорной арматуры и комплекса нефтеперерабатывающих предприятий.

Трудности регионального развития

Несмотря на все благоприятные предпосылки для развития, а также высокие начальные темпы, многие подобные структуры сейчас испытывают определенные трудности. Итоговые показатели работы ОЭЗ «Липецк» на сегодняшний день значительно отстают от запланированных: количество резидентов составляет 50%, объем производства — 20%, объем инвестиций — 60%, затраты на создание новой инфраструктуры — 70%. Отраслевая принадлежность резидентов также отличается от предполагаемого высокотехнологического списка [5, 6]. На сегодняшний день можно констатировать, что бурное развитие данной территории резко приостановилось.

Недостаточно высокие темпы развития имеют также региональные ОЭЗ туристско-рекреационного типа «Елец» и «Задонщина». Эти территории имеют достаточно хорошие предпосылки для своего развития: это исторические памятники в городе Ельце; монастырские комплексы в городе Задонске; археологические памятники в с. Кси-

зово (Задонский район). Но до сего дня никакие крупные инвестиционные проекты на данных территориях не осуществляются.

В конечном итоге, на данный момент территориальная структура производства в Липецкой области почти не изменилась, а по мнению некоторых исследователей территориальная концентрация производства в районе Липецкой крупногородской агломерации еще больше усилилась. Удалось ненамного изменить отраслевую структуру промышленного производства области — уменьшить долю черной металлургии с 72% до 60%, повысить долю пищевой промышленности с 11% до 18% [6].

Социокультурная основа регионального развития

Территориальная совокупность жителей Липецкой области образует социум, имеющий свои характерные социокультурные особенности. Под социокультурными особенностями следует понимать совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе идеи, ценности, нормы и образцы его поведения. Сущностные ценностные и этические характеристики социума складываются на протяжении длительного исторического развития в результате взаимодействия целого ряда условий и факторов, многие из которых связаны с географической спецификой территории.

По мнению большинства социологов [2, 3], все многообразие общественных социокультурных моделей можно свести к двум основным типам: условно их можно обозначить как традиционалистская и либеральная модели общества. Для традиционалистской модели общества характерно господство традиционных ценностей, приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов по сравнению с инновационными действиями. Для либеральной модели общества характерно господство либеральных свобод и ответственности людей, приоритет отдается возможностям инновационных действий. Скелет (остов) каждой модели общества образуют институциональные матрицы. Институциональной матрицей общества принято называть совокупность всех институтов общества (формальных и неформальных), взаимодействующих между собой. Видов матриц тоже два — распределительная и рыночная. В модели любого общества одни матрицы являются базовыми, доминирующими, другие — комплементарными, дополнительными. Доминирующая матрица определяет свойства материально-технологической среды обитания, она же определяет рамки и пределы действия комплементарных институтов [3].

Для Липецкой области (как и для большей части регионов России) наиболее типична традиционалистская модель общества. Базо-

вой здесь является распределительная матрица. Поэтому, несмотря на распространение рынка, в экономике все еще господствуют распределительные отношения. Распределительная доминанта создает свою особую воспроизводственную программу. Любые трансформации общества, не соответствующие сложившимся социокультурным основаниям, блокируются. Поэтому любые экономические нововведения и трансформации проходят с большим трудом.

В Липецкой области традиционалистская модель с её распределительной матрицей имеет свои особые формы проявления. Проявляется все это в крайней региональной обособленности развития, подходящей на феодальную обособленность. Закрепление таких характеристик в социуме Липецкой области можно объяснить не только долгим Советским периодом развития. Немаловажным фактором является относительная молодость территории как субъекта. Область была сформирована в 1954 г. из наиболее отсталых окраин соседних. Для достижения какого-либо приемлемого уровня жизни жителям вновь созданной территориальной единицы пришлось усиленно поработать для того, чтобы сформировать основы собственного регионального хозяйства, опираясь лишь на собственные силы. Этим можно объяснить крайнюю обособленность и замкнутость.

По большому счету создание в области особых территориальных структур тоже можно воспринимать как проявление регионализма. Важной функцией таких структур является аккуратное и безболезненное внедрение в базовую распределительную доминанту Липецкой области новых рыночных структур. При этом главным инициатором создания ОЭЗ являлась областная администрация при поддержке федерального центра. Являясь рыночными структурами по определению, ОЭЗ оказались объектами своего рода региональной политики, с системой льгот и финансовой поддержки предприятий-участников, что характерно больше для централизованной экономики. Но даже в этом случае можно наблюдать слабую восприимчивость территории к такого рода изменениям.

Таким образом, при решении вопросов регионального развития очень важным является учет региональных особенностей социума территории. Как показал пример Липецкой области, они во многих случаях могут играть важную роль в развитии региона.

Литература

1. Закон Липецкой области от 22 декабря 2004 г. N 147-ОЗ «О Программе социально-экономического развития Липецкой области на 2005 год и на период до 2008 года» (с изменениями и дополнениями).
2. *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе. Взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997. 299 с.
3. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.
4. Липецкий статистический ежегодник: Стат. сб. / Липецкстат — Липецк, 2008. 308 с.
5. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2005 г. N 782 «О создании на территории Грязинского района Липецкой области особой экономической зоны промышленно-производственного типа».
6. Приложение к Закону Липецкой области от 5 декабря 2008 г. N 195-ОЗ «О Программе социально-экономического развития Липецкой области на 2009–2012 годы».

Махрова А.Г.

Городские и загородные усадьбы как сегмент рынка и объект культурного наследия (на примере Московского региона)

В постсоветский период с появлением новой элиты и развитием рынка недвижимости наблюдается всплеск интереса к усадьбам. Недвижимость является предметом гордости и престижа ее владельцев, внешним атрибутом самоутверждения, своеобразным индикатором социального статуса в обществе. Для русского человека понятие «усадьба» — это знак принадлежности к настоящей русской аристократии. Именно с этим связан интерес состоятельных россиян не просто к новым клубным домам, таунхаусам или коттеджам в организованных поселках, а к городским и загородным усадьбам.

В научной литературе нет единого понятия «усадьба». Традиционно так называют земельное владение с господским домом, жилыми и хозяйственными постройками и парком, занимающее до нескольких десятков гектаров территории. В России расцвет усадебной культуры пришелся на конец XVIII — начало XIX в., когда появились царские резиденции (Павловск, Гатчина, Царицыно), роскошные дворцовые комплексы русской аристократии (Шереметевых в Останкине и Кускове, Юсуповых в Архангельском, Голицыных в Марфине) и скромные усадьбы губернского дворянства. После революции 1917 г. значительная часть усадеб сгорела и была разрушена, но ряд шедевров удалось спасти, сделав из них музеи или разместив различные учреждения.

Городские усадьбы — самый престижный вид жилой недвижимости. Кроме архитектурных изысков, покупателей привлекает центральное местоположение (Арбат, Пречистенка, Патриаршие и Чистые пруды), транспортная доступность и, конечно, обособленность и жизнь без соседей. Кроме того, в отличие от любой другой недвижимости, покупатель получает жилье, пропитанное духом истории, что может быть не менее важно, чем количество квадратных метров.

Главный недостаток городских особняков, несмотря на всю престижность владения ими, — это их статус памятников архитектуры и связанные с этим проблемы приобретения и владения. В период с 1996 по 2002 гг. юридические лица могли покупать и приватизировать усадьбы, причем конечными покупателями являлись физические

лица, действовавшие через «свои» фирмы. Благодаря этому в частные руки попало около 150 московских усадеб (всего в Москве зарегистрировано около 1 тыс. усадеб, являющихся памятниками истории). В 2002 г., после выхода закона «О приватизации», президент РФ наложил вето на приватизацию объектов культурно-исторического наследия, и лишь с 2008 г. эта процедура стала вновь законной. В промежутке между этими двумя датами, по оценкам экспертов, частными лицами в Москве было куплено порядка 50 усадеб. После отмены моратория на приватизацию памятников и так небыстрый процесс приобретения исторических усадеб сильно замедлил кризис. Однако, несмотря на все юридические сложности и обременения, по оценке экспертов, пятая часть всех потенциальных покупателей рассматривают старинные городские усадьбы не в качестве офисных помещений, а как полноценное жилье.

Из-за высокого спроса и узости предложения исторических усадеб застройщики возводят **новые городские усадьбы**. Так, группа компаний КРТ еще в середине 1990-х гг. исследовала центр города в рамках специально разработанной концепции «Городская усадьба», а затем перешла к строительству современных усадеб. В начале 2002 г. рядом с Третьяковской галереей ею был построен комплекс, состоящий из двух жилых особняков и флигеля, стилизованный под городскую усадьбу XVIII в. Компанией «Авгур Эстейт» на Плющихе был возведен малоэтажный комплекс «Три тополя» в духе усадеб конца XIX в., который позиционировался как «собственная усадьба в центре города». Группа компаний «Конти» по соседству с усадьбой XVIII в. «Покровское-Стрешнево» построила усадьбу «Покровское-Глебово», второй очередь которой стал комплекс «Покровский берег». Как показал спрос на эти объекты, идея возрождения традиций русской усадьбы и обособленной жизни узким кругом близких по социальному положению и духу людей в центре города или недалеко от него, но со всеми признаками загородной жизни оказалась востребованной.

В этот же период времени — на рубеже 1990–2000-х гг. — у представителей современной российской элиты в моду стало входить проживание в собственной **загородной усадьбе**, которая отличается от городской, прежде всего, своими размерами. Потребность в создании загородных родовых имений или усадеб пришла постепенно через покупку большой квартиры в городе, а затем дома в коттеджном поселке. Имена покупают в основном преуспевающие бизнесмены и чиновники, уже имеющие дома в ближнем Подмосковье, но желающие создать «родовое гнездо» на большом участке земли вдали от шумного мегаполиса.

Постепенное возрождение усадебного уклада жизни привело к появлению на рынке элитной загородной недвижимости нового класса объектов и собственников. Современные усадьбы, как старинные, так и вновь построенные, повторяют традиции родовых имений дореволюционного времени, что предполагает наличие не только большого дома для хозяина и его семьи, конюшни, псарни или даже страусиной фермы, но и участка площадью от 5 до 500 га. По своей сути усадьбы после квартиры в центре или другом престижном районе Москвы для постоянного проживания и загородного коттеджа в ближнем и среднем Подмоскowie как второго постоянного жилья являются третьим жильем для временного проживания.

В целом сравнительно новый рынок «загородных поместий», по аналогии с городскими усадьбами, развивается по двум направлениям. Первый связан с приобретением *исторических усадеб*, которые когда-то принадлежали известным княжеским или купеческим фамилиям, покупателями, располагающими финансовыми средствами и связями. По оценкам, в стране сохранилось меньше 2500 старинных усадеб, из которых в Московской области расположено 620 как небольших, так и крупных дворцово-парковых комплексов, из которых восстановить для проживания можно меньше 200 объектов.

Приобретение *современной усадьбы* — второе направление рынка «поместий» — требует меньше средств, при этом ее владелец практически не ограничен в реализации своих желаний. Обширные имения без какого-либо исторического прошлого возводятся тоже, в основном, в духе традиций русской классики, что предполагает центральный дом-дворец с классическим английским парком, аллеями, фонтанами, беседками, ротондами и др. Внешне новые постройки могут копировать прежние образцы, внутри же здание может быть и ультрасовременным. В то же время комплекс новой усадьбы должен иметь все атрибуты элитного жилья: гараж на 5–20 мест, оборудованный пляж, причал и ангар для яхт и катеров, вертолетная площадка или взлетно-посадочная полоса для легкомоторного самолета и пр.

Современные усадьбы должны быть расположены в экологически благоприятных местах, с хорошими подъездными путями, в окружении обширных массивов леса, желательно на берегу водоема. За счет роста спроса на большие земельные участки (от 1 до 50 га) под усадебные владения по данным экспертов особенно перспективным представляется дальнейшее Подмоскowie и районы соседних областей. Например, в Рузском районе начата реализация двух проектов — «Усадьба» и «Ранчо», расположенных на северном берегу Можайского водохранилища. Еще один проект с говорящим названием «Долина

имений» реализуется в Жуковском и Боровском районах Калужской области. Строительство коттеджных поселков из имений предполагается на сороковом километре по Новорижскому направлению, в 18 км от МКАД на Дмитровском шоссе, в районе Иваньковского водохранилища и других местах. Однако под влиянием кризиса и резкого сжатия спроса многие из этих проектов проходят реконцепцию с застройкой под дальние дачи эконом-класса.

Несмотря на возможность купить участок под имение в поселке с развитой инфраструктурой, большинство имений сегодня формируется другим способом. Лицо, желающее стать обладателем имения, приобретает земельный участок, а затем проектирует и строит сам усадебный комплекс. Такой «неорганизованный» участок под имение стоит намного дешевле, чем в организованном поселке.

До кризиса, несмотря на все запреты и ограничения, спрос на усадьбы примерно в два раза превышал предложение, и около 20% всех исторических усадеб покупалось под жилье. Покупка домов с особым режимом охраны — это не коммерческое предприятие, а скорее прихоть отдельных людей. Такие объекты ищутся для конкретного покупателя, и вопрос цены здесь не стоит. В Подмоскowie наибольший интерес представляют усадьбы на расстоянии 15–20 км от МКАД; а в столице — в пределах Садового кольца.

Несмотря на то, что потенциальный спрос на эти объекты недвижимости высок, трудности реализации исторических усадеб — памятников архитектуры, связанные с ограничениями, налагаемыми на их дальнейшее использование и реконструкцию, делает эти объекты привлекательными, в первую очередь, для олигархов, а не для инвесторов-застройщиков. Большая часть объектов исторической жилой недвижимости приобретается настоящими ценителями истории — как правило, уже состоявшимися бизнесменами, которые трезво оценивают предстоящие затраты и неизбежные юридические сложности с оформлением этой недвижимости.

В целом в современном российском обществе отношение к судьбе и правовому статусу объектов исторической недвижимости полярно. Одни полагают, что они представляют только историческую ценность и заботиться о них должно государство. Другие, напротив, считают, что содержать их государство не в состоянии, и в частных руках они сохранятся лучше. Причем обе эти точки зрения находят свое подтверждение на практике.

Из-за отсутствия необходимых средств у власти для сохранения старинных усадеб они часто гибнут от запустения и пожаров. Только за последние годы Подмоскowie лишилось главных построек в усадь-

бах Высокое, Троицкое, Полушкино, Ельдигино, Филимонки; сгорела усадьба Мещерская (дача врача Боткина), разрушена усадьба Мальвинское. Продолжают разрушаться великолепные комплексы в Яропольцах, Отраде, Гребневе. Многие бесхозные поместья до сих пор сохранились только по счастливой случайности.

Одновременно уже есть примеры позитивного влияния рынка на сохранение усадеб, например, спасен шедевр архитектурно-паркового искусства — усадьба Михайловское рода Шереметевых в 30 км от МКАД по Киевскому шоссе.

Однако российской спецификой является то, что из-за отсутствия традиций по бережному использованию и сохранению исторических объектов у потенциальных покупателей, не привыкших ограничивать себя в своих желаниях, существуют большие риски по фактической утрате оригинальных объектов и появления на их месте новоделов. На Западе использование и владение исторической недвижимостью сопряжено со многими обременениями: нельзя менять не только фасад, но даже внутреннюю обстановку, включая мебель, картины, предметы интерьера, обои и сантехнику. В России нормативно-правовая база для передачи в частные руки и использования в качестве жилых комплексов пока только создается (речь, конечно, не идет об усадьбах-музеях и исторических заповедниках).

В Москве эти риски усугубляются действиями правительства города, которое, с одной стороны, стремится получить в свое ведение исторические объекты федерального значения, аргументируя это наличием больших средств и возможностей для восстановления и поддержания в надлежащем состоянии. С другой стороны, одновременно с этим не стремится ставить памятники на охранный учет. Причем одним из оснований как для отказа в их занесении в реестр, так и для исключения из списков выявленных и заявленных объектов может быть наличие по объекту документации по действующим инвестиционным контрактам. Такой подход, безусловно, гарантирует права инвесторов, но не гарантирует сохранность самих объектов исторического наследия.

Таким образом, при неизбежности вовлечения исторической жилой недвижимости в рыночный оборот этот процесс будет сопровождаться дальнейшими потерями этих объектов и из-за отсутствия должного государственного финансирования, и из-за неразвитого законодательства, и из-за алчности инвесторов, и из-за отсутствия в обществе консенсуса о способах и формах сохранения исторического наследия в условиях рынка.

Рыбкина И.Д., Губарев М.С.

Естественно-природное и культурно-историческое наследие Северо-Западного Алтая: проблемы использования в региональном развитии¹

В связи с интенсивным развитием рекреационной деятельности на Алтае естественно-природное и культурно-историческое наследие Северо-Западного Алтая приобрело особую значимость. С этих позиций, на наш взгляд, весьма перспективны территории Змеиногорского, Краснощековского, Курьинского и Чарышского районов. Зона «Змеиногорск — Горная Колывань — Горный Чарыш» является одной из «точек роста» экономики Алтайского края в сфере туризма.

По физико-географическому районированию [1] описываемая территория расположена в пределах Предалтайской и Западно-Алтайской провинций Алтайской области Алтае-Саянской горной страны и представлена преимущественно степными, лесостепными и лесными предгорными, низкогорными и среднегорными ландшафтами. Вместе с другими муниципальными районами (Егорьевским, Локтевским, Новичихинским, Поспелихинским, Рубцовским, Третьяковским) относится к рекреационной зоне г. Рубцовска [6].

В социально-экономическом плане территория характеризуется развитием сельского хозяйства с ориентацией в растениеводстве на выращивание зерновых культур и сахарной свёклы, в животноводстве — на производство молока и молочных продуктов, мяса и шерсти. Получило развитие лесное хозяйство. Среди отраслей промышленности выделяются горнодобывающая (добыча полиметаллических руд, добыча и обработка поделочных камней) и пищевая (мукомольно-крупяная, молочная, маслосырodelьная, ликероводочная).

Пережив за последние годы немало потрясений, экономика районов имеет не самые высокие показатели уровня развития [2]. Попав в затяжное кризисное состояние, последние пять-семь лет не работает на полную мощь Змеиногорский ликероводочный завод. В подоб-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 06-02-60202 а/Т «Развитие кластерной модели природопользования в особых экономических зонах (на примере рекреационно-аграрного освоения Алтайского края)».

ном положении оказались и другие промышленные предприятия. Как результат высокий уровень безработицы (по данным 2007 г. от 3,2% в Краснощековском до 8,6% в Змеиногорском районах) и крайне низкие доходы населения, основным источником которых является заработная плата (в среднем 4914 руб. по итогам 2007 г.).

На этом фоне растёт роль сельского хозяйства как главного стержня экономики районов, однако в силу своей убыточности и дотационности, диспаритета цен и удалённости от платёжеспособных рынков сбыта оно сегодня уже не может выполнять эти функции. Между тем, собственные ресурсы для развития юго-западной части края имеются, и не последнее место в их перечне занимают рекреационные. Идея о том, что рекреационный кластер экономики исследуемых районов может стать той её опорой, на которой получают развитие и другие — сопутствующие этой деятельности — производства (переработка сельскохозяйственного сырья, торговля и общественное питание, стройиндустрия), остаётся жизнеспособной на протяжении ряда лет и имеет примеры практической реализации. Так, в настоящее время предлагается Проект природного парка «Горная Колывань», ещё ранее разработан Проект освоения рекреационных ресурсов Чарышского района.

Для создания рекреационного кластера в юго-западной части Алтайского края, на наш взгляд, необходимо детально изучить все объекты, которые так или иначе могут быть использованы в этих целях. Исследования авторов показывают, что с позиций рекреационной привлекательности инвентаризации подлежат природно-познавательные и культурно-исторические объекты:

- памятники истории, культуры, архитектуры и градостроительства;
- памятники археологии;
- памятники военно-инженерного искусства;
- особо охраняемые природные территории (ООПТ).

Памятниками истории, культуры, архитектуры и градостроительства особенно богаты два района — Курьинский и Змеиногорский, в которых расположено более 70 таких объектов (28 памятников истории, 32 — архитектуры и градостроительства, 17 — воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны). Памятники археологии представлены стоянками древнего человека и приурочены к широко известным Чарышским костеносным пещерам. Памятники военно-инженерного искусства до наших дней мало сохранились и нуждаются в дополнительных капиталовложениях и работах по их реконструкции. Между тем, именно в этой части Алтая в XVIII в. существовало значительное количество крепостей, форпостов и редутов, составлявших

часть Колывано-Кузнецкой оборонительной линии [3]. Категорию ООПТ представляют Тигирекский государственный заповедник, Чарышский и Чинетинский заказники, а также более 50 памятников природы регионального и местного значения.

По итогам инвентаризационных полевых работ и на основе камерального статистического анализа выделены следующие участки кластера (рис.): Змеиногорский; Колыванский; Тигирекский; Чинетинский; Чагырский; Краснощековский; Инской; Коргонский; Чарышский.

Змеиногорский участок включает город с прилегающей территорией, на которой находятся главным образом архитектурные объекты и памятники истории горно-рудного дела (гора Ревнюха, с которой была взята глыба яшмы для хранящейся в Эрмитаже «Царицы ваз»; Лазурское колчеданно-полиметаллическое месторождение; Змеиногорский рудник; гора Змеиная, где демидовские крепостные добывали золото царской казне; Пихтовское медно-колчеданное месторождение; Петровское барит-полиметаллическое месторождение; Черепановское месторождение серебряных руд и др.). В границах г. Змеиногорска на государственном учёте стоит 32 памятника, в том числе 14 — истории и культуры, 18 — архитектуры и градостроительства. Здесь же расположено озеро Колыванское (Саввушки) — излюбленное место для отдыха жителей Алтайского края и других регионов Сибири.

Колыванский участок — один из самых привлекательных на Алтае — располагается в исторической местности под названием Горная Колывань и характеризуется наличием уникальных природных объектов — Колыванский борок, озеро Белое, озеро Моховое, гора Синюха, озеро Казачка, Суёткинский купол. Кластерный участок имеет рекреационно-познавательно-природный тип. Вместе с тем, интерес туристов вызывают и объекты культурно-исторического профиля (памятный знак в честь основания Колыванского завода, бывший посёлок Колыванстрой, Колыванский рудник и др.). В селе Колывань находится камнерезный завод, имеется также музей камнерезного дела и музей леса. По дороге в Колывань можно посетить Курьинский краеведческий музей и музей дважды Героя Социалистического труда М.Т. Калашникова. В Курьинском районе зарегистрировано 96 памятников археологии [7].

На территории Краснощековского района нами выделено четыре участка. Первый — собственно Краснощековский — может быть организован в с. Краснощеково для радиальных выездов на места рекреационных объектов. Объектами познавательно-природного типа являются существующие здесь дендросады Карповской и Новошипунской средней школы, однако их современное состояние требует

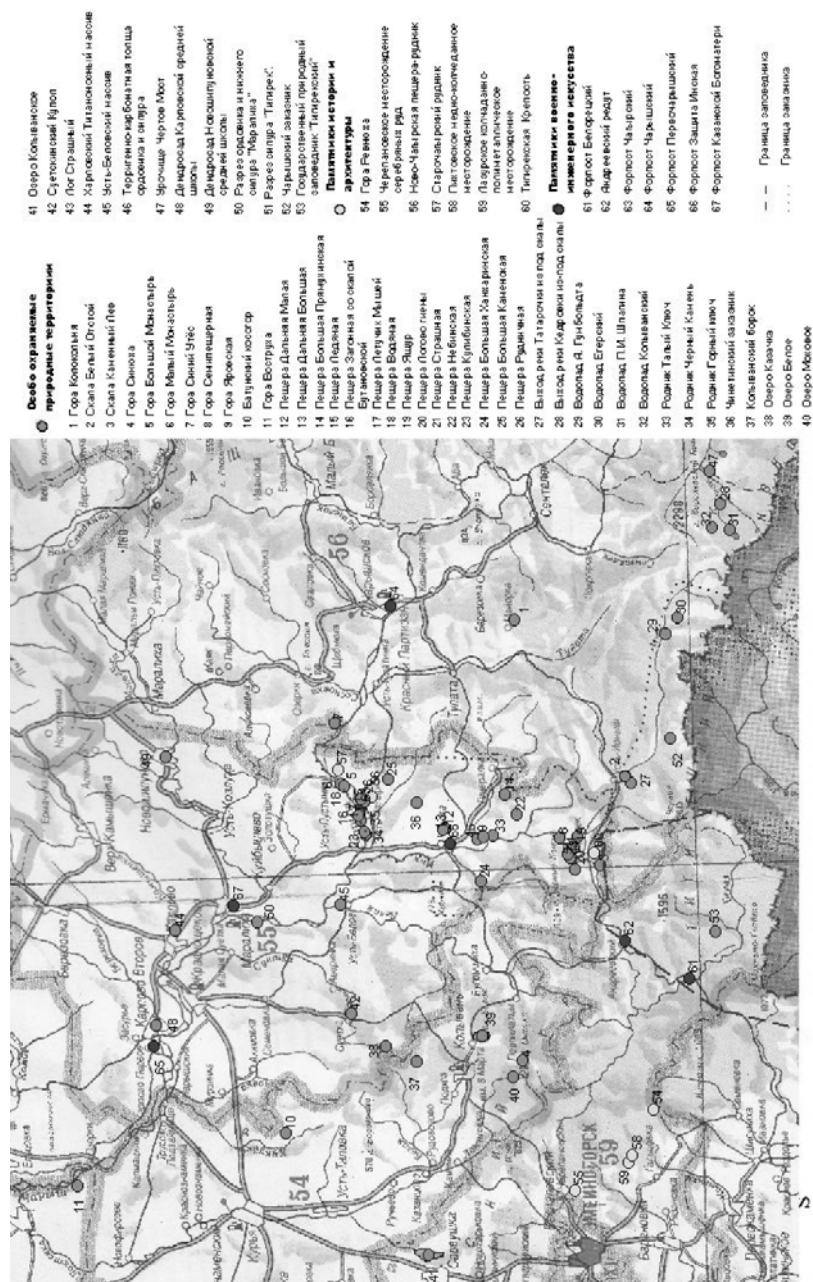

Рис. Природно-познавательные и культурно-исторические объекты Северо-Западного Алтая

восстановительных работ, в том числе методами ландшафтного дизайна, а также гора Известковый Утёс, представляющая собой геологический памятник природы. Объекты познавательного-культурного типа должны быть воссозданы заново, поскольку ни один из них не существует сегодня. Это форпосты бывшей Колывано-Кузнецкой оборонительной линии — Первочарышский (с. Карпово-1) и Казанской Богоматери (с. Маралиха).

Ещё один участок — Чагырский — мы выделили, исходя из следующих соображений. Здесь расположены 12 памятников природы, семь из которых являются также стоянками древних людей, и два памятника горно-рудного дела на Алтае (Старо-Чагырский рудник, Ново-Чагырская пещера-рудник). Наибольшую рекреационную привлекательность имеют карстовые пещеры. Среди них широкую известность со времен путешествия выдающегося русского естествоиспытателя академика П.С. Палласа (1786) приобрела пещера Кулибина. В 1830-е гг. её детально исследовали Ф.Б. Геблер и А. Кулибин, а собранные коллекции костей животных передали в Московское общество природы и Музей Санкт-Петербургского горного института. В конце XIX в. ревизию сборов ископаемых костей производили И.Ф. Брандт и И.Д. Черский [5], которые высказывали предположения, что найденные в пещерах останки животных являются свидетельством охот древнего человека. Кроме этого, участок интересен некогда расположенным здесь Чагырским форпостом Колывано-Кузнецкой оборонительной линии. Предполагаемое место расположения описано в книге А.Д. Сергеева «Тайны Алтайских крепостей» [3] и подтверждено нашими полевыми исследованиями.

Чинетинский участок приурочен к бассейну р. Ини с притоками (рр. Яровка, Ханхара и др.). Получил название по одноименному заказнику. Все объекты имеют статус ООПТ — памятников природы регионального значения (гора Яровка, Большая Прямухинская пещера, Дальние Малая и Большая пещеры, Нёбинская и Большая Ханхаринская пещеры, родник Талый Ключ, Терригенно-карбонатная толща ордовика и силура), кроме одного — форпоста Защита Инская, располагавшегося в с. Чинете. Участок имеет туристическую базу «Эльдорадо», что выгодно отличает его от остальных территорий.

Тигирекский участок характеризуется компактностью и обилием рекреационно-познавательных объектов: Тигирекский государственный заповедник, Чинетинский и Чарышский заказники, восемь памятников природы (Скала Каменный Лев, гора Семипещерная, пещеры Ящур, Логово гиены, Страшная, лог Страшный, разрез силура Тигирек, Тигирекская крепость). Остатки Тигирекской крепости в виде

земляного вала являются также памятником истории культуры регионального значения. Участок требует детальной проработки режима использования земель в связи с особым регламентом природопользования на территории заповедника.

Из-за удаленности и труднодоступности, с одной стороны, и высокой рекреационной привлекательности, с другой стороны, нами выделены Инской и Коргонский участки. Расположенный на землях Чарышского заказника Инской участок включает четыре памятника природы — гора Белый Отстой, вдп. А. Гумбольдта, вдп. Егерский, выход реки Татарочка. Природно-познавательный тип Коргонского участка формируется за счёт таких рекреационных объектов как вдп. П.И. Шпагина, вдп. Колыванский, выход р. Кедровки, урочище Чёртов мост, месторождение коргонского порфира. Все объекты находятся в пределах приграничной территории с Республикой Алтай.

Чарышский участок обозначен нами условно, поскольку может выступать и как самостоятельный, и как объединённый, охватывая объекты двух перечисленных выше участков. Среди собственных рекреационных объектов — природно-познавательные (гора Колокольня) и культурно-исторические (Чарышская крепость), учтённые при проведении функционального зонирования в схеме территориального планирования муниципального района [4].

Несмотря на рекреационную значимость и привлекательность, выделенные участки на момент инвентаризации практически не «работали» на местный бюджет и характеризовались низкой экономической эффективностью использования. Другими словами, их значение в региональном развитии края можно было приравнять к нулю. Подобная ситуация сложилась в силу ряда причин.

Во-первых, те частные фирмы, которые пришли работать на рынок туристических услуг Алтая, имеют строгую территориальную привязку в форме юридического адреса (г. Москва, Новосибирск, Барнаул), платят налоговые отчисления в соответствующие региональные и местные бюджеты и, получается, формально и/или фактически не заинтересованы в развитии рекреационной зоны «Змеиногоorsk — Горная Колывань — Горный Чарыш». В результате местные жители и районные администрации настроены категорически против их дальнейшего функционирования.

Во-вторых, отсутствие юридических и правовых механизмов урегулирования этой проблемы ставит под вопрос существование и развитие самой рекреационной зоны и её отдельных участков. До сих пор нет функционального зонирования этой территории как целостной системы (подтверждением этому является крайне низкая

инфраструктурная обустроенность территории), не проработаны экономические и правовые механизмы взаимодействия её составных частей-участков. Остаётся не выясненной проблема юридического статуса памятников природы и других ООПТ, а также охранных обязательств на их территории.

В связи с вышесказанным, на наш взгляд, первоочередными задачами для целей регионального развития рекреационной зоны «Змеиногоorsk — Горная Колывань — Горный Чарыш» являются:

- формирование правового поля для реализации идеи рекреационно-познавательного кластера на юго-западе Алтайского края;
- инфраструктурное обустройство территории муниципальных районов;
- разработка экономических и финансовых рычагов осуществления рекреационной деятельности;
- повышение заинтересованности районных администраций и местных жителей в реализации предлагаемой концепции развития территории;
- пополнение бюджетов муниципальных образований за счёт налоговых отчислений с прибыли индивидуальных предпринимателей, туристических агентств и фирм и др.

Для дальнейшего развития идеи кластеризации в освоении рекреационных ресурсов Алтайского края предлагается также создать специализированную информационно-справочную систему «Рекреационно-познавательные кластеры Алтая», разместить её на официальном сайте краевой администрации и обеспечить интерактивный доступ к информации о природно-познавательных и культурно-исторических объектах территории.

Литература

1. Атлас Алтайского края / Комитет геодезии и картографии СССР. — М., 1991. — 36 с.
2. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Алтайского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2008. — 384 с.
3. *Сергеев А.Д.* Тайны Алтайских крепостей. — Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1975. — 79 с.
4. Схема территориального планирования Чарышского района. Т. 2. Пояснительная записка (Материалы по обоснованию проектных решений). Основная часть. — Барнаул, 2007. — 250 с.

5. Уникальные природные объекты предгорий Алтайского края / Под ред. д.г.н. Ю.И. Винокурова, О.П. Дорощенко. — Барнаул, изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. — 46 с.
6. Харламов С.В., Корчагин П.А. Туризм и отдых в юго-западной части Алтайского края (характеристика условий, оценка, рекреационное районирование и пути развития). — Барнаул, 2005. — 124 с.
7. <http://altairegion22.ru/>

Калихман Т.П.

Институциональные проблемы функционирования объекта всемирного природного наследия «Озеро Байкал»

Объект всемирного природного наследия (ОВПН) «Озеро Байкал» включен в список ЮНЕСКО в декабре 1996 г. Принятие решения о внесении в общий перечень объектов всемирного наследия подразумевает выполнение следующих требований: утверждение правительством страны нормативных актов по утверждению границ ОВПН, принятие *единого законодательства* на всей территории объекта для достижения общих правил в использовании и сходных принципов управления землями и сохранения объекта. Об отсутствии специального федерального законодательства для объектов всемирного природного и культурного наследия нашей страны говорилось еще 17 лет назад (Веденин, Шульгин, 1992; Веденин, Кулешова, 1997), но до сих пор нет реального продвижения на пути институционального обеспечения охраны ОВПН в России.

Декларированные половиной из 26 статей закона «Об охране озера Байкал» нормативные правовые акты федерального и регионального уровня мало интересуют власти этих же уровней, но при этом принимаются к исполнению новые регламенты якобы природоохранной направленности. Подобное поведение властей описал в своей модели С.А. Денисов, в рамках которой «административное государство», где властвует чиновничество (а именно к таким можно в полной мере отнести Россию), признавая западные правовые институты, декларирует их в писаном праве, но принимает все «меры к их нейтрализации» в виде дополняющих законы нормативных доку-

ментов, превращая эти институты из реально действующих в имитационные (Денисов, 2002). Целью настоящей статьи является рассмотрение и анализ действенности и эффективности предпринятых институциональных шагов для сохранения ОВПН «Озеро Байкал».

Формирование *единого правового поля* на всей территории ОВПН «Озеро Байкал» предусматривалось принятием федерального закона «Об охране озера Байкал» (№ 94-ФЗ от 01.05.1999) — единственного федерального закона о сохранении природного объекта. В законе водится понятие Байкальской природной территории (БПТ) и составляющих её экологических зон: центральной (ЦЭЗ), буферной (БЭЗ), расположенной к северо-западу от озера, и атмосферного влияния (ЭЗАВ), находящейся к юго-востоку от Байкала. Закон о Байкале — рамочный и требует в свою очередь принятия целого ряда подзаконных актов и нормативных документов. В таблице 1 приводится сводный список требуемых документов, принятие которых, вероятно, позволит назвать этот закон действенным и эффективным.

Приходится констатировать, что за прошедшие 10 лет в соответствии с законом о Байкале были утверждены только три подзаконных акта в виде постановлений Правительства РФ: «Перечень видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» (№ 643 от 30.08.2001); «О предельных значениях уровня воды в озере Байкал при осуществлении хозяйственной и иной деятельности» (№ 234 от 26.03.2001) и «Границы Байкальской природной территории и её экологических зон» (№ 1641 р от 27.11.2006). Необходимо особо отметить, что перечень запрещённых видов деятельности был принят за пять лет до утверждения границ центральной экологической зоны Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ), поэтому первое постановление не могло вступить в силу без утверждения третьего. Говоря о втором постановлении, следует напомнить, что строительство плотины Иркутской ГЭС в начале 1960-х гг., заполнение водохранилища и переход к повышенному зарегулированному уровню воды в озере Байкал принято считать самым тяжелым ударом по экосистеме озера (Калихман, 2008), хотя за прошедшие 50 лет экосистема начала приспосабливаться к повышенному уровню. Следует отметить, что, несмотря на установление Правительством РФ максимального и минимального уровней для Байкала (457 и 456 м соответственно), остается нерешённым вопрос о возврате внутригодового или сезонного хода уровня воды к его природной динамике — минимум в апреле, максимум в сентябре, который действовал до зарегулирования стока (*Гидроэнергетика*, 1999).

Таблица 1

Перечень нормативных актов, которые необходимо утвердить в соответствии с федеральным законом «Об охране озера Байкал»

№ статьи	Название статьи	Документ	Год принятия
ст. 2	Экологическое зонирование БПТ	Постановление Правительства РФ с описанием границ БПТ и её экологических зон	2006
ст. 3	Границы БПТ		
ст. 6	Виды деятельности, запрещенные или ограниченные на БПТ	Постановление Правительства РФ с перечнем запрещенных видов	2001
ст. 7	Водный режим озера Байкал	Постановление Правительства РФ о предельных значениях уровня воды в озере	2001
ст. 12	Организация туризма и отдыха в ЦЭЗ БПТ	Правила организации туризма и отдыха в ЦЭЗ БПТ (администрации Республики Бурятия и Иркутской области)	—
ст. 13	Нормативы ПДВ, перечень вредных веществ	Нормативы ПДВ, перечень вредных веществ	—
ст. 14	Нормативы ПДК, перечень вредных веществ	Нормативы ПДК, перечень вредных веществ	—
ст. 16	Комплексные схемы охраны и использования природных ресурсов БПТ	Комплексные схемы охраны и использования природных ресурсов БПТ	—
ст. 17	Экологическая паспортизация хозяйственных объектов на БПТ	Экологические паспорта хозяйственных объектов на БПТ (в т.ч. и туристских в ЦЭЗ БПТ)	—

Длительный процесс утверждения границ БПТ и её экологических зон был связан, как уже говорилось выше, с чиновничьей беспомощностью и боязнью ответственности за принимаемое определение границ центральной экологической зоны, так как именно здесь предусматриваются наиболее строгие требования к сохранению природной среды и ограничения в хозяйственной деятельности, а также сконцентрированы проблемы существования населенных пунктов на берегу озера. В результате многолетних дискуссий было предложено пять вариантов прохождения границы ЦЭЗ БПТ. Утвержденный в 2006 г. вариант подтвердил взаимосвязь ОВПН «Озеро Байкал» и предусмотренной законом о Байкале ЦЭЗ БПТ, так как они совпали внешними границами (рис. 1). Отличие этих двух территорий заключается в том, что в состав ОВПН не вошли территории пяти населенных пунктов, которые сложно причислить к «природному наследию».

Утверждение границ ОВПН — важное условие, без выполнения которого невозможна дальнейшая реализация всех других положений закона о Байкале. Разделение БПТ на три экологические зоны позволяет дифференцированно подходить к сохранению природной среды и планированию хозяйственной деятельности.

В целом при оценке соотношения границ БПТ, ЦЭЗ БПТ, ОВПН «Озеро Байкал» и водоохранной зоны озера учитывались комплексность задачи и большая площадь ОВПН «Озеро Байкал» — 8,800 млн. га, что является наибольшим показателем в России и четвертым в мире, таблица 2 (Максаковский, 2005).

Для достижения **единого управления территориями** обязательными являются работы по территориальному планированию ОВПН «Озеро Байкал». В мировой практике ОВПН чаще является односвязной территорией, например, национальным парком, и в таком случае не возникает проблем с выполнением требований единого или сходного управления. Процесс менеджмента ОВПН «Озеро Байкал» усложняется рядом факторов, в первую очередь, административным делением разного уровня. Административная структура территории ОВПН «Озеро Байкал» включает земли двух субъектов РФ (Республики Бурятия и Иркутской области) и 12 административных районов: Качугского, Ольхонского, Иркутского, Слюдянского, Тункинского, Закаменского, Селенгинского, Джидинского, Кабанского, Прибайкальского, Баргузинского, Северобайкальского. Кроме того, в границах природного объекта «Озеро Байкал» расположены 4 города, 81 село, 10 поселков, 14 железнодорожных станций и 2 деревни. Из упомянутых 111 населенных пунктов не включены в состав ОВПН территории всех 4 городов (Байкальск, Северобайкальск, Слюдянка и Бабушкин), а также поселка Култук.

Крупнейшие в мире объекты всемирного природного наследия по состоянию на 2009 г.

№ п/п	Название ОВПН	Страна	Площадь, млн га	Год включения	Критерии включения
1.	Большой барьерный риф	Австралия	34,87	1981	природные: i, ii, iii, iv
2.	Галапагосские острова	Эквадор	14,00	1978	природные: i, ii, iii, iv
3.	Клуэйн, Татшеншини-Алсек	Канада/США (Аляска)	9,80	1979	природные: ii, iii, iv
4.	Озеро Байкал	Россия	8,80	1996	природные: i, ii, iii, iv
5.	Тассилин Аджер	Алжир	8,00	1982	природные: ii, iii; культурные: i, iii
6.	Центральная Амазония	Бразилия	6,00	2000	природные: ii, iv
7.	Вуд Баффало	Канада	4,50	1983	природные: ii, iii, iv

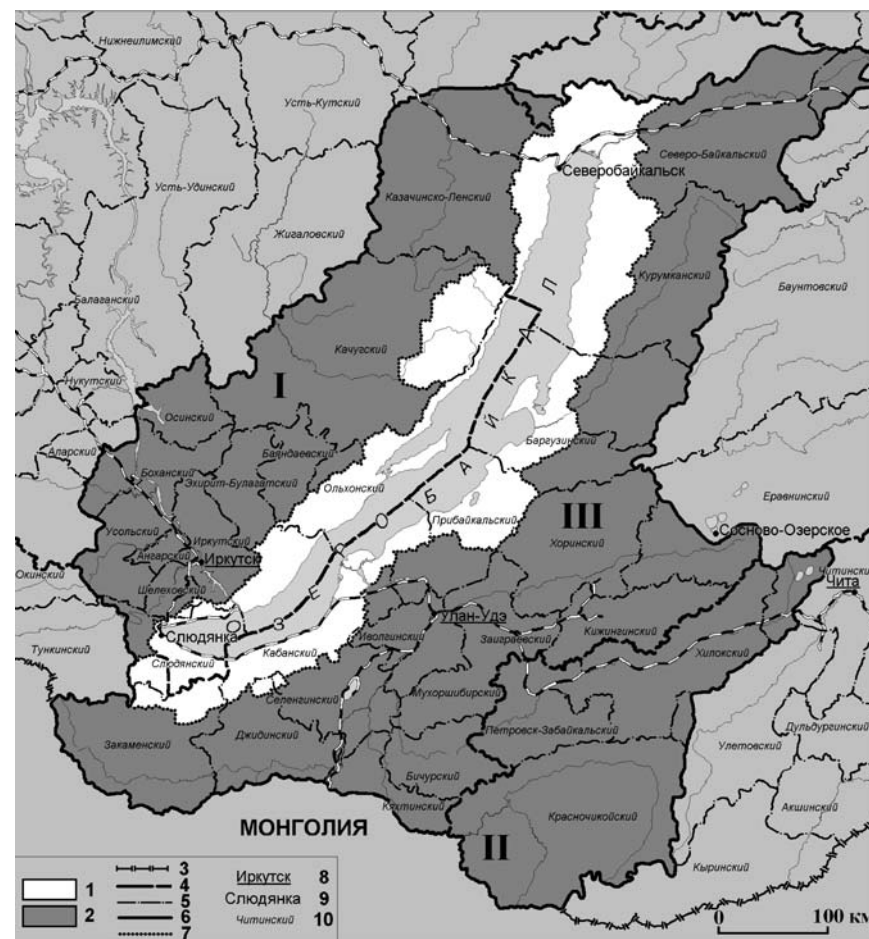

Рис. 1. Байкальская природная территория и объект всемирного природного наследия «Озеро Байкал»

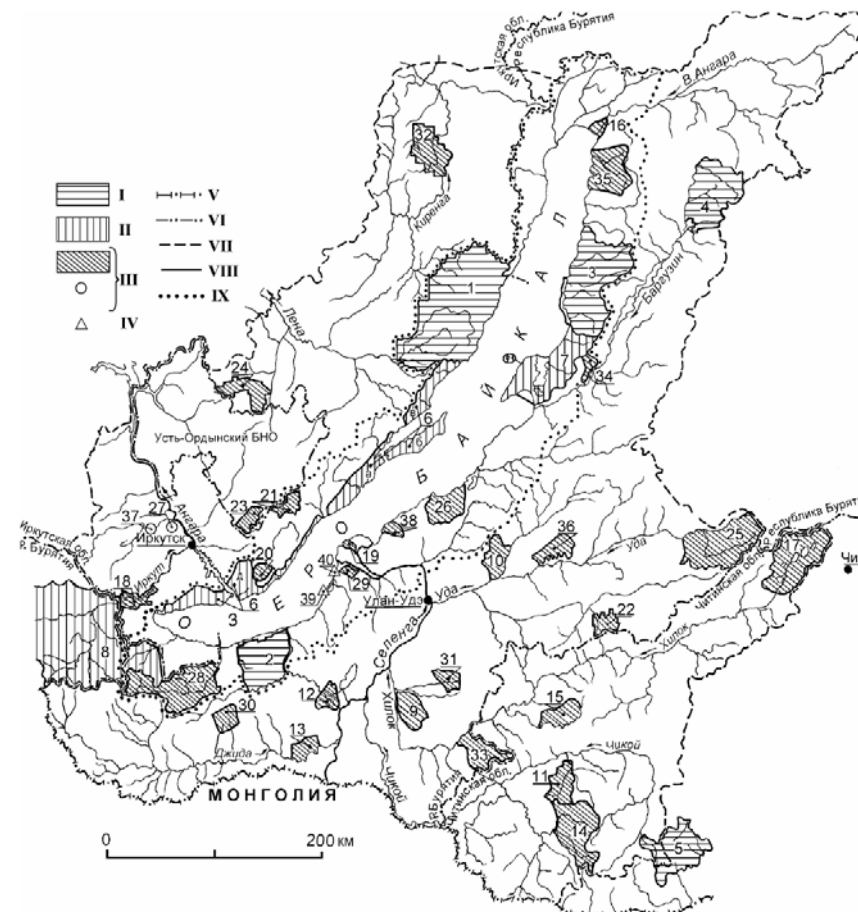
Условные обозначения. Территории: 1 — центральная экологическая зона Байкальской природной территории, совпадающая внешними границами с объектом всемирного природного наследия «Озеро Байкал»; 2 — Байкальская природная территория. Границы: 3 — государственная; 4 — субъектов РФ; 5 — административных районов; 6 — буферной экологической зоны БПТ; 7 — центральной экологической зоны БПТ и ОВПН «Озеро Байкал». Населенные пункты: 8 — центры субъектов РФ, 9 — города. Административное деление Байкальской природной территории: 10 — названия административных районов; I — Иркутская область; II — Забайкальский край; III — Республика Бурятия.

В границы ОВПН «Озеро Байкал» входят особо охраняемые природные территории (ООПТ) различных категорий, статуса и природоохранного режима. В настоящее время общее число ООПТ основных категорий составляет 23, из которых 5 заповедников, 3 национальных парка, 2 рекреационные местности, остальные — заказники. В таблице 3 приведен перечень ООПТ и отмечено время ликвидации некоторых из них. На рисунке 2 представлены все ООПТ по состоянию на 2002 г. — год, после которого началось сокращение общего числа охраняемых территорий, причем нумерация ООПТ на рисунке соответствует таблице 3. В таблице 4 отражено соотношение площади ОВПН «Озеро Байкал» и входящих в него ООПТ.

На деятельности ООПТ в пределах ОВПН «Озеро Байкал» сказывается фактор различия статуса и категорий земель, например, в национальных парках и заказниках. Более 20% земель в границах ООПТ не относятся к категории «земли ООПТ». Как следствие, из-за того, что земли заказников в основном относятся к землям лесного фонда, закрытие нескольких заказников в границах БПТ, как ни парадоксально, не повлекло в целом сокращения земель охраняемых природных территорий (Савенкова, 2001).

Институциональный статус ООПТ существенно зависит от своевременности выполнения требуемых в соответствии с законодательством работ. Ряд ООПТ многие годы не имели возможности провести или обновить данные лесо- и землеустройства своих территорий. Такие работы обычно проводятся один раз в 10 лет, что необходимо как для оценки деятельности ООПТ, так и для оформления государственного акта на право пользования землей. В настоящее время право собственности на земли ООПТ оформлено по временной схеме. Взамен государственного акта на право пользования землей ООПТ получили свидетельства на право пользования на землю (или бессрочного/постоянного пользования землей) в административных районах субъектов РФ. Ситуация с обязательным регулярным проведением в границах ООПТ работ по земле- и лесоустройству характеризуется информацией, приведенной в таблице 3.

Одной из институциональных проблем, связанной границами ООПТ, является сохраняющееся положение, при котором национальные парки до сих пор имеют границы, утвержденные бывшей Службой леса, а не Правительством РФ, как того требует федеральный закон «Об особо охраняемых территориях» (1995). Границы ООПТ должны быть утверждены только после осуществления процедуры их уточнения и проекта зонирования. В первую очередь это касается Прибайкальского и Тункинских национальных парков.

Рис. 2. Особо охраняемые природные территории в границах Байкальской природной территории по состоянию на 2002 г.

Условные обозначения. ООПТ: I — заповедники; II — национальные парки; III — заказники; IV — рекреационные местности. Границы: V — государственная; VI — субъектов РФ; VII — Байкальской природной территории; VIII — особо охраняемых природных территорий; IX — объекта всемирного природного наследия «Озеро Байкал». *Примечание:* Нумерация ООПТ в соответствии с таблицей 3.

**Перечень особо охраняемых природных территорий
в границах Байкальской природной территории**

№ ООПТ	Название ООПТ	Примечание	№ ООПТ	Название ООПТ	Примечание
Заповедники					
1	Байкало-Ленский		20	Кочергатский	
2	Байкальский		21	Куртунский	закрыт в 2003 г.
3	Баргузинский		22	Кижингинский	
4	Джержинский		23	Красный Яр	федеральный
5	Сохондинский	в БПТ входит часть	24	Магданский	закрыт в 2004 г.
Национальные парки					
6	Прибайкальский		26	Прибайкальский	
7	Забайкальский		27	Птичий (Сушинский Калтус)	местный, закрыт в 2002 г.
8	Тункинский	в БПТ входит часть	28	Снежинский	
Заказники					
9	Алтачейский	федеральный	29	Степнодворецкий	закрыт в 2004 г.
10	Ангарский		30	Таглейский	закрыт в 2004 г.
11	Ацинский		31	Тугнуйский	
12	Адульский	закрыт в 2002 г.	32	Туколонь	
13	Боргойский		33	Узколугский	
14	Буркальский	федеральный	34	Улонский	
15	Бутунгарский		35	Фролихинский	федеральный
			36	Худакский	
			37	Широкая Падь	местный, закрыт в 2002 г.
16	Верхне-Ангарский		38	Энгалукский	
17	Ивано-Арахлейский		Рекреационные местности		
18	Иркутный		39	Культушная-Байкальский Прибой	местный
19	Кабанский	федеральный	40	Карга Лемасово	местный

**Соотношение площадей ОВПН «Озеро Байкал» и ООПТ,
входящих в его границы по состоянию на 2009 г.**

Название территории	Площадь, км ²	Площадь ООПТ, км ²	Доля ООПТ, %
ОВПН «Озеро Байкал»:			
озеро Байкал (часть ОВПН)	89071*	24801	27,84
суша (часть ОВПН)	31500	520	1,65
	57571	24281	42,18

Примечание: *Площадь приведена по уточненным данным (Государственный доклад .... 2005).

Информация о времени проведения последних лесо- и землеустроительных работ на ООПТ

ООПТ	год проведения		ООПТ	год проведения	
	лесоустройства	земле-устройства		лесоустройства	земле-устройства
Заповедники					
Байкало-Ленский	1975 (до организации заповедника)	—	Алтачейский	1989-1990	—
Байкальский	1980-81	—	Буркальский	2000	—
Баргузинский	1980-81	—	Фролихинский	1999-2000	—
Джержинский	1981	—	Ацинский	2000	—
Сохондинский	1991	2004	Ивано-Арахлейский	1996	—
Национальные парки					
Забайкальский	1991	2003			
Прибайкальский	1992	—			
Тункинский	1995	—			

Примечание: — работы не проводились

Таблица 6
Планируемые особо охраняемые природные территории в пределах ОВПН «Озеро Байкал»

№	Планируемые ООПТ	Категория ООПТ	Субъект РФ	Административный район	Примечание
1	Онотский	национальный парк	ИО	Иркутский, Эжирит-Булагатский	с расширением действующего заказника «Красный Яр» охрана водоплавающих птиц
2	Таловские озера	заказник	ИО	Слюдянский	
3	Пик Черского	природный парк	ИО	Слюдянский	
4	Утулик-Баба	природный парк	ИО	Слюдянский	
5	Теплые озера	природный парк	ИО	Слюдянский	
6	Верхнебайкальский	природный парк	ИО	Слюдянский	
7	Мыс Шаманский	природный парк	ИО	Слюдянский	на месте памятника природы
8	Голоустное	природный парк	ИО	Иркутский	
9	Сарма	природный парк	ИО	Ольхонский	
10	Верхнеульканский	заказник	ИО	Качугский	трансграничная ООПТ между РБ и ИО, охрана колоний черношапочного сурика
11	Ярки	природный парк	РБ	Северо-Байкальский	дельтовая часть р. В. Ангары, охрана околоводных птиц
12	Куржунинский	природный парк	РБ	Северо-Байкальский	
13	Хакусы	природный парк	РБ	Северо-Байкальский	с расширением действующего заказника «Фролюхинский»
14	Слюдянские озера	природный парк	РБ	Северо-Байкальский	
15	Посольский Сор	природный парк	РБ	Кабанский	вместо действующих рекреационных местностей «Байкальский прибой – Култушная» и «Лемасов»
16	Селенгинская дельта (заповедник)	национальный парк (заповедник)	РБ	Кабанский	вместо действующего заказника «Кабанский»

Сохранения: ИО — Иркутская область, РБ — Республика Бурятия

Актуальными являются также необходимость межевания земель ООПТ с последующей их государственной регистрацией и проведение лесоустроительных работ.

Важной для современного состояния ОВПН «Озеро Байкал» является работа по планированию и организации новых ООПТ. В таблице 6 приведен перечень планируемых ООПТ в пределах ОВПН «Озеро Байкал». Приоритетной здесь является категория «природные парки» (12 из 16 основных планируемых ООПТ).

Следует признать бесперспективной сложившуюся практику простой ликвидации неэффективных ООПТ в границах ОВПН «Озеро Байкал» и приступить к реализации программы перевода одних категорий ООПТ (неэффективных) в иные (эффективные) категории. При замещении одних категорий ООПТ на другие и при создании новых ООПТ доминирующими должны стать ООПТ регионального статуса — «природные парки» и «рекреационные территории». Кроме того, необходимо стимулировать организацию ООПТ местного (муниципального) значения с обязательным переводом их земель в категории «земель ООПТ» или «земель рекреационного назначения». Следует особо отметить необходимость активизации процесса организации аквальных ООПТ на Байкале (Савенкова, 2002).

Проблемы использования и сохранения земель в пределах ОВПН «Озеро Байкал» связаны с тем, что они являются различными по категориям и статусу, в том числе и на охраняемых территориях, например, в национальных парках и заказниках. До сих пор не проведено требуемое в соответствии с новым земельным законодательством межевание всех входящих в ОВПН участков земель, и пока крайне затруднен перевод одних категорий земель в другие (в частности в земли рекреационного назначения и земли ООПТ) в соответствии с территориальным планированием, что в свою очередь не позволяет эффективно управлять территорией в целом.

Более 90% площади земель БПТ находится в государственной и муниципальной собственности. Находящиеся в частной собственности земли располагаются на территориях Мухоршибирского района Республики Бурятия, в Боханском, Эжирит-Булагатском и Баяндаевском районах Иркутской области (в бывшем субъекте РФ Усть-Ордынский бурятский автономный округ). Заметная часть БПТ занята землями лесного фонда. Наибольшим изменениям подвержены площади земель сельскохозяйственного назначения (уменьшаются) и земель поселений (увеличиваются). В таблице 7 представлено соотношение земель БПТ по категориям по состоянию на 2004 г.

В соответствии с Градостроительным кодексом РФ особому регулированию подлежит градостроительная деятельность (ст. 6) «... в случаях, если без введения специальных правил использование территории... невозможно или затруднено». В ЦЭЗ БПТ такими объектами градостроительной деятельности особого регулирования (ст. 4) могут быть территории традиционного проживания коренных малочисленных народов и территории ООПТ. *Территориями традиционного проживания коренных малочисленных народов* являются урочище реки Шегнанда эвенкийской родовой общины «Возрождение» и место компактного проживания эвенков в селе Холодное и его окрестности в части ОВПН на территории Республики Бурятия.

К *поселениям* в пределах ЦЭЗ БПТ, которые могут быть объектами градостроительной деятельности особого регулирования, относятся поселения в границах ООПТ, причем из них только поселок Давша в Баргузинском заповеднике напрямую связан с деятельностью ООПТ. Границы остальных населенных пунктов в большинстве определены или подтверждены в настоящее время комитетами по земельным ресурсам администраций муниципальных образований. Очевидно, что включение поселений в границы ООПТ стало следствием слабо обоснованных и недостаточно продуманных решений при организации в 1986 г. Прибайкальского и Забайкальского

Таблица 7

Соотношение земель в границах БПТ

№ п/п	Категория земель	Доля земель в БПТ, %
1.	Земли лесного фонда	67 %
2.	Земли сельхозназначения	13 %
3.	Земли водного фонда	8 %
4.	Земли особо охраняемых природных территорий	* 7 %
5.	Земли населенных пунктов	1 %
6.	Земли промышленности, транспорта и связи	2 %
7.	Земли запаса	2 %
итого:		100 %

Примечание*: Часть земель в границах ООПТ не являются землями охраняемых природных территорий, а землями сельхозназначения, лесного фонда (если не выведены из хозяйственного использования), поселений и госземзапаса, вследствие чего наблюдается существенные различие между общей площадью ООПТ и площадью земель ООПТ.

национальных парков, в 1991 — Тункинского. В свою очередь, границы национальных парков и проекты их функционального зонирования были определены исключительно в рамках проведенного до этого лесоустройства территорий соответствующего ведомства, и в дальнейшем границы Тункинского и Прибайкальского парков так и не были утверждены на правительственном уровне исполнительной власти. Первоочередным предложением по границам территорий населенных пунктов в пределах ООПТ является согласование и проведение натурного межевания земель населенных пунктов и земель ООПТ. Принципиальным для поселений в границах ООПТ является выделение *земель развития поселений*. Пока официально термина «земли развития поселений» не существует, но с учетом специфики доминирования рекреационного использования земель поселений на ОВПН «Озеро Байкал», такое понятие для объектов природного наследия в будущем необходимо будет ввести в градостроительное и земельное законодательство.

Важно обеспечить возможность перевода земель из одних категорий в другие (сельхозназначения, рекреационного назначения, земли поселений, госземзапаса и другие), а также перевода земель из одного статуса в другой (федеральный, региональный, местный или муниципальный). Однако основным препятствием в реализации процесса перевода земель является отсутствие до настоящего времени реально действующего механизма изменения категории и статуса земель. Процесс перевода упоминается в ст. 8 Земельного Кодекса. Последняя редакция федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (№ 111-ФЗ от 21.07.2005) устанавливает, что такой перевод допускается в исключительных случаях. При этом ранее «исключительные случаи» подразумевали только создание ООПТ, теперь — выделение земель природоохранного, историко-культурного, рекреационного и иного особо ценного значения. Закон в целом формален и нуждается в нормативных правовых актах, позволяющих создать действенный механизм перевода земель.

Для точного установления границ участков с различными функциями в пределах ОВПН «Озеро Байкал» необходимо упрощение процедуры перевода земель различных категорий в категории земель ООПТ, рекреационного значения и иного особо ценного значения. После уточнения границ поселений и выделения «зон их развития» следующим шагом должно быть включение обновленных данных в градостроительную документацию.

В целом, можно заключить, что наличие специального рамочного федерального закона «Об охране озера Байкал» и трех нормативных актов к нему, а также иных федеральных законов, не привело к возникновению единого институционального поля для ОВПН «Озеро Байкал», позволяющего эффективно решать декларируемые в перечисленных документах задачи.

Литература

1. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая, 1992. — № 3. — С. 90–99.
2. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Современное законодательство об охране и использовании наследия // Наследие и современность. — М.: Институт Наследия, 1997. — Вып. 5. — С. 3–14.
3. Гидроэнергетика и состояние экосистемы озера Байкал / А.А. Агutow, Н.М. Пронин, А.К. Тулохонов и др. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. — 281 с.
4. Государственный доклад МПР России о состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2004 году. — Иркутск: Изд-во «Опер. типография «На Чехова», 2005. — 338 с.
5. Денисов С.А. Бюрократический тип государства и права // Сборник научных трудов. — Вып. 9. Гуманитарные науки. — Ч. 2. — Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. — С. 3–24.
6. Калихман Т.П. Адаптация экосистем юга озера Байкал к антропогенным воздействиям // Глобальные и региональные особенности трансформации экосистем Байкальского региона. — Улан-Батор, 2008. — С. 115–122.
7. Максаковский Н.В. Всемирное природное наследие. — М.: Просвещение, 2005. — 396 с.
8. Савенкова Т.П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. — Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. — 185 с.
9. Савенкова Т.П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Атлас. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. — 96 с.

Логина Н.Н., Федотов Ю.Д.

Природное наследие в культурном ландшафте Республики Мордовия как основа туристско-рекреационной деятельности

Развитие процессов деградации окружающей среды и особенности развития социума определяют необходимость принятия определенных мер по сохранению объектов природного и исторического наследия.

В настоящее время в практику управления природопользованием все активнее входит понятие *природное наследие*. Внедрение в научный и управленческий обиход этой категории не является, чем-то случайным, а сама категория неизвестным ранее объектом. Использование нового понятия обусловлено современной экологической политикой, которая отражает приоритет природных ценностей в развитии человеческой цивилизации, новую постановку проблем взаимодействия общества с окружающей его природой.

Термин «*природное наследие*» стал широко использоваться с начала 70-х годов прошлого века. В 1972 г. была принята Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, к которой СССР присоединился в 1988 г. В Конвенции отмечается, что «каждое государство должно обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям объектов культурного и природного наследия» [2, с. 290]. Эта проблема остро стоит как в России, так и в ее регионах-субъектах. В последние годы снижено внимание к охране культурных ценностей, что отражается на состоянии национального ландшафта.

До настоящего времени единого подхода к выделению объектов по номинации «природное наследие» не выработано. Чаще всего под природным наследием понимается вся совокупность природных объектов региона, выраженная в сочетании уникальных и типичных для конкретного региона черт.

По определению Комитета всемирного наследия объекты природного наследия могут быть объединены в основные группы:

- Места обитания, убежища крупных животных, главным образом, в национальных парках;
- Водно-болотные угодья — это крупные озера, устья рек;
- Биосферные заповедники и национальные парки.

Однако, современное представление о природном наследии шире, чем трактовка в рамках Конвенции. Современная научная концепция не отождествляет понятие *природное наследие* только с биоразнообразием. Она расширяет это понятие за счет ландшафтного разнообразия. Такой подход позволяет по-новому на более высоком уровне рассмотреть взаимодействие природы и общества и выделить зоны *экологического равновесия*. Выделение зон экологического равновесия предназначено для сохранения биологического и ландшафтного разнообразия. По мнению профессора А.А. Ямашкина [5, с. 66], в выделенных зонах устанавливается наиболее строгий хозяйственный режим — всемерное ограничение развития промышленности, сдерживание роста населенных пунктов, расширение сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ), зон отдыха и туризма. Организация ландшафтов экологического равновесия сопряжена с созданием системы ООПТ. Основная функция ООПТ состоит в обеспечении устойчивости природной среды к внешним факторам, связанным с человеческой деятельностью. Проблема организации региональных ООПТ приобрела актуальность в связи с принятием концепции «устойчивого развития» (УР). Важнейшим условием УР является установление в регионе ландшафтно-экологического равновесия. В связи с этим особое значение приобретает проблема оптимального соотношения природно-хозяйственных и естественных геосистем. Решению этой проблемы способствует формирование эффективной системы ООПТ.

Для России проблемы формирования системы ООПТ на современном этапе становления рыночной экономики приобретают особое значение как обязательное условие для перехода регионов к устойчивому развитию.

В мире функционируют разнообразные системы ООПТ, в России насчитывается более 100 ООПТ федерального значения. Известны и широко распространены такие системы ООПТ, как: заповедники (государственные, биосферные, международные, пограничные); заказники (государственные, республиканские, областные, водные, ботанические, зоологические и пр.); национальные и природные парки; заповедно-охотничьи хозяйства, участки воспроизводства промысловых животных, нерестовые водоемы и акватории и пр.; памятники природы, природно-исторические зоны, мемориальные комплексы, музеи-заповедники; зоны традиционного природопользования коренных народов Севера и Дальнего Востока; леса первой группы (водоохранные, санитарные, на северном и южном пределах лесной зоны, орехоплодные, курортные, зеленые зоны городов, лесопарки и пр.).

Мировая практика все более расширяет список системы ООПТ, включая разного типа ареалы рекреационного использования и традиционного хозяйствования. Это, например, убежища дикой природы, управляемые резерваты, резерваты ресурсов и пр. Кроме того, существуют и чисто национальные формы ООПТ — ресурсовоспроизводственные, религиозные, лесохозяйственные и др.

Системы ООПТ способны выполнять регуляторные функции на разных пространственных уровнях, например, в одних случаях они выступают как крупные территории с природным режимом функционирования (заповедники и национальные парки Арктики, циркумполярного пояса бореальных лесов и африканских саванн); в других — они формируют сеть ООПТ более мелких размеров (например, в горах Центральной Европы, на равнинах Канады, восточном побережье США и пр.). И в том, и в другом случаях площадь земель, испытывающих мелиорирующее воздействие ООПТ, значительно больше площади самих ООПТ.

Основные цели создания системы ООПТ: поддержание экологического равновесия в регионе, сохранение природного и культурного наследия, сохранение биологического разнообразия, восстановление и воспроизводство природных ресурсов региона, обеспечение условий для развития рекреации и туризма и научно-исследовательской деятельности.

Особенно актуальным ландшафтно-экологическое планирование является в староосвоенных районах. К числу таких территорий можно отнести, например, Республику Мордовия (РМ). Выбор территории Республики Мордовия в качестве региона для исследования природного наследия определяется тем, что она отличается древностью освоения и обладает специфическими особенностями природы и исторического развития, обусловленными тесным сплетением славянской, угро-финской и тюркской культур. Все это в совокупности отражается в многообразии состояний культурных ландшафтов. Особенности природы и хозяйственного освоения территории РМ обусловили обособление в ее составе 10 культурных ландшафтов (природно-исторических систем культуры), в которых выделяются культурно-географические местности и локальные природно-исторические комплексы, различающиеся по функциям природной среды, историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностям.

Мордовия расположена в центральной части Русской равнины, в междуречье Оки и Суры, на стыке лесной и степной природных зон. Природа разнообразна — хвойные и широколиственные леса, реки и озера, болота и пески, меловые горы и т.д. Достаточно выгодным

является и географическое положение республики в центре европейской части России. Расстояние от Москвы до Саранска можно преодолеть за 11–12 часов на поезде, за 6 часов — на автомобиле, за 1 час — на самолете.

Региональную систему ООПТ составляют:

- природные государственные заповедники — территории строгого режима, где производственная и рекреационная деятельность строго запрещена;
- государственные заказники относительно строгого режима, где производственная и рекреационная деятельность сильно ограничена;
- национальные парки — территории смешанного природоохранно-рекреационного назначения с зонально-дифференцированным режимом, имеющие четко выраженный природоохранный профиль с обязательным развитием в них заповедных зон;
- памятники природы — территории смешанного природоохранно-рекреационного назначения.

По данным Министерства природопользования (2009 г.), региональная система ООПТ включает 106 особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Общая площадь современной системы ООПТ Мордовии более 200 тыс. га, что составляет более 10% от площади республики. Среди них Мордовский государственный природный заповедник им. П.Г. Смидовича, Мордовский национальный парк «Смольный», 6 охотничьих заказников, 98 памятников природы, куда вошли 36 ботанических, 28 водных, 23 комплексных, 3 геологических ООПТ и 8 зоологических.

Существующая в Республике Мордовия сеть ООПТ формировалась стихийно, вне единого плана, особо охраняемые природные объекты на территории размещены бессистемно, что характерно и для большинства территорий-субъектов Российской Федерации, поэтому основные цели и функции выполняются лишь в небольшой степени. Можно сделать вывод, что функционирующие в Мордовии ООПТ служат в основном сохранению биоразнообразия в регионе, а о поддержании экологического равновесия и сохранении природного и культурного наследия говорить сложно. Об экологической оптимизации ландшафтов в зонах экологического равновесия речь может идти только в случае функционирования усовершенствованной системы ООПТ. «Ландшафтно-планировочные мероприятия, намеченные в целях решения этой проблемы, должны основываться на модели оптимальной системы охраняемых природных территорий, которая должна быть функционально развитой, пространственно взаи-

мосвязанной и обладать региональной репрезентативностью (А.А. Ямашкин [5, с. 66]).

Система особо охраняемых природных территорий (ООПТ) играет важнейшую роль в сохранении типичных и уникальных природных ландшафтов, разнообразия растительного и животного мира, объектов природного и культурного наследия. Согласно Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» (от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ), к ООПТ относят участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны. В соответствии с этим законом в Республике Мордовия выделяются следующие категории ООПТ федерального значения:

1. Мордовский государственный природный заповедник им. П.Г. Смидовича, общей площадью 32,148 тыс. га расположен в междуречье Мокши, Сатиса и Арги, где сохраняет наиболее ценные типичные, эталонные и уникальные природные комплексы. Он играет ведущую роль и является высшей формой системы ООПТ республики. Образован был в 1935 г., а в 1936 г. получил статус государственного и на протяжении 80 лет играет огромную роль для сохранения растительного и животного мира. Расположен заповедник на правом берегу р. Мокши в Темниковском районе. Площадь охранной зоны 6 200 га, протяженность 72 км.

Основная цель его организации — сохранение в естественном состоянии уникального массива некогда знаменитых сосново-широколиственных Муромских лесов с естественным ходом развития исторически сложившихся растительных комплексов с характерными для них обитателями дубрав, лугов, водоемов. Типологическое разнообразие лесных культур, озер, животных и птиц позволяет рассматривать заповедник как природный музей. При сравнительно небольшой площади на территории заповедника наблюдается необычайно большое разнообразие представителей флоры и фауны.

В настоящее время флора заповедника насчитывает 783 вида высших сосудистых растений, из них 4 занесены в Красную книгу РФ. Кроме того, насчитывается 117 видов мхов и 144 вида лишайников. К редким растениям отнесены более 20 видов растений. Леса в основном южно-таежных пород с преобладанием сосны. Незначительные площади занимают еловые, дубовые и ольховые леса.

Фауна заповедника представлена 319 видами, из них — 61 вид млекопитающих (зубр, лось, пятнистый олень, кабан, медведь, рысь, бобр, выхухоль и др.). Зарегистрировано 212 видов птиц, некоторые из них относятся к таежным видам: сова полярная, кедровка, клест. Среди редких — аист черный, беркут, орлан белохвост, глухарь, рябчик, змеяяд и др.). В составе фауны 11 видов амфибий; 7 — рептилий; 30 рыб и около 1500 представителей беспозвоночных.

Заповедная территория служит своеобразным убежищем для растений и животных, где они находятся вне прямого антропогенного воздействия. На территории заповедника находится более 50 водоемов, преимущественно старицы Мокши разной степени зарастания. Самый крупный из них — оз. Инорка (глубина свыше 10 м).

Сотрудники заповедника разрабатывают научные основы охраны природы, сохранения биологического разнообразия, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов. На территории заповедника функционирует «Музей природы», где выставлено около 300 экспонатов, ежегодно приезжают более 5 тыс. туристов. Ежегодно издается «Летопись природы».

2. Мордовский государственный национальный парк «Смольный», площадью 36 385 га, открыт в 1995 г. в Ичалковском районе в пойме р. Алатырь. Находится в северо-восточной части Республики Мордовия, лежит на границе лесной и лесостепной зоны и характеризуется большим разнообразием живых форм, в том числе редких. Протяженность с запада на восток — 40 км, с севера на юг — 17 км. Национальный парк создан для сохранения особо ценных природных комплексов лесостепной зоны и использования их в природных, рекреационных и научных целях. Территория парка на 97% покрыта лесами. Растут преимущественно дубовые леса, сосновые боры с примесью ели.

В настоящее время в НП «Смольный» зарегистрировано 710 видов высших сосудистых растений, в том числе деревьев — 24 вида, кустарников — 30 видов и 65 видов мхов. 64 вида отнесены к числу редких, из них около 30 занесено в Красную книгу РМ. Например, пыльцеголовник красный и водяной орех «Чилим» — занесены в Красную книгу РФ.

Главные представители мира животных — рыси, волки, кабаны, пятнистые олени, лоси, куницы, лисы, белки. Из животных в настоящее время выявлено 42 вида млекопитающих, 189 видов птиц, 23 вида рыб, 10 видов амфибий, 5 видов рептилий. В парке встречаются 14 видов птиц, занесенных в Красную книгу России: орел могильник, большой подорлик, степная пустельга, кулик-сорока, филин, большой кроншнеп, серый сорокопут, малая крачка, орлан-белохвост, стрепет,

степной лунь, скопа. Парк является своеобразным резерватом бабочек — парусников, занесенных в Красную книгу.

Основные функциональные зоны парка: заповедная зона — 16,7% от площади парка, особо охраняемая — 69,4%, туризма — 4,4%, рекреации — 6,9%, обслуживания посетителей и хозяйственного назначения.

Заказники — это охраняемая природная территория, на которой временно или постоянно, полностью или частично запрещена хозяйственная деятельность. В РМ 9 охотничьих заказников. Они созданы на территории Ардатовского (1967 г. площадью 5 тыс. га), Атяшевского (1995 г. 4,3), Большеигнатовского (1973 г. 4,2) районов, «Залесный» в Старошайговском и Краснослободском районах (1998 г. 24,4), в Zubovo-Полянском (1969 г. 11,8), Краснослободском (1967 г. 6,5), «Лесной» в Атюрьевском, Zubovo-Полянском и Торбеевском районах (1999 г. 1,23), «Присурье» (2002 г. 12,4), в Чамзинском (1998 г. 5,4 тыс. га) районе. Перечисленные заказники созданы для сохранения, воспроизводства и восстановления численности диких копытных животных, речного бобра, выхухоли, боровой и водоплавающей дичи, а также экосистем.

Кроме того, на территории РМ функционируют 2 ландшафтных заказников. Это — Симкинский (Большеберезниковский район) — для сохранения соснового леса и пойменных лугов, и Левженский (Рузаевский район) — для сохранения лугово-степного природного комплекса. Функционируют 2 заказника для охраны дикорастущих лекарственных трав в Ковылкинском и Краснослободском районах.

Среди памятников природы Мордовии выделяется озеро Инерка. «Инерка» в переводе с мордовского языка означает «Великое озеро» (от слов «ине»- великое и «эрьке» — озеро). Оно является озером-старицей в пойме Суры и расположено на высоте 100 м над уровнем моря в Большеберезниковском районе. Длина озера — 4 100 м, а ширина до 200 м. Площадь зеркала воды — 56,3 га. Максимальная глубина 11,2 м. Температура воды летом в жаркую погоду достигает до +24°C. Зимой вода замерзает. Цвет воды голубовато-зеленоватый, с хорошо выраженным коричневато-желтоватым оттенком, прозрачность воды до 2 м. Вода в озере пресная. По биологической классификации Инерка относится к эвтрофному типу, т. е. к группе озер, отличающихся богатством кормовой базы. На берегах озера расположена рекреационная зона.

Кроме особо охраняемых природных территорий важное природоохранное, экологическое и туристско-рекреационное значение имеют заповедные лесные участки, особо ценные лесные массивы, леса, имеющие научное и историческое значение, генетические ре-

зерваты, участки леса в местах обитания и распространения реликтовых, эндемических, ценных, редких и находящихся под угрозой исчезновения растений и животных. Суммарно все эти и другие формы охраняемых природных зон, находящихся на территории лесного фонда, занимают около 150 тыс. га.

Основными составляющими туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия являются реки и озера, поэтому наибольшую рекреационную освоенность ландшафтов имеют районы, обладающие объектами природного наследия. В совокупности с объектами культурного наследия эти территории имеют высокий рекреационный потенциал (рис. 1). Именно по их берегам располагается основная часть рекреационной инфраструктуры. Основные водные объекты это реки Мокша, Сура, Алатырь, Вад, Исса, Инсар и озеро — Инерка, в районе которого функционирует ряд объектов с рекреационной деятельностью. Особенно выделяется дом отдыха «Лесное озеро».

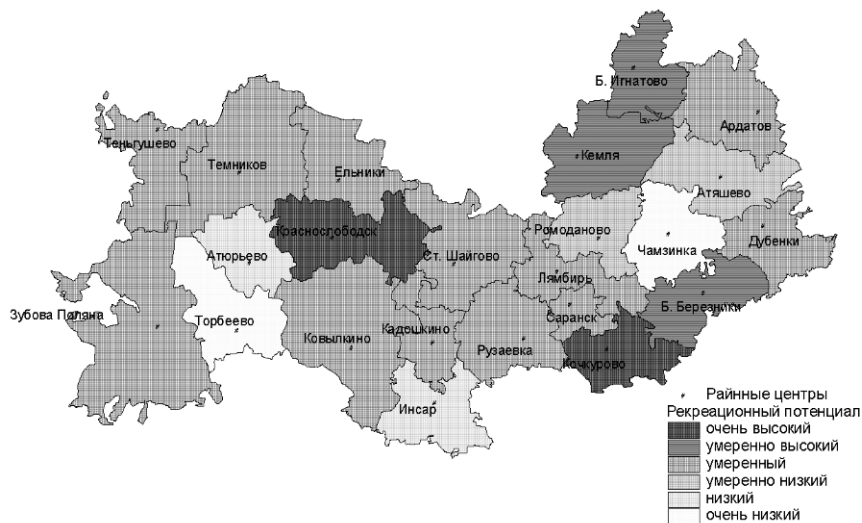
Рекреационное значение имеют лечебно-столовые минеральные воды, предназначенные для лечения органов пищеварения. Они встречаются на трех участках: Саранском, Ковылкинском и Яснополянском. Большую рекреационную ценность имеет растительный покров Мордовии, особенно леса, где преобладают широколиственные породы деревьев — это дубравы с примесью березы, липы, осины, ивы. Большое значение имеет рекреационный потенциал собира-

тельства — «тихая охота». Для населения Республики Мордовия традиционным является сбор ягод, грибов, орехов, плодов, лекарственных трав. Этот вид деятельности сам по себе несет мощный рекреационно-оздоровительный «заряд» для пожилых людей.

В комплексе рекреационных ресурсов особое место занимают культурно-исторические ресурсы, расположенные в населенных пунктах республики. Это памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, документальные памятники. Именно благодаря туризму осуществляется культурный обмен между народами. Памятники народного искусства мордвы имеют многовековые традиции и своими корнями уходят в далекое прошлое. На территории Мордовии можно найти и посмотреть металлические ювелирные изделия, скульптурки из кремня, древнейшие предметы вооружения. Всего на территории Мордовии известно 43 укрепленных поселения — городища. Некоторые из них возникли в железном веке. Все найденные предметы можно посмотреть в музеях. Среди историко-культурных памятников на территории Мордовии, доступных для пожилых людей, можно выделить Атемарский вал в Лямбирском районе, возникший в XVII в., памятник Е. Пугачеву, что стоит на развилке улиц Короленко и Волгоградской в Саранске. Среди памятников архитектуры и градостроительства выделяются Иоанно-Богословская церковь в Саранске на ул. Демократической, Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова в Саранске, Никольская церковь в Ельниковском районе и многие другие объекты. Религиозно-туристские центры появились не только в столице республики, но и в Ардатовском, Атяшевском, Рузаевском, Темниковском и Zubovo-Полянском районах. В настоящее время на территории Мордовии действуют более 200 приходов и монастырей.

Культурно-познавательные мотивации являются ведущими в краеведческих экскурсиях. Объекты культурного наследия на территории Мордовии становятся местами паломничества все большего числа туристов. Региональная туристско-краеведческая политика должна быть направлена на удовлетворение потребностей не только молодого, но и пожилого населения республики. Пожилых людей, особенно активных пенсионеров, следует все шире завлекать в места отдыха и туризма. Природные объекты, и особенно объекты культуры мордовского народа представляют большие потенциальные возможности для развития различных видов туризма, отдыха, оздоровления и лечения пожилых людей нашей республики.

В заключении можно сделать вывод, что наибольшее разнообразие памятников природного и исторического наследия характерно

Рисунок 1. Природно-рекреационный потенциал административных районов Республики Мордовия

для долинных ландшафтов, которые издревле являлись важнейшими трассами хозяйственного освоения региона.

Важнейшими направлениями оптимизации использования и сохранения природного наследия в культурных ландшафтах Мордовии являются:

- 1) составление кадастра объектов природного наследия, определение рекреационной и экономической ценности объектов наследия;
- 2) обеспечение развития культурного ландшафта на путях возрождения народных традиций, ремесел, традиционных форм природопользования;
- 3) выявление факторов, способствующих разрушению культурного ландшафта и организация мониторинга состояния объектов природного наследия;
- 4) разработка комплекса мер по обеспечению сохранности пейзажной привлекательности ландшафта и повышению имиджа элементов природного наследия;
- 5) развития социальной и транспортной инфраструктуры и проведение инвестиционных кампаний для привлечения средств на сохранение и восстановление объектов наследия.

Литература

1. Государственный доклад «Состояние природных ресурсов и охрана окружающей среды Республики Мордовия в 2005 г.» / Министерство природных ресурсов; Редколл.: В.Т. Шумкин, А.Н. Макейчев, В.Н. Сафонов, А.А. Ямашкин и др. — Саранск, 2006. — 140 с.
2. Конвенции об охране всемирного и культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. — М., 1993.
3. Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / Науч. ред. и сост. А.А. Ямашкин. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 204 с.
4. Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А — М; Т. 2: М — Я / Редкол.: А.И. Сухарев (гл. ред.), В.А. Юрченков (зам. гл. ред.), П.П. Кузнецов (отв. секретарь) и др.; НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. — Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 2003. — 576 с.
5. Ямашкин А.А. Природное и историческое наследие культурного ландшафта Мордовии: монография / А.А. Ямашкин. — Саранск, 2008. — 164 с.

Замятина Н.Ю.

«Гений места» как ресурс регионального развития: К.С. Петров-Водкин и «художественная» линия развития Хвалынска

Четкий, внятный, уникальный имидж — одно из важнейших условий успешного развития территории. Различимость места, его отличие от других — залог его успешного включения в современное экономическое пространство, даже если речь идет о таких, казалось бы, неэкономических отличиях как наличие в городе старинной библиотеки или архитектурного памятника [Котлер]. В некоторых случаях для экономического подъема города оказывается достаточно, например, сооружения уникального архитектурного объекта (как это было в Бильбао, Испания). Во многих городах процветание основано на так называемой экономике событий — когда основные поступления в бюджет связаны с проведением регулярных масштабных фестивалей, выставок, конференций и т.д.

Таким образом, ресурсы развития могут быть самые широкие: природные, ландшафтные, исторические особенности, местные легенды, достопримечательности, экономические достижения прошлых лет, современные фестивали и ежегодные праздники. Один из возможных ресурсов развития территории — историко-культурное наследие, связанное с деятельностью выдающихся творческих личностей.

Город Хвалынск на Волге, в Саратовской области — родина выдающегося художника К.С. Петрова-Водкина (1878–1939). Но Петров-Водкин не только запечатлел пейзажи Хвалынска на своих полотнах, но и подробно описал в автобиографической повести этапы своего становления как художника в связи с особенностями местного общества, ландшафта, перипетий истории и собственной биографии. Таким образом, Хвалынск — великолепный «полигон» для изучения взаимосвязей между становлением творца, его деятельностью и особенностями и развитием места.

Книга воспоминаний Петрова-Водкина «Хлыновск» позволяет реконструировать «петрово-водкинский» ландшафт города. Родной дом Кузьмы Сергеевича, правда, не сохранился, но известно, что он

стоял примерно в том районе, где сегодня причаливает паром. Дом в верхней части города (в бывшей слободе кузнецов), который юный Петров-Водкин купил для своей матери на первый крупный гонорар, превращен в музей художника. Не сохранились построенная позже дача, расписанная художником церковь; почти не сохранился дом купца Михайлова, где мать Кузьмы была в услужении, и которому посвящена отдельная глава воспоминаний («Дом с колоннами»). Зато известны некоторые точки маршрутов Петрова-Водкина: на заработки в поселок Алексеевку (художник описал свои впечатления, испытанные на холме под Алексеевкой, когда мир предстал его взору в своей сферичности — впечатления, ключевые для понимания всего его творчества¹), визиты к старобрядцам в монастыри в Черемшанах в «надхвалынских» горах, едва не закончившаяся гибелью переправа через волжскую протоку на Сосновый остров и др. Благодаря книге воспоминаний художника в Хвалынске мог бы родиться уникальный по насыщенности ассоциативный ландшафт.

Как и при художнике, Хвалынск лежит в окружении меловых гор (Приволжская возвышенность) как в белой чаше, с колечком яблоневых садов вокруг донышка. Сады, правда, почти заброшены, а волжский пейзаж (с протокой и островом) безвозвратно изменен водохранилищем. Как и многие волжские города, Хвалынск отрезан от Волги — заткнутой водорослями водной пустоты до горизонта — уродливой бетонной дамбой, служащей, тем не менее, местом купаний, вечерних встреч и «тусовок».

Есть, однако, аспект жизни города, не отделимый от образа Петрова-Водкина. На протяжении практически всего XX — начала XXI в. в Хвалынске не прерывалась традиция художественного творчества.

Предтечей формирования художественной традиции в Хвалынске является деятельность иконописцев-старобрядцев. Известно, что она оказала непосредственное влияние на К.С. Петрова-Водкина (впечатления юного Кузьмы от общения с иконописцем Филиппом

¹ «Здесь, на холме, когда я падал наземь, предо мной мелькнуло совершенно новое впечатление от пейзажа: <...> я увидел Землю как планету. Обрадованный новым космическим открытием, я стал повторять опыт боковыми движениями головы и варьировать приемы. Очертя глазами весь горизонт, воспринимая его целиком, я оказался на отрезке шара, причём шара полого, с обратной вогнутостью, — я очутился как бы в чаше, накрытой трёхчетвертьшарием небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме. Самое головокружительное по захвату было то, что земля оказалась не горизонтальной и Волга держалась, не разливаясь на отвесных округлостях её массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене». [Петров-Водкин 1982: 271]

Парфенычем подробно описаны в его «Хлыновске»: *Петров-Водкин 1982: 272–277*).

У местного хвалынского иконописца начинал учиться и В.Ф. Орехов (1875–1942), позже учившийся в Императорской Академии художеств и частной свободной Академии Гранд Шомьер в Париже, ставший в конце концов археологом, директором Хвалынского краеведческого музея [*Перегородова*]. Ровесниками Петрова-Водкина и Орехова были и художник И.А. Елатонец (1873–1950), родившийся в старообрядческой хвалынской семье, художник Г.Г. Платонов (1880–1922), рано умерший от тифа, Л.А. Радищев (1870–1945) — один их потомков А.Н. Радищева, также не чуждый живописи; его сестра была замужем за В.Ф. Ореховым. Все четверо знали друг друга, общались, бывали друг у друга в гостях [*Бородина 2006b, 2008*]. Помимо названных «звезд», с Хвалынском связаны имена и других художников рубежа XIX–XX вв.: здесь жили в детстве художники Л.Ф. Пищалкин (1873–1930) и Д.И. Громов (1895–1942), родились красноярский (впоследствии) художник И.И. Ляхов (1890–1944), московский художник И.П. Ендунов (1892–1962). [*Бородина 2008*] Впрочем, если бы не Петров-Водкин, благодаря которому тема «родины художника» была подвергнута в Хвалынске самому тщательному анализу, еще не факт, что город обрел бы внятный образ «города художников»².

Именно деятельность ряда названных фигур — особенно Петрова-Водкина, Елатонцева и Орехова — сыграла ключевую роль в формировании Хвалынска как центра художественного творчества.

В частности, известно, что Кузьма-Сергеевич непосредственно помогал В.Э. Борисову-Мусатову³ снять «крошечную дачку с открытой верандой, на которой неустанно шипел самовар и пахло малиной и бергамотом» у Пелагеи Челинцевой над нижним черемшанским прудом» [*Платонова*] под Хвалынском. В Черемшанах располагался старообрядческий мужской монастырь, но, по-видимому, местечко

² Хотя и утверждается, что уже до революции Хвалынск обрел славу «городка художников», информация о значительной части хвалынских художников была собрана буквально по крупицам именно в последние годы [*Бородина 2008*]. Тем самым, уже сложившийся образ работает на самоусиление и в ретроспективном аспекте.

³ Любопытно было бы проследить «географический аспект» творческого общения Петрова-Водкина, а также саратовских художников П. Кузнецова и П. Уткина: они сдружились в Москве, в Московском училище ваяния и зодчества — но как бы по принципу землячества — и уже из Москвы вместе приехали в Саратов, где общались с Борисовым-Мусатовым [*В поисках... 2005*]. Здесь есть интересный выход на роль землячеств в развитии места.

уже постепенно превращалось в дачное [Платонова]. Поселившись там с женой и сестрой, Борисов-Мусатов написал здесь знаменитое «Изумрудное ожерелье».

В свою очередь, Елатонцев, отправившись учиться в Астрахань, вскоре «привез оттуда в родной Хвалынск на пленэры целую плеяду астраханских художников под руководством Власова: (П.А. Власов приезжал со своими учениками — Б.М. Кустодиевым, И.С. Горюшкиным-Сорокопудовым и И.А. Елатонцевым в Хвалынск на этюды в 1895 г.). [Бородина 2006b]

Позже, в 20-е годы XX в. «художественный текст» Хвалынска пополнил известный график П.В. Митурич. Митурич приезжал в Хвалынск по приглашению еще одного хвалынского художника — обосновавшегося в Москве Едунова — с женой — Верой Хлебниковой, живописцем, сестрой Велимира Хлебникова, и маленьким сыном. Творческая семья останавливалась в комнате особняка, с высоким крыльцом и балконом; Митурич запечатлел Веру Хлебникову с сыном Маем на крыльце этого знаменитого в Хвалынске дома (в «Хлыновске» Петров-Водкин называет его «домом с колоннами»): здесь жил в детстве и К.С. Петров-Водкин — правда, в качестве сына прислуги (у Едунова одно время служила мать Петрова-Водкина).

«Параллельно» в 1910-е гг. в имени Александрия графа А.О. Медема близ Хвалынска работали над иконостасом для церкви «мироискусник» Д.С. Стеллецкий и знаток древнерусской живописи — В.А. Комаровский; а в Гражданскую войну в Хвалынск попали художники П.П. Соколов-Скаля и Р. Гершанник [Бородина 2006b]. Хвалынская деятельность названных творцов — едва ли не исключение, поскольку никак не соединяется (во всяком случае, по имеющимся у нас данным) с основным, «петрово-водкинской» стволем.

Между тем прямые побеги «петрово-водкинского» ствола живут до сих пор. В советское время Елатонцев (напомним: ровесник и друг Петрова-Водкина) преподавал в Хвалынске. Прямым учеником Елатонцева был художник Г.И. Лбов, чьи детские картины были отмечены Ореховым [Романтик...]; Лбов, в свою очередь, преподавал в школах и изостудии при Доме пионеров, у него учился художник Сергей Серов (уроженец Хвалынска, живущий в настоящее время в Балаково, но проводящий в Хвалынске «творческое лето»).

Сергей Серов — один из членов нового «культурного гнезда» (здесь мы так называли небольшую группу личностей, взаимно обеспечивающих необходимую творческую среду и взаимную поддержку), сформировавшуюся в Хвалынске в 70–90-е годы XX в. Безусловным

«центром» этого нового культурного гнезда был недавно скончавшийся В. Поляков, блестящий график и исключительный эрудит, литератор, сыгравший огромную роль в становлении краеведческой литературы Хвалынска и по рассказу С. Серова — человек, во многом создававший творческую атмосферу города [Бородина 2008, Хвалынские...]. Значительную роль сыграло также периодическое пребывание в Хвалынске художницы, графика, скульптора В.Н. Челинцовой (1906–1981), кстати, племянницы женщины, сдававшей жилье Борисову-Мусатову, а также внучка художника-любителя [Платонова]. В круг общения Челинцовой входили А.П. Радищева, племянница художника Льва Алексеевича Радищева, и Татьяна Петровна Боевая — дочь директора Боголюбовского рисовального училища; хвалынские художники В.В. Дудаков, которого Челинцова считала своим учеником, одарённым от природы чувством цвета, и С. Серов, как и Челинцова, занимавшийся тогда книжной графикой [Бородина 2006d].

Еще одна линия творческой жизни Хвалынска, «ветвящаяся» от П.А. Власова и Астраханского художественного училища — деятельность многолетнего руководителя хвалынского краеведческого музея Фёдора Григорьевича Пичиенко (1916–1998). Пичиенко приехал в Хвалынск в 1937 г. «по следам» хвалынских пленэров Власова и его учеников (роль Власова в выборе Хвалынска известна [Бородина 2006a]); а в Хвалынске, работая учителем рисования, тесно общался с В.Ф. Ореховым. В 1963 г. Пичиенко возглавил краеведческий музей, на долгие годы став «заводилой» художественной жизни города.

Челинцова, Пичиенко, Поляков не только создавали творческую среду друг другу — они *привозили*⁴ в Хвалынск художников из других городов. Вот здесь образ «родины Петрова-Водкина», как личный пример также мог сыграть значительную роль. В свою очередь, роль «привоза» художников из других городов в небольшой⁵ (чуть более 10 тыс. чел.) провинциальный город в его развитии как центра художественной жизни сложно переоценить.

⁴ «В эти годы привозили своих друзей художники, родившиеся или жившие в Хвалынске: В.Н. Челинцова (1906–1981), под крылом которой набирались сил будущие «патриархи» хвалынского движения, Ф.Г. Пичиенко (1916–1998), учившийся в Астрахани у П. Власова и поддерживающий связь с астраханскими художниками, В.В. Поляков (1936–2005), друживший с художниками Пензы и Самары». [Бородина 2006c]

⁵ В фильме Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» герой Пуговкина измеряет достижения СМУ в «хвалынских».

В настоящее время «идеологическим» центром творческой жизни Хвалынска является энергичная ученица Ф.Г. Пичиенко В.П. Бородина — директор Художественно-мемориального музея К.С. Петрова-Водкина (филиал Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева), огромную работу проводят другие сотрудники музея. Важнейший элемент художественной деятельности современного Хвалынска — продолжение его «экстравертной» традиции «привоза» художников. Проводятся пленэры [см., например: *Августовские...*] и регулярные конференции, подробнейшая информация о которых с апреля 2009 г. доступна в Интернет (http://www.radmuseumart.ru/project/index.asp?page_type=2&id_header=163). Конференции, а также регулярные пленэры, собирающие в Хвалынск художников из Саратова и многих других городов России (от Подмосковья до Сибири) оказывают периодическую мощную «подпитку» творческой жизни Хвалынска. Кроме того, в Хвалынске действует художественное отделение Хвалынской школы искусств, «взрослая» художественная студия «Этюд» под руководством Т.В. Милушкиной, и «просто» самодеятельные художники. Музеем Петрова-Водкина проводятся «народные вернисажи». Все это, безусловно, позволяет считать Хвалынск мощным (по меркам российской провинции) художественным центром.

Первичное формирование художественной жизни Хвалынска видится нам следствием стечения следующих факторов:

- случайное сочетание в одном городе нескольких творческих личностей (в первую очередь, Петрова-Водкина и Елатонцева), создававших друг другу благоприятную творческую атмосферу;
- природные особенности окрестностей Хвалынска, обусловившие развитие города как курорта⁶, существенно упростившее расширение творческого кружка, организацию пленэров и т.п.;
- непосредственная деятельность ряда творческих личностей, создающих друг для друга творческую среду общения, привлекающих в Хвалынск новых творческих личностей, способствующих непосредственной передаче художественных навыков из поколения в поколение (художественное образование).

Развитие творческой жизни в Хвалынске в целом представляется нам отличной моделью формирования и поддержания функционирования *культурного гнезда*. Культурное гнездо Хвалынска сложилось

⁶ Роль ландшафтного фактора в формировании Петрова-Водкина и других местных уроженцев как художников представляется нам настолько сильно опосредованной социальными, семейными и личностными обстоятельствами, что мы предпочитаем ее специально не рассматривать.

под влиянием как объективных, так и случайных факторов, а функционировало во многом за счет «саморазвития», ключевым фактором которого является сложившаяся творческая среда и взаимная поддержка нескольких творческих личностей — что-то вроде «*эффекта агломерации*», перенесенного в культурную жизнь. Важнейшую роль в поддержании функционирования культурного гнезда играла и играет *внешняя творческая подпитка* («привоз художников») местной художественной жизни — впрочем, обеспечиваемая энергией местного художественного сообщества. По-видимому, именно мощная энергия местной художественной среды в большей (во всяком случае, не в меньшей) степени, чем «имидж» родины великого художника, способствует поддержанию функционирования места как «культурного гнезда». Что касается деятельности Петрова-Водкина, то она послужила «спусковым механизмом», запустившим, в сущности, относительно автономный механизм функционирования «культурного гнезда».

Обратимся, однако, к довольно интересному феномену: в творчестве работающих в Хвалынске художников иногда отчетливо проявляются петрово-водкинские приемы и мотивы. Наиболее ярким примером служит «сферичность» некоторых картин Сергея Серова: (например, автопортрет), есть и полотно, изображающее самого Петрова-Водкина в Хвалынске; знаменитые же яблоки и вовсе повторяются у С. Серова из картины в картину — как, впрочем, и в хвалынских картинах Петрова-Водкина. Конечно, большинство полотен, написанных различными художниками в ходе хвалынских пленэров, напрямую не связаны с творчеством Петрова-Водкина (во всяком случае, на непрофессиональный взгляд). Тем важнее «петрово-водкинские» мотивы в творчестве коренного хвалынчанина Серова⁷, в картинах местных непрофессиональных художников. И совсем уж нагляден пример самодеятельной художницы Н.П. Федоренко: будучи профессиональным юристом, она поселилась в Хвалынске по семейным обстоятельствам и начала писать наивные картины, которыми вскоре

⁷ Директор музея К.С. Петрова-Водкина В.И. Бородина отмечает, впрочем, что «художники, которые приезжают сюда... в большинстве своём совсем не пишут картин «по образу и подобию» петрововодкинскому. Хотя Вы [обращение к Н.З.] «притягиваете» работы Сергея Серова, но эта связь внешняя, пожалуй, больше сюжетная, нежели художественная, мировоззренческая» (из переписки с Н.З.). Тем не менее, нам эта сюжетная связь важна — характерно, что наиболее сильно она проявляется у местных и самодеятельных художников, и действительно, менее всего — у художников приезжих и «организованных».

стала увешана ее юридическая контора, в том числе творческие копии Петрова-Водкина: «Купание розового коня», «Богоматерь» и т.п.

В проявлении петрово-водкинских мотивов в творчестве современных художников — как профессиональных, так и любителей — мы склонны видеть уже не столько живописную традицию, сколько некое новое явление. Оно может быть описано как специфический хвалынский «нарратив» в живописи — и, по-видимому, как этап становления специфического «живописного текста» Хвалынска. В основе данного явления как бы лежит подспудное представление о том, что:

- а) Хвалыnsk располагает к занятию живописью (вариант: живя в Хвалынске **надо** заниматься живописью⁸);
- б) Хвалыnsk располагает к написанию особого рода картин (по образцу Петрова-Водкина).

Таким образом, хвалынская живописная традиция выходит за рамки чисто технического поддержания традиции и даже самоподдержания «культурного гнезда»: рисуют потому, что есть учителя рисования. Создание картин «в духе» Петрова-Водкина оказывается как бы своеобразной формой **практики поддержания местной идентичности**, или формой проявления и поддержания идентичности на до-мифологическом уровне — что-то вроде локального обряда. Мы склонны предположить, что подобное как бы обрядовое поведение в творчестве — важный механизм поддержания культурных гнезд и локальных текстов и в итоге — создания локальных мифов.

Сочетающий столь разносторонние аспекты художественной жизни, Хвалыnsk — великолепный «материал» для развития маркетингового проекта. Стратегия развития Хвалынска, очевидно, должна находиться в сфере туризма. В дополнение возможно и развитие местной промышленности, по преимуществу пищевой, в том числе основанной на переработке яблок; сувенирной и т.п.

Как и во многих малых городах, в Хвалынске, по сути, давно развивается индустрия воспитания детей (если можно так назвать детские дома, особенно многолюдные в годы войны, но существующие и сегодня); в Хвалынске даже стоит памятник в знак приема городом детей-сирот. Современные малые города, сохраняя красивый ланд-

⁸ Любопытный факт сообщила директор музея К.С. Петрова-Водкина В.И. Бородин: «Тут на днях ещё об одной такой хвалынской жительнице узнала: вышла наша девушка замуж за итальянца, живёт в Италии в г. Александрия, сидит дома с двумя детьми, ей уже к 40 годам и вот вдруг она начинает там писать картины, на которых Хвалыnsk... Говорят, уже в Риме её выставка была. Вот, и там пробился этот хвалынский дух...» (из письма).

шафт и относительную экологическую чистоту, постепенно превращаются в инкубаторы по воспитанию здорового поколения (и особенно летнего отдыха детей). Для поддержания данной функции малый город должен обеспечить помимо стандартных медицинских и образовательных услуг доступные источники дополнительного образования — кружки, секции, спецшколы, а также для отдыха, занятий спортом. Все это как минимум дополнительные рабочие места для местных жителей. Большинство названных линий развития Хвалынска могут быть связаны с идеей дома, гостеприимства, уюта, а также здоровья.

Что касается имиджевых ресурсов, то в Хвалынске они уникальны по набору и степени готовности. Основные элементы образа города сложились еще до революции. Образ типичного волжского города — торгового, с оживленной пристанью, с особым волжским характером жителей, с характерными легендами о разбойниках; Сосновый остров на Волге как место основания и «житница» города (был затоплен при образовании Саратовского водохранилища), один из главных мифов города; яблоки: яблочные сады, вкусные местные сорта, обширная география «поставок» местных яблок; целебные источники, пригородный курорт Черемшаны, зона отдыха; уникальные для европейской части России по высоте и красоте меловые горы.

Заметим, что окончательный выбор стратегического имиджа Хвалынска невозможен без детального анализа перспектив его развития. Тем не менее уже на данном этапе очевидна репрезентация итогового имиджа Хвалынска.

Творчество Петрова-Водкина: библиотека хвалынских брендов

В XX в. к образу Хвалынска добавляется его представление как уникального гнезда художников, родины Кузьмы Петрова-Водкина и целой плеяды других деятелей искусства. Далеко не каждый малый город России отмечен на стольких полотнах. Хвалынская живописная традиция предоставляет практически готовую базу для продвижения имиджа Хвалынска. Книга Петрова-Водкина «Хлыновск» — по сути, готовая энциклопедия хвалынских брендов: здесь и Волга, и яблоки, и Хвалынские горы. Живопись художника — это коллекция уникальных образов хвалынского пространства.

Наследие Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина можно рассматривать как уникальный и абсолютно не используемый в данный момент ресурс продвижения практически любой хвалынской продукции — от яблочного джема (производимого не просто из яблок, а из знаменитых хвалынских яблок, воспетых еще Петровым-Водки-

ным) до горнолыжного курорта. Ведь хвалынский курорт расположен не просто на Приволжской возвышенности, не просто обладает такими-то параметрами склонов и набором услуг — он находится в действительно уникальном ландшафте, вскормившем творчество выдающегося художника. Странно, что это явная особенность, выделяющая хвалынский горнолыжный курорт в ряду других, никак не используется для его рекламы.

Образы Хвалынска у Петрова-Водкина настолько универсальны, четки и емки, что могут смело использоваться для «маркирования», выделения Хвалынска при почти любой траектории развития города.

Для осуществления данной идеи необходимо минимум два шага. Первый: выбор наиболее выгодных живописных образов Хвалынска и создание из них «библиотеки бренда» (при адекватном разрешении проблемы авторских прав). Второй: петрово-водкинский «Хлыновск» в идеале должен продаваться, что называется, на каждом углу, дополненный красочной картой, соотносящей то или иное место книги с реальным современным пространством.

Литература

1. *Бородин В. 2006d.* «Там всюду след души моей...» (Хвалынская страница в жизни В.Н. Челинцовой) // Новости Радищевского музея / Новости музейной жизни. 17.11.2006. http://www.radmuseumart.ru/news/index.asp?page_type=1&id_header=2324
2. *Бородин В. 2006a.* Жизнь — горенье // Новости Радищевского музея / Новости музейной жизни. 4.2.2006. http://www.radmuseumart.ru/news/index.asp?page_type=1&id_header=1869
3. *Бородин В. 2006b.* Край вдохновения // Хвалынк-Сити / События. 10.07.2006 <http://hvalynskcity.narod.ru/Menu2/20060710/Index.htm>
4. *Бородин В. 2006c.* Хвалынские пленэры. Страницы истории // Новости Радищевского музея / Новости музейной жизни. 31.8.2006. http://www.radmuseumart.ru/news/index.asp?page_type=1&id_header=2208
5. *Бородин В.И.* Гений места или место гения // Министерство культуры Российской Федерации / Новости / Культурная жизнь регионов. 27.03.2008. <http://mkrf.ru/news/regions/detail.php?id=56351>
6. Будущее Балашова // Наш Балашов. Первый общегородской форум. <http://bls.6bb.ru/viewtopic.php?id=229>
7. В поисках самих себя: В. Борисов-Мусатов и К. Петров-Водкин // Музеи России / Новости музеев. 28 августа 2005. <http://www.museum.ru/N23431>

8. *Визгалов Д.В.* Города — лучший брэнд России // Городской альманах. Вып. 3. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 7–20.
9. Город Хвалынк // Министерство по развитию спорта, физической культуры и туризма Саратовской области. Туристические маршруты. Туры по историческим городам Саратовской области. <http://www.saratovsport.ru/index.php?mod=articles&action=view&cid=54&aid=2048>
10. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Гений места и город: варианты взаимодействия. Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2007. № 1 (35). С. 62–87.
11. *Замятина Н.Ю.* Стратегии создания образов субъектов Российской Федерации и региональная идеология («почвеннический» контекст) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 94–108.
12. *Котлер Ф., Асплунд К. и др.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — 376 с.
13. *Митин И.И., Замятина Н.Ю.* Гуманистическая география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев — Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 150.
14. *Наумов А.В.* Изумрудное ожерелье Хвалынска. Туристский путеводитель по Хвалынскому району. М., — Хвалынк, 2006
15. *Перегородова А.* Археолог, зачарованный живописью. (К 135-летию со дня рождения В.Ф. Орехова) // Новости радищевского музея. http://www.radmuseumart.ru/news/index.asp?page_type=1&id_header=3037
16. *Петров-Водкин К.С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. — 2-е изд., доп. — Л.: Искусство, 1982. — 655 с., портр.
17. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.
18. *Платонова Е.* От ожерелья к ожерелью // Новости Радищевского музея http://www.radmuseumart.ru/pages/index.asp?id_pages=393&id_header=6
19. Романтик детских сердец. К 80-летию художника Г.И. Лбова // Музеи России / Новости музеев <http://www.museum.ru/N19606>
20. Хвалынские августовские созерцания // Правительство Саратовской области / Новости. 14.08.2000. <http://www.saratov.gov.ru/news/events/detail.php?ID=8249>

Глава 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Лейзерович Е.Е.

Роль экономико-географического положения в формировании различий социально-экономической ситуации внутри субъектов РФ (на примере Тверской области)

Географы Тверского государственного университета выпустили книгу, содержащую развернутую оценку социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях Тверской области (1). В книге для пяти самых больших городов области и всех 36 сельских административных районов предложены показатели социального благополучия и экономической активности, а также социально значимые показатели. В основном на 2000–2002 гг.

Оценка социального благополучия дана по пяти показателям (1, С. 58–59): доля населения старше трудоспособного возраста; индекс бедности, рассчитанный по числу детей, получающих пособие; доля сельского населения, проживающего в населённых пунктах людностью менее 200 человек; доля сельского населения, проживающего вне зоны социально гарантированного расселения; доля сельского населения, проживающего в населённых пунктах без основных и средних школ.

Показатели экономической активности — их четыре, касаются инвестиций в основной капитал и ввода в действие жилья (1, С. 62–63).

Социально значимые показатели — их приводится шесть (1, С. 60–61) — это среднемесячная заработная плата занятых в экономике, доходы бюджета на одного жителя, уровень и средняя продолжительность безработицы, сальдо миграции, данные о преждевременной смертности.

То, что все перечисленные показатели приведены для каждого муниципального образования, чрезвычайно полезно и важно для решения конкретных хозяйственных задач районного масштаба. Однако при решении задач областного масштаба для исследований, полигон которых охватывает всю область или выходит за её пределы, а также для преподавательских целей и лекционной работы деление области на сорок одну часть недостаточно удобно. Поэтому мы попробовали провести генерализацию опубликованных данных путём переноса их на сетку экономических микрорайонов.

Экономическими микрорайонами (ЭМ) мы собирательно называем внутриреспубликанские, внутрикраевые или внутриобластные районы — крупные территориальные части республик, краёв, областей, включающие в свой состав по несколько сельских административных районов, а также города внерайонного подчинения, там, где они имеются (2). В иерархии экономических районов России ЭМ занимают низшую третью ступень, после крупных экономических районов и экономических подрайонов. К последним возможно приравнять многие республики и области.

ЭМ как правило и за редкими исключениями, объединяют в своих границах сельскую местность с урбанизированными поселениями. При этом в России ЭМ — самые элементарные территориальные образования, объединяющие урбанизированные поселения внерайонного подчинения и сельскую местность.

Методика выявления и сетка экономических микрорайонов России опубликованы (2). На территории Тверской области, по этой сетке, их девять — Тверской, Вышневолоцкий, Осташковский, Кимрский, Бежецкий, Удомельский, Ржевский, Нелидовский, Торопецкий. Первые три следует считать в масштабах Тверской области центральными. Остальные шесть — периферийными.

В цитируемой нами книге города и районы Тверской области ранжированы по всем пятнадцати показателям социально-экономической ситуации. Ранги — от первого (самый высокий) до сорок первого (самый низкий). Сгруппировав показатели отдельных городов и районов по различным ЭМ области, а затем подсчитав суммы рангов по отдельным показателям и вычислив средний ранг для каждой группы показателей, мы затем определили суммы рангов для отдельных ЭМ и получили тем самым сравнительную оценку социально-экономической ситуации в различных частях области (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Общая оценка социально-экономической ситуации
в экономических микрорайонах Тверской области**

ЭМ	Показатели социального неблагополучия		Оценка социально-значимых показателей		Показатели экономической эффективности		Сумма рангов	Общее место ЭМ в области
	Средний ранг по пяти показателям	Место ЭМ в области	Средний ранг по шести показателям	Место ЭМ в области	Средний ранг по четырем показателям	Место ЭМ в области		
Тверской	63	1	104	4	63	1	230	1
Вышневолоцкий	76	2	93	2	105	7	274	3
Осташковский	115	7	136	5	86	6	337	6
Кимрский	103	4	103	3	77	4	283	4
Бежецкий	149	9	170	9	76	3	395	9
Удомельский	108	5	87	1	64	2	259	2
Ржевский	82	3	1530	8	81	5	313	5
Нелидовский	137	8	142	6	110	9	389	8
Торопецкий	111	6	144	7	108	8	363	7

Таблица 2

**Оценка базовых показателей развития социально-экономической ситуации
в экономических микрорайонах Тверской области**

ЭМ	Оценка ЭГП		Оценка экономического потенциала		Оценка демографического потенциала	Сумма баллов	Общее место ЭМ в области
	Средний балл	Место в области	Средний балл	Место в области			
Тверской	3.8	1	2.9	1	3.81	3.0	1
Вышневолоцкий	3.0	3	2.2	4-5	3.22-3	10.0	3
Осташковский	1.8	5	1.8	7-8	2.27	19.5	6
Кимрский	2.2	4	2.4	2.	3.04-5	10.5	4
Бежецкий	1.5	7-8	1.5	9	2.08	24.5	9
Удомельский	1.7	6	2.3	3	3.04-5	13.5	5
Ржевский	3.5	2	2.2	4-5	3.22-3	9.0	2
Нелидовский	1.5	7-8	1.8	7-8	1.89	24.0	8
Торопецкий	1.0	9	2.0	6	2.56	21.0	7
Область в целом	2.4		2.2		2.8		

Налицо более чем полуторная разница в количественной оценке социально-экономической ситуации в целом и двойная — между основными её составляющими.

Между тем природные условия в пределах области очень сходны. Почти одинаковы и условия ведения сельского хозяйства. При природно-сельскохозяйственном районировании характеристики выделенных в границах области четырёх сельскохозяйственных районов мало различаются (4, С. 190–191). Все они расположены в южно-таёжно-лесной зоне, по рельефу плоскоравнинные, или равнинно-холмистые, или возвышенно-волнистые. Почвы суглинистые, песчаные, дерново-подзолистые, болотно-подзолистые.

Поскольку заметных контрастов природных условий не наблюдается, причины различий в социально-экономической ситуации явно носят экономикогеографический характер. Вместе с тем, переход от сравнения социально-экономической ситуации по отдельным городам и районам к сравнению её по экономическим микрорайонам выводит из рассмотрения «человеческие» факторы: административный ресурс и качество управления.

В цитируемой книге для объяснения сложившихся различий в социально-экономической ситуации предложены три «базовых» показателя: экономико-географическое положение (ЭГП) городов и районов, накопленный ими экономический потенциал, демографическая ситуация в них. Оценка накопленного экономического потенциала получена экспертным путём с учётом общей численности населения, уровня выполняемых экономических функций, степени диверсификации отраслевой структуры экономики, эффективности её промышленного и аграрного секторов. Для оценки демографической ситуации использованы показатели динамики численности населения за 1992–2002 гг., естественного и миграционного движения населения, возрастной структуры населения.

Оценка базовых показателей даётся в баллах: чем значительнее балл, тем она выше. Приведенная в цитируемой книге для отдельных городов и районов Тверской области, эта оценка пересчитана нами по экономическим микрорайонам области (см. таблицу 2).

Сравнение таблиц 1 и 2 показывает совпадение оценки базовых показателей и социально-экономической ситуации по общему месту ЭМ в области. Заметных отклонений только два — Удомельский ЭМ и Ржевский ЭМ, которые как бы поменялись местами при ранжировке. Ржевский ЭМ, занимающий благодаря хорошему ЭГП второе место по базовым показателям, по сводной оценке социально-экономических условий оказался на пятом месте из-за низких социально-зна-

чимых показателей. А Удомельский ЭМ, пятый в области по базовым показателям, из-за плохого ЭГП по сводной оценке социально-экономической ситуации занял второе место, так как имеет наиболее высокие среди ЭМ области социально значимые показатели.

Известно, что развитие или стагнация экономико-географических объектов — равнодействующая многих сил. И всё же наиболее заметное влияние на социально-экономические условия в ЭМ Тверской области, по нашему мнению, оказывает их экономико-географическое положение. Уточним, что в данном случае речь идёт только о микроположении, так как макроположение отдельных ЭМ Тверской области полностью, а мезоположение за немногочисленными исключениями практически совпадают с макроположением и мезоположением всей области.

По нашим наблюдениям, в республиках, краях и областях, расположенных на Восточно-Европейской равнине, экономико-географическое положение — важнейший микрорайонообразующий фактор (2). Здесь нет возвышенностей рельефа, заметно разделяющих населённые территории, а долины даже крупных рек по экономико-географическим характеристикам не отличаются заметно от соседних территорий.

Методика оценки ЭГП, предложенная в цитируемой книге, весьма основательна (1, с. 15). Она включает в себя оценку: а) положения по отношению к транспортному каркасу области, т.е. транспортно-географического положения; б) близости в областном центре, т.е. инновационного и соседского положения; в) близости к Москве, т.е. инновационного положения. Таким образом, не оставлены без внимания ни одно из трёх важнейших составляющих ЭГП. Приведена карта с пятиступенчатой (по сумме баллов) оценкой ЭГП районов области, на которой заметна тенденция к территориальной группировке районов области по их ЭГП (1, с. 17). Она «подталкивает» к характеристике микроположения отдельных частей Тверской области не по отдельным муниципальным образованиям, которая была бы утомительно однообразной, а по ЭМ, к их типологии по микроЭГП.

Вначале рассмотрим центральные ЭМ.

1. **Тверской ЭМ** (Тверь, Конаково, Торжок, районы Конаковский, Калининский, Рамешковский, Лихославльский, Торжокский, Старицкий).

По типу микроЭГП это обычный «пристоличный», центральный для своей области ЭМ, хотя занимает на её территории резко периферийное положение. Соседствует с Подмосковьем, что даёт дополнительные преимущества его инновационному и сосед-

скому микроположению. Удачно транспортно-географическое микроположение. Тверской ЭМ имеет наилучшую в области социально-экономическую ситуацию. Несомненно, что главной причиной этого является наличие на его территории большого города. Уступает по отдельным социально значимым показателям и их суммарной оценке ряду ЭМ области.

2. **Вышневолоцкий ЭМ** (Вышний Волочёк, Бологое, пос. Озёрный, районы Бологовский, Вышневолоцкий, Спировский, Фировский).

По типу микроЭГП это ЭМ-подцентр в составе области, сформировавшийся вокруг среднего города и очень крупного железнодорожного узла Бологое. Бологое не доросло до среднего города скорее всего из-за чрезмерной близости областной (ранее губернской) границы, урезавшей зону его экономического влияния (хозяйственного тяготения).

Вышневолоцкий ЭМ пересекается важнейшей транспортной магистралью и имеет активное инновационное и транспортно-географическое микроположение. Однако при хороших базовых показателях он заметно уступает расположенному «на отшибе» Удомельскому ЭМ в общей оценке социально-экономической ситуации. Причина — консервативные производственные структуры и, как результат, низкие показатели экономической эффективности.

Центр ЭМ — город Вышний Волочёк, начал терять население ещё в середине 1970-х гг., одним из первых среди средних городов России.

3. **Осташковский ЭМ** (Осташков, районы Осташковский, Селижаровский, Пеновский, Кувшиновский). Здесь расположен национальный парк «Верхняя Волга» — зона отдыха всероссийского значения. По типологии ЭМ, выстроенной по их микроположению, Осташковский ЭМ — ресурсный ареал. Поэтому должен быть отнесён к центральным, а не к периферийным ЭМ Тверской области. Базовые показатели Осташковского ЭМ — средние среди ЭМ области. Им соответствует и средняя для ЭМ области общая оценка социально-экономической ситуации.

В Осташковском ЭМ сравнительно высокие объёмы индивидуального жилищного строительства за счёт средств населения, что в настоящее время характерно для рекреационных зон (6).

Теперь кратко остановимся на микроЭГП периферийных ЭМ области.

4. **Кимрский ЭМ** (Кимры, Кашин, районы Кашинский, Калязинский, Кесовогорский).

В типологии ЭМ по их микроположению Кимрский ЭМ — «активное пограничье», т.е. периферийный ЭМ, имеющий тесные связи со смежными территориями соседних областей. Кимрский ЭМ близко расположен к городам Дмитрову и Дубне (Московская область), Угличу (Ярославская область). Соединён с ними железными и автомобильными дорогами.

Кимрский ЭМ имеет сравнительно высокий экономический потенциал, уступая в его суммарной оценке лишь Тверскому ЭМ. Однако скромное, в целом, микроЭГП в «тени» Твери, заметно влияет на социально-экономическую ситуацию, перемещая по её оценке Кимрский ЭМ на среднее место среди других ЭМ области.

5. **Бежецкий ЭМ** (Бежецк, районы Весьегонский, Сандовский, Краснохолмский, Бежецкий, Сонковский, Молоковский).

В типологии ЭМ по их микроположению Бежецкий ЭМ — слабозаселённая глубинка. К слабозаселённым территориям ЭМ отнесён потому, что средняя плотность сельского населения здесь 3,8 чел. на км² — т.е. ниже, чем в большинстве других ЭМ Европейской России. По оценке микроЭГП Бежецкий ЭМ занимает предпоследнее место среди ЭМ Тверской области во многом потому, что находится на дальней её периферии. А по суммарной оценке социально-экономической ситуации — последнее. Не помогают сравнительно высокие показатели экономической активности.

6. **Удомельский ЭМ** (Удомля, районы Удомельский, Максатихинский, Лесной).

В типологии ЭМ по микроположению Удомельский ЭМ — слабозаселённая глубинка. Средняя плотность сельского населения 3,6 чел. на км². Однако функционирование на территории ЭМ крупной Калининской АЭС улучшает его другие (помимо ЭГП) базовые показатели. Благодаря АЭС город Удомля и центральный в ЭМ Удомельский район занимают (в совокупности) первое место среди городов и районов Тверской области по среднемесячной зарплате, опережая саму Тверь на 25%. А по налоговым и неналоговым доходам бюджета в расчёте на одного жителя они на втором месте в области.

Удомельский ЭМ имеет наилучшие среди ЭМ области социально значимые показатели, а по показателям экономической эффективности уступает только «пристоличному» Тверскому ЭМ.

В итоге у Удомельского ЭМ, несмотря на скромное микроЭГП, второе место в области по общей оценке социально-экономической ситуации.

7. **Ржевский ЭМ** (Ржев, районы Ржевский, Зубцовский, Оленинский).

Центр ЭМ Ржев — второй по численности населения город области и крупный транспортный узел, имеет сравнительно высокие месячные зарплаты, налоговые и неналоговые доходы бюджета в расчёте на одного жителя. Ржев занимает первое место в области по интенсивности сальдо миграции — индикатору благополучия муниципальных образований, их привлекательности как для своих жителей, так и для приезжих. Вместе с тем, здесь высокий уровень безработицы. В районах, окружающих город, сравнительно низкие зарплата и доходы, и, как результат, отрицательная миграция.

В типологии ЭМ по микроположению Ржевский ЭМ — «активное пограничье», так как будучи расположен вдоль железнодорожной и автомобильной магистралей Москва — Рига, он имеет хорошие хозяйственные связи с рядом периферийных районов Московской и Смоленской областей.

Ржевский ЭМ занимает второе место среди ЭМ Тверской области по оценке базовых показателей. Однако из-за низких показателей экономической эффективности и очень плохих социально значимых показателей он только на пятом месте среди ЭМ области по суммарной оценке социально-экономической ситуации. Несмотря на это, в силу своего ЭГП и наличия второго города области, Ржевский ЭМ сравнительно притягателен для населения.

8. **Нелидовский ЭМ** (Нелидово, районы Западно-Двинский, Нелидовский, Бельский, Жарковский).

В типологии ЭМ по микроположению Нелидовский ЭМ — слабозаселённая глубинка. Средняя плотность сельского населения 2,1 чел. на км². Отсюда низкие оценки базовых показателей и, как результат, предпоследнее место среди ЭМ области при общей оценке социально-экономической ситуации.

9. **Торопецкий ЭМ** (районы Торопецкий и Андреапольский).

Занимает наиболее удалённую от областного центра часть области. В типологии ЭМ это, как и Нелидовский ЭМ, слабозаселённая глубинка. Средняя плотность сельского населения 2,5 чел. на км². Однако базовые показатели у него лучше. Как результат,

выше на одну ступень и общая оценка социально-экономической ситуации.

* * *

Приведенный краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что ЭГП играет очень важную роль в формировании различий в социально-экономической ситуации на территории Тверской области. Наилучшая социально-экономическая обстановка в «пристоличном» (его с трудом можно назвать центральным) Тверском ЭМ, а самая плохая у Торопецкого, Нелидовского, Бежецкого ЭМ, занимающих дальнюю периферию области. Вместе с тем, судя по показателям, приведенным в табл. 1, сравнительно неплохо выглядят некоторые ЭМ, образующие ближнюю периферию (полупериферию) — Удомельский, Кимрский, Ржевский.

Недавно А.Н. Пилясов, анализируя итоги изучения ЭГП как понятия, предложил дополнительно декларировать его как нематериальный ресурс (3). Действительно в научной литературе уже есть немало исследований, доказывающих, что ЭГП положительно повлияло на развитие многих районов, местностей и городов. Но все они выполнены в ретроспективном ключе. Поэтому актуальной задачей становится разработка методики использования ЭГП как нематериального ресурса в перспективном ключе. Пока на этом направлении успехов маловато. В поле нашего зрения, правда, довольно узкое, попали лишь работы сибирских экономико-географов (М.К. Бандмана, В.Ю. Малова и их сотрудников) по использованию ЭГП Красноярска для переноса транспортных связей Европы и Азии на более короткие северные трассы, в которых достаточно подробно изложена методика одного из случаев оценки ЭГП как нематериального ресурса (5). Эти работы посвящены возможностям использования лишь одной из трёх основных составляющих ЭГП — транспортно-географического положения. Транспортно-географическое положение проще, чем другие основные составляющие ЭГП — инновационное ЭГП и соседское ЭГП, поддаётся измерению и объективной оценке. В разработке же методики использования инновационного ЭГП или соседского ЭГП как нематериальных ресурсов пока успехи малозаметны.

Выводы

1. При научном анализе различий в социально-экономической ситуации на территории республик, краёв и областей Европейской России целесообразней рассматривать не отдельные муниципальные образования, подобно тому как это делается при принятии конкретных хозяйственных решений, а сформировавшиеся в этих республиках, краях и областях экономические микрорайоны. При этом из результатов исследования исключается целый ряд непостоянно действующих факторов (качество управления, ежегодно меняющиеся бюджеты и т.п.), и более чётко проявляются постоянно действующие «базовые» силы развития хозяйства на территории.
2. Решающим фактором в формировании различий в социально-экономической ситуации между отдельными частями равнинных республик, краёв и областей Европейской России выглядят, по нашему мнению, особенности их экономико-географического положения (точнее микрорасположения).

Литература

1. Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С. Оценка социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях Тверской области / концепция, методика, результаты. / Научная серия «География и региональное развитие», вып. 3. Тверь: 2003. — 63 с.
2. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России / сетка и типология. М.: Трилобит, 2004. — 128 с.
3. Пилясов А.Н. От потенциала к активам: переинтерпретация старых понятий экономической географии. // Города и городские агломерации в региональном развитии. / Под редакцией Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 2003. — С. 18–59.
4. Природно-сельскохозяйственное районирование и использование земельного фонда СССР / Под ред. акад. ВАСХНИЛ А.Н. Каштанова. М.: Колос, 1983. — 336 с.
5. Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. М.: 2001. — 238 с.
6. Яковлева С.И. Рекреационное освоение межстоличного региона как процесс укрепления гидрографической оси расселения (на примере Тверской области). // Региональные исследования. — 2008— № 2/1

Фоломейкина Л.Н.

Иновационный потенциал как ресурс регионального развития

Иновационный потенциал является важнейшим элементом определяющим будущее не только отдельных регионов, но и всей страны в целом. Иновационный потенциал будем понимать как готовность воспринять нововведения для последующего эффективного использования на уровне, соответствующем мировому [по И.В. Шляхто], как совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления иновационной деятельности [4]. Иновации выполняют ряд функций:

- они вовлекают в производство новые производительные силы, способствуют повышению производительности труда и эффективности производства, сокращают различного рода затраты;
- повышают уровень жизни каждого человека и общества в целом за счет разнообразия и качества производимой продукции и услуг, удовлетворения потребностей населения;
- помогают привести в соответствие структуру производства со структурой изменившихся потребностей, способствуют поддержанию равновесия между спросом и предложением, между производством и потреблением;
- являются результатом применения творческих возможностей и знаний конкретной личности, человеческого интеллекта, что, в свою очередь стимулирует дальнейший рост творческой деятельности.

Результатом иновационной деятельности выступает иновационный продукт в виде принципиально нового или усовершенствованного продукта. Иновационный процесс как техническое, производственное и управленческое усовершенствование, снижающее затраты на производство продукта, может превратиться в иновационный продукт, если он востребован на рынке. Процесс внедрения иноваций является длительным и сопровождается значительным риском, связан с крупными инвестициями в формирование новых отраслей и направлений развития. Уровень иновационной активности определяет темпы развития национальной экономики в целом и конкурентоспособность отдельных отраслей и предприятий [5].

Формирование понятия «инновационного потенциала» (ИП) является отражением развития инновационных процессов. Данное понятие определялось и уточнялось в результате теоретических, методологических и эмпирических исследований, получило развитие с начала 1980-х гг. Существует большое количество определений инновационного потенциала. Так Фримен считает, что это система мероприятий по разработке, освоению, эксплуатации и исчерпанию производственно-экономического и социально-организационного потенциала, лежащего в основе новшеств [3]. И.В. Шляхто придерживается следующей формулировки: ИП — это система мероприятий по разработке, освоению, эксплуатации и исчерпанию производственно-экономического и социально-организационного потенциала, лежащего в основе новшеств [4]. П.Н. Завалина дает такую трактовку, ИП — это готовность и способность того или иного предприятия (организации) осуществить впервые и воспроизвести (воспринять) нововведение [3].

В настоящее время существует множество методик по оценке инновационного потенциала региона. Таблица 1 отражает основные подходы к изучению регионального инновационного потенциала.

Методика системного подхода изучения инновационного потенциала была предложена И.В. Шляхто. По мнению автора, инновационный потенциал региона состоит из системы потенциалов: производственно-технологического потенциала, кадрового потенциала, информационного потенциала и др. Каждый потенциал определяется через систему показателей, которые первоначально оцениваются индивидуально, а затем в совокупности всех потенциалов. Так, кадровый потенциал характеризует обеспеченность инновационного процесса человеческими ресурсами, квалификационную и возрастную структуру персонала, задействованного в создании и распространении инноваций. Кадровый потенциал определяется следующими показателями:

- численность работников инновационно-активных предприятий;
- численность работников инновационно-активных предприятий в расчёте на одну тысячу жителей;
- численность работников инновационно-активных предприятий в расчёте на одну тысячу занятых в хозяйственном комплексе региона;
- удельный вес докторов, кандидатов наук в общей численности работников инновационно-активных предприятий;
- удельный вес студентов общей численности населения региона;
- численность организаций, обучающих аспирантов и докторантов.

Таблица 1

Подходы к изучению инновационного потенциала регионов

Автор(ы)	Подходы к изучению	Сущность подходов
Шляхто И.В.	Системный подход	Инновационный потенциал региона состоит из системы потенциалов: — производственно-технологического потенциала; — кадрового потенциала; — информационного потенциала; — финансового потенциала; — научно-технического потенциала; — организационного потенциала; — управленческого потенциала; — инновационной культуры; — потребительского сегмента потенциала.
Данилова Т.Н., Грищенко В.А.	Ресурсный подход Рип-анализ	— ресурсы региона рассматриваются как материальное наполнение изучаемого объекта, а именно регионального инновационного потенциала, выступают одной из форм его существования; — определение размера соответствия имеющихся экономических ресурсов и необходимых инвестиционных затрат для реализации стратегии инновационного развития.
Кортов С.В.	Структурный анализ инновационной активности	Рассматривает территорию в отраслевом разрезе, которая дополняется индикаторами типа стратегии территории в области научной и инновационной деятельности. Это предопределяет необходимость расчета специальных показателей — наукоёмкости продукции, технологии, отрасли.
Штерцер Т.А.	Метод регрессивного анализа	Исследует факторы, оказывающие влияние на инновационную активность в регионах (расширение спроса, величина человеческого капитала с высоким качеством, объемы финансирования исследований, инвестиционная активность в регионе и др.)
Амосенок Э.П., Бажанов В.А.	Поиск интегрированного показателя	Количественная оценка инновационного потенциала регионов определяется на основе метода главных компонент, который обычно относят к статистическому факторному анализу. В качестве совокупности исходных показателей использовались показатели государственной статистики, представленные в разделе «Наука и инновации».

Даниловой Т.Н. и Грищенко В.А. были предложены некоторые методологические подходы к оценке инновационного потенциала региона. Во-первых, это ресурсный подход. В контексте данного подхода ресурсы региона рассматриваются как материальное наполнение изучаемого объекта, а именно регионального инновационного потенциала, выступают одной из форм его существования. Вторым подходом можно считать так называемый РИП-анализ (анализ реализуемости инновационных проектов): определение размера соответствия имеющихся экономических ресурсов и необходимых инвестиционных затрат для реализации стратегии инновационного развития.

С.В. Кортков предлагает методику структурного анализа инновационной активности территории в отраслевом разрезе, которая дополняется индикаторами типа стратегии территории в области научной и инновационной деятельности. Близкий по замыслу к представленной в работе С.В. Корткова способ анализа инновационной активности регионов предлагает Т.А. Штерцер. Исследуя факторы, оказывающие влияние на инновационную активность в регионах (расширение спроса, величина человеческого капитала с высоким качеством, объемы финансирования исследований, инвестиционная активность в регионе и др.), автор использует метод регрессионного анализа. И С.В. Кортков, и Т.А. Штерцер пытаются выйти на уровень региональной инновационной восприимчивости, определив тип инновационного развития региона.

Э.П. Амосенок и В.А. Бажанов идут по пути поиска интегрированного показателя, оценивающего инновационный потенциал региона. Количественная оценка инновационного потенциала регионов России определяется данными авторами на основе метода главных компонент, который обычно относят к статистическому факторному анализу. В качестве совокупности исходных показателей используются показатели государственной статистики, представленные в разделе «Наука и инновации» в ежегоднике «Регионы России». Эта информация характеризует состояние и уровень развития научного и инновационного потенциала России.

Исследования всех авторов показывают, что развитие инновационного потенциала необходимо в российской экономике. Укажем ряд факторов, оказывающих существенное влияние на данный процесс:

- несоответствие между реалиями конкретной отрасли или сферы услуг (возникают, когда люди, работающие в них, делают ошибочные предложения о реалиях и действительности);
- несоответствие продукции на рынке потребностей потребителей;

- перемены в отраслевой и рыночной структуре (структура рынка или отрасли является хрупкой конструкцией);
- демографические (изменение состава населения, его численности, структуры, занятости, в уровне образования и доходах);
- потребность в совершенствовании условий жизни и в новых знаниях.

Обозначим основные тенденции в развитии инновационного потенциала России. Рассмотрим использование передовых технологий по отраслям экономики (рис. 1). Наибольшее число передовых технологий используется в проектировании и инжиниринге, а также при производстве, обработке и сборке, в связи и управлении, а наименьшее в автоматизированных погрузочно-разгрузочных операциях, транспортировке материалов и деталей. Прослеживается положительная динамика внутренних и внешних затрат на исследования и разработки (рис. 2). Отмечается увеличение затрат с 2000 по 2007 г. почти в 5 раз. Однако это характерно только для разработок, фундаментальные и прикладные исследования финансируются незначительно.

В виду существующих территориальных различий в российском региональном пространстве в каждом регионе складываются свои возможности реализации инвестиционной и инновационной деятельности. Интересен подход ведущих исследователей-экономистов (С.А.Мицек, Е.Б.Мицек), которые выделили «лучшие» и «худшие» ре-

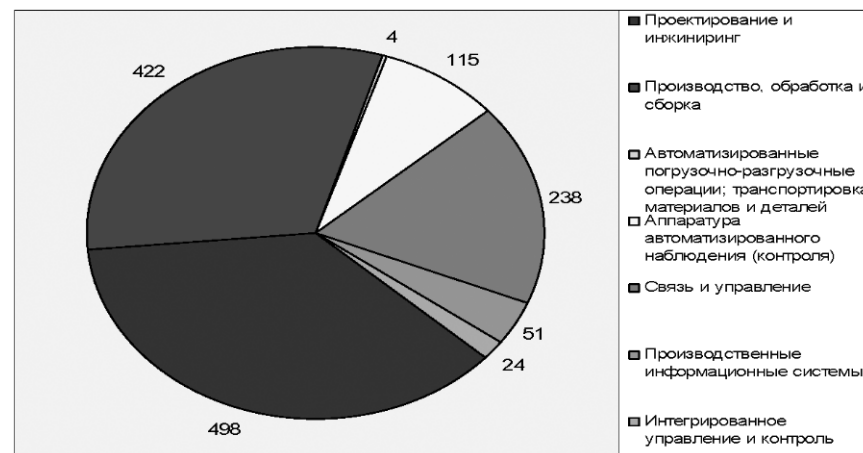
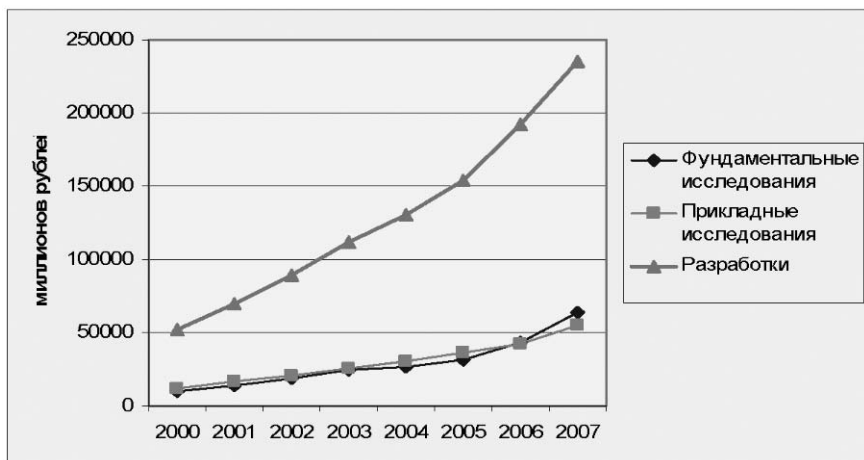

Рис. 1. Число передовых использованных технологий в РФ 2007 г.

Рис. 2. Внутренние и внешние затраты на исследования и разработки по видам работ в РФ

гионы с точки зрения инвестиционной активности, с учетом 47 показателей (ВРП, реновации в основной капитал, фондоотдача и т.д.) (табл. 2).

Данные результаты могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Все регионы «лучшей» группы, за исключением Краснодарского края, находятся в Северо-Западном федеральном округе.
2. Они не являются нефтедобывающими регионами. Некоторое исключение составляют Архангельская и Калининградская области, но обе они в сумме добавляют лишь 3% всей российской нефти.

Таблица 2

«Лучшие» и «худшие» регионы с точки зрения инвестиционной активности [по С.А.Мицек, Е.Б.Мицек]

Группа «лучших»	Группа «худших»
Архангельская область	Брянская область
Вологодская область	Курганская область
Калининградская область	г. Москва
Ленинградская область	Псковская область
Санкт-Петербург	—
Краснодарский край	—

3. Среди «худших» 3 очень бедных региона. Это Брянская, Курганская и Псковская области. В 2006 г. они занимали, 48-е, 62-е и 53-е места в России по показателю фондоотдачи.
4. Город Москва оказался в группе «худших» и по многим показателям находится на последних местах. Так, например, Москва находится лишь на 16-м месте по реновации в основной капитал. Иными словами, Москва очень мало инвестирует при высоком уровне доходов (в Москве в 2006 г. было произведено 22% всего ВВП в России).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Экономические индикаторы «лучших» регионов, за исключением Санкт-Петербурга, лишь ненамного превышают общероссийские.
2. «Худшие» регионы, за исключением г. Москва, имеют низкие экономические показатели.
3. «Лучшие» регионы, за исключением Санкт-Петербурга и Калининградской области, имеют низкие технологические показатели. Тем же отличаются и «худшие» регионы за исключением Москвы.
4. «Лучшие» регионы, за исключением Санкт-Петербурга, имеют слабые социальные индикаторы, особенно те, что характеризует состояние высшего образования.
5. Большинство «лучших» регионов имеют хорошие показатели развития инфраструктуры. Однако у «худших», за исключением Курганской области, они также неплохие. Возможно, причина в том, что все регионы, за исключением Краснодарского края, находятся в Европейской России.

Аналитическим центром при правительстве РФ было проведено крупномасштабное социологическое исследование, основанное на опросе руководителей ведомств субъектов РФ. По данным этого исследования достигнутые результаты инновационной деятельности в РФ не имеют высоких показателей, а оцениваются лишь как средние и низкие. Самый высокий показатель инновационной деятельности состоит лишь в совершенствовании продукции и освоении новых технологий. Такой важный экономический показатель, как снижение себестоимости продукции, находится на одном из последних мест. В этой же группе — замещение импорта.

Таблица 3 отражает источники финансирования инновационной деятельности в Российской Федерации (табл. 4). Основным источником финансирования инноваций в России по данным опроса руководителей ведомств российских субъектов, являются собственные средства организаций, а бюджетные средства и средства иннова-

Таблица 3

**Достигнутые результаты инновационной деятельности в РФ
(в % к опрошенным)¹**

	Результаты инновационной деятельности		
	высокие	средние	низкие
Совершенствование продукции	18	59	17
Освоение новых технологий	17	56	25
Освоение принципиально новых видов продукции	8	47	39
Повышение производительности труда	9	51	31
Рост объема продажи инновационной продукции в России	9	33	41
Экономия энергоресурсов	7	52	33
Экономия материальных ресурсов	7	50	35
Сохранение и улучшение окружающей среды	7	49	33
Снижение себестоимости продукции	7	45	40
Улучшение условий труда работников	6	59	30
Рост объема продажи инновационной продукции за рубежом	6	23	51
Замещение импорта	5	34	53

¹ По данным опроса руководителей ведомств субъектов РФ проводимых «Аналитическим Центром при Правительстве РФ»

Таблица 4

**Источники финансирования инновационной деятельности в РФ
(в % к опрошенным)²**

	Источник финансирования		
	основной	существенный	несущественный или отсутствует
Собственные средства организаций	50	25	22
Кредиты банков	9	36	49
Средства заказчика	7	31	49
Средства регионального бюджета	6	35	57
Средства федерального бюджета	5	28	64
Средства иностранных инвесторов	1	16	73
Средства инвестиционных фондов	1	8	81

² По тому же источнику

ционных фондов — крайне малы. Это говорит о слабой поддержке инновационных проектов государством.

Развитие инноваций в современной России необходимо, особенно в условиях вступления в ВТО. Для реализации инновационного процесса необходима поддержка со стороны государства. В зарубежных странах государственная поддержка находит широкое отражение (табл. 5). Например, в США снижена тяжесть налогообложения частных лиц и корпораций, максимальные налоговые ставки для частных лиц с 50 до 28%, а для корпораций — с 46 до 34%. В ФРГ правительство оказывает помощь в проведении исследований преимущественно мелким и средним фирмам в виде частной оплаты труда исследовательского персонала, а также путем прямого финансирования до 30–40% сметных затрат на НИОКР, осуществляемых по государственным заказам; предоставление им безвозмездных ссуд и др.

В России существует поддержка инноваций со стороны государства, но она носит лишь косвенный характер и представлена в Налоговом кодексе:

- введена льгота по экспорту патентно-лицензионных работ, услуг;
- освобождение от НДС оплаты патентных пошлин и регистрационных сборов;

Таблица 5

Поддержка инноваций за рубежом

Страна	Особенности стимулирования инновационной деятельности
США	Снижение тяжести налогообложения частных лиц и корпораций, снизив максимальные налоговые ставки для частных лиц с 50 до 28%, а для корпораций — с 46 до 34%
Франция	Содействие созданию и использованию изобретений путем предоставления из государственных средств финансовой помощи главным образом «рисковому бизнесу» — малым исследовательским фирмам и отдельным независимым ученым и изобретателям
ФРГ	Правительство оказывает помощь в проведении исследований преимущественно мелким и средним фирмам в виде частной оплаты труда исследовательского персонала, а также путем прямого финансирования до 30–40% сметных затрат на НИОКР, осуществляемых по государственным заказам; предоставление им безвозмездных ссуд
Великобритания	Конкурсное финансирование разработки наиболее перспективных новаторских идей; поддержка разработки и запуска в коммерческое производство новых идей (субсидирование исследований и их результатов) во всех областях науки и техники
Южная Корея	Низкие абсолютные размеры патентных пошлин

- освобождение от НДС выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ за счет средств бюджетов системы РФ;
- освобождение от налогообложения ввоза на таможенную территорию РФ технологического оборудования, комплектующих и запчастей к нему, ввозимых в качестве вклада в уставные капиталы организаций;
- при определении налоговой базы выручка от реализации товаров (работ, услуг) определяется исходя из всех доходов, учитываемых в случае возможности и оценки в той мере, в какой их можно оценить;
- налоговая база при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг) определяется как их стоимость, если иное не предусмотрено Налоговым кодексом и др.

Рассматривая место российских регионов в инновационном потенциале России, остановимся на некоторых из них. Приволжский Федеральный Округ (ПФО) находится в срединном положении среди регионов России по кадровому потенциалу, что видно при анализе данных численности персонала и количества организаций, занятых исследованиями и разработками (рис. 3, 4). Среди регионов ПФО по данному показателю лидирующее положение занимают Нижегородская и Самарская области, значительно отстают Республика Мордовия, Республика Чувашия, Марий-Эл, во всех регионах отмечается снижение показателя в 2007 г. по сравнению с 2000 г. (рис. 5).

При оценке кадрового потенциала необходимо сравнение исследуемых показателей. При сравнении рисунков 5 и 6 видно, что количество аспирантов в регионах увеличилось с 2000 по 2007 г., но в тоже время численность персонала, занятого исследованиями и разработками, сократилась во всех регионах ПФО. Это объясняется низкой активностью молодежи в области инноваций и ее неустойчивым финансовым положением.

Внутренние затраты на исследования и разработки в регионах ПФО невелики (рис. 7). Совсем незначительные финансовые затраты в данную область региональной деятельности в Кировской и Оренбургской областях, Республиках Мордовия и Удмуртия, Марий-Эл.

Субъективная оценка уровня инновационного потенциала и инновационной активности в ПФО показывает (табл. 6), что самый высокий уровень инновационного потенциала приходится на промышленное производство, но при этом уровень инновационной активности имеет невысокие показатели. Самая низкая инновационная активность в транспортной отрасли. Как показывает таблица 6, инновационную

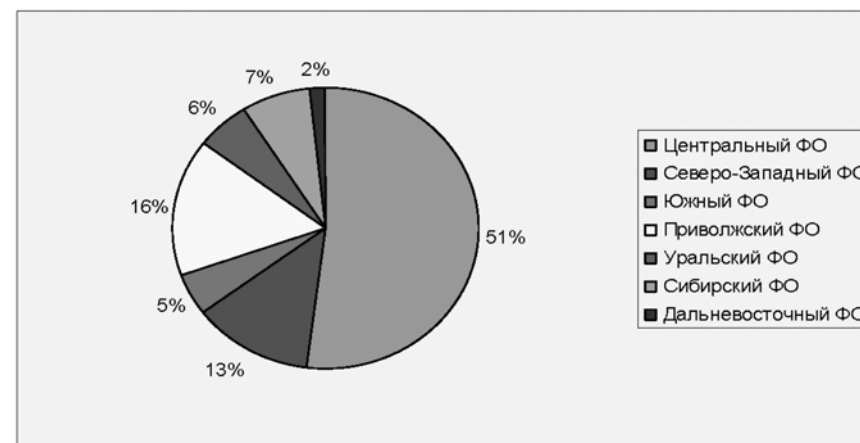

Рис. 3. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками по федеральным округам в 2007 г.

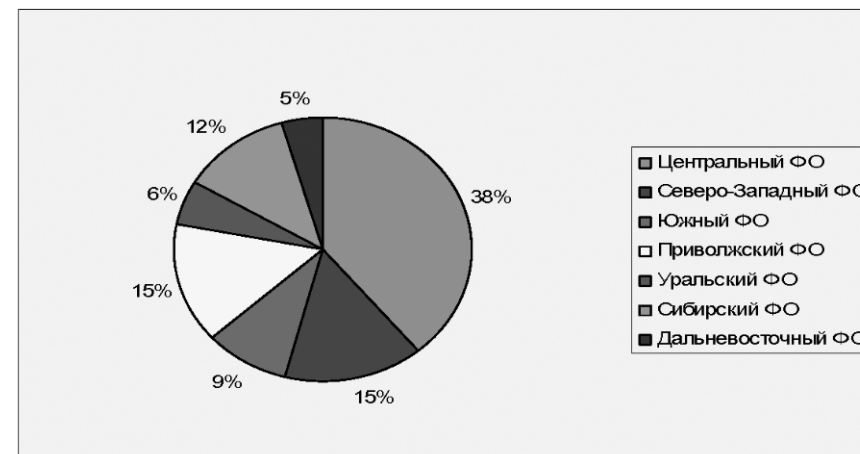
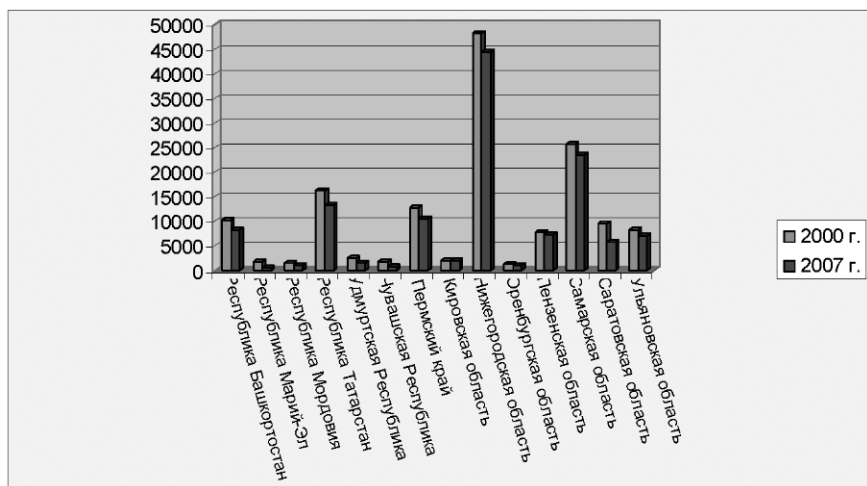
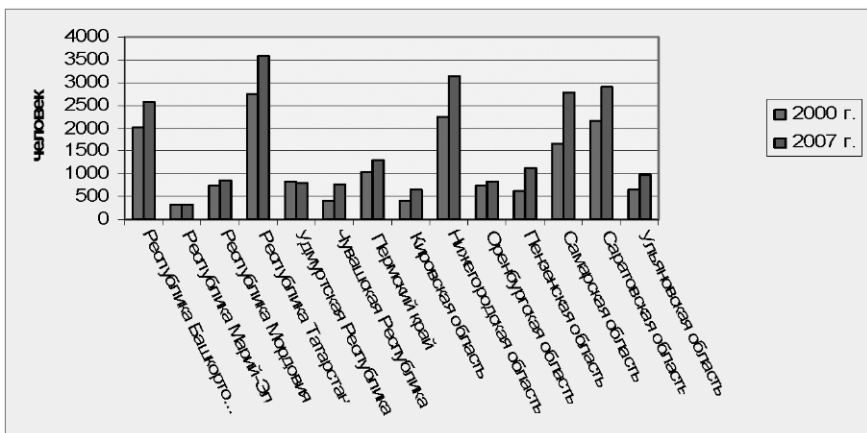

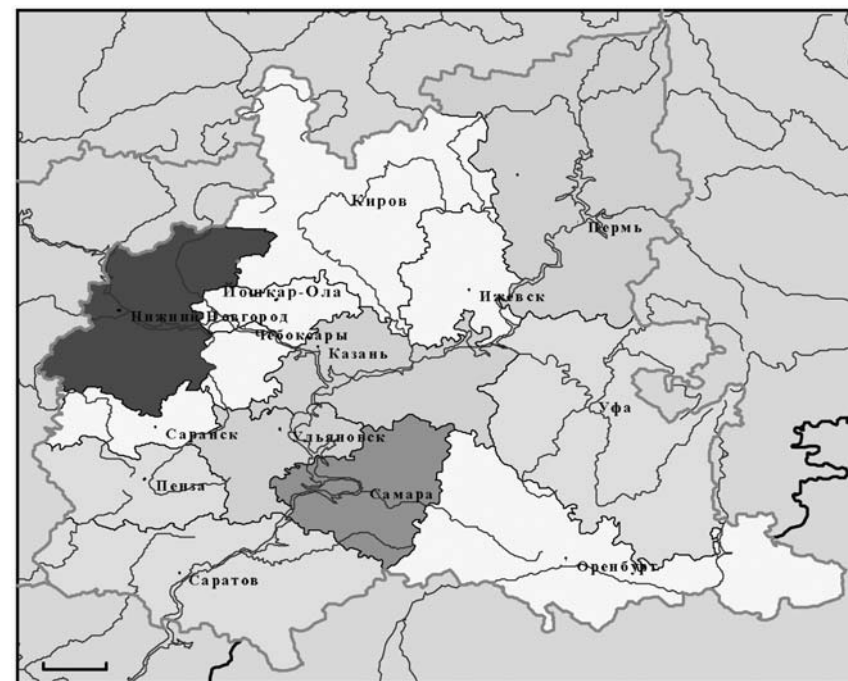
Рис. 4. Количество организаций выполнявших исследования и разработки по федеральным округам в 2007 г.

Рис. 5. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в Приволжском федеральном округе (чел.)

Рис. 6. Численность аспирантов в Приволжском федеральном округе

Рис. 7. Внутренние затраты на исследования и разработки в Приволжском федеральном округе, 2006 г.

Таблица 6
Оценка сложившегося уровня инновационного потенциала и инновационной активности в Приволжском федеральном округе (в % к опрошенным)³

	Уровень инновационного потенциала			Уровень инновационной активности		
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий
Промышленное производство	48	36	3	13	56	17
Строительство	37	48	8	23	49	19
Сельское хозяйство	25	40	16	9	44	33
Транспорт	23	39	21	4	52	27
Сфера услуг	23	48	9	8	51	23
Малый бизнес	19	60	8	7	57	20

³ По данным опроса руководителей ведомств субъектов РФ «Аналитического центра при Правительстве РФ»

Таблица 7
Факторы, препятствующие развитию региональных инновационных процессов

Значимость фактора	Факторы, препятствующие инновациям	Предприятия, не осуществляющие инновационную деятельность
	Предприятия, осуществляющие инновационную деятельность	
1	Недостаток собственных денежных средств	Высокая стоимость нововведений
2	Высокая стоимость нововведений	Высокая стоимость нововведений
3	Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	Высокая стоимость нововведений
4	Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность	Недостаток информации о новых технологиях
5	Высокий экономический риск	Низкий инновационный потенциал предприятий
6	Недостаток информации о новых технологиях	Высокий экономический риск
7	Низкий инновационный потенциал предприятий	Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности
8	Недостаток квалифицированного персонала	Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности
9	Низкий спрос на новые товары, работы, услуги	Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские и прочие услуги)

активность следует развивать в таких отраслях, как сельское хозяйство, транспорт, малый бизнес и сфера услуг, для этого существуют все условия. Именно здесь имеющийся инновационный потенциал выступает предпосылкой для активного развития инноваций.

Рассматривая инновационный потенциал как ресурс регионального развития, следует остановиться на конкретном примере. В Республике Мордовия существует приоритет развития инновационных процессов и поддержка инновационной деятельности. Из республиканского бюджета ежегодно выделяются средства на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводятся конкурсы, направленные на поддержку научно-творческой и технической деятельности мордовских ученых. Одним из самых мощных инструментов стимулирования развития новых технологий является региональный фонд венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере. На его создание из республиканского и федерального бюджетов на паритетной основе было выделено 140 млн. рублей. С учетом средств частных инвесторов объем фонда превышает 680 млн. рублей. Но среди продуктов, готовых к «старту», нет ни одного, созданного мордовской наукой. От науки требуются реальные, конкретные, коммерческие разработки, которые уже сегодня могут быть применены в производстве. В сложившейся ситуации, научные кадры и предприниматели республики оказались не готовы к такому повороту событий.

В Мордовии создан Бизнес-инкубатор, здесь предприниматели смогут получать информационные, юридические, консалтинговые, бухгалтерские услуги. Активно развивается инфраструктура малого бизнеса. Мордовия формирует региональную инновационную систему, призванную обеспечить устойчивый экономический рост на основе интенсивного использования перспективных научно-инновационных технологий.

В Мордовии создается федеральный Технопарк высоких технологий. На реализацию этого амбициозного проекта предусмотрено выделить 1,5 млрд. рублей из федерального бюджета. На паритетных началах на создание Технопарка будут направлены также средства из бюджета республики. И ещё 7 млрд. рублей предполагается привлечь за счёт внебюджетных инвестиций. Технопарк будет специализироваться на разработке и внедрении традиционных для Мордовии электронных и энергосберегающих технологий, а также совершенно новых для региона отраслей — оптических и информационных. В наукограде разместятся филиалы ведущих российских и международных компаний в области оптических и электронных технологий.

С реализацией этого проекта Мордовия не только приобретает высокий статус инновационного региона, произойдёт структурная перестройка экономики республики. Что позволит создавать совершенно новые инновационные производства с высокой добавленной стоимостью. Благодаря Технопарку в Мордовии откроется 5 тысяч новых рабочих мест в сфере высоких технологий, с достойным уровнем заработной платы. Технопарк будет включать в себя офисный центр, лаборатории и учебные площади, рекреационную инфраструктуру, торгово-развлекательный центр, гостиницу, жилье для работающего персонала. Всего предполагается построить около 600 тыс. м². площадей различного назначения. Планировалось, что строительство завершится в 2014 г., в настоящее время сроки сдачи перенесены на более поздний период.

Проведенный анализ показал, что инновационная деятельность необходима в регионах, но не везде возможно создание инновационного продукта. Существует ряд факторов препятствующих развитию инноваций в российской экономике (табл. 7). Среди них, недостаток собственных денежных средств, высокая стоимость нововведений, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, высокий экономический риск, недостаток информации о новых технологиях, недостаток квалифицированного персонала и т.д.

Настало время выработать концепцию инновационной политики для регионов, только в результате реализации которой можно значительно повысить удельный вес организаций, осуществляющих отыскание и использование инноваций, размер инновационной продукции в общем объеме производства, рост производительности труда, а также долю высокотехнологичных товаров в экспорте региона. Федеральный приоритет перехода на инновационный путь развития отечественной экономики должен стать приоритетом и для региональных органов власти, осуществляющих поддержку инновационной деятельности.

Литература

1. *Амосенок Э.П., Бажанов В.А.* Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России // Регион: экономика и социология, № 2, 2006. — С. 134–145.
2. *Кротов С.В.* Анализ инновационного развития территории на базе эволюционного подхода // Инновации. — 2004. — № 6.
3. *Миско К.М.* Ресурсный потенциал региона (теоретические и методические аспекты исследования) — М.: Наука, 1991. — 94 с.

4. *Шляхто И.В.* Методика и результаты исследования факторов, отражающих инновационный потенциал региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета: сер. История. Политология. Экономика. — 2007. — № 1 (32). — 149 с.
5. *Штерцер Т.А.* Эмпирический анализ факторов инновационной активности в субъектах РФ. // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. — 2005. — Т. 5, вып. 2.

Синцеров Л.М.

Революционные преобразования на транспорте и мировое хозяйство¹

Географические последствия промышленной революции получили наиболее полное воплощение в экономическом пространстве на рубеже XIX–XX вв., когда мировое хозяйство сформировалось в целостную систему, связавшую воедино национальные хозяйства стран мира узлами тесной и всесторонней взаимозависимости. Возникло качественно новое состояние в экономической жизни стран и народов, пришедшее на смену их прежней естественно сложившейся разобщённости и обособленности. Решающую роль в преодолении хозяйственной замкнутости и экономико-географическом единении мира, вступившего в эпоху современного экономического роста, сыграли «паровая» революция на транспорте, завершившая промышленный переворот, и создание первой в истории человечества глобальной информационной сети — всемирного телеграфа. «Колоссальный рост средств сообщения — океанические пароходы, железные дороги, электрический телеграф, Суэцкий канал — впервые создал действительно мировой рынок», — писал Ф. Энгельс в Примечаниях к третьему тому «Капитала», увидевшему свет в 1894 г.

Новые технологии, связанные с применением энергии пара, позволили преодолеть извечное противоречие между пространством и временем, однако их революционизирующая сила оказалась далеко не сразу. Изобретённые в начале 1800-х гг. (первые паровозы были сконструированы в 1803 г. и 1814 г., первый пароход построен в 1807 г.), паровоз и пароход начинают глубоко преобразовывать

экономику лишь с середины XIX в. [7]. Важным признаком развёртывания транспортной революции можно считать и зарождение в 1840–1860-е гг. одной из старейших отраслей социально-экономической географии — географии транспорта, которая окончательно сформировалась в конце XIX — начале XX в., когда образовалась мировая транспортная система, явившая собой остов, опорный каркас мирового хозяйства.

Подлинный переворот в средствах транспорта связан с появлением железных дорог, которые, по меткому выражению Г. Гейне, «убили пространство». Первые железные дороги были построены в Англии в 1825 г., в США — в 1830 г., во Франции — в 1832 г., в Германии и Бельгии — в 1835 г., в Австро-Венгрии — в 1838 г., в Италии и Нидерландах — в 1839 г., в Канаде — в 1836 г., в Швейцарии — в 1844 г., в Дании — в 1847 г., в Испании — в 1848 г., в Швеции — в 1851 г., в Норвегии и Португалии — в 1854 г., в Болгарии и европейской части Турции — в 1860 г., в Румынии — в 1870 г., в Сербии — в 1884 г., в Греции — в 1889 г. В России первая железная дорога общего пользования между Петербургом и Царским Селом была открыта в 1837 г. Наконец, в 1841 г. вводится в строй первая международная железнодорожная линия — от Страсбурга до Базеля.

Железнодорожное строительство, финансируемое, главным образом, европейским капиталом, разворачивается в десятках стран мира, и первые линии открываются на Кубе в 1837 г., в Мексике — в 1850 г., в Перу — в 1851 г., в Чили — в 1852 г., в Британской Индии — в 1853 г., в Бразилии и Австралии — в 1854 г., в Египте — в 1856 г., в Аргентине — в 1857 г., в Тунисе — в 1859 г., в азиатской части Турции и в Капской колонии — в 1860 г., в Алжире и Тропической Африке — в 1862 г., в Новой Зеландии — в 1863 г., в Гвиане — в 1864 г., на Цейлоне и в Парагвае — в 1865 г., в Венесуэле — в 1866 г., в Нидерландской Индии (Ява, Суматра) — в 1867 г., в Уругвае — в 1869 г., в Китае — в 1871 г., в Японии — в 1872 г., в Боливии — в 1873 г., в Натале — в 1876 г., в Бирме — в 1877 г., на Борнео и Сулавеси — в 1884 г., в Трансваале — в 1887 г., в Персии и на Гавайских островах — в 1888 г., в Оранжевой республике — в 1890 г., в Сиаме — в 1893 г., в Родезии — в 1897 г. и т.д.

Почти за 60 лет до открытия Панамского канала, в 1855 г., была введена в строй железная дорога, проложенная через Панамский перешеек и соединившая атлантическое и тихоокеанское побережья Америки. Это была первая в мире трансконтинентальная железнодорожная магистраль. Построенная всего несколько лет спустя после открытия золотых россыпей в Калифорнии, она стала альтернативой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-02-00619 а/р).

старому морскому пути вокруг мыса Горн. Теперь пароходы регулярно курсировали из Нью-Йорка в Чагрес и из Панамы в Сан-Франциско, а по железной дороге осуществлялся транзит пассажиров и грузов через Панамский перешеек.

Вплоть до конца 40-х годов XIX в. практически всё железнодорожное строительство велось в Европе и Северной Америке, при этом в Европе почти половина сети железных дорог приходилась на Великобританию. Статистика 1840 г. фиксирует наличие каких-либо железных дорог на паровой тяге лишь в 10–11 странах мира, а по состоянию на 1850 г. протяжённость железных дорог составляла в США — 13,8 тыс. км, Великобритании — 10,6 тыс. км, Германии — 5,8 тыс. км, Франции — 3 тыс. км, Австро-Венгрии — 2,2 тыс. км, Бельгии — 854 км, Российской империи — 601 км, в Италии — 427 км, на Кубе — 399 км, в Дании — 217 км, в Нидерландах и Люксембурге — 179 км, в Канаде — 114 км, в Испании — 28 км, в Швеции — 27 км и в Мексике — 11 км. Только с середины XIX в. начинается «великая эра» железнодорожного строительства в Европе и повсюду в мире [5].

Огромной заслугой железных дорог явилось многократное ускорение грузовых и пассажирских перевозок, радикально изменившее ритм экономической и общественной жизни. Во Франции путь от Парижа до Лилля, прежде занимавший 22 часа, с постройкой железной дороги сократился до 3 часов. От Парижа до Марселя раньше можно было добраться за 80 часов, теперь — за 12 часов 20 минут. Путь от Нью-Йорка до Чикаго железнодорожный транспорт сократил с трёх недель до двух дней. Вплоть до середины XIX в. путешествие из Петербурга в Москву занимало в лучшем случае четыре дня. Первый же поезд, открывший движение по Николаевской железной дороге в ноябре 1851 г., домчал своих пассажиров из одной столицы Российской империи в другую за 21 час 45 минут. Мощный импульс получило межрайонное и международное разделение труда. Благодаря развитию железнодорожного сообщения Берлин стал получать свежие фрукты, накануне погруженные в Провансе, а в Англии груз, отправленный по железной дороге в пределах страны, доставлялся адресату в течение суток.

С вводом железных дорог в эксплуатацию происходило незамедлительное падение транспортных расходов, носившее поистине драматический характер. Перевозка одной тонны груза на одну милю железнодорожным транспортом на паровой тяге обходилась в Великобритании, США и Австралии примерно в 3–4 раза дешевле, а во Франции — в 2,3–5 раз дешевле, чем гужевым транспортом

по обычным, безрельсовым, дорогам. На Цейлоне с вводом в строй железной дороги Коломбо — Канди транспортные расходы кофейных плантаций понизились на 60–75%, т.е. практически в четыре раза. С усовершенствованием железных дорог транспортные издержки ещё более сократились. Так, за период между 40-ми годами и концом XIX в. железнодорожные тарифы в Великобритании и Франции понизились почти наполовину, в США и Германии — на 75%, а в австралийском штате Новый Южный Уэльс железнодорожные тарифы сократились более чем на 2/3 в период с 1872 г. по 1912 г.

Авторы многотомной «Истории XIX века» называют железные дороги самым значительным изобретением XIX в., которое произвело коренной переворот в средствах передвижения. Период с 1840 г. по 1870 г. «видел начало этого переворота», последняя четверть XIX в. «увидела его расцвет» [4]. Общая протяжённость железных дорог мира, выросла с 332 км в 1830 г., 8,6 тыс. км в 1840 г. и 38–39 тыс. км в 1850 г. до 107 тыс. км в 1860 г., 208 тыс. км в 1870 г., 371 тыс. км в 1880 г., 617 тыс. км в 1890 г., 803 тыс. км в 1900 г. и в последний год перед Великой войной достигла 1,1 млн. км. Мировая сеть железных дорог была построена, главным образом, во второй половине XIX и в начале XX в., она почти целиком уже сложилась к 1913 г., увеличив за последующие 60 лет свою протяжённость всего лишь на 20% [9].

Это была эпоха, когда железные дороги являлись «итогами самых главных отраслей капиталистической промышленности», «итогами и наиболее наглядными показателями развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации». Достаточно сказать, что к началу Первой мировой войны общая стоимость сооружения железных дорог мира в десять раз превосходила стоимость всего мирового торгового флота. По свидетельствам современников, железные дороги всего мира, подобно египетским пирамидам, представляли собой памятник, который «наш век создал себе... на удивление потомству», они стали «главной базой, на которой строится современная цивилизация».

Железные дороги разрывали обособленность отдельных районов внутри каждой страны, втягивали их в международный товарооборот. Так, до проведения рельсовых путей Манчжурия экспортировала товаров всего на 5 млн. руб. в год. С постройкой железной дороги маньчжурский экспорт стал расти скачками: в 1906 г. — 18,8 млн. руб., в 1907 г. — 34,3 млн. руб., в 1908 г. — 58,4 млн. руб., в 1909 г. — 75,4 млн. руб. и в 1910 г. — 104,9 млн. руб. Для вывоза сельскохозяйственной продукции из Уганды огромное значение имела построенная в 1902 г. железная дорога от озера Виктория к Индийскому океа-

ну до порта Момбаса. В Латинской Америке сложилась определённая конфигурация железнодорожной сети с типичными «дорогами проникновения», которые ведут от морских портов к районам плантаций и рудников. В России с ростом протяжённости железных дорог была тесно увязана динамика хлебного экспорта, а «рисунок» железнодорожной сети, сформированной к началу XX в., свидетельствовал об особой роли внешней торговли в экономике, продиктованной необходимостью оплаты огромных внешних долгов посредством вывоза товаров. В интересах экспорта железные дороги были протянуты в двух главных направлениях — к Балтийскому и Чёрному морям, а остальная часть сети служила «питательными ветвями».

Для подавляющего большинства стран только наличие железных дорог явилось тем средством, которое обеспечило включение всей национальной экономики в мировое хозяйство. Предоставив возможность быстро и дёшево перевозить громадные количества грузов и пассажиров на дальние расстояния, железные дороги способствовали объединению экономической и культурной жизни как отдельных районов, так и целых стран, удалённых друг от друга на многие тысячи километров. Торговая деятельность в широком масштабе, массовый товарообмен на самых дальних расстояниях без железнодорожного транспорта были бы совершенно невозможны [8]. «Вообще, железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли...» — писал К. Маркс в своём письме к Н. Даниельсону.

Для роста морского судоходства необходимо обеспечить движение привезённых товаров на внутренние рынки. Морской транспорт развивается только тогда, когда побережье связано с внутренними районами страны густыми транспортными путями. Вот почему именно с 1840-х гг., в связи с ростом сети железных дорог, «особо значительное» развитие получил и морской транспорт. Строительство железных дорог, вовлекая в географическое разделение труда всё новые и новые районы, сообщило мощный импульс развитию морского судоходства, в свою очередь рост морских перевозок предъявлял повышенные требования к сухопутному транспорту — так создавался эффект взаимоувязки в развитии двух важнейших видов транспорта.

Период с 1840 г. по 1870 г. — время расцвета парусного судоходства (в те годы прославились клиперы — быстроходные парусные суда), когда парусные суда в морской торговле достигают вершины своего развития как в техническом отношении, так и по тоннажу перевозимых грузов. Вплоть до 1870 г. совокупное водоизмещение паровых грузовых судов, ежегодно сходявших со стапелей, не превосходило водоизмещение новых грузовых парусников, и только затем па-

роходы начинают быстро завоёвывать доминирующие позиции, так что к 1900 г. на парусники приходилось уже меньше 5% совокупного водоизмещения спускаемых на воду новых грузовых судов. Окончательный закат «эпохи парусников» начинается после 1880 г., когда тоннаж мирового морского парусного торгового флота стал сокращаться в абсолютных цифрах.

На протяжении сотен и тысяч лет человеческой истории морская торговля осуществлялась на парусных судах, подверженных капризам ветра и морских течений, и лишь во второй половине XIX в. произошёл переворот — на смену парусникам пришли пароходы. Истинная эра океанского пароходства наступает только с заменой древесины более прогрессивным конструкционным материалом — железом (с 1840-х гг.), с началом широкого использования паровых машин типа компаунд, которые вдвое сократили удельный расход топлива (1850-е гг.), с внедрением более быстроходного и эффективного гребного винта, вытеснившего гребное колесо, с открытием Суэцкого канала (1869 г.) и со строительством стальных судов (1880-е гг.), более лёгких, прочных и крупных, способных перевозить больше грузов.

Открытие Суэцкого канала, сократившего протяжённость пути от Лондона до Бомбея на 41%, до Сингапура — на 29% и до Гонконга — на 26%, значительно ускорило переход на паровые суда на восточном направлении по двум причинам. Во-первых, парусники при проводке через канал приходилось буксировать добрую сотню миль, что создавало большие неудобства и повышало издержки (некоторые источники отмечают, что канал был для них попросту «недоступен»). Во-вторых, этот маршрут на всём своём протяжении был оснащён удобно расположенными угольными станциями (в Гибралтаре, на Мальте, в Порт-Саиде и т.д.), что давало пароходам дополнительные конкурентные преимущества.

«Индустриализация» морского транспорта развивалась значительно медленнее, чем наземного. В отличие от железных дорог паровые суда не давали немедленного и радикального сокращения транспортных расходов, а парусное судоходство находилось в «зени-те славы». Конкуренция американских и европейских судоходных компаний, обладавших парусным флотом, и без того привела к значительному снижению тарифов на перевозку грузов по основным направлениям. Пароходы быстро освоили прибрежную торговлю, а на океанских линиях долгое время царил «двоевластие»: пароходы перевозили пассажиров, почту и товары с высокой удельной стоимостью, а парусные суда — массовые грузы. Так, например, в направлении из Калькутты в Великобританию в 1874 г. на долю пароходов при-

ходилось 90% перевозок чая, имбиря и мака, но лишь 40% перевозок джута и 1/3 — риса.

Только в 70-е и 80-е годы XIX в. в полной мере выявляются конкурентные преимущества паровых судов в скорости, грузоподъёмности, себестоимости перевозок, и они начинают оказывать понижающее воздействие на величину транспортных тарифов. С этого времени и вплоть до начала Первой мировой войны стальные пароходы, оснащённые гребным винтом, невиданной ранее грузоподъёмности и быстроходности полностью вытесняют парусники из морской торговли. Если в 1850 г. на паровые суда приходилось примерно 6% тоннажа мирового морского торгового флота, в 1870 г. — 14%, то в 1890 г. — почти 60%, в 1900 г. — свыше 75% и в 1913 г. — свыше 90%.

Удешевление перевозок действовало революционизирующим образом на обособление в мировом масштабе пунктов производства от пунктов потребления, мест добычи сырья от мест производства фабрикатов. В качестве примера, иллюстрирующего этот процесс, можно привести расценки на перевозку пшеницы из Чикаго в Нью-Йорк и далее — до Ливерпуля. Средний железнодорожный фрахт за бушель пшеницы из Чикаго в Нью-Йорк в 1879 г. был равен 17,3 цента, в 1900 г. — 14,31, а в 1910–1913 гг. — 9,6 цента. Средний морской фрахт за бушель пшеницы из Нью-Йорка в Ливерпуль в 1879 г. составлял 6,19 пенса, в 1900 г. — 3,13 пенса и в 1913 г. — 2,7 пенса.

Решающую роль в «индустриализации» морских перевозок сыграла Великобритания, на долю которой приходилось до 2/3 продукции мирового судостроения. Удельный вес британского тоннажа в мировом морском торговом флоте составлял 47% в 1850 г., 42–44% — в 1860–1890 гг., 41% — в 1900 г. и 39% — в 1910 г. К 1914 г. морской торговый флот Великобритании и Ирландии всё ещё превосходил по тоннажу торговый флот восьми других главных «морских перевозчиков» вместе взятых — Германии, Норвегии, США (без учёта флота Великих озёр), Франции, Японии, Италии, Голландии и Швеции. Великобритания не только играла доминирующую роль в морском судостроении и судоходстве, но также владела мировыми угольными станциями.

Вторая половина XIX в. — время бурного роста размеров морских судов. В 1851 г. средний размер судов мирового торгового флота был равен 240 бр.-рег.т., в начале 1900-х гг. — 1 570 бр.-рег.т., а ещё через 50 лет — 2 811 бр.-рег.т. Таким образом, за вторую половину XIX в. средний тоннаж судов морского торгового флота вырос примерно в 6,5 раз, тогда как за первую половину XX столетия — менее

чем вдвое. Увеличение размеров судов вело к снижению эксплуатационных расходов в расчёте на единицу грузоподъёмности и способствовало существенному повышению провозной способности флота.

За 1850–1913 гг. общий тоннаж мирового морского торгового флота увеличился почти в четыре раза, однако за счёт качественных сдвигов в его структуре реальные масштабы роста были несравнимо выше. Дело в том, что в этот период произошла фактическая замена «парусного» флота «паровым». Вытеснение парусных судов паровыми означало, что провозная способность мирового торгового флота увеличивалась не пропорционально общему росту тоннажа, но значительно больше, так как оборотоспособность пароходов в начале XX в. была в 3–4 раза выше, чем парусников.

Огромная роль в формировании мирового продовольственного рынка и в специализации экономических районов и целых стран на производстве мясной и молочной продукции принадлежит судам-рефрижераторам, с появлением которых получила развитие торговля скоропортящимися продуктами. Уже к 1870 г. охлаждённая говядина стала поставляться в Европу из США. Первый корабль с мороженым мясом из Австралии прибыл в Англию в 1874 г., из Новой Зеландии — в 1882 г. Первая партия мороженой говядины в 1876 г. поступила во Францию из Аргентины. В 1880-е гг. мясо и сливочное масло стали в больших количествах поставляться в Европу из заморских стран, а к 1914 г. на суда-холодильники приходилось уже 12,4% тоннажа мирового морского торгового флота.

С отменой в 1849–1854 гг. Великобританией действовавшего с 1651 г. «Навигационного акта», который давал значительные протекционистские преимущества британскому торговому флоту, наступает эра «свободной торговли» в морском судоходстве. Теперь любое судно, идущее под флагом любой страны, в любом порту мира получает право участвовать в международной конкуренции по перевозке внешнеторговых грузов. Растёт количество быстроходных паровых судов, оперативно реагирующих на всякий спрос на тоннаж, где бы он ни возникал, быстро переходящих из одного морского бассейна в другой. Этому способствует и развитие скорой почтово-телеграфной связи. В итоге во второй половине XIX в. на смену местным, изолированным фрахтовым рынкам приходит единый мировой фрахтовый рынок.

Устойчивый характер мировых хозяйственных связей, потребности в ритмичных, регулярных поставках грузов положили конец эпохе «вольного судоходства», господству трамповых судов. С последней четверти XIX в. бурно развивается линейное судоходство, и уже перед

Первой мировой войной в большинстве стран оно становится господствующей силой, охватывая к 1913 г. весь мир «плотной сетью» [3].

Преобразования на транспорте революционизировали внешнюю торговлю, открыв новую эру в её истории. Так, британский индекс стоимости морских грузоперевозок, сохранявший сравнительную стабильность на протяжении предыдущих 100 лет, начинает неудержимо сокращаться, и за период 1840–1910 гг. его величина понизилась на 70%. Снижение транспортных издержек, привело к росту международной торговли в первую очередь тяжёлыми громоздкими товарами. Если прежде главными объектами внешней торговли служили товары, обладавшие высокой удельной стоимостью, то теперь в международный оборот стали активно вовлекаться разнообразными массовые товары — уголь, кокс, лесоматериалы, зерно, руды и т.д. Это обстоятельство явилось одним из важнейших факторов роста объёмов грузовых перевозок в международной морской торговле, увеличившихся с 20 млн. тонн в 1840 г. до 56 млн. тонн/год в среднем за 1860-е гг., 88 млн. тонн/год в среднем за 1870-е гг., со 113 млн. тонн в 1880 г., до 140 млн. тонн в 1887 г. и до 300 млн. тонн в 1913 г.

В результате революции на транспорте в огромной степени расширились возможности международного товарообмена — произошло как бы всеобщее сокращение расстояний, приближение стран друг к другу. Так, разница между стоимостью мирового импорта СИФ и мирового экспорта ФОб, исчисленная в процентах от стоимости мирового импорта СИФ, сократилась с 16–19% в 1840 г. до 14% в 1867–1875 гг., 12% в 1881–1885 гг., 10% в 1891–1900 гг. и 8,5% в 1911–1913 гг. Таким образом, относительная величина транспортных издержек по обслуживанию мировой внешней торговли, включая расходы по страхованию грузов, за 1840–1913 гг. понизилась примерно вдвое.

«Индустриализация» перевозок привела к географическому расширению мирового рынка. Железные дороги связали между собой внутриконтинентальные районы, соединив их с морскими портами. С развитием пароходства океаны окончательно превратились из фактора разобщения материков и стран в фактор их соединения. Так, стоимость перевозки одной тонны угля из Англии в Южную Америку через весь Атлантический океан стала равна стоимости его транспортировки по железной дороге из Йоркшира в Лондон. А доставка сыра за 22 тыс. километров, из Австралии в Ливерпуль, стала такой же по стоимости, как и его перевозка из Ливерпуля в Лондон, расстояние между которыми составляет 370 км.

Колоссальный рост морского судоходства позволил соединить в единое целое хозяйства различных частей света, разделённых океанами. В прежние времена национальные рынки жили своей почти независимой жизнью и получали из-за границы лишь ограниченное количество товаров, а так как товары эти вследствие больших транспортных расходов были дороги и поэтому доступны только узкому кругу потребителей, то и международный обмен был тем самым неизбежно ограничен. Теперь же специализация производства в мировом масштабе впервые стала центральным элементом хозяйственной жизни в странах, участвующих в международной торговле. Чрезвычайные успехи в развитии путей сообщения разрушили замкнутый характер внутренних рынков, обеспечив сначала связь экономических районов в пределах данного государства, а затем и вовлечение хозяйств отдельных стран в мировое хозяйство. Понижение фрахтов и открывшаяся лёгкость сношений с другими странами привели к замене изолированных национальных рынков — рынком мировым. С появлением железных дорог и паровых судов сделалось возможным продвижение товаров во все концы мира, земной шар преобразовался в единый производственный организм мирового хозяйства [2].

Мирохозяйственная устремлённость являлась категорическим императивом для экономики XIX в., дававшим ответ на вызов времени, сформулированный Томасом Мальтусом в его «Опыте о законе народонаселения» (1798 г.). Мальтус оказался первым, кто интуитивно ощутил наметившиеся в связи с промышленной революцией коренные сдвиги в воспроизводстве населения и понял, что грядущее увеличение его потребностей вкупе с расширением запросов со стороны начавшей бурно развиваться экономики приведут к вовлечению в эксплуатацию всё новых объёмов естественных ресурсов, запасы которых отнюдь не беспредельны. Однако он не мог предвидеть грядущего переворота на транспорте, революционизировавшего мировую торговлю, который позволил решить проблему обеспечения ресурсами, вставшую перед молодым индустриальным обществом.

Генезис мирового хозяйства, равно как и его последующее развитие, неразрывно связаны с прогрессом средств транспорта и связи, который происходит неровно — рывками, скачками — и, в общем-то, не всегда влечёт за собой равноценный, а тем более опережающий, рост внешнеэкономических связей. Не всякие усовершенствования в сфере коммуникации имеют в качестве результата в решающей степени мирохозяйственный эффект. На это обстоятельство в своё время обратил внимание будущий Нобелевский лауреат известный американский экономист С. Кузнец.

По мнению С. Кузнецца, технологические сдвиги на транспорте, конечно же, ускоряют движение трансграничных потоков, способствуют абсолютному увеличению объёмов внешней торговли. Однако это далеко не всегда ведёт к росту соотношения оборота внешней торговли и ВВП, иногда именуемого внешнеторговой квотой, поскольку те же самые сдвиги ускоряют и оборот внутренней торговли, способствуют росту валового внутреннего продукта за счёт внутренних источников. Таким образом, на одних этапах мирового развития внешнеторговые квоты могут расти, а на других — сокращаться в силу того, что в первом случае прогресс на транспорте имеет преимущественно внешнеэкономический эффект, тогда как во втором случае его эффект, главным образом, «внутренний», и тогда всё большая часть ВВП поступает на внутренние рынки [10].

Революция на транспорте, служившая главной движущей силой «феерического взлёта» мирохозяйственных связей и достигшая своей кульминации в последней четверти XIX в., завершилась — это стало очевидно вскоре по окончании Первой мировой войны. Конечно, усовершенствования в отраслях транспортной инфраструктуры будут и впредь содействовать развитию мировой экономики, однако они вряд ли смогут оказать столь революционизирующее воздействие на международное разделение труда, какое оказало развёртывание к концу XIX в., впервые в истории человечества, всемирной транспортной сети [6]. Паровоз и пароход (вместе с электрическим телеграфом) явились теми ключевыми инновациями, которые «создали» мировое хозяйство, преобразовали мир в единый «хозяйственный организм», придав ему свойство целостности, дотоле пребывавшее в латентном состоянии.

Глобальные трансформации новейшего времени невольно заслонили собой цивилизационный сдвиг вековой давности, когда, по свидетельству современников, наступила «новая эпоха во всемирной истории», положившая конец «разобщённости народов» и обособленности «очагов культурной жизни»: «Сцена всемирной истории расширилась до пределов всей земли. Обособленные центры культуры соприкоснулись. Сибирская магистраль связала Европу с Дальним Востоком. Быстроходные пароходы сделали одно из Европы и Америки. Вся земля спаялась в единое целое. Стало невозможно жить обособленной жизнью. События, совершающиеся на одном конце земли, невольно стали отражаться на другом. Товарообмен захватил все пять материков...» [1].

Литература

1. Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924. М., 2003. 223 с.
2. Вышнепольский С.А. Мировой транспорт и мировое хозяйство. М.–Л., 1929. 175 с.
3. Вышнепольский С.А. Мировые морские пути и судоходство. М., 1953. 454 с.
4. История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо, т. 8. Конец века, 1870–1900. Пер. с франц. М., 1939. 551 с.
5. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. Пер. с англ. М., 2001. 543 с.
6. Леви Г. Основы мирового хозяйства. Пер. с нем. М., 1924. 216 с.
7. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. М., 1989. 270 с.
8. Ситников Г.Г. География транспорта. Л.–М., 1925. 110 с.
9. Современная география мирового хозяйства / Под ред. М.С. Позина. М., 1977. 288 с.
10. Kuznets S. Six Lectures on Economic Growth. Illinois, 1959. 122 pp.

Семина И.А

Транспорт как фактор регионального развития (на примере регионов депрессивного типа)

Для регионов важным активом является способность формировать пространственные организационные связи внутри природно-хозяйственных зон экономического взаимодействия. Вхождение территории в такую организационную сеть позволяет иметь возможность реализации своих интересов по ряду позиций, способствует созданию режима «благоприятствования» хозяйственной деятельности субъектов данной территории. При анализе пространственной структуры хозяйства и форм организации регионального производства важным является использование показателя «географической близости» и оценки источников нерыночного взаимодействия. Чем выше составляющая «географической близости» в «нерыночном взаимодействии», тем менее привлекательна региональная система для инвестирования без дополнительного бюджетного финансирования,

в регионе складывается дисбаланс в уровнях развития природно-географических и базовых экономических подсистем, транспортно-инфраструктурных сетей, обеспечивающих процесс регионального хозяйствования. Удаленность населенных пунктов от рынков сбыта и неразвитость коммуникаций усиливают региональную депрессивность. Наличие транспортно-коммуникационных артерий дает альтернативные возможности регионального роста. Опережающее развитие транспорта по сравнению с другими отраслями экономики позволит смягчить ограничения, накладываемые транспортом на производство, сферу обращения и социальную сферу. Согласованное развитие всех видов регионального транспорта способно обеспечить снижение транспортных издержек. Пространственное интегрирование и территориальное связывание — основная функция транспорта [4]. Модернизация транспортной системы должна учитывать не только опережающее развитие транспортной отрасли, но и ее соответствие общим направлениям регионального социально-экономического развития. Региональные социально-экономические приоритеты, территориально-отраслевая структура экономики, специализация и кооперирование, состояние инфраструктуры выступают факторами формирования регионального транспортного пространства.

Депрессивные регионы составляют определенную группу российских регионов, характеризуются как территории с устойчивым, глубоким и долговременным спадом экономической активности, резким снижением уровня жизни населения, как регионы, значительно уступающие другим субъектам федерации по ряду важнейших социально-экономических показателей [3]. Формирующаяся под влиянием депрессионных признаков, структура региональной экономики характеризуется отсутствием сбалансированности и комплексности в развитии отраслей и секторов, инерционностью развития и слабой инновационной восприимчивостью. Причины региональной депрессивности и механизмы ее преодоления различны. Общими чертами для всех регионов депрессивного типа являются признаки депрессивных процессов происходящих в региональной экономике и условия межрегиональной дифференциации. К таковым условиям следует отнести: экономико-географическое положение регионов, природно-ресурсный и демографический потенциал, структуру и специализацию отраслей хозяйства, финансовую обеспеченность. Положение и роль региона в социально-экономическом пространстве страны, транспортных коммуникациях, территориальной и видовой структуре перевозок выступает определяющим фактором регионального неравенства.

Рассматривая транспорт как фактор регионального развития, следует помнить, что региональные транспортные системы включают в себя линейную и узловую инфраструктуру (пути, транспортные линии, сеть этих линий; транспортные узлы и центры), транспортные средства (подвижной состав), транспортные потоки. Эти элементы связаны друг с другом транспортно-географическими отношениями. Основными формами транспортно-географических отношений являются [4]:

- транспортное тяготение;
- транспортная близость или удаленность;
- транспортная доступность;
- транспортная связность;
- транспортная проходимость (проницаемость) территории;
- пространственная неравномерность (поляризация, концентрация и дисперсия) в распределении транспортных узлов, линий и потоков;
- транспортно-географическое положение;
- транспортное освоение территории.

На основе методики, предложенной Российским НИИ Урбанистики «Ленгипросор» в г. Санкт-Петербурге, была проведена бальная оценка основных транспортных узлов регионов депрессивного типа. Данная методика заключается в оценке подходящих к узлу путей сообщения по относительным эквивалентам пропускной способности — баллам (таблица 1).

Таблица 1 была использована в качестве основы при проведении оценки пропускной способности путей сообщения в регионах депрессивного типа. При данной оценке учитывалось наличие магистральных и прочих железных и автомобильных дорог, водных путей

Таблица 1

Бальная оценка пропускной способности путей сообщения [1]

Железные дороги:	магистральные;	2
	немагистральные	1
Автомобильные дороги:	федеральные дороги;	1
	остальные	0,5
Судоходные участки рек:	река Волга;	1
	другие реки	0,5
Воздушный транспорт:	международные аэропорты;	1
	остальные	0,5
Трубопроводный транспорт:	магистральные нефте-, продукто- и газопроводы;	1,3
	остальные	0,5

и аэропортов. Такой подход позволил выявить транспортные узлы являющиеся наиболее мощными по своему транспортному потенциалу (таблица 2). Транспортные узлы включены в таблицу 2 с учетом их рейтинга. Первые места занимают города Брянск, Саратов, Барнаул, Курган, Чебоксары, Ульяновск. Это узлы, в которых наличествуют и железные и автомобильные дороги магистрального значения, а также водные пути и аэропорты. Можно сделать вывод о том, что данные узлы занимают более выгодное транспортно-географическое положение, имеют потенциальные возможности для своего развития с точки зрения использования выгод данного положения. Такие города, как Саранск, Пенза, Волгоград, Абакан, Улан-Удэ, Иваново, Кострома, Рузаевка, Киров, занимают — 6–10-е места (таблица 2). В отличие от предыдущих узлов, они имеют меньшее количество магистральных железных и автомобильных дорог, в некоторых из них водные пути отсутствуют.

Согласно рейтингу, в узлах, занимающих 11–13 места значительно уменьшается количество не только магистральных, но и прочих дорог, водных путей и аэропортов. К таким транспортным узлам можно отнести города Кизляр, Петров Вал, Биробиджан, Ставрополь, Владивосток, Унеча, Владимир, Муром, Махачкала, Йошкар-Ола.

В транспортных узлах, расположенных на последних — 14-м и 15-м местах, отсутствуют водные пути и аэропорты (Майкоп, Белогорск, Котляревская, Черкесск, Светлоград).

Наиболее мощным транспортным потенциалом обладают узлы приграничных транзитных регионов — такие как Барнаул, Улан-Удэ, Курган, Брянск, а также регионов центра европейской части России — Саратов, Ульяновск, Чебоксары (рисунок 1).

На рисунке 2 показаны евразийские трансконтинентальные коридоры и положение ведущих транспортных узлов изучаемых регионов по отношению к ним. Такие города, как Киров, Курган, Улан-Удэ, Белогорск, Биробиджан, Владивосток, входят в зону влияния Центрального транспортного коридора, что объясняется положением узлов в опорных «точках» транссибирской магистрали. Города Барнаул и Абакан расположены в зоне влияния Енисейского транспортного коридора. Города Волгоград, Ставрополь, Махачкала находятся в зоне влияния коридора «Север–Юг». Такие узлы, как Пенза, Саратов, Саранск, Рузаевка, Кострома, Иваново, Владимир, Муром, расположены между крупнейшими транспортными коридорами, что в перспективе возможно использовать в качестве оптимизации экономического развития. Регионы, находящиеся в зоне влияния крупнейших международных транспортных коридоров, обладают потенциальными

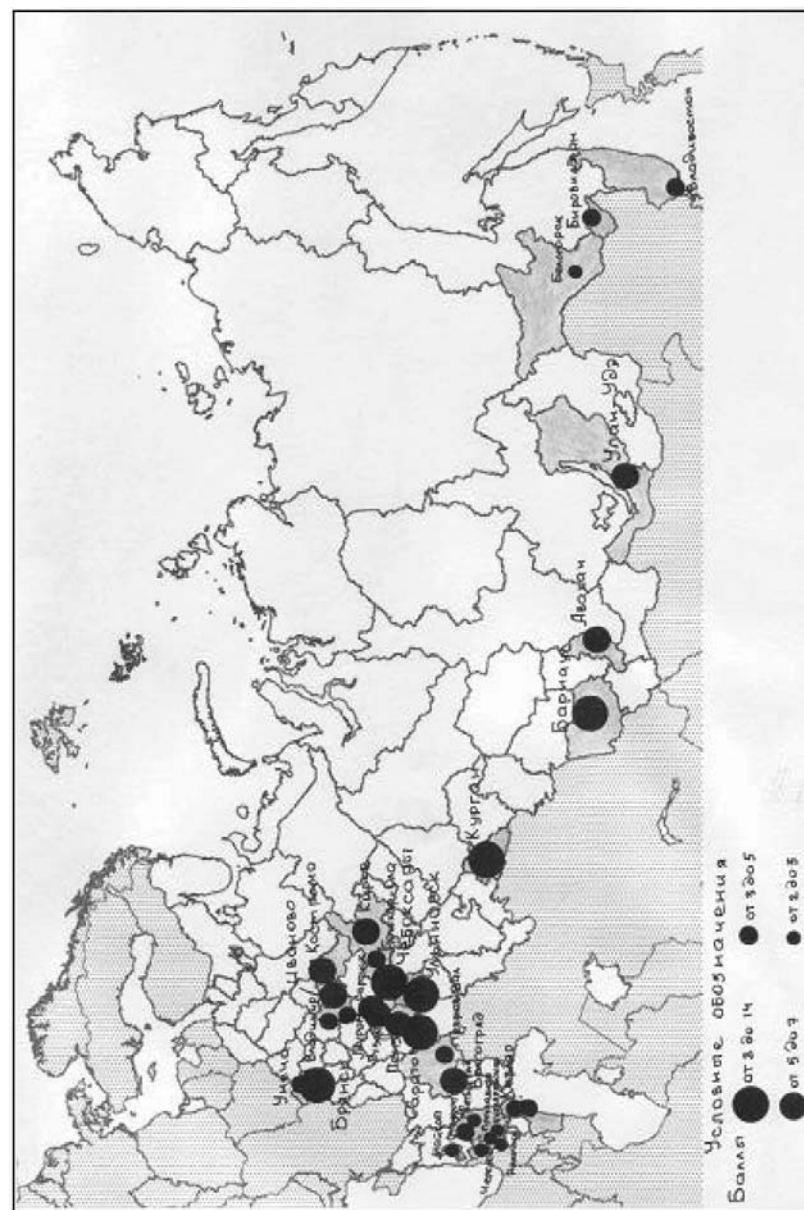

Рис. 1. Комплексная характеристика транспортных узлов (в баллах)

Таблица 2

Бальная оценка транспортных узлов российских регионов депрессивного типа

Транспортные узлы	Железные дороги		Автомобильные дороги		Водные пути	Аэропорты	Баллы	Рейтинг
	магистральные	прочие	магистральные	прочие				
Брянск	4	3	4	1,5	0,5	1	14	1
Саратов	4	2	2	1,5	2	1	12,5	2
Барнаул	—	4	3	1	0,5	1	9,5	3
Курган	—	4	2	1	1	0,5	8,5	4
Чебоксары	—	1	4	—	2	1	8	5
Ульяновск	—	2	2	1	2	1	8	5
Саранск	—	2	3	1,5	—	0,5	7	6
Пенза	—	4	2	0,5	—	0,5	7	6
Волгоград	2	1	1	0,5	1	1	6,5	7
Абакан	—	2	2	1	0,5	1	6,5	7
Улан-Удэ	2	1	1	0,5	0,5	1	6	8
Иваново	—	2	1	2	—	0,5	5,5	9
Кострома	—	1	2	1	1	—	5	10
Рузаявка	1	3	—	1	—	—	5	10
Киров	1	1	1	1	0,5	0,5	5	10
Унеча	—	4	—	0,5	—	—	4,5	11

Владимир	—	2	—	2	0,5	—	4,5	11
Муром	2	1	—	1	0,5	—	4,5	11
Махачкала	2	—	1	1	—	0,5	4,5	11
Йошкар-Ола	—	1	1	1,5	0,5	0,5	4,5	11
Кизляр	—	2	1	1	—	—	4	12
Петров Вал	—	2	1	1	—	—	4	12
Биробиджан	1	1	—	2	—	—	4	12
Ставрополь	—	1	1	0,5	—	1	3,5	13
Владивосток	1	—	1	—	0,5	1	3,5	13
Майкоп	—	1	1	1	—	—	3	14
Белогорск	1	1	—	1	—	—	3	14
Нальчик	—	1	—	1	—	0,5	2,5	15
Котляревская	—	2	—	0,5	—	—	2,5	15
Черкесск	—	1	1	0,5	—	—	2,5	15
Светлоград	—	2	—	0,5	—	—	2,5	15

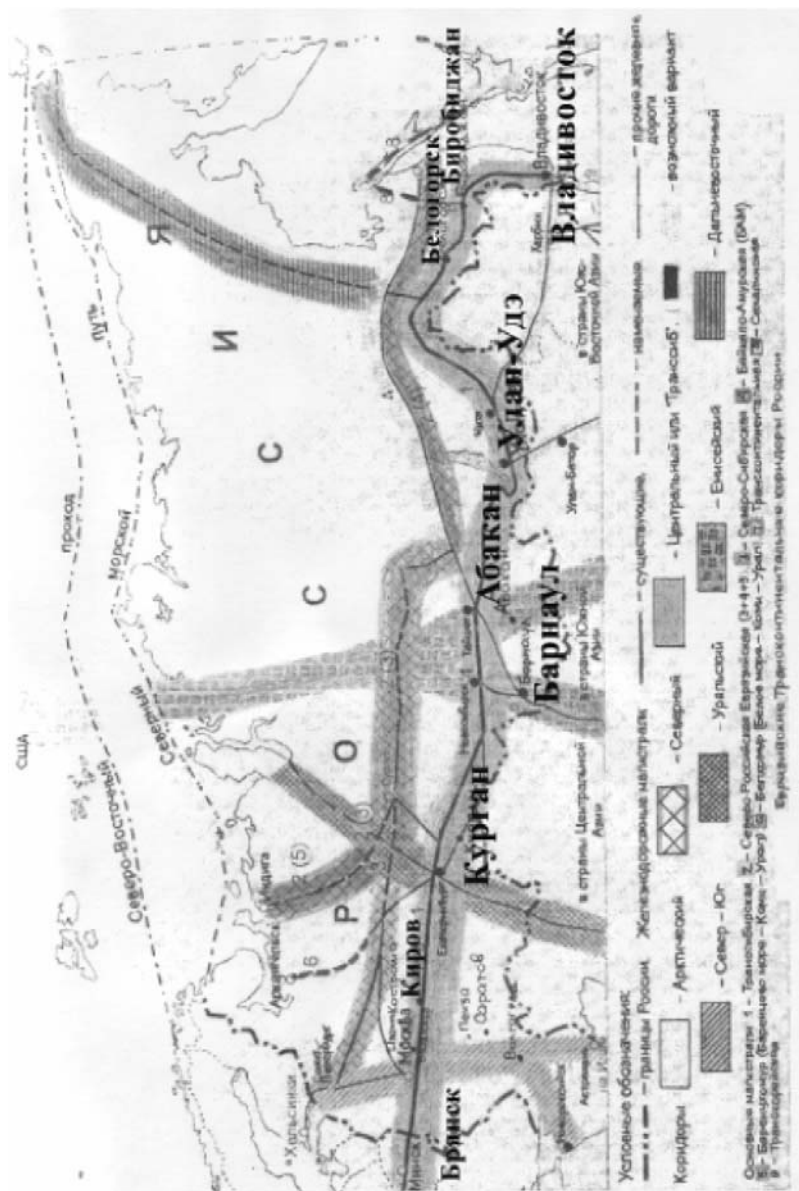

Рис. 2. Евразийские трансконтинентальные коридоры России

возможностями повышения качества работы транспортной сети за счет этого и улучшения социально-экономического положения региона в целом. К таким субъектам можно отнести Брянскую, Саратовскую, Курганскую области, Республики Бурятия и Хакасия, Алтайский и Приморский края. Если посмотреть, какие регионы пересекают железнодорожные транспортные магистрали России, то к таковым можно отнести все из изучаемых субъектов, кроме Республики Алтай и Камчатского края (таблица 3). Из исследуемых регионов — 14 занимают приграничное положение, внутреннее — 11.

В качестве примера региона с выгодным экономико-географическим положением, но слабыми социально-экономическими позициями, рассмотрим Республику Мордовия. Республика Мордовия имеет внутреннее, «субцентральное» периферийное положение в регионе «Центральная Россия», расположена в зоне влияния Транссибирского (или Центрального) трансконтинентального коридора России, который охватывает Москву, Екатеринбург, Новосибирск и Владивосток. Севернее проходит Северный коридор, западнее — коридор «Север-Юг», а восточнее — Уральский трансконтинентальный коридор (рисунок 2). Именно в зоне влияния этих транспортных коридоров в территориально обозначенном «прямоугольнике» и располагается Мордовия, что обуславливает ее выгодное транспортное «мак-

Таблица 3

Железные дороги России, проходящие по территории регионов депрессивного типа

Название железной дороги	Регион
Московская	Брянская область
Северная	Костромская, Ивановская области
Горьковская	Кировская, Владимирская области, Республика Марий Эл, Республика Мордовия
Северо-Кавказская	Ставропольский край, Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская республика, Дагестан, Кабардино-Балкария
Приволжская	Саратовская область. Центр управления — г. Саратов
Южно-Уральская	Курганская область
Западно-Сибирская	Алтайский край
Красноярская	Республика Хакасия
Восточно-Сибирская	Иркутская область, Республика Бурятия. Центр управления – г. Иркутск
Забайкальская	Читинская, Амурская области. Центр управления — г. Чита
Дальневосточная	Амурская область, ЕАО, Приморский край

роположение». «Мезоположение» в Приволжском федеральном округе таково, что республика располагается в западной его части. По показателю отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования в этом регионе Мордовия находится на последнем месте наряду с Марий Эл, Чувашией и Пензенской областью. По отправлению пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования Мордовия превосходит лишь Марий Эл и занимает одно из предпоследних мест.

По протяженности автодорог с твердым покрытием (общего пользования и ведомственных) у республики низкий показатель и небольшой удельный вес автодорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (77,8%). Показатель плотности автодорог общего пользования с твердым покрытием составляет 171 км на 1000 км², в то время как в Кировской области он равен 77, а максимальный показатель по округу в Чувашской Республике — 264 км на 1000 км² [5]. Мордовия находится на пересечении железнодорожных магистралей, занимает переходное положение между крупнейшими регионами России: Центром, Уралом и Сибирью, северными районами и Поволжьем. Транспортная сеть Мордовии представлена дорогами железнодорожного и автомобильного (дороги федерального, республиканского и местного значения) транспорта, объединяющего центры и транспортные узлы, трубопроводными коммуникациями. Железные дороги, проходящие через республику, связывают г. Саранск с российскими городами: Москвой, Н. Новгородом, Астраханью, Санкт-Петербургом, Самарой, Екатеринбургом и др. По территории республики проходит федеральная дорога «Урал», пересекающая в юго-западной части Зубово-Полянский район. Эта дорога имеет подъезд к Саранску и образует участок: «Саранск–Краснослободск–Н. Выселки» Другие федеральные дороги в Мордовии представлены дорогами «Саранск–Сурское–Ульяновск» (проходит по территории Мордовии через п. Чамзинка и п. Дубенки, называется «Саранск–Дубенки — граница с Ульяновской областью») и «Саранск–Н. Новгород». По территории республики проходят газопроводы «Ямбург–Тула», «Уренгой–Центр», «Саратов–Н. Новгород–Череповец». Транспортно-географическое положение Мордовии является приоритетным фактором регионального развития.

Для дальнейшего анализа рассмотрим динамику ряда транспортных показателей (1990 г. и 2007 г.) в регионах депрессивного типа. Рисунок 3 показывает численное изменение показателя отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования —

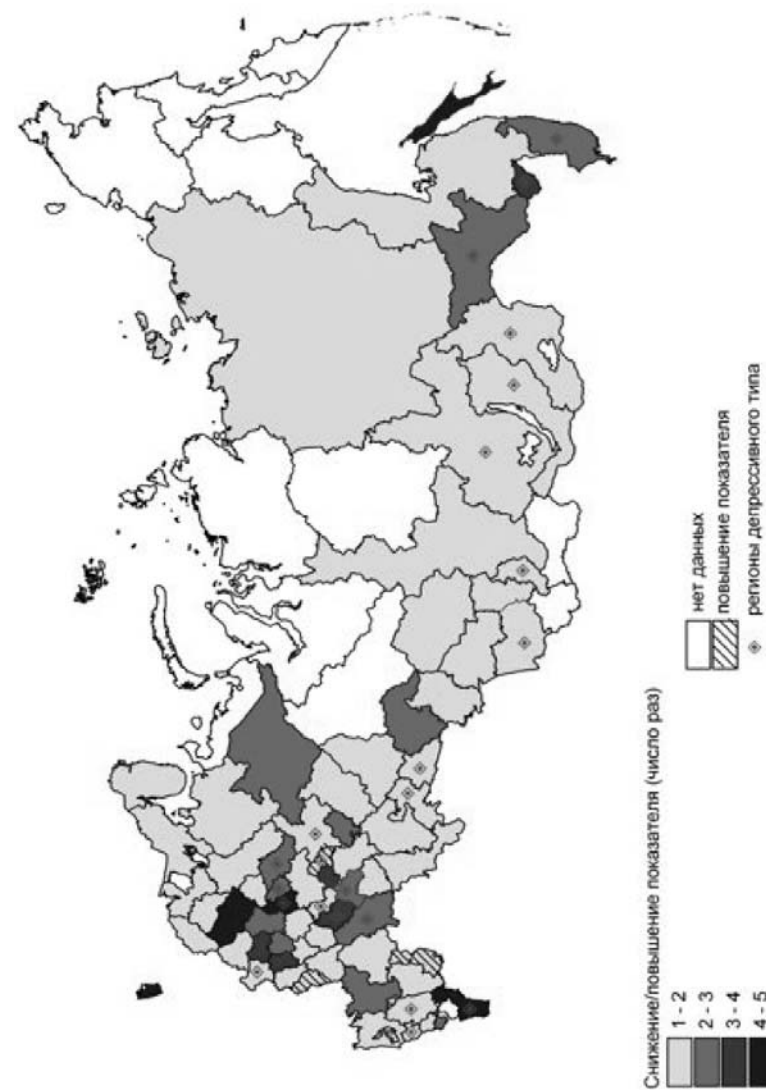

Рис. 3. Изменение показателя отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования по субъектам Российской Федерации (1990 г./2007 г.)

1990 г. относительно 2007 г. (в определенное число раз). Только в четырех регионах России наблюдается положительная тенденция, т.е. повышение показателя в 2007 г. по сравнению с 1990 г., хотя и незначительное — не более чем в 1–2 раза. Это регионы — Республика Марий Эл, Белгородская, Астраханская, Тюменская области. Для депрессивных регионов в целом характерно понижение показателя в 1–2 раза. Исключение составляют регионы — Республика Дагестан, Владимирская область, ЕАО, где снижение произошло в 4–5 раз. В ходе сравнительного анализа были выявлены следующие основные тенденции изменения показателя отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования в регионах депрессивного типа с 1990 г. по 2007 г.:

снижение показателя с 1990 г., рост — с 2001 г., значение показателя 2007 г. выше 1990 г.: Республика Марий Эл;

снижение показателя с 1990 г., с 2000–2003 гг. — возрастание: Брянская область, Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Ставропольский край, Саратовская область, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Алтайский край;

снижение показателя с 1990 г., с 2004 г., 2005 г. — возрастание: Приморский край, Ульяновская область;

снижение показателя с 1990 г., с 2000 г. — возрастание, значение показателя 2007 г. ниже 2006 г.: Костромская область, Республика Мордовия, Курганская область, Иркутская область;

снижение показателя с 1990 г., с 2000 г. — возрастание, затем постепенное снижение до 2006 г., значение показателя 2007 г. выше 2006 г.: Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Кировская область, Пензенская область;

снижение показателя с 1990 г., значение показателя 2007 г. выше 2006 г.: Владимирская область, Ивановская область.

Наиболее позитивная ситуация в данном случае складывается в Республиках Марий Эл, Адыгея, Карачаево-Черкесская, Бурятия, Хакасия, в областях Брянской, Саратовской, а также в Ставропольском и Алтайском краях.

Во всех депрессивных регионах отмечается спад производства и снижение уровня доходов населения, что повлияло на объемы транспортной работы и подвижность населения. Рисунок 4 показывает расчетные данные по транспортной подвижности населения, обслуживаемого железнодорожным транспортом общего пользования в регионах депрессивного типа в 1990 г. Наибольшее число поездок отмечается в Брянской области, Приморском крае, Владимирской области, Ставропольском крае, Иркутской области, Алтайском крае.

Показатель транспортной активности населения, обслуживаемого железнодорожным транспортом общего пользования в регионах депрессивного типа, 1990 г.

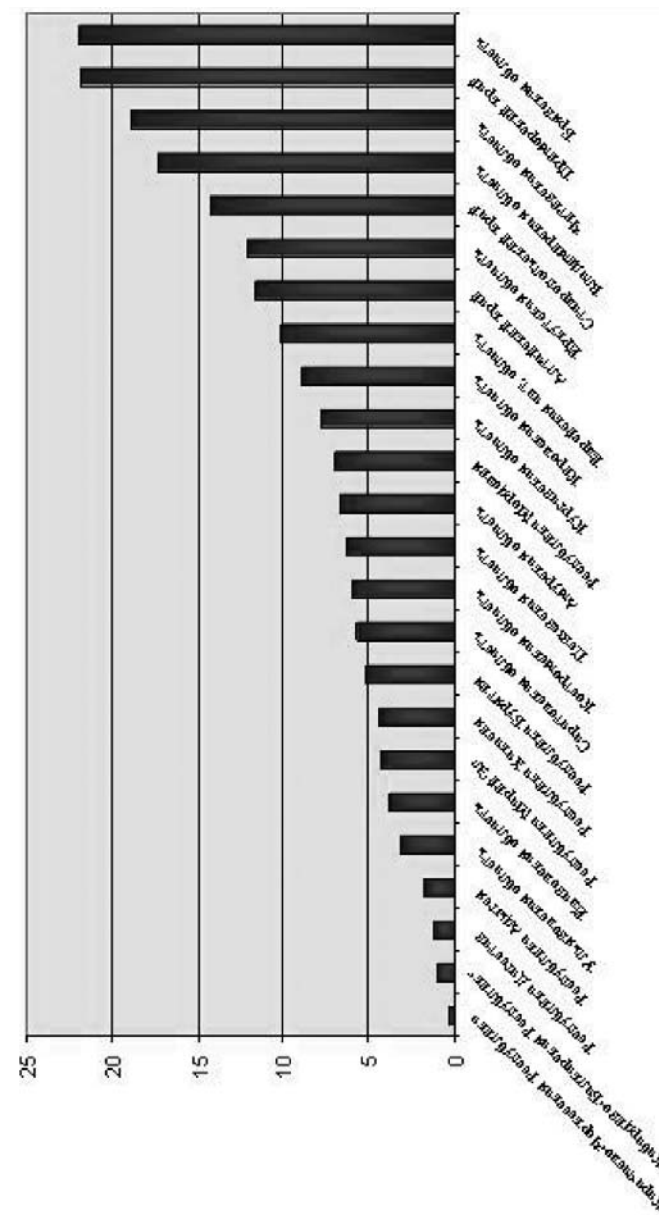

Рис. 4. Среднее число поездок в год жителя региона депрессивного типа железнодорожным транспортом, 1990 г.

Рейтинг регионов депрессивного типа по ряду транспортных показателей, 2007 г.

[составлено по источн.: 2]

Регион	Место среди субъектов Федерации						Сумма мест	Рейтинг
	объем транспортных услуг на душу населения	число автобусов общего пользования на 100000 чел. населения	густота железнодорожных путей общего пользования, км на 1 000 кв. км территории	густота автомобильных дорог общего пользования, км на 1000 кв. км территории	удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования в %	транспортная подвижность населения, обслуживаемого железно-дорожным транспортом общего пользования*		
Брянская область	59	32	9	21	5	23	164	1
Владимирская область	74	66	6	20	11	39	226	2
ЕАО	49	12	38	60	16	68	250	3
Камчатский край	17	81	н.д.	79	39	41	257	4
Пензенская область	64	47	28	36	2	45	262	5
Саратовская область	65	67	15	43	6	70	285	6
Республика Мордовия	73	37	22	24	60	43	289	7
Ставропольский край	53	54	39	40	25	72	315	8
Иркутская область	35	44	67	70	50	48	320	9
Республика Адыгея	83	69	23	17	1	73	321	10

Кировская область	47	45	55	52	69	12	41	321	10
Костромская область	72	35	47	48	76	24	20	322	11
Кабардино-Балкарская Республика	69	42	46	2	63	53	47	322	11
Ульяновская область	60	56	27	33	27	48	74	325	12
Республика Хакасия	55	50	44	59	10	45	69	332	13
Республика Марий Эл	63	34	58	35	77	49	17	333	14
Республика Дагестан	24	68	49	37	31	56	81	346	15
Республика Алтай	76	55	35	64	70	н.д.	49	349	16
Ивановская область	75	58	35	15	66	42	59	350	17
Курганская область	56	74	48	47	71	26	35	357	18
Амурская область	42	77	57	65	34	24	61	360	19
Приморский край	9	73	51	58	53	52	66	362	20
Алтайский край	61	78	52	44	55	11	67	368	21
Республика Бурятия	51	79	66	68	49	28	50	391	22
Карачаево-Черкесская Республика	82	71	65	12	38	58	65	391	22
Читинская область	41	59	60	62	73	21	79	395	23

Таблица 5
Рейтинг регионов депрессивного типа по ряду социально-экономических показателей, 2007 г.
 [составлено по источн.: 2]

Регион	Место среди субъектов Федерации								Сумма мест	Рейтинг
	Валовый региональный продукт на душу населения в 2006 г.	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости)	Ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 человек	Оборот розничной торговли на душу населения	Инвестиции в основной капитал	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек	Число зарегистрированных преступлений на 100000 человек		
Иркутская область	24	20	60	33	19	34	57	4	252	1
Приморский край	38	31	73	32	70	27	8	3	282	2
Камчатский край	17	71	83	27	61	11	7	40	317	3
Курганская область	27	57	71	34	52	50	28	7	326	4
Республика Хакасия	40	68	46	73	42	58	17	10	354	5
Амурская область	37	40	70	61	27	41	50	29	355	6
Республика Бурятия	42	61	52	40	71	43	71	5	385	7
Читинская область	52	41	63	56	43	55	60	21	391	8
Ставропольский край	66	28	37	37	74	54	30	73	399	9
Саратовская область	53	23	31	62	68	69	42	68	416	10
ЕАО	39	77	75	59	26	51	78	17	422	11
Алтайский край	65	33	59	53	78	74	34	27	423	12

Пензенская область	67	36	30	52	49	67	63	63	427	13
Ульяновская область	55	56	39	50	60	64	47	59	430	14
Республика Алтай	71	82	57	78	51	74	34	19	466	15
Республика Марий Эл	70	70	26	75	62	78	75	11	467	16
Владимирская область	54	58	56	65	67	72	58	44	474	17
Кировская область	63	44	55	71	54	70	61	61	479	18
Республика Дагестан	77	45	49	47	69	59	84	83	513	19
Республика Мордовия	64	60	51	80	41	77	74	74	521	20
Костромская область	57	63	69	69	81	65	59	64	527	21
Брянская область	68	55	61	60	80	67	81	57	529	22
Республика Адыгея	75	79	76	76	64	80	27	82	559	23
Карачаево-Черкесская Республика	72	78	62	68	73	73	62	77	565	24
Ивановская область	74	65	77	79	84	81	72	46	578	25
Кабардино-Балкарская Республика	76	74	54	72	83	76	77	79	591	26

Наименьшее число поездок было совершено в Республиках Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Адыгея. Число поездок в регионах депрессивного типа на данный год — не более 25. Рисунок 5 отражает тот же показатель, но в 2007 г. Число поездок уже составляет не более 14. Брянская область уступила место Иркутской области, за ней следует ЕАО, Владимирская область, Алтайский край, Кировская, Читинская области. Наименьшее количество поездок характерно для Республик Карачаево-Черкессии, Дагестана, Адыгеи, Кабардино-Балкарии.

Анализ данных транспортной подвижности населения, обслуживаемого автобусами общего пользования, показывает, что в 1990 г. только девять регионов имели менее 100 поездок в год — это Республика Мордовия, Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Читинская область, Алтайский край, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, для остальных регионов отмечается значение показателя — более 100 поездок в год. Общее снижение транспортной подвижности населения автобусами в Российской Федерации составило 3,5 раза. В 2007 г. большинство субъектов Российской Федерации имели среднее число поездок на 1 жителя — менее 100. Из депрессивных регионов наиболее низкие показатели в Республике Дагестан (4 поездки), Читинской области (6 поездок), Ульяновской области и Республики Адыгея — 11 поездок в среднем на 1 жителя.

В Российской Федерации произошло существенное снижение транспортной подвижности населения, обслуживаемого как железнодорожным транспортом, так и автобусами общего пользования. Снижение потребления транспортных услуг связано с растущей безработицей в большинстве российских регионов, уменьшением доходов населения — с одной стороны. С другой — с растущей автомобилизацией населения и развитостью торговых услуг. Подвижность населения можно считать индикатором сложившейся территориальной организации и специализации места деятельности людей. На уровне потребления транспортных услуг сказывается влияние стиля и темпа жизни, степени занятости, уровня доходов населения и развитости сферы услуг.

Таблица 4 показывает общий рейтинг регионов депрессивного типа по ряду транспортных показателей в 2007 г.: объем транспортных услуг на душу населения, число автобусов общего пользования на 100 000 чел. населения, густота железнодорожных путей общего пользования (км на 1 000 км² территории), густота автомобильных дорог общего пользования, км на 1000 км² территории, удельный

Показатель транспортной активности населения, обслуживаемого железнодорожным транспортом общего пользования в регионах депрессивного типа, 2007 г.

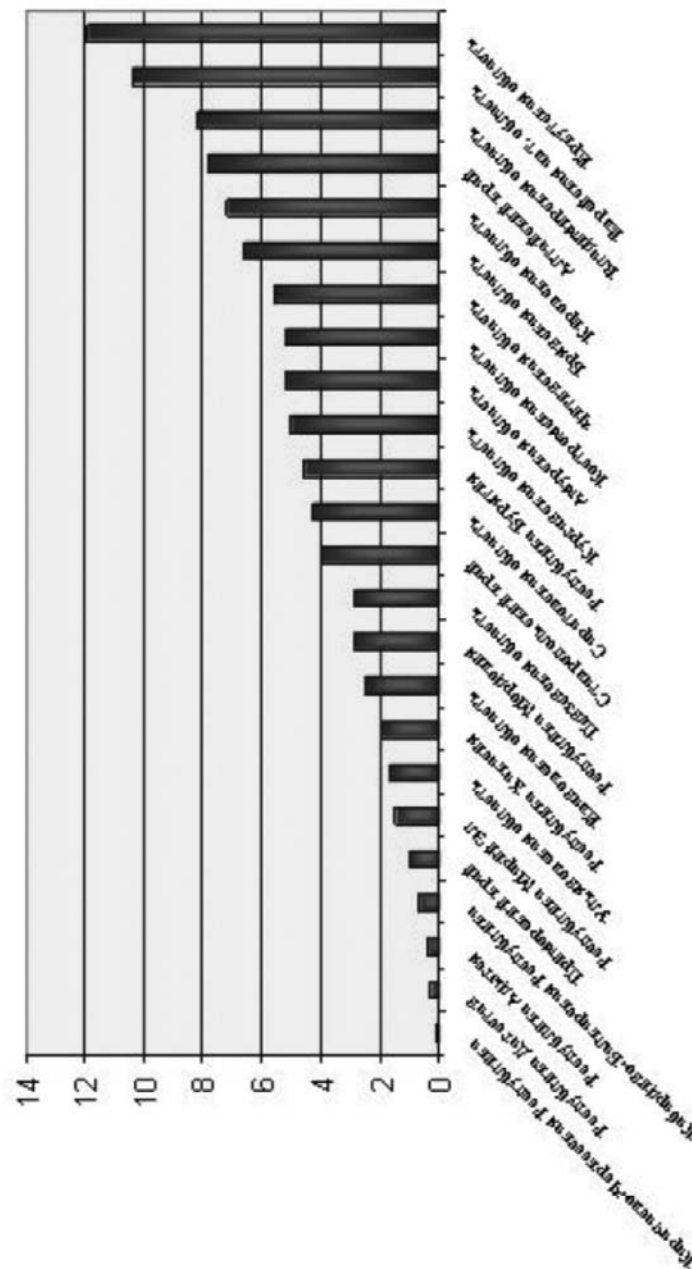

Рис. 5. Среднее число поездок в год жителя региона депрессивного типа железнодорожным транспортом, 2007 г.

вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (%), транспортная подвижность населения, обслуживаемого железнодорожным транспортом общего пользования, транспортная подвижность населения, обслуживаемого автобусами общего пользования. Для расчета рейтинга было произведено суммирование мест, занимаемых регионами по тому или иному показателю, и по общей сумме выстроен рейтинг регионов. Высоким рейтингом обладают Брянская, Владимирская области, ЕАО, Камчатский край, Пензенская, Саратовская области, Республика Мордовия. Последние места занимают Читинская область, Кабардино-Балкария, Бурятия, Алтайский край, Амурская, Курганская области. Для некоторых регионов характерны последние места по ряду показателей, в основном по объему транспортных услуг на душу населения — Адыгея имеет 83-е место в Российской Федерации, Карачаево-Черкессия — 82-е, Республика Алтай — 76-е, Ивановская область — 75-е, Владимирская область — 74-е, Республика Мордовия — 73-е, Кабардино-Балкария — 69-е, низкие позиции по данному показателю и у Брянской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей.

Таблица 5 показывает рейтинг изучаемых регионов по социально-экономическим показателям: ВРП на душу населения, стоимость основных фондов в экономике, ввод в действие общей площади жилых домов, оборот розничной торговли, инвестиции в основной капитал, среднедушевые денежные доходы, число собственных легковых автомобилей, число зарегистрированных преступлений. Высоким рейтингом обладают Иркутская область, Приморский и Камчатский края, Курганская область, наиболее слабые позиции у Кабардино-Балкарской Республики, Ивановской области, Карачаево-Черкесской и Адыгейской Республик, Брянской и Костромской областей, Республики Мордовия.

Таблица 6 отражает сводный рейтинг регионов. Откуда видно, что позиции регионов в «транспортном» и «социально-экономическом рейтинге» не совпадают. Совпадение мест характерно для выделенных в таблице жирным шрифтом регионов. Это Ставропольский край, Ульяновская область, Марий Эл, Карачаево-Черкесская Республика. Недоиспользуют выгоды транспортно-географического положения Курганская, Читинская и Амурская области, Бурятия и Приморский край. В то время как имеющие слабые социально-экономические позиции Брянская и Владимирская области лидируют в рейтинге по транспортным показателям.

Таблица 6

Рейтинг регионов депрессивного типа по сумме мест среди субъектов РФ по ряду показателей, 2007 г.

транспортных показателей	сумма мест	социально-экономических показателей	сумма мест
1. Брянская область	164	1. Иркутская область	251
2. Владимирская область	226	2. Приморский край	282
3. ЕАО	250	3. Камчатский край	317
4. Камчатский край	257	4. Курганская область	326
5. Пензенская область	262	5. Республика Хакасия	354
6. Саратовская область	295	6. Амурская область	355
7. Республика Мордовия	299	7. Республика Бурятия	385
8. Ставропольский край	315	8. Читинская область	391
9. Иркутская область	320	9. Ставропольский край	399
10. Республика Адыгея	321	10. Саратовская область	416
11. Кировская область	321	11. ЕАО	422
12. Костромская область	322	12. Алтайский край	423
13. Кабардино-Балкарская Республика	322	13. Пензенская область	427
14. Ульяновская область	325	14 Ульяновская область	430
15. Республика Хакасия	332	15. Республика Алтай	466
16. Республика Марий Эл	333	16. Республика Марий Эл	467
17. Республика Дагестан	346	17. Владимирская область	474
18. Республика Алтай	349	18. Кировская область	479
19. Ивановская область	350	19. Республика Дагестан	513
20. Курганская область	357	20. Республика Мордовия	521
21. Амурская область	360	21. Костромская область	527
22. Приморский край	362	22. Брянская область	529
23. Алтайский край	368	23. Республика Адыгея	559
24. Республика Бурятия	391	24. Карачаево-Черкесская Республика	565
25. Карачаево-Черкесская Республика	391	25. Ивановская область	578
26. Читинская область	395	26. Кабардино-Балкарская Республика	591

Вывод. Для большинства депрессивных регионов развитие транспортных коммуникаций и реализация выгод транспортно-географического положения позволит обеспечить возможности преодоления депрессивного состояния. Эффективные транспортные стратегии могут служить целевым ориентиром преодоления региональной депрессивности и повышения уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Литература

1. Региональные транспортные консолидирующие центры — опорные узлы системы международных транспортных коридоров / Под ред. *С.В. Архангельского, В.И. Арсенова, Г.Р. Хасаева*. — Самара: Самарский научный центр РАН. — 2004. — 338 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. — М., 2008. — 847 с.
3. *Семина И.А.* Депрессивные регионы России: статистический анализ развития транспорта в период с 1990 по 2006 гг. // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). — М.: ИГ РАН. — 2008. — С. 151–161.
4. *Тархов С.А., Семина И.А.* Транспорт как объект географического изучения / Географические исследования территориальных систем природной среды и общества: межвуз. сб. науч. тр. Вып. V / Редкол.: *Н.А. Кильдишова* (отв. ред.), *А.М. Носонов* и др. — Самара: НИИ Регионологии, 2007. — С. 19–30.
5. Транспорт в России: 2007: и связь РФ: Стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 198 с.

Атаев З.А.

Территориальная организация локальной энергетики: Рыбновский район Рязанской области

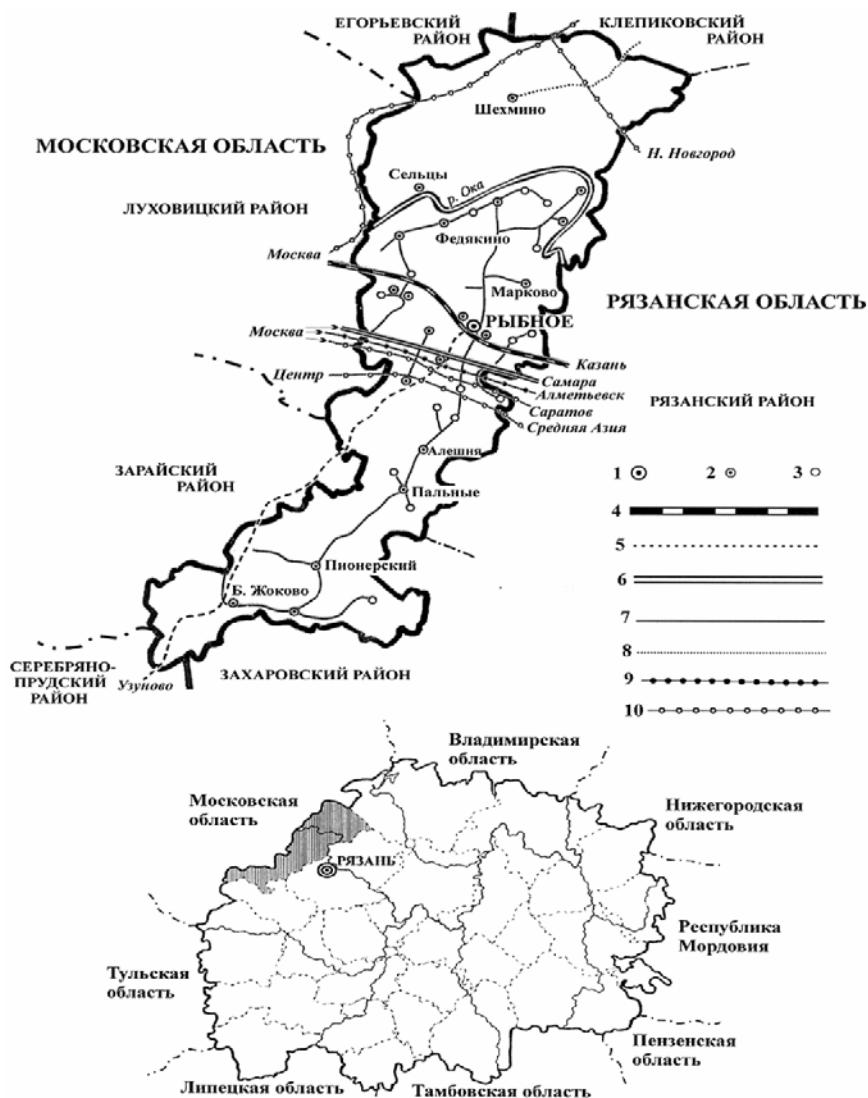
Общая характеристика Рыбновского района. Административный район расположен в северо-западной части Рязанской области и занимает территорию в 1406,9 км², что составляет 3,5% площади региона (рис. 1).

Муниципальное образование граничит с тремя районами Рязанской области (Клепиковским, Рязанским и Захаровским районом) и четырьмя районами Московской области (Егорьевским, Луховицким, Зарайским и Серебряно-Прудским районами). При этом районы столичного региона в свое время входили в состав Рязанской губернии. Административно район включает г. Рыбное и 20 сельских округов, где проживает примерно 38 тыс. человек, в том числе 18,7 тыс. в городе и 19,3 тыс. человек в 116 сельских поселениях.

Выгодное экономико-географическое положение одноименного железнодорожного узла (Рыбное), расположенного в непосредственной близости от регионального и федерального центров (Рязань — 27 км, Москва — 150 км), определяет потенциально благоприятные предпосылки для перспективного социально-экономического развития района. По территории района проходит самая значимая в Рязанской области полимагистраль. Транспортный «коридор» имеет республиканское и межрайонное значение: речное судоходство по реке Ока; магистральные газопроводы «Саратов — Москва», «Средняя Азия — Центр», «Нижний Новгород — Центр»; нефтепровод «Алметьевск — Москва»; федеральная автомобильная магистраль М–5 (Москва — Самара — Челябинск) и железная дорога (Москва — Самара — Казань).

Качество жизни сельского населения района не удовлетворяет возросшим потребностям, особенно в части энергоснабжения. Например, согласно статистическим данным, высоки показатели сельской газификации (88%), но с доминированием не сетевого, а баллонного варианта газификации. Соответственно, возрастающие энергетические потребности не покрываются.

Даже в случае финансирования программ расширения централизованных энергосетей за счет бюджета крайне неблагоприятна

Рис. 1. Экономико-географическое положение Рыбновского административного района Рязанской области

1 — районный центр (г. Рыбное); 2 — центры сельских округов; 3 — прочие сельские поселения. Железные дороги: 4 — федерального значения; 5 — регионального значения. Автомобильные дороги: 6 — федерального значения; 7 — регионального значения; 8 — районного значения с щебеночным покрытием. Магистральные (межрайонного значения) трубопроводы: 9 — нефтепроводы; 10 — газопроводы.

тенденция естественной убыли населения (13—14% в год). По состоянию на 1 января 2004 г. численность сельчан в Рыбновском районе в возрасте от 60 и более лет составляла 7005 человек, или 38,9% общего числа всех жителей. Одновременно возрастает число малоллюдных и пустых поселений (табл. 1).

С учетом малоллюдности основной части деревень и возрастного состава проживающего населения сложно обеспечить его нужды по централизованному варианту энергоснабжения. Тогда, в случае выхода из строя по причине износа систем жизнеобеспечения: линий электропередач низкого напряжения и бытового назначения, средств связи, подъездных дорог, системы обеспечения товарами и услугами первой необходимости и т.д. — вероятность их восстановления почти отсутствует. В результате образуются зоны социально-экономической депрессии сельской местности.

Как правило, депрессивные ареалы имеют ярко выраженную тенденцию к расширению, что определяет необходимость их выявления в Рыбновском районе и направления возможного распространения

Таблица 1

Структура людности сельских поселений Рыбновского района Рязанской области (2002 г.)

Классификация сельских поселений по численности, чел.	Количество поселений, ед.	Количество проживающих, чел.	Удельный вес класса поселений в регионе, %
Пустые деревни	7	—	6,0
До 5	12	39	10,3
6—10	7	54	6,0
11—25	21	379	18,1
26—50	9	287	7,8
51—100	15	1086	12,9
101—200	14	1794	12,1
201—500	19	6517	16,4
501—1000	11	6708	9,5
1001—2000	—	—	—
2001—3000	1	2328	0,9
3001—5000	—	—	—
Более 5000	—	—	—
Итого	116	19 192	100,0

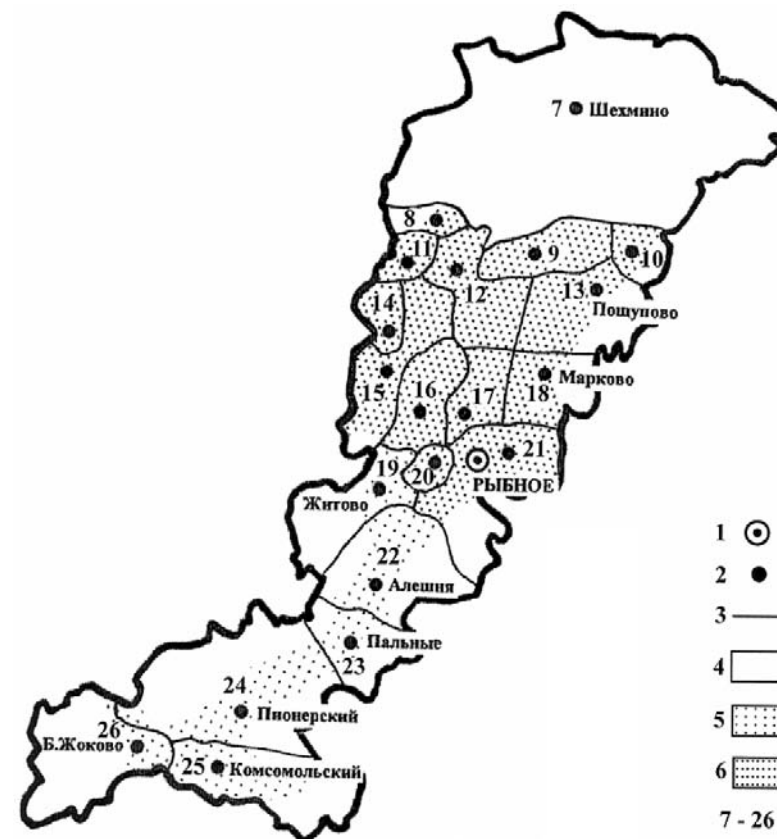
ния. Для таких ареалов наиболее демонстративным является показатель плотности населения. При этом более объективны расчеты по сельским округам с использованием палетки и топографических карт. Такой подход и последующий анализ пространственной дифференциации административного района по структуре людности сельских поселений и плотности расселения позволяет выявить определенные территориальные закономерности (рис. 2).

Из анализа рисунка 2 вытекает, что почти вся заокская часть района имеет плотность населения $0,3$ чел./км² и представляет собой зону «вымирающих деревень». В южной части района показатель варьирует в диапазоне $6–14$ чел./км², где такие деревни занимают более 50% площади. И только центральные округа муниципального образования относительно плотно заселены, в среднем 33 чел./км². Разветвленная сеть автодорог с асфальтовым покрытием также присуща только средней части района. На юге она имеет продолжение в виде линейного рисунка расселения (рис. 1). В заокской части района дорог с твердым покрытием нет, за исключением щебеночной дороги Шехмино — Криуша. Железнодорожное сообщение на периферии также отсутствует, не считая участка местного значения на юге (Узуново — Рыбное).

Территориальная организация энергоснабжения Рыбновского района. Электрификация. Мощность электрических подстанций в районе суммарно составляет $56\ 396$ кВ·А (2002 г.). При этом только за период 1993–2002 гг. сельским населением Рыбновского района было подано заявок на дополнительное подключение к электросетям на суммарную мощность 5063 кВт, или почти 9% потенциала мощности всех подстанций.

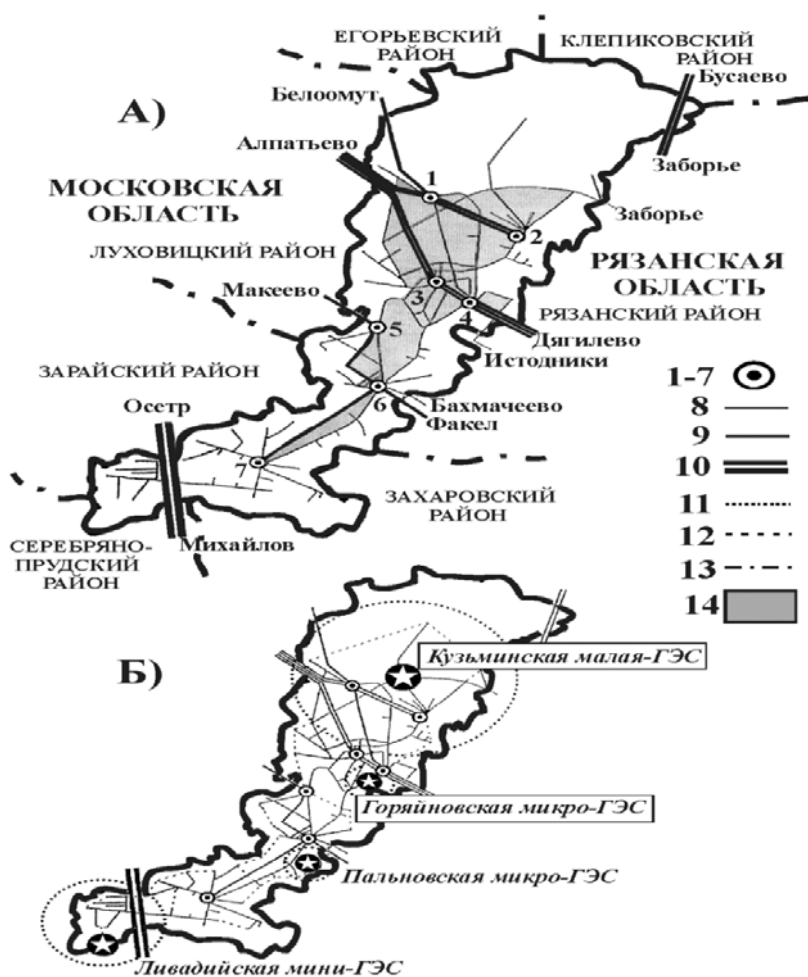
Показателен анализ целевой структуры заявок населения, среди которых почти 58% мощности — это потребности коммунально-бытовой сферы. В их числе: 24% для электрического отопления жилищ и приусадебных построек, 41% для удовлетворения производственных нужд сельского хозяйства. Особо следует выделить тенденцию роста запросов со стороны крестьянско-фермерских хозяйств (21%) и садоводческих товариществ (10,5%).

Техническая возможность, экономическая целесообразность и своевременность удовлетворения растущих энергетических нужд сельчан является индикатором определения наиболее вероятных направлений расширения зон депрессии. Система электроснабжения сильно дифференцирована по плотности насыщения и схемам ее территориальной организации (рис. 3).

Рис. 2. Плотность населения по сельским округам Рыбновского района Рязанской области

1 — районный центр; 2 — центры округов; 3 — границы округов. Зонирование по плотности населения в сельских округах: 4 — первая условная зона ($0,3–0,6$ чел./км²); 5 — вторая условная зона ($6–14$ чел./км²); 6 — третья условная зона (33 чел./км²). Сельские округа района (муниципальный центр округа — средняя плотность населения в округе, чел./км²): 7 — Шехминский (с. Шехмино — $0,3$); 8 — Селецкий (с. Сельцы — $8,2$); 9 — Кузьминский (с. Кузьминское — $32,4$); 10 — Новосельский (с. Новоселки — 23); 11 — Вакинский (с. Вакино — $21,3$); 12 — Федякинский (с. Федякино — 18); 13 — Пощуповский (с. Пощупово — $19,9$); 14 — Чурилковский (д. Чурилково — $37,6$); 15 — Глебковский (пос. Глебково — 56); 16 — Батурицкий (д. Н. Батурино — 70); 17 — Источниковский (с. Источники — $18,1$); 18 — Марковский (д. Марково — $9,9$); 19 — Козловский (с. Житово — $9,7$); 20 — Баграмовский (д. Баграмово — $190,1$); 21 — Ходынинский (с. Ходынино — $22,6$); 22 — Алешинский (с. Алешня — $13,7$); 23 — Пальновский (с. Пальные — $11,4$); 24 — Пионерский (пос. Пионерское — $5,6$); 25 — Большежоковский (с. Большое Жоково — $6,5$); 26 — Комсомольский (пос. Комсомольский — $6,7$).

Рис. 3. Территориальная организация электроснабжения Рыбновского района Рязанской области

А. Современная система электроснабжения. Электрические подстанции 110/10 кВ: 1 — «Есенино»; 2 — «Костино»; 3 — «Источники»; 4 — «Ока»; 5 — «Житово»; 6 — «Вожа»; 7 — «Пионерская». Линии электропередач: 8 — 10/0,4 кВ; 9 — 110 кВ; 10 — 220 кВ (двухцепная ЛЭП по линии: Михайлов — Осетр).

Б. Модель реконструкции системы электроснабжения: 11 — радиус обслуживания локальной энергосистемы на основе объектов малой гидроэнергетики; 12 — дополнительные вставки ЛЭП — 10/0,4 кВ, позволяющие замкнуть окончания электрической сети в замкнутые циклы; 13 — границы сопредельных административных районов; 14 — современные циклы распределительной электросети.

Концевые участки линий электрических передач (ЛЭП) с предельно высокой длиной маршрута от питающей подстанции присущи малозаселенным периферийным территориям. Для основной части района (70% площади) характерен рисунок разомкнутых сетей с очень низкой надежностью электроснабжения, что требует дополнительных вставок ЛЭП для «кольцевания» многочисленных концевых участков.

Мещерская сторона характеризуется отсутствием разветвленной системы электросетей. Центр одноименного сельского округа (с. Шехмино), электрифицирован посредством отвода ЛЭП по линии: Костино — Шехмино.

Преимущественно в центральных сельских округах района функционирует 15 замкнутых циклов распределительной электросети. Здесь сосредоточено 3/4 суммарной мощности всех электроподстанций в районе (42 322 кВ·А). Обращает на себя внимание не только насыщенность, но и топологическая завершенность всей системы электроснабжения. Так, почти все сетевые бифуркации от питающих подстанций представлены замкнутым циклом, что технологически способствует повышению надежности энергосистемы за счет переключения потребительской нагрузки на разные подстанции.

Южная группа сельских округов характеризуется линейной схемой электрификации, приуроченной к исторически сложившейся системе расселения и транспортной сети (13 954 кВ·А подстанций, или 24,8% их суммарной мощности по району). Топология системы электроснабжения отличается вытянутостью распределительных ЛЭП от питающих фидеров (питающие подстанции 110 кВ Вожа и Пионерская) и ее технической перегруженностью.

Таким образом, рисунок системы электрификации на юге имеет крайне невыгодное композиционное построение и представлен многочисленными концевыми ответвлениями к малонаселенным пунктам, где разомкнутые линии электрических передач не имеют резервной линии электроснабжения, что определяет низкую надежность энергосистемы. Решение задачи по ее оптимизации заключается в необходимости строительства минимум одной питающей подстанции 110 кВ и в расширении сетевой инфраструктуры для «кольцевания» концевых участков. Однако в условиях низкой плотности расселения эти меры экономически нецелесообразны.

Газификация. Температурную комфортность жилищ обеспечивает природный газ. Строительство газопроводов в условиях низкой плотности расселения также невыгодно, поскольку сетестроительные

затраты еще выше, чем при сооружении электрических сетей. Поэтому сетевая газификация «неперспективных деревень» — это вопрос не ближайшего будущего.

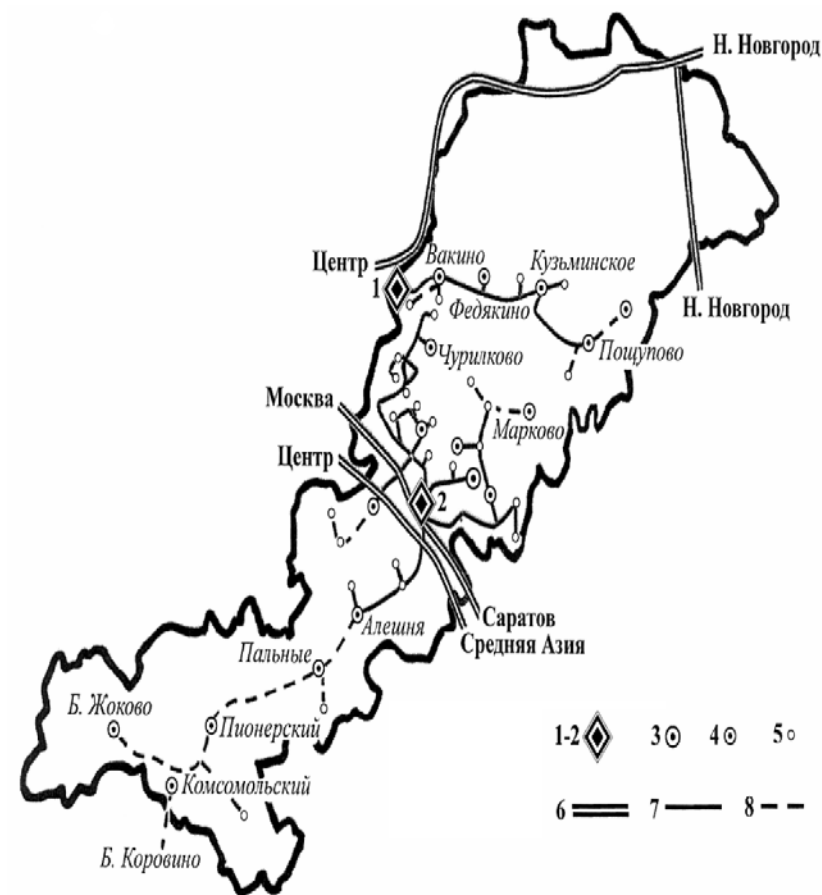
За основу анализа сетевой инфраструктуры в районе нами приняты следующие типы газопроводов: магистральные (каркасные), имеющие федеральное значение; высокого давления 1-й и 2-й категории (соответственно 1,2–0,6 МПа); среднего давления 0,3 МПа. Газопроводы самого низкого давления и бытового назначения учитывались только частично (0,003 МПа). В соответствии с таким подходом на территории района можно выделить несколько специфичных группировок сельских округов по территориальной организации сетевой газификации (рис. 4).

Из анализа рисунка 4 вытекает, что наиболее обеспечена и насыщена сетевой инфраструктурой срединная часть Рыбновского района, где можно выделить два четко просматриваемых сегмента системы газоснабжения.

Первый сегмент газоснабжения приурочен к полосе исторически плотного приречного расселения и представлен линией, имеющей в основе газораспределительную станцию «Ивашково» (подпитка от магистрального газопровода «Нижний Новгород — Центр»): Вакино — Федякино — Константиново — Кузьминское — Аксеново — Ромоданово — Медведево — Пощупово. Перспективным продолжением этого рисунка газификации является сооружение сети по линии Новоселки — Костино.

Вторым и более значимым сегментом системы газоснабжения центральной группы сельских округов выступает полоса «магистрального» расселения, или зона «транспортного коридора». Эта территория концентрирует основную часть населения района и его экономического потенциала. Система газоснабжения имеет подпитку от газопровода «Саратов — Москва» и опирается на потенциал газораспределительной станции «Баграмово».

Территориальный рисунок этой системы отличается разнообразием построения, охватывающим все наиболее крупные поселения. Обращает на себя внимание не только наличие предпосылок для «кольцевания» сети, но и перспективы ее соединения с системой приречной группы сельских округов. Создание такой конфигурации позволит существенно повысить надежность энергоснабжения. Наличие в непосредственной близости еще одного магистрального газопровода «Средняя Азия — Центр» усиливает потенциал территориальной организации системы сельского газоснабжения.

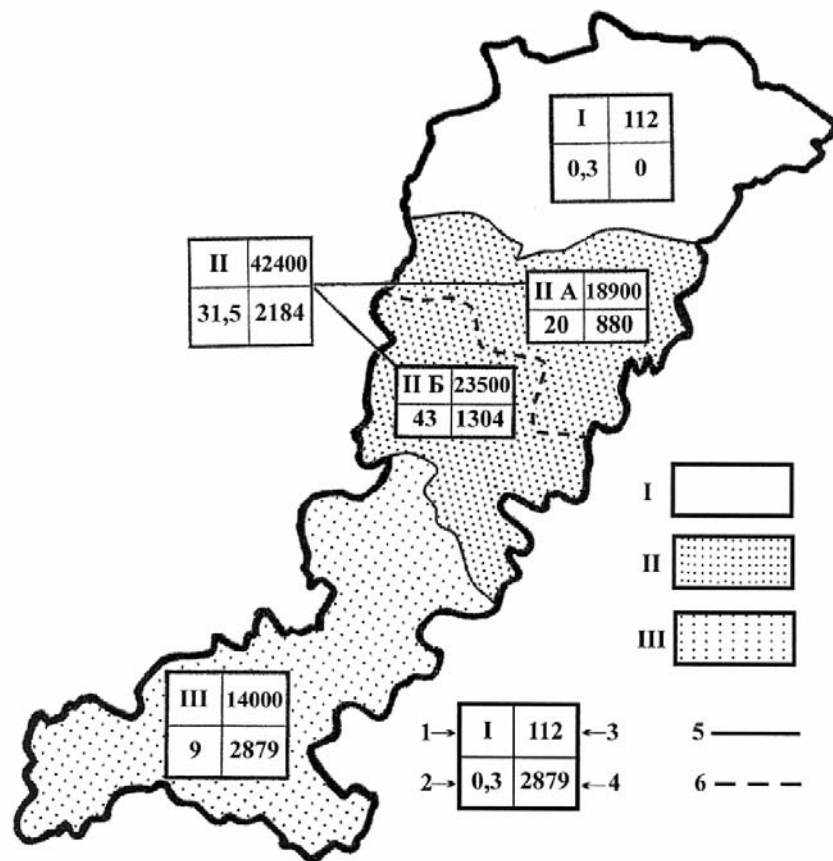
Рис. 4. Территориальная организация газоснабжения Рыбновского района

Газораспределительные станции: 1 — «Ивашково»; 2 — «Баграмово».

Поселения: 3 — центр района (Рыбное); 4 — центры сельских округов; 5 — прочие сельские поселения.

Газопроводы: 6 — магистральные; 7 — высокого давления (1–2-й категории) и среднего давления; 8 — планируемые к строительству.

Зонирование Рыбновского района по плотности сельского населения и электроснабжения. Вышеизложенный анализ по критерию людности сельских поселений, плотности расселения, системе энергоснабжения и транспортной обеспеченности позволяет условно выделить в районе несколько контрастных групп (типов) сельских округов (рис. 5).

Рис. 5. Зонирование Рыбновского района по плотности сельского населения и электроснабжения

Типовые зоны: I — Мещерская зона; II — Центральная зона (в составе двух подзон: А — приречная; Б — магистральная); III — Южная зона. 1 — номер зоны; 2 — плотность сельского населения в типовой зоне, чел./км²; 3 — мощность электростанций в типовой зоне, кВт; 4 — заявки на подключение к ЛЭП за 1993–2002 гг.; 5 — границы зон; 6 — границы подзон.

Первая типовая зона (Мещерская) — это территория доминирования очаговой системы расселения (0,3 чел./км²). Таксон представлен Шехминским округом (119 человек), других поселений в зоне нет. Таким образом, на территории площадью 401 км² (29%) живет всего 0,6% сельского населения района. Схема энергоснабжения включает отпайку ЛЭП с низкой надежностью энергоснабжения (8 км), сетевая газификация отсутствует. Транспортная инфраструктура представлена щебеночной дорогой Шехмино — Криуша.

Решение энергетических проблем этой территории по централизованному варианту экономически нецелесообразно. Основой локальной системы энергоснабжения здесь могут быть месторождения торфа (однако этот ресурс нами не рассматривается). Высоки возможности «кольцевания» линий электропередач с локальной системой на основе возрождения Кузьминской малой гидроэлектростанции (р. Ока, 1 МВт), что существенно увеличит надежность электроснабжения. Радиус потенциальной зоны обслуживания малой-ГЭС определяет возможность такой перспективы (см. рис. 3 Б).

Вторая типовая зона (Центральная) отличается концентрацией жителей в многолюдных селах, расположенных вдоль полимагистралей. Специфика расселения позволяет условно обозначить такие сельские округа как зону «транспортного коридора». Система энергоснабжения представлена разветвленной сетью электропередач и густой инфраструктурой газовых сетей.

В зоне на площади в 475 км² (33,7% района) сконцентрировано 14 811 человек, или 76,86% всех сельских жителей, и 3/4 потенциала электрических подстанций района. Этот таксон — «полюс роста» муниципального образования, где решение энергетических проблем целесообразно по пути сопряжения (комбинирования) централизованной и локальной энергосистемы. По вариации основных признаков в таксоне выделены две подзоны.

Условно приречная подзона вытянута по правобережью реки Ока и представляет собой наиболее ранний каркас расселения в Рязанской области. Таксон состоит из 6 сельских округов, включающих крупные по людности поселения (4618 человек, или 24% сельских жителей района) на площади 236 км² (16,8% района). Средняя плотность населения в подзоне составляет 19,6 чел./км² и варьирует в более широком диапазоне — 10–32 чел./км². В подзоне сосредоточено 18 897 кВт·А мощности электрических подстанций (33,5% по району). Сетевая газификация выполнена по схеме строительства и эксплуатации газопроводов 1-й категории и высокого давления (1,2 МПа). Территориальный рисунок сетевого газо-

снабжения охватывает практически все поселения в составе сельских округов таксона.

Наиболее перспективным направлением территориальной организации локальной энергосистемы на основе возрождения Кузьминской малой-ГЭС выступает линия: Вакино — Федякино — Константиново — Кузьминское — Новоселки — Пощупово — Костино. Начальный и конечный пункт такой энергосистемы замыкается на потенциал подстанций «Есенино» и «Костино» (110 кВ), что определяет технологическую целесообразность параллельной работы МГЭС в единой сети. Для реализации такой схемы наблюдается удачное композиционное построение циклов распределительной сети, что позволяет оптимизировать нагрузку Кузьминской малой-ГЭС.

За последнее десятилетие в подзоне новые потребности в электроэнергии населения достигли 880 кВт (17,4% по району). Непосредственно в радиусе охвата локальной энергосистемы запросы по мощности достигают 483 кВт. Мощность самой Кузьминской МГЭС ранее составляла 1000 кВт, а объем среднегодовой генерации электроэнергии — 3 млн. кВт·ч. Следовательно, потенциал локальной системы перекрывает современный рост потребностей населения. В пределах радиуса обслуживания малой-ГЭС проживают 4052 сельских жителя, или почти 88% населения таксона. Тогда, исходя из объема возможной выработки Кузьминской МГЭС, на каждого жителя будет приходиться минимум по 730 кВт·ч в год (2,2 кВт·ч/сутки).

Энергетически наиболее слабым в рассматриваемой подзоне является Марковский округ (9,9 чел./км²). За 1993–2002 гг. только из д. Марково подали заявки на дополнительное подключение к электросетям суммарной мощностью 397 кВт (336 человек, 110 дворов), в том числе 322 кВт на электроотопление жилищ и хозяйственных построек. Целевой спрос населения обусловлен отсутствием сетевого варианта газификации. Планы продолжения сетестроительных работ позволят централизованно решить эту проблему (рис. 4). Возможен и вариант использования дешевой электроэнергии Кузьминской малой-ГЭС. Наличие замкнутой структуры сети, вхождение поселения в радиус обслуживания Кузьминской МГЭС позволяют признать возможным применение и такой схемы электрического отопления (рис. 3).

Условно магистральная подзона приурочена к транспортной полимагистрали, пересекающей Рыбновский район в направлении Москва — Рязань, и к историческому расселению, имевшему давнюю связь с судоходством по реке Ока. Однако большую хозяйственную роль играл сухопутный тракт на столицу, позже дополненный желез-

ной дорогой и автомагистралью, а также двумя подземными газопроводами межрайонного значения «Саратов — Москва» и «Средняя Азия — Центр». Именно здесь сконцентрированы шесть наиболее плотно заселенных сельских округов района (10 193 чел.), т.е. на площади 239 км² (16,9% района) проживает более 52,8% населения. Средняя плотность населения в подзоне составляет 42,6 чел./км² и по сельским округам находится в диапазоне 18–190 чел./км².

Сетевой потенциал газификации и электроснабжения вытянут вдоль «транспортного коридора» федерального значения. На этой территории сосредоточено 23 425 кВт·А мощности питающих подстанций, или более 41,5% их общей мощности в районе. Однако за последнее десятилетие фиксируется рост заявок населения на дополнительное подключение к сетям. Заявленная мощность достигла 1304 кВт (25,7% по району). Сохраняется доминирование роста потребностей коммунально-бытовой сферы населения.

Южная типовая зона (6–14 чел./км²) охватывает 36% площади района и 21% сельского населения. Значительная часть территории — зона социально-экономической депрессии: газификация поселений минимальна, а растянутые и изношенные сети обрекают ареал на обострение энергетических проблем. Возможный вариант решения проблемы — возрождение Ливадийской мини-ГЭС (р. Осетр, 0,5 МВт), что позволит смягчить ситуацию не только в Рыбновском районе, но и в смежных и периферийных сельских округах Серебряно-Прудского и Зарайского районов Московской области. Прилегающие к столичному региону малозаселенные земли — сегодня являются объектом массовой скупки под дачи, коттеджи и т.д., что приводит к своеобразной инверсии энергетических потребностей по сезонам года «до наоборот» (пик нагрузки летом, а не зимой).

Литература

1. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России. Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, Изд-во МПСИ, 2006. 344 с., 15 с. ил.
2. Атаев З.А. Географические основы локальной энергетики ЦЭР России. Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2008. 284 с.

Атаева Н.А.

Естественно-природные ресурсы — резерв регионального развития

Вероятно, страницы научных изданий могут быть ареной дискуссий. Речь идет о компании борьбы с «ветряками» в публикации А.А. Белякова [4]. Несмотря на то, что с момента издания статьи прошло более десяти лет, подобного рода утверждения и выводы появляются с завидным постоянством. Так, например, не потеряло своей злободневности утверждение о том, что на Западе «стали пускать ветры в энергетику» по причине полного использования гидроэнергетического потенциала территории и негативного отношения общественности к атомной энергетике.

Оба утверждения очень спорны. Всплеск интереса к возобновляемой энергетике за рубежом приходится на годы энергетического кризиса 1970–1980 гг. В семидесятые годы специальные исследования инженерных войск США выявили наличие на территории страны сотен гидроузлов с функционирующими плотинами, но не используемыми для выработки электроэнергии. Их общий энергетический потенциал был оценен в 55 млн. кВт по параметру мощности, а это 1/4 суммарной мощности системной энергетики России!

Общественное мнение по поводу развития атомной энергетики, конечно, фактор значимый. Однако не стоит преувеличивать его роль. В США, Германии, Англии, Канаде и ряде других стран с 1981 г. и до середины 1990-х гг. не поступило ни одного заказа на создание ядерных реакторов и строительство АЭС. Более того, были аннулированы предварительные заказы и прекращена эксплуатация 72 существующих энергоблоков. Эти факты объясняются в первую очередь экономическими причинами. Как подчеркивает Президент АН США Ф. Пресс: «При нынешних условиях в экономике ядерные реакторы США не могут конкурировать с ТЭС, а потому перспективы развития ядерной энергетики в США не блестящи» [9. С. 80]. Следовательно, «ветры в энергетику» запускают по другим, более обоснованным причинам.

Следующая рубрика оппонента названа «Мельница и ручей». Любой гидроузел должен использоваться комплексно. В том числе и для выработки электроэнергии. Данная позиция сама по себе не подвергается сомнению и подробно рассмотрена в работах отечественных специалистов: А.Б. Авакяна, С.Л. Вендрова, В.П. Сал-

танкина и др. [1, 2, 6, 10, 11, 12]. В исследованиях Н.И. Коронкевича освещена проблема потерь в стоке малых рек, которые произошли в Советском Союзе после разрушения русловых водохранилищ (1960–1970 гг.). Далее справедливо отмечается, что снижение водности наряду с ростом объемов водозабора и загрязнения воды является одной из главных причин обострения современных проблем малых рек страны [7, 8].

Для ликвидации такого рода негативных тенденций Н.И. Коронкевич указывает на необходимость возрождения системы «малого» регулирования рек, то есть возрождения системы гидроузлов на малых водотоках: «Очевидно, что главным результатом гидротехнического регулирования стока для водного баланса является увеличение ресурсов устойчивого стока за счет неустойчивого, паводочного» [7. С. 116]. Не менее важно, по мнению Николая Ивановича, с целью предотвращения обострения ситуации возрождение каскадной структуры малых гидроузлов на постоянных водотоках. Системный анализ критического состояния малых рек Рязанской области специалистами НИИ «Рязаньагропроект» привел к аналогичным выводам [11, 12].

Возрождение каскадного режима работы гидроузлов, то есть системы «малого» регулирования является объективной экологической необходимостью. Согласно теории систем, малые реки это дробные таксоны крупных и средних рек, а присущие им проблемы прямо отражаются на состоянии гидравлических целых физико-географических стран. В случае возрождения водохранилищ и запруд, почему же не использовать потенциал подобных гидроузлов и для выработки электроэнергии? Тем более что водохранилище — это готовый природный «накопитель» кинетической энергии воды.

Поэтому вызывает недоумение следующий упрек оппонента: «Не слышал я, чтобы ветряки могли это делать!» [4]. Но разве регулирование речного стока является функциональной задачей ветряков? Предприняты даже попытки ссылки на художественную литературу, дескать, ветряки там упоминаются нечасто, а вот «обсаженные ветлами мельничные плотины — сколько угодно» [4]. По состоянию на 1913 г. по различным источникам, в России насчитывалось от 250 тыс. до 1 млн. «ветряков» и они перерабатывали более четверти урожая зерновых в стране!

Следующая рубрика оппонента названа «Ветряк и ГЭС» — это очередная попытка сравнить несопоставимые вещи (естественно, не в пользу «ветряка»). Во-первых, сравниваются направления энергетики, имеющие разный диапазон утилизации энергии, хотя кинетическая энергия водного и воздушного потока имеет общий генезис

(Солнце). Во-вторых, для сооружения гидроузла и гидроэлектростанции обязательно наличие подходящего створа. Отсюда, гидравлическая энергия это локализованный в пространстве ресурс («точечный»), а ветровая энергия ресурс ареального распространения. В третьих, несправедливо утверждение о том, что объекты ветроэнергетики не могут служить источником изолированного энергоснабжения. Как быть в случае нецелесообразности прокладки ЛЭП, отсутствия подходящего речного створа (да и реки вообще), а использовать дизельную станцию (ДЭС) очень дорого? А если использовать ветродизельные энергоустановки (ВДЭС)?

В любом случае энергетическая система, замкнутая на один вид ВИЭ, ненадежна — это справедливо и для ветроэнергетики, и для гидроэнергетики. Оптимально комбинирование, например, совместная работа малой гидроаккумулирующей электростанции (ГАЭС) и ВДЭС. В этом варианте для создания гидроузла не обязательно наличие речного створа. Ветроэнергоустановка (ВЭУ) в ветреную погоду воду перекачивает из нижнего бассейна в верхний накопитель. При штиле и нерабочих скоростях ветра для ВЭУ работает ДЭС. При возможности подключения такого комплекса к ЛЭП эластичность и надежность работы такой малой системы возрастает. Возможны иные варианты комбинации по ресурсам ВИЭ. Не вдаваясь в детализацию по видам ресурса можно указать на две принципиальные важные позиции.

Во-первых, не допустим анализ по принципу «или — или», ошибочна позиция противопоставления ветро- и гидроэнергетики. Они должны взаимно дополнять друг друга и гармонично взаимодействовать с общей энергосистемой (не альтернатива, а разумное дополнение). Во-вторых, в каждом случае нужен комплексный подход с учетом природно-ресурсного фактора, учета потребностей потребителя, его финансовых возможностей и т.д.

Последняя рубрика в статье А.А. Белякова названа «Только ли «птичек жалко»?». Речь идет об экологических аспектах и опять с позиции противопоставления. Вопрос об экологической «чистоте» утилизации ВИЭ многие ученые считают дискуссионным. Б.М. Берковский, В.И. Виссарионов, Н.И. Коронкевич, Н.И. Хрисанов и др. особо выделяют проблему прогнозирования последствий масштабного освоения ресурсов ВИЭ в течение длительного периода. Но ученые сходятся во мнении о принципиальном отличии негативного воздействия ВИЭ сравнительно с топливной энергетикой и, безусловно, меньшими объемами деформации среды [2, 5, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15].

Наиболее дискуссионным является утверждение оппонента о том, что: «Отнятие у ветра его силы скажется изменением циркуля-

ции земной атмосферы при освоении сколько-нибудь значительной доли ветроэнергетического потенциала» [4]. Вопрос о необходимости столь масштабного использования энергии ветра и не ставился. По крайней мере, в плоскости практической реализации, т.к. масштабы использования лимитированы многими факторами. При работе энергоустановок на основе ВИЭ (в том числе, и гидроэнергетики) ресурсной базой выступают потоки энергии, объективно существующие в природе. Таким образом, речь идет об «изъятии» части энергии из природного круговорота и последующем его сбросе после утилизации. Природа не терпит пустоты, «отнятие у ветра его силы» (впрочем, как и у водного потока) скажется потерей части энергии. Это закон термодинамики.

Но применительно к ветро- и гидроэнергоресурсам территории речь идет об использовании источников, участвующих в современном круговороте вещества и энергии по естественному циклу. В случае с топливной энергетикой речь идет о вовлечении в общий круговорот вещества и энергоресурсов с «геологическим возрастом», или потенциалом иного периода, но сегодня.

Следующая претензия оппонента — «вписываемость» в ландшафт ветроэнергоустановок. Впору задать вопрос, неужели объекты ветроэнергетики создают более «шизофренический пейзаж», чем вид промышленных зон!?

Впору вспомнить слова Р.К. Баландина и Л.Г. Бондарева: «Для «покорения» природы достаточно соответствующее развитие физико-технических наук. Для разумной регуляции обмена веществ общества и природы необходимы, прежде всего, географо-геологические и биологические знания» [3. С. 350].

С учетом вышесказанного, хотелось бы высказать ряд заключительных суждений. Принципиально недопустимо рассмотрение различных направлений возобновляемой энергетики в свете их противопоставления между собой или с топливной энергетикой. Возможности и объемы вовлечения ресурсов ВИЭ в энергобаланс территорий зависят от комплекса факторов физико-географического и экономико-географического характера. Следовательно, необходимо углублять исследования в области комплексной оценки ресурсного потенциала регионов, на этой базе разработать и в последующем реализовать региональные программы возрождения потенциала малой ветро- и гидроэнергетики (на новой технической основе).

Постановка такой проблемы предопределяет необходимость изучения историко-географического опыта эксплуатации ресурсов ВИЭ. Следовательно, востребованы историко-географический срез

исследований территориальной организации возобновляемой энергетики. Только в этом случае может быть учтен временной пласт прогнозирования экологических последствий использования «забытых» энергетических ресурсов. Актуальность ретроспективного блока исследований усиливается с учетом необходимости выхода на микроуровень пространственной локализации потребителя энергии: административный район, сельский округ, деревня, крестьянско-фермерское хозяйство, отдельный дом, индивидуальный пользователь и т.д.

Литература

1. *Авакян А.Б., Салтанкин В.П., Шарипов В.А.* Водохранилища. — М.: Мысль, 1987. — 325 с.
2. *Барабанова Е.А., Малик Л.К.* Гидроэнергетика России в экологическом измерении // Энергия: экономика–техника–экология. — № 9. — 1995. — С. 27–30.
3. *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация. — М.: Мысль, 1988. — 391 с. (Мир географии).
4. *Беляков А.А.* И ветру надо знать свое место // НГ-Газета, — 1998. — № 10.
5. *Васильев Ю.С., Хрисанов Н.И.* Экологические аспекты гидроэнергетики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 247 с.
6. *Вендров С.Л.* Жизнь наших рек. Л.: Гидрометеиздат, 1986. — 112 с.
7. *Коронкевич Н.И.* Водный баланс Русской равнины и его антропогенное изменение. — М.: Наука, 1990. — 205 с.
8. *Коронкевич Н.И., Малик Л.К.* Основные подходы к географо-экологическому прогнозированию влияния гидротехнического строительства на природную среду // Энергетическое строительство. — 1992. — № 6. — С. 39–48.
9. *Куркин Б.А.* Бремя мирного атома. — М.: Изд-во Молодая гвардия, 1989.
10. *Малые реки / Вопросы географии. Сб. № 118 под ред. С.А. Ковалева.* — М.: Мысль, 1981. — 193 с.
11. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том I. Современное состояние малых рек. Книга 1. Пояснительная записка. — Рязань: Институт АОЗТ «Рязаньагроводпроект», 1995. — 299 с.
12. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том II. Мероприятия и рекомендации по возрождению малых рек. Книга 1. Пояснительная записка. — Рязань: Институт АОЗТ «Рязаньагроводпроект», 1995. — 162 с.

13. *Ревелль П., Ревелль Ч.* Среда нашего обитания. Кн. 3. Энергетические проблемы человечества: Пер. с англ. *Л.В. Самсоненко, И.М. Спичкина.* — М.: Мир, 1995. — 291 с.
14. *Скотт Склар.* Стратегия экономического развития, не деформирующая среду // Альтернативные источники энергии: эффективность и управление. М., 1990, № 9.
15. *Виссарионов В.И., Золотое А.А.* Экологические аспекты возобновления источников энергии. — М.: Изд-во МЭИ, 1996. — 156 с.
16. *Берковский Б.М., Козлов В.Б.* Экология возобновляемых источников энергии / Информэнерго. — М., 1986. — 38 с. (Серия 7. «Энергетика и электрификация». Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в энергетике. Обзорная информация; вып. 1).

Бородина Н.Д., Бородина Т.Л.

Как пересечь украинскую границу?¹

После распада Советского Союза в 1991 г. и образования на ранее едином пространстве 15 независимых государств Россия получила протяженную «новую границу», первоначально лишь делимитированную (и то не до конца, поскольку «спорные» участки в течение ряда следующих лет осложняли отношения России, в частности, с Латвией и Эстонией), но не демаркированную, юридически не оформленную и инфраструктурно не обустроенную.

Процесс **обустройства новой государственной границы РФ** не закончен до настоящего времени и включает в себя множество составляющих, в том числе принятие необходимых нормативно-правовых актов, определение ответственных административных структур разного уровня и разграничение полномочий между ними, а также непосредственное инфраструктурное и инженерное обустройство.

Граница, безусловно, выполняет барьерные функции, охраняя территорию страны, но для нас важнее ее контактные функции — насколько ее пересечение удобно для людей и грузов, мешает ли она сотрудничеству с соседними государствами и т.п. В развитых странах

¹ Исследование проводится при поддержке Гранта РГНФ 08-02-91202 а/У «Украинско-российско-белорусское сотрудничество как инструмент развития трансграничного региона».

границы выполняют прежде всего такие контактные функции и по мере развития процессов развития и интеграции постепенно «размываются», а в конце концов и исчезают. Наиболее яркий пример — Европейский Союз и государства Шенгенской зоны внутри него.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим сферу защиты, охраны, установления и режима границы является Закон Российской Федерации **«О Государственной границе Российской Федерации»**, принятый в 1993 г. [1], на основе которого принимаются подзаконные акты, регулирующие порядок пересечения границы [2, 3, 4].

Порядок пересечения границы определяется и основными документами, касающимися взаимоотношений России с государствами-соседами.

Обустройство сухопутных участков «новой границы» России началось с мест ее пересечения по основным железнодорожным и автомобильным магистралям, где перемещаются значительные людские и грузовые потоки. Здесь очень важно, чтобы это происходило безопасно, быстро и удобно. Но ведь граница также проходит через ранее единое пространство с общими дорогами, расположенными рядом, а часто и слившимися городами, поселками и деревнями, лесами и полями. После образования границы оказалось, что родственники и знакомые, проживающие на соседней улице или в соседней деревне, теперь живут в разных государствах. Возможность осуществления всевозможных контактов в таком случае прежде всего зависит от строгости режима пересечения границы на данном участке.

В конце 2007 г. в РФ было образовано специальное государственное ведомство, отвечающее за комплексное обустройство государственной границы (начиная от выработки государственной политики в этой сфере и кончая непосредственным инженерным и инфраструктурным обустройством) — *Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница)*. До появления Росграницы федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные проводить контроль в пунктах пропуска (ФСБ России, Федеральная таможенная служба (ФТС), Ространснадзор, Роспотребнадзор, Россельхознадзор, Федеральная миграционная служба (ФМС) и другие), занимались обустройством пунктов пропуска и приграничной инфраструктуры сами, каждый в рамках своей компетенции. Это приводило к несогласованности действий, что окончательно не решено и до сих пор, так же как продолжают существовать проблемы разграничения полномочий исполнительных органов власти разного уровня иерархии (особенно по источникам финансиру-

ния строительства и инженерного обустройства пунктов пропуска). Еще до образования Росграницы, в 2006 г., Минтрансом России была проведена паспортизация пунктов пропуска через государственную границу. По результатам этой паспортизации функционирование части пунктов пропуска было признано нецелесообразным ввиду их низкой обустроенности (либо полной необустроенности), поскольку пункты пропуска существовали только в межправительственных соглашениях — на бумаге, но фактически их не было. Сейчас право решать судьбу каждого пункта пропуска — приводить его в порядок и обустроить или же закрывать — единовластно принадлежит Росгранице. Во многих случаях бывает проще приговорить к закрытию тот или иной необорудованный или плохо оборудованный пункт пропуска, чем заняться его обустройством. Так, в августе этого года Росграницей был разработан и направлен на согласование в заинтересованные ведомства проект распоряжения Правительства Российской Федерации с приложением перечня 72 закрываемых пунктов пропуска. Подобные решения о закрытии пунктов пропуска, как правило, идут вразрез с интересами жителей и органов власти приграничных районов. Это приводит к свертыванию трансграничных связей и приграничного сотрудничества, существенно уменьшает доходы региона и его населения. Также не стоит забывать и о том, что для жителей приграничных районов пункты пропуска зачастую являются единственным средством и способом общения с родственниками, оказавшимися уже в иностранном государстве после распада СССР.

Изначально перечень пунктов пропуска устанавливаются *международными договорами* Российской Федерации, т.е. в данном случае — соглашениями между Правительством России и правительствами сопредельных государств о пунктах пропуска.

В соответствии с действующим законодательством России международные договоры имеют приоритет перед нормативными правовыми актами нашей страны, поэтому закрыть в одностороннем порядке любой пункт пропуска (даже если он никогда не функционировал), установленный международным договором, без получения принципиального согласия сопредельной стороны невозможно, это противоречит принципам дипломатических отношений. В практике чаще всего бывает, что при направлении ноты о намерении закрыть те или иные пункты пропуска по нашей инициативе сопредельная сторона отвечает отказом. Проблема состоит еще и в том, что при недостаточном обустройстве пункта пропуска, и как следствие, невозможности там нормально работать представителям всех государственных служб, доход от его функционирования носит полулегальный характер.

Пункты пропуска через государственную границу классифицируются по нескольким категориям, касающимся режима их работы, вида международного сообщения и по тому, кто и как может государственную границу пересекать.

Пункты пропуска могут быть **многосторонними** (МПП), т.е. границу через них могут пересекать не только жители сопредельных стран, но и граждане третьих стран. В МПП обычно присутствуют все 6 видов государственного контроля, они наиболее обустроенные.

Также пункты пропуска бывают **двусторонними**, а в некоторых случаях — двусторонними упрощенными. Первые предполагают перемещение через них только граждан сопредельных государств, вторые в некоторых случаях — только жителей приграничных районов сопредельных стран. Из видов контроля в них присутствуют только пограничный и таможенный. В **двусторонних упрощенных** по факту присутствует только пограничный контроль.

Закон «О государственной границе Российской Федерации» предусматривает возможность упрощенного пересечения границы.

Однако в двух международных договорах (межправительственные соглашения с Украиной и Казахстаном) присутствует понятие **«место пересечения границы»**, никак не трактуемое действующим законодательством России, не включенное ни в уже упоминавшийся «Закон о Государственной границе Российской Федерации», ни в иные подзаконные акты, регулирующие данную сферу государственной политики. Чаще всего понятие **«место пересечения границы»** трактуется как **«упрощенный пункт пропуска»**, но недостаточная законодательная база по этому вопросу приводит к тому, что именно подобные пункты пропуска — основная «головная боль» органов власти, одновременно — наиболее простой путь для населения попасть «на ту сторону» — побывать в гостях у родственников, посетить кладбище, продать или купить что-то на рынке. Пересекая границу в таком пункте, не надо оформлять миграционные карты и таможенные документы, нужно просто показать паспорт с местной пропиской, но при этом пребывание на сопредельной стороне ограничено по времени до 3 суток. Кто отвечает за эти упрощенные ПП, кто может их открывать и закрывать, кто и за чей счет должен их обустроить и содержать, кого, как и когда через них пропускать — до конца это не решено. Эти ПП ближе всего к жителям приграничных регионов и дальше всего от интересов федеральной власти (формально она отвечает за всю государственную границу). Еще несколько лет назад в подобных местах границы «как бы» и не было — были местные дороги и тропинки, по которым всегда ходили люди и ездил транспорт.

Теперь там установлен шлагбаум и стоят пограничники или — сооружен барьер из проволоки — «путанки». А местное население просит — откройте нам дорогу! Это очень хорошо видно на границе **Брянской области** с сопредельными областями Украины — **Черниговской и Сумской**.

Жители приграничных районов России и Украины еще в течение ряда лет после формального установления границы «по-соседски» могли почти беспрепятственно ее пересекать, поскольку пограничные посты были установлены лишь на основных магистралях. Нормативно-правовые акты, регламентирующие пересечение российско-украинской границы, вырабатывались постепенно, так же постепенно менялась и возможность непосредственного пересечения границы в любом удобном для этого месте. Поскольку для пересечения российско-украинской границы не требуется загранпаспорт, до введения миграционных карточек украинские пограничники в течение ряда лет ставили штамп о пересечении границы прямо в общегражданский российский паспорт, делая его тем самым недействительным. Так из-за несовершенства юридических правил пострадали тысячи российских граждан.

Протяженность **сухопутной украинско-российской границы** составляет более 2 тыс. км. Приграничная территория двух стран охватывает 6 регионов (Брянская, Курская, Белгородская, Ростовская области и Краснодарский край) с российской стороны и 6 регионов (Черниговская, Сумская, Луганская, Донецкая, Харьковская области и Автономная Республика Крым) с украинской стороны. Порядок пересечения российско-украинской границы регламентируется Соглашением между Правительством РФ и Правительством Украины о пунктах пропуска через государственную границу между РФ и Украиной, принятым в 1995 г. (с изменениями 2006 г.) [6] и аналогичным Соглашением о порядке пересечения российско-украинской границы жителями приграничных районов, принятым в апреле 2006 г. [5]. По этим соглашениям для пересечения российско-украинской границы установлено 6 международных железнодорожных, 4 двусторонних железнодорожных (предусмотрено открытие еще 5 двусторонних железнодорожных) и 28 автомобильных пунктов пропуска, из которых 18 — международные и 10 — двусторонние (предусмотрено открытие еще 9 двусторонних АПП после создания необходимой инфраструктуры), кроме того, для каждого приграничного региона принят список местных пунктов пропуска (в Соглашении [5] они носят название «Места пересечения границы»), пользоваться которыми могут только жители приграничных районов, список которых для каждого из регионов

также перечислен в соглашении. В Брянской области **приграничными** названы 6 районов — **Климовский, Погарский, Стародубский, Севский, Суземский и Трубчевский**.

В настоящее время в Брянской области **на железной дороге** для пересечения российско-украинской границы установлен лишь один пункт пропуска. Он имеет статус международного и расположен на дороге Москва–Киев. Это ближайшая к границе станция Суземка (часть пассажирских поездов и все грузовые поезда пограничный и таможенный контроль проходят в Брянске, тогда через Суземку идут без остановки). Ближайшая приграничная станция на украинской стороне — Зерново (поселок Середина Буда, а сам поселок Зерново расположен на российской стороне, контроль также осуществляется на следующей станции Хутор Михайловский). По грузообороту Суземка является крупным транспортным узлом в Центральном Федеральном округе (в 2007 г. грузооборот составил более 55 млн. тонн). Через ПП Суземка, по данным Росграницы, в сутки проходит в среднем 15 пассажирских поездов, до 210 вагонов, а в этих вагонах — до 5000 пассажиров. Необходимо отметить, что все эти поезда — дальнего следования, никаких электричек или других поездов местного сообщения там нет. Пригородные поезда через границу (Суземка–Зерново) отменены с марта 2003 г. Чтобы на поезде пересечь границу, надо купить билет, стоимость которого составляет 500–700 руб. только на перегоне Хутор-Михайловский–Суземка. Границу Брянской области с Украиной пересекают еще 2 железные дороги: в Климовском районе — на перегоне Климово–Семеновка и на границе Погарского и Трубчевского района, рядом с поселком Белая Березка — от Унечи через украинскую станцию Знобь-Новгородское до соединения с дорогой Москва–Киев в районе станции Дружба. К этой дороге в районе Белой Березки подходит еще участок железной дороги, соединяющий Трубчевск, Белую Березку и Суземку. По этим дорогам никакого железнодорожного сообщения через границу нет. До распада Советского Союза ходил пассажирский поезд Москва–Новгород-Северский, проходящий через Климово и Семеновку. Потом в районе Семеновки пришел в аварийное состояние мост, украинская сторона предпочла мост не чинить, а просто закрыть на этом участке пассажирское движение. Теперь поезд ходит только до Климова, причем из-за нерентабельности этого маршрута РЖД пытается и дальше его укоротить, сделав конечным пунктом Новозыбков. Хотя маршрут перестал быть международным и на Украину таким путем попасть нельзя, для жителей Брянской области он имеет очень большое значение, поскольку напрямую соединяет с Москвой многие районы Брянщины.

В 2007–2008 г. несколько месяцев по решению РЖД маршрут все-таки был укорочен до Новозыбкова, но после многочисленных протестов местных жителей восстановлен в прежнем виде. По железной дороге, пересекающей границу недалеко от поселка Белая Березка (станция Селецкая), два раза в день ходит пригородный поезд Унеча–Витемля–станция Селецкая (т.е. с пересадкой можно добраться до Брянска). После станции Селецкая этот участок железной дороги шел до лесного поселка Знобь, а далее — до украинской станции Знобь-Новгородское. Железная дорога была проложена так, что на участке Селецкая–Знобь она частично проходит по украинской территории (таким образом два раза пересекает российско-украинскую границу). До 2004 г. до Зноби ходил пригородный поезд, потом на украинском кусочке дороги украинские железнодорожники сняли рельсы. Так поселок Знобь оказался отрезанным от «большой земли». На участках Суземка–Трубчевск и Суземка–Белая Березка пассажирское сообщение закрыто также в 2004 г.

Из **6 автомобильных пунктов пропуска** на границе Брянской области с Украиной три являются **многосторонними** и три — **двусторонними**.

Как **многосторонние** (международные) работают **пункты пропуска** «Новые Юрковичи» в Климовском, «Погар» в Погарском и «Троебортное» в Севском районе. По проектной пропускной способности самым крупным является МАПП «Троебортное» (сопредельный пункт на украинской территории — Бачевск), расположенный в створе панъевропейского транспортного коридора от Москвы через Калугу и Брянск до Киева (автотрасса М–3) и далее на Польшу и через Одессу на Болгарию и Турцию: в сутки он может пропускать до 1300 грузовых автомобилей, 2100 легковых, 100 автобусов и 11 350 человек. На самом деле он уже практически два года не функционирует в нормальном режиме, поскольку на украинском участке идет крупномасштабная реконструкция и украинская сторона не пропускает любой транспорт больше определенного веса. В результате все фуры и большая часть автобусов вынуждены искать объездные пути (в 2008 г. в сутки проходило в среднем 134 единицы грузового автотранспорта, около 450 легковых машин, 10 автобусов и около 1600 человек, основной поток шел через Глушково–Екатериновку). По факту самый большой поток идет через МАПП «Новые Юрковичи» (Сеньковка на Украине), расположенный вне международных транспортных коридоров, но на стыке России, Украины и Белоруссии (в 2008 г. в сутки в среднем проходило 280 грузовых автомобилей, 400 легковых, 17 автобусов и около 2100 человек, хотя по проекту он

рассчитан на пропуск 400 грузовиков, 85 легковых автомобилей, всего 2 автобусов и 2000 человек). Поток через третий МАПП «Погар» (Гремяч на Украине) сдерживается отсутствием объездной дороги у поселка Погар (строительство сейчас ведется) — фурам неудобно проезжать через поселок. Сейчас он рассчитан на пропуск в сутки 150 грузовых автомобилей, 300 легковых, 50 автобусов и 2000 человек, фактические потоки примерно такие же.

Автомобильный пункт пропуска «Ломаковка» в Стародубском районе (сопредельный Николаевка) работает как **двусторонний**. Он находится на ответвлении от федеральной трассы М–13 (направление на Белоруссию) и рассчитан на пропуск в сутки 70 грузовых автомобилей, 25 легковых и 5 автобусов, фактически же пропускает 36 грузовиков, более 70 легковых автомобилей, 19 автобусов и около 400 человек.

Еще два пункта пропуска, предусмотренные соглашениями как двусторонние — Зёрново — Середина Буда в Суземском районе и Белая Березка — Нововасильевка в Трубчевском, из-за необустроенности ФТС России предложила закрыть. Сейчас они работают как **упроценные местные пункты пропуска** (места пересечения границы). Границу можно пересечь с 6 часов утра до 19 часов вечера только по предъявлению паспорта с местной регистрацией (т.е. в Белой Березке — жителям Трубчевского района и соседнего Середино-Будского района Сумской области, причем только пешком, на велосипедах, мопедах и лошадях, а в Зерново — соответственно Суземского и также Середино-Будского района — здесь можно проехать и на личной легковой машине, только не по доверенности). С украинской стороны там стоит постоянный пограничный пост, а с нашей — пограничники приезжают время от времени на машине. Проблема в том, что жители других (соседних) приграничных районов через такой пункт пропуска пройти не могут. В Белой Березке действительно ходят только местные жители (в день до 200 человек), поскольку этот поселок и сопредельное ему украинское село Нововасильевка расположены в стороне от магистралей. В основном крестьяне из Нововасильевки приносят на рынок в Белую Березку продукты на продажу, поскольку Белая Березка — поселок при деревообрабатывающем комбинате, вокруг лес и сельского хозяйства практически нет. Но пункт пропуска в Зёрново расположен вблизи железной дороги и оживленных автомобильных трасс, в сутки там проходит до 2000 легковых автомобилей и до 6000 человек, он удобен не только для жителей Суземского и Середино-Будского районов, но и соседних Севского и Ямпольского, но их там не пропускают (хотя в «Соглашении о порядке пересечения

российско-украинской государственной границы жителями приграничных районов» нигде не прописано, что пропускаются только жители данного приграничного района). Нормальное обустройство этого пункта пропуска позволило бы, в том числе, регулировать и миграционные потоки. В данном Соглашении перечислены еще 6 местных пунктов пропуска: Бровничи — Карповичи и Новый Свет — Ключы в Климовском районе, Азаровка — Костобров в Стародубском, Витемля — Гремяч в Погарском, Новая Погощь — Старая Гута в Суземском и Хинель — Марчихина Буда в Севском. Администрация Севского района по просьбе жителей просит открыть также пункт пропуска Некислица — Сопыч. В настоящее время они закрыты, поскольку, как написано в справке из Росграницы, «Соглашением не был определен механизм финансирования для оборудования обозначенных мест пересечения границы (местных пунктов пропуска)». Все эти места пересечения границы находятся на местных дорогах, где еще совсем недавно просто не было никаких преград и люди ходили (и ездили), как они привыкли это делать еще при существовании единого государства. Теперь дороги перерывы или врыты столбы (инициатива, как правило, исходит от украинской стороны). Например, на дороге Витемля — Гремяч преграждение состоит их проволоки — путанки, закрепленной не только поперек дороги, но и в кустах и деревьях по обе ее стороны.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время происходит увеличение барьерности государственной границы между Россией и Украиной, поскольку возможности ее удобного пересечения постоянно сокращаются.
2. Наблюдается противоречие интересов на федеральном и региональном (локальном) уровнях. Федеральным властям проще закрыть пункты пропуска, чем решать проблемы их обустройства, хотя для развития экономики региона и удобства местных жителей их наличие жизненно необходимо.
3. Нет четкого разграничения полномочий между различными уровнями управления в сфере открытия и обустройства пунктов пропуска через государственную границу.
4. Наиболее проблемными являются местные пункты пропуска, в настоящее время их недостаточно. Их открытие и обустройство могли бы стать стимулом развития приграничных районов.
5. Для крупных многосторонних пунктов пропуска недостаточно решены проблемы финансирования их деятельности и распределения доходов от их функционирования. Формально они полностью находятся в компетенции федеральных органов. Так, на-

пример, финансирование строительства и ремонта дорог полностью должно происходить за счет федерального бюджета. Однако это финансирование недостаточно, не решены проблемы уборки мусора вдоль дорог, текущего ремонта, придорожной инфраструктуры и т.д. «Латание дыр» и разбитые дороги приходится брать на себя региональным и местным бюджетам, в то время как все доходы от функционирования пунктов пропуска (налоги, таможенные сборы и т.п.) полностью уходят на федеральный уровень. Даже выделение незначительной доли от этих доходов позволило бы в значительной степени решить местные проблемы.

6. Наблюдается противоречие между интересами экономики приграничных регионов и непосредственно их жителей. Создание новых трудовых мест на пунктах пропуска и в приграничной инфраструктуре (как правило, с уровнем зарплаты значительно выше, чем в среднем в этих районах) оттягивает из хозяйства наиболее квалифицированные кадры (врачи работают на санитарном и ветеринарном контроле, учителя и экономисты — в страховой службе и т.п.). С одной стороны — уровень доходов населения в среднем повышается, но одновременно с другой — оголяются рабочие места в больницах, школах, в сфере управления, на производстве. Население занято на рабочих местах федеральных служб, а за обслуживающее это население коммунальное хозяйство, школы, больницы отвечают региональные и муниципальные власти.
7. Необходим особый закон о статусе приграничных территорий.

Литература

1. Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г. № 4730–1.
2. Правила Установления, открытия, функционирования (эксплуатации), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 482).
3. Правила определения пределов пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 7 апреля 2008 г. № 253).
4. Правила осуществления контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2008 г. № 872).

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных районов Российской Федерации и Украины (Москва, 21 апреля 2006 г.).
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о пунктах пропуска через государственную границу между Российской Федерацией и Украиной (Киев, 8 февраля 1995 г.) (с изменениями от 22 декабря 2006 г.).
7. Официальный сайт Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ www.rosgranita.ru
8. Официальный сайт Министерства регионального развития РФ www.minregion.ru

Гриценко А.А.

Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области¹

Для понимания современных процессов социокультурного взаимодействия в порубежной зоне, выявления устойчивых региональных культурных форм необходимо, по нашему мнению, более полное освещение вопросов, связанных с пространственным самоопределением населения, его самоидентификацией. Необходимо разобратся в глубинных причинах существования в представлении людей пределов «своей» и «чужой» территории, а также их пространственных различий.

Весной 2009 г. нами был обследован ряд населенных пунктов Курской области, в том числе 8 городов (Курск, Льгов, Щигры, Рыльск, Обоянь, Дмитриев, Суджа, Фатеж) и 1 поселок городского типа (Тим). Использован метод качественного социологического интервью. Было собрано около 130 анкет. Поддержку в сборе информации в г. Курск оказала профессор КГУ Попкова Л.И.

¹ Исследование проводилось при поддержке РФФИ (№ 07-0600298).

В этой статье автор преследует несколько задач, связанных с:

- 1) определением историко-географических предпосылок формирования региональной идентичности на территории Курской области;
- 2) поиском этнокультурных русско-украинских градиентов;
- 3) описанием авторской ментальной карты региональной идентичности, как для отдельных населенных пунктов, так и для области в целом, с целью выявления ядра региона, с которым идентифицирует себя население, а также характера его границ;
- 4) выявлением основных очагов исторической памяти как фокусов формирования региональной идентичности.

Зона российско-украинского порубежья имеет достаточно сложную пространственную структуру. Ранее эта территория входила в состав разных по своему административному, политическому и культурному статусу территориальных образований. В пределах современной России находятся важные части украинского этнокультурного ядра. Необходимо отметить, что существенное значение в процессе формирования этого ядра имели, по-видимому, природные особенности территории. Северная, более лесистая часть российско-украинского порубежья, являясь более безопасной, входила в состав Древнерусского государства. Река Десна и ее притоки связывали существующие города между собой, а также с важным по историческому значению Киевом. Южная (казачья), преимущественно лесостепная часть, в отличие от северной формировалась на периферии Переяславского княжества в непосредственной зоне Дикого поля. Сохраняя исключительную связь с древнерусскими городами, она заняла положение на южных и юго-западных склонах Среднерусской возвышенности, т.е. срединное: между заселенным лесным севером и открытыми пространствами водоразделов, по которым пролегали основные шляхи кочевых народов.

К историческим землям Гетманщины, Слободской Украины, а также к непосредственно граничащим с ними территориям относится значительная часть современных областей России — Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской. При этом обследованная нами Курская область по сравнению с Брянской областью оказалась с географической точки зрения внутренне менее мозаичной и контрастной.

Так, появление первых населенных пунктов на территории современной Курской области было связано с необходимостью обороны юго-западных рубежей Древнерусского государства. В субширотной вытянутой долине р. Сейм образуются будущие города — Путивль,

Рыльск, Льгов, Курск. Значительно позднее в связи с освоением земель Дикого поля и строительством Белгородской засечной черты появились современные города Обоянь и Щигры (б. село Троицкое). Путивль, исторически тесно связанный с Курским краем, долгое время являлся важным форпостом на границе Московского государства и Великого княжества Литовского (Речи Посполитой). Периодически г. Путивль входил в состав Великого княжества Литовского, а с середины XVII в. являлся пограничным городом с особым политическим, преимущественно казачьим образованием — Гетманщиной. В XX в. города Путивль и Мирополье отошли к Украине.

В XVII в. вследствие массовых переселений с Левобережной Украины и при активной поддержке Московского правительства на порубежных с Диким полем территориях образуется преимущественно украиноязычная Слободская Украина. Имея статус особого образования в составе России, Слободская Украина сохраняла продолжительное время казачий уклад жизни населения, а ее административно-территориальным устройством было военно-полковое (полк-сотня-курень). Так, в состав одного из первых полков — Сумского — вошли такие города, как Суджа и Мирополье. Интересным представляется то, что память об этом сохраняется и в наше время. Так, от 40 до 60% опрошенных в г. Суджа отнесли к своим земляками жителей г. Сумы.

Насаждение католической веры со стороны Польши в середине XVII стало одной из причин народного восстания на Украине. Следы польского влияния мы встречаем и на территории нынешней Курской области: в небольшом, но старом г. Дмитриеве (ранее Дмитриевна-Свапе) расположен храм, принадлежащий Курской епархии, во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. На территории соседней Брянской области сохранились топонимы: «Литовня», «Ляхова Поляна», «Латыши» и т.д. Территория Брянской, в отличие от Курской, области была вовлечена и в события Северной войны. В г. Почеп, бывшей загородной резиденции гетмана К.Г. Разумовского, сохранилась у населения память о бое со шведами в начале XVIII в., отмеченная сохранившимися земным валом («Рвом») с частоколом и пушкой. Также встречаются характерные названия населенных пунктов, как, например, Шведовки. Интересным представляется маршрут следования шведских войск Карла XII с целью объединения с войском гетмана Мазепы вдоль границы между Россией и Гетманщиной. Изменить маршрут заставил факт разрушения г. Батурина и признания новой столицей Гетманской Украины г. Глухова. Близкое расположение административного и культурного центра Левобережной Украины к городам Курского края определило достаточно тесные

связи между населением. Так, в г. Дмитриеве, г. Щигры, особенно в г. Рыльске г. Глухов воспринимается как «свой», он часто фигурирует как входящий в состав малой Родины опрашиваемого. Согласно нашим исследованиям, г. Рыльск, г. Суджа и г. Дмитриев в наибольшей степени сохранили культурную и историческую связь с ныне украинскими центрами Сумской области.

Многие исследователи Курского края указывали на этническую неоднородность местного населения. Согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г. [3], в Путивльском, Рыльском, Суджанском уездах б. Курской губернии от 20 до 60% населения относилось к малоруссам, немногим меньше показатели для Львовского и Обоянского уездов. Подобный этнокультурный градиент, судя по результатам наших полевых исследований, сохраняется и сейчас. Он фиксируется как местным населением, так и исследователем на местности в говоре населения. Следует отметить, что говор является достаточно сильным идентификационным признаком, на который указывает большая часть респондентов, опрошенных нами в Брянской и Курской областях. Так, украинское влияние в наибольшей степени прослеживается в западной и юго-западной части Курской области, а в некоторых населенных пунктах население говорит на чистом малорусском языке, например в п. Глушково. На присутствие малорусского компонента указывают топонимы-украинизмы: Черкасское Поречное, Черкасская Конопелька и др. Эти и некоторые другие материалы заставляют подвергнуть сомнению адекватность данных современных переписей населения, отражающих лишь формально заявленную национальную принадлежность населения, и возможность использования их для характеристики этнического состава населения. Ю.В. Бромлей [2] считал необходимым разделять понятия этнического и этнографического. Первое, с его точки зрения, определяется самим населением (этническая идентификация), второе же — исследователем. Тем самым, можно определить понятия «русский» или «украинец» как чрезвычайно размытые, не передающие действительного регионального разнообразия и на сегодняшний день в большей степени характеризующие национальную идентичность.

Согласно переписи населения 2002 г. [4], в Курской области преобладают русские (95,7%), украинцы составляют менее 1,7%. Тем не менее, согласно нашим наблюдениям, говор с украинским оттенком у большей части населения почти отсутствует лишь в г. Щигры, пгт Тим, г. Фатеж и в г. Дмитриев. Малорусское влияние в характере произношения более явно прослеживается в г. Льгов, г. Обоянь, г. Рыльск, г. Суджа. Население этих городов отмечает ощущение дис-

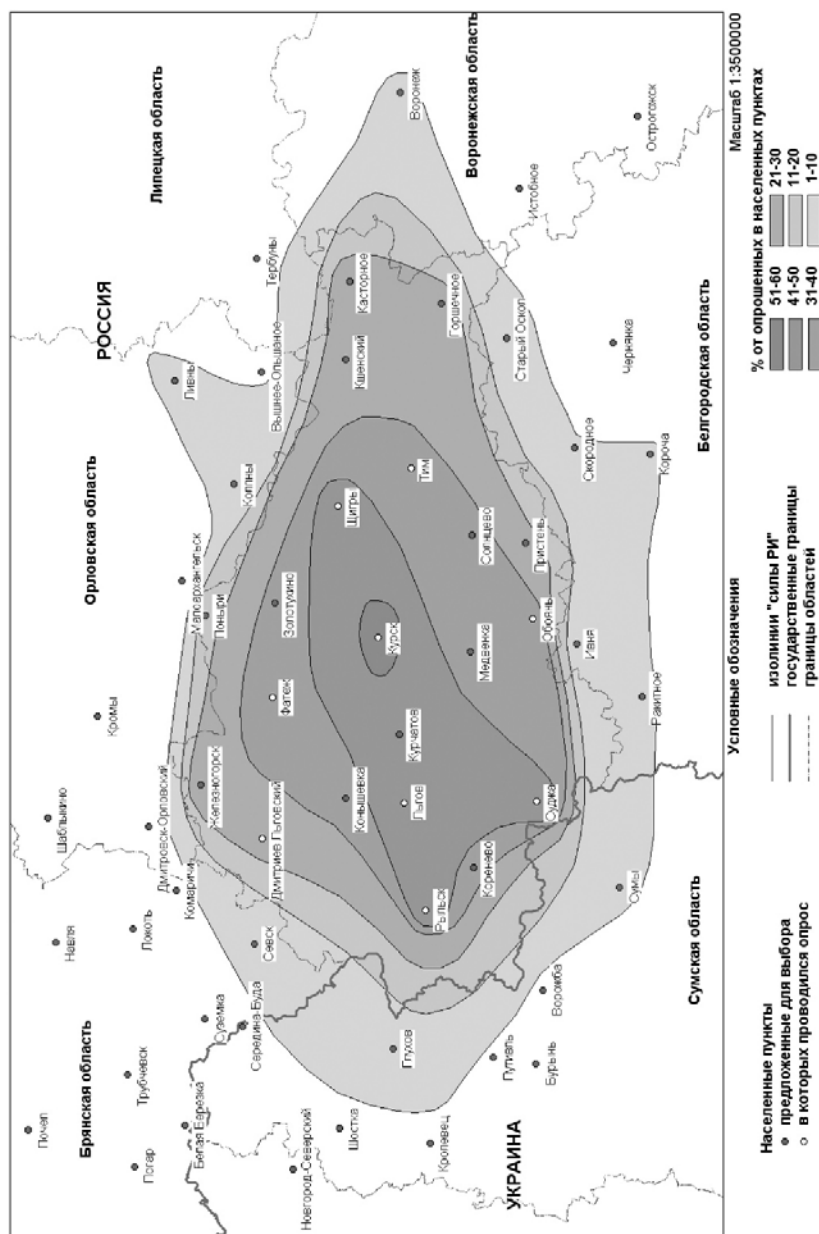
комфорта, связанного с процессом переселения более украинизированного сельского населения в города (на место уехавших на заработки в Курск, Москву и др. города), и, как следствие, возникновение некоторого межэтнического напряжения. Так, около 80% опрошенных в г. Рыльск указывали, что не любят свой город за стереотип поведения его жителей.

Особое внимание следует уделить сохранности исторической памяти у населения о принадлежности к различным историко-географическим регионам, а также географическому распределению в самосознании населения Курской области.

Так, согласно результатам нашего исследования, фиксируется сохранение исторической памяти о принадлежности к Черниговскому краю в г. Суджа (14,3%) и г. Рыльск (13,6%), о принадлежности к Северскому краю в г. Рыльск (18,2%), г. Дмитриев (16,7%) и г. Фатеж (7,7%). В г. Обоянь 14,3% опрошенных считают свой город, свою местность относящейся к Белгородскому краю. Равноудаленное положение г. Обоянь определило его историческую роль для Белгорода и Курска. Достаточно сильное тяготение г. Обоянь, расположенного в Курской области, в сторону Белгорода может быть объяснено, с нашей точки зрения, его социально-экономическим благополучием, ощущаемым местным населением. В целом же население Курской области идентифицирует себя с Курским краем (92,1%), достигая максимальных значений в г. Щигры и пгт Тим (100%) и минимальных в г. Дмитриев (75%). Примечательно, что в г. Льгов 6,7% опрошенных отнесли себя к местному, Львовскому краю, одновременно идентифицируя себя на 100% как «курских». Напротив, в г. Рыльск 13,6% называет себя «рылянами», при 95,4% относящихся к Курскому краю.

Более однозначная идентификация жителей Курской области связана с регионом Черноземье (88,6%). Отметим, что в Брянской области основными регионами идентификации являлись Центральная Россия (54%) и Средняя полоса России (31%). Увеличение в пользу последних (суммарно) наблюдается в периферийной части в Курской области, в частности в г. Фатеж (30,8%), г. Суджа (28,6%), г. Обоянь (21,4%) и г. Дмитриев (8,3%).

На рис. 1 показано пространственное распределение образа своего края, своей местности, жители которой идентифицируют себя как «курских» или «курян». Это интегральный образ Курского края, отражающий реально ощущаемые его пределы. На картосхеме достаточно четко выражено ядро Курского края, включающие в себя древние города: Рыльск, Льгов, Курск, Суджа, Щигры. Также отчетливо прослеживается контур современных границ Курской области.

Рис. 1. Картограмма количества респондентов в Курской области, выбравших предложенные населенные пункты в качестве «малой Родины», % (составлена автором)

Обращает внимание выдвигание изолиний силы региональной идентичности, выражаемой пространственным охватом, в равной степени в сторону Сумской области (г. Глухов, г. Сумы) и Белгородской области (п. Ракитное, п. Ивня, п. Скородное, г. Короча, г. Ст. Оскол). В меньшей степени Курский край ориентирован на Брянскую область. Судя по картограммам в Курский край по восприятию его жителей входит г. Севск Брянской области, в соответствии же с материалами исследований в Брянской области [1], в состав Брянского края входит лишь г. Дмитриев Курской области. Двумя языками изолинии силы региональной идентичности выдвинуты в сторону г. Ливны Орловской области и г. Воронеж. Наиболее жесткой оказывается Курско-Орловская граница, почти не изменявшая своих очертаний с середины XVIII в.

Нами выявлены существенные различия в региональной самоидентификации жителей отдельных населенных пунктов Курской области. На рис. 2 приведены примеры картограмм внутренне ощущаемых границ малой Родины респондентов для г. Рыльск и г. Обоянь.

Анализ полученных полевых материалов позволяет судить о причинах этих различий. Так, нами отмечено, что для силы региональной идентичности имеют значения такие параметры населенных пунктов как:

- историческая значимость;
- величина и людность;
- географическое положение;
- наличие развитой инфраструктуры.

Так, в исторически значимых, среди изученных нами, населенных пунктах сила региональной идентичности достигает максимальных значений, например, в г. Дмитриев и г. Рыльск. Немаловажное значение для исторической памяти имеет сохранность памятников историко-культурного наследия, а также красота окружающего ландшафта. В подобных населенных пунктах заметно увеличение количества любящих свой город, свою местность за древность, за приметы старины.

По-видимому, мы можем говорить о существовании оптимального размера города, типа Рыльска Курской области, а также Трубчевска Брянской области, при котором сила региональной идентичности для этого региона максимальна. Так, с отклонением величины населенного пункта от оптимального, сила региональной идентичности уменьшается, вне зависимости от его исторической роли. Примерами населенных пунктов с малочисленным населением являються пгт Тим и г. Фатеж, а относительно большим городом — Курск. В пер-

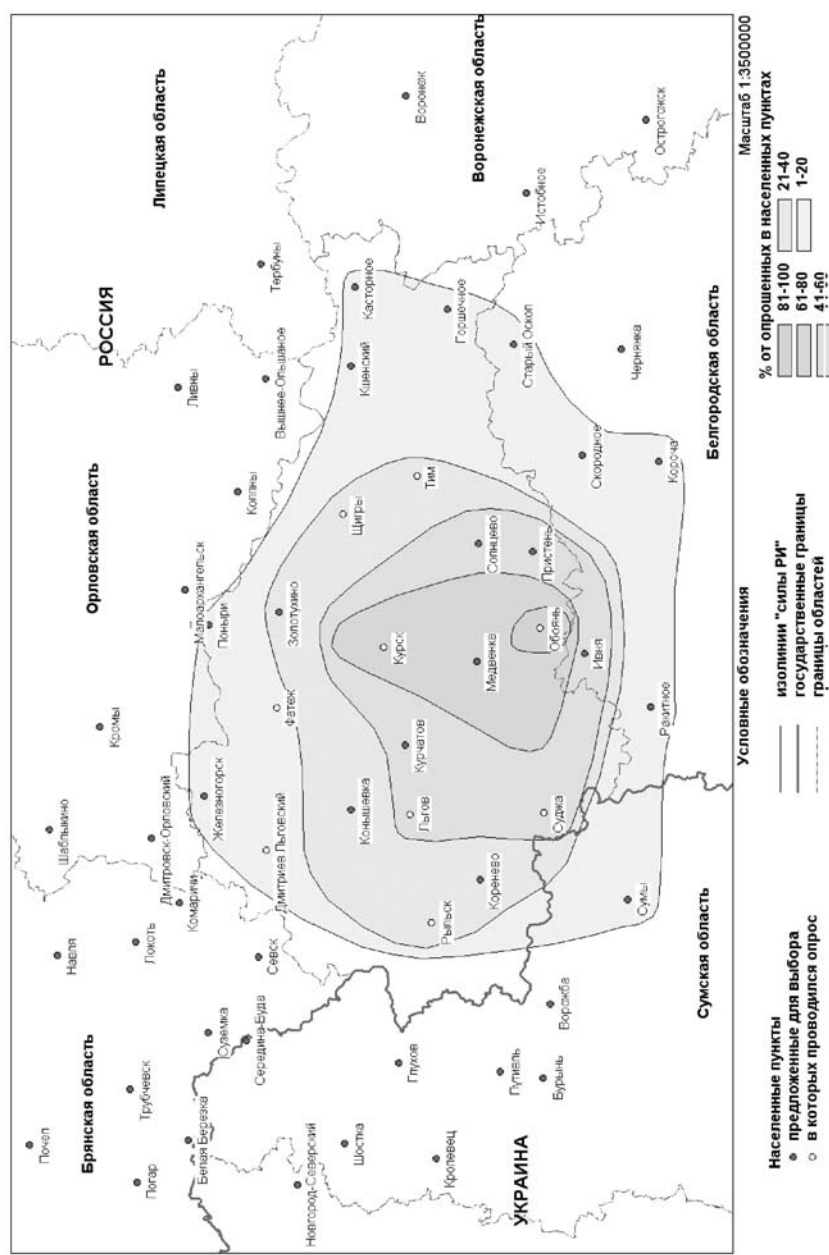
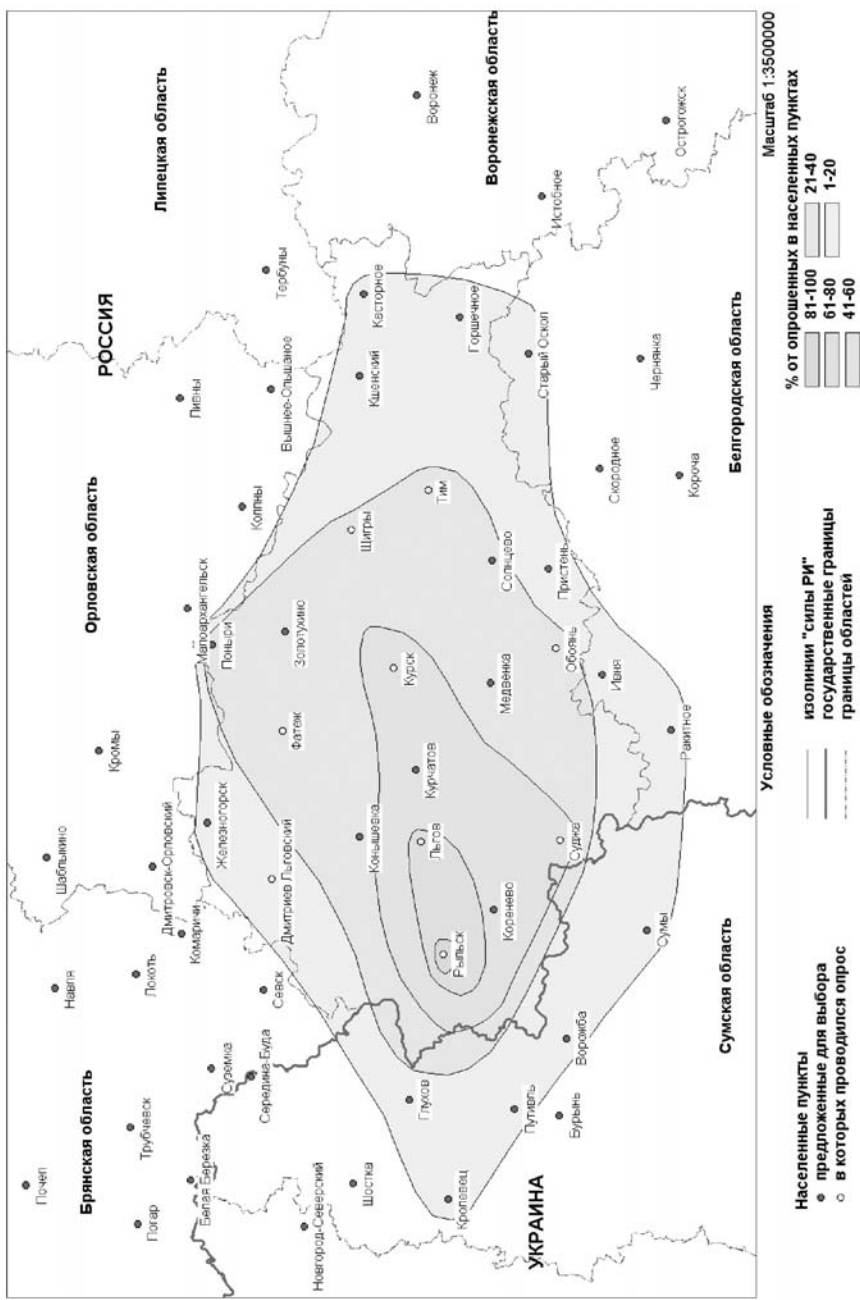

Рис. 2. Картограммы количества респондентов в г. Рылск (верхняя) и г. Обоянь (нижняя), выравненных предложенные населенные пункты в качестве «малой Родины», % (составлена автором)

ом случае снижение силы региональной идентичности сопровождается появлением эффекта «местечковости», во втором же — появлением регионального космополитизма.

Существенным образом изменяют конфигурацию ощущения малой Родины автомагистрали. С большей вероятностью, при прочих равных условиях в ее пределы попадут близлежащие населенные пункты на трассе. Так, нами отмечена, вытянутость границ малой Родины в г. Обоянь в сторону г. Курска и г. Белгорода (трасса Москва — Белгород), а также в г. Щигры в сторону г. Воронеж (трасса Курск — Воронеж).

Наряду с перечисленными факторами, на региональную идентичность оказывает влияние реальное социально-экономическое положение соседнего региона, своего рода гравитационное поле. Жесткий барьер ощущается абсолютным большинством респондентов в виде чувства дискомфорта от более благополучной Белгородской области. Многие из респондентов, желающих переехать в другой город, выбрали в качестве такого города Белгород.

Подводя итог, следует отметить, что существование русско-украинского культурного градиента существенным образом усиливает региональную идентичность. Ощущение же региональной обособленности населением определенным образом корректирует элемент неопределенности в выборе этнической и национальной принадлежности в достаточно широкой порубежной зоне.

Литература

1. *Бородин Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Баринов С.Л.* Приграничные территории России и Украины: общая история и разделенное настоящее (географические подходы) / Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). — М., 2008.
2. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М.: ЛКИ, 2008.
3. <http://www.demoscope.ru>
4. <http://www.perepis2002.ru>

Бородин Т.Л., Волкова И.Н., Литвиненко Т.В.

Приграничное сотрудничество — региональный и локальный уровни (на примере Брянской области)¹

Приграничное сотрудничество является одним из наиболее важных факторов развития приграничных и трансграничных регионов. В настоящее время в Российской Федерации происходит процесс активного создания нормативной правовой базы осуществления приграничного сотрудничества, которая должна обеспечивать взаимосвязь проектов, осуществляемых в рамках приграничного сотрудничества, с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, федеральными целевыми программами, региональными программами и иными мероприятиями, реализуемыми на различных уровнях власти. В 2001 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция приграничного сотрудничества, которая опиралась на ряд федеральных законов («О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности», «О Государственной границе Российской Федерации» и др.), соглашения между Правительством РФ и органами исполнительной власти субъектов РФ о разграничении полномочий в области международных и внешнеэкономических связей и другие нормативно-правовые акты. После 2001 г. Российская Федерация стала участником ряда международных договоров, предметом регулирования которых являются отношения в сфере приграничного сотрудничества. В частности, РФ присоединилась к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 г., а в октябре 2008 г. в Бишкеке была подписана Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ. В настоящее время в стадии разработки находится федеральный закон «О приграничном сотрудничестве», а также предстоит заключение таможенного союза между Россией, Беларуссией и Казахстаном.

Сотрудничество с двумя славянскими государствами — Украиной и Беларуссией — безусловно, является одним из наиболее при-

¹ Исследование проводится при поддержке Гранта РГНФ 08-02-91202 а/У «Украинско-российско-белорусское сотрудничество как инструмент развития трансграничного региона».

оритетных направлений связей России с независимыми государствами, которые образовались после распада СССР.

Российско-белорусское сотрудничество развивается в условиях формирования союзного государства, Договор о создании которого подписан в 1999 г. В соответствии с Соглашением о таможенном союзе от 1995 г. осуществляется свободное передвижение товаров услуг (с оговоренными изъятиями), достигнут высокий уровень унификации таможенных пошлин (около 95%).

На заседании Высшего Госсовета Союзного государства в феврале 2009 г. одобрен План совместных действий по противодействию влиянию мирового финансово-экономического кризиса на экономики России и Белоруссии, предусматривающих реализацию мер, которые служат не только противодействию кризисным процессам, но и по своей сути создают условия для более энергичного развития и углубления двусторонней интеграции. В частности, речь идет об активизации работы по завершению формирования Таможенного союза, унификации торговых режимов с третьими странами, предоставлении национального режима доступа товаров на внутренние рынки двух стран, переносе таможенных и иных контрольных функций с российско-белорусской границы на внешнюю границу Союзного государства, расширении области применения российского рубля во взаимных расчетах и создании системы доверия платежей, содействии развитию двусторонней торговли и банковского взаимодействия, проведении согласованной курсовой и денежно-кредитной политики. Большую роль в российско-белорусских отношениях играет быстро развивающееся **межрегиональное сотрудничество**. В настоящее время все 6 белорусских областей и Минск связаны соглашениями о сотрудничестве с 80 субъектами Российской Федерации. В Минске действуют представительства 6 российских регионов. В десяти регионах России открыты отделения посольства Белоруссии. Основными формами межрегионального сотрудничества являются торговые связи, производственная кооперация, оказание услуг в области транспорта, строительства, информационных технологий [10].

Основополагающими документами **российско-украинских отношений** являются Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве от 31 мая 1997 г., который в октябре 2008 г. автоматически продлен на последующее десятилетие, Программа экономического сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2008–2010 гг. и другие. Всего между Россией и Украиной заключено около 200 межгосударственных и двусторонних межрегиональных договоров и соглашений. В 2006 г. принята Программа межрегионального и приграничного со-

трудничества Российской Федерации и Украины на 2001–2010 гг., между приграничными областями России и Украины заключены Протоколы об установлении побратимских связей и сотрудничества. Несмотря на определенную зависимость российско-украинских отношений от политической конъюнктуры, Украина для России с учетом всех факторов — географических, политических, экономических, гуманитарно-духовных, исторических — является одним из важнейших партнеров, в том числе торговых. В 2008 г. взаимный товарооборот России с Украиной составил 39,8 млрд. долларов.

Исторически сложившиеся в прошлом на фоне общего экономического и культурного пространства российско-украинские межрегиональные связи в последние годы получили развитие на уровне региональных и местных органов власти. Особенно активны на этом направлении приграничные восточные и южные регионы Украины и, соответственно, западные субъекты Российской Федерации, имеющие общую границу с Украиной и другие сильные регионы, не имеющей общей границы, но вовлеченные в сотрудничество с Украиной (Татарстан, Москва, Санкт-Петербург, другие регионы). Среди российских областей наибольший объем взаимной торговли приходится на Белгородскую и Ростовскую области, их доля составляет более 80% товарооборота приграничных регионов России с Украиной.

Сопредельные регионы **России и Украины** интенсивно сотрудничают в сфере **культуры, науки, образования и спорта**. В рамках развития дружеских отношений проводятся международные фестивали национальных культур, организуются выезды творческих, научных и спортивных коллективов. Особенно тесные связи здесь поддерживают приграничные регионы — Краснодарский край, Белгородская, Брянская, Курская и Ростовская области, а также г. Москва [10, 11].

Одной из перспективных форм многостороннего приграничного сотрудничества на российско-украинско-белорусском направлении являются Еврорегионы: «Днепр» (Брянская область Российской Федерации, Гомельская область Белоруссии и Черниговская область Украины), «Слобожанщина» (Белгородская область Российской Федерации и Харьковская область Украины), «Ярославна» (Курская область Российской Федерации и Сумская область Украины). В процессе создания находится Еврорегион «Донбасс» (Ростовская область Российской Федерации и Луганская область Украины).

Еврорегион «Днепр» получил статус наблюдателя в Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕПР) в декабре 2003 г. Учитыв-

вая позитивные результаты сотрудничества с Ассоциацией, а также пребывание в статусе наблюдателя положенный срок, Президиум Сообщества в ноябре 2007 г. обратился в Ассоциацию с просьбой рассмотреть вопрос о предоставлении сообществу статуса полноправного члена.

Инвестиционная привлекательность Брянской, Гомельской и Черниговской областей, обладающих высокоразвитым промышленным и научно-техническим потенциалом и входящих в еврорегион «Днепр», продемонстрирована на прошедших в октябре 2007 г. I Брянском инвестиционном форуме, в мае 2008 г. V Гомельском инвестиционном форуме и в октябре 2008 г. IV международном инвестиционном форуме в г. Чернигове. В февраля 2009 г. администрацией области подготовлен и проведен Первый Славянский международный экономический форум (II Брянский инвестиционный форум) с приглашением, в числе других, представителей Гомельской, Черниговской и Житомирской областей. Активное участие в данном мероприятии приняли и приграничные районы Сумской и Черниговской областей Украины.

Сотрудничество в связи с аварией на Чернобыльской АЭС.

В части разработки и принятия долговременных Программ реабилитации пострадавших районов в связи с аварией на Чернобыльской АЭС в рамках взаимного сотрудничества проводится изучение и применение опыта работы по реабилитации населения и территории в Республике Беларусь, проводятся соответствующие консультации. В настоящее время на территории Брянской области принята и работает областная целевая программа «Реабилитация населения и территории Брянской области, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в 2007–2010 годах», утвержденная постановлением администрации области от 29 декабря 2006 г. № 889.

Для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера на приграничных территориях управлением МЧС России по Брянской области и Гомельским областным управлением МЧС Республики Беларусь согласован комплекс мер по взаимодействию. К этой работе подключается и Черниговская область. Существует трехсторонняя договоренность о сотрудничестве в сфере профилактики трансграничного загрязнения водных объектов, охраны животного и растительного мира [7].

Ряд проблем приграничного сотрудничества, для решения которых необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, является при рассмотрении связей одного из субъектов Российской

Федерации — **Брянской области — с граничащими с ней регионами Украины и Белоруссии.** Брянская область занимает уникальное геополитическое положение на стыке трех государств. Традиционно существуют производственные связи предприятий области с соседними приграничными областями Украины и Белоруссии — Черниговской, Сумской и Гомельской. Глубокие исторические корни имеют и тесные связи неэкономического характера — этнические, духовные, религиозные, культурные, семейные.

По объему внешнеторгового оборота с Брянской областью первое место занимает Украина — 710 млн. долларов в 2008 г., а второе — Белоруссия — около 380 млн. долларов. В настоящее время на территории Брянской области работают около пятисот предприятий с иностранными инвестициями, значительная часть которых представлена белорусскими инвесторами.

С Белоруссией у Брянской области заключено 12 межправительственных и региональных соглашений о сотрудничестве. За последние 4 года объем внешнеэкономического оборота с Белоруссией увеличился в 4 раза, а объем экспорта товаров, произведенных в Брянской области, — в 8 раз. С 2004 г. количество брянских предприятий, сотрудничающих с белорусскими партнерами, увеличилось с 84 до 215. Поставки на белорусский рынок осуществляют 182 предприятия Брянской области, а 22 предприятия Белоруссии поставляют свои товары в магазины области под вывеской «Белорусские товары» [12].

Двухстороннее взаимодействие с Гомельской областью осуществляется на основе соглашения между Администрацией Брянской области и Гомельским исполнительным областным комитетом о торгово-экономическом приграничном сотрудничестве. Успешным инвестиционным проектом стало совместное производство зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов на заводе «Брянксельмаш», одним из учредителей которого стал гомельский завод «Гомсельмаш». Совместное производство сельскохозяйственной техники в Брянске позволяет существенно снизить себестоимость машин за счет применения комплектующих и металлопроката российского производства, снижения налоговой нагрузки и сокращения транспортных расходов. ЗАО СП «Брянксельмаш» освобождено от уплаты налога на имущество, налог на прибыль уплачивается в размере 13,5 процентов (ставка налога на прибыль снижена на четыре процента).

С Гомельской областью сотрудничают и другие областные предприятия. Так ОАО «Ивотстекло» (Дятьковский район) производит поставку прессованных и полупрессованных базальтовых материалов в г. Гомель.

У предприятий торговли Брянской области налажены долгосрочные связи с белорусскими молокоперерабатывающими предприятиями (ЧУП «Светлогорский молочный завод», «Молочное кружево» Гомельской области, ЧУП «Мозырские молочные продукты», ОАО «Рогачевский молочно-консервный комбинат», ОАО «Румянцевское»).

В Брянской области ежегодно проводится более 20 выставок-ярмарок, в которых систематически участвуют представители предприятий из Республики Беларусь, в том числе и из Гомельской области. Гомельские соседи (а также представители приграничных областей Украины) постоянно принимают участие в традиционной «Свенской ярмарке», проходящей в августе в г. Брянске. В городе Клинцы открыто представительство гомельского предприятия «Молочное кружево».

Пункты пропуска через границу с Украиной играют все возрастающую роль в сфере сотрудничества между нашими странами. На территории Брянской области имеется 4 **автомобильных пункта пропуска** через границу РФ на территорию Украины:

1. «Троебортное» на федеральной автодороге «Украина» в Севском районе;
2. «Погар» на автодороге «Погар–Гремяч» в Погарском районе;
3. «Ломаковка» на автодороге «Елионка–Ломаковка» в Стародубском районе;
4. «Новые Юрковичи» на автодороге «Чуровичи — граница государства Украина» в Климовском районе.

Целесообразность открытия 5-ого межгосударственного автомобильного пункта пропуска «Зерново–Середина Буда» документально подтверждена группой научных сотрудников Российской Таможенной Академии, работавших на базе Брянской таможни в 1997 г. В соответствии с федеральной целевой программой «Государственная граница 2003–2010 гг.» строительство перехода было запланировано на 2008 г., однако указанная программа была «заморожена».

Ко всем пунктам пропуска подходят автомобильные дороги с твердым покрытием, но в связи с увеличением грузопотока и количества проходящих автомобилей возникла острая необходимость реконструкции таможенных подходов с увеличением пропускной способности автомобильных дорог.

В апреле 2006 г. подписано Соглашение между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы **жителями приграничных районов России и Украины (местные, упрощенные пункты пропуска)**, т.е. **без заполнения миграционных и таможенных доку-**

ментов. Из восьми планируемых пунктов пропуска с 2008 г. действуют только два: «Зерново–Середина Буда» (Суземский район) и «Нововасильевка–Белая Березка» (Трубчевский район), и то пока по временной схеме. В последнем из них требуется решить вопрос об организации несения пограничной службы в круглосуточном режиме пограничными нарядами с Российской стороны. С Украинской стороны такой вопрос уже решен, пункт пропуска обустроен, пограничные наряды присутствуют на нём круглосуточно, базируясь в хорошо оборудованных помещениях, оснащенных всеми необходимыми пограничными средствами. Данное неравенство положений с разных сторон государственной границы вызывает недовольство среди жителей приграничных населенных пунктов с обеих сторон, создает напряженность на указанном направлении границы и косвенно способствует противоправной деятельности.

Проблемы функционирования **упрощенных пунктов пропуска** остаются пока не решенными до конца, в том числе не полностью отрегулированы вопросы разграничения полномочий по финансированию их обустройства. Важно отметить, что российское законодательство по вопросам открытия и оборудования межгосударственных и международных пунктов пропуска через государственную границу России **предусматривает возможность инициирования вопросов открытия и оборудования таких пунктов пропуска со стороны Администрации Брянской области и Брянской областной Думы** (в Украинском законодательстве такая норма отсутствует).

По мнению главы администрации Середино-Будского района Украины [2] открытие местных пунктов пропуска, при всей их важности, **не решает, однако, следующих проблем:**

- улучшения транспортной доступности в связи с высокими железнодорожными тарифами;
- развития экономики приграничных районов за счет увеличения легального товарооборота;
- развития культурного и спортивно-массового сотрудничества с другими районами приграничных областей и т.д.;
- пропуска жителей России и Украины (не являющихся жителями приграничных районов) в пешем порядке через указанные выше пункты пропуска;
- пропуск жителей Севского района Брянской области через пункт пропуска «Середина Буда–Зерново», учитывая, что Соглашением 2006 г. между правительствами России и Украины не предусмотрено устройство дополнительного местного пункта пропуска между Севским и Середино-Будским районами (то есть жители

Севского района, такого же приграничного, как Суземский, на территории которого организован в Зерново упрощенный пункт пропуска для местных жителей, временно мог бы пропускать и жителей Севского района тоже);

- упрощения порядка провоза продукции, выращенной в личных подсобных хозяйствах, жителями приграничных районов через местные пункты пропуска;
- определения порядка перемещения через границу жителей приграничных районов на механических транспортных средствах, не подлежащих регистрации в органах ГАИ Украины, ГИБДД России (таких как велосипеды, мопеды, мотороллеры и т.д.);
- участия представителей местной власти в погранпредставительских встречах, проводимых по линии пограничных и таможенных ведомств Украины и России;
- пересечения границы в местных пунктах пропуска в разовом порядке организованными группами жителей приграничных районов и работниками отраслей народного хозяйства в соответствии с планом сотрудничества на транспорте направляющей стороны (на автобусах и микроавтобусах).

Очень важны межрегиональные и локальные контакты в сферах образования, культуры и туризма. Практически в каждом приграничном районе области в настоящее время приняты **Планы приграничного сотрудничества**, которые, в основном, касаются контактов в социальной и гуманитарной сферах [6, 7]. Наиболее активно культурное сотрудничество с приграничными районами Украины развивается в Трубчевском, Севском, Стародубском районах. Более 30 лет ежегодно в конце июня на границе России, Украины и Белоруссии в Климовском районе проходит Международный фестиваль «Славянское единство». На общий праздник съезжаются и сходятся десятки тысяч человек из указанных государств. Он напоминает всем о единстве славянской истории и культуры, о вековой дружбе белорусов, россиян и украинцев.

В настоящее время по инициативе Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ в Министерство культуры направлено предложение — придать этому фестивалю статус общенационального, что позволило бы осуществлять его финансирование из федерального бюджета. Традиционными являются фестиваль «Славянские театральные встречи», ежегодно проходящий в Брянске, и Межрегиональный праздник славянской письменности и культуры «На земле Бояна», который каждый год принимает у себя старинный город Трубчевск. В июне 2009 г. в г. Новозыбкове был проведен уже VI Междуна-

родный фестиваль молодёжных любительских театров «Славянский перекрёсток» с участием представителей Украины.

В Брянской области намерены получить поддержку федеральной власти на создание российско-белорусского университета на базе Брянского государственного университета и российско-белорусского колледжа на базе Суражского колледжа, четверть учащихся которого составляют граждане Белоруссии. Развивается сотрудничество высших учебных заведений Брянской области и с вузами Украины, однако межгосударственное соглашение по вопросам образования между Россией и Украиной отсутствует, поэтому в Брянской области, в частности, нет учащихся с Украины. В апреле 2009 г. в Брянске состоялась III Международная научно-практическая конференция «Единое образовательное пространство славянских государств в XXI в.: проблемы и перспективы». В этой конференции приняли участие представители администрации Брянской области, Брянской областной Думы, руководители, преподаватели и студенты вузов г. Брянска, а также украинских вузов: Сумского государственного университета; Житомирского государственного технического университета, Киевского политехнического университета, Нежинского государственного педагогического университета. До конца 2009 г. запланировано проведение еще ряда международных научно-практических конференций с участием представителей вузов Украины, в том числе по проблемам социальной экономики, рационального природопользования и пути их решения на региональном уровне.

Приграничные территории и государственные границы сами по себе часто являются объектом **специального туристского интереса**. На Республику Украина и Республику Белоруссия вместе приходится около 46% (44% и 2% соответственно) от общего количества граждан СНГ, посетивших Россию в 2007 г., причем туристы составляли всего 9,1% от общего потока из Беларуси и 4,4% из Украины. В период 2004–2007 гг. наблюдалось увеличение поездок граждан Белоруссии (с 152 до 272 тысяч) и относительно стабильное количество (в пределах 6,4 — 6,6 миллионов) поездок граждан Украины.

В 2000–2007 гг. на страны СНГ приходилось 43–48% от общего числа поездок граждан РФ за границу. Украина — весьма привлекательная страна для российских граждан, на нее приходится около 50% всех поездок наших соотечественников в страны СНГ и 65,5% поездок в эти страны с целью отдыха и туризма. Если выезд граждан России в Украину в 2004–2007 гг. имел тенденцию к увеличению, то в Белоруссию, наоборот, уменьшался и составил в 2007 г. менее 1% в общем потоке в страны СНГ.

Таблица

Выезд российских граждан в страны СНГ (тысяч поездок)

	2004		2005		2006		2007	
	всего	в т.ч. с целью туризма	всего	в т.ч. с целью туризма	всего	в т.ч. с целью туризма	всего	в т.ч. с целью туризма
Всего	11263	1303	13638	873	13337	1063	15527	778
В т.ч. из Белоруссии	12	2,9	5,0	0,7	3,4	0,2	1,9	0,1
В т.ч. из Украины	6192	513	7564	451	6455	627	7819	510

Источник: Данные Федерального агентства по туризму Российской Федерации.

Опрос экспертов в сфере туризма в Брянской области выявил, что основной поток жителей из этой приграничной области в Украину направляется в Крым, Одесскую и другие области юга страны с целью отдыха на море и санаторно-курортного лечения. Имеет место, хотя и незначительный, поток жителей Брянской области в санаторно-курортные учреждения Гомеля и Минска, отличающихся, по мнению населения, более высоким (по сравнению с российскими) качеством обслуживания. Поток организованных туристов (использующих услуги туристских предприятий области) из Украины и Белоруссии в Брянскую область практически отсутствует.

В 2006 г. Брянской областью была выдвинута инициатива по созданию туристического Славянского Кольца, которое могло бы включить посещение музеев, объектов наследия и центров православной культуры приграничных регионов России, Украины и Белоруссии. В 2009 г. он начал действовать как международный туристический маршрут, пока в порядке эксперимента. Областные и муниципальные исполнительные органы власти Брянской области хотели бы включить этот проект, маршрут которого проходит через многие старинные города области, в соответствующую федеральную программу, с целью получить необходимую бюджетную поддержку. Попасть в число пунктов данного туристского маршрута для поселений Брянской области сегодня считается весьма выгодным и престижным.

Религиозные связи и сотрудничество. Православное население с обеих сторон границы между Украиной и Россией пытается сохранить устоявшиеся контакты в этой сфере. Так, например, жители украинского села Мезен традиционно ходят через местный пункт пропуска на службы в церковь в Белой Березке. В последние годы значительно выросло число паломников в православные монастыри — как в восстановленные и вновь открывшиеся, так и в те, что оставались действующими в советский период. По мнению настоятеля одной из ныне действующих церквей в г. Севске, сегодня преобладают потоки паломников из российских регионов на Украину (в Киево-Печерскую и Почаевскую Лавры, а в рассматриваемом приграничье — в древние монастыри вокруг городов Путивль и Глухов). Но есть определенные сдвиги и в этом вопросе. Благодаря активной роли РПЦ восстановленные монастыри, церкви, пустыни и иные святые места в России становятся все более привлекательными для верующих из соседних стран, в особенности для населения Украины.

Проблемы приграничного сотрудничества **на локальном уровне, на уровне муниципальных образований и районов Украины** порой более остры и весьма разнообразны. Так, в Трубчевском райо-

не на самой границе с Украиной расположен поселок городского типа Белая Березка (6,5 тыс. жителей). Градообразующим предприятием в нём ещё с 1909 г. являлся Селецкий деревообрабатывающий комбинат (ДОК). Сегодня, после ряда лет развала и простоя, он обновлен и вновь начал работать, обеспечивая поселение рабочими местами и рядом услуг. На ДОКе построены и введены в строй в 2004 г. новейшие и очень крупные по местным масштабам очистные сооружения, обслуживающие также и ЖКХ поселка. Мощность очистных сооружений ещё далеко не исчерпана (что так характерно для большинства аналогичных объектов в России), в резерве осталось более 75%, так как она изначально была заложена с большим запасом. Главным аргументом при этом являлось максимально полное обеспечение безопасности от загрязнения стоками реки Десны, которая в 1,5 км ниже по течению от поселка и ДОКа течет уже по территории Украины. Это, пожалуй, пока один из наиболее ярких примеров реальной заботы об экологической межгосударственной безопасности, осуществленной на локальном уровне в данном регионе.

На примере Белой Березки можно также убедиться, как влияет разность природных условий по обе стороны границы на тесноту связей населения и конкретный набор товаров, взаимный обмен которыми в таком случае не иссякает даже при возникновении барьера в виде государственной границы. Так, вокруг расположенного на бедных песчаных пойменных землях промышленного поселка Белая Березка мало земель, пригодных для огородничества и садоводства. В итоге исторически его население в основном покупало на рынке эти товары, привозимые с украинской стороны, из более южных сел и деревень с плодородными землями. И сегодня по-прежнему всеми правдами и неправдами через местный пункт пропуска ежедневно со стороны Украины пешком или на велосипедах до 200 человек в день переходят границу с целью продать на местном стихийном рынке свои сельхозпродукты, а на вырученные от продажи деньги купить то, что выгоднее купить в России и можно унести без автомобиля. В других районах Брянской области, граничащих с Украиной, там, где нет такой разницы в плодородии земель и где имеется сходное по плотности сельское расселение с обеих сторон границы, подобного товарообмена практически не наблюдается (например, в Суземском и Погарском районах).

Достаточно показателен и такой пример. По требованию Росграницы приграничные муниципалитеты должны очистить от кустарников и деревьев полосу своей земли шириной в 100 метров вдоль линии границы. Пока этого не делают — не ясно, за чей счет и кто

этим должен заниматься. С другой стороны, земли сельхозназначения, подходящие прямо к государственной границе, государство намерено выкупать у собственников. И россияне быстро оформили эти земли в частную собственность и ждут теперь, кто и по какой цене станет их выкупать.

Возникшая после демаркации госграницы чересполосица, ранее никому не мешавшая, привела к тому, что соединяющие наши поселения дороги оказались частично проходящими по украинской территории. Это приводит к фактической изоляции некоторых поселений. Такая история произошла с лесным поселком Знобь (в Трубчевском районе, недалеко от Белой Березки). Единственная связь с этим поселком проходила по отрезку железной дороги, после демаркации границы оказавшегося частично на украинской территории. После реорганизации и ликвидации лесничества жители поселка лишились работы, а после снятия украинской стороной железнодорожного полотна на своем отрезке дороги — и связи с «большой землей» (на машине с «нашей стороны» туда проехать практически невозможно, поскольку там глухой лес, только на мопеде вдоль полотна бывшей железной дороги). В то же время до ближайшей украинской деревни Нововасильевка из Зноби добираться не сложно, в частности туда ходил в школу единственный ребенок из этого поселка. Теперь все проходы на украинскую территорию из Зноби перекрыты. Все снабжение необходимыми товарами шло из Белой Березки, какое-то время администрации удавалось договариваться с украинскими пограничниками, чтобы пропустили, к примеру, машину с хлебом, теперь и в этом отказывают. В сложившейся ситуации единственный выход — переселение всех жителей. В результате отрезанный от «большой земли», окруженный лесами и болотами поселок из 36 домов исчезнет с лица земли, а проживающие в нём 54 человека будут уже в ближайшее время переселены в достраиваемый муниципальный дом в Белой Березке.

Таким образом, на основе выявленных проблем, можно сделать следующие выводы:

1. Ситуация в приграничном сотрудничестве нестабильна, зависит от политической конъюнктуры, особенно в силу недостатка законодательной базы.
2. Назрела необходимость разграничения полномочий в вопросах, связанных с финансированием приграничных регионов.
3. На российско-украинской границе пока преобладает тенденция отгородиться, причем, как правило, инициатором этого выступает украинская сторона.

4. Выявлены существенные противоречия между крепнущими соседскими отношениями на уровне пограничных районов и разногласиями федеральных властей по вопросам урегулирования соседских отношений.
5. На локальном уровне в приграничных районах практически отсутствуют экономические связи.
6. Больше всего нестыковок и проблем зафиксировано именно на локальном уровне.
7. Необходим закон о статусе приграничных территорий.

С учетом выше сказанного, основными направлениями совершенствования приграничного сотрудничества в данном регионе можно назвать:

1. гармонизацию законодательства Российской Федерации и Украины в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества в интересах развития интеграционных процессов;
2. улучшение взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти РФ и Украины в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества;
3. необходимость синхронизации законодательства трех стран в таможенной, пограничной и природоохранной сферах;
4. создание более гибкой системы взаимодействия по проблемам пассажирского транспорта и здравоохранения;
5. увеличение финансирования из федерального бюджета капитального ремонта автодорог Брянской области;
6. строительство в периферийных частях Брянской области (прежде всего в г. Новозыбкове) новых радиопередающих станций (пока в этих частях области лучше видно передачи из Украины и Белоруссии, а не из России);
7. принятие срочных мер по достойному нашей страны обустройству границы.

Литература

1. *Александрова А.Ю.* Роль и влияние границы, пограничности и трансграничности в развитии туризма // Устойчивое развитие туризма: стратегические инициативы и партнерство. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. — С. 56–67.
2. *Бородин Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Барин С.Л.* Приграничные территории России и Украины: общая история и разделенное настоящее (географические подходы) // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-

- ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сборник докладов XXV сессии МАРС. — М.: ИГ РАН, 2008. — С. 266–287.
3. Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Брянской области в 2007 году» // Комитет природопользования и охраны окружающей среды, лицензирования отдельных видов деятельности Брянской области. — Брянск, 2008. — 204 с.
  4. *Колесникова А.В.* Оценка влияния трансграничных факторов на экономику лесного сектора регионов // Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование — 2009: сборник материалов международной конференции 1–7 июля 2009 г. — Красноярск: СФУ, 2009. — С. 341–358.
  5. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р).
  6. Протокол встречи руководства Середино-Будского района Республики Украина, Суземского и Трубчевского районов Российской Федерации: п.г.т. Суземка, 0.01.2009 г.
  7. План мероприятий по развитию приграничного сотрудничества между Середино-Будской районной государственной администрацией Украины и администрацией Суземского муниципального района Брянской области Российской Федерации на 2009 г.
  8. Соглашение о приграничном сотрудничестве между Середино-Будской районной государственной администрацией Сумской области Украины и администрацией Суземского муниципального района Брянской области Российской Федерации: п.г.т. Суземка, 20.01.2009 г.
  9. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года.
  10. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ: www.mid.ru
  11. Официальный сайт Министерства регионального развития РФ: www.minregion.ru
  12. Официальный сайт администрации Брянской области www.bryanskobl.ru
  13. Официальный сайт Федерального агентства по туризму Минспорттуризма России www.russiatourism.ru

Глава 4. РОССИЯ И МИР

Лопатников Д.Л., Плотникова О.А.

Россия на постиндустриальной карте мира¹

Еще раз о том, что такое постиндустриализм

Обзор литературы на русском языке, где фигурирует тематика постиндустриализма, показывает, что существуют самое разное, зачастую несовместимое друг с другом понимание рассматриваемого явления. На каких же базовых идеях нужно строить более адекватное восприятие рассматриваемого феномена? Первое и главное — нужно отказаться от постулата приоритета материального производства для хозяйственного развития и для удовлетворения потребностей человечества. Постиндустриализм в широком, философском смысле, собственно и означает отказ от подобного видения общественного развития.

Как экономическая категория услуги, в отличие от материализованных товаров, неосвязаемы. Но в системе рыночных товарно-денежных отношений различия между материальными благами и услугами — «второй план». Не будет ошибкой считать услуги нематериальными благами. Часто они так и трактуются (см., например, Словарь современной экономической теории Макмиллена [9], С. 450). Нематериальные блага продаются и покупаются, следовательно — они товары. Сервис — это производство услуг, или нематериальное производство. Это значит, что нужно признать, что хозяйственная жизнь включает не производство товаров и услуги, а производство материальных товаров и услуг (нематериальных товаров). Это не игра слов, а принципиально важный тезис. Такие понятия как «производящая экономика», «реальное производство» по своей экономической сути устарели и непригодны для адекватного анализа современных глубоких постиндустриальных трансформаций в мировом хозяйстве. Но сделать это очень непросто и психологически, и технически. Пси-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (№ 09-02-00619 а/р).

хологически из-за инерционности мышления, даже научного. Технически — это потребует пересмотра большинства сложившихся схем отраслевой структуры хозяйства, в частности, ее главных блоков (производственные и непроизводственные отрасли), определение места транспорта в новой системе координат, торговли, если признать, что она создает добавленную стоимость.

Необходимы коррективы и в социологическом ракурсе. Новое время качественно меняет систему потребления. Потребление нематериальных благ (услуг) становится не менее значимым, чем потребление материальных товаров. Поэтому, когда сегодня речь идет об «обществе потребления», неверно сводить его сущность к обогащению материальными благами. Таковым оно видится из современной России, которая находится только в начальной стадии горячки постсоветского материального обогащения. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. В России он еще впереди.

В зрелом обществе потребления сформированная потребность во всевозможных услугах не меньшая, чем в качественной еде, мебелированном доме и автомобиле. Это вполне соответствует известному закону немецкого экономиста Энгеля второй половины XIX в., согласно которому по мере роста благосостояния людей в семейном бюджете доля расходов на пропитание сокращается, а доля трат на услуги — возрастает. Спрос рождает предложение. В результате, перестраивается все хозяйство, опережающими темпами растет производство всевозможных услуг. Поэтому, не удивительно, что даже у нас бедный студент тратит в месяц как минимум не меньше денег на оплату разговоров по мобильному телефону, чем на хлеб. Таким образом, постиндустриализм меняет всю систему общественного потребления, что приводит к изменению первооснов традиционного хозяйствования.

В процессе развития постиндустриальных процессов на карте мира формируется новая модель международного разделения труда. Постиндустриальная модель географического разделения труда — новый этап развития пространственной организации хозяйства и общества на всех уровнях территориальной иерархии. Она также требует новой «системы координат» для оценки уровня развития хозяйства и качества жизни людей.

Главный сдвиг, произошедший на карте мира с приходом постиндустриального времени, состоит в том, что на смену известной типологии стран «развитые (богатые) индустриальные страны — промышленно менее развитые (в худшем варианте — «аграрные») — и более

бедные развивающиеся страны» приходит новая типология «развитые (богатые) постиндустриальные страны — менее развитые индустриальные (среднего достатка) — и аграрные (бедные) страны». Меняется экономико-географическая суть спорного, но широко используемого понятие «придаток». В постиндустриальное время правомерно говорить не только о «сырьевых придатках», но и об «индустриальных придатках» постиндустриальных стран. «Сырьевой придаток» — наиболее примитивный вариант «индустриального придатка». Мексиканские макиладорес, где собирают автомобили, китайские фабрики и заводы, где шьют трикотаж, штампуют бытовую технику, «компьютерное железо» и мобильные телефоны для продажи по всему миру, по своей экономической роли в мировом хозяйстве принципиально не отличаются от нефтяных вышек Саудовской Аравии и России. И те и другие обслуживают, прежде всего, потребности высокоразвитых стран Центра с наиболее масштабным потребительским рынком.

Формирование постиндустриальной модели международного разделения труда в современном глобальном мире приводит к переоценке того, какие секторы и отрасли хозяйства дают в среднем наибольший экономический и социальный эффект и обеспечивают относительно более высокое качество жизни людей в той или иной стране.

В процессе постиндустриализации мирового хозяйства эпицентр массового промышленного производства смещается из развитых стран в развивающиеся. Масштабная индустриализация стран третьего мира — один из наиболее значимых сдвигов на экономической карте мира последних десятилетий. Он стал основой догоняющего развития традиционно отстающих стран и в данный период может оцениваться как проявление их прогрессивного социально-экономического развития. Стремительный рост промышленного производства в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки позволил жителям этих стран и регионов перейти на качественно более высокий уровень жизни. Здесь, в целом, решена продовольственная проблема, растут средние реальные доходы населения, стремительно растут масштабы потребительского рынка. Вместе с этим, индустриализация, какой бы масштабной и успешной она ни была, не способна реализовать концепцию догоняющего развития в соревновании с высокоразвитыми постиндустриальными странами. «Развитая индустриальная страна» — понятие XX, но никак не XXI в. Если в названных странах промышленный рост продолжит быть мейнстримом развития, то это не приведет к сокращению их относительного отрыва в социально-экономическом развитии от развитых стран Центра мирового хозяйства, а закрепит их позиции как стран Полупериферии.

Конечно, нельзя забывать, что речь идет о превалирующих формах хозяйственной жизни и их результатах. В XIX в., когда Россию называли отсталой аграрной страной, у нас были и заводы, и наука, и образование очень высокой пробы для избранных. Поэтому, когда весь мир сегодня смотрит на Китай — космическую и ядерную державу, страну великой науки, культуры, высокого образовательного ценза полутора миллиардного населения, создается впечатление что современная индустриализация страны это именно тот путь, которому надо следовать и дальше, чтобы выйти на уровень авангардных стран. Думаю, это не верно. Если Китай и дальше пойдет по пути догоняющего индустриального роста, он не станет частью Центра мирового хозяйства, а, в лучшем случае, будет лидером мировой Полупериферии, не более того. Все впечатляющие успехи страны в производстве автомобилей, бытовой техники, строительстве небоскребов и организации грандиозных шоу недостаточны для того, чтобы стать авангардной страной. Для этого Китаю придется конкурировать с США, Европой, Японией и другими высокоразвитыми постиндустриальными странами в сфере фундаментальной и прикладной науки, образования, туризма, телекоммуникаций и Интернета, шоубизнеса, на мировых финансовых рынках. Здесь большие амбиции и уже есть впечатляющие достижения, но пока их недостаточно, чтобы стать в обозримой перспективе страной Центра мирового хозяйства.

Постиндустриальная экономика — это «экономика знаний». Интеллектуальный потенциал на карте мира в постиндустриальное время концентрируется в странах Центра. «Утечка мозгов» из постсоветской России — только одна из составляющих этого явления. Это общая проблема стран Полупериферии. Нарращивание экономически значимого интеллектуального потенциала и сохранение мирового лидерства в сфере «генерации идей», лидерство в фундаментальной науке, творчестве, производство наиболее интеллектоемкой материализованной и нематериализованной продукции (в частности, патентов) и ее коммерциализация — одна из важнейших составных частей стратегии развития стран Центра на ближайшие десятилетия.

В рамках экономико-географического анализа постиндустриализма как феномена один из ключевых аспектов — пространственный охват постиндустриальных процессов. Наступило ли постиндустриальное время в планетарном (глобальном) масштабе? Существуют различные мнения. В.Л. Иноземцев считает, что постиндустриальное общество относительно автономно и выражено только в странах Центра мирового хозяйства. Он пишет о том, сколь затруднительно для стран, находящихся на индустриальной стадии прогресса, стать пол-

ноправными участниками сообщества постиндустриальных держав. Не углубляясь в мотивацию этого скептицизма, а аргументы очень серьезные (см., например, [4]), нужно иметь в виду главное: скептицизм в отношении постиндустриального пути развития России означает скептицизм и в отношении того, что Россия вообще в обозримой перспективе станет развитой страной, ибо понятие «развитая индустриальная страна» — это понятие XX, но никак не XXI в. Вместе с этим, постиндустриализация — естественный объективный процесс, так же как и индустриализация. Это значит, что России не избежать ее влияния, ни внутри, ни извне, как не избежала влияния индустриализации мирового хозяйства ни одна, даже самая отсталая аграрная африканская страна.

Россия в системе современного международного разделения труда

Положение России на современной экономической карте мира можно охарактеризовать несколькими краткими, но емкими характеристиками.

1. По положению в мировой экономической системе, Россия — страна Полупериферии с «постсоциалистической спецификой».
2. У России на обозримую перспективу нет никаких возможностей принципиально изменить сложившийся экономический миропорядок.
3. С наступлением постиндустриального времени у России нет никаких возможности свернуть на автаркический путь развития (в условиях мирного времени).
4. России никогда не стать второй Саудовской Аравией и Кувейтом по природным и социально-экономическим причинам. Остаться страной индустриальной Полупериферии можно, но это не лучший путь, как в социально-экономическом, так и в экологическом плане.

Если согласиться с данными характеристиками, то можно сделать и важный для страны вывод: единственно правильный путь развития России в обозримом будущем — вписаться в уже имеющийся экономический миропорядок с наибольшими для себя выгодами. Но сделать это будет очень не просто.

Трансформации в отраслевой структуре хозяйства России говорят, с одной стороны, о планетарном масштабе постиндустриальных процессов. Но при этом, одновременно, — об усилении разрыва в степени востребованности ресурсов постиндустриального роста, и, прежде всего, интеллектуальных, в странах Центра и в России.

В рамках постиндустриального международного разделения труда для России складывается драматическая ситуация. Она состоит в том, что по мере развития постиндустриальных процессов в мире востребованность интеллектуальных ресурсов в развитых странах Центра будет и дальше возрастать, тогда как в России — падать. При подобном тренде Россия вполне сможет плавно, без особых экономических и политических потрясений уйти на мировую Периферию. При этом сценарии интеграция в мирохозяйственные связи, даже при столь необходимом для страны ее вступлении в ВТО, кардинально ничего не изменит, а, возможно, закрепит сырьевую ориентацию России.

Существуют факторы, которые увеличивают вероятность подобного сценария развития нашей страны.

1. Инерционный менталитет, когда для большинства, как и в советский период, главный символ прогресса — это могучие заводы и фабрики. Ставка на подъем прежде всего национальных отраслей обрабатывающей промышленности, конечно, более предпочтительна, чем на пресловутый нефтегазовый комплекс. Но это будет непросто совместить с интеграцией России в мировую экономическую систему. Преобладающая неконкурентоспособность отечественной готовой материализованной продукции породит новый напор протекционизма, который в специфических российских условиях рискует из нередко плодотворной тактики превратиться очередной раз в стойкую государственную стратегию с неизбежным усугублением общего технологического отставания страны. Но даже если при самом благоприятном стечении обстоятельств, Россия сможет возродить советскую индустрию и при этом вписаться в мировые экономические связи, сделав отечественную продукцию конкурентоспособной хотя бы на внутреннем рынке при соблюдении норм ВТО, в XXI в. она будет находиться в одной группе стран с Мексикой, Бразилией, Китаем, Индией и Таиландом, с чем придется смириться, а в дальнейшем к этому и привыкнуть. Возможно, после того XX в., «века-волкодава», который пережила страна, это не худший вариант. С другой стороны, опыт «азиатских тигров» свидетельствует о том, что форсированная индустриализация даже на базе новейших технологий и налаживание массового производства самой передовой индустриальной продукции не обеспечивают ни стабильного экономического роста, ни качества жизни на уровне развитых стран.
2. Упорное непонимание или сознательное игнорирование того, что сфера нематериального производства (третичный сектор) —

такой же реальный сектор экономики, как сельское хозяйство и промышленность, стало печальным и, по-видимому, закономерным продолжением советского мышления в стране, серьезно отставшей от новых мировых экономических реалий.

3. Теория постиндустриального общества в целом остается чуждой широкой российской научной общественности, что свидетельствует о том, что страна рискует потерять шанс быстрого «догоняющего» развития.

Экологические аспекты интеграции России в постиндустриальное мировое хозяйство

Экологические последствия продолжения развития экономики России на базе эксплуатации природных ресурсов будут тяжелыми. Особенно они ударят по монопрофильным городам-заложенкам с «базовой» специализацией, где население как не имело, так и не будет иметь альтернативы в поисках заработка. Как и раньше, будет страдать и природа в соответствии с масштабами хозяйственной деятельности. Хоть как-то решать экологические проблемы Россия сможет только с помощью стран-покупателей, которые, естественно, не будут заинтересованы в общем подъеме экологических притязаний населения и низкое качество жизни в далекой и бедной России прагматически их будет устраивать. Рефлексии будут возникать время от времени на почве западного гуманизма, но изменить общую картину они не будут способны. Вяло текущие процессы постиндустриализации будут слабо влиять на общую экологическую обстановку в стране.

Постиндустриализация происходит в рамках современной мировой экономики параллельно с такими процессами как либерализация мировых рынков, интеграция, транснационализация, модернизация. Все они идут в «одной упряжке» и вместе формируют то, что сегодня называют глобальным миром. В условиях глобализации мировой экономической системы, по-видимому, будут происходить экологически крайне противоречивые процессы, в основе которых будут лежать прежде всего экономические интересы. Эти процессы будут выражаться как в экологическом, так и в антиэкологическом лоббировании со стороны заинтересованных субъектов мирохозяйственных связей, в зависимости от того, каким путем лоббирование будет приносить прибыль.

Если развитие мировой экономики в ближайшие десятилетия пойдет по сценарию, прогнозируемому В.Л. Иноземцевым, согласно которому постиндустриальный мир будет самодостаточен и в опре-

деленной степени самоизолируется от окружающего индустриального и аграрного отсталого мира, то ближайшие экологические последствия постиндустриализма для России будут отрицательными. При таком сценарии, постиндустриализация на Западе может стать одним из факторов закрепления России на индустриальной Полупериферии. Здесь могут сойтись интересы Запада и отечественных традиционалистов, ратующих за мощное индустриальное государство, да еще на базе возрождающегося ВПК. Без всякого злого умысла, страны Запада, которые также будут заинтересованы, развивая у себя наиболее авангардные отрасли, сбросить по возможности свою «грязь» в необъятную и непритязательную Россию, начиная от стимулирования своими заказами приоритетного развития традиционных перерабатывающих отраслей «на месте» (черной и цветной металлургии), и кончая сбросом ядерных и химических отходов.

Нельзя не учитывать и геополитический аспект. Держать за пределами мирового Центра вторую ядерную сверхдержаву (а в случае движения по второму, неоиндустриальному сценарию, Россия будет в состоянии поддерживать свой ядерный потенциал), это значит сохранять потенциальную угрозу нового противостояния миров (систем, цивилизаций, «бедных и богатых») в будущем со всеми вытекающими из этого последствиями.

Если постиндустриальные тенденции будут более активно распространяться по всему миру и развитые страны не смогут отгородиться от остальных стран, что более вероятно, то внешнее и внутреннее влияние постиндустриализма на экологические процессы в России будет сложнее и более двойственным. Наряду с возможным описанным выше негативным влиянием, будет больше положительного. Проводниками его станут ТНК, работающие в сфере высоких технологий, и мировая туриндустрия. Они примут действенное участие в развитии вышеописанных постиндустриальных «полюсов роста», а часть средств из вкладываемых инвестиций в их развитие неизбежно будет уходить «на экологию».

Постиндустриализация будет оказывать влияние на экологическую обстановку в России не только изнутри, но и извне. При этом, чем медленнее этот процесс пойдет в России, тем относительный «вес» постиндустриализма как внешнего фактора будет выше, а влияние его будет носить по преимуществу эконегативный для России характер. При пессимистическом сценарии развития России, она не станет весомым субъектом постиндустриального мира, но станет одним из ключевых объектов его влияния.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. — М.: Академия, 1999.
2. Горкин А.П. Уровень постиндустриальности стран мира (концепции и оценки). — Известия РАН. — Серия географическая — 2007, № 2 — С. 9–18.
3. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.
4. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. — М.: Экономика, 2000.
5. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., Логос, 2000.
6. Мильнер Б. Управление интеллектуальными ресурсами. — Вопросы экономики. — 2008, № 7. — С. 129–141.
7. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда. — М.: Аспект Пресс, 2006.
8. Постиндустриальный мир и Россия. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. Словарь современной экономической теории Макмиллена. — М.: ИНФРА-М, 1997.

Вардомский Л.Б.

Российское пространство в контексте глобального финансово-экономического кризиса

Важным фактором экономического роста страны в 2000–2008 гг. стал внутренний спрос. Но он в значительной степени был обусловлен внешними условиями — высокой динамикой мировой экономики, растущими мировыми ценами на топливо и сырье, широким денежным предложением на мировых финансовых рынках. Благоприятные внешние условия перекрывали неблагоприятные внутренние условия — высокий уровень монополизма при низком уровне конкуренции, слабость национальной кредитной системы, преференции для государственных компаний и незащищенность малого и среднего бизнеса.

Во многом благодаря благоприятной ценовой конъюнктуре на топливно-сырьевые товары экспорт вплоть до середины 2008 г. рос опережающими темпами: 103 млрд. долл. в 2000 г. и 468 млрд.

долл. в 2008 г. Доля топливно-энергетической продукции в российском экспорте за этот период увеличилась с 53,8% до 69,6%. (*Россия в цифрах 2009...2009*, с. 498).

Еще быстрее рос импорт, соответственно, 33,9 и 267,0 млрд. долл. Рост импорта происходил во многом благодаря ускоренному ввозу машин, оборудования, транспортных средств и комплектующих. За 2000–2008 гг. машиностроительный импорт увеличился с 10,7 до 141 млрд. долл., а его доля в импорте с 31,4 до 52,7%. (*Россия в цифрах 2009... 2009*, с. 502). Россия выступает в качестве чистого импортера высокотехнологичных товаров и услуг и тем самым выплачивает инновационную ренту ведущим центрам глобальной экономики. Бурный рост импорта машиностроительной продукции связан с развертыванием в стране сборочных производств в автостроении, бытовой электротехники и электроники. Кроме того, рост импорта техники вплоть до конца 2008 г. происходил в связи с обновлением парка транспортных средств, наращиванием объемов строительства и сменой технологического оборудования на большинстве предприятий страны.

Важным фактором экономического роста с середины текущего десятилетия стал иностранный капитал. Федеральная служба государственной статистики в 2008 г. зарегистрировала приток в страну 27 млрд. долл. прямых инвестиций и более 75 млрд. долл. инвестиций в кредитной форме. На конец 2008 г. в России было накоплено 264,6 млрд. долл. иностранных инвестиций, в т.ч. 112,4 млрд. долл. — прямых. (*Россия в цифрах 2009... 2009*, с. 452–453)

С активизацией инвестиционной деятельности был связан стремительный рост корпоративной задолженности — со 108 (в конце 2004 г.) до 488 млрд. долл. (к середине 2008 г.) (*Ершов*, 2008, с. 14). Рост внешних заимствований был связан с их большей доступностью и более благоприятными условиями предоставления, чем на внутреннем рынке. Более высокая стоимость внутренних кредитов и крайне ограниченная возможность получить «длинные» деньги была обусловлена высоким уровнем инфляции, устойчиво превышавшим 10%. Следует отметить, что в росте корпоративной задолженности, особенно у банков, была высокая спекулятивная мотивация.

Таким образом, вовлеченность страны в мировую торговлю за годы экономического роста сильно увеличилась. Доля экспорта к ВВП, выраженному в долларах по ППС, за 2000–2008 гг. возросла с 10 до почти 25%. Доля импорта за этот период увеличилась с 3 до 13%. Широкое включение России в процессы глобализации стало одним из важных факторов высокой динамики ее экономики в докризисный период.

Резкие изменения на мировом топливно-сырьевом и кредитном рынке в середине 2008 г. сильно ударили по внутреннему спросу. Заменить доходы от экспорта, который сократился почти вдвое, и дешевые зарубежные кредиты оказалось нечем. Для замены импорта собственным производством необходимы технологии и деньги на их приобретение. Кроме того, импортозамещение в России опирается на импорт материалов и компонентов, что при девальвации рубля стало проблематичным.

Таким образом, неожиданно сильное проявление кризиса в России объясняется сложением неблагоприятных внешних факторов со слабостями российской экономики: которые проявляются в дорогах, малодоступных для широкого круга субъектов хозяйственной деятельности кредитах, высокой инфляции, низкой конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, слаборазвитой инфраструктурой, высокими рисками предпринимательской деятельности. В немалой степени эти слабости обусловлены особенностями региональной структуры ее экономики, большими различиями между отдельными регионами по уровню и ресурсам развития, условиям ведения хозяйственной деятельности.

Пространственные ограничения экономического развития

Региональная структура российской экономики, несмотря на то, что прошло около 20 лет независимого развития и рыночной трансформации, не претерпела больших изменений по сравнению с советским периодом. Территориальные пропорции экономики характеризуются большой инерционностью и для их изменения требуется много времени. Они, как правило, тесно связаны с пространственной динамикой инвестиций и изменениями в соотношении факторов экономического развития.

Особенности пространства страны ускоряют или замедляют (удорожают) ее экономическое развитие, что сказывается на конкурентоспособности национального хозяйства. Речь идет о положении страны относительно главных внешнеэкономических партнеров, о природно-климатических условиях, об экономической освоенности пространства страны, о развитии инфраструктуры и т.д.

Унаследованные от прошлого развития свойства экономического пространства России, выражаются в громадных различиях между регионами по плотности населения и его доходам, по величине и структуре человеческого капитала, емкости рынков, инвестиционной привлекательности и предпринимательскому климату в целом.

Пространство России включает качественно разные части, которые по-разному адаптируются к условиям рыночных отношений и глобализации экономики. С этим связано значительно более сильное влияние регионального фактора на развитие экономики России, чем в большинстве других стран мира. Громадные различия между регионами по уровню развития и, соответственно, емкости региональных рынков ограничивают возможность использовать внутренний спрос при сокращении внешнего.

Межрегиональные различия в принципе неизбежны. *Рост межрегиональной дифференциации — одна из закономерностей рыночной трансформации*, отражающая появление выигрывающих и проигрывающих территорий. Но особую энергетику этот процесс имеет в странах низкого и среднего уровня развития, включающих территории с разным уровнем освоения и участия в глобальных экономических процессах. Так, например, в Украине, имеющей одну из наиболее освоенных территорий из стран СНГ, разница между регионами по объему производства ВРП на душу населения составляет 6 раз, а в нефтедобывающих областях запада Казахстана этот показатель более чем в 10 выше, чем в аграрных областях юга страны.

Наличие межрегиональных различий в определенных пределах имеет позитивный характер, поскольку они побуждают отстающие регионы искать пути наращивания своих конкурентных преимуществ. Но когда они приобретают чрезмерный характер, происходит усиление социальной напряженности, обострение противоречий между центром и регионами, возникают сепаратистские настроения.

К свойствам экономического пространства повышающим издержки производства и ограничивающим расширение внутреннего спроса относятся:

- 1) *громадная протяженность при слабо развитой инфраструктуре;*
- 2) *неблагоприятные или даже суровые климатические условия на большей его части;*
- 3) *низкая в среднем по стране плотность населения и экономической жизни;*
- 4) *внутриамериканское размещение основных экспортных ресурсов;*
- 5) *рассредоточенность территориальной структуры хозяйства и концентрация экономической деятельности в небольшом количестве центров и регионов;*
- 6) *большие межрегиональные различия по демографической динамике, уровню социального и экономического развития, инновационности, инвестиционной привлекательности и т.д.*

Данные свойства отражают исторический ход хозяйственного освоения российского пространства и незавершенность этого процесса на его большей части.

В условиях необходимости контроля и защиты пространства при ограниченных человеческих и финансовых ресурсах его освоение не имело сплошного характера, а было избирательным, очаговым. В отличие от Западной и Центральной Европы, в России не сложилось плотное, однородное по экономической освоенности пространство. Территориальная структура российского хозяйства складывалась как цепочка хозяйственных анклавов (узлов, центров, районов), формировавшихся по мере экономического продвижения с запада на восток. Большинство из них располагается в глубине материка. По оценке Л.А. Безрукова, приморские районы России (до 200 км от берегов морей и океанов, омывающих страну) в конце XX в. занимали 4,3% территории страны и в них проживало 14,6% ее населения. В то же время в ультраконтинентальной зоне — более 1000 км от побережий, находится 2/3 территории России, на которой проживает около 40% населения¹.

Расстояние между анклавами увеличиваются по мере движения на север и восток. Страна унаследовала от прошлого обширную периферию при недостаточном количестве крупных центров (*Трейвиш... 2007*).

В России средняя плотность населения едва превышает 8 чел. на 1 км² при среднемировом показателе около 48 чел. на км² (без учета Антарктиды). Различия между регионами страны по уровню заселенности очень велики. Наиболее плотно заселен Московский регион — Москва и Московская область — более 320 чел. на км², в то же время в 32 субъектах РФ на востоке и севере страны плотность населения не превышает 10 чел. на км². На субъекты РФ, имеющие плотность населения менее 10 чел. на 1 км², приходится почти 80% территории России, но всего около 16% населения. Плотность населения в Европейской России — 27 чел. на 1 км² близка к плотности населения в США, Бразилии, Швеции. Данный показатель в Азиатской России — 3 чел. на 1 км² равен уровню заселенности в Канаде, Австралии и Казахстане. Чем меньше население и ниже его плотность, тем уже специализация региональной экономики, тем хуже инфраструктурные условия деятельности экономики.

Согласно исследованиям американских ученых Антонио Чиккони и Роберта Холла, один рабочий в наименее заселенных округах США

¹ Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Автореферат на соискание ученой степени доктора географических наук. Иркутск, 2006, с. 31–32.

производит вдвое меньше продукции, чем рабочий той же квалификации в Нью-Йорке. В государствах с рыночной экономикой позитивное воздействие плотности населения на продуктивность труда сильнее, чем негативное воздействие перенаселенности².

По отношению к внутрироссийскому рынку в значительно более благоприятном положении находятся регионы европейской, нежели азиатской части России. Например, на территории, расположенной в радиусе 1 тыс. км от Саратова размещается около 40% населения России и более половины от общего ВРП, на такой же территории вокруг Улан-Удэ проживает всего около 3% населения и создается примерно такая же доля ВРП.

Принципиальной особенностью российского пространства является также внутриматериковое размещение ключевых экспортных производств углеводородов, черных и цветных металлов, лесной продукции. Более 60% экспортного потенциала размещается на расстоянии 3–4 тыс. км от европейских и дальневосточных пограничных переходов. Такого рода *перевернутая модель* размещения экспортного производства из-за больших транспортных затрат объективно снижает его доходность и, учитывая ценовые колебания на мировых рынках, является ненадежной.

Разная степень экономического освоения отдельных частей российского пространства помимо плотности населения и плотности ВРП отображается рядом других показателей: плотность путей сообщения, плотность населенных пунктов, структура занятости, структура производимого ВРП, структура землепользования и др. Среди них следует выделить способность регионального хозяйства воспринимать, воспроизводить и производить технологические нововведения (*Вардомский... 2009; Зубаревич... 2005*).

Низкая инновационность отражает ограниченные возможности регионов с точки зрения человеческого капитала в решении таких вопросов, как модернизация хозяйства освоенных территорий. Инновационность территории, кроме того, отражает степень ее изученности, разработанность концепций и подходов перспективного развития, способность их реализовать. Большие межрегиональные различия по уровню инновационности свидетельствуют о том, что преобладающая часть пространства страны является «*экономической периферией*» в национальном измерении и «*двойной периферией*» — в глобальном.

² Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. Перевод с английского. Научно-образовательный форум по международным отношениям, Журнал «международные процессы». М., 2007, с. 28–30.

Формирование единого рынка в России затрудняется большими расстояниями, слабым развитием инфраструктуры и разными уровнями развития регионов. Расширение внутреннего спроса сдерживается большими межрегиональными различиями и трудностями в разрывывании межрегиональных технологических и торговых связей, которые в 2000–2008 гг. все более заменялись экспортно-импортными связями.

Влияние особенностей пространства на экономическую деятельность в самом общем виде представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Влияние свойств пространства России
на экономическую деятельность**

Свойства пространства	Влияние на экономическую деятельность
Громадная протяженность при слаборазвитой инфраструктуре	1) Повышает транспортную и энергоемкость производства, 2) понижает производительность труда, 3) вызывает рост издержек обращения, 4) замедляет оборот капитала, 5) удлиняет сроки окупаемости проектов, 6) вызывает замену межрегиональных связей экспортными и (или) импортными, 7) затрудняет внедрение современных форм организации производства.
Неблагоприятные природно-климатические условия на большей части территории	1) Повышает энергоемкость производства и ЖКХ, 2) повышает затраты на рабочую силу, 3) затрудняет транспортное сообщение и повышает транспортные издержки, 4) понижает производительность труда и повышает издержки производства и строительства, 5) удлиняет сроки окупаемости проектов.
Низкая в среднем плотность населения и хозяйственной деятельности	1) Повышает издержки обращения, 2) понижает производительность труда, 3) повышает инвестиционные и кредитные риски, 4) замедляет оборот капитала, 5) сдерживает развитие малого бизнеса.
Рассредоточенность и поляризованность территориальной структуры экономики	1) Повышает транспортную межрегиональных связей, 2) затрудняет развитие межрегиональной кооперации, 3) затрудняет формирование единого внутреннего рынка, 4) усиливает межрегиональные контрасты в условиях ведения бизнеса.
Большие межрегиональные различия	1) Ограничивает развитие внутреннего рынка, 2) затрудняет распространение инноваций, 3) затрудняет развитие межрегиональных связей.

Данные свойства российского пространства обуславливают продуцирование инфляции издержек. Особую роль в этом играет столичный моноцентризм. Чрезмерная концентрация деловой жизни в столице перегревает рынки труда и недвижимости, что подстегивает цены на рабочую силу и недвижимость и трансформируется в инфляционные импульсы, которые распространяются по всей стране. Значительная часть ресурсов банков, в том числе долговых, до кризиса направлялась в сферу столичной недвижимости, которые при резком ухудшении ситуации превратились в «плохие» долги.

Помимо столичного моноцентризма свой вклад в инфляцию издержек вносит постоянное повышение тарифов естественных монополий и административное давление на бизнес. Высокому инфляционному фону содействуют слабое развитие инфраструктуры и сложные для бизнеса и жизни в большинстве регионов природно-климатические условия. В сумме данные факторы объясняют высокий уровень кредитного процента. Те же факторы обуславливают высокие риски инвестиционной деятельности, сдерживая технологическую модернизацию, особенно на периферии. Высокие риски при «сильном» рубле сделали многие производства неконкурентоспособными по сравнению с импортными аналогами.

**Изменения структуры российского
экономического пространства в 2000–2008 гг.**

В условиях довольно динамичного экономического роста в территориальной структуре России наметились изменения, которые входят в русло мировых тенденций (*World development report... 2009*). Одно из них выражается в возрастании *централизации экономической жизни страны*. Рост централизации на уровне страны отражает увеличение доли Москвы и столичной области в ВРП России. За 2000–2007 гг. их доля увеличилась с 23,2 до 28,4%, в том числе Москвы — от 20,1 до 23,8%. Для сравнения доля Санкт-Петербурга за этот период увеличилась всего с 3,3 до 3,9%, а вместе с Ленинградской областью с 4,2 до 5,0% (*Регионы России, 2008, с. 350–353; Россия в цифрах 2009... 2009, с. 40–47*). В этот период в экономике большинства субъектов РФ увеличилась доля центральных городов.

Усилению столичной централизации способствовали не только рыночные факторы, но и восстановление так называемой «властной вертикали», при которой столица остается единственным центром принятия серьезных экономических решений для всех регионов страны.

Повышение доли столичного региона в экономике страны отражает ярко выраженную центрально-периферийную организацию россий-

ского пространства, как в политическом, так и в экономическом плане. Причем с ростом вовлечения России в глобальную экономику пространство страны становится все более поляризованным по внешним и внутренним условиям развития центра и периферии.

В условиях рыночной трансформации Москва, а также (хотя и в значительно меньшей степени) другие крупнейшие города страны стали получать дополнительный доход, «столичную ренту», обусловленную их статусным положением и инновационным превосходством.

Ускоренный экономический рост Московского региона стал оборотной стороной низкого потенциала саморазвития большей части российских регионов, обусловленного периферийным характером их экономики. Различия в потенциале развития можно проиллюстрировать показателем плотности экономической жизни — ВРП на 1 км² территории региона. Так, на 1 км² площади в Московском регионе (Москва и столичная область), историческом центре освоения российского пространства, в 2007 г. был произведен в 100 раз больший ВРП, чем в среднем по России (соответственно 171,4 млн. и 1,65 млн. руб.), и в 820 раза больший, чем в среднем по Дальневосточному федеральному округу (209 тыс. руб.) — наименее освоенной части российского пространства (*Россия в цифрах 2009...* 2009). Мировой опыт показывает, что экономическая активность постепенно стягивается в крупные города и примыкающие к ним субурбанизированные зоны (*World development report...* 2009, с. 198–229).

Удаленные и слабоосвоенные регионы, занимающие более 3/4 российского пространства, значительно медленнее приспособлялись к изменившимся экономическим условиям, у них более низкая инвестиционная привлекательность и значительно ниже темпы модернизации экономики. Эти регионы за годы реформ утратили значительную часть накопленного в советский период человеческого капитала.

Быстрый рост доли столичного региона сочетался с замедлением процесса освоения территории России в восточном и северном направлениях. Их освоение многие десятилетия централизованного развития шло благодаря громадным финансовым усилиям государства. В 1990-е гг. этот процесс пошел вспять. В 2000–2008 гг. процессы освоения возобновились. Сильно возросла добыча нефти и газа на Сахалине и в Ненецком АО, началась добыча нефти на севере Красноярского края, началось освоение месторождений нефти и газа в Якутии. Тем не менее, за 2000–2007 гг. доля Урала (в границах экономического района) в ВРП России сократилась с 13,9 до 11,1%, а регионов восточнее Урала — с 27,2 до 25,2%. При том

что доля Тюменской области с округами за этот период осталась на уровне 10%. Без сибирской углеводородной сокровищницы доля Сибири и Дальнего Востока уменьшилась с 17,3 до 15,3%. Экономическое усиление европейской России — за 2000–2007 гг. ее доля (Северо-Западный, Центральный, Южный и Приволжский федеральные округа) в ВРП России увеличилась с 67,6 до 69,6% и отражает устойчивый рост до кризиса внешнеэкономических связей России с ЕС и другими европейскими странами, доля которых в их общем объеме превышает 60%.

Следует подчеркнуть, что изменения в географии производства ВРП происходят на фоне устойчивого сокращения населения России: с 147,7 млн. чел. в 1990 г. до 142,0 млн. чел. в 2008 г. Между двумя переписями 1989 и 2002 гг. население сократилось в 66 и увеличилось в 23 субъектах РФ. Сокращение наиболее сильно затронуло дальневосточные и восточно-сибирские регионы. Население Дальневосточного федерального округа за 1991–2007 гг. сократилось на 1,5 млн. чел. или на 18,5%, Сибирского округа — на 1,6 млн. чел., или на 7,6%. В то же время население Центрального округа уменьшилось на 1 млн. чел., или на 2,6% (*Регионы России*, 2008, с. 20–25).

Заметное увеличение населения — на 10% и более — наблюдалось в большинстве регионов Южного федерального округа, Москве, Белгородской и Калининградской областях, Ханты-Мансийском АО.

Изменения в географии ВРП связаны с большими различиями между регионами по объемам инвестиций в основной капитал. В 2008 г. на 10 субъектов РФ с наибольшими объемами капитальных вложений (Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Санкт-Петербург, Московская и Нижегородская области, Краснодарский край, Республики Татарстан и Башкортостан, Свердловская область) пришлось 44% в основной капитал. В том же году только у 23 субъектов РФ из 83 инвестиции в основной капитал на душу населения превышали средний по РФ уровень в 61,7 тыс. руб. Причем разница между максимальным и минимальным значением этого показателя колебалась между 1,8 млн. руб. на одного жителя в Ненецком АО и 10,4 тыс. руб. в Республике Тыва. Различия между вторыми номерами в списке регионов с наиболее высоким и низкими показателями были несколько меньше — Тюменская область (с округами) — 298 тыс. руб. и Республика Ингушетия — 10,7 тыс. руб. на 1 человека.

Многие периферийные территории, лишенные значительных экспортных ресурсов, продолжают отставать в своем экономическом развитии. Основные признаки отставания — сокращение доли в общем ВРП страны, устойчивый миграционный отток и доходы населе-

ния существенно ниже среднего по стране уровня, сравнительно высокая доля убыточных предприятий при низкой или нулевой доходности экономики, весьма слабая инвестиционная деятельность по сравнению со средними по стране показателями.

В России в 2007 г. ВРП на душу населения в Тюменской области (вместе с округами) равнялся 829,2 тыс. руб. и в 28 раз превосходил этот показатель в Республике Ингушетия — 29,9 тыс. руб. (при среднероссийском показателе 198,8 тыс. руб.). В 2000 г. различия по этому показателю составляли 27 раз — соответственно 176,9 и 6,6 тыс. руб. (при среднероссийском показателе 39,5 тыс. руб.) (*Регионы России*, 2008, с. 350–353; *Валовой региональный продукт*, 2009). Любопытно, что в 2006 г. разрыв между Тюменской областью и Республикой Ингушетия составлял почти 45 раз (соответственно, 782,4 тыс. руб. и 17,5 тыс. руб., а в 2005 г. — 43,7 раза (668,3 тыс. руб. и 15,3 тыс. руб.) (*Регионы России*, 2008, с. 350–353; *Россия в цифрах 2009... 2009*, с. 40–47). С чем связано сокращение разрыва в 2007 г. непонятно. Во всяком случае, не с бурным ростом экономики в Ингушетии.

Следует отметить, что в результате происшедшего в России до 2008 г. быстрого экономического роста и масштабных межрегиональных перераспределений бюджетных доходов увеличение диспаритета между регионами было остановлено.

Тем не менее, в 2007 г. у 66 субъектов РФ из 83 ВРП на душу населения, который характеризует объем внутрирегионального спроса, был ниже среднероссийского уровня на 198,8 тыс. руб. в год. *По нашим расчетам на 2007 г., если бы у этих субъектов РФ ВРП на душу населения был бы на среднероссийском уровне, то общий ВРП России увеличился бы на 28%.*

С ростом межрегиональных различий тесно связан и такой тренд, как *ослабление связанности пространства*. В его основе изначально лежали резко возросшие транспортные тарифы, либерализация внешнеэкономических связей, а также политика региональных властей, направленная на защиту экономических интересов региональных элит. Сегодня к ним добавились структурно-экономические и социально-культурные различия отдельных регионов. В ряде регионов наблюдаются черты постиндустриальной экономики (Москва, Санкт-Петербург), в то же время другие регионы в результате деиндустриализации и натурализации хозяйства фактически вернулись на доиндустриальную стадию развития (Республики Тыва, Горный Алтай, Чечня, Калмыкия).

Регионы России в условиях кризиса

Начавшийся кризис серьезно изменил тренды регионального развития страны. Отдельные отраслевые показатели, которые публикуются ФСГС (Бюллетень «Информация для...» 2009), не дают полной картины влияния кризиса на регионы страны. Наиболее целостно ситуацию в регионах отражает их бюджетное положение. За первое полугодие налоговые и неналоговые поступления в бюджеты регионов сократились на 15%³. Ожидается, что к концу 2009 г. субъекты РФ недополучат до 20% бюджетных доходов. По оценке Минрегиона по итогам января–мая 2009 г. наиболее сильное сокращение доходов консолидированных бюджетов при среднероссийском сокращении в 6% произошло в Тюменской области — на 29%, Красноярском крае — на 27%, Москве — 24%, Ханты-Мансийском АО — 23%, Кемеровской области — 22%, Челябинской области — 20%, Удмуртии — 19% и Самарской области — 16%⁴. В своем большинстве это регионы широко включены во внешнеэкономические связи и их экономика сильно зависит от состояния мировых товарных и финансовых рынков, причем преимущественно от европейских. В структуре их промышленности ведущее место занимает топливная и металлургическая промышленность, машиностроение, химия органического синтеза. Эти отрасли составляют основу российского экспорта, который за первое полугодие 2009 г. сократился почти в 2 раза. Сокращение бюджетных доходов в ведущих регионах показывает, что их экономика испытывает наиболее сильный шок. Это связано не только с сокращением внешнего, но и внутреннего спроса на материалы, инвестиционные товары, а также товары длительного пользования, из-за паралича кредитной системы.

Регионы, у которых преобладают упомянутые отрасли, характеризуются наиболее сильным спадом в промышленности. Это большинство регионов Центрального и Приволжского ФО. На экономический спад Москвы сильное влияние оказывает сокращение объемов строительства и оборотов в сфере недвижимости и кредитной сфере.

Существенно меньшее сокращение бюджетных доходов у других регионов объясняется вливанием в их бюджеты в первые пять месяцев 2009 г. федеральной помощи. Кроме того, регионы существенно сократили расходные части своих бюджетов.

³ Вислогузов В. Региональные бюджеты стали стройными, Коммерсантъ, 6.08.09.

⁴ Доклад о социально-экономическом положении субъектов РФ в мае 2009 г. // www.minregion.ru/OpenFile/ashx/09_05_report3ppt?AttachID=2763

По оценке Минрегиона в 2009 г. донорами федерального бюджета останутся 8 из 83 субъектов РФ — Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Сахалинская и Челябинская области, Республика Саха-Якутия, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО. Сокращение доходов у бюджетообразующих регионов страны стало одной из причин образования большого дефицита в бюджете 2009 г. оцениваемого в 3 трлн. руб. (8–9% ВВП страны).

В целом, судя по первому полугодю 2009 г., создается впечатление, что периферия легче переносит кризис, чем ведущие экономические центры России. Это, действительно пока так, поскольку периферийные регионы получают относительно большую федеральную бюджетную поддержку, а основу их экономики составляет производство товаров, ориентирующихся либо на внутренний и внешний спрос, который существенно не пострадал от кризиса (производство драгоценных металлов, промысел морской рыбы, электроэнергии), либо на повседневный внутренний спрос — производство продовольствия, напитков, некоторых видов строительных материалов и лесопродукции.

Устойчивое экономическое положение ряда дальневосточных регионов объясняется соседством с Китаем, экономика которого сохраняет положительную динамику (в 2009 г. в пределах 7–9%).

Таким образом, кризис сильно сократил доходы наиболее успешной части российских регионов в период экономического роста. Уменьшение доходной части федерального бюджета неизбежно вызывает сокращение объемов межрегиональных перераспределений бюджетных ресурсов. Слабые регионы, экономики которых не пострадали от кризиса или пострадали от него меньше, чем основные регионы-экспортеры, в ближайшее время смогут получать меньшие по объемам трансферты. Так что вполне ожидаемое сокращение межрегиональных различий по уровню ВРП на душу населения может происходить при сохранении существующих разрывов по показателю бюджетной обеспеченности.

Оживление российской экономики, на наш взгляд, начнется с экспортных производств, которые, также как это было в начале 2000-х гг., запустит внутренний спрос. Девальвация рубля — явная поддержка экспортеров топлива, сырья и материалов. В то же время она затруднит модернизацию импортозамещающих производств и особенно тех, которые работают на импортных материалах и компонентах. Так что в ближайшие 2–3 года следует ожидать вынужденного акцента на ресурсные отрасли и сокращения вложений в модернизацию и инновации. В результате произойдет снижение доли Московского и Петербургского регионов в ВРП. Одновременно уменьшится доля этих

субъектов РФ в налоговой базе России. Кризис остановит «перетекание» российской экономики в европейскую Россию. Более того, при ускоренном росте топливно-сырьевого экспорта даже при более низких ценах вполне возможно ожидать повышения доли Дальневосточного и Сибирского ФО в ВРП страны при снижении доли Центрального, Северо-Западного и Приволжского ФО. Эти сдвиги корреспондируются с ростом экономики Китая и спадом в экономике ЕС.

Для разумного сочетания процессов модернизации экономики с освоением новых территорий необходимы крупные инвестиции. Однако Россия в послекризисный период столкнется с нехваткой финансовых ресурсов, что заставит ее, с одной стороны, пересмотреть приоритеты развития, а, с другой, — более активно привлекать иностранные инвестиции и искать другие резервы активизации региональной экономики.

Региональная политика Федерального центра в 2000–2008 гг.

В основе созданной в стране системы управления регионами и их экономическим развитием лежит укрепление центральной власти. В стране созданы все необходимые правовые условия для удобства федерального распоряжения общественными бюджетными ресурсами и полного подчинения интересов субъектов РФ федеральным интересам.

Региональную политику федеральный Центр рассматривает, прежде всего, как инструмент укрепления единства страны, предотвращения сепаратистских устремлений отдельных регионов, стабильности и безопасности центральной власти. Ее составляют: 1) бюджетные перераспределения (в виде дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, субвенций, субсидий, инвестиционных грантов), которые призваны обеспечить единые минимальные социальные стандарты в регионах и отчасти сблизить условия их социально-экономического развития; 2) разделение функций и полномочий между центром и регионами, устранение противоречий между региональным и федеральным законодательством в пользу последнего; 3) поддержка избранных регионов.

В созданной модели управления были учтены уроки региональной «вольницы» 1990-х гг. Расширение прав и компетенций субъектов РФ и местного самоуправления само по себе не было в состоянии устранить территориальные диспропорции. Наоборот, децентрализация их усилила, поскольку от нее выиграли, прежде всего, сильные территории. Усиление властных полномочий субъектов РФ и при этом

асимметричность их отношения с Федеральным центром в условиях экономического спада вызвали широкое распространение регионального протекционизма, фрагментацию российского пространства, нарушение его экономического единства, создали угрозу распада России.

В результате принятия системы федеральных законов было восстановлено единое правовое поле страны и существенно ограничена практика регионального протекционизма, ужесточен контроль за деятельностью региональных властей и ослаблен их политический вес, установлено новое разделение компетенций центральной и региональных властей, по которому значительная часть имевшихся у регионов властных полномочий в сфере экономики была передана в федеральный центр.

С восстановлением властной вертикали тесно связана централизация государственных финансов. В результате ее осуществления доля федерального бюджета в консолидированном бюджете России в 1999 г. возросла до 50,6% против 44,9% в 1998 г. В 2000 г. федеральная доля достигла 56,5% и такой оставалась вплоть до 2003 г. В последующий период она выросла еще на 10%, достигнув 65–66% (2007–2008 гг.). С вычетом доходов федерального бюджета, направляемых в виде трансфертов в субъекты РФ, у федерального бюджета в 2007 г. осталось почти 59% консолидированного бюджета. Наиболее собираемые и значимые налоги были замкнуты на федеральный бюджет. В связи с этим более 80% налоговых поступлений в бюджеты регионов составляют отчисления от федеральных налогов.

Централизация государственных финансов сочеталась с созданием ряда бюджетных фондов поддержки слабых субъектов РФ. Основная часть финансовой помощи региональным бюджетам осуществляется через выделенный в расходной части федерального бюджета Фонд финансовой поддержки субъектов РФ по статье «Дотации на выравнивание уровней бюджетной обеспеченности», по которой оплачиваются текущие бюджетные расходы субъектов РФ. На выравнивание нацелена деятельность и других фондов — компенсаций и софинансирования социальных расходов.

Борьба с растущим диспаритетом регионов в основном сводится к политике выравнивания бюджетной обеспеченности (под ней понимается объем бюджетных расходов на одного жителя региона), которая осуществляется путем межбюджетного перераспределения государственных финансов. Привлекательность этого инструмента борьбы с межрегиональными различиями в его простоте и однозначности при определении сумм, положенных к трансферту в отстающие

субъекты РФ. Следует отметить, что Министерство финансов РФ создало довольно эффективную систему бюджетного выравнивания, но эта система не решает проблему чрезмерных межрегиональных различий по уровню социально-экономического развития. Она их выравнивает по некоему минимуму предоставления государственных услуг, которые при этом довольно сильно различаются между регионами по качеству как собственно услуг, так и их предоставления.

Тем не менее, бюджетная обеспеченность десяти самых богатых регионов до начала кризиса превышала бюджетную обеспеченность десяти самых бедных более чем в 10 раз.

Поддержка развития в регионах осуществляется через Фонд регионального развития, из которого финансируются федеральные региональные программы, включая программу «Сокращения различий в социально-экономическом развитии регионов РФ на 2002–2010 гг. и до 2015 г.». Однако это финансирование было невелико и распределялось между программами крайне неравномерно.

Бюджетные трансферты в региональные бюджеты идут в основном на текущее потребление и непосредственно не участвуют в развитии экономики регионов. Они влияют на внутренний спрос, который непосредственно не активизируют производство в регионе. При громадных различиях между регионами по экспортному и инновационному потенциалу, емкости региональных рынков, инвестиционной привлекательности и предпринимательскому климату происходит естественное движение капиталов в места менее рискованного и более доходного помещения. *По сути дотации, субвенции и субсидии нацелены на противодействие происходящим в стране изменениям в региональной структуре экономики под влиянием рыночных сил и включения страны в процессы глобализации.*

Политическая и финансово-бюджетная централизация была дополнена действиями по укреплению контроля федерального центра над энергетическим сектором страны, обеспечивающим основную часть бюджетных поступлений и более половины доходной части платежного баланса России. В результате этого Федеральный центр смог существенно увеличить государственные расходы, начать инвестировать в крупные проекты и тем самым активно влиять на региональное развитие страны.

С 2005 г. российское руководство, используя благоприятное финансово-бюджетное положение, делало попытки расширить финансовую поддержку инвестициям, нацеленным как на модернизацию российской экономики, так и освоение новых территории. В этом процессе важное место отводится так называемым институтам развития.

Среди них важное место занял Инвестиционный фонд РФ, созданный в конце 2005 г. Из этого фонда финансируются проекты стоимостью более 5 млрд. руб. на началах софинансирования с регионами и частными инвесторами. В частности из фонда выделены средства на достройку Богучанской ГЭС и развитие региона Нижнего Приангарья в Красноярском крае.

В июле 2005 г. вступил в силу Федеральный закон «Об особых экономических зонах в РФ» (ОЭЗ), предусматривающий учреждение технико-внедренческих и промышленных зон, который в 2006 г. был дополнен пунктом о туристско-рекреационных зонах. Из федерального бюджета на основе софинансирования создается необходимая инфраструктура. Согласно нормам закона, резиденты ОЭЗ в течение первых пяти лет освобождены от уплаты налога на имущество и земельного налога, имеют 4%-ную льготу по налогу на прибыль. Для резидентов ОЭЗ вводится режим свободной таможенной зоны. Кроме того, для резидентов технико-внедренческих зон предусмотрена пониженная ставка единого социального налога — 14%. В марте 2006 г. Правительством РФ была утверждена *Программа развития технопарков* в сфере информационных технологий. Для финансирования инновационной сферы создана Российская венчурная компания. В 2007 г. в России учрежден *Банк развития*, который сыграет роль координатора деятельности всех вновь созданных институтов развития — Инвестиционного фонда, особых экономических зон, венчурной компании. Банк развития будет финансировать инфраструктурные проекты, экспорт, высокотехнологичные производства, а также развитие малого и среднего бизнеса.

Важную роль в развитии регионов страны в 2005–2008 гг. сыграли *национальные проекты* по развитию медицины, образования, жилищного строительства и аграрно-промышленного комплекса. Национальные проекты дали импульс модернизации социальной инфраструктуры России. Большая часть мероприятий проектов подлжет софинансированию из региональных и местных бюджетов.

В этот период началось создание под государственным контролем крупных компаний в оборонно-промышленном комплексе, энергомашиностроении, авто- и авиастроении, большинство из которых в 2007 г. вошли в государственную корпорацию «Ростехнологии». Этим должны были решаться как минимум две задачи — контроль за крупными финансовыми потоками и возможность конструирования крупных компаний, которые, как полагали, могут быть конкурентоспособны на мировом рынке. Посредством этих компаний предполагалось решать проблемы регионального развития и, в частности, продолжить процесс освоения российского пространства.

Новые институты развития с широким участием государства формально не могут рассматриваться как инструменты региональной политики. Но их влияние на региональное развитие России весьма значительно, поскольку через них осуществляется большая часть осуществляемых в стране инвестиций. Их деятельность направлена, прежде всего, на развитие экономически сильных регионов, что соответствует основным положениям разработанной в Министерстве регионального развития «*Концепции стратегии социально-экономического развития регионов России*». В ней предлагается развивать экономическое пространство страны на основе *принципа поляризованного, или сфокусированного, развития*. Речь идет о концентрации ресурсов государства в опорных регионах, которые способны стимулировать развитие.

В 2005–2008 гг. применялись индивидуальные меры укрепления финансово-экономического положения избранных регионов. К таковым, в частности, относится регистрация крупных компаний подконтрольных государству в тех или иных городах, предоставление отдельным регионам налоговых и таможенных преференций и дополнительной финансовой помощи через ФЦП (Калининградская область, Республика Чечня и Ингушетия, Курильские острова), укрупнение субъектов РФ.

Необходимо отметить, что в собственно региональной политике России мало что изменилось. До сих пор отсутствует правовая база проведения региональной политики. В ее идеологии преобладают акценты на выравнивание бюджетной обеспеченности, а не на выравнивание условий предпринимательской деятельности. В этих условиях повышается значение федеральных целевых программ развития отдельных регионов. Ближайшие годы пройдут под знаком активизации инвестиционной деятельности государства в Сибири, на Дальнем Востоке и юге России, которые превратились за годы рыночной трансформации в громадную депрессивную зону. Проблемы развития этих регионов сегодня приобрели геополитический характер.

В целом проблемы социально-экономического развития регионов перешли в основном в зону ответственности федерального центра. Назначаемые в рамках властной вертикали руководители регионов стремятся в основном выполнять директивы из центра, а не генерировать идеи развития регионов и изыскивать средства для их осуществления. Стимулирование экономического развития регионов Министерством финансов осуществляется путем дополнительной финансовой помощи регионам, в которых проводится результативная политика по расширению доходной базы бюджета. С 2007 г. было вве-

дено *бюджетирование по результатам*, т.е. увязка бюджетных расходов с конкретными результатами социально-экономического развития регионов. Однако результативность этих мер пока не заметна. Для оценки деятельности администраций субъектов РФ создан громоздкий, но малоэффективный механизм.

В созданном механизме регионального развития основное место заняли федеральные структуры. Аппарат федеральных ведомств в регионах постоянно увеличивается. Дефицит финансовых ресурсов в регионах сопровождается усилением административного произвола, угнетающего бизнес. В итоге это сдерживает региональные и местные инициативы развития, ограничивает экономическое соперничество регионов, подменяя его конкуренцией за получение финансовых ресурсов и преференций от федерального центра. Слабая и зависимая судебная система и проблемы с защитой права собственности сдерживают инновационную деятельность бизнеса. Концентрация власти и финансов в центре предполагает необходимость принятия высококвалифицированных решений, единства оценок и действий исполнительных органов власти, что на практике далеко не всегда имеет место. Централизация власти существенно ограничивает возможность партнерства между уровнями власти, между властью и бизнесом. Большим ресурсом развития располагают межрегиональные связи, которые используются лишь на небольшую часть своих возможностей. Регионы взаимодействуют друг с другом в экономическом плане в основном через центр.

Антикризисные меры

Основными целями системы антикризисных мер, принимаемых федеральным Центром на уровне регионов, являются обеспечение сбалансированности региональных и местных бюджетов путем, как сокращения расходов, так и финансовой поддержки доходной части; обеспечение своевременной выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы; содействие занятости населения, сохранение и создание рабочих мест. Данные меры призваны содействовать сохранению внутреннего спроса в регионах и тем самым поддерживать регионального производителя. Но они имеют краткосрочный характер и не направлены на обновление региональной экономики, на ее диверсификацию и технологическую модернизацию.

В качестве антикризисной меры Правительство ввело изменения в Налоговый кодекс. Однако оно вряд ли улучшит бюджетное положение регионов. В соответствии с прежней редакцией ставка налога делилась на две части — 6,5% пополняли федеральный бюджет,

17,5% — бюджеты регионов. С 1 января 2009 г. ставка в федеральный бюджет составляет 2%, а в бюджет регионов 18%.

Ожидаемый значительный бюджетный дефицит вынуждает Федеральный центр к еще большей централизации налоговых доходов. Минфином предложена очередная поправка в Бюджетный кодекс, согласно которой 32 субъекта РФ перестанут получать 5% от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) — 79 млрд. руб. в 2008 г. Он полностью будет централизован в федеральном бюджете. Минфин также предлагает внести изменения в механизм взимания акцизов на жидкое топливо, в результате которых бюджеты Москвы и Санкт-Петербурга потеряют значительные суммы.

Одновременно намечено обнуление ставок НДПИ для нефтяных и газовых компаний, ведущих освоение месторождений в трудных природно-климатических условиях (Ямало-Ненецкий АО, север Красноярского края, Якутия). Взамен правительство ожидает от государственных компаний активного освоения восточных территорий.

В целом региональная политика правительства в условиях бюджетного кризиса в основном сложилась. В ее основе лежат поддержка освоения новых месторождений нефти и газа, строительства намеченных нефте- и газопроводов, сохранении в полном объеме имиджевых (Сочи, Владивосток) и геополитических (Чечня, Ингушетия, Курилы) региональных проектов и усилении межбюджетных перераспределений в пользу слабых регионов. Инновационная модернизация страны в ближайшие 3–4 года останется в основном в политических декларациях. Кризис существенно ослабил региональные власти и еще более усилил их зависимость от политики Федерального центра.

Тем не менее, ожидаемая длительная стагнация обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных видов экономической деятельности заставит правительство обратить внимание на потенциал развития, имеющийся в регионах страны.

Новые подходы и рекомендации

В условиях кризиса невозможно устранить многочисленные перекосы в региональной структуре российской экономики. Она весьма инерционна и ее обновление потребует не одно десятилетие. Результаты эффективной региональной политики имеют не только странственное, но и макроэкономическое, социальное и внешнеэкономическое измерение. В стратегическом плане РП должна быть нацелена на достижение баланса между освоением природных ресурсов и модернизацией существующего экономического потенциала, между экстенсивным и интенсивным подходами к развитию. К сожа-

лению, у нас этот баланс определяется не путем общественного обсуждения и глубокого анализа, а в результате лоббистских влияний тех или иных групп интересов. В том же стратегическом плане должна строиться работа по целенаправленному изменению территориальной структуры российской экономики с целью повышения ее международной конкурентоспособности и устойчивости в отношении внешних шоков. В частности наличие в стране нескольких конкурирующих финансово-экономических центров, близких по величине экономического оборота к Москве, безусловно, сделало бы российскую экономику более устойчивой к внешним кризисным воздействиям. В долгосрочном плане ТС российской экономики должна приобрести линейно-узловую конфигурацию с близкими в узлах параметрами социально-экономического и инновационного развития.

Учитывая необходимость одновременного освоения новых и модернизации обжитых территорий, необходимо расширение арсенала инструментов региональной и федеральной политики, существенное ослабление ограничений на привлечение иностранных инвестиций в экономику регионов.

При этом следует учитывать, что колонизация пространства требует централизации власти и финансов. Модернизация же на инновационной основе, в моем представлении, должна опираться на децентрализацию.

Механизм управления страной требует отладки с точки зрения централизации и децентрализации (передачи на более низкий уровень управления) функций. Их соотношение, в моем представлении, должно быть дифференцировано в зависимости от экономического и инновационного потенциала регионов. При этом для отдельных частей пространства — неосвоенных, отстающих в развитии, депрессивных, проблемных — федеральный центр должен выработать специфические механизмы поддержки регионов, стимулирующие их развитие в условиях глобальной конкуренции. Это могут быть инвестиционные гранты, венчурные фонды, налоговые преференции, особые зоны, специальные меры по миграционному привлечению населения в районы с дефицитом рабочей силы и другие инструменты. Разнообразие российского пространства должно соответствовать разнообразию применяемых для его развития инструментов.

Главными среди них следует рассматривать те, которые позволяют сократить различия в размещении населения и инвестиций, способствующих созданию новых рабочих мест в более эффективных (доходных) сферах деятельности. Иными словами, это могут быть ме-

ры стимулирующие как межрегиональный переток рабочей силы, так и приток инвестиций в регионы с избытком рабочей силы.

Центральная власть не должна ревностно относиться к умной и последовательной региональной власти, нацеленной на развитие своей территории и поиск для этого соответствующих инструментов, а должна относиться к ней также, как к власти регионов, лишенных инновационного потенциала и квалифицированных управленцев.

Территориальным социумам необходимо создавать условия для поиска путей и ресурсов решения проблем развития их территорий. В этом смысле неизбежная в настоящее время централизация власти не должна сковывать региональные и местные инициативы и повышать риски предпринимательской деятельности.

Литература

1. World development report Reshaping Economic Geography// The World Bank, Washington 2009.
2. Россия в цифрах, 2009//ФСГС, 2009.
3. Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Региональная политика: вызовы кризиса // Стратегии социально-экономического развития России: влияние кризиса, ч. 2, с. 205–233.
4. Бюллетень «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе–июле 2009 г.», ФСГС// www.gks.ru/wps/RA_1_0_s5/Documents/Detail_default.jsp?category=1112178611292
5. Вардомский Л.Б. (2009): Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Либроком.
6. Ершов М. (2008): «Момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопр. экономики. № 12.
7. Зубаревич Н.В. (2007): Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Изд-во ЛКИ.
8. Регионы России (2008): Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: ФСГС.

Носова Е.В.

Внешнеторговая деятельность регионов Приволжья со странами Дальнего и Ближнего Зарубежья в 2007–2008 гг.

Внешняя торговля играет важную роль в экономическом развитии страны и ее регионов. Она является своеобразной «визитной карточкой», по которой можно судить о степени их интеграции во всемирное хозяйство.

Сегодня, все регионы Приволжья¹ являются в разной степени участниками внешнеэкономической деятельности, осуществляя экспортно-импортные поставки со странами Дальнего Зарубежья (ДЗ) и постсоветскими республиками, создавшими содружество независимых государств (СНГ).

Уровень развития внешней торговли можно охарактеризовать с помощью таких показателей как внешнеторговая открытость и международная конкурентоспособность экономики, экспортно-импортная специализация торговых потоков, которые рассматриваются в данной статье у регионов Приволжья и России, в целом, со странами ДЗ и СНГ.

Внешнеторговая открытость экономики является комплексным индикатором и выражает интенсивность включения регионов в мирохозяйственные связи. Степень открытости экономики определяется по доле внешнеторгового сектора в валовом региональном продукте, чем выше ее значение, тем более регион втянут в мирохозяйственные связи. Внешнеторговую открытость территорий Приволжья со странами Дальнего Зарубежья и СНГ в 2007 г. раскрывает карта.

Мы видим, что приволжские регионы сильно различаются по уровню открытости экономики, при этом, общее значение округа в 2007 г. (14,1%) значительно отставало от среднероссийского (24,0%). Такая же тенденция была отмечена и в 2006 г. Это связано с тем, что слаборазвитые и депрессивные территории, несмотря на усилия, предпринимаемые региональными и федеральными органами власти, остаются аутсайдерами во внешнеэкономической сфере. Хотя в 2007 г.

¹ Под регионами Приволжья автор понимает регионы, входящие в Приволжский Федеральный округ.

стоимостный объем внешнеторгового оборота значительно прирос именно у этих регионов (за счет экспорта только Марий-Эл, у Пензенской, Кировской, Ульяновской областей за счет импорта), а также у Нижегородской (импорт) и Оренбургской (экспорт) областей.

К группе аутсайдеров (четвертой по классификации, согласно рисунку) относятся Республика Мордовия и Пензенская область (менее 4%). В предпоследнюю (третью) группу вошли Марий-Эл, Удмуртская, Чувашская Республики и Ульяновская область (от 4 до 9%). Во второй группе («середнячков») — Нижегородская область, Пермский край, Кировская и Саратовская области (от 9 до 16%). А в первую лидирующую группу традиционно входят экономически развитые «тяжеловесы», богатые углеводородными ресурсами — Татарстан, Самарская, Оренбургская области и Башкортостан (от 16 до 23%). Следует отметить, что у регионов-лидеров значение показателя открыто-

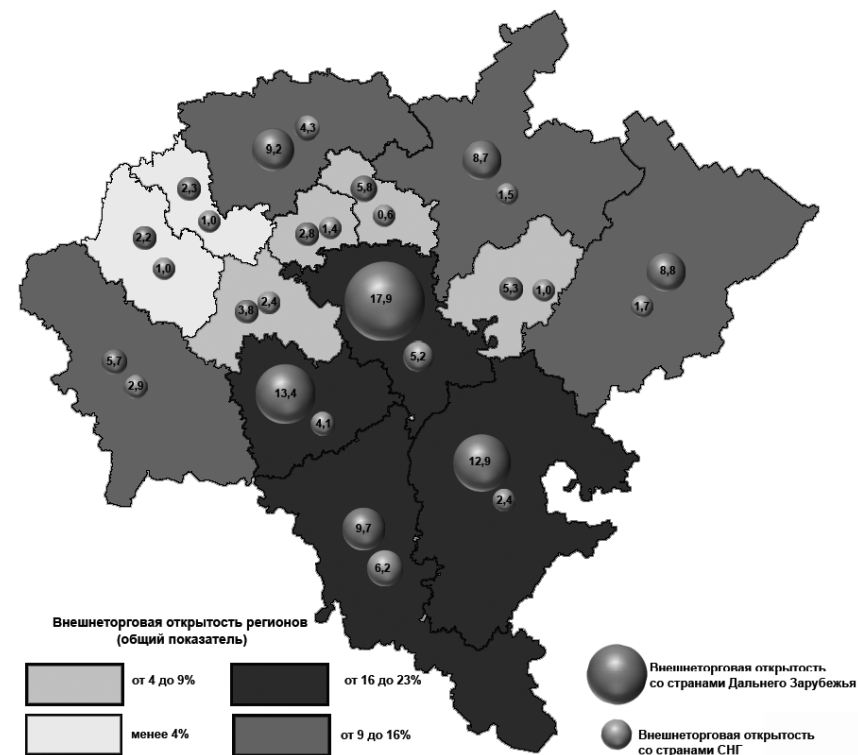

Рис. 1. Внешнеторговая открытость регионов Приволжья в 2007 г.

сти экономики превысило среднее по округу, а у Татарстана практически сравнялось со среднероссийским.

У всех приволжских регионов сохраняется преобладающая тенденция экспортно-импортного сотрудничества со странами Дальнего Зарубежья, чем с СНГ (рисунок 1). Например, у лидирующего Татарстана показатель внешнеторговой открытости со странами ДЗ превысил аналогичный показатель со странами СНГ в 3,4 раза и составил 17,9%, а у слаборазвитой Марий-Эл — в 9,7 раза, в то время как с государствами содружества — был равен 0,6%. Исключением служит Оренбургская область, занимающая приграничное положение с Казахстаном и, соответственно, обладающая в округе наибольшим значением внешнеторговой открытости с СНГ (6,2%). Но несмотря на это, показатель открытости в страны вне СНГ у нее был выше в 1,5 раза (и составил 9,7%).

В целом по округу внешнеторговая открытость в страны Дальнего Зарубежья в 2007 г. была намного ниже среднероссийской (10,7% против 20,4% соответственно), такая же тенденция отмечалась и в 2006 г., что свидетельствует о том, что не вся производимая округом продукция отправляется на экспорт. Более того, как было сказано выше, в 2007 г. повысился ввоз продукции у регионов, стоящих в ранге открытости на предпоследнем месте, что служит сигналом того, что эффективность экономики этих регионов понизилась.

Коэффициент экспортно-импортной специализации. Различный уровень внешнеторговой открытости приволжских территорий отражает их возможность в осуществлении экспорта своей продукции за рубеж. Нарастание объемов экспорта — важный стимул экономического развития, который определяет экспортную ориентацию региональной экономики.

Данный коэффициент (K_1) определяет удельный вес экспорта в стоимостном объеме внешнеторгового оборота и исчисляется как отношение стоимостного объема экспорта к внешнеторговому обороту. Он характеризует экспортную ориентированность регионов округа со странами Дальнего Зарубежья ($K_{1дз}$) и СНГ ($K_{1снг}$). Значение коэффициента превышающего 0,5 говорит о том, что удельный вес стоимостного объема экспорта составляет более 50% (таблица 1).

Анализ данных значений коэффициента $K_{1дз}$ за 2007–2008 гг. показывает, что у большинства регионов округа удельный вес экспорта в торговом обороте со странами Дальнего Зарубежья более 50% и они имеют экспортную ориентацию внешнеторговых потоков, исключение составляют Республики Мордовия, Удмуртия и Пензенская область. Следует отметить, что в 2008 г. данный показатель несколь-

Таблица 1

Коэффициент экспортно-импортной специализации регионов Приволжья в 2007–2008 гг.*

	2007 год		2008 год	
	Со странами ДЗ $K_{1дз}$	Со странами СНГ $K_{1снг}$	Со странами ДЗ $K_{1дз}$	Со странами СНГ $K_{1снг}$
РФ	0,6	0,6	0,6	0,7
ПФО	0,8	0,8	0,8	0,8
Республика Башкортостан	0,9	0,8	0,9	0,9
Республика Марий Эл	0,8	1,0	0,8	0,8
Республика Мордовия	0,1	0,9	0,2	0,5
Республика Татарстан	0,9	1,0	0,9	0,9
Удмуртская Республика	0,3	0,6	0,3	0,8
Чувашская Республика	0,5	0,8	0,6	0,8
Пермский край	0,9	0,9	0,9	0,9
Кировская область	0,7	0,9	0,8	0,8
Нижегородская область	0,5	0,7	0,4	0,7
Оренбургская область	0,9	0,5	0,9	0,4
Пензенская область	0,3	0,9	0,2	0,8
Самарская область	0,8	0,8	0,8	0,8
Саратовская область	0,7	0,8	0,7	0,8
Ульяновская область	0,6	0,8	0,5	0,9

* Расчет произведен автором.

ко понизился у Нижегородской области по сравнению с предыдущим годом из-за возросшего импорта (с 0,5 до 0,4).

В торговле со странами Дальнего Зарубежья регионы можно классифицировать следующим образом:

- *проэкспортного типа* (экспорт составляет 80–90% внешнеторгового оборота). В эту группу входят лидирующие субъекты, богатые топливно-энергетическими ресурсами: Башкортостан, Татарстан, Пермский край, Оренбургская, Самарская область, а также слаборазвитая Марий-Эл;
- *регионы 2-го порядка* (экспорт составляет 50–70%) — Кировская, Саратовская, Ульяновская, Нижегородская области, Чувашская Республика;
- *регионы, не ориентированные на внешний рынок Дальнего Зарубежья* (экспорт менее 50%) — Удмуртия, Пензенская область, Мордовия.

В 2008 г. К2дз вырос по сравнению с 2007 г. у восьми субъектов — значительно у Пермского края, а также Башкортостана, Самарской, Кировской, Саратовской областей, Чувашии, менее значительно — Мордовии, Удмуртии, а снизился у пяти — Татарстана (значительно всего), Марий-Эл, Нижегородской, Оренбургской и Пензенской областей. На одном уровне остался у Ульяновской области.

Рост коэффициента К2снг произошел у трех субъектов — Башкортостана и Ульяновской области (значительно), а также у Удмуртии, снижение было у семи — крайне значительно у Марий-Эл и Татарстана, а также Мордовии, Чувашии, Пермского края, Кировской и Пензенской областей. Показатель остался неизменным у Нижегородской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областей.

В целом по округу значение К2дз в 2008 г. увеличилось по сравнению с 2007 г. (с 3,9 до 4,4 и значительно превышает среднероссийское (1,7–1,8). Рост коэффициента свидетельствует о росте стоимостного объема экспорта округа.

Значение К2снг в 2008 г. несколько снизилось по сравнению с предыдущим годом (с 3,7 до 3,1), но также превышает среднероссийское (1,8–1,9). Снижение коэффициента свидетельствует об увеличении стоимостных объемов импортных поставок округа.

Последнее десятилетие, проходящее под знаком глобализации, еще более обострило проблемы конкурентоспособности экономик на мировом уровне. В отчете о конкурентоспособности стран за 2007–2008 г. Всемирного экономического форума (WEF) мировым лидером признаны США, а Россия занимает 58-е место и по-прежнему серьезно отстает не только от развитых стран, но и от целого ряда стран с переходной экономикой и развивающихся стран, уступая, например, Китаю (34-е место), Индии (48-е место), опережая только Бразилию (72-е место). Поэтому проблема конкурентоспособности отраслей, производств, товаров является актуальной.

Результаты исследования профессора М. Портера и его команды по анализу состояния российской конкурентоспособности в 2006–2007 гг., проведенные по поручению Московского центра стратегических разработок (ЦСР) при Институте стратегии и конкурентоспособности, показали, что основные препятствия в дальнейшем развитии экономики России лежат в области микроэкономики, слабой позиции экспорта, не относящегося к природным ресурсам на внешнем рынке, притоке иностранных инвестиций, связанных, в первую очередь, с получением доступа к природным ресурсам и в последнее время с обслуживанием местных потребителей вместо увеличения экспорта.

Коэффициент международной конкурентоспособности характеризует долю «чистого» экспорта во внешнеторговом обороте. Данный коэффициент рассчитан автором со странами Дальнего Зарубежья и СНГ (КЗдз и КЗснг) за период 2007–2008 гг. по формулам:

$$K_{Здз} = \frac{Эдз - Идз}{Водз}$$

$$K_{Зснг} = \frac{Эснг - Иснг}{Воснг}$$

где Эдз (Эснг) — объем экспорта региона со странами ДЗ и СНГ (долл. США); Идз (Иснг) — объем импорта региона со странами ДЗ и СНГ (долл. США); Водз (Воснг) — объем внешнеторгового оборота региона со странами ДЗ и СНГ (долл. США). Норма коэффициента — больше 0. Данные по регионам Приволжья за 2007–2008 гг. отражены в таблице 2.

Как показывают расчеты автора, значение КЗдз за 2007–2008 гг. у большинства регионов было больше «0», исключение составляют четыре региона — Республики Мордовия и Удмуртия, Пензенская и Нижегородская области, у которых он имел отрицательное значение.

Таблица 2

Коэффициент международной конкурентоспособности регионов Приволжья в 2007–2008 гг.*

	2007 год		2008 год	
	Со странами ДЗ КЗдз	Со странами СНГ КЗснг	Со странами ДЗ КЗдз	Со странами СНГ КЗснг
Российская Федерация	0,3	0,3	0,3	0,3
ПФО	0,6	0,6	0,6	0,5
Республика Башкортостан	0,8	0,6	0,8	0,8
Республика Марий Эл	0,7	0,9	0,6	0,7
Республика Мордовия	-0,8	0,7	-0,6	0,1
Республика Татарстан	0,8	0,9	0,7	0,8
Удмуртская Республика	-0,5	0,2	-0,3	0,6
Чувашская Республика	0,0	0,7	0,2	0,6
Пермский край	0,7	0,8	0,8	0,8
Кировская область	0,5	0,7	0,5	0,7
Нижегородская область	-0,1	0,4	-0,2	0,4
Оренбургская область	0,8	-0,1	0,8	-0,1
Пензенская область	-0,4	0,8	-0,6	0,7
Самарская область	0,6	0,7	0,7	0,7
Саратовская область	0,4	0,6	0,5	0,6
Ульяновская область	0,1	0,6	0,1	0,7

* Расчет произведен автором.

Значение коэффициента КЗснг у всех приволжских регионов в 2007–2008 гг. было больше «0», за исключением Оренбургской области.

В целом по округу, значение КЗдз и КЗснг в 2007–2008 гг. превысило среднероссийский уровень.

Таким образом, положительное значение коэффициента КЗ отражает уровень спроса продукции на внешнем рынке, а отрицательное значение характеризует снижение спроса, в таком случае внешняя торговля базируется на импорте и ориентирована, в основном, на внутренний рынок.

Сегодня, в связи с вступлением России во Всемирную Торговую Организацию, конкурентоспособность ее регионов и товаропроизводителей является очень актуальным вопросом. Учитывая это, регионы Приволжского округа осуществляют подготовку и разрабатывают рекомендации по стратегическим возможностям: направлению основного объема государственной помощи на улучшение качества выпускаемой продукции, внедрению международной системы менеджмента качества ISO–9000, системы экологического менеджмента ISO–14001, проведению системы маркетинговых исследований и др.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что:

1. В настоящее время все регионы Приволжья в разной степени интегрированы в мировое экономическое пространство. Однако значения показателей внешнеторговой открытости больше со странами Дальнего Зарубежья, чем СНГ. Это означает, что основные объемы экспортно-импортных операций приходится на страны Дальнего Зарубежья.
2. Для большинства приволжских регионов за период 2007–2008 гг. характерна экспортная ориентация внешнеторговых потоков в страны Дальнего Зарубежья и СНГ (К1дз и К1снг), что свидетельствует, в целом, об их внешнеторговой самообеспеченности. Исключение со странами Дальнего Зарубежья составляют Республики Мордовия, Удмуртия и Пензенская область (в 2007 г.). Следует также отметить, что в 2008 г. К1дз несколько понизился у Нижегородской области по сравнению с предыдущим годом из-за возросшего импорта. Все регионы Приволжья больше экспортируют своей продукции в страны СНГ, чем импортируют, поэтому значение коэффициента К1снг выше, чем К1дз. Исключение в 2008 г. составила Оренбургская область, у которой он немного снизился.
3. Большинство территорий округа за счет экспортной выручки осуществляет импортные поставки. В субъектах, у которых ввоз

превышает вывоз, торговля ориентирована на внутренний рынок. Это отражает коэффициент покрытия импорта экспортом К2дз и К2снг. В целом по округу значение коэффициента в 2008 г. увеличилось по сравнению с 2007 г. и значительно превышает среднероссийское.

4. Коэффициент международной конкурентоспособности КЗдз и КЗснг отражает долю «чистого» экспорта во внешнеторговом обороте. У большинства регионов в 2007–2008 гг. значение коэффициента со странами ДЗ и СНГ положительное, исключение со странами Дальнего Зарубежья составляют Республики Мордовия и Удмуртия, Нижегородская и Пензенская области, а со странами СНГ — Оренбургская область, имеющие отрицательный показатель. Положительное значение коэффициента у большинства регионов округа характеризует спрос их продукции на внешнем рынке и превышение экспортных поставок над импортными, а снижение показателя у некоторых регионов — об увеличении импортных операций по сравнению с экспортными.

Литература

1. Официальный сайт «Российского Союза промышленников и предпринимателей». [Электронный ресурс], режим доступа http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=283&d_no=2458
2. *Портер М. и др.* Конкурентоспособность на распутье: направление развития российской экономики. Отчет. М., 2006 // Московский Центр стратегических разработок (ЦСР), [Электронный ресурс], режим доступа www.csr.ru/_upload/editor_files/file0031.pdf
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики. — М., 2008.
4. Социально-экономическое положение Приволжского Федерального округа в 2008 году. // Федеральная служба государственной статистики. — М., 2008.
5. Социально-экономическое положение Приволжского Федерального округа в I квартале 2009 года. // Федеральная служба государственной статистики. — М., 2009.
6. Глобализация экономики и внешнеэкономические связи России. М., Республика, 2004.
7. *Блудова С.Н.* О классификации регионов РФ на основе оценки внешнеэкономического потенциала. // Вестник СевКавГТУ, Серия «Экономика», № 2 (13), 2004.

Аксенова Л.А.

Продовольственная ситуация в современном мире¹

Источником беспрецедентной агфляции (аграрной инфляции — роста цен на продовольствие) и острого дефицита зерна (базового продукта) на мировом рынке в 2006–2008 гг. стала совокупность целого ряда факторов, которые совпали по времени. Из-за плохих погодных условий в течение ряда лет наблюдалось **снижение урожаев зерна** в некоторых странах мира, особенно в Африке, Азии (в Таиланде, Вьетнаме и Мьянме — основных экспортерах риса в регионе), Австралии и Канаде — (крупных мировых экспортерах пшеницы). В Китае из-за небывало холодной зимы 2007 г. было уничтожено около 700 тыс. га посевов, и еще 10 млн. га сельхозугодий серьезно повреждено. Прогнозируют, что в 2009 г. на урожае зерновых отрицательно скажется засуха в Бразилии и Аргентине, наводнение в Китае, сокращение посадок озимых в ЕС и США.

Дестабилизирующим фактором для многих развивающихся стран, оказавшихся на пороге голода, стал **самый низкий уровень за последние 30 лет мировых запасов зерна**. Наиболее серьезное положение сложилось в африканских странах южнее Сахары, некоторых южно- и центральноазиатских государствах (Афганистан, Бангладеш, Мьянма, Ирак), а также в ряде стран Карибского бассейна. Даже в США — крупнейшим мировым экспортёре — рост спроса привел к тому, что в феврале 2008 г. запасы зерна оказались на самом низком уровне за последние 60 лет. В результате продовольственного резерва мира в 2008 г. хватило лишь на 53 дня потребления (в 2007 г. — на 169 дней).

Сюда надо добавить также целенаправленное **сокращение не только объёмов производства зерна** в основных странах-экспортерах, но и экспорта (28 стран **сократили экспорт зерна**) и таким образом **резкое падение предложения** на международном рынке продовольствия.

Уменьшение запасов и рост цен, наряду с происходящим обесцениванием доллара, имели следствием **усиление спекуляции** продовольствием, что в свою очередь способствовало дальнейшему снижению предложения и росту цен.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00398).

Часто обвиняют в возникновении продовольственного кризиса **рост доходов и спроса** в некоторых развивающихся странах, включая «азиатских гигантов» — Китай и Индию. Конечно, растущее «число ртов» сыграло свою роль. Но то, что сотни миллионов людей в Азии вышли из-за черты бедности и стали лучше питаться — поистине историческое достижение. Между тем к началу XXI в. Китай и Индия практически не зависели от импорта продовольствия². Китай остается экспортером пшеницы. А продовольственный импорт Индии растет на 35 млрд. долл. в год (как и в Польше).

Другое дело, что теперь в Китае не просто потребляют больше зерна, а едят больше мяса животных, которых, в свою очередь, откармливают тем же зерном. Так, в 1980 г. среднестатистический житель Китая съедал 20 кг мяса в год, а в 2007 г. — 50 кг, что свидетельствует об ускоренном росте животноводства. Эта тенденция характерна для развивающихся стран, что дало основание говорить о «животноводческой революции» в них.

Подорожание продовольствия было вызвано также **запредельно высокими мировыми ценами на энергоносители**, так как цена топлива входит в транспортную составляющую, производство минеральных удобрений, пестицидов и т.п., а также **спекуляциями на рынке горячего**.

Свою роль сыграло **ослабление доллара** США, повысив цену на импорт продовольствия. Повлиял также мировой **финансовый кризис**, увеличив фактор нестабильности на рынке сельхозпродукции, и вынудив инвесторов уйти из финансового сектора, «ища спасения» в сырьевых ресурсах. Несмотря на убытки, огромные финансовые средства изымаются с фондовых рынков и вкладываются в биржевые товары. Впервые в истории в этом списке оказались не только традиционные нефть и золото, но зерно и сахар. Инвестирование капиталов в агросырьё также повышает цены на продукты питания. Не исключено, что в продовольственном кризисе заинтересованы компании, распространяющие генномодифицированные культуры.

Но, пожалуй, одним из ключевых факторов обострения продовольственной проблемы стало **производство биотоплива**³: этилового спирта (за 2000–2007 гг. более чем удвоилось) и биодизеля (выросло в три раза). По данным Всемирного банка (ВБ), рост цен

² С 1985 г. Китай не ввозил более 6% требуемого зерна, а Индия — более 3%.

³ Чтобы заменить ископаемые источники энергии биотопливом на 5%, посевная площадь должна быть расширена на 20%. Между тем свободных пахотных угодий почти не осталось, поэтому сырьё для биотоплива «отбирает» поля у продовольственных культур.

на энергию и удобрения подтолкнул повышение стоимости продовольствия на 15%; падение доллара — на 20%, а расширение производства биотоплива — на 75%. Без увеличения производства биотоплива глобальные запасы пшеницы и кукурузы не уменьшились бы так существенно, а рост цен в результате действия других факторов был бы умеренным. Не было бы ограничений на экспорт продовольствия и спекуляций с ценами на мировом продовольственном рынке [2].

В США свыше 1/3 урожая зерна идет на производство этанола (в т.ч. 20% всех площадей под кукурузой) и около 1/2 сои и маслосемян — на производство дизеля. В Бразилии и Аргентине используют сахарный тростник и сою, в ЕС — рапс и подсолнечник, сахарную свеклу, пшеницу и ячмень, в Китае — кукурузу и пшеницу, в Индии — сахарный тростник, в Малайзии — пальмовое масло.

Соответственно, растут мировые цены. Так, только за один 2007 г. цены на кукурузу удвоились, а поскольку кукуруза — главное кормовое зерно, то цены выросли и на мясомолочную продукцию. В Германии площади под продовольственным ячменем сократились вдвое, что вызвало резкий рост цен на пиво (для немцев — нож острый!). Это же касается и других продуктов.

Несмотря на протесты развивающихся стран⁴, производства «топлива вместо еды» не ослабить и не остановить. В этом уже задействованы крупные капиталы нефтяных, автомобильных, фармацевтических и аграрных ТНК при мощной государственной поддержке. В ближайшем будущем предполагается активное расширение площадей для выращивания биомассы взамен продовольствия и кормов, что приведет к ещё большему удорожанию продуктов питания. Единственное решение проблемы — переход на производство биотоплива из непродовольственных растений и сельскохозяйственных отходов.

Разумеется, нельзя видеть в производстве биотоплива основную причину нынешнего продовольственного кризиса. С тем же успехом можно обвинять «животноводческую революцию»⁵. Ускоренный рост потребления мяса в Азии и Латинской Америке вызвал развитие животноводства и, как следствие, широкое использование зерна в кормлении скота. Это происходит даже в тех странах, где люди столетиями были вегетарианцами и питались в основном рисом, кукурузой, овощами и зеленью. Иногда в их рацион включалась рыба и лишь

⁴ Для заправки бака одного джипа требуется такое количество биотоплива, для производства которого надо израсходовать столько кукурузы, сколько средний африканец потребляет в течение года.

⁵ В США 70% урожая зерновых идет на корм скоту; на эти же цели в мире используется 80% соевых бобов и 1/3 улова морской рыбы.

в праздничные дни — мясо. Между тем «Макдоналдсы» есть уже в Дели, Рио-де-Жанейро или Пекине.

Однако для производства мяса для гамбургеров, необходимы огромные пастбища и много кормов. В результате в регионах, где выращивают крупный рогатый скот для продажи говядины на экспорт, отбирают земли под пастбища и кормовые культуры. Тогда как эти земли зачастую были единственным источником существования местных жителей.

По прогнозам, в 2009 г. мир получит в свое распоряжение 2,13 млрд. т. зерна, из них только 1,01 млрд. т. будет использовано, чтобы накормить людей, а 100 млн. т. — «накормить» автомобили и 760 млн. т. — накормить животных. Этого количества хватило бы, чтобы покрыть дефицит зерна во всем мире в 14 раз [4]. Таким образом, **еды в мире достаточно. Она просто не доходит до потребителя.**

В решении продовольственной проблемы могла бы помочь **ликвидация существующего неравенства в торговле** между развитыми и развивающимися странами — ассиметричных субсидий, к чему приводит мощная государственная поддержка фермеров и субсидирование экспорта в развитых странах (в особенности в США и ЕС) и введение торговых барьеров на импорт из развивающихся стран.

Все эти факторы в совокупности создали дисбаланс между спросом и предложением, урегулирование которого продлится еще несколько лет. Достигнув пика в апреле 2008 г., среднемировые цены на основные продовольственные товары начали снижаться, хотя ближайшие годы, по-видимому, будут не менее сложными, чем предыдущие. Роберт Зеллик — президент ВБ считает, что это не временное, а, напротив, — длительное явление⁶, и цены на продовольствие будут высокими до 2012 г. С этим прогнозом соглашаются многие аналитики.

Это не ново, и в прошлом случались взлеты цен, после чего они возвращались к нормальному уровню на фоне роста предложения. Так, после продовольственного кризиса начала 1970-х гг. последовала эра дешевых и имевшихся в изобилии продовольствия и нефти. Однако сегодня ситуации совершенно иная. Помимо конъюнктурных причин нынешнего продовольственного кризиса, существуют **системные причины**, которые оказывают долгосрочное и далеко идущее влияние на мировую продовольственную обеспеченность.

⁶ Мировые цены формируются, прежде всего, на биржах США. Реальную динамику повышения цен прогнозировать очень сложно, так как цены определяются решениями стран-экспортёров и крупнейших зерноторговых компаний, под чьим контролем находится мировой рынок.

На наших глазах **заканчивается эра экстенсивного использования потенциала биосферы**. Сегодня осталось мало неосвоенных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства (наряду со снижением плодородия существующих сельскохозяйственных угодий и урожайности зерновых культур, дефицитом пресной воды). Активизировались процессы увеличения площади пустынь и сокращения лесного покрова, а эксплуатация водных бассейнов, в том числе Мирового океана, ведется в таких масштабах, что природа не успевает воспроизвести то, что забирает человек.

По мнению Лестера Брауна, директора Института Всемирного наблюдения (США), **деградация окружающей среды** оказывает гораздо более сильное влияние на продовольственную ситуацию в мире, нежели экономические и социальные тенденции.

К мировым тенденциям обострения продовольственной проблемы следует отнести **глобальное изменение климата**. Климат становится более теплым, и в то же время растет количество природных катастроф (ураганов, тайфунов, наводнений и засух), число которых давно превысило все мыслимые статистические нормы⁷. Всё дальше на Север смещаются границы засушливых зон. Вместе с ними появляются вредители и болезни растений, характерные для более тепло-го климата.

Соответственно, меняется карта земель, пригодных для земледелия, значительная часть которых переходит в категорию зон рискованного земледелия, а из их числа — в зоны, вовсе непригодные для выращивания сельскохозяйственных культур. Недород последних лет показал, что нынешние агротехнические приемы и методы в условиях изменившегося климата уже не пригодны. По данным исследователя Института Всемирного наблюдения, глобальное потепление в будущем может погубить сельское хозяйство и таким образом уничтожить человеческую цивилизацию. Потепление, как ожидается, окажет значительное влияние на расположение климатических зон, в результате чего возможно продвижение земледелия на Север, увеличение влажности климата во многих районах, связанное с таянием ледников, повышением уровня океана и интенсификацией атмосферных процессов.

Сценарии возможного воздействия глобального потепления на сельское хозяйство различных районов Земного шара, говорят о том, что останется не так много регионов, пригодных для ведения сельского хозяйства. На карте, составленной Международным инсти-

⁷ За последние 10 лет экономический ущерб от природных катастроф составил 566,8 млрд. долл., что существенно выше, чем в 1950–1989 гг. При этом число крупных катастроф возросло в четыре раза, и они стали разрушительнее.

тутом прикладного системного анализа (IIASA) в Лаксенбурге (Австрия), — это Средний Запад США, Аргентина и часть Бразилии; в восточном полушарии — регион северного Причерноморья, большая часть которого находится в Украине. Практически все сценарии будущего потепления предсказывают улучшение условий для земледельческого производства на большей части территории России.

Что касается производства зерна, то, поскольку значительная часть производителей пшеницы (Канада, Австралия, США) возделывает ее на неполивных землях, то уменьшение количества осадков и более высокие температуры могут снизить урожайность в этих странах на 15–30%⁸. Выигрыш, который получают некоторые северные страны (в т.ч. и Россия) от потепления климата, не окупится общемировым проигрышем в производстве зерна.

Свой отрицательный вклад вносят межнациональные, политические, религиозные и этнические **вооружённые конфликты, распространение смертельных болезней**, например СПИДа в Африке. Остаётся **высоким рост населения** в развивающихся странах на фоне **экономической отсталости и бедности** большинства этих стран.

Весомая роль в обострении продовольственной проблемы принадлежит **урбанизации**, которая ведет не только к расширению спроса на товарное зерно, но и вызывает изменения в структуре питания в пользу «интернациональных» продуктов, к чему местная деревня оказалась не готова. Даже в такой отдаленной стране, как Папуа — Новая Гвинея, импортный рис и консервированная рыба начинают вытеснять традиционный батат.

Наконец, в земледелии развивающихся стран **углубляется разделение труда и усиливается порайонная специализация**. В результате дополнительный спрос на продовольствие предъявляют фермеры, включающиеся в производство экспортных технических и других сырьевых культур.

Продовольственная ситуация тесно переплетается с другими проблемами, многие из которых также приобретают глобальный ха-

⁸ Глобальное потепление угрожает подавляющему большинству сельскохозяйственных культур, значительная часть которых не способна давать высокие урожаи, если средняя температура во время культивации превышает 32° С. Так, если средняя температура составляет 30° С, то ее дальнейшее повышение на 1° С уменьшает урожаи пшеницы, кукурузы и риса на 10%. Растениям, традиционно выращиваемым в жарких регионах, например, в Африке, угрожает другая напасть — засуха. Первые результаты влияния глобального потепления на сельское хозяйство могут проявиться уже в ближайшие годы. Жертвами повышения температур станут плантации кофе и чая, расположенные в тропиках.

рактически. Они проявляются с разной степенью остроты в различных регионах. К ним относятся:

- **расходы на военные нужды**, которые отвлекают огромные средства от сельского хозяйства (например, в Бангладеш государственные расходы на вооружение составляют 16%, что превышает затраты на сельское хозяйство);
- **растущая внешняя финансовая задолженность** развивающихся стран (на начало 1990-х гг. она превышала 1 трлн. долл.).

Продовольственный кризис в развивающихся странах порожден также **действиями ТНК**. Поскольку странам, набравшим кредиты, для обслуживания внешнего долга необходима валюта, то и производство в них ориентируется на экспорт, а не на нужды местного населения. При нехватке продовольствия большая часть аграрного населения этих стран занята в выращивании экспортных культур (кофе, какао, сизаль, бананы, гевея, арахис и т.п.), а не продовольственных культур. Экспортным секторам отводятся лучшие земли, по-прежнему отдается приоритет при распределении средств производства и финансировании научных исследований.

Выращивая в больших объемах монокультуры для продажи на мировом рынке, ТНК тем самым вытесняют мелких производителей и их разнообразную аграрную продукцию, ориентированную на местного потребителя. И даже если ТНК порой организуют производство в развивающихся странах некоторых видов базисного продовольствия, то только затем, чтобы вывозить его в развитые страны.

Согласно оценкам специалистов, **сегодня для выращивания сельскохозяйственных культур, экспортируемых в индустриально развитые страны, в Азии, Африке и Латинской Америке используется до 1/4 всех пахотных, причем лучших земель. В ряде случаев практически весь урожай той или иной культуры направляется в страну, капитал которой был вложен в данное сельскохозяйственное предприятие.**

Специализация развивающихся стран на производстве тропических и технических культур снижает их продовольственное обеспечение, ставя его в зависимость от экспортной выручки. Недопроизводство продовольствия сопровождается перепроизводством тропических культур, что отрицательно сказывается на ценах последних и таким образом уменьшает возможность импорта продуктов питания.

Одним из виновников кризиса можно считать **институты Бреттон-Вудса**, требующих за кредиты реструктуризации сельского хозяйства стран-должников в духе свободной торговли. Неолиберальная модель глобализации предоставляет справиться с голодом «сво-

бодному» рынку. Чем меньше государства по отдельности и через международные органы будут стараться регулировать производство продовольствия и торговлю, тем скорее свободная рыночная конкуренция сделает свое дело.

Соглашение ВТО по сельскому хозяйству проникнуто именно этой идеей. Оно направлено на «создание честной, рыночно ориентированной системы торговли сельскохозяйственными товарами», на «сокращение государственной поддержки и протекционизма в сельском хозяйстве». Его задача — устранить существующие ограничения и «деформации» на мировом аграрном рынке, а также приостановить накопление в ряде развитых государств излишков зерна и мясомолочных продуктов, ликвидируя практику бюджетного субсидирования фермеров и протекционизма в отношении их продукции.

Для большинства развивающихся стран, сталкивающихся с продовольственной проблемой, такая концепция глобализации выглядит вызывающе. Засушливый или холодный климат, неплодородные почвы, дефицит воды для орошения и капиталов для инвестиций никогда не сделают страны, обделенные судьбой, конкурентоспособными. Их продукция всегда будет обходиться дороже произведенной при наличии благоприятных агроклиматических условий и достаточных инвестиций.

Отказ от защиты собственного сельского хозяйства и его поддержки через государственные программы обрекает такие страны, в основном аграрные, либо на голод, либо на роль импортеров продовольствия. Между тем, если сельское хозяйство — главная отрасль их экономики, то ясно, что заработать валюту на импортный хлеб насущный они не в состоянии. Внешняя конкуренция не даст им возможности подняться на ноги.

К тем же результатам приводит и торговая политика развитых стран, устанавливающих квоты поставок тропических культур, тарифы, препятствующие ввозу обработанной агропродукции, жесткие стандарты и санитарные нормы для импортируемого сырья. Односторонняя либерализация торговли, проводимая в рамках соглашений ВТО, ведет к тому, что выживают более конкурентоспособные поставщики аграрной продукции. Как правило, это крупные американские или европейские агроконцерны, которые, используя государственные преференции, предлагают свою продукцию в развивающихся странах по демпинговым ценам, с которыми местные производители не могут конкурировать.

Развивающиеся страны остаются основными поставщиками продовольственного сырья в мире. Между тем, по оценкам ФАО

и экономических комиссий ООН для развивающихся стран, их потенциальные возможности вполне достаточны, чтобы всем вместе накормить минимум 70% населения всего мира. Но эти же страны (Мали, Судан, Эфиопия, Конго, Чад, Мадагаскар, Уганда, Афганистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Гаити и др.) — в числе государств, самых страдающих от голода и недоедания.

Причина в том, что индустриально развитые страны, также как и в большинство «индустриальных драконов» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Бруней), обладают современными отраслями пищевой промышленности, работающими в основном на сырье из развивающихся стран.

Поскольку «индустриальная элита» мира запасается «сверхдешевым» аграрным сырьем впрок, то и объемы экспорта агросырья из развивающихся стран по-прежнему растут. В то же время готовая продукция пищевой промышленности часто возвращается обратно к странам-поставщикам по заведомо высоким ценам, осилить которые могут немногие. Остальным же, чтобы приобрести готовое продовольствие, приходится брать новые кредиты, а расплачиваться по ним тем же сельскохозяйственным сырьем. По оценкам экспертов, свыше 65% объема мировой торговли готовыми пищевыми продуктами составляют те, что изготовлены из «постколониального» сырья.

Важно и то, что практически вся мировая торговля агросырьем ведется на биржах опять-таки в странах — бывших обладателях колоний и протекторатов. Более того, большинству развивающихся стран запрещено вводить высокие пошлины на экспорт своего агросырья, на импорт готовых продуктов питания и даже заключать сельскохозяйственные экспортные контракты. Тогда как действуют лишь считанные «западные» программы по налаживанию и развитию в этих странах своей пищевой промышленности.

В результате такой политики число африканцев к югу от Сахары, живущих меньше чем на доллар в день, за время с 1981 по 2001 г. почти удвоилось, дойдя до 313 млн. (46% населения Африки [8]).

Вместе с тем глобальное положение с продовольствием не столь мрачно. На сегодня еды в мире вполне достаточно. Мировая экономика располагает сельскохозяйственными ресурсами и технологиями для того, чтобы прокормить в два раза больше людей, чем ныне живущих. **Практически все страны мира потенциально способны производить достаточно продовольствия для того, чтобы прокормить свое население.** Однако производство продовольствия не обеспечивает население там, где в нем нуждаются. 54 государства (в основном в Африке южнее Сахары и в Южной Азии)

не просто неспособны произвести необходимое продовольствие, но и не имеют средств на импорт.

Прочное финансовое положение позволяет стране не только импортировать в достаточных размерах продукты питания, но и поддерживать их производство по тем или иным государственным соображениям, как это наблюдается в Японии. Нагляден также пример Саудовской Аравии, нефтедоллары которой позволили сделать крупные капиталовложения в зерновое хозяйство и благодаря огромным субсидиям производителям полностью удовлетворить собственные потребности в пшенице и даже экспортировать ее излишки.

В 2006 г. в мире было произведено на 17% больше калорий на душу населения, чем 30 лет назад, несмотря на то, что за этот период времени население Планеты увеличилось на 70%. Главной проблемой является то, что у многих людей нет средств для покупки продовольствия или нет земли для производства продуктов питания. **Они голодают, потому что бедны.**

Парадокс заключается в том, что голод и массовое недоедание в развивающихся странах существуют параллельно с изобилием в развитых — с перепроизводством и даже искусственным ограничением производства продовольствия (в США и Евросоюзе)⁹. В развитых странах главной целью стало качество и польза пищевого рациона с тем, чтобы приблизить его к научно обоснованным нормам. Некоторые страны вынуждены «бороться» с излишками производимых продуктов и болезнями толстяков. «В то время как население некоторых государств голодает, в «одной стране» стоимость выброшенного на помойку продовольствия достигает 100 млрд. долл., а лечение людей, страдающих ожирением, обходится бюджету в 20 млрд. долл.»¹⁰ [5].

По оценкам ФАО, в мире около 850 млн. человек страдает от недоедания, в том числе 350 млн. находится под угрозой голодной смерти; 60% этого населения проживает в Азии, 25% — в Африке и 10% — Латинской Америке. Ежегодно от голода умирает почти 50 тыс. человек.

Рост производства продовольствия не решает проблемы и на национальном уровне. Например, Индия сегодня могла бы полностью накормить свое население хлебом и тем самым покончить

⁹ В США 18–20 млн. га пашни исключены из обработки по программе консервации земель, в ЕС — 10% площадей не обрабатывалось до 2008 г.

¹⁰ Армия толстяков растет по всему миру и, по некоторым оценкам, уже достигла 1,1 млрд. В США к числу тучных принадлежит около 2/3 взрослого населения.

с голодом. Между тем, число недоедающих и живущих за чертой бедности в этой стране сейчас больше, нежели до «зеленой революции». В то же время Индия экспортирует зерно, так как ее экспорт — источник значительных валютных поступлений. В итоге, делийские рестораны процветают, а бедные крестьяне Ориссы продолжают умирать от голода.

В исследовании Х. Линнемана, которое было осуществлено по заказу Римского клуба, делается вывод, что, даже при достигнутом уровне производства продовольствия, **Земля способна прокормить намного больше людей, чем прогнозируют футурологи**. Однако для этого нужно одно условие — имеющиеся продукты питания должны распределяться по справедливости, соответственно потребностям людей. Поскольку такой механизм распределения в мире «финансовой цивилизации» — утопия, то прогнозируется увеличение в ближайшем будущем масштабов голода в три раза! Задача преодоления голода заключается, наряду с повышением уровня жизни и покупательной способности населения, в развитии собственного эффективного сельского хозяйства при использовании новейших технологий и без ущерба для окружающей среды.

Литература

1. Всемирный зерновой форум 2009 // СМИ, обзоры 06/06/2008.
2. Журнальный клуб Интелрос «Политик HALL», № 42, www.intelros.ru
3. Литовцев О. Продовольственный кризис и фермерство// Пермь, События № 17 (118), 19.08.2008, сайт www.gazetadelo.ru
4. Монибот Джон. Кризис — это мировой голод. Борьба с голодом требует сокращения потребления мяса, www.guardian.co.uk, www.washprofile.org 18.08.2009
5. Экономика и жизнь, № 24, 13.06.2008.
6. Blum W. Anti-Empire Report, May 1, 2008.
7. www.Fao.org
8. //gowans.wordpress.com/2008/05/04/william-blum-neo-malthusian/
9. Kontinentmedia@hotmail.com
10. Magdoff F. The World Food Crisis: Sources and Solutions // Monthly Review, May 2008.
11. Meddison A. The World Economy. A Millenial Perspective. Paris, 2001.
12. The New York Times, 05.06.2008.
13. Seydachev R. The New Face Of Hunger // The Washington Post, 12.03.2008, Page A19.

Пименова Р.А.

Страны Латинской Америки на пути к консолидации

Перемены, произошедшие в Латинской Америке в начале XXI в., привели к масштабным преобразованиям как внутри самого континента, так и в международной жизни латиноамериканских стран. Ключевыми элементами этих перемен стали процессы региональной интеграции и стремление усилить роль внутренних факторов развития, включая рациональное использование в собственных интересах природных ресурсов, которыми столь богата Латинская Америка.

Немалую роль в этих изменениях сыграл тот фактор, что большинство стран Латинской Америки отошли от неолиберальной модели развития и стали искать новые пути решения социально-экономических проблем. Эксперты Экономической комиссии ООН по Латинской Америке (ЭКЛАК) — приступили к разработке новых концепций развития. Они исходили из того, что исключительно рыночная ориентация экономики не решает всех проблем. Важно определить правильное соотношение между свободным рыночным хозяйством и государственным регулированием. Надо сказать, что эта позиция была сформулирована в своё время ещё Раулем Пребишем — крупнейшим латиноамериканским экономистом.

В десяти странах региона к власти пришли президенты так называемой левой и левоцентристской ориентации: в Боливии, Венесуэле, Эквадоре, Никарагуа, Аргентине, Чили, Бразилии, Уругвае, Коста-Рике, Панаме, позднее к ни присоединились Доминика и Сальвадор [1]. В каждой стране, конечно же, сложилась своя политическая и экономическая ситуация, но в целом главное место в современной Латинской Америке занимают проблемы собственной стратегии национального развития, и в этой стратегии основное внимание уделяется усилению функций государства и социально ориентированной политике.

Важная роль в решении социально-экономических проблем отводится региональной экономической интеграции, на путь которой страны Латинской Америки вступили первыми среди всех регионов «третьего мира». В настоящее время в Латинской Америке существует несколько межгосударственных объединений: Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ), Андский пакт, общий рынок Южного конуса — МЕРКОСУР, Центральноамериканский общий рынок, Карибский общий рынок (КАРИКОМ). Особое политическое объеди-

нение представляет собой союз трёх государств — Венесуэлы, Боливии и Кубы (АЛБА— Альтернатива Боливариана), к которым в 2006 г. присоединились Никарагуа, Доминика и Сальвадор. Несколько лет назад был создан Союз южноамериканских наций, в который вошли двенадцать стран: Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Суринам, Чили и Эквадор [2]

Заметную роль в экономическом развитии Латинской Америки призван сыграть Банк Юга, учреждённый по инициативе президента Венесуэлы Уго Чавеса [4]. Акт о его создании был подписан в 2007 г. главами Аргентины, Бразилии, Боливии, Эквадора, Уругвая, Парагвая и Венесуэлы. Задача Банка Юга — обеспечить финансирование региональных проектов в экономической и социально-культурной сфере, сократив чрезмерную зависимость от иностранных банков. Имеются планы по созданию в будущем региональной валюты. На первом этапе Аргентина и Бразилия договорились вести торговые расчеты в бразильских реалах и аргентинских песо, а не в долларах.

Латиноамериканские государства являются давними клиентами Международного валютного фонда. В последние годы в условиях динамичного экономического роста большинство стран Латинской Америки стремятся выйти из-под его опеки и выступают против политики навязываемой МВФ. Новые правительства осознают, что дальнейшая зависимость от МВФ означает рост внешней задолженности и социальных контрастов. Для развития региональной интеграции в Латинской Америке необходима соответствующая финансовая система, важным элементом которой призван стать Банк Юга, на который возложена ответственность за реализацию международных проектов в экономической, социальной и культурной областях.

План создания Банка Юга имеет большое значение для дальнейшего развития интеграционных процессов в регионе. Однако нерешённым остаётся ряд вопросов, главные из которых — источники финансирования и механизмы выдачи кредитов. Штаб-квартира Банка будет находиться в Каракасе, два офиса — в Буэнос-Айресе и Ла-Пасе. На сегодня проект создания Банка Юга опирается на поддержку Венесуэлы, Боливии, Эквадора, Аргентины, Бразилии, Уругвая. С другой стороны — Чили, Колумбия и Перу отказались от участия в этом проекте.

Среди стран Латинской Америки по уровню социально-экономического развития и, особенно, с точки зрения надёжности кредитно-финансовой системы лидером является Чили [3]. В 2006 г. впервые в истории страны её президентом была избрана женщина — Мишель Бачелет. В президентской программе М. Бачелет сказано, что Чили будет развиваться в интересах широких слоёв населения и на качественно новой

экономической основе, предусматривающей повышение регулирующей роли государства. Главная ставка в экономике делается на инновационные технологии, резкое повышение инвестиций в НИОКР и на поддержку среднего и малого бизнеса. При этом экономика страны остаётся открытой и для иностранных предпринимателей, которые имеют равные права с национальным капиталом. Чили располагает развитой металлургической, нефтехимической, целлюлозно-бумажной и фармацевтической промышленностью, а также рыбным хозяйством.

Наибольшим экономическим потенциалом среди стран Латинской Америки — размерами ВВП, численностью населения, объёмами экспорта и т.д. — обладает Бразилия (табл. 1). Открытие месторождений нефти на континентальном шельфе у берегов страны в перспективе приведёт к свёртыванию нефтяного импорта. Большую роль в национальной экономике играет государственно-частная нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая компания «Петробраз» — крупнейшая в Южной Америке, которая по размерам капитализации входит в первую сотню корпораций планеты. Следует также отметить, что Бразилия является мировым лидером по производству и экспорту биотоплива — этанола.

Аргентина с приходом нового президента Н. Киршнера придерживается новой стратегии развития, в которой ключевую роль играет государство. В 2003–2007 гг. увеличились темпы экономического развития. Главной движущей силой хозяйственного роста является аг-

Таблица 1

**Экономический потенциал
стран Союза южноамериканских наций, 2007 г.**

Страна	Население, млн. чел.	ВВП, млн. долл.	ВВП на душу населения, долл.
Аргентина	39,7	340348	8733
Бразилия	159,1	764552	4021
Боливия	10,0	10193	1058
Венесуэла	27,9	146638	5430
Гайана	0,7	635	858
Колумбия	46,7	121732	2614
Парагвай	6,2	8391	1396
Перу	28,2	70473	2556
Суринам	0,5	1067	2344
Уругвай	3,3	22504	6770
Чили	16,8	96533	5873
Эквадор	13,8	21555	1608
Южная Америка	388,9	1604621	4126

рарно-промышленный комплекс, на долю которого приходится свыше половины экспорта страны, а также горнорудная и автомобильная отрасли промышленности. Левоцентристскому режиму удалось обеспечить сочетание экономического и социального прогресса при активном участии государства. В социальной сфере достигнуты успехи. Особое внимание уделяется образованию.

Взаимодействие Бразилии и Аргентины играет решающую роль в рамках МЕРКОСУР. Странами была принята специальная совместная декларация, определяющая основные сферы этого взаимодействия — использование местных валют для взаимных расчётов во внешней торговле, координация отраслевой и региональной политики, реализация программ в области новых источников энергии (использование биотоплива, энергии солнца, ветра и приливов), сотрудничество в области ядерной энергетики.

Уругвай занимает особое место на политической и экономической карте региона, недаром его называют «латиноамериканской Швейцарией». Эта страна имеет давние демократические традиции и прочные социальные гарантии. Правительство Уругвая отвергло неолиберальную модель развития, не допустив при этом резкого «левого поворота». Соблюдается определённый баланс между открытостью экономики и регулирующей ролью государства. Следует отметить значительное развитие производства в стране программного обеспечения.

Даже в Мексике, входящей в Североамериканскую зону свободной торговли НАФТА, произошло некоторое «полевение» политического курса. При этом важно отметить, что на долю США и Канады приходится более 80% ее экспорта. Избранный в 2006 г. президент Ф. Кальдерон определил главные задачи социально-экономической политики: повышение роли государства и решение социальных проблем, главная из которых — проблема бедности. Вместе с тем, сохраняется курс на продолжение неолиберальных реформ. Поскольку половина мексиканцев проголосовала за левую оппозицию, то стоит непростая задача — преодолеть раскол в обществе.

Экономической основой формирования единого экономического пространства является энергетика, которая служит фундаментом региональной интеграции в Латинской Америке, где главные энергоресурсы — это нефть и газ. В настоящее время активно ведутся геологоразведочные работы на континентальном шельфе (с участием России). В 2005 г. Аргентина, Бразилия и Венесуэла подписали соглашение о создании единой компании «Petrosur» на базе трёх государственных компаний — бразильской «Petrobras», венесуэльской «PDVSA» и аргентинской «Enassa». Бразилия благодаря открытию ме-

сторождений нефти намеревается достичь самообеспечения по этому виду топливно-энергетических ресурсов к 2010 г. До сих пор основным поставщиком нефти в Бразилию является Венесуэла, которая занимает 5-е место в мире по объёмам нефтяного экспорта.

В топливно-энергетическом балансе Латинской Америки быстро растёт доля газовой промышленности. Основные поставщики газа — Боливия, Венесуэла и Аргентина. Достоверные запасы природного газа в Южной Америке оцениваются в 230 трлн. м³, в том числе в Венесуэле — 149 трлн., Боливии 31,4, Аргентине — свыше 20 [6]. Важная роль в интеграционном процессе отводится строительству трансконтинентального газопровода «Юг» протяженностью 8 тыс. км, который пройдет из Венесуэлы через Бразилию в Аргентину. Кроме того, намечено ещё более 300 проектов в области транспорта, энергетики и связи. Ядром энергетической интеграции служит МЕРКОСУР, в который входят Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай, а в качестве ассоциированных членов — Венесуэла, Чили и Боливия.

Двенадцать стран Союза южноамериканских наций приняли общенациональные стратегии перехода к информационному обществу и учредили соответствующие институциональные структуры. Созданы программы электронного правительства в Бразилии, Аргентине, а по величине инвестиций в электронное управление лидируют Аргентина, Бразилия, Мексика. Организуются различные виды электронных услуг в сфере финансов, в образовании, медицине, культуре, туризме. Немалые успехи достигнуты в Аргентине, где информационный сектор занимает достойное место среди приоритетов государственной программы.

В развитии внешнеэкономических связей со странами Европы важное место занимает культурно-этнический фактор, принадлежность к одной иберо-американской ветви христианской цивилизации. В Аргентине состоялся саммит, где был поставлен вопрос о создании Иbero-американского сообщества, в которое вошли 19 латиноамериканских стран, а так же Испания, Португалия и Андорра. В 2005 г. состоялась иберо-американская конференция, подтвердившая курс на дальнейшее развитие данного сообщества.

Новый аспект приобрели взаимоотношения Латинской Америки и России. Россия активно участвует в разведке нефти, строительстве магистрального газопровода, а также поставляет самолеты и энергетическое оборудование. Предполагается, в частности, создание российско-аргентинского центра технологического сотрудничества. Активно развиваются взаимоотношения между Россией и Мексикой, в том числе поставки сюда сжиженного газа с Дальнего Востока.

Из Латинской Америки Россия ввозит преимущественно сельскохозяйственную продукцию.

За последние 10–15 лет в Латинской Америке произошли значительные демографические изменения: из-за большого сокращения рождаемости сократился рост населения, несмотря на уменьшение смертности. Но эти показатели резко дифференцированы между странами. Так, например, в Аргентине с 2000 до 2005–2007 гг. рождаемость уменьшилась с 18,0‰ до 17,5‰, а смертность — с 7,9‰ до 7,8‰. При этом для всех латиноамериканских стран, даже самых бедных, характерно увеличение продолжительности жизни, почти везде она превышает 70 лет.

Наиболее острой социальной проблемой остается бедность: свыше трети населения в целом по Латинской Америке проживают за чертой бедности, а на Гаити и в Гондурасе — свыше половины. Каждый десятый взрослый житель Латинской Америки — неграмотный. При этом ситуация имеет катастрофический характер в трёх странах — на Гаити, в Гватемале и Никарагуа, где к категории неграмотных относятся соответственно 45%, 28% и 31% взрослого населения [5], заметно выше среднего показателя по Латинской Америке уровень неграмотности в Гондурасе и Сальвадоре — соответственно 22% и 19% (табл. 2). Следует отметить, что благодаря предпринятым усилиям, уровень неграмотности повсеместно имеет очевидную тенденцию к снижению.

В программе социального развития Латинской Америки образование выделено в качестве ключевого фактора. В проекте ЭКЛАК на 2002–2017 гг. указано, что образование «должно стать фундаментальным фактором нового развития и инноваций» [6]. В разных странах в зависимости от уровня их развития разрабатываются различные программы образования. Для Центральной Америки и стран Карибского бассейна на первом месте в списке приоритетов стоит достижение всеобщей грамотности населения и начальное обучение; для более развитых стран — повышение уровня преподавания, развитие среднего, высшего образования и увеличение их финансирования.

Если образование в целом рассматривается как фактор устойчивого развития, то начальное образование — это минимальный капитал, позволяющий избежать нищеты и интегрироваться в современную общественную жизнь. Поэтому главной целью провозглашается, прежде всего, обязательное начальное обучение. Была выстроена схема начального образования, которое должно включать изучение арифметики, истории, географии и национальной культуры. Начальным образованием должны быть охвачены все этнические группы. Этот аспект осо-

бенно важен, так как этнические меньшинства имеют наибольший процент неграмотных. Особое внимание обращают эксперты ЭКЛАК на образование женщин, поскольку существует взаимосвязь между уровнем их образования и здравоохранением: женщины, получившие образование, лучше и более грамотно заботятся о здоровье своих детей, и, соответственно, это ведёт к снижению детской смертности.

Образовательные реформы направлены на улучшение финансирования и повышение качества образования. ЭКЛАК определила в этой связи три основные задачи: развитие среднего и высшего образования; развитие науки и новых технологий и развитие новых направлений в образовании. При этом особо следует отметить, что в программах образования почти для всех стран поставлена задача удовлетворения существующих потребностей в квалифицированных кадрах. С этой целью обращается внимание на развитие среднего образования, т.к. промышленность нуждается в рабочей силе с тем, чтобы конкурировать в условиях глобализации. Поэтому доступ к среднему образованию должен быть по возможности обеспечен во всех странах. Немалое значение имеет и децентрализация в географии

Таблица 2

**Доля неграмотного населения в странах Латинской Америки
(% от числа жителей свыше 15 лет)**

Страна	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Аргентина	3,2	2,8	2,4
Боливия	14,6	11,7	9,4
Бразилия	13,1	11,1	9,6
Венесуэла	7,5	6,0	4,8
Гаити	50,2	45,2	41,1
Гондурас	25,0	22,0	19,4
Гватемала	31,5	28,2	25,2
Колумбия	8,4	7,1	5,9
Коста-Рика	4,4	3,8	3,2
Куба	3,3	2,7	2,1
Мексика	8,8	7,4	6,2
Никарагуа	33,5	31,9	30,3
Панама	8,1	7,0	6,0
Парагвай	6,7	5,6	4,7
Перу	10,1	8,4	7,0
Сальвадор	21,3	18,9	16,6
Уругвай	2,4	2,0	1,7
Чили	4,2	3,5	2,9
Эквадор	8,4	7,0	5,8
Латинская Америка и Карибы	11,1	9,5	10,1

среднего образования, которое должно быть представлено не только в крупных центрах, но и в разных регионах отдельных стран.

В Бразилии принята национальная программа информационно-обучения, подобные программы уже осуществляются в Коста-Рике, Аргентине, Чили, Мексике, Уругвае и, конечно, на Кубе. Для относительно развитых стран Латинской Америки — Бразилии, Аргентины, Мексики, Уругвая, Коста-Рики — ставятся задачи овладения современными методами профессионального образования, повышения уровня университетского образования и развитие научных исследований. ЭКЛАК считает, что в университетском образовании ведущую роль должны играть государственные учреждения, подобные функции им принадлежат и в сфере научных исследований.

Особое внимание обращено на культурное развитие молодежи, культурное начало должно стать неотъемлемой частью обучения на всех его ступенях, но особенно на начальном. Этнокультурный аспект устойчивого развития предполагает сохранение культурного и этнического разнообразия. Культура рассматривается как защитный механизм, призванный обеспечить сохранение самого этноса, сберечь его нравственные основы и специфические черты.

На форуме по образованию стран МЕРКОСУР в 2008 г. в Буэнос-Айресе была принята специальная программа студенческой мобильности, предусматривающая финансовую поддержку молодежи из малоимущих семей. Существует идея создания общего университетского пространства. При этом подразумевается не только сотрудничество по линии образования между странами Латинской Америки, но и между Латинской Америкой и Европой.

Следует отметить, что в связи с мировым финансовым кризисом экономический рост замедлился, и сегодня трудно говорить о том, какова будет дальнейшая тенденция развития. Тем не менее, очевидно, что на повестке дня стоит дальнейшее усиление роли государства и развитие региональной социально-экономической интеграции.

Литература

1. *Давыдов В.М.* Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке, обусловленность, основные ориентиры и международная проекция (Материалы доклада на общем собрании Отделения общественных наук РАН 26 марта 2007 г.).
2. Латинская Америка. 2008, № 10.
3. Banco Central de Chile. Indicadores de comercio exterior. Santiago de Chile, 2006.
4. El Banco del Sur contra el Banco Mundial www.cadtm.org. 26.VI.2007

5. CEPAL: Anuario estadístico de America Latina y el Caribe. 2007.
6. CEPAL: Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresion hacia el derecho a la salud en America Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2008.

Дроздова Г.Г.

Природно-ресурсный потенциал Японии и его роль в развитии туризма

Туризм — одна из наиболее динамичных отраслей мировой экономики. За быстрые темпы роста он признан экономическим феноменом столетия и его роль в современном мире огромна. По прогнозам экспертов Всемирной Туристской Организации (ВТО), мировая индустрия туризма входит в период постоянно увеличивающегося объёма путешествий и экскурсий, растущей конкуренции среди стран прибытия [5]. Постоянно растёт значение туризма и как источника валютных поступлений, расширения международных контактов, обеспечения занятости населения. Международный туризм признан инструментом экономики, применение которого приносит стране доходы. Согласно данным ВТО, Япония стоит на 33-м месте в списке стран принимающих туристов, и на 3-м месте в группе стран направляющих туристов (после Германии и США). В отличие от развитых стран мира, и особенно, таких как США, Франции, Германии, Италии, Испания, где туризм ныне представляет важную, динамичную, высокодоходную отрасль экономики, в Японии эта сфера деятельности не имеет такого значения. Причин этому несколько:

- Во-первых, Япония значительно удалена от основных районов поставляющих туристов. Так, расстояние от стран Западной Европы до Японии составляет 20 тыс. км, а от Западных штатов США 8–9 тыс. км.
- Во-вторых, страны, ближе всего расположенные к Японии, а это густонаселенные Китай, государства Юго-Восточной Азии (за исключением «азиатских тигров»), не могут поставлять достаточно большие людские массы, имеющие финансовую возможность к путешествиям. Так, китайские туристы во время путешествий в Японию тратят 700 долларов, а туристы из Южной Кореи 1655 долларов.
- В-третьих, в Японии высокий обменный курс национальной валюты по отношению к валютам других стран.

- В-четвёртых, Япония одна из дорогих стран. Например, стоимость номера в японских гостиницах, соответствующих двух-трехзвездным европейским отелям, за ночь обходится в 150–180 долларов.
- В-пятых, основные причины, сдерживающие туризм из России, — высокая стоимость авиатранспорта; требуется много времени для получения виз (до 30 дней); недостаток переводчиков и подготовленных туристических маршрутов; невысокая информированность россиян о возможностях отдыха в Японии.

Но несмотря на это привлекательность Японии как туристского направления растёт. Так, посещаемость туристами «Страны восходящего солнца» в 1964 г. была незначительной и составляла всего 353 тыс. чел. Понадобилось 20 лет, чтобы этот показатель увеличился в 5,5 раза и достиг в 1984 г. почти 2 млн. чел. А ещё через восемь лет — 1992 г., он вырос в 1,5 раза — 3,58 млн. чел. Этот рост связан с бурным развитием экономик в Новых Индустриальных странах Азии первой волны: Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, Тайване, жители которых с удовольствием посещали Японию. В туристском потоке этого времени преобладали жители Южной Кореи и Тайваня. Экономический кризис, поразивший Японию в 1994 г., привёл к снижению туристских прибытий до 3,47 млн. чел. Но уже в 2002 г. число иностранных посетителей Японии возросло до 5,24 млн. чел. Резкое увеличение иностранных туристов начинается с 2005 г. и достигает 8,4 млн. чел. в 2008 г. [4, 5, 7, 9, 10]. В структуре туристского потока по-прежнему лидируют корейцы (31,2% прибытий) и граждане Тайваня (16,6%), следом за ними идут туристы из КНР (11,3%) и США (9,8%). На долю европейцев приходится 10,5% туристских прибытий и доминируют среди них граждане Великобритании, Франции и Германии [3]. В 2008 г. Японию посетили 66 тысяч туристов из России.

По прогнозам ВТО, до 2010 г. въездной туризм в Японию будет расти примерно на 7,7% в год (в мире этот показатель определён в 4,3%), и составит 10 млн. чел. Ныне непосредственно в сфере японского туризма трудится около 2 млн. чел. Кроме того, 4,1 млн. чел., или 6,3% от числа имеющих постоянную работу японцев, заняты производством товаров и оказанием услуг, использующихся в туризме. Их доля в валовом внутреннем продукте страны составляет 5,4% [3, 4].

По данным японской Национальной Туристской Организации поток туристов в «Страну восходящего солнца» распределяется равномерно в течение года. Незначительные всплески туристской активности наблюдаются в июле, когда Японию посещают жители соседних стран региона, и в октябре, когда в структуре турпотока увеличивает-

ся доля западноевропейских посетителей. Значительная часть прибытий приходится на бизнес-поездки, востребованность которых особенно высока у жителей российского Дальнего Востока [9].

Ныне растёт поток туристов в Японию из Китая, России и Новых Индустриальных стран Азии второй волны. Туристы из азиатских стран и США приезжают в Японию для того, чтобы навестить родственников и друзей и провести здесь отпуск. Европейцы и россияне в основном совершают бизнес-путешествия.

В советское время большинство посещавших Японию советских граждан были членами делегаций — партийных, правительственных, профсоюзных, спортивных. И сегодня качественная характеристика въездного потока в Японию сохранилась — это партийные, губернаторские, профсоюзные и бизнес-группы. Большинство российских туристов прилетают в Японию из Сибири (особенно, из нефтяных городов — Сургут, Тюмень, Нефтеюганск), Владивостока и Хабаровска. Летают в Японию и москвичи. В большинстве это сотрудники нефтегазовых компаний и банков. Широкое распространение получили поездки россиян с целью приобретения автомобилей, бытовой техники. С начала 1990-х гг. число приезжающих из России в Японию гостей колебалось на уровне 20–30 тыс. чел. Но, уже в 2005 г. из 5,24 млн. иностранных туристов российские граждане составляли около 170 тыс. чел., из них собственно туристов, то есть людей, купивших тур в Японию и едущих только для того, чтобы посмотреть страну, 66 тыс. чел. [7, 10]. Поэтому, в случае с Японией, туристами считают всех остальных (членов делегаций, спортсменов, бизнесменов) приезжих. Японцы охотно показывают им свою страну и справедливо гордятся ее достопримечательностями. В связи с поднятием в начале 2009 г. правительством России пошлинных сборов на ввоз автомобилей, поток туристов, особенно из регионов Дальнего Востока, в Японию снизился. По итогам 2008 г. сократился на 25% и такой сегмент выездного туризма как командировки по служебным целям [3].

По оценке ВТО, к 2020 г. приток туристов в Азиатско-Тихоокеанский регион увеличится вдвое, и регион станет вторым по популярности местом после Европы, оттеснив Америку [5]. Лидирующие позиции в регионе будут принадлежать Японии (хотя уже сейчас 80% туристов региона приходится на Японию и Китай). Для этого страна не только обладает разнообразными туристскими ресурсами, но и проводит активную деятельность на государственном уровне по развитию индустрии туризма. С 2002 г. в Японии интенсивно идёт процесс софтизации экономики, то есть возрастания роли нематериальных секторов экономики: информации, связи, туризма. В 2003 г.

стартовала национальная маркетинговая кампания «Yokoso! Japan» — «Добро пожаловать в Японию». Цель программы: повысить привлекательность страны для иностранных туристов. По мнению авторов проекта, её реализация позволит в 2020 г. привлечь в страну 20 млн. иностранных туристов [3].

Для развития туристской индустрии Япония обладает значительными и разнообразными природными ресурсами. Разнообразие природных ресурсов обусловлено:

- длительной естественной географической изолированностью государства-архипелага от соседних стран, которая тем более усугублялась вследствие осуществления политики самоизоляции страны;
- особенностями природы: значительная протяжённость (3500 км) с северо-востока на юго-запад определила положение страны в умеренном (Хоккайдо и Хонсю), субтропическом (остров Кюсю, северная часть архипелага Рюкю) и тропическом (южная часть архипелага Рюкю) климатических поясах; влияние муссонной циркуляции на климат; преобладание горного рельефа, при этом значительная часть горных вершин — это вулканы;
- богатой историей и трудом самих японцев, создавших и сохранивших в первозданном виде интересные памятники архитектуры, искусства, уникальные уголки живой природы.

Природные ресурсы — это горы, вулканы, морское побережье, морской шельф, морские пляжи, реки, озёра, минеральные источники, животный и растительный мир, климатические ресурсы. Природные ресурсы имеют важное значение для жизни японцев вообще и использования их в качестве ресурсов для организации въездного туризма. Поклонение природным объектам и явлениям сформировалось у японцев в древности и обрело дальнейшее развитие благодаря синтоизму, религии, обожествляющей природу, а позже буддизму, ставшему второй религией в стране. Согласно буддизму, всё в мире — это образы Будды, и всё требует почитания и поклонения.

Япония — горная страна (75% территории занимают горы) с повышенной сейсмичностью, поэтому горы и вулканы встречаются на всех островах японского архипелага. По высоте горы относятся к низким и средневысотным. Самая знаменитая горная гряда — Японские Альпы. Её вершины поднимаются на высоту 3000 метров над уровнем моря. Это вдвое выше Уральских гор. Японцы с почтением относятся к горам, так как считают их местами смерти, а некоторые горы — жилищами богов. Поэтому уже с начала VI в. до нашей эры началась практика восхождения на священные горы. Всего

в стране выделяют 354 больших священных гор [10]. Кроме них в каждой части Японии есть свои локальные божественные горы. По священным горам ныне активно путешествуют японские школьники, буддисты, иностранные туристы, особенно из стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Самая величайшая и почитаемая гора в Японии — Фудзияма. «Фуджи» — такое название дали ей айны, означает «богиня огня», некоторые переводят «Фуджи» как «гора чести». Фудзияма является синтоистской святыней, считают, что она воплощает дух японской нации. Ежегодно на неё поднимается более 1 млн. чел. Не меньшей популярностью среди туристов пользуются горы Симэнава (символизирует нерушимость брачного союза богов — создателей японских островов), Кинкандзан (гора «Золотой цветок»), Осорэдзан (в переводе означает «Ужас»), Мисэн (с её вершины открывается чудесная панорама внутреннего моря, огни Хиросимы), Медвежья гора (на её вершине сохранились части айнской деревни), Хакадатеяма (ночной вид с вершины горы, по мнению экспертов турбизнеса, входят в тройку лучших ночных видов мира), Койя (один из центров эзотерического буддизма), Хиэй (священная гора буддистов).

Значительная часть горных вершин Японии — вулканы. Последние обследование 250 гор вулканического происхождения показало, что на территории страны расположено 108 активных вулканов (ранее их было 86), из них 13 вулканов «высокого риска извержения», 36 вулканов вошли в категорию «весьма активных» и 59 «спящие» вулканы. Вулканы «высокого ранга извержений», а это Асама, Михараяма, Асосан и Сакурадзима — идеальное место для любителей экстремального туризма, и знакомства с почти «лунными», безжизненными пейзажами [10].

Вулканические извержения превратили территорию Японии в страну живописной природы: великолепные горные пейзажи, водопады, тектонические озёра.

С вулканической деятельностью связано наличие в стране огромного числа горячих источников. На Земле нет такого места, где бы насчитывалось столько горячих источников. Только источников, признанных целебными, около 20 тысяч. На их основе создано около 1800 курортов. Многие из них стали международными туристскими центрами — это Хаконэ, Атами, Идзу, Бэппу, Угдзэн, Кирисима, Ноборибэцу. Самые старые и наиболее посещаемые курорты расположены на островах Хоккайдо: Ноборибэцу и Дзёдзанкей.

Склоны японских гор — прекрасное место для организации горнолыжного отдыха. Всего в стране насчитывается около 700 горнолыжных баз. Горные сооружения, низкие температуры зимой и обилие снега

(на Хоккайдо в среднем выпадает 2–3 метра снега) стали ценными доходами от зимнего туризма на Хоккайдо и в префектуре Нагано. Эти части страны облюбовали туристы из Тайваня, Южной Кореи, Вьетнама, Австралии, Китая. Горнолыжные базы хорошо обустроенные, с прекрасно налаженным питанием и обслуживанием, являются гордостью острова Хоккайдо и их здесь 126. Самые известные из них расположены в Саппоро: Русутсу-Мура, Фурано, Альфа, Томаму и Низеко-Хирафу. Горнолыжные курорты есть в Мацумаэ, Хакодате, Сираон.

Один из известных горнолыжных курортов Японии — Наэба — расположен на склонах горы Такеноко в префектуре Нагано. Нагано называют Меккой для любителей зимних видов спорта. Здесь 100 лыжных баз, более 40 катков, более 20 трасс. За год их посещает более 20 млн. чел. [7, 10].

Приморское положение страны имеет большое значение для развития индустрии отдыха. Моря, омывающие Японию, не замерзают, а протяжённость береговой линии значительная — около 30 тыс. км.

Сильная изрезанность береговой линии определила наличие многочисленных живописных бухт, заливов, лагун, приморских террас, полуостровов, скалистых выступов и гор, вплотную спускающихся к кромке воды. Южные острова окаймлены коралловыми рифами, что создаёт условия для дайвинга, подводной рыбалки. Идеальное место для дайвинга — это восемь островов Мияко (архипелаг Рюкю). На острове Мияко-дзима находятся штаб-квартиры нескольких крупных японских дайвинг компаний.

Морское побережье имеет прекрасные возможности для организации пляжного отдыха. Но среди жителей Восходящего Солнца этот вид отдыха не популярен. Поэтому японские пляжи привлекательны для иностранных туристов. Одними из лучших не только в стране, но и в мире считаются длинные, песчаные пляжи Ситири-га-Хама, Юй-га-Хама, расположенные в часе езды от Токио. Волны этих двух пляжей самые популярные среди как японских, так и иностранных туристов занимающихся сёрфингом. Ещё одно популярное место для пляжного отдыха находится в г. Сирахама. Белоснежный кварцевый песок на этом пляже завозится из Австралии, а соседство с горячими источниками сделали пляжи Сирахамы известными и в Японии и в мире. Количество туристов, желающих ступить на белый, как бы отполированный песок пляжа, увеличивается каждый год. На территории одного из расположенных здесь отелей построена подводная башня, через окна которой можно любоваться морскими обитателями. Пляж на острове Кюсю в г. Ибусуки, часто называют Японскими Гавайями. Здесь близко

к поверхности подходят горячие источники, нагревающие во время прилива морскую воду до 40 градусов и песок. Песчаные бани синамуси используют для лечения ревматизма, невралгии, для этого закапывают тело в песок, оставляя на поверхности только голову.

Привлекательным для туристов центром круглогодичного активного отдыха на воде являются острова Рюкю. На самом южном японском острове Кюсю создан крупнейший, оборудованный по последнему слову техники комплекс пляжного отдыха. Здесь, помимо роскошных пляжей, спортивных площадок, создан уникальный аквапарк «Океанский купол». Это самый большой в мире аквапарк, имитирующий природные условия океана. Аквапарк вмещает 10 тыс. чел. и принимает туристов в течение всего года. Помимо пляжного отдыха в прибрежных водах есть прекрасная возможность понаблюдать за китами.

Бережно сохраняемая природная красота Японии является её важнейшим и ценнейшим ресурсом, способствует развитию туризма. Поэтому, рассматривая природные ресурсы с позиции их значимости для развития индустрии туризма необходимо сказать о садах и парках. Сады и парки ярко отражают все стороны японского национального характера, сущность которого необходимо прочувствовать. Культуру садоводства Япония позаимствовала у Китая ещё в VI в., и за длительную историю развития она приобрела свои отличительные черты. В частности, в Китае сады разбивались для свободного времяпрепровождения, в Японии же — для совершенствования духа и созерцания. В Китае сады занимали значительную территорию и больше походили на парки, в Японии в силу ограниченности территории сады стали миниатюризироваться. В последнее время, в связи с увеличением численности населения, эта тенденция становится ещё более актуальной. В настоящее время садовое искусство в Японии находится на высочайшем уровне развития и всё это благодаря характеру природы страны. Японский сад видоизменяется вместе с культурой, но всегда соответствует требованиям религии. Сад может быть любого вида, с любым количеством компонентов. Но его главной функцией всегда было и остаётся до сих пор созерцание и оценка великолепия пейзажа с различных мест.

Больше всего природных парков находится на островах Хонсю и Хоккайдо. Наиболее уникальными являются Национальный парк Внутреннего моря в Хиросиме, в Атами разбит великолепный сливовый парк, в котором собрано более 3000 сливовых деревьев. Интересны кактусовый парк и парк крокодилов в Омуро. В Нара есть парк приручённых оленей, где более тысячи оленей свободно гуляют по территории парка.

По основному компоненту, на котором концентрируется восприятие, построены сад камней, сад мхов, сад воды, сад пейзажей. Незави-

симо от типа сада камни и вода неотъемлемая его часть. В «сухих» садах вода символически изображается галькой и песком. Самым известным в Японии считается сад камней при храме Рёандзи в городе Киото. Сад был создан в конце XV — начале XVI в. для медитации монахов.

В XVI в. возникли специальные садики для традиционных и официально интимных японских церемоний. Обряды чаепития служат своеобразным отдыхом, наслаждением красотой природы и искусства. Чайные сады стали популярны среди японского населения, а ныне и гостей из других стран.

Япония — уникальная, ни с чем не сравнимая, загадочная страна. И дело не только в ее богатом древнем наследии, разнообразных и бережно сохраняемых природных ресурсах. Сама по себе Япония — это огромный музей.

Ныне рост популярности Японии в мире происходит за счет политической стабильности в стране, новых авиационных маршрутов, обширной рекламно-пропагандийской деятельности. Большое внимание уделяется разработке новых инклюзивных туров и диверсификации туристских маршрутов по стране. Сегодня самое популярное путешествие проходит по городам Токио, Хаконе, Киото, Нара и Осока. Одними из важных регионов по организации отдыха для иностранных туристов считаются Хоккайдо, Тохоко и Кюсю.

С 2007 г. проводятся работы по развитию инфраструктуры отдыха для иностранных туристов в сельских районах страны [3].

Активная роль в развитии туристского бизнеса в стране принадлежит государству. Забота государства проявляется в правовой поддержке перспективных начинаний в этой отрасли. Примером могут служить законы о развитии курортных районов, о национальных парках, об улучшении оборудования международных туристических гостиниц, о работе гида-переводчика, о развитии туризма через традиционные празднества и мероприятия.

Литература

1. Кусков А.С. Рекреационная география: Учебно-методический комплекс / А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова. — М.: Флинта: МПСИ, 2005. — 496 с.
2. Мироненко Н.С., Нефёдова В.Б. Исследование рекреационных систем на географическом факультете // Вестник МГУ. География. 1998. № 5.
3. Новые маршруты японского туризма. // Турбизнес. № 3, 2009. — С. 34.

4. Сазыкин А. Эти странные японцы // Тур-Бизнес. № 01 январь 2005 г. — С. 44.
5. Сенин В.С. Организация международного туризма: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 2005. — 400 с.
6. Твердохлебов И.Т., Мироненко Н.С. Рекреационная география. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 207 с.
7. Хвилер Я. Азия. // Тур-Бизнес. № 11 (22) ноябрь 1999 г. — С. 47.
8. Япония. Карманная энциклопедия. / Сост. В.Я. Кофман, Н.Г. Рысина. — М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999. — 224 с.
9. www.japantoday.ru
10. www.japantravel.ru

Злоказова Н.Е.

Реакция стран МЕРКОСУР на мировой финансовый кризис: уроки для России¹

Пока Соединенные Штаты решают свои внутренние проблемы, страны остального мира ищут пути спасения в рамках региональных организаций...

Деловая газета 24.10.2008

Финансовый кризис, начавшийся в США с рынка ипотечного кредитования, к концу 2008 г. превратится в структурный мировой кризис, затронувший как развитые, так и развивающиеся страны. Не стали исключением и страны Латинской Америки. Многие ее регионы в значительной степени зависят от экспорта сои, полезных ископаемых и нефти. Международный спрос на эти товары значительно упал. Это вызвало резкое снижение курса акций крупнейших латиноамериканских компаний, а также крупные распродажи долларовых запасов центральными банками в попытках поддержать падающие местные валюты.

Кризис замедлил темпы экономического роста стран региона. Последние несколько лет были достаточно прибыльными для латино-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (№ 09-02-00619а/р).

американских стран, однако этот период закончился. В 2009 г. экономический рост в регионе Латинской Америки может составить менее 3,3%, по сравнению с 4,6% в 2008 г.². По оценкам Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, стоимостной объем регионального экспорта сократится на 25% в 2009 г. Прогнозируемое снижение количественного объема экспорта будет самым значительным с 1937 г.³. Это лишний раз демонстрирует, как сильно мировая рецессия затронула экономику данного региона.

Одним из наиболее динамичных интеграционных объединений Латинской Америки является МЕРКОСУР⁴.

МЕРКОСУР возник на базе экономического союза Аргентины и Бразилии, существовавшего с 1979 г. Как полноправная организация МЕРКОСУР был образован в 1991 г., когда в парагвайском городе Асунсьон между Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем был подписан договор о создании таможенного союза и общего рынка⁵. В 2006 г. к организации присоединилась Венесуэла. Статус ассоциированных членов имеют Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор и Перу.

На МЕРКОСУР приходится почти 60% территории Латинской Америки, около 50% населения (250 млн. чел.) и порядка 75% совокупного ВВП (около 1,5 трлн. долл., а с учетом ассоциированных членов — около 2 трлн. долл.)⁶.

Мировой финансовый кризис стал серьезным испытанием для МЕРКОСУР. Ожидается, что в 2009 г. ВВП группировки сократится на 2,3% по сравнению с 2008 г. и составит 3,1%⁷. В связи с этим возникает ряд вопросов: как будет действовать интеграционное объединение в условиях кризиса, какие предпринимаются меры, насколько эффективно данное объединение, меняется ли направление интеграционных процессов, каковы перспективы развития МЕРКОСУР?

² Кредитный кризис угрожает экономическому буму в Латинской Америке // Bankir.Ru, 03.10.2008 — <http://bankir.ru/news/newsline/1174293>

³ Latin America: Global Downturn Slashes export Values // Oxford Analytical Daily Brief Service. August 31 2009, P. 1.

⁴ MERCOSUR — Mercado Comun del Cono Sur. Название переводится с испанского как «Общий рынок Южного конуса».

⁵ Acerca del MERCOSUR. — http://www.mercosur.int/t_generic.jsp?contentid=655&site=1&channel=secretaria&seccion=2

⁶ Корчагин Ю.П. Россия и МЕРКОСУР // Ла Насьон, 22 января 2008 г. http://www.mid.ru/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/64e3865e4700a882c32573e200266ed2?OpenDocument

⁷ Latin America Economy: Forecasts for Mercosur and Andean Community // Economic Intelligence Unit Views Wire. New York: June 30, 2009.

Страны МЕРКОСУР решили объединить свои усилия по борьбе с кризисом. 27 октября 2008 г. в г. Бразилиа прошло чрезвычайное заседание Совета МЕРКОСУР по обсуждению мирового финансового кризиса. В заседании приняли участие министры иностранных дел, экономики, финансов, президенты центральных банков стран-участниц блока, а также представители ассоциированных членов МЕРКОСУР.

Государства постановили, что протекционистская политика, популярная в прошлые десятилетия, изжила себя и сегодня была бы серьезной ошибкой. Они также приняли решение скоординировать свои усилия в сфере макроэкономики с целью защиты региона от глобального финансового кризиса, который уже серьезно ударил по местным курсам акций и валют и отпугнул инвесторов с региональных рынков.

Глава МИД Чили Алехандро Фоксли заявил, что его коллеги проявили солидарность в оценке протекционистской экономической политики: ее использование в сегодняшней ситуации может только навредить. «Худшее, что может произойти — если текущий кризис используют для возврата к политике 1960-х гг., чтобы возродить протекционизм в его старинном стиле, возводящем барьеры между нашими экономическими системами. Это только усугубит кризис»⁸, — отметил министр.

Министр иностранных дел Бразилии Сельсо Аморим считает, что Южная Америка лучше перенесет кризис, если продолжит курс на интеграцию региональных экономик. В качестве примера усиления интеграции можно привести переговоры между Аргентиной и Бразилией о том, чтобы заключать торговые сделки друг с другом в песо и реалах вместо долларов.

Другим значительным событием стал первый в истории саммит государств Латинской Америки и Карибского бассейна, который открылся 16 декабря 2008 г. в Бразилии. Одновременно с ним прошло 36-е совещание глав стран МЕРКОСУР. Основной темой переговоров стала интеграция стран континента в условиях мирового финансового кризиса. Участвующие в совещании лидеры стран призвали укрепить региональное объединение и совместными усилиями преодолеть нынешний кризис.

Инициатором проведения уникального по своему масштабу форума стал президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, пригласивший для участия в саммите лидеров 33 стран региона. В заявлении бразильского МИДа говорилось, что «этот диалог представляет собой беспрецедентную возможность подойти к решению региональ-

⁸ Страны МЕРКОСУР приняли решение по кризису // Новая политика, 28 октября 2008 — <http://www.novopol.ru/text54696.html>

ных проблем с точки зрения интересов собственно латиноамериканских государств и стран Карибского бассейна»⁹.

Страны МЕРКОСУР подчеркнули необходимость укрепления сотрудничества для совместного преодоления кризиса. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва на церемонии открытия саммита заявил, что страны Латинской Америки, в том числе и страны-участницы МЕРКОСУР, единодушно отреагировали на международный финансовый кризис и смогут преодолеть его. Он отметил, что страны МЕРКОСУР, с одной стороны, должны в дальнейшем укрепить торговые контакты, а с другой — принять активное участие в создании нового международного финансового порядка. По его словам, МЕРКОСУР не будет противостоять кризису пассивным образом, организация рассчитывает сыграть важную роль в новом многостороннем и многополярном международном порядке.

Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер считает, что международный финансовый кризис поставил перед странами МЕРКОСУР новые задачи, для решения которых организации необходимо усилить сотрудничество с другими странами. Президент Уругвая Табаре Васкес, полагает, что для преодоления кризиса в 2009 г. страны МЕРКОСУР и Латинской Америки должны укрепить единство и ускорить процесс интеграции. Президент Парагвая Фернандо Луго подчеркнул, что в этот «важный момент дальнейшего объединения» странам МЕРКОСУР следует сохранять свою специфику¹⁰.

Лидер Венесуэлы Уго Чавес также предложил всем латиноамериканским странам объединиться в целях преодоления финансового кризиса, не прибегая к поддержке США. Еще в июле 2006 г. на саммите МЕРКОСУР в Каракасе он заявлял, что члены этой организации должны единым фронтом выступить против соглашений о свободной торговле с США. По его словам, присоединение Венесуэлы к МЕРКОСУР стало победой над «имперскими» экономическими планами США в отношении государств Южной Америки, и будет способствовать развитию свободы и единства в регионе¹¹.

⁹ Грачева М. Латинская Америка собралась побороться с кризисом // Коммерсантъ № 230(4047), 17.12.2008 — <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1095285>

¹⁰ Страны-участницы МЕРКОСУР подчеркнули необходимость укрепления сотрудничества для совместного преодоления кризиса // PARTNER.CN, 18.12.2008 — <http://russian.northeast.cn/system/2008/12/18/000096971.shtml>

¹¹ Вхождение Венесуэлы в Меркосур ознаменовалось саммитом в Каракасе 05.07.2006.

Информационно-аналитический портал по зарубежным финансовым рынкам K2Капитал — <http://www.k2kapital.com/news/archive/111025.html>

Страны МЕРКОСУР решили бороться с кризисом без участия США. Организаторы встречи всячески подчеркивали, что саммит должен доказать способность латиноамериканских государств действовать самостоятельно, без оглядки на США и Евросоюз, представители которых не были приглашены на встречу. По мнению замдиректора Института Латинской Америки РАН Владимира Сударева, в настоящее время США не только не могут помочь другим странам, но и не в состоянии справиться с кризисом, охватившим их собственную экономику. Это дает шанс и Бразилии, претендующей на роль регионального лидера, и другим странам заполнить образовавшийся вакуум. Налицо тенденция превращения Латинской Америки в автономный полюс, причем обладающий достаточным количеством ресурсов¹².

Стоит заметить, что участники МЕРКОСУР уже не первый раз объявляют о прекращении взаиморасчетов в долларах США. Так, летом 2006 г. министры финансов Аргентины и Бразилии уже объявляли, что их страны отказываются от взаиморасчетов в долларах и переходят на оплату внешней торговли в национальной валюте — аргентинских песо и бразильских реалах. Тогда торговый оборот между этими странами оценивался в 15 млрд. долл.¹³ По мнению министра финансов Бразилии Гуйдо Мантега, данная инициатива была направлена на повышение стабильности местных валют и стала первым шагом по введению единой валюты для стран МЕРКОСУР.

По заявлению главы МИД Аргентины Хорхе Тайна, стороны выработали график, согласно которому система двусторонних торговых расчетов в национальной валюте должна вводиться центральными банками двух стран в экспериментальном порядке с конца июня 2008 г., а в августе того же года — официально.

В соответствии с соглашением, подписанным 8 сентября 2008 г., теперь аргентинские и бразильские торговые партнеры смогут при обоюдном согласии рассчитываться друг с другом в песо и реалах. В настоящее время на торговлю между Аргентиной и Бразилией приходится свыше 90% товарооборота в зоне МЕРКОСУР¹⁴. Торговый

¹² Грачева М. Латинская Америка собралась побороться с кризисом // Коммерсантъ №230 (4047), 17.12.2008 — <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1095285&NodesID=5>

¹³ Аргентина и Бразилия отказываются от взаиморасчетов в долларах США // Ведомости, 27.07.2006 — <http://www.vedomosti.ru/newsline/index.shtml?2006/07/25/295342>

¹⁴ Члены Южноамериканского общего рынка отказываются от доллара во взаимных расчетах // Агентство Синьхуа, 03.05.2008 — http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-05/03/content_625378.htm

оборот между Аргентиной и Бразилией в 2008 г. составил более 25 млрд. долларов¹⁵.

Договоренность между Аргентиной и Бразилией использовать во взаимных расчетах свои собственные валюты отражает их обеспокоенность по поводу волатильности доллара, а с другой — свидетельствует о их стремлении избавиться от зависимости от США. По мнению президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер, отказ от доллара в торговых расчетах между Аргентиной и Бразилией будет способствовать региональной интеграции и экономическому росту. Предполагается, что переход на национальную валюту повысит стабильность местных валют, сократит время и издержки на осуществление торговых операций, а также поможет избежать экономического ущерба от колебаний курса доллара США. Отказ от доллара пойдет на пользу преимущественно предприятиям среднего и мелкого бизнеса, сократив их расходы. Однако объем расчетов между средними и малыми фирмами является недостаточным для скорого перехода на такой метод в рамках всего МЕРКОСУР. Крупные экспортеры не спешат переходить на местную валюту, считая, что это не компенсирует им отказ от доллара при взаиморасчетах.

Пример Аргентины и Бразилии дал положительные результаты. 16 апреля 2009 г. страны-члены Боливарианской инициативы для Америк (ALBA — Боливия, Венесуэла, Гондурас, Доминика, Куба и Никарагуа) и Эквадор подписали рамочное соглашение о введении условной денежной единицы взаиморасчетов — сукре — в торговле и реализации проектов экономического сотрудничества. Начать формирование общего монетарного пространства и в экспериментальном режиме ввести в действие единую региональную систему взаиморасчетов планируется с 1 января 2010 г.¹⁶

В дальнейшем сукре может стать общей валютой для стран АЛБА и Эквадора. В рамочном соглашении содержится статья, позволяющая другим странам Латинской Америки и Карибского бассейна присоединиться к этому интеграционному проекту, который призван стимулировать региональную торговлю, «снизить последствия глобального кризиса капитализма» для стран АЛБА и сократить их зависимость от дол-

¹⁵ Сергеев М., Кобо Х. Аргентина и Бразилия отказываются от доллара // Независимая газета, 03.07.2008 — http://www.ng.ru/economics/2008-07-03/4_dollar.html

¹⁶ Главы государств Боливарианской инициативы для Америк и Эквадор подписали соглашение о введении условной денежной единицы взаиморасчетов — сукре // ПРАЙМ-ТАСС, 17.04.2009 — <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=885827&ct=news>

лара. В перспективе это может означать полный отказ от американского доллара и переход на единую валюту в рамках всего региона.

Таким образом, формируется независимая от США зона регионального сотрудничества государств Латинской Америки и Карибского бассейна, элементом которой становится использование национальных валют во взаимных расчетах и, в перспективе, создание региональной валютно-финансовой системы.

Если вспомнить предложения по реформированию международной валютно-финансовой системы, сделанные Российской Федерацией к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне (апрель 2009 г.), становится очевидно, что похожие настроения имеют место и в других регионах мира¹⁷. Российские эксперты считают, что решение Аргентины и Бразилии отказаться от доллара во взаимных торговых расчетах является частью глобального процесса по уменьшению роли американского доллара в качестве мировой резервной валюты или средства международных расчетов. Как отмечают специалисты — это «начало завершения господства доллара, как мировой резервной валюты»¹⁸.

¹⁷ В предложениях России отмечалось, что в текущих условиях крайне важно стимулировать проведение расчётов и формирование цен в нескольких валютах, эмитенты которых отвечают установленным на международном уровне требованиям. Эти требования должны применяться к уровню развития экономики и финансовой системы, бюджетной и денежно-кредитной политике, регулированию инвестиций и финансовых операций.

России призвала к реформированию международной валютно-финансовой системы с целью укрепления её стабильности и урегулирования (снижения подверженности к образованию) глобальных дисбалансов в мировой экономике. Для этого Россия предложила поручить МВФ (или специальной уполномоченной рабочей группе «двадцатки») подготовить исследования следующих сценариев:

- Расширение (диверсификация) перечня валют, используемых в качестве резервных, на основе принятия согласованных мер по стимулированию развития крупных региональных финансовых центров. В этом контексте следует проработать вопрос о создании специфических региональных систем, способствующих снижению волатильности обменных курсов таких резервных валют.
- Создание наднациональной резервной валюты, эмиссия которой будет осуществляться международными финансовыми институтами. Представляется целесообразным рассмотреть роль МВФ в этом процессе, а также определить возможность и необходимость принятия мер, которые позволят СДР стать признанной всем мировым сообществом «суперрезервной» валютой. (Предложения Российской Федерации к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне (апрель 2009 г.). 16 марта 2009 г. Официальный сайт Президента России — <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213992.shtml>)

¹⁸ Доллар может потерять статус мировой резервной валюты // Bankir.Ru, 20.03.2009 — <http://bankir.ru/news/newsline/forex/20.03.2009/1785727>

По мнению президента консалтинговой компании «Неокон» Михаила Хазина, процесс постепенного ухода доллара с мировой арены «глобально необратим», хотя возможны и локальные отклонения от этой тенденции¹⁹. В целом, общая тенденция к ослаблению американской валюты сохранится.

Возвращаясь к интеграционным процессам в рамках МЕРКОСУР, необходимо отметить, что между членами блока существуют острые противоречия, которые затрудняют реализацию общей антикризисной политики.

Прежде всего, противоречия заключаются в экономической асимметрии в пользу наиболее развитых стран МЕРКОСУР, таких, как Бразилия и Аргентина. Уругвай и Парагвай, так называемые «малые страны», неоднократно высказывали претензии в их адрес. Они обвиняют Аргентину и Бразилию в «эгоизме и лицемерии», нежелании учитывать их интересы и обижаются на все усиливающиеся диспропорции во внешней торговле. Вполне понятно стремление Уругвая и Парагвая выйти на альтернативные рынки для продажи своей сельскохозяйственной продукции, в первую очередь на рынок США.

Серьезной проблемой для полноправных и ассоциированных членов МЕРКОСУР являются политика, проводимая в отношении создания зоны свободной торговли в масштабах всего Западного полушария, продвигаемой США. В настоящее время США перешли от переговоров с Латинской Америкой по общему введению режима свободной торговли в регионе к заключению двусторонних и трехсторонних договоров с отдельными государствами. С помощью такого индивидуального подхода США пытаются расширить территорию зоны свободной торговли. В настоящее время Чили, Перу и Колумбия имеют действующие договоры с США о свободной торговле, с Эквадором продолжается переговорный процесс²⁰.

Активный противник создания «зоны свободной торговли Америк» Уго Чавес заявляет о необходимости искать альтернативу американскому сценарию развития региона. При этом если раньше Венесуэла была единственной страной, выступающей против соглашения, и выглядела «белой вороной» перед мировым сообществом, то теперь главы Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая выступают единым фронтом против вступления в «зону свободной торговли Аме-

¹⁹ Сергеев М., Кобо Х. Аргентина и Бразилия отказываются от доллара // Независимая газета, 03.07.2008 — http://www.ng.ru/economics/2008-07-03/4_dollar.html

²⁰ Белят М. Латинская Америка не хочет быть зоной свободной торговли // ИА Новости, 14.04.2006 — <http://www.rian.ru/economy/20060414/46361029.html>

рик»²¹. Противники договора считают, что участие в этом проекте не принесет им экономической выгоды. По их мнению, прежде чем вступать в зону свободной торговли, США должны отказаться от практики субсидирования своих сельхозпроизводителей, а также снять ограничения на ввоз сельскохозяйственной продукции из стран Южной Америки.

Другим препятствием на пути интеграции являются внутренние противоречия. Между Боливией и Бразилией существуют большие разногласия из-за политики национализации природных ресурсов, проводимой Эво Моралесом. Существует конфликт между Венесуэлой и Колумбией, которая подозревает Уго Чавеса в сотрудничестве с антиправительственными повстанцами. Кроме того, велико число «старых обид». Так, вооруженный конфликт между Эквадором и Перу завершился только в 1998 г.²².

Тем не менее, под давлением мирового финансового кризиса многие из этих проблем отошли на второй план. Страны МЕРКОСУР серьезно задумались о своем выживании в условиях мировой нестабильности. Очевидно, что кредит доверия к США в плане решения глобальных финансовых проблем у этих государств исчерпан. А поскольку на международные финансовые институты как на источники помощи в условиях кризиса большой надежды никто уже не возлагает, то наиболее эффективным путем выхода из трудного положения является усиление интеграции в рамках регионального блока. Очевидно, что только продуманные и скоординированные действия могут МЕРКОСУР преодолеть мировой кризис.

Что касается России, то РФ, как и другие страны, прилагает значительные усилия по выходу из кризиса. По словам главы Сбербанка Германа Грефа, пик кризиса миновал в 2009 г.²³. В целом же, период стагнации российской экономики продлится еще в течение 2010–2011 гг.²⁴.

²¹ Николаев Ю. «Зона свободной торговли Америк»: противостояние Венесуэлы и США // Россия в глобальной политике, 23.07.2006 — <http://www.globalaffairs.cz/ru/news/489.html>

²² Любимская А. Латинская Америка идет по пути Евросоюза // РБК daily, 11.12.2006 — <http://www.rbcdaily.ru/2006/12/11/focus/254114>

²³ Болотин В. Пик кризиса миновал // Утро.ru, 12.04.2009 — <http://www.utro.ru/articles/2009/04/12/809199.shtml>

²⁴ Греф: потери мирового финансового сектора с начала кризиса составили 1 трлн. долларов // Newsru.com, 05.02.2009 — <http://www.newsru.com/finance/04feb2009/gref.html>

В настоящее время Российская Федерация активно участвует во многих региональных объединениях Европы и Азии — ЕврАзЭС, ЕЭП, СНГ, ШОС и др. В качестве противодействия кризису России стоит более активно использовать сотрудничество с партнерами по интеграционным группировкам. В этой связи опыт стран МЕРКОСУР может быть полезен при решении первоочередных внутри- и внешнеэкономических задач, связанных со стабилизацией национальной экономики в условиях мирового финансового кризиса.

Палилов Д.Е.

Технологические ресурсы России и мира: сравнительный обзор

На современном этапе успешное развитие экономики страны определяется обладанием определенным научно-техническим потенциалом (НТП). Именно создание и потребление информационных ценностей различных категорий, в т.ч. в овециствленной форме (продукты высоких технологий) стали главной движущей силой экономики. По существующим оценкам, в развитых странах от 50 до 90% роста ВВП определяется инновациями и технологическим прогрессом, инновации становятся обязательным условием и основным «мотором» развития всех секторов промышленности и сферы услуг.

Но сегодня одной стране мира уже не под силу быть абсолютным лидером в большинстве областей НТП и добиваться эффективного развития всех его направлений без международного сотрудничества. Более того, вовсе не количество направлений НТП и стремление доминировать в них на мировых рынках, а рациональное сочетание собственных передовых и приобретенных технологий определяют темпы роста эффективности производства и общий уровень экономического развития страны. В целом, наблюдается выравнивание экономической значимости отечественных и зарубежных разработок, что тем более характерно для товаров массового спроса.

Передача технологии — важнейший фактор усиления процесса вовлечения стран в международное разделение труда (МРТ) в период глобализации. Это стало одной из самых динамичных форм международных экономических отношений. Конкурентная борьба на товарном рынке потребовала широкого использования инноваций при производстве высокотехнологичной, наукоемкой продукции. Кроме того,

затраты крупнейших МНК на НИР превышают аналогичные расходы нескольких государств, что привело к дальнейшему углублению МРТ в области НИОКР. Целые направления НТП определяются разработками, производством и рыночным освоением инноваций, которые крупные корпорации ведут в национальном и глобальном масштабе.

Исторически в развитых странах важнейшими структурами национальных систем становились корпорации предпринимательского сектора. Именно они, одновременно финансируя исследования и воплощая научные результаты и изобретения в реальные продукты и технологии, берут на себя ответственность за основные направления НТП, на их долю приходится большая часть финансирования науки силами частного сектора.

Углубление МРТ привело к специализации стран в области технологий. Например, большая часть американских патентов выдается в области медицины, японских — в области систем переработки информации (цифровые фото-, теле-, видео-, музыкальные технологии). Немецкие изобретатели «тяготеют» к разработке механических систем, двигателей, тормозов, технологиям в органической химии. Конечно в этих странах выдаются патенты и на другие виды технологий, но прослеживается определенная страновая специализация.

Технологические преимущества стали сегодня решающим фактором международной конкуренции, и России крайне важно добиться полной экономической реализации накопленного технологического потенциала.

Основные отрасли российской экономики по степени конкурентоспособности на мировом рынке можно разделить на 4 категории: очень сильная конкурентная позиция (черная металлургия), сильная конкурентная позиция (цветная металлургия, электроэнергетика, нефтехимическая, лесная, оборонная, связь и телекоммуникации), посредственная конкурентная позиция (химическая, автомобильная, судостроение (гражданское), машиностроение, приборостроение), слабая конкурентная позиция (авиационная (гражданская), электронная, текстильная).

В России имеется потенциал для создания конкурентоспособной экспортной продукции, включая услуги, в таких наукоемких отраслях, как оптоэлектроника, телекоммуникационное оборудование, новые материалы, ядерные технологии, оптические приборы и геодезическое оборудование для поиска нефти и газа, программное обеспечение.

Но существует целый ряд проблем и особенностей отечественного научно-технического потенциала, которые необходимо охарактеризовать хотя бы кратко.

Несмотря на значительные инвестиции в образование, науку и инновации, предпринятые в последние годы, Россия, к сожалению,

в настоящий период продолжает заметно отставать от мировых лидеров по основным показателям, определяющим уровень научно-технологического развития. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет всего 0,3–0,5%, в то время как доля США — 36%, Японии — 30%, Германии — 17%. Доля инновационно-активных предприятий в российской промышленности (9,4% в 2007 г.) в несколько раз ниже, чем в развитых странах, результаты инновационного процесса характеризуются существенной неэффективностью. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте не превышает 4–5%, в то время как для Китая этот показатель составляет 22,4%, Южной Кореи — 38,4%, Венгрии — 25,2%.

Институциональной структуре науки присущ целый ряд особенностей, которые отличают Россию от большинства развитых стран мира. В России сегодня функционируют почти четыре тысячи организаций, выполняющих исследования и разработки. Основу научного сектора составляют самостоятельные научно-исследовательские организации, обособленные от сфер производства и образования. В 2007 г. их удельный вес в общей совокупности организаций научно-технического комплекса страны составил более 50%.

За период 1990–2007 гг. общее количество организаций, выполняющих исследования и разработки, сократилось почти на 15%, а организаций, занятых проектированием и внедрением производственных технологий, — в разы. Основной причиной такой диспропорции стало резкое снижение платежеспособного спроса на результаты научно-технической деятельности в начале экономических реформ. В результате наиболее сильно пострадали именно те научные организации, которые были непосредственно завязаны на производство. Несмотря на то, что в последние годы экономическая ситуация заметно улучшилась, масштабный спрос на научные результаты еще не восстановлен.

В России недостаточно развита фирменная наука — научные подразделения на промышленных предприятиях. В 2007 г. доля промышленных предприятий, выполняющих исследования и разработки, вместе с опытными заводами в общем числе научных организаций составила примерно 8%. Как показывает опыт развитых стран, именно научно-технические лаборатории крупных промышленных компаний обладают явным преимуществом на рынках инновационной продукции. А в России за годы реформ доля промышленных предприятий, выполняющих исследования и разработки, за период 1990–2007 гг. снизилась с 10 до 7%.

Другой особенностью институциональной структуры российской науки является крайне слабое «присутствие» высшей школы. Доля

высших учебных заведений, выполняющих исследования и разработки, составила в 2007 г. чуть более 12%. В настоящее время научную деятельность ведут только 45% российских вузов.

Отдельного внимания заслуживает структура научных организаций по формам собственности. В последние годы увеличивается доля организаций, находящихся в частной собственности (с 5 до 16% за период 1995–2007 гг.), но резко сокращается в смешанной (частно-государственной) собственности (с 20 до почти 10% с 1995 по 2007 г.). В целом в России в государственной собственности в 2007 г. находилось более 70% общего числа организаций, выполняющих исследования и разработки. Таким образом, процесс реформирования российской экономической системы, включая ее разгосударствление, практически не повлиял на улучшение институциональной структуры науки.

Рост финансовых вливаний в науку в последние годы все же не позволил компенсировать их масштабное сокращение в начале реформ. Так, объем ассигнований на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2007 г. достиг немногим более 40% от уровня 1991 г. Объем внутренних затрат на исследования и разработки в пересчете по паритету покупательной способности по предварительной оценке это всего 23,5 млрд. долл. США в 2007 г., что существенно ниже, чем в большинстве развитых и некоторых развивающихся странах (США — 343,7 млрд. долл. США, Япония — 138,8, Китай — 86,8, Германия — 66,7, Корея — 35,9). Таким образом, если в 1991 г. по масштабам финансирования науки Россия уступала лишь США, Японии, Германии и Франции, то в настоящее время она опустилась на 9-е место. По показателю внутренних затрат на науку Россия занимает 29-е место в мире. Наша страна отстает от большинства развитых государств и по объему затрат, который приходится на одного исследователя — 50,1 тыс. долл. США. Для сравнения в Германии на одного исследователя приходится 236,4, в США — 233,8, а в Корею — 179,4 тыс. долл. США. Своеобразие России состоит и в том, что спрос на научно-техническую продукцию формируется преимущественно за счет государства, которое вынуждено компенсировать низкую инвестиционную активность бизнеса, а также недостаточную эффективность налоговых, законодательных и других инструментов поддержки научной и инновационной деятельности. В отличие от стран с развитой рыночной экономикой, в которых 60–75% расходов на науку финансирует частный сектор, у нас соизмеримые «проценты» обеспечиваются бюджетом. При этом зависимость науки от бюджета в последние годы даже усиливается. Отечественная наука лишь в незначительной степени ориентирована на потребности экономики и общества. По данным 2006 г.

на социальные цели приходилось чуть более 4% общего объема внутренних затрат на исследования и разработки, а на повышение экономической эффективности и технологического уровня производства (в рамках цели «развитие промышленности») — немногим менее 3%. Мало ресурсов направляется на поддержку наукоемких отраслей: производства автомобилей и прочих транспортных средств — 5%, электронной промышленности и производства оборудования для радио, телевидения и связи — не более 3%, производства электрических машин и аппаратуры — менее 0,5%, приборов — чуть более 2%. Относительно небольшие средства тратятся на исследования и разработки в области охраны здоровья населения (2% общего объема внутренних затрат), что противоречит общемировым тенденциям, поскольку практически всем развитым странам удалось добиться ощутимого изменения структуры расходов в пользу именно этого направления.

В России пока не наблюдается улучшения условий для закрепления в науке профессиональных кадров. При некоторой стабилизации численности квалификационные и возрастные диспропорции в их структуре усиливаются. Численность исследователей за период 2000–2007 гг. сократилась на 8%, а численность техников за тот же период — на 14%, вспомогательного персонала — на 13,5%. В целом на долю вспомогательного и прочего персонала приходится более 40% всего персонала, занятого исследованиями и разработками. И этот показатель все последние годы практически не менялся. Увеличение доли исследователей в возрасте до 29 лет в их общей численности за период 2002–2006 г. с 13 до 17% пока не повлияло на возрастной состав исследователей: из них почти 50% старше 50 лет. Средний возраст исследователей достиг 49 лет, кандидатов наук — 53, а докторов наук — 61 года. Возраст старше 60 лет имеют 23% исследователей.

В настоящее время нет оснований говорить о крупномасштабных технологических прорывах в промышленности, интенсивном освоении результатов исследований и разработок (ИиР). Восприимчивость бизнеса к нововведениям, особенно технологического характера, остается низкой. В 2007 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли только 9% от общего числа предприятий отечественной промышленности, что в разы ниже значений, характерных для Германии (73%), Ирландии (61%), Бельгии (58%), Эстонии (47%), Чехии (41%). Инновационная активность предприятий заметно сдерживается состоянием институциональной среды. К инновациям более всего расположены крупные, экономически состоятельные предприятия, имеющие достаточные финансовые, кадровые и интеллектуальные ресурсы. Чем крупнее предприятия, тем выше

среди них доля инноваторов. Очевидные успехи демонстрируют высокотехнологичные отрасли, предприятия которых не отличаются ни объемами производимой продукции, ни крупными инвестициями. Их инновационная активность превысила 30%, что близко к среднеевропейскому уровню. В этом случае значение имеют не только более развитый научный потенциал, наличие квалифицированных кадров, высокие инновационные затраты и ориентация на внешние рынки сбыта, но и определенная поддержка со стороны государства в ее различных формах. Однако из-за ограниченности объемов производства эти отрасли пока слабо влияют на инновационное «качество» российской экономики в целом. В среднетехнологичных отраслях интенсивность инновационных процессов в 1,5–2 раза, а в низкотехнологичных — в 5 раз ниже, чем в высокотехнологичных отраслях. Среди устойчивых аутсайдеров — издательская и полиграфическая деятельность (2,7%), производство одежды (3,3%), обработка древесины и производство изделий из дерева (4,6%).

Сегодня рост заметен только для тех типов инноваций, которые непосредственно связаны с внедрением: приобретение оборудования, производственное проектирование, технологическая подготовка производства и др. Предприятия почти всех отраслей предпочитают прочим инновациям закупки овестьствованных технологий, то есть машин и оборудования. В 2007 г. этим занимались 67% предприятий (в 1995 г. — 49%).

Создание инновационных заделов перестало быть приоритетом для предприятий: в 1995 г. ими занимались 58% компаний, а в 2007 г. — только 33%. Исключение составляют высокотехнологичные отрасли, где собственные исследования ведут более 50% организаций. Примерно такая же картина характерна и для затрат на ИиР: в 2007 г. их удельный вес в общем объеме затрат на технологические инновации составил 17,3%, а в высокотехнологичных секторах — 38,2%.

Крайне острая проблема, с которой сталкиваются отечественные инноваторы, — нехватка квалифицированного персонала. Инициирование инноваций, освоение сложных технологических процессов и новой продукции требует кадров соответствующей квалификации, серьезный дефицит которых наблюдается практически во всех отраслях.

Традиционно невелика доля предприятий, затрачивающих средства на приобретение новых технологий, в частности, прав на патенты и патентные лицензии. По приобретению технологий на передовые позиции выходят среднетехнологичные отрасли, компенсируя, таким образом, недостаток собственных ИиР. В масштабах экономики России эффект от инновационной деятельности практически не заметен. В 2007 г. доля инновационной продукции в общем объеме товаров,

работ, услуг составила всего 5,5%. В высокотехнологичных отраслях доля инновационной продукции в два раза выше. Самые же высокие значения отмечаются в среднетехнологичных отраслях высокого уровня (13,8%), в том числе в производстве автомобилей — почти 24,4%. Низкая в целом результативность инноваций заметно ослабляет конкурентные позиции российских производителей на внешних рынках. Подавляющая часть их экспорта приходится на продукцию, не подвергавшуюся технологическим изменениям, а доля инновационных товаров, работ и услуг составляет всего около 8%. Таким образом, недостаточный уровень инновационной активности усугубляется низкой отдачей от реализации технологических инноваций.

В нашей стране процессы создания передовых производственных технологий, базирующихся на применении компьютеров, микроэлектроники и предназначенных для использования при проектировании, производстве или обработке продукции, характеризуются многолетним спадом (за период 1997–2005 гг. на 36%). Падение особенно заметно при создании производственных технологий связи и управления (на 56%), проектирования и инжиниринга (38%), автоматизации погрузочно-разгрузочных операций (55%), а также производственных информационных систем (46%). Одновременно из-за общего невысокого технологического уровня производственной базы, невозможности изготовления многих видов наукоемкой промышленной продукции, на которую имеется высокий внутренний спрос, усиливается зависимость от зарубежных поставок готовой продукции.

В то же время рост импорта производственных технологий позволил частично компенсировать результаты кризиса промышленного производства 1991–1999 г. и технологического спада, который продолжается в России до сих пор. С 1997 г. общее число используемых в российской промышленности передовых производственных технологий (собственных и импортированных) увеличилось в 2,6 раза. При этом в области проектирования и инжиниринга, связи и управления число технологий выросло в 6 раз, информационных систем — в 4 раза. Удельный вес технологий, используемых менее пяти лет, вырос примерно в 2 раза. В основном обновление коснулось систем компьютерного проектирования и инжиниринга, а также связи и управления. Но почти 20% всех производственных технологий применяются более 10 лет. В основном это технологии производства, обработки и сборки. В данную возрастную группу входят до 40% используемых технологий. С учетом скорости происходящих в мире технологических изменений эти технологии являются передовыми только с точки зрения дефиниций, но не реального уровня.

Хотя изобретательская активность в России в последние годы растет (наблюдается ежегодный прирост количества патентных заявок, поданных в Роспатент), ее уровень (количество заявок на 1 млн. населения) ниже, чем в других развитых странах (в 3–4 раза по сравнению с Германией и США, в 18 раз — Японией). По общему числу заявок, поданных с указанием страны, Россия занимает лишь 24 место в мире, уступая Японии, США, Германии, Великобритании и некоторым другим странам. Организации и предприятия либо вовсе не заинтересованы в патентовании результатов исследований и разработок, либо вынуждены отказываться от поддержания патентов. Более 80% всех документов по правам на объекты промышленной собственности приходится на патенты на изобретения и только 5% — на патенты промышленных образцов. По разным оценкам не более 2–5% патентов реализуется в экономической деятельности. Лишь около 1% патентов на изобретения используется при создании передовых производственных технологий.

Несмотря на количественный перевес сделок по экспорту технологий, суммарные выплаты по импорту в 2006 г. в два с лишним раза превысили объем поступлений от экспорта технологий. Отличительной чертой российской торговли технологиями является преобладание неохраноспособных видов интеллектуальной собственности, значительно менее ценных с коммерческой точки зрения. В экспорте технологий доминируют инжиниринговые услуги (36,4%), а также результаты исследований и разработок, не защищенные патентами (34,3%). Средняя стоимость предмета соглашения по импорту технологий более чем в 1,5 раза превышает среднюю стоимость соглашения по экспорту, что является признаком неэффективности торговли технологиями, усиления технологической зависимости России от зарубежных стран.

Основными российскими экспортерами технологий в 2006 г. были предприятия обрабатывающих производств, строительные компании, научные организации, прежде всего отраслевые научные институты. Наиболее быстро рынок отечественных технологий развивается в машиностроении (рост договоров в 4,5 раза за 1995–2005 гг.), нефтегазодобывающей (почти в 3 раза), легкой и пищевой промышленности (в 2 раза), электронике, вычислительной технике и приборостроении (почти в 2 раза). Самый большой удельный вес экспортных поступлений, почти 40%, получают предприятия, находящиеся в иностранной собственности. В структуре импорта доминируют инжиниринговые услуги (в 2006 г. почти 60%).

Положительным фактором, который может оказать заметное воздействие на развитие страны в долгосрочной перспективе, явля-

ется расширение масштабов и географии торговли российскими технологиями. Технологический обмен ведется со 110 странами (в 1999 г. — 77). Однако при этом география сделок достаточно четко отражает реальные возможности участия России в технологическом обмене. Основной тенденцией является переориентация России на рынки развивающихся стран и стран переходной экономики. Так, за период 1999–2006 гг. доля государств третьего мира в российском технологическом экспорте повысилась: практически утроилась, а стран СНГ — удвоилась. Поступления от экспорта в Китай выросли более чем в 5 раз, а в Индию в 37 раз. Основными покупателями российских технологий из стран ОЭСР являются Нидерланды, США, Великобритания и Германия. В структуре импорта технологий Россия ориентируется на наиболее развитые страны мира, и эту тенденцию, по-видимому, следует считать одной из самых устойчивых в долгосрочной перспективе. Основной объем выплат по импорту технологий приходится на США, Швейцарию, Великобританию, Германию, Финляндию (доля стран ОЭСР в целом составляет почти 3/4).

Россия имеет все основания для того, чтобы стать равноправным партнером промышленно развитых стран в области международного научно-технического обмена и на равных конкурировать с ними.

Единственный путь для вхождения России в международный технологический обмен и на рынок технологий — использование накопленного научно-технического потенциала.

Литература

1. Андрианов В. Конкуренентоспособность России в мировой экономике // МЭ и МО, 2000, № 3, с. 47–57.
2. Контуры инновационного развития мировой экономики: прогноз на 2000–2015 гг. / Под ред. д.э.н. А.А.Дынкина — М.: Наука, 2000.
3. Концепция долгосрочного прогноза научно-технического развития Российской Федерации на период до 2025 г. — М.: Минобрнауки РФ, 2006.
4. Индикаторы инновационной деятельности: 2008. Статистический сборник. — М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
5. Индикаторы науки: 2008. Статистический сборник. — М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
6. Наука России в цифрах: 2007. Статистический сборник. — М.: ЦИСН, 2007.
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года. — М.: Ин-т экономических стратегий, 2006.

Глава 5. РАССЕЛЕНИЕ, МИГРАЦИИ, КОНФЛИКТЫ

Лухманов Д.Н., Епифанова А.А.

Изменение расселения в Центральном Черноземье (основные тенденции конца XX — начала XXI в.)¹

Интерес к изучению динамики расселения Центрального Черноземья вызывает заметная тенденция областей, составлявших в 50–60-е годы XX в. достаточно единый по основным показателям населенности регион, «разбегаться» по своим, все более и более индивидуальным, траекториям.

Областные особенности

Ниже рассматриваются некоторые итоги анализа фоновых пространств, на которых протекает эволюция первичных (сельсоветских) систем расселения. Содержание такой эволюции — структурные и территориальные изменения расселенческой и демографической ситуации. Их устойчивость позволяет говорить о региональных (но далеко не всегда ограниченных границами административных регионов) типах эволюции расселения как о результате эволюции его низовых систем.

Исследования всего Центрального Черноземья или его частей с близкими целями проводились и ранее [1–7 и др.]. Границы Центрально-Черноземного экономического района в том виде, в каком он ниже будет рассматриваться, сложились в начале 1960-х гг. — после отнесения входившей в него до этого Орловской области к Центральному району. В это время по ряду основных признаков — плотности населения, густоте расселения, степени урбанизированности, формам и типам сельского расселения, области в составе района, мало различались между собой.

К началу 1961 г. (данные переписи населения 1959 г. были опубликованы с учетом изменений, произошедших за 1959–1960 гг.) пло-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ (грант 08-02-00120а).

лось число городских жителей и почти в два раза уменьшилось число сельских жителей.

Воронежская область — общее уменьшение численности населения на 75 тыс. чел., то есть на 3%, при сравнительно небольшом росте численности городского населения (в 1,7 раза) и наименьшем среди всех регионов Черноземья сокращении сельского населения.

Курская область — вторая среди областей Черноземья по уменьшению общей численности населения (больше потеряла только Тамбовская область), городское население выросло и в абсолютных, и в относительных величинах немного больше, чем в Липецкой области, сельское уменьшилось более чем на 0,7 млн. чел. (на 46%).

Основное, чем отличается динамика населения Тамбовской области, — наибольшие относительные потери всего населения: наименьший рост числа городских жителей и наибольшее уменьшение числа сельских.

Обобщающим показателем эволюции населенности может служить динамика плотности населения (табл. 2).

Как и в большинстве других регионов России, рост численности городского населения во многом был обеспечен ростом числа жителей областных центров. Так, увеличение числа жителей Белгорода дало более 1/3 общего прироста городского населения области, Курска и Тамбова — половину прироста, Воронежа — 2/3 прироста, Липецка — 87%. Отметим, что только в Курской области доля столичного города в городском населении снизилась (табл. 3).

Таблица 2

Плотность населения в областях Центрального Черноземья (тыс. чел. /км²)

Годы	Области				
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Тамбовская
1959	45,2	45,2	49,8	47,3	45,2
1970	46,5	48,2	49,5	50,8	44,1
1979	48,1	47,3	46,9	50,8	40,5
1989	50,9	47,1	44,9	51,1	38,5
2002	55,8	45,4	41,4	50,3	34,3
2007	55,5	43,8	39,3	48,7	32,6

Источники: Итоги переписей населения 1959, 1970, 1970, 1989 и 2002 гг. и справочник «Численность населения Российской Федерации на 01.01.2007 г.» (Росстат). Необходимые пересчеты опубликованных данных сделаны авторами.

Таблица 3

Изменение численности населения областных центров Центрального Черноземья (1959–2006 гг.)

Города	Число жителей (тыс. чел.)		Доля (%)			
			во всем населении области		в городском населении области	
	1959 г.	2007 г.	1959 г.	2007 г.	1959 г.	2007 г.
Белгород	72,3	348,1	6	23	29	35
Воронеж	447	840,7	19	37	53	58
Курск	205	405,9	14	35	64	55
Липецк	157	502,6	14	43	45	67
Тамбов	172	281,8	11	25	40	44

Медленнее росли городские поселения, входящие в системы расселения административных районов (см. табл. 1). Количество «урбанизированных» районов (с городскими поселениями) составляло в 1959 г. от 1/4 (Тамбовская область) до 55% (Воронежская область); к 2007 г. их доля выросла в 1,5–2 раза. Это произошло как за счет преобразования ряда райцентров — сельских поселений в города, так и в результате сокращения числа районов при перекраивании районной сетки: на треть стало меньше районов в Белгородской области, на четверть — в Воронежской и Липецкой, на 12–15% — в Курской и Тамбовской. Исчезали в результате присоединения к другим районам, как правило, наиболее слабые и депопулирующие сугубо сельские районы. Переустройство привело к тому, что доля городского населения в общей численности населения районов выросла в 2–3 раза. Несмотря на рост числа районов и численности городского населения в них, средняя численность их жителей (за исключением Белгородской области) уменьшилась: в Курской и в Тамбовской областях — почти вдвое, в Липецкой — на 15%, в Воронежской — на 10% (табл. 4).

Одновременно с сокращением в 1959–2006 гг. численности сельского населения уменьшалось и количество сельских населенных пунктов, хотя сценарии обоих процессов различались и территориально, и во времени: изменение количества населенных пунктов, если это естественный процесс, а не следствие катаклизмов, обычно инерционно по отношению к изменению числа их жителей.

В целом по Черноземью количество сельских населенных пунктов уменьшилось с 16,6 тыс. в 1959 г. до 9,2 тыс. в 2002 г. Больше всего — и по количеству, и по доле — потеряла Тамбовская область, меньше всего — Курская (табл. 5).

Таблица 4
Изменение размеров среднестатистических административных районов (1959–2007 гг.)

Области	Территория (км ²)		Численность населения (тыс. чел.)			
			Всего			
	1959 г.	2007 г.	1959 г.	2007 г.	1959 г.	2007 г.
Белгородская	870	1290	35,7	35,2	31,6	24,2
Воронежская	1280	1690	44,6	40,6	36,2	27,5
Курская	900	1060	38,7	20,7	35,2	15,4
Липецкая	1000	1340	37,1	31	32,9	23,6
Тамбовская	1320	1490	45,6	25,2	43	20,6

Таблица 5
Изменение сети сельских населенных пунктов (1959–2002 гг.)

Области	Количество сельских населенных пунктов		Изменение количества сельских населенных пунктов (2002 г. в % от 1959 г.)	Количество сельских населенных пунктов на 1000 км ² , 2002 г.	Средняя людность сельских населенных пунктов (чел.)	
					1959 г.	2002 г.
	1959 г.	2002 г.			1959 г.	2002 г.
Белгородская	2842	1543	54	57	345	341
Воронежская	3596	1747	49	33	426	519
Курская	3680	2722	74	91	316	176
Липецкая	2871	1540	54	64	275	281
Тамбовская	3661	1659	45	48	306	304

Заселенность территории уменьшилась весьма неравномерно. В среднем размеры территории, приходящейся на одно сельское поселение, выросли в большинстве областей почти в два раза, однако усилились ленточные и очаговые формы размещения населенных пунктов. При этом пространственная эволюция выражена намного четче, чем структурная: расширение старых и появление новых незаселенных ареалов происходит зачастую при мало заметном изменении распределения сельского населения по пунктам разной величины и отсутствии значительных изменений средней людности поселений, исключения составляют Воронежская и Курская области (см. табл. 5).

Областные тенденции изменения структуры сельских населенных пунктов по людности состоят в следующем:

- в Белгородской области в течении нескольких десятилетий сохраняется одна и та же средняя людность и тип структуры;
  - в Воронежской области неизменно самая высокая доля населения в крупных населенных пунктах и самая низкая (и постоянно снижающаяся) в малых приводит к заметному росту средней людности;
  - в Курской области отчетливо выражено перемещение акцента в сторону малых поселений (давно наметившийся сдвиг структуры к северо-центральному типу), вызывающее почти двукратное уменьшение средней людности сельских поселений;
  - Липецкая область — типичный пример медленной, но устойчивой концентрации сельского населения в относительно крупных поселениях;
  - в Тамбовской области растет доля средних по размеру поселений. Можно сделать два предварительных вывода.
1. Каждая из областей Центрального Черноземья представляет свой, отличный от соседей по экономическому району, тип эволюции расселения.
  2. Динамика всех параметров за 1959–2002 гг. в целом и между каждыми переписями населения свидетельствует именно об эволюционности, постепенности всех сдвигов.

Внутриобластные особенности

Для выявления местных географических особенностей исследуемых параметров проведен более дробный анализ по 121 административному району и 23 городам областного подчинения. В составе районов население 28 городов и 75 поселков городского типа (на начало 2008 г.) рассматривалось вместе с сельским.

**Распределение районов Центрального Черноземья
по степени изменения численности их населения за 1959–2006 гг. (%)**

Изменение численности всего районов	Области				ЦЧР
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе районов, в которых численность населения увеличилась					
10,0	7,0	4,0	—	—	4,0
в том числе районов, в которых численность населения уменьшилась					
менее, чем на 10%	—	3,5	—	6,0	4,5
на 10–20%	—	14,5	—	—	—
на 20–30%	30,0	7,0	—	11,0	—
на 30–40%	20,0	21,5	—	22,0	4,5
на 40–50%	25,0	25,0	26,0	39,0	18,0
на 50–60%	15,0	18,0	40,5	22,0	41,0
на 60–70%	—	3,5	29,5	—	32,0

Изменение населенности внутри областей проходило крайне неравномерно, что хорошо видно по распределению районов по величинам динамики числа их жителей (табл. 6). Число жителей увеличилось менее чем в десяти районах: они примыкают к центрам областей или являются ближайшим пригородом быстро развивающегося города, обычно — второго в регионе. Практически то же можно сказать и о районах, потерявших менее 20% жителей. Больше чем наполовину сократилось население более чем в 2/5 всех районов, еще примерно в таком же количестве районов — сократилось на 25–50%.

По количеству (доле) районов с различными результатами уменьшения населенности области мало похожи друг на друга: на 50–70% сократилось население в 7/10 районов Курской области, а в Белгородской области несколько больше половины населения потеряли только 15% районов. Разброс по темпам потерь наибольший в Воронежской области и наименьший в Белгородской и Курской.

В 1959 г. наиболее крупными ареалами высокой (по условиям Центрального Черноземья) плотности населения были компактные группы районов, обычно примыкавшие к областным центрам или формирующие хорошо заметные полосы расселения — на западе и в центре Белгородской области, в западных частях Воронежской и Курской областей, в центре Липецкой области и на севере в приграничных районах Липецкой и Тамбовской областей. Зоны наиболее низкой плотности располагались на востоке Тамбовской области, занимая почти половину территории, на юге Воронежской и востоке Белгородской (рис. 1).

Существенные изменения рельефа населенности за 1959–2006 гг. сводятся к следующему (рис. 2):

1. Наиболее обширные зоны максимального (более, чем вдвое) снижения численности населения охватывают примерно по 3/4 Курской и Тамбовской областей. В других областях районы с такими потерями населения единичны.
2. Наиболее крупные ареалы районов, в которых численность населения снизилась на четверть-половину, находятся на юге и севере Липецкой области, занимают значительную часть северной половины Воронежской области и востока Белгородской.
3. Районы, в которых численность населения уменьшилась меньше чем на четверть, образуют достаточно выраженные ареалы (по три соседствующих района) только в Белгородской и Воронежской областях. В этих же областях небольшие ареалы образуют районы с увеличившейся или практически стабилизировавшейся численностью населения.

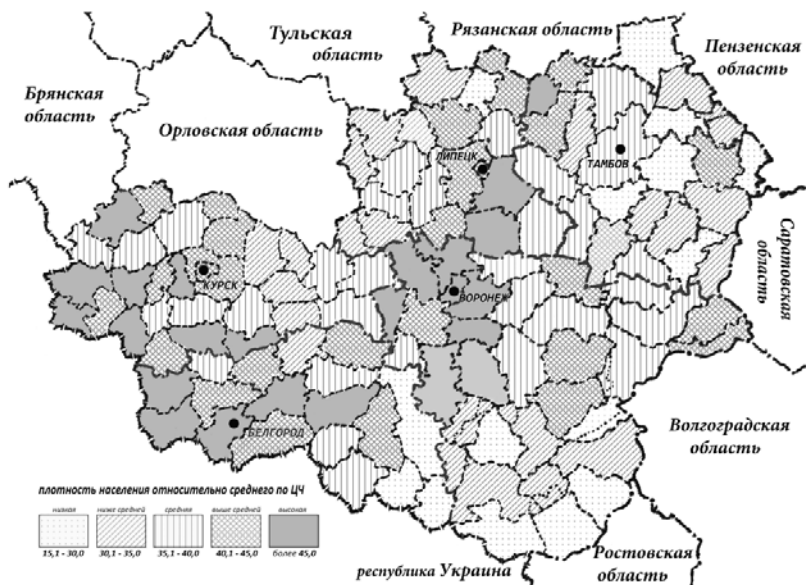

Рис. 1.

Рис. 2.

К 2007 г. осталось две зоны относительно высокой плотности населения. Самая крупная и четко выделяющаяся — это десять западных и южных районов Белгородской области, другая — четыре района Липецкой области. В Курской области ареал высокой плотности населения это Курско-Курчатовский субрегион, в Тамбовской — только сам Тамбовский район, в Воронежской — ближайшее окружение Воронежа и отдельные районы в основном на западе. Зона низкой или, во всяком случае, ниже средней плотности к 2007 г. включила почти целиком Тамбовскую область, за небольшим исключением восточную и южную периферии Воронежской, подавляющую часть Курской области и даже юго-восточный «угол» Белгородской (рис. 3).

Для выявления причин той или иной динамики населенности разных районов проведен анализ зависимости между знаком и величиной изменения населенности ареала расселения и его географическим положением — в данном случае удаленностью от областного центра. Она определяется положением района в том или ином поясе соседства по отношению к центру (1-й и 2-й пояса — центральная зона, 3 и 4-й пояса — срединная зона, 5-й и 6-й пояса — дальняя периферия). Анализ показал следующее (табл. 7).

Рис. 3.

Таблица 7

Распределение районов, различно удаленных от областных центров, по характеру изменения численности населения (1959–2006 гг.)

Характер изменения численности населения	Число районов по поясам (%)			
	1–2	3	4	5–6
Увеличение	4,8	—	—	14,3
Уменьшение				
менее чем на 10 %	2,4	—	4,3	—
на 10–20%	4,8	—	—	14,3
на 20–30%	11,9	11,1	—	21,4
на 30–40%	7,1	19,4	13,0	14,3
на 40–50%	33,3	19,4	30,4	14,3
на 50–60%	23,8	27,8	39,1	21,4
на 60–70%	11,9	22,2	13,0	—
Всего районов	100,0	100,0	100,0	100,0

1. Увеличение численности населения произошло только в районах, непосредственно примыкающих к областным центрам, и в некоторых ареалах наиболее удаленной периферии.
2. Дальняя периферия отличается, кроме того, большой долей районов, мало потерявших население.
3. Доля районов, в которых потери численности населения наиболее высоки, увеличивается по мере удаления от центров: более половины жителей потеряли в 1-м и 2-м поясах около 1/3 районов, в 3-м поясе — 50%, в 4-м поясе — 52% районов.

Территориальная неравномерность изменения численности населения привела к заметному перераспределению долей районов по относительной плотности в пределах областей (табл. 8).

В центральной зоне доля районов с плотностью ниже средней увеличилась с 1/4 в 1959 г. до 37% в 2007 г.; с плотностью выше средней уменьшилась с 52 до 37%. Доля районов с плотностью ниже средней увеличилась также в срединных зонах: в 3-й — с 30 до 54%, в 4-й — с 30 до 58%. Только на дальней периферии доля районов с плотностью населения ниже средней уменьшилась с 71 до 57%. Доля районов с плотностью населения выше средней, напротив, уменьшилась во всех зонах, кроме дальней периферии; в 3-й зоне — с 36 до 24%, в 4-й зоне — с 35 до 25%.

Таблица 8

Распределение районов, различно удаленных от областных центров, по плотности населения в 1959 г. и 2007 г.

Плотность населения	Чел./км ²	Число районов по поясам (%)			
		1–2	3	4	5–6
1959 г.					
Низкая	15–30	14,3	2,8	8,7	42,9
Ниже средней	30–35	9,5	27,8	21,7	28,6
Средняя	35–40	23,8	33,3	34,8	7,1
Выше средней	40–45	26,2	16,7	17,4	14,3
Высокая	более 45	26,2	19,4	17,4	7,1
Итого районов (%)		100,0	100,0	100,0	100,0
2007 г.					
Низкая	10–15	13,0	24,3	25,0	7,1
Ниже средней	15–20	23,9	29,7	33,3	50,0
Средняя	20–25	26,1	21,6	16,7	14,3
Выше средней	25–30	10,9	10,8	8,3	14,3
Высокая	более 30	26,1	13,6	16,7	14,3
Итого районов (%)		100,0	100,0	100,0	100,0

Интересно, что зональная структура совокупности районов с плотностью выше средней почти не изменилась: в 1959 г. она состояла на 48% из районов центральной зоны, на 28% — 3-й зоны, на 17% — 4-й зоны и на 7% из районов дальней периферии; в 2007 г. районы центральной зоны составляли 47%, 3-й зоны — 25%, 4-й зоны — 17%, дальней периферии — 11%.

Литература

1. *Бородин Т.Л.* Влияние миграции на динамику численности населения Белгородской области // Проблемы приграничных регионов России. М., 2004.
2. *Бородин Т.Л., Лухманов Д.Н.* Динамика расселения в Чернозёмном Центре России — современные тенденции (на примере Курской области) // Эволюция расселения в СССР. М., 1988, ч. I.
3. *Лухманов Д.Н.* Динамика и устойчивость структур сельского расселения // Вопросы географии, сб. 132. М., 1988.
4. Генезис и динамика расселения (опыт историко-географического изучения этапов формирования) // Изв. АН СССР, сер. геогр. 1991, № 5.
5. *Лухманов Д.Н.* Эволюция сельского расселения в 1959–1989 гг. // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
6. *Лухманов Д.Н., Олешкевич Е.П.* Карта населенности европейской территории России // Рукопись. М., ИГ РАН, 2007.
7. *Попкова Л.И.* География населения российско-украинского приграничья. Смоленск: Универсум, 2005.
8. *Тархов С.А.* Административно-территориальное деление (России) // Большая Российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2004.

Багаева Н.Э.

Беженцы и вынужденные переселенцы в Северной Осетии: история и современность

В XXI в., веке казалось бы развитых технологий и прогрессивного развития мы все еще поражаемся какой жестокой может быть человечество. Проблема беженцев не иссякает. Проблема беженцев и вынужденных переселенцев все еще не решена, тогда в начале 2000-х гг. нами (под науч. рук. к.г.н. Д.Н. Лухманова) было проведено диссертационное исследование о роли вынужденных миграций в эволюции заселения территории Северной Осетии, который охватывал период времени с XVIII в. по конец XX в., и нам казалось, что это вероятный конец массовым вынужденным переселениям. Конечно, большая часть материалов принадлежала современному периоду — второй половине XX в. Это время, наибольшего притока беженцев на территорию России из бывших советских республик. Но время показало, что война в Южной Осетии в августе 2008 г. спровоцировала новый массовый приток беженцев и вынужденных переселенцев на территорию России, в частности в Северную Осетию. События августа 2008 г. потрясли весь мир. Мы не ставим своей целью, в данной статье, рассмотрение социально-экономических и политических проблем Южной Осетии, однако, к сожалению, повторился печальный опыт 1920-х и 1990-х гг., когда опять десятки тысяч людей были вынуждены покинуть свои дома из-за войны.

Вынужденные миграции уже в XIX — начале XX в. сыграли значительную роль в заселении современной территории Северной Осетии. В результате активных миграционных процессов, происшедших в течение последних двух десятилетий на территории республики, состав ее населения значительно изменился. В результате внешних миграций практически полностью сформировалась сеть поселений на Моздокской равнине и частично на Осетинской.

Горы в течение многих веков служили убежищем для местного населения. Только после того как была исчерпана демографическая емкость горных ареалов, а жизнь на прилегающих равнинах стала относительно безопасной, началось движение с гор на равнины. Роль миграций, как внешних, так и внутренних, существенно менялась в разные исторические периоды. Менялось и значение их в изменении расселения — иногда миграции были причиной возникновения и исчезновения только отдельных селений, иногда — целых «полос»

или «пятен» расселения. А иногда — в результате миграций новые поселения не возникали, но существенно менялась людность населенных пунктов, их функции и даже характер обитаемости: сезонно обитаемые превращались в постоянно обитаемые и наоборот.

В результате проведенного исследования было выявлено:

1. Общая характеристика основных процессов, повлиявших на формирование и эволюцию расселения, начиная с XVIII в. и до наших дней, выглядит следующим образом:
  - XVIII — середина XIX в. — время основания Моздокской и Сунженской линии военных укреплений и заселения предгорий и равнин коренным населением. Этап характеризуется развитием торговли, социально-экономических и культурных связей с другими Кавказскими регионами и Россией.
  - Середина XIX — начало XX в. — развитие промышленных, транспортных и строительных поселений. Это время неконтролируемой миграции, безземельных переселенцев из других регионов Кавказа, а также из России и Украины.
  - 1900–1920-е гг. отличаются крупным притоком беженцев из Поволжья, Южной Осетии, Кабарды, Армении и других регионов. Впервые в истории Осетии получен опыт решения проблем беженцев — репатриация, выделение ссуд, создание отдельных поселений для них, переселение в другие регионы с созданием соответствующих условий для жизни.
  - 1930-е гг. — большой приток внешних мигрантов, в первую очередь увеличение русскоязычного населения, научных кадров, направляемых для работы на заводы и в ВУЗы Северной Осетии.
  - Для 1940–1950-х гг. характерны эвакуации, депортации целых народностей, послевоенные компенсационные движения и реабилитация репрессированных народов.
  - 1960–1980-е гг. — стабилизация миграционных потоков. Крупные волны миграций практически отсутствовали.
  - конец 1980-х — 1990-е гг. — наплыв беженцев и вынужденных переселенцев из разных регионов бывшего Союза, в первую очередь, из Грузии и республик Средней Азии.
2. Материалы о миграциях вообще и о вынужденных миграциях в особенности позволяют с допустимой степенью достоверности делать выводы о роли миграции в формировании и эволюции расселения примерно с середины XVIII в. Источниками сведений, позволяющими делать такие выводы, служат, как правило, работы историков. Начиная с 1897 г. имеющиеся материалы поз-

воляют достаточно детально выделить не только ареалы расселения, но и отдельные населенные пункты, формировавшиеся в результате миграций. Появляется возможность создания историко-генетической типологии поселений.

3. Выявлено, что более 1/2 части поселений на территории современной Северной Осетии было основано в результате внешних и внутренних миграций — практически в равной степени. В XIX — начале XX в. сформировались два крупных ареала расселения: *Осетинская равнина* — населенные пункты, образованные внутренними мигрантами, и *Моздокская*, частично Осетинская равнины — населенные пункты, образованные внешними мигрантами, в том числе и вынужденными.
4. В данной работе мы посчитали новым то, что до этого даже в исторических работах по Осетии «вынужденная миграция» никогда не выделялась отдельной категорией и тем более не рассматривалась с географической точки зрения.
5. Выявили также, что общим недостатком статистики миграций, особенно вынужденных, является:
  - практически полное отсутствие до конца 80-х гг. XX в. не только каких-либо качественных, но иногда и количественных характеристик вынужденных миграций, кроме случайных и разрозненных сведений о том что такие миграции были вообще (эти сведения можно встретить в докладах, отчетах, в виде различных статистических таблиц и т.п.)
  - хотя организация Миграционной службы (с 1992 г.) привела к появлению статистической отчетности, сведения иногда носили противоречивый характер из-за применяемой терминологии и отличались недостаточной полнотой статистического материала (невозможно было получить данные по составу семейства, данные о причинах переезда, о жилищных условиях и адаптации вынужденных мигрантов).
6. Нами было установлено, что практически у всех мигрантов в местах вселения социальный статус снижается. Успешность адаптации зависит от соотношения мест выхода и оседания. Например, для беженцев из Закавказья предпочтительным был Владикавказ, т.к. первичное место притяжения для всех — это всегда столица, а сейчас как показало время — это практически все равнинные населенные пункты Северной Осетии, а для выходцев из соседних Северо-Кавказских республик — это Моздокский район. У вынужденных мигрантов адаптация к новым условиям жизни всегда проходит медленнее и труднее, чем у «вольных».

Особенно тяжело происходит процесс привыкания у людей старше 50–55 лет. Как показала практика проблемы адаптации вынужденных мигрантов даже до сих пор недостаточно исследованы.

Я знаю из личного примера очень много людей, которые прошли путь *беженец — вынужденный переселенец — постоянный житель*, переселенцев из Грузии в основном, по всем законам за 15–20 лет они должны были адаптироваться, ведь за это время выросло новое поколение, но у людей старшего возраста ностальгия по Родине только больше и больше.

7. Тогда, когда писалась работа, мы рассматривали возможность добровольного возвращения части вынужденных переселенцев в места их прежнего постоянного проживания, преимущественно это Южная Осетия и внутренние районы Грузии. Однако, что касается внутренних районов Грузии, то эта возможность с каждым годом спадает на нет. Окончательно ухудшились отношения между Грузией и Россией, между Грузией и Южной Осетией, даже если отношения улучшатся, то все равно не верится, что в ближайшие десятилетия произойдет отток населения обратно. А так для обеспечения возвращения в места прежнего проживания основным является: обеспечение жильем; создание рабочих мест; восстановление национальных школ с правом изучения родного языка и литературы; привлечение специализированных кадров — учителей, врачей и т.д.; восстановление сферы бытового обслуживания; соблюдение международных соглашений по правам национальных меньшинств.

Из вышесказанного следует, что роль вынужденных миграций всегда была велика в освоении различных территорий, а также изменения поло-возрастного, национального и религиозного состава уже существующих поселений. Мы надеемся, что не будет больше новых очагов боевых действий, войн и межэтнических конфликтов, но никто не может дать точный прогноз будущего.

В настоящее время все-таки наиболее «горячим» регионом в России остается Северный Кавказ, и от того, по какому сценарию будет развиваться ситуация, будут зависеть судьбы целых народов и республик.

Литература

1. Багаева Н.Э. Роль вынужденных миграций в эволюции заселения территории Северной Осетии. — Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. — 132 с.

2. Бадов А.Д. Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. — Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1993. — 173 с.
3. Лухманов Д.Н., Багаева Н.Э. Роль вынужденных миграций в формировании и эволюции расселения (на примере Северной Осетии) // Известия АН, Сер. геогр., 2000. № 1, С. 56–63
4. Осетинская трагедия. Белая книга преступлений против Южной Осетии. Август 2008 года. — М.: Издательство «Европа», 2008. — 336 с.

Анисимова Т.И.

Таджики и таджикская иммиграция в Россию

Таджикистан — место столкновения геополитических интересов разных государств (Россия, Китай, Узбекистан, Иран, Афганистан, США). После распада СССР Таджикистан оказался отделённым от России, но, в то же время, он остаётся её форпостом в так называемом «подбрюшье» — буферной зоне между РФ и ортодоксальным мусульманским миром — и имеет важное стратегическое значение для нашего государства. Из этого следует, что от взаимопонимания между народами РФ и Таджикистана зависит спокойствие наших южных границ.

Проживание в составе единых государственных образований в течение более 120 лет (сначала в составе Российской Империи, потом — СССР) определило культурные и хозяйственно-экономические связи между народами Таджикистана и России. В настоящее время эти связи играют немаловажную роль в интеграционных процессах на постсоветском пространстве.

Неспокойная политическая обстановка, вооружённые конфликты в самом Таджикистане и на сопредельных территориях плюс тяжелейший экономический кризис 1990-х гг. порождают волны миграций из Таджикистана в Россию. Поскольку таджики составляют часть населения нашей страны, их изучение является необходимым фактором бесконфликтных взаимоотношений на бытовом уровне.

Таджики как этнос

В переводе с иранского Таджикистан означает «страна таджиков». И хотя в настоящее время на территории современного Таджикистана проживает лишь половина всех таджиков мира, именно таджики Таджикистана в наибольшей степени сохранили культуру и этнические особенности своего народа.

Термин «таджик» появляется в VIII в. [2, 7]. Считается, что он состоит из трёх частей:

1. «тадж» — корона, венец
2. «и» — относящийся, принадлежащий к ...
3. «к» — имяобразующая частица.

В народе слово «таджик» использовалось как «человек, имеющий в обществе высокое положение». Также версия такого происхождения слова подтверждается тем, что в погребениях X в. на территории Таджикистана были обнаружены латунные зубчатые короны. Они же изображались на картах этого региона, датированных XII в. [7]. На современном гербе Таджикистана изображена такая корона [12]. Затем так арабы стали называть всё персоязычное население Средней Азии [2] («таджик» — вульгарная форма более официального «Ахль-уль-Аджам» — «иранский народ» по-арабски [2]), то есть таджиков в современном понимании.

Таджики — одна из самых древних национальностей Центральной Евразии. Первым таджикским государством считается государство Саманидов (875–962 гг. н.э.) [1, 7], в рамках которого сложился этнос [1, 2, 7, 11], возникший в результате пассионарного толчка VI в. (рис. 1). В его территорию входили вся территория современного Таджикистана и примыкающие к ней территории современных Узбекистана, Афганистана, КНР и Киргизии. Таким образом, эти территории можно считать районом сложения таджикского этноса. После 962 г. н.э. в результате тюркских завоеваний таджики потеряли свою государственность, но эта территория продолжала оставаться местом компактного проживания таджикского этноса до начала XX в.

Таджики вновь обрели государственность в результате национально-территориального размежевания в 1921–1924 гг., сначала как Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, а с 5 декабря 1929 г. как Таджикская ССР. Но в период национально-территориального размежевания СССР таджики не проявляли особой активности, почему собственно их крупнейшие исторические центры, такие, как Самарканд и Бухара, оказались в составе Узбекской ССР как государства, основанного более молодым и активным этносом (если придерживаться теории

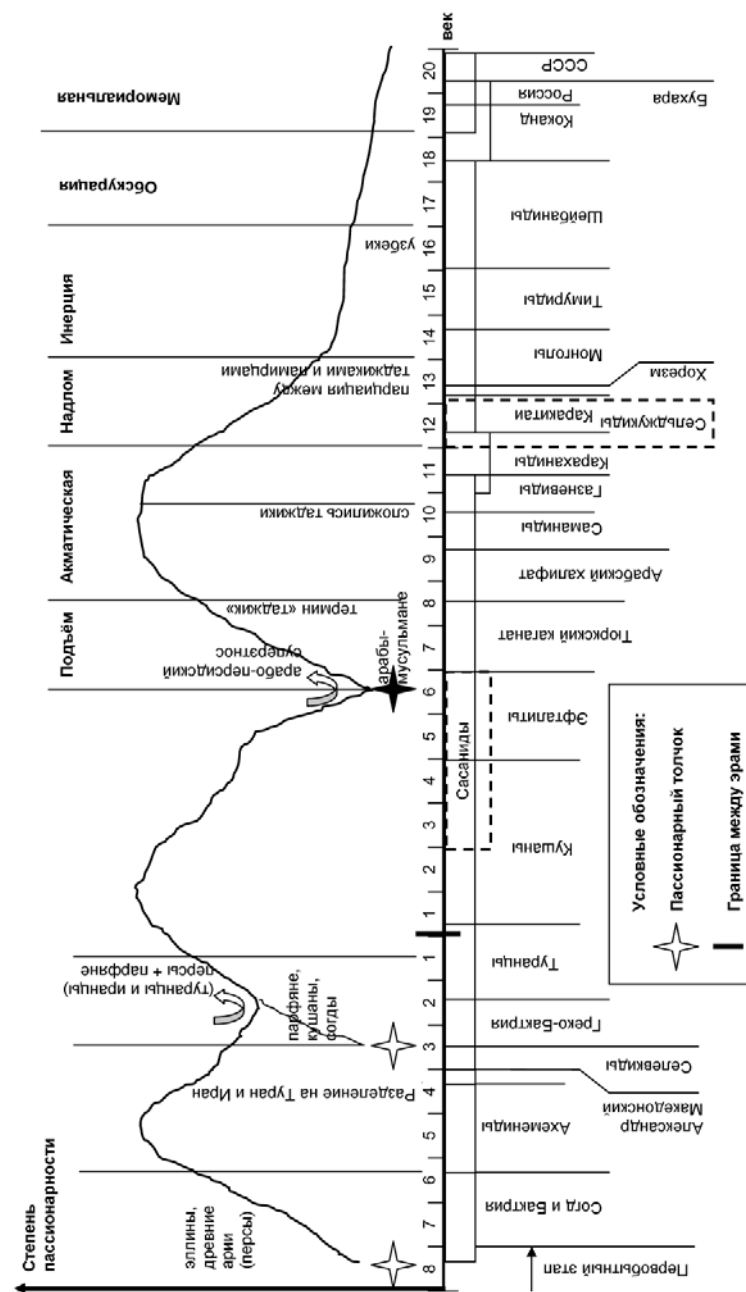

Рис. 1. Диаграмма фаз этногенеза таджиков

этногенеза Л.Н. Гумилёва). 9 сентября 1991 г. Таджикская ССР становится суверенным государством — Республикой Таджикистан [12].

Поскольку основная часть полевых исследований Средней Азии велась в XIX в. в период так называемой «колонизации» Российской Империей, а в настоящее время они очень редки, приходится сталкиваться с очень противоречивыми данными о названиях народов, населяющих регион и Таджикистан в частности. Прежде всего, это путаница с памирцами. Если обратиться к советским источникам, мы найдём информацию о том, что таджики делятся на «равнинных» и «горных» (иногда выделяют ещё и «предгорных» [11]) — памирцев. Если брать современные источники, в них всё чаще разделяют таджиков и памирцев, мотивируя это различиями в языке, в традициях и, прежде всего, в самоопределении [12, 14, 15].

Для того чтобы определиться с решением этой проблемы, обратимся к определению этноса. Поскольку этнология (а не этнография) — молодая наука, определений существует множество и к единому мнению учёные пока не пришли. Я возьму за основу следующее определение: «этнос — устойчивая группа людей, характеризующаяся общностью языка, территории, расы, особенностей быта, культуры, общим национальным и религиозным сознанием [5]». Рассмотрим таджиков и памирцев с точки зрения этого определения.

Культура таджиков и памирцев отчасти схожа, но на культуру собственно таджиков гораздо большее влияние, нежели на культуру памирцев, оказало этническое взаимодействие с арабским и тюркскими

Таблица

Признак	Таджики	Памирцы
1. Язык	таджикский язык западноиранской подгруппы	памирские языки восточноиранской подгруппы
2. Территория	долины, предгорья Таджикистана	Памир (ГБАО)
3. Раса	смешанная	европеоидная
4. Особенности быта (основные проблемы)	равнины — засуха	высокогорья и горные ущелья — транспортное сообщение, малоземелье
5. Культура	сильное инокультурное влияние вследствие завоеваний территории компактного проживания	более самобытная культура вследствие отсутствия контактов в связи со сложным горным рельефом
6. Религия	ислам (сунниты)	ислам (шииты — исмаилиты)
7. Самоопределение	таджики	памирцы (не считают себя таджиками)

народами. Такое явление возникло вследствие различий в территории обитания. Таджики живут в равнинной и предгорной частях Таджикистана, тогда как памирцы ушли от этнических контактов в горные ущелья, разделённые высокими хребтами. Хотя, познакомившись поближе с культурой этих народов, можно прийти к выводу, что, по сути, культура памирцев — это культура предков таджиков со своими изменениями во времени. Здесь, скорее всего можно говорить о таком этническом процессе как парциация — разделение некогда единого этноса на несколько, ни один из которых не отождествляет себя с предыдущим. В то же время, среди памирцев произошла так называемая этническая консолидация — слияние нескольких ранее самостоятельных народов, родственных по языку и культуре, в единый этнос [5]. Они разделены природно (горными хребтами), но объединены административно (ГБАО — Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан). Можно сравнить с народами Алтая или Дагестана.

После всего выше сказанного, можно сделать вывод, что *таджики и памирцы являются на настоящий момент различными этносами*.

Исследователи этнотерриториальной и этносоциальной структуры современного Таджикистана выделяют пять этнотерриториальных групп коренного населения. Дробление на этнотерриториальные группы вызвано объективными географическими (на территории Таджикистана 93% — горы, и 7% — речные долины [1, 7, 11]) и политико-экономическими факторами труднодоступности (особенно сезонной) высокогорных территорий страны. В определенной степени на формирование этнотерриториальных групп оказала влияние история их вхождения за последние два века в разные государственные образования на территории Средней Азии: Бухарского и Кокандского ханства, Туркестанского генерал-губернаторства Российской Империи.

В физико-географическом отношении Таджикистан принято разделять на 4 природно-географические области (иногда отдельно выделяют Ферганскую долину [1]): 1) Северный Таджикистан; 2) Центральный Таджикистан; 3) Юго-Западный Таджикистан; 4) Памир (Западный и Восточный).

Каждая из этих областей различается климатическими условиями, рельефом, антропогенной нагрузкой и этническим составом населения. В Северном Таджикистане проживают ленинабадцы, в Центральном — гармцы и кулябцы, в Юго-Западном — гиссарцы, то есть субэтнические группы таджиков. На Западном Памире живут бадахшанцы (памирские народности), а Восточный Памир в силу суровости природных условий практически незаселён. Единственными его обитателями являются кочевые киргизы-скотоводы. При сопоставлении

физико-географических областей и современного этнотерриториального деления коренного населения Республики Таджикистан видны их практически полное совпадение. Следовательно, рельеф в данном случае сыграл ведущую роль в формировании субэтнической мозаики таджикского населения (рис. 2).

Таджикский этнос по мере своего развития участвовал в разных этнических процессах: это и частичная ассимиляция тюркскими народами, и парциация с памирцами, и межэтническая интеграция в «советский народ». Однако таджики не утратили своей культуры, которая объединяет их в единый этнос и одновременно дифференцирует от других народов.

Согласно выводам О.М. Королькова, с точки зрения этнопсихологии таджики среди прочих обладают следующими качествами:

- приверженность традиционному образу жизни,
- осторожное отношение ко всему новому и «чужому»,
- стремление в полиэтнической среде скрывать свои истинные чувства и переживания,

Рис. 2. Картограмма физико-географических областей и современного этнотерриториального деления коренного населения Республики Таджикистан (составлено по [1])

— трепетное отношение к семье и родным местам [4].

Однако же существуют причины, толкающие представителей таджикского этноса на миграции из родной страны.

Современная политическая и экономическая обстановка в Республике Таджикистан

09.09.1991 г. Таджикистан официально вышел из состава СССР. От командной системы экономики страна начала переходить к рыночной. В то же время, социализм сменили демократические настроения [12].

В этот же период началось так называемое «исламское возрождение» или «исламский ренессанс» [10], заключающийся в том, что атеистические течения советского времени сменились исламизацией общества [10, 15]. Она проявляется в массовом строительстве мечетей, распространении религиозного образования, права, в легализации исламских политических партий. Спорным остаётся вопрос: является ли процесс исламского ренессанса самостоятельно развивающимся в регионе или же его направляют извне [10]. Большинство учёных сходится на том, что первопричиной этого явления стало желание заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после распада Союза (Пейруз С., Фатхи Х., Олимова С.).

«Возрождение» мусульманства явилось одной из черт усиления национальной идеи, характерной для всех постсоветских республик. Однако национальные идеи захватили не всё население страны, в результате чего началась гражданская война, унесшая жизни более 100 тысяч молодых юношей и сделавшая беженцами более 800 тысяч чел. [10, 12]. Особую роль в гражданской войне сыграл специфический для Таджикистана фактор клановости. На этнической карте Таджикистана выделяются пять регионов (рис. 2). Каждая этнотерриториальная группа традиционно занимала определённое место в экономике страны. «Ленинабадцы» доминировали в политике с 1937 г. «Кулябцы» с 1970-х гг. отвечали за силовые министерства. «Памирцы» занимали средние позиции в силовых ведомствах. «Каратегинцы» занимались торговлей и производством товаров народного потребления. «Гиссарцы» занимались сельским хозяйством. Существовала распространённая поговорка (бытует в различных вариациях): «Ленинабад правит, Куляб охраняет, Памир танцует, Каратегин торгует». Это традиционно сложившаяся региональная схема, особенности которой учитывались ещё советской властью. Считается, что в основе конфликта (1990 (1992) — 1997 гг.) лежала попытка пересмотреть традиционные роли различных клановых групп в жизни Таджикистана.

Консенсус был достигнут только в 1997 г. при участии России, Узбекистана, Киргизии и Казахстана. Война усилила упадок экономики, вызванный резким разрывом экономических связей с другими республиками бывшего СССР, особенно с Российской Федерацией [10].

Вследствие распада СССР и гражданской войны (1990 (1992) — 1997 гг.) Таджикистан до настоящего времени находится в глубоком экономическом кризисе. Спад производства наблюдается во всех отраслях хозяйства, а особенно в промышленности, поскольку она в наибольшей степени зависела от связей с другими республиками СССР [12].

Экономика Таджикистана импортоориентирована, поэтому очень зависит от внешних факторов. В то же время она остаётся закрытой, что приводит к развитию теневой экономики [13, 15], в частности — наркобизнеса. Перспективными направлениями развития экономики Республики Таджикистан являются энергетический комплекс (особенно гидроэнергетика, развитие которой связано с огромным потенциалом бурных горных рек), строительный комплекс, туристический комплекс (особенно альпинизм, бальнеологические курорты), агропромышленный комплекс (садоводство).

Однако Таджикистан является малопривлекательной страной для инвестиций, необходимых ей для экономического развития после распада СССР, вследствие общей неблагоприятной политической и экономической обстановки [12].

Аналитики выделяют 3 сценария будущего развития Таджикистана. По оптимистическому сценарию в стране будут построены ГЭС, разовьётся инфраструктура, что сделает Таджикистан транзитным государством с рыночной экономикой. Но это при условии стабилизации обстановки в соседнем Афганистане и при участии России вкуче с сотрудничеством внутри региона. Однако считают, что в этом случае Таджикистан неминуемо столкнётся с проблемами глобализации: исчезновением национальной культуры, вовлечением в трансграничную преступность.

По пессимистическому сценарию Республика превратится в прифронтовое государство [13, 15] с жёстким авторитарным режимом и массовой трудовой миграцией.

Последний сценарий считается наиболее реальным: Таджикистан по-прежнему будет развиваться хаотически. Экономика останется импортоориентированной, но будет развиваться. Из-за крепнущего авторитаризма будет усиливаться влияние радикальных исламских движений [15].

Демографическая ситуация в Республике Таджикистан

Таджикистан — единственная страна на постсоветском пространстве — задержался на раннем этапе демографического перехода [12]. По интенсивности прироста населения Таджикистан значительно опережает другие страны Центральной Азии.

Высокий естественный прирост, характерный для таджиков, приводит к постоянному увеличению их процентного состава в этнической структуре населения страны. Таким образом, если на период распада Советского Союза Таджикистан был поистине многонациональным государством, вскорости его можно будет причислять к странам с национальным меньшинством (уже на 2000 г. по переписи населения в Республике Таджикистан 78% составляют представители таджикского этноса) (рис. 3).

Таджикистан до приобретения своей независимости среди всех других республик бывшего Союза был самой бедной страной. После приобретения независимости (1991 г.) Республика столкнулась с большими проблемами, присущими переходному периоду, которые еще больше усугубились в результате политической нестабильности и гражданской войны (1992–1997 гг.).

По данным Государственного Комитета статистики Республики Таджикистан за 1989–2002 гг., прирост численности населения соста-

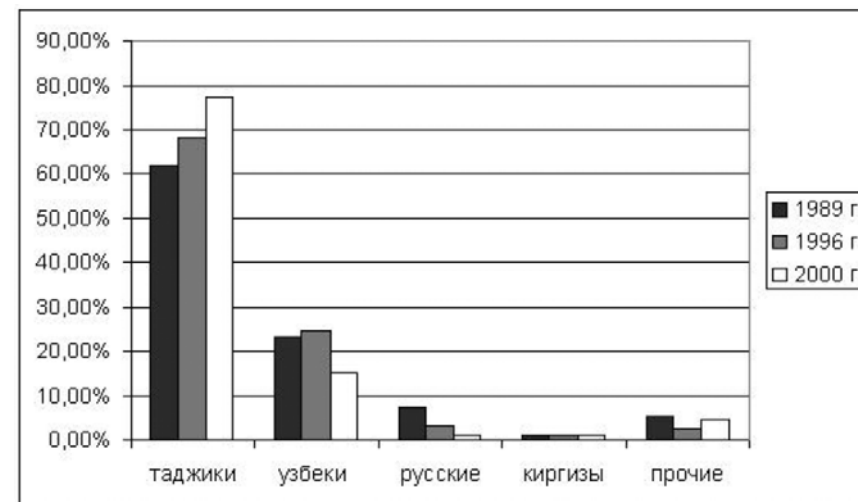

Рис. 3. Динамика изменения этнического состава Республики Таджикистан с 1989 по 2000 гг. (составлено по [15])

вил 21% [9]. Численность населения выросла с 5 млн. 500 тыс. до 6 млн. 250 тыс. чел. (7 млн. [15]). При динамичном социально-экономическом развитии преимущественный рост трудового потенциала является позитивным процессом. Но при этом производство ВВП на душу населения уменьшилось в 2,9 раза за этот период [9]. Особенно ярко эта тенденция проявилась в сельских районах. Хотя официальный уровень безработицы экономически активного населения в республике составляет 2,5% (2002 г.), уровень скрытой безработицы достиг 11,2% [9].

В связи с этим президент Республики Таджикистан Э. Рахмонов предложил программу государственной демографической политики на 2003–2015 гг. Цель программы — создание условий для последовательного решения проблем становления, рационального типа демографического развития и повышения качества жизни населения [13].

Миграции таджиков. Таджикская диаспора в России

Для Таджикистана характерен невысокий уровень миграции внутри страны, низкий уровень сельско-городской миграции, направленной исключительно в Душанбе. В то же время очень высок уровень внешней возвратной трудовой миграции. Эта тенденция прослеживается несмотря на повышение уровня жизни после гражданской войны, поскольку доходы населения всё равно остаются низкими, плюс «демографическое давление». Поэтому население выезжает на заработки за пределы страны [15].

В результате миграционных процессов в соседних с Таджикистаном странах образовалась таджикская диаспора. Необходимо отметить, что таджикская диаспора в других государствах существовала ещё до распада СССР. Так, таджики проживали на территории Узбекистана, Афганистана, Ирана, Казахстана, Киргизии, Пакистана [8]. Эти диаспоры были связаны с торговлей, войнами (беженцы) и, если брать приграничные с Таджикистаном государства Средней Азии уже в советский период, с проведением границ, не учитывавших этнического состава населения. Об этом подробно пишет Р.М. Масов в книге «Таджики: история с грифом «совершенно секретно».

На территории России таджики появились как диаспора после «колонизации» Средней Азии Российской Империей. Постепенно их численность в России росла, что показывает рис. 4.

По данным переписи населения 2002 г. численность этнических таджиков составляет 0,1% от населения РФ [16]. Поскольку перепись учитывает только зарегистрированных жителей России (прописка/временная регистрация), по её данным в Российской Федерации прожива-

ет 120,1 тыс. таджиков. Из них 115 тыс. владеют русским языком (95,8% от всех таджиков России). Большинство (103 тыс.) — городские жители [16]. Однако по неофициальным данным в нашей стране проживает около 500 тыс. таджиков, из них 200–250 тыс. — сезонные рабочие.

Исследователи считали, что в сезонных трудовых миграциях участвуют главным образом люди с низким уровнем образования и квалификации. Однако, мало востребованные на внутреннем рынке труда — 47% мигрантов имеют высшее и среднее специальное образование. Среди них — преподаватели, врачи, экономисты, юристы, инженеры, программисты. Видимо, неразвитость внутреннего рынка труда и низкий уровень заработной платы побуждают к сезонной миграции работников с различным уровнем образования и квалификационно-должностным статусом.

Примерно поровну представлены городские и сельские жители. И, хотя материальное положение семей характеризуется крайне низким уровнем денежных доходов у всех трудящихся мигрантов, в наиболее неблагоприятной ситуации находятся жители сельской местности. Такая разница объясняется повышенной «детской» нагрузкой сельских семей и меньшей, по сравнению с городом, долей занятых [3].

В России таджики проживают во всех субъектах Федерации (рис. 5).

Анализ рис. 5 показывает, что больше всего таджиков проживает в Москве — центре притяжения рабочей силы. Сразу бросается в глаза «дорожка» к Москве, проходящая через Воронежскую и Липецкую области. Её наличие объясняется тем, что именно через эти области с юга к Москве подходит автомобильная трасса, идущая от Воронежа

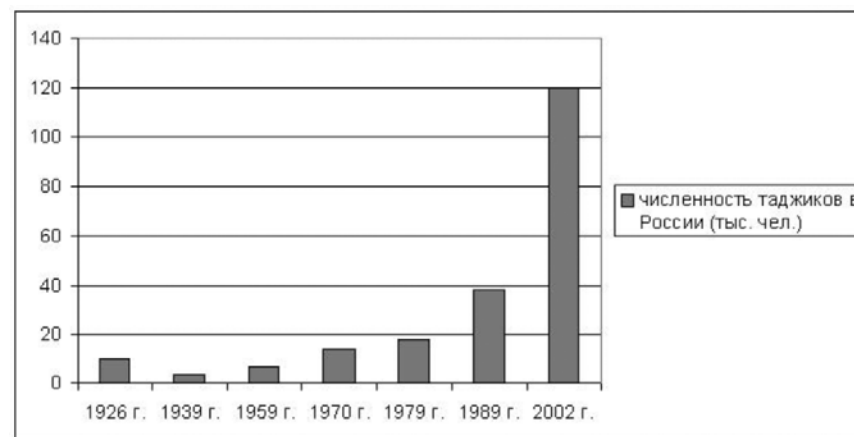

Рис. 4. Численность таджиков на территории России с 1926 по 2002 гг. (составлено по [3])

к Саратову, Самаре, а оттуда — к Челябинску. Челябинск является транспортным узлом, в котором пересекаются как автомобильные дороги, так и железные, в том числе, железная дорога, идущая в Казахстан и ведущая в Таджикистан.

Как ни странно, на втором месте по численности таджиков в России стоят Урал и Западная Сибирь, в частности Челябинская и Свердловская области, Ханты-мансийский автономный округ. Третье место занимает Восточная Сибирь, в частности Красноярский край. В среднем по России в регионах проживает от 100 до 500 таджиков.

За исключением Западной Сибири, по автономным округам проживает меньше всего таджиков. Также отмечается небольшое количество представителей этого этноса в таких республиках, как Ингушетия, Чечня, Калмыкия в Южном Федеральном округе, а также Тыва и Алтай в Сибирском федеральном округе. Из рисунка 5 видно, что в национально-территориальных образованиях вообще таджиков меньше, чем в административно-территориальных. Хотя и здесь есть исключения: Республики Татарстан и Башкирия, но в данном случае, по-видимому, главенствующую роль сыграл транспортный фактор.

Южные регионы России заселены таджиками больше, чем северные. У этой закономерности две причины. Во-первых, миграция таджиков в Россию идёт через южные регионы, поэтому здесь они

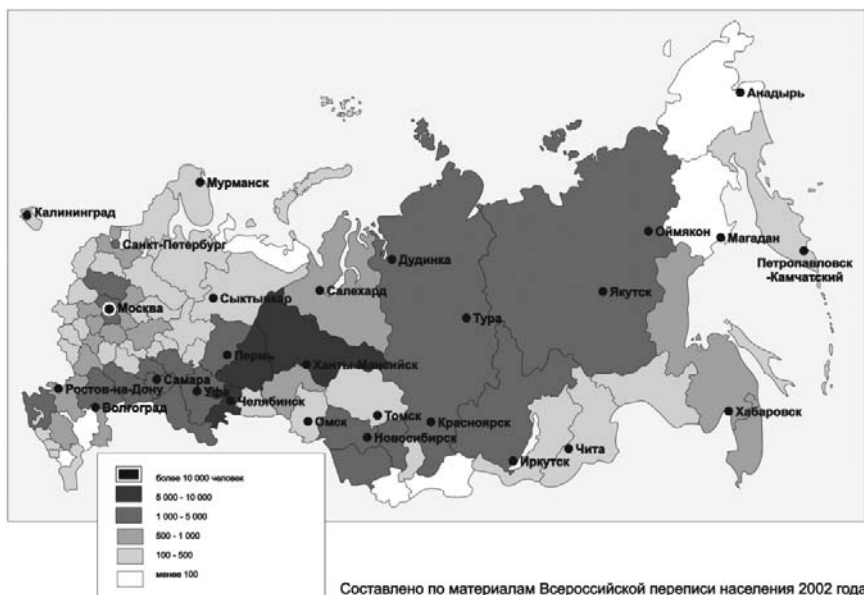

Рис. 5. Численность таджиков по субъектам РФ

и оседают. Во-вторых, к климатическим условиям южных регионов таджикам легче адаптироваться.

Что касается последствий трудовых миграций, дать им однозначную оценку довольно трудно. Для Таджикистана, поставляющего рабочую силу, последствиями трудовой миграции являются уменьшение безработицы (поскольку избыточные трудовые ресурсы выталкиваются в другую страну), появление дополнительного источника валютного дохода (поскольку мигранты заработанные деньги возвращают на родину) [6]. Если рассматривать миграцию как статью экспорта, то в экономике Таджикистана она занимает второе место после экспорта алюминия! [15] Но в то же время далеко не все трудовые мигранты возвращаются в свою страну, многие скрывают доходы от собственного государства.

Для России как принимающей страны положительными последствиями являются компенсация недостатка трудовых ресурсов, экономические выгоды, связанные с низкой притязательностью трудовых мигрантов по сравнению с гражданами РФ. «Российские работодатели охотно нанимают выходцев из Таджикистана, так как они менее требовательны к условиям труда и согласны работать за сравнительно скромную плату, во много раз превышающую заработки в Таджикистане, где средняя зарплата составляет, согласно данным Государственного комитета статистики Республики Таджикистан (2001 г.), 29 сомони в месяц (около 10 долларов США)» [3]. Привлекают такие качества этнических таджиков, как трудолюбие, рационализм, бескорыстие, отзывчивость на доброту и похвалу, беспрекословное подчинение воле старшего, стремление к высокой оценке себя со стороны представителей других национальностей, преклонение перед авторитетом, преклонение перед силой, властью и богатством, уравновешенность, хладнокровие и рассудительность, выносливость и умение адаптироваться к сложившимся обстоятельствам [4].

Одновременно проявляются и отрицательные последствия миграций [6]. По этому поводу можно привести цитату А. Махсумова, члена Координационного Совета ООД «Таджикские трудовые мигранты»: «Национальный вопрос в каждом государстве является наиболее актуальным, а проблема миграций — одна из его сторон» [13]. Мигранты фактически беззащитны перед злоупотреблениями работников административных структур и правоохранительных органов России. Они сталкиваются с жестокостью криминального мира и недоброжелательностью населения [3].

Для того чтобы нивелировать отрицательные последствия миграций, Россия, как и многие государства, проводит миграционную политику, которая заключается в установлении миграционных кордо-

нов (квот), репатриации избыточного числа мигрантов, а также во введении мер по улучшению адаптации мигрантов в новой для них среде (часто инокультурной) [6].

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 1–4, 6–9, 11, 13, 14, 15, 22–26, 29, 30.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Айрис-пресс, 2006. — 560 с.
3. Козина И.М., Карелина М.В., Металина Т.А. Трудовые практики иностранных рабочих в России // Социологические исследования. — 2005. — № 2. — С. 44–52.
4. Корольков О.М. Этнопсихологическая детерминация поведения таджиков в условиях конфликтного взаимодействия с другими людьми: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Гос. ун-т упр. — М., 2002. — 21 с.
5. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 176 с.
6. Максаковский В.П. Географическая картина мира: В 2 кн. Кн. 1: Общая характеристика мира. — М.: Дрофа, 2003. — С. 21–24, 129–132, 136–142.
7. Масов Р.М. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». — Душанбе: Центр издания культурного наследия, 1995. — 137 с.
8. Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. Госкомстат России. — М.: Госкомстат РФ, 1998. — 222 с.
9. Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 169–175.
10. Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Вып. 32 — М.: Наука, 2006. — 343 с.
11. Страны и народы. Советский Союз. Республики Закавказья. Республики Средней Азии. Казахстан. — М.: Мысль, 1984. — С. 238–278.
12. Экономическая и социальная география стран ближнего зарубежья: пособие для вузов / Под ред. М.П. Ратановой. — М.: Дрофа, 2004. — С. 441–467. (Гл. 12, Даньшин А.И.).
13. <http://centrasia.ru> (Центральная Азия).
14. <http://www.ctaj.elcat.kg> (Центральноазиатский толстый журнал).

15. <http://www.eastime.ru> (Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП)).
16. <http://www.perepis.2002.ru> (Всероссийская перепись населения 2002 года).

Нефедова Н.

Факторы межэтнического конфликта в Бельгии

О проблеме межэтнических отношений написано сравнительно много социологических, исторических и политологических исследований. Вместе с тем, географический аспект практически не нашел отражения в этих разработках. Проблема межэтнических отношений актуальна для многих регионов мира и связана с естественной пограничной этнической дисперсией. Современный исторический процесс развития цивилизации сопровождается взаимопроникновением культур и перемешиванием этносов, усиливаемыми тенденциями к глобализации, с одной стороны, и ростом коммуникационных возможностей, с другой. Эти процессы наблюдаются в первую очередь в развитых странах как следствие высокой иммиграционной привлекательности экономически состоятельных регионов. Однако, как показывает исследование, фактор экономической целесообразности не всегда приводит к торможению и затуханию межэтнических споров, возникающих между различными группами населения одной географической территории, но разных языковых, культурных, религиозных конфессий. Пассивность в урегулировании межэтнических споров нередко приводит к конфликтам даже в традиционно спокойных странах.

В связи с этим факторный анализ обусловленности межэтнических конфликтов важен как с научной, так и с практической точек зрения. Современные межэтнические конфликты возникают на различной почве — экономической, политической, экологической, культурной, бытовой. (В.А. Авксентьев. Этническая конфликтология — в поисках. Стр. 181). Но кроме участников и причин конфликта, совокупность которых составляет как бы его микросреду, важную, а иногда и решающую роль в его развитии играет и макросреда — конкретные исторические социально-психологические условия, в которых он разворачивается. Под факторами межэтнических конфликтов необходимо понимать все многообразие условий различного происхождения,

оказывающих воздействие на возникновение и динамику этнического конфликта. Конфликтогенные факторы обуславливают действия индивидов и групп на той или иной стадии конфликтного взаимодействия и вместе с тем помогают объяснить механизм генезиса конфликта, формы и проявления, а также тенденции развития.

В изучении конфликтогенных факторов межэтнических конфликтов уже проделана определенная работа. Акцентируя внимание на аспектах социально-экономической и этнополитической действительности, исследователи выделяют различные группы факторов, оценивают их роль в формировании конфликтогенной ситуации в регионе. Так, одни ученые источник конфликтогенности усматривают в историческом прошлом (К. Уир, К. Риттер, Ф. Ратцель), другие особое значение придают современным факторам. Третьи полагают, что конфликтогенная ситуация обусловлена уникальной комбинацией исторических, социально-экономических, этнических, демографических, психологических и иных факторов, находящихся в сложном взаимодействии (Р. Паддисон, В.А. Авксентьев, Л.И. Никовская и Е.И. Степанов). Ряд ученых, изучая конфликтогенные факторы, выделяют, с одной стороны, геополитические факторы, а с другой — социально-политические (Р. Дарендорф). Конфликтогенные факторы могут быть географического, экономического, социального, исторического характера и т.д. Каждый новый конфликтогенный фактор приводит к новой проблеме, которая может привести к конфликту.

В нынешних условиях весьма сложно провести четкое разделение указанных групп факторов, однако, вместе с тем длительное наблюдение за межэтническими конфликтами, их анализ позволяют выделить группы общих, постоянно действующих факторов. На основе анализа различных подходов можно предложить общегеографическую классификацию конфликтогенных факторов: *физико-географические, социально-экономические, политико-географические, культурно-исторические факторы*.

Данная статья посвящена актуальным проблемам изучения взаимосвязи факторов и межэтнических отношений на примере Бельгии с географической точки зрения. Чтобы понять всю сложность и запутанность межнациональных конфликтов, которые особенно остро проявились в политической жизни страны в 60–70-е годы, необходимо обратиться к истории. С географической точки зрения интересно, что Бельгия расположена на стыке народов, относящихся к западно-романской и германской языковым семьям. Предпосылками сегодняшнего культурно-языкового разграничения явились римские завоевания, локализовавшие германскую и романскую культуры в I в.

до н.э. В VI–IX вв. можно было говорить об окончательном формировании культурно-языковой границы между двумя цивилизациями. Следует отметить, что эта граница носила больше лингвистический, а не этнический характер. Позднее происходило формирование и развитие двух отдельных этнических групп. На широком историческом отрезке Бельгия никогда не выделялась по этническому и национальному принципу, а всего лишь передавалась по династическому и политическому наследованию. Тот факт, что оба этноса (романский и германский) никогда не имели независимого государства и постоянно находились под гнетом различных держав, лишь углубил взаимные претензии и усилил дифференциацию между ними. Это была переходная компромиссная территория между Германией и Францией. Как самостоятельное государство Бельгия оформилась в 1830 г. из земель, населенных двумя народами с различным этническим происхождением — валлонами и фламандцами.

На сегодняшний день это деление искусственно сохраняется в административной структуре: Фландрия, Валлония, регион Брюссель-столица. По данным на 1 января 2006 г. население Бельгии насчитывает 10,4 млн. чел. Во Фландрии проживает 6 008 402 чел., в Валлонии — 3 386 668 чел., в Брюссельском районе — 992 041.

Сложная этническая история и неоднородность состава населения породили в Бельгии с первых лет существования самостоятельного государства острые противоречия (позже перетекшие в конфликт) в отношениях между двумя основными этносами. Причины связаны, прежде всего, с неравноправным положением или фламандцев, или валлонов в различные периоды истории. Межэтнический конфликт в Бельгии — это результат взаимосвязанного воздействия причин как историко-культурного, так и экономико-географического характера. Этим определяется его межэтническая, этнолингвистическая, системная и политическая природа. Конфликт располагается на макроуровне, т.к. государство расколото на 2 части, а в 60–70-е гг. XX в. рассматривается как пример **сепаратизма**.

На основе составленной ранее географической классификации конфликтогенных факторов целесообразно рассмотреть отдельные группы факторов и выделить внутри этих групп наиболее существенные.

Физико-географические факторы межэтнического конфликта в Бельгии не играют ярко выраженной роли в отличие от других групп. Однако среди группы физико-географических факторов существенным является территориальный. Территориальный фактор представляет собой выгодность географического положения и рельефа для

тех или иных областей Бельгии и наличие на их территории природных ресурсов. Поскольку в Бельгии ресурсы ограничены, руководство страны должно решать, как распределять сырье, трудовые ресурсы и капитал между 3 основными частями страны. Относительно географического положения регионов страны следует отметить, что в целом, как Фландрия, так и Валлония расположены географически выгодно по отношению к соседним странам и транспортным коридорам. Однако Фландрский регион имеет большее преимущество, поскольку, в отличие от Валлонии, обладает прямым стратегически важным выходом к морю. Также на территории Фландрии находится столица и крупнейшие города страны, такие, как Антверпен, Гент, Брюгге и др. Валлония же, в свою очередь, является переходной зоной между Францией и Германией, что делает ее транспортные пути экономически важными в рамках Европейского союза. Природно-ресурсный потенциал Бельгии не велик, но он-то и явился первичным фактором дифференциации территории страны, усугубившим неравное экономическое положение двух основных частей страны.

К **социально-экономическим факторам** относятся экономические и социальные условия в стране и связанные с ними проблемы. Выгодное экономико- и политико-географическое положение, имеющиеся месторождения каменного угля, крупные запасы железной и цинковой руды способствовали быстрому темпу экономического развития этого региона в начале XIX в. Уже начиная с раннего Средневековья Бельгия была одной из «мастерских Европы», благодаря ремесленному делу и производству шерстяных и льняных тканей. На протяжении XVI в. возникли первые небольшие металлургические предприятия, а затем оружейные мастерские. Бельгия вступила на путь капиталистической индустриализации в начале XIX в. вслед за Англией и достигла промышленной зрелости ранее других континентальных стран Европы. В начале XX в. по своему экономическому развитию страна занимала одно из ведущих мест в Европе. Однако после Второй мировой войны экономическое развитие Бельгии замедлило свои темпы. Страна оказалась на одном из последних мест в Европе по темпам прироста промышленного производства. Промышленность Бельгии, в отличие от большинства других малых государств, стала специализироваться на выпуске полуфабрикатов. Но благодаря вступлению в 1957 г. в Европейское экономическое сообщество и притоку иностранного капитала экономический базис Бельгии был поддержан.

Ныне Бельгия считается высокоразвитой индустриальной страной с интенсивным сельским хозяйством. В начале XXI в. основой эко-

номики Бельгии является, прежде всего, промышленность, около 40% продукции которой экспортируется. В конце 1990-х гг. в промышленности было сконцентрировано около 28% занятых, и производился почти 31% ВВП. Основные отрасли промышленного производства представлены черной и цветной металлургией, машиностроением и химической промышленностью. Значительную роль играют стекольная, алмазогранильная и оружейная промышленности.

Стоит подчеркнуть, что первоначально Валлония являлась главным промышленным районом страны, что способствовало более высокому уровню жизни населения. После же Второй мировой войны социальная и экономическая ситуации среди провинций в корне изменились, и Фландрия, более отсталая часть страны, получила капиталовложения и стала новым промышленным районом. А Валлония, в свою очередь, преобразовалась в старопромышленный район, что послужило ее быстрому социально-экономическому отставанию и росту безработицы. На сегодняшний день экономические и социальные условия в стране более менее приравнены, однако Фландрия остается наиболее развитым регионом. Географическая основа этих процессов будет освещена ниже.

Бельгия является одной из наиболее густонаселенных стран мира, она относится «традиционно городским» странам мира. В городах, к которым относят населенные пункты, проживает около 70% всего населения. Главные экономические районы страны фактически полностью урбанизированы. Особенно населена центральная часть страны — долина Самбры и Мааса и полоса вдоль оси Антверпен — Брюссель — Шарлеруа, где концентрируется основная промышленная, торгово-транспортная жизнь страны и расположены крупнейшие города. Официально в стране насчитывается 5 больших (для Бельгии) агломераций: Брюссель, Антверпен, Льеж, Гент и Шарлеруа. В этих агломерациях проживает более четверти всего населения страны.

Политико-географические факторы являются одними из главных факторов данного конфликта, поскольку основными участниками конфликта являются политические партии, разделенные по этническому признаку. Их следует подразделять на геополитический фактор и социально-политические факторы. Бельгия является федерацией. Особенности федеративного устройства Бельгии заключаются в параллельном функционировании двух видов субъектов федерации — регионов и сообществ. Бельгия делится на три региона (Фландрию, Валлонию, Брюссель) и три культурных сообщества (французское, фламандское и германоязычное). До 1970-х гг. в стране действовали преимущественно общельгийские партии, круп-

нейшими из них были Социально-христианская, Бельгийская социалистическая и Партия свободы и прогресса, которые позднее раскололись на отдельные валлонские и фламандские партии. Среди геополитической группы факторов выделяется внешняя политика Бельгии. Будучи небольшой страной, сильно зависящей от внешней торговли, Бельгия всегда стремилась к заключению экономических соглашений с другими странами и решительно поддерживала европейскую интеграцию. Бельгия входит в состав Бенилюкса, Европейского союза (ЕС), Совета Европы, Западно-Европейского Союза (ЗЕС) и НАТО. Штаб-квартиры этих организаций находятся в Брюсселе. Бельгия является членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ООН. В связи с этим судьба страны находится не только в руках местного правительства и правящих партий, а также под юрисдикцией союзов и альянсов, в которые Бельгия входит. На сегодняшний день в значительной степени благодаря внешнему политическому влиянию Бельгия остается единой страной.

К **культурно-историческим факторам** относятся этно-конфессиональные, культурно-исторические и лингвистический факторы. Этно-конфессиональные факторы делятся соответственно на этнические и конфессиональные весьма условно. Проанализировав ситуацию в Бельгии с географической точки зрения, интересно, что здесь были сформированы два равнозначных этноса. Валлоны являются родственными французам народом, и их родной язык — литературный французский. Фламандцы же — этнос, родственник голландцам. От последних фламандцы стали отделяться в XVI в., когда среди голландцев распространялся протестантизм, а большинство фламандцев остались приверженцами католицизма.

Северную часть Фландрию с населением 6 млн. чел. (провинции Антверпен, Лимбург, Восточная и Западная Фландрии, фламандский Брабант) населяют фламандцы, говорящие на нидерландском (голландском) языке. Южную часть Валлонию с населением 3,4 млн. чел. (провинции Льеж, Эно, Намюр, Люксембург и валлонский Брабант) населяют валлоны, говорящие на языке, близком к французскому. В Брюссельском округе, в котором проживает около 1 млн. чел., произошло территориальное смешение фламандцев и валлонов. Небольшое число немцев (около 1%) живет на границе с Германией.

В Бельгии со времен провозглашения независимости проявляются две формы этнической идентификации и мобилизации — фламандская и валлонская. Этническая идентификация проявилась в создании фламандских и валлонских национальных партий и целого ряда обществ, являющихся главными участниками межэтнического кон-

фликта. Старейшим этническим движением является фламандское, которое ведет свое происхождение от движения за равноправие языка. Валлонская этническая мобилизация проявилась как реакция на процесс консолидации фламандцев. Что касается конфессионального фактора, то в Бельгии он не выражен, поскольку большинство верующих являются католиками — около 70% населения.

Лингвистический фактор связан, прежде всего, с тем, что после образования независимого государства фламандский и французский языки, хотя оба имели статус государственных, однако, французский преобладал в политической, экономической и культурной жизни страны примерно до 1962–1963 гг., когда фламандское движение добилось, чтобы нидерландский стал официальным языком во Фландрии, французский — в Валлонии. Здесь проявилась некоторая политическая пассивность администрации Бельгийского государства, которая привела к временному торможению конфликта.

Таким образом целесообразно рассмотреть **влияние конфликтотогенных факторов на различных этапах «жизненного цикла» конфликта в Бельгии**. Итак, ведущими факторами его возникновения были лингвистический, этнический и общественно-политический.

В 1830 г. бельгийское государство первоначально оформилось как унитарное: оба языка — фламандский и французский — имели статус государственных. Однако власти Бельгии (большей частью франкофоны) не взяли курс на разрешение зарождавшегося конфликта между двумя этническими группами. Государственным языком стал французский, тогда как фламандский был стеснен в своем развитии. Французский считался единственным подходящим языком для политики, экономики и науки; он же являлся и языком культуры. Экономической базой господства Валлонию было развитие тяжелой промышленности (черной металлургии и металлообрабатывающей) на основе обширных угольных запасов, расположенных в южной части страны (Южный Бассейн). Металлообрабатывающие заводы и предприятия черной металлургии строились поблизости от мест добычи угля, что способствовало быстрому темпу развития района и придавало ему решающее значение (район Шарлеруа, Монс, Льеж).

Во Фландрии же длительное промышленное отставание неблагоприятно сказывалось на положении фламандцев. Такое неравное положение Фландрии проявилось также в области языка и культуры. Под влиянием демократизации общества и повышения уровня образования все больше фламандцев начали связывать свое социально-экономическое отставание с неравноправным статусом своего языка. Ответом на это было возникновение в 1840-х гг. фла-

мандского движения, деятели которого ставили целью возрождение фламандской культуры, борьбу за равноправие фламандского языка, который в 1898 г. приобрел государственный статус.

Особо важную роль в развитии разногласий между валлонами и фламандцами сыграли два документа: постановление бельгийского Правительства от 16 ноября 1830 г., в котором говорилось о том, что «официальные бюллетени законов и актов Правительства будут издаваться на французском языке», и новая конституция, 23-я статья которой лишь закрепила эту тенденцию.

В конце XIX — начале XX в. стали проявляться в полной мере социально-экономические факторы. В 70–80-х гг. XIX в., ряд законов ввел во Фландрии двуязычие, что способствовало развитию родного языка и национальной культуры фламандцев. Однако во многих сферах реальной жизни равенства голландского языка с французским не было. В 1930 г. был достигнут так называемый «компромисс бельгийцев», в результате которого фламандский язык был уравнен в правах с французским. Но межнациональные конфликты не прекратились. Однако противоречия между валлонами и фламандцами полностью не были урегулированы, ибо во Фландрии, которая в XIX в. в экономическом развитии значительно отставала от индустриальной Валлонии, параллельно выдвигались требования решения ее социальных проблем, хотя главными требованиями оставались равенство языков и развитие национальной фламандской культуры.

Подобная неравномерность в социально-экономическом развитии и уровне жизни населения обеих частей страны привела к разногласию между национальными группами, размежеванию политических сил по национальному признаку, образованию националистических партий и группировок, расколу ряда партий на валлонское и фламандское крыло.

Собственно конфликт начался после Второй мировой войны, когда социально-экономическая ситуация в стране изменилась. С решением «фламандского вопроса», связанного с проблемой гармонизации взаимоотношений между фламандцами и валлонами, в Бельгии назрел «валлонский вопрос», главным фактором которого был экономический упадок Валлонии в послевоенные годы. Произошли существенные сдвиги в экономике страны. Валлония больше не являлась промышленной основой государства, ее угольные запасы постепенно истощились, и почти исчезла угольная промышленность. Таким образом, экономический центр переместился из южного района в северный, во Фландрию. Инвестиции в новые технологии и отрасли промышленности делались в основном во Фланд-

рии, вблизи главных портов (Северный Бассейн). Фламандская община стала мощной в экономическом и демографическом отношениях. Постепенно фламандцы начали руководить основными частными компаниями и государственным аппаратом за счет численного перевеса. Отставание в промышленности Валлонии от Фландрии составило 25% в 1967 г., а доля валлонов, равная 43% в 1880 г., сократилась до 33%.

На этом благоприятном фоне в защиту интересов валлонов активно выступило Валлонское движение, призывающее предоставить Валлонии полную внутреннюю автономию в рамках федеративного бельгийского государства и в 1961 г. преобразованное в Валлонское народное движение.

Пик развития конфликта приходился на 60–70-е гг. XX в., когда под одновременным воздействием всех факторов возникли первые попытки сепаратизма, как со стороны фламандского сообщества, так и валлонского, и требование франкоязычных брюссельцев превратить их город в самостоятельную полноправную область.

Правительственная коалиция христианской и социалистической партий в 1962 г. приняла решение о введении в Бельгии лингвистической границы, узаконившей главенство на Севере — фламандского, а на Юге — французского. Район Фурона — часть валлонской провинции Льеж — отошел к фламандской провинции Лимбург. А бывшая фламандская территория Мускрон вошла в валлонскую провинцию Эно. С тех пор в этих районах не раз возникали национальные конфликты, не утихают споры сторонников и противников их возвращения в прежние административные рамки.

Опыт Бельгии интересен своей динамикой урегулирования валлоно-фламандских отношений, поскольку политика решения данного конфликта имела место не в далекой истории, а в основном в 70–90-е гг. и осуществлялась в 5 этапов. За последние 4 десятилетия создавались различные по составу комиссии и рабочие группы: эта проблема обсуждалась в парламенте и в правительстве, она оставалась в центре внимания профсоюзов, движений и политических партий, была проведена большая работа в области экономических, политических и социальных преобразований. С 80-х гг. XX в. конфликт перешел в латентную форму, и в 1993 г. Бельгия была преобразована в федеративное государство с законным существованием 3 сообществ (фламандского, французского и германоязычного) и 4 лингвистических регионов (регион французского языка, регион нидерландского языка, регион немецкого языка и двуязычного региона Брюссель-столица). Однако в начале XXI в. межэтнические отношения

в Бельгии вновь перешли в открытый конфликт, в связи с политическим и экономическим кризисом в стране (политико-географические и социально-экономические факторы).

Районами наибольшей степени конфликтогенности в межобщинных отношениях являются приграничные районы Валлонии и Фландрии, там, где языковые территории соприкасаются, какое-то количество общин имеет смешанное в языковом отношении население. Это связано с тем, что отмечается наибольший контраст между областями в социально-экономическом, политическом и культурном развитии. Отдельным пунктом стоит Брюссель, где социально-экономический и политический уровень однороден, но из-за географического положения и территориального смешения валлонов и фламандцев встает вопрос о наибольшей привилегированности той или иной этнической группы. В столичный округ Брюсселя входит 19 коммун, принадлежащих трем лингвистическим сообществам Бельгии, около 80% из них — франкофоны, что, безусловно, сближает идейно-политический климат Брюсселя с Валлонией. Однако территориально он принадлежит Фландрии, и фламандские коммуны города тесно с ней связаны. Валлония и франкофоны Брюсселя выступают за наделение его равными правами с валлонским и фламандским регионами. Фламандские же политические круги считают, что самостоятельность Брюсселя не только сохранит его ориентацию на Валлонию, но и будет способствовать укреплению политических позиций франкоязычной общины против Фландрии и делают все, чтобы не допустить этого.

Проанализировав различные конфликтогенные факторы в Бельгии и их влияние на межэтнические отношения, можно прийти к заключению, что проблема межэтнических отношений в Бельгии является результатом действия всех групп географических факторов на том или ином этапе развития конфликта. Валлоно-фламандский конфликт с фламандской стороны был вызван факторами социально-экономического, политического и лингвистического порядка, т.к. до 1940-х гг. Валлония — наиболее развитая в культурном и социально-экономическом плане. После же Второй мировой войны отмечается появление валлонского вопроса, вызванного культурно-историческими, политико-географическими и социально-экономическими факторами, т.к. экономическая ось развития страны сместилась на север, и Фландрия стала наиболее развитой. Валлония же, в свою очередь, стала старопромышленным районом страны и потеряла свои позиции в политической жизни страны.

По-видимому, пассивную политику «компромиссов», урегулирования путем бесконечных уступок то одной, то другой доминирующей стороне конфликта, следует признать несостоятельной. А именно этот геополитический фактор способствует бесконечному затягиванию, удлинению «времени жизни» конфликта и его периодическим (если не сказать — регулярным) всплескам. Безусловно, такая политическая линия способствовала относительно «мирному» и быстрому торможению конфликта в его апогее, но в долгосрочной перспективе не привела к полному и окончательному снятию мировой и преимущественно этно-лингвистической проблемы.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	6
<i>Веденин Ю.А.</i> Пути развития особо охраняемых историко-культурных территорий	6
<i>Родоман Б.Б.</i> Местные особенности как ресурс развития регионов и стран	20
<i>Стрелецкий В.Н.</i> Культурно-географические факторы регионализации российского пространства	28
<i>Замятин Д.Н.</i> Локальные мифы: модерн и географическое воображение	52
<i>Калуцков В.Н.</i> О гуманитарных ресурсах регионального развития в связи с гуманизацией географии	98
<i>Левинтов А.Е.</i> Память как основание регионального сознания	108
<i>Крылов М.П.</i> Историческая память как фактор взаимодействия региональной и этнической идентичности: случай России и Украины (методологические замечания и некоторые результаты полевых исследований)	118
<i>Горкина Т.И.</i> Промышленные объекты как часть культурного ландшафта	132
<i>Денисенко Е.А.</i> Значение городов-метрополисов как центров социально-культурного развития: анализ на примере мирового кинематографа	144
<i>Макар С.В.</i> Лесной потенциал как объект природного и культурного наследия России и ее регионов	149

Подгрушный Г.П.

Индустриальное наследие Украины: особенности формирования и проблемы сохранения	159
--	-----

Глава 2. ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ	166
---	-----

Золотова О.А.

Природное и культурное наследие в образовательном пространстве Вологодской области	166
---	-----

Бондаренко Д.А.

Формирование образа территории с опорой на элементы природного и культурного наследия (на примере изучения «Географии Вологодской области»)	176
--	-----

Титова О.В.

Особенности историко-культурного каркаса Вытегорского района Вологодской области	178
---	-----

Калихман Т.П., Калихман А.Д.

Предпосылки создания объекта всемирного природно-культурного наследия «Саянский перекресток»	185
---	-----

Ростом Г.Р.

Липецкий регионализм и его социокультурная основа	209
--	-----

Махрова А.Г.

Городские и загородные усадьбы как сегмент рынка и объект культурного наследия (на примере Московской области)	218
---	-----

Рыбкина И.Д., Губарев М.С.

Естественно-природное и культурно-историческое наследие Северо-Западного Алтая: проблемы использования в региональном развитии	223
---	-----

Калихман Т.П.

Институциональные проблемы функционирования объекта всемирного природного наследия «Озеро Байкал»	230
--	-----

Логина Н.Н., Федотов Ю.Д.

Природное наследие в культурном ландшафте Республики Мордовия как основа туристско-рекреационной деятельности	245
--	-----

<i>Замятина Н.Ю.</i> «Гений места» как ресурс регионального развития: К.С. Петров-Водкин и «художественная» линия развития г. Хвалынска	255
Глава 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	266
<i>Лейзерович Е.Е.</i> Роль экономико-географического положения в формировании различий социально-экономической ситуации внутри субъектов РФ (на примере Тверской области)	266
<i>Фоломейкина Л.Н.</i> Инновационный потенциал как ресурс регионального развития	277
<i>Синцеров Л.М.</i> Революционные преобразования на транспорте и мировое хозяйство	294
<i>Семина М.А.</i> Транспорт как фактор регионального развития (на примере регионов депрессивного типа)	305
<i>Атаев З.А.</i> Территориальная организация локальной энергетики: Рыбновский район Рязанской области	327
<i>Атаева Н.А.</i> Естественно-природные ресурсы — резерв регионального развития	340
<i>Бородина Н.Д., Бородина Т.Л.</i> Как пересечь украинскую границу?	345
<i>Гриценко А.А.</i> Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области	355
<i>Бородина Т.Л., Волкова И.Н., Литвиненко Т.В.</i> Приграничное сотрудничество — региональный и локальный уровни (на примере Брянской области)	365
Глава 4. РОССИЯ И МИР	380
<i>Лопатников Д.Л., Плотникова О.А.</i> Россия на постиндустриальной карте мира	380

<i>Вардомский Л.Б.</i> Российское пространство в контексте глобального финансово-экономического кризиса	388
<i>Носова Е.В.</i> Внешнеторговая деятельность регионов Приволжья со странами Дальнего и Ближнего Зарубежья в 2007–2008-х гг.	410
<i>Аксенова Л.А.</i> Продовольственная ситуация в современном мире	420
<i>Пименова Р.А.</i> Страны Латинской Америки на пути к консолидации	431
<i>Дроздова Г.Г.</i> Природно-ресурсный потенциал Японии и его роль в развитии туризма	439
<i>Злоказова Н.Е.</i> Реакция стран МЕРКОСУР на мировой финансовый кризис: уроки для России	447
<i>Палилов Д.Е.</i> Технологические ресурсы России и мира: сравнительный обзор	456
Глава 5. РАССЕЛЕНИЕ, МИГРАЦИИ, КОНФЛИКТЫ	465
<i>Лухманов Д.Н., Епифанова А.А.</i> Изменение расселения в центральном Черноземье (основные тенденции конца XX — начала XXI в.)	465
<i>Багаева Н.Э.</i> Беженцы и вынужденные переселенцы в Северной Осетии: история и современность	479
<i>Анисимова Т.И.</i> Таджики и таджикская иммиграция в Россию	483
<i>Нефедова А.</i> Факторы межэтнического конфликта в Бельгии	497

Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия) / Под ред. С.С. Артоболевского, Ю.А. Веденина и Л.М. Синцера. — М.: Эслан, 2009. — 512 с.

Рецензенты:

Г.А. Приваловская, доктор географических наук

А.П. Горкин, доктор географических наук

Ответственный редактор сборника:

С.С. Артоболевский, доктор географических наук

Материалы подготовлены в авторской редакции.

Сдано в набор 21.12.2009. Подписано к печати 02.02.2010.

Формат 60x90/16. Объем 32,1 п.л. Тираж 300 экз.

Издательство Эслан, И.П. Матушкина И.И.

Отпечатано в ООО «Связь4Принт»